Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

КНИГА ТРЕТЬЯ
Май

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925

Редакция
номера закончена
4 мая

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

Стр.

1. Н. Бухарин. СУДЬБЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1
2. А. Луначарский. О СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ МЕТОДЕ В ТЕОРИИ И ИСТОРИИ МУЗЫКИ 11
3. Д. Биленкин. ДИАЛЕКТИКА И ЛЕНИНИЗМ 28
4. А. Лежнев. ПЛЕХАНОВ КАК ТЕОРЕТИК ИСКУССТВА. (Окончание.) 41
5. М. Рейснер. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И УЧЕНИЕ ФРЕЙДА. 54
6. Г. Лелевич. В. В. ВОРОВСКИЙ И ОЧЕРЕДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАРКСИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ 70
7. П. Коган. ПАРИЖСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ 82

8. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И РЕВОЛЮЦИИ.

8. Ц. Фридлянд. ДВА ДОКУМЕНТА 92
9. В. Стоклицкая-Терешкович. ГОРОД С ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. (Окончание.) 109

10—16. ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ и ЛИТЕРАТУРЫ.

10. А. Лежнев. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР 119
11. А. Гринберг. О ДЕТСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДЕТСКОМ ЧИТАТЕЛЕ 125
12. Федоров-Давыдов. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ . . 134
13. П. Марков. МОСКОВСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ 145
14. Е. Браудо. МУЗЫКА В МОСКВЕ 158
15. Г. Жидков. КРЕСТЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО 161
16. Ю. Спасский. НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ 170

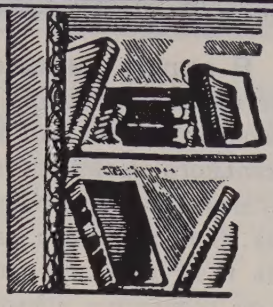
ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

I. Литература о Ленине и ленинизме. В. Невского, В. Адоратского, Г. Баммеля, В. Яроцкого, Ю. Вильдо, М. Павловича, Д. Биленкина. 177
II. Социализм и коммунизм. С. Кривцова, Б. Горева 191
III. Экономические науки и народное хозяйство. А. Кона, Ю. Спасского, Д. Кашинцева, А. Хавина, Г. Эльяшева, А. Бессера 195
IV. Рабочее и профессиональное движение. Д. Яхнина, В. Яроцкого, А. Мильштейна, А. Чекина 206

Стр.

V. История.
1) Всеобщая история. Ц. Фридлянда. 211
2) Русская история. М. Клевенского 213
3) История революционных движений в России. Б. Козьмина, М. Клевенского, П. Лепешинского, В. Невского, М. Брагинского, К. Злинченко, Р. Ковнатор, С. Пионтковского, В. Аболтина 215
4) История революционных движений на Западе. Е. Херсонской, А. Неусыхина 228
VI. История культуры. П. Преображенского, В. Костицына 231
VII. Философия и психология. В. Сарабьянова, И. Гроссмана-Рощина, И. Луппола 237
VIII. Народы и страны. А. Крубера, Б. Пурецкого, П. Китайгородского. 243
IX. Науки об обществе и государстве. П. Преображенского, П. Стучки, А. Пионтковского, Б. Розенблюма 248
X. Народное просвещение. Б. Плюснина, Н. Иорданского 255
XI. Вопросы текущей жизни. Н. Семашко 258
XII. Науки о природе. Э. Шпольского, проф. А. Тимирязева, М. Завадовского, М. Волова, С. Соболя, М. Гремяцкого, Л. Пустовалова, И. Кана 260
XIII. Теория и история литературы. П. Когана, Н. Кашина, Л. Войтоловского, Г. Винокура, А. Смирнова-Кутаческого, Н. Фатова . . . 267
XIV. Художественная литература.
1) Русская. А. Лежнева, Д. Горбова, Л. Березина, С. Алякринского, В. Ярцкого, Г. Лелевича, Федорова-Давыдова, В. Волькенштейна 275
2) Иностранная. Г. Сандомирского, И. Гливенко, Л. Войтоловского, В. Фриче, М. Эйхенгольца, И. Кубикова, А. Луначарской 284
XV. Искусства. Федорова-Давыдова, А. Греча, Л. Розенталя, Г. Жидкова, проф. С. Гилярова, В. Волькенштейна, С. Бугославского, Е. Браудо, Н. Лебедева 295
Письмо в редакцию Вяч. Полонского 305
Некрологи 306
Литературная хроника. 308
Список книг, полученных для отзыва. 320
30 иллюстраций в тексте.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



СУДЬБЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ [1]).

Н. И. Бухарин.

I.

По поводу речи А. В. Луначарского я могу сделать только одно замечание, имеющее вид некоторого расхождения, как и со многими товарищами нашего марксистского лагеря.

А. В. квалифицирует интеллигенцию, как мелкую буржуазию. Давая такое определение интеллигенции, он видит пред собою только российскую интеллигенцию. Если же мы возьмем не только российскую интеллигенцию, а также и западную, то увидим, как это определение недостаточно.

Прежде всего я должен сказать, что мелкая буржуазия есть постоянно распадающийся класс, который в ходе капиталистического развития исчезает. Между тем есть значительные слои интеллигенции, которые в ходе капиталистического развития не исчезают, но нарастают, которые хотя и являются продуктом прошлого, но вместе с тем продуктом специфически-капиталистическим, которые становятся все нужнее и которых квалифицировать таким образом нельзя. Вот, если вы возьмете последний американский ценз, то увидите, что из всех общественных группировок категория служащих, и в том числе высших, растет быстрее всех других. А если возьмете рост доходов, то увидите, что ни одна профессия не имеет такого повышения их, как инженерская. Следовательно, это общая картина. Я беру картину капитализма, который не потрясен, не дезорганизован, который стоит на всех четырех ногах. Тут надо искать основных тенденций капиталистического развития. Существует даже определенный термин, который не в марксистской литературе выдвинут и который имеет все права гражданства: интеллигенцию называют новым третьим сословием. Ее рост связывают с ростом крупного производства.

---

[1]) Настоящая статья представляет собою стенограмму речи, произнесенной тов. Н. И. Бухариным на диспуте о судьбах русской интеллигенции, происходившем 10 марта в Большом зале консерватории. Сборник, включающий в себе доклад и все речи, произнесенные на диспуте, находится в печати. *Ред.*

Я должен высказать еще одно соображение, которое имеет общетеоретическое значение. Нужно ясно видеть пред собою, что с ростом производительных сил мы имеем не только расширение всего поля материального производства, но с ростом производительных сил мы имеем абсолютное падение роста числа рабочих, занятых в сфере материального труда. В то же время мы имеем в деревне растущий процесс физического труда и труда духовного, т.-е. чем дальше идет процесс развития, тем больше создаются новые виды интеллектуального труда. Парадоксально выражаясь, можно сказать в известной степени, что максимум развития производительных сил совпадает с исчезновением физического труда. В капиталистическом обществе этот процесс совершенно явственно нам демонстрируется.

Это одно замечание, которое я считал уместным сделать, хотя это ни капли не нарушает нашего согласия с т. Луначарским в общем и целом.

Затем еще одно замечание. У нас очень часто в одну категорию относятся совершенно различные величины, которые между собою мало имеют общего. Так происходит и с понятием—мелкая буржуазия. Я приведу пример. Если берете попа или псаломщика, что̀ это такое? Совершенно ясно, что̀ с известной точки зрения это—составная часть интеллигенции, но, с другой стороны, совершенно ясно, что между попом, псаломщиком и инженером по социальному положению чрезвычайно большая разница.

Теперь я должен опереться на тот материал, который дал т. Сакулин. Я тоже говорю: давайте говорить на-чистоту. Вы призывали к искренности.

Я должен сделать первое основное замечание. П. Н. Сакулин в своей речи призывает нас итти не вперед, а назад, как это ни странно. Он выдвинул основное положение такое. Конечно, для представителей власти, господствующей партии, можно дозволить такую роскошь, как политический подход, но если рассуждать по чести, то это в лучшем случае однобокость. Что̀ тут правильно и что̀ неправильно? Правильно то, что нельзя подходить к биологу и все время говорить насчет советской системы. Это было бы глупо. Правильно то, что если мы хотим провести какую-нибудь точку зрения свою собственную или хотим указать метод воздействия, то надо вообще входить в сферу их работы. Если я выступаю на съезде инженеров, то говорю по-одному, на съезде водников—по-другому, в среде крестьян по-особому. Конечно, говорю по-разному не с той точки зрения, что я должен изменять свою политическую линию, но я должен в целях психологического воздействия, в целях смычки учитывать ту обстановку, в которой выступаю. Если я ставлю задачу борьбы, то я должен быть в курсе дела, не барабаня, а действительно понимая все политические и идеологические зацепки. Но дальше следует «но», которое вырастает из маленького в громадное и которое покрывает все.

Когда вы говорите, что нужно подходить к культурному работнику с точки зрения культуры и что особенно не хорошо подходить с полити-

ческой точки зрения, то тут есть попытка тащить нас назад с завоеванных позиций. Нам надо приучиться изгонять положения, которые к делу не идут, хотя сами по себе благородны. Можно сказать о целом ряде лиц, что они благородны, серебряных ложек не крадут, цветут розы, они их не сорвут, но, тем не менее, с точки зрения объективного хода событий эта добродетель обретается в «нетях». Говоряг, что и Столыпин был хороший семьянин, честный человек. Разве трагедия интеллигенции заключалась в том, что это были мошенники или жулики, которые старались вредить народу? Ни капли. Тогда никакой трагедии не было бы. Мы отлично знаем и прямо говорим, что в первое время Октябрьской революции к нам пошла худшая часть интеллигенции или самая квалифицированная вроде Тимирязева, который размахом своей мысли являлся белой вороной. Таких белых ворон было раз-два, и обчелся. Большинство честной интеллигенции было против нас. Почему? Потому, что она разделяла те взгляды, которые у глубокоуважаемого П. Н. сидят еще и сейчас.

П. Н. Сакулин заявил, что о саботаже мы потом поговорим, историю писать еще рано. Он говорит: с чего вы начали? Вы посягнули на свободу научного исследования. Но разве при царизме была свобода науки? Даже при Керенском, я спрошу вас, сколько было большевистских профессоров? Что вы считали свободой исследования? Вы считали свободой исследования в рамках тех понятий и систем, социологическое построение которых было терпимо для господствующего режима. В этих рамках была полная свобода. Но представьте, мы допускаем свободу исследований в рамках нашего режима. С этой точки зрения у нас такие же рамки. Почему же вы то считает свободой, а это нет? А учительница добродетельная! Вы говорите затем о добродетельной учительнице, которая голодала. С известной точки зрения это определяет ее квалификацию, но это к делу имеет мало отношения. В лучшем случае она боролась с царским режимом, но не выходила из круга тех понятий частной собственности, которые существовали. Почему, когда пролетариат посягнул на частную собственность, она не пошла с ним? Потому, что она отражала идеологию среды. В этом-то и заключалась трагедия, что люди не понимали всего исторического захвата событий. Как представляли себе все эти сливки и не-сливки, которые боролись против нас, положение дела? Они представляли так, что культура накапливалась веками. Россия была великое государство, которое худо ли, хорошо ли вело народ за собою, создавало великие ценности, хотя и под царистским покрывалом, и что вместо этого роста великой стране стала грозить опасность обратиться в ничто. Матрос или проститутка стали являться в храмы науки. Поэтому надо бороться против большевиков. Субъективно честны были эти люди. Я повторяю, что наши противники, которые боролись против нас и хотели положить жизнь свою в борьбе с нами, были честные люди. Но разве дело в оценке их субъективной честности? Утверждать так значит тащить нас назад. Они быть могут сколько-угодно объективно честными, но эта объективная честность заключалась в том, что они являлись бревном, препятствием на пути развития по той простой причине, что не понимали всего

исторического масштаба происходивших событий. В голодные годы, когда так называемый привилегированный рабочий класс питался одной картошкой, когда дело доходило до людоедства, когда самый внешний вид городов представлял картину умирающего человеческого общества, когда жутко было выйти за пределы города,—нужно было громадное проникновение в грядущее, чтобы увидеть колоссальный подъем масс, который приведет к новому порядку. И вот все эти добродетельные учительницы и профессора, и сливки, и просто снятое молоко не в состоянии были охватить этого процесса. Повторяю еще раз, что они были субъективно честными людьми, и чем более они были честны, тем более их толкало на борьбу с нами. В этом заключалась трагедия. Этот опыт надо переварить, уяснить и сделать соответствующие выводы.

В связи с этим стоит другой вопрос, который П. Н. поднял. Мы, — говорит П. Н., — политикой не занимались, мы были культурными работниками. Разве это не добродетель? Нет, это плохо, что вы политикой не занимались. Дело вовсе не в том, чтобы быть спецем от политики, а дело в том, чтобы свободно понимать любой культурный процесс. Вы строите здание таким образом, что культурный ряд является независимым от политики. Таких не бывает. Если бы вы доказали, что бывают концепции, которые лежат вне определенного режима, вне классовой структуры, это было бы другое дело. Но таких концепций нет, и с попытками доказать это мы как раз и боремся.

П. Н. Сакулин говорит нам, что мы считаем своим долгом проповедывать определенные взгляды, мы хотим, чтобы была гегемония марксизма. А я спрашиваю, из-за чего же мы стараемся внедряться в одну область за другой, пока не захватим их? Потому что это есть величайшее орудие в наших руках, которое позволяет нам строить то, что мы желаем. Почему царское правительство терпело всякие ценности, но совершенно не выносило марксистских? Не потому ли, что они являлись наилучшим фугасом против старого порядка? Какой-нибудь деревенской учительнице, которая кроме старых ботинок и книг Ушинского ничего не видела, простительно говорить, что она занималась только культурной работой, но когда заслуженный профессор говорит, что мы не при чем, мы от политики стояли далеко, позвольте свободу преподавания против марксизма, то это никак не выходит, потому что это не продумано. Свобода преподавания—это, можно сказать, есть определенный софизм, потому что речь идет не об отдельных положениях, не об отдельных фактах. Когда речь идет о выработке мировоззрения, мы натыкаемся на то, что эта система является определенным инструментом, который не только вырастает на определенной базе, но служит средством борьбы. Я имею ту привилегию или недостаток, что сам выхожу из интеллигенции и прекрасно знаю ее. Первое, что я услышал в 17 году от старых своих учителей, которые даже божьей коровки не обидят: «Да вы, — говорили они, — пожалуй, немецкий шпион». А когда дело дошло до разгона учредительного собрания, то все люди не нашего лагеря кричали нам: «убийцы, палачи!». Все они милые люди, прекраснодушные интеллигенты, за народ готовы отдать

все, только не понимающие, что такое народ, говорят и думают, возвращаясь к старым российским понятиям, становясь на точку зрения добродетельной милой учительницы. А мы говорим, что мы руководства из своих рук не можем выпускать, на что мы имеем историческое право, и то, что нам вменяется в вину, это есть с точки зрения коммунистической величайшая добродетель. Если бы мы вам вручили судьбы России, что бы вышло? Вы бы так одной мертвой лошади испугались, что в панике бросились бы бежать. Когда надо было шагать через трупы, то, извините, для этого надо было иметь не только закаленные нервы, но для этого надо было иметь основанное на марксистском сознании знание тех путей, которые нам история отвела, а вы хотите нас повернуть назад.

В одной из записок был затронут такой вопрос, да отчасти о нем говорил и П. Н., что Маркс тоже вышел из интеллигенции. Выходит, что Маркс потому перешел на сторону рабочего класса, что вышел из интеллигенции. Но перешел-то он именно потому, что был Маркс, а не кто иной. Маркс был исключением из интеллигенции. Это был исключительно гениальный человек. Исключительная даровитость людей заключается в широте их умственного интеллекта. Фридрих Энгельс был из фабрикантской среды, но он выскочил из нее, потому что он был исключительный человек. В этой идеологической стычке, которая происходит здесь, различный подход к классовому делу. Вся речь П. Н. была пропитана с начала и до конца фетишистскими понятиями и старой фразеологией. Я извиняюсь, но я органически не могу переваривать эту фразеологию. «Народ», «мы желаем служить народу». Это все шелуха. Когда вы говорите о народе, я скажу, что вы подразумеваете под народом, когда вы говорите о благе, то я скажу, что вы подразумеваете под благом, когда вы говорите о свободе, то я спрошу, требуете ли вы свободу и для черносотенцев? (Аплодисменты.) Я говорю, что все эти категории и все эти словесные значки есть шелуха. Я считаю, что нашей обязанностью является действовать убеждением на всех, в том числе и на т. Сакулина, чтобы он скорее простился со старой идеологией. Мы любую вещь оцениваем с точки зрения ее реальной пользы, с точки зрения великого общественного целого. Если говорить относительно идеалов, то у нас есть, что противопоставить противникам, и несмотря на то, что многое не сделано, мы достигли того, что дай бог сделать другим. Но должен здесь сказать, что не подлежит никакому сомнению большая роль интеллигенции, которую она сыграла в нашей работе. В буржуазном обществе интеллигенты играли и играют крупную роль. Такие крупнейшие организаторы, как Стиннес были большие люди, но дело в том, что у них все делается на буржуазной основе. Буржуазная интеллигенция есть вождь своего общества, но разница между ними и нами заключается в том, что у них водимые никогда не могут подняться до водителей, как класс, как целое, а у нас могут, к этому мы и стремимся.

Если вы хотите сравнивать один режим с другим, если вы хотите понять динамику режима, если хотите понять ценность этого режима с точки зрения, скажем, социализма, то критерий должен заключаться

в том, насколько данный общественный порядок представляет широту для подбора действительно настоящих людей, которые двигают все общество вперед. С этой точки зрения я утверждаю, мы, полунищие, как никто, расширили это селекционное поле подбора во всех решительно областях, мы этот фундамент заложили. Как известно, мелиорация принесет свои результаты только через известное число лет, а не сразу. Кто поднял огромные национальные пласты, кто многоцветность этих новых культур вызвал к жизни,—кто может утверждать, что что-либо подобное могла сделать какая-нибудь другая партия, кроме коммунистической? Нам приходится сталкиваться с узбеками, туркменами, и приходится удивляться, как за несколько лет такие слои подросли, которые будут скоро чудеса творить. Колоссален размах этой борьбы! А как мы подняли мужиков и рабочих! Нам приходится после целого ряда тяжелых дней спрашивать, не сон ли это? Потому что мы видим новых людей, которые правят на новых основах. Когда я прихожу в эту среду и сравниваю ее с гиблой старой культурой, то получается впечатление несравнимых величин, потому что здесь идет широкая волна, а там идут маленькие лодочки, которые желают плакаться. При сравнении у нас получается размах гигантский! Мы последнюю кухарку поднимаем до уровня государственных задач. Мы приглашаем всех людей подняться на этот уровень политического развития, который В. Ильич находил необходимым для кухарки. В. Ильич говорил, что через несколько лет мы будем вести за собою Азию. Сейчас вся буржуазная печать говорит, что мы уже ведем ее за собой, что у нас существует союз с Азией. Этого еще нет, но это будет! Мы приглашаем вас подумать об этих гигантских всемирных масштабах. Сойдите, пожалуйста, с идеологической позиции, которая восхваляет невежество сельской учительницы, и не призывайте нас к этому невежеству, а идите вперед по указанному нами пути.

Вы говорите, что сейчас не найдется ни одного человека, который сказал бы, что идет против нас; даже при тайном голосовании мы, пожалуй, собрали бы большинство; поэтому, заключаете вы, давайте свободу творчества. Но я должен сказать определенно, что у нас во всем нашем порядке вещей основная точка зрения заключается в правильном руководстве. Мы никогда не можем стать на такую позицию, что пускай все совершается само собой, — кто в бога верует, пусть верует. Это не есть руководство страной. У нас еще нет коммунистического общества, а если нет коммунистического общества, то на нас лежит обязанность заботиться о судьбах страны. Мы не желаем спуститься на сменовеховских тормозах. Надо всем усвоить, что те идеологи, которые думают, что коммунизм уступит, ошибаются. Никогда мы на это не пойдем! Мы от своих коммунистических целей не откажемся! Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике. Я говорю, что если мы поставили себе задачу итти к коммунизму, мы должны этой задачей пропитать все решительно. Тов. Сакулин говорит, что мы должны воспитывать культурных людей. Верно. Но не просто

культурных, а таких культурных, которые работали бы на коммунизм. Скажите, есть режим, который не ставил бы этой задачи? Где вы найдете учебное заведение высшее, среднее и низшее, которое не вырабатывало бы определенного кадрового состава? Таких стран и таких учебных заведений нет. Разница заключается только в том, что мы других людей вырабатываем для того, чтобы устроить другой порядок. Мы рассуждаем, как строители, как архитектора, а не как люди, которые говорят, что не надо заниматься политикой.

Когда П. Н. говорил, что сама учащаяся молодежь разберется, то это в политике называется хвостизмом. Профессора обычно жалуются, что мальчишки сейчас указывают профессору, что нужно делать, а сегодня нам говорят, что молодежь сама разберется, сама поймет. А руководство идеологическое! Пускай Пушкин будет этим заниматься, тем более, что он умер и это не опасно.

Вопрос заключается только в том, какие социально-педагогические методы мы должны употреблять, чтобы обеспечить свободу творчества, чтобы обеспечить развитие общества, а, с другой стороны, чтобы не получилось отсутствия свободы мысли. Это две опасности. С одной стороны, опасность догматизации, где написаны готовые тезисы, а остальное, будто бы, само приложится. Против этого надо бороться. Но когда говорят, что надо дать свободу творчества, то сейчас у нас возникает вопрос о свободе проповедывать монархизм, или в области биологии свободу проводить витализм, или в области философии свободу идеалистам кантианского пошиба с субстанцией. При такой свободе из наших ВУЗ'ов выходили бы культурные работники, которые могли бы работать и в Праге, и в Москве. А мы желаем иметь таких работников, которые могут работать только в Москве. Опять мы наталкиваемся на разницу в подходе. Мы подходим к этому вопросу, повторяю еще раз, как строители, а не как идеологи, у которых только фраза, а нет реального содержания.

Я резко вколачивал гвозди, но думаю, что П. Н. не обидится, потому что он сам первый призывал к откровенности. Мы хотели искренно действовать убеждением. Пора бросить нейтральную по отношению к политике точку зрения. Нет такой! Все поиски ее означают какое-то болото, которое на деле может быть чрезвычайно вредным. На эту точку зрения должна стать интеллигенция, и тогда мы получим великолепную базу. Спросите, почему рабочие делают так много предложений, направленных к улучшению производства, почему у них так развита общественность советская. Потому, что не за страх, а за совесть верят в историческую возможность начатого дела. А вот этой веры у интеллигенции нет. Луначарский верно говорит, что есть разные интеллигентские прослойки, но таких интеллигентов, которые до конца с нами шли бы, таких еще очень мало, а мы всегда их зовем и будем это делать, потому что мы считаем, что идеалы у нас всечеловеческие и всемирные. Если рассуждать с точки зрения исторических идеалов, то все то, о чем нам говорят, есть дохлая собака по сравнению с теми мерами, которые мы провели. У нас огромный размах борьбы, и то, что мы сделали, показывает, какой это

размах. Мы не любим, как старые интеллигенты, и не говорим, что мы желали принести жертву и пострадать, мы прямо говорим, что желаем жить, меньше страдать, черпать свои силы в борьбе и видеть ту картину, когда забитые и угнетенные выйдут из-под гнета и начнут строить новую жизнь. Вот с этой точки зрения мы говорим, что нам не нужны общие слова о красоте, а нужна работа и обсуждение каждого вопроса деловым образом; надо дать возможность всем делать то, что можно. Поймите, мы имеем историческую ответственность не более, не менее, как за судьбы всего человечества, как зачинатели, но мы не производим экспериментов, мы не вивисекторы, которые ради опыта ножиком режут живой организм, мы сознаем свою историческую ответственность, и именно поэтому мы каждую точку зрения обсуждаем. Вы ссылались на крестьянина, что он может делать, что хочет. Это не так. Мы подходим и к крестьянину только с точки зрения политической целесообразности, с точки зрения вовлечения в практическую работу. Наша задача заключается вовсе не в том, чтобы сказать, что размахнись рука, раззудись плечо, а в том, чтобы всякая единица была использована по тому руслу, которое нужно. Этого мы будем добиваться, это мы будем решать.

Вот почему, товарищи, заканчиваю я свое выступление следующими соображениями. Русская интеллигенция, — отчасти интеллигенции других народов, других национальностей, живущих на территории нашего Союза, — пережила величайшую трагедию. К несчастью, она считает во всем виноватыми большевиков. Сейчас же важнейшая проблема заключается в том, как координировать наши силы. Но идеология известной части нашей интеллигенции является препятствием в этой правильной координации. Особенно плох фетишизм, оперирование словами, которые не имеют содержания. Разбить эти понятия, когда люди привыкли жить в определенных рамках, боятся из них выйти, трудно, они не поймут этого до самой глубины, а чтобы хорошо работать, нужно понимать до конца. Мы говорим, обращаясь ко всем работникам интеллигентского труда, ко всем тем, кто имеет знания, что надо работать дружно. Надо повернуть только в определенную сторону. Наша партия никогда не сможет выпустить руля из своих рук и стать на точку зрения другой идеологии. Мы располагаем колеса, как нужно социализму, мы будем действовать во всех областях под давлением той твердой идеологии, которая есть у нас в руках, и от этой идеологии никогда не откажемся. Конечно, тут могут быть разные пропорции. Ленин сказал, что мы введем всеобщее избирательное право. Мы это избирательное право, П. Н., введем, но тогда, когда всеобщее избирательное право никем не сможет быть повернуто против нас. Что вообще большинство населения не против нас, это мы знаем. Мы так захватили позиции, что никто не сможет повернуть против нас. Точно так же и в идеологической области. Когда мы захватываем область естественных наук, мы линию свою поддерживаем, как диктуется интересами пролетарского социализма. Мы тогда сделаем эту диверсию, когда скажет нам политический разум, а разум скажет верно. Я знаю, что в интеллигентских прослойках нарастает интерес к мар-

ксизму. Пускай он нарастает дальше. Здесь можно колоссальную работу провести. Для того, чтобы итти по этой столбовой дороге, не нужно тащить нас с идеологических путей назад. Нужно преодолевать все больше и больше анти-марксистские воззрения, нужно с полной уверенностью уничтожать навыки старой мысли, нужно становиться под знамя марксизма. Это знамя проверено во многих революциях. В области нашей революции мы победили. Почему те, кто не считал себя марксистами, оказались пораженными нами? Потому, что мы оказались способными предвидеть, заниматься политикой и правильно лавировать, потому что мы были настоящими марксистами.

Поэтому, заканчивая свою речь, я призываю вас итти под знамена рабочей диктатуры и марксистской идеологии. (Бурные аплодисменты.)

II.

Товарищи, я должен сказать, что никто, мне кажется, не был бы более рад, чем мы, коммунисты, если бы разногласия между нами и такими представителями интеллигенции, как Сакулин, уменьшились и были бы сведены к минимуму. Поэтому мне надо приветствовать выступление П. Н., что я не так его понял. Я продолжаю настаивать на том, что я отметил правильно с нашей точки зрения некоторые пункты. Тов. Сакулин отметил, что Луначарский и Бухарин подходили с политической точки зрения, а вопрос идет о таких работниках, как культурники. Я возражал, что мыслящий культурник не может стоять вне политики. Теоретическое разграничение этого и отрыв неправилен, а практически он приводит к такого рода идеологии, которая превращает ее в самостоятельную субстанцию. Я получил интеллигентскую записку, что нельзя связывать науку и искусство с политикой. Что это показывает? Это показывает, как определенные социальные симпатии налипают на определенные слои. Если т. Сакулин в тонкой формулировке коснулся этого вопроса, то сейчас нам преподнесли его грубее.

Второе — вопрос об условиях умственной работы интеллигенции, что это есть работа мозговая. Это совершенно правильно. Но вопрос заключается в том, когда мы говорим об условиях этой работы, должны ли мы намечать известные рамки, и если должны, то где их граница! Приведу пример. Недавно вышел за границей сборник, посвященный юбилею Струве, бывшего социал-демократа, теперь кадета, — вы прочтите, что там сказано. Так помещены статьи Сергея Булгакова, Бердяева, Лосского. Там проблемы все подогнаны под одну тему. Я спрашивал, должны мы такую науку допускать? Должен сказать: как в искусстве вы можете любую область так разработать и под таким соусом подать и такие нюансы, такие тональности развести, что гамма получится эстетически стройной, но общий исход — гнилье, точно так же в пределах научного творчества вы можете божественный вопрос разработать чрезвычайно здорово. Сергей Булгаков написал книгу: «Философия хозяйства». В этой «Философии хозяйства» предполагается, что свойства мира есть

греховная корка метафизического мира, который ведет свое начало от Адама и Евы. У Бердяева написано, что евхаристия есть самое правильное питание. Факты это или нет? В своем роде это разработано или нет? Я повторяю, такого рода систему можно философски обосновать. Тот же Булгаков говорит, что можно подходить к вопросу с любой точки зрения. Бердяев и подходит с евхаристического конца. Что же? Сказать—вольному воля,—и смотреть на это затемнение мозгов?

Теперь вопрос о тренировке и штампе. Когда я говорил о фабрике, то я думал не то, П. Н. Я, разумеется, говорил—фабрика метафорическая. Насчет штампа я сказал, что две опасности существует: одна из того проистекает, что может создаться чуждая идеология, а вторая, что мы можем мысль сжимать. Разве ошибка была в этой формуле? Нужно избегать этих двух опасностей, нужно вести твердо свою линию, допуская такой размах, который обеспечил бы руководство и вместе с тем сохранил бы движение мысли. Это все нормы, с которыми нужно согласиться. П. Н. против этого не возразил.

Характерно, как он думает насчет учредительного собрания. Он говорил, что самое хорошее для него всеобщее избирательное право или учредительное собрание. Но коммунизм есть всеобщая любовь, но если бы мы сейчас стали говорить: «братья, давайте обнимем друг друга и прекратим борьбу», то мы никогда не организовали бы партию и не удержали бы власти. Если мы сейчас будем проповедывать всеобщую любовь, то никогда ее не дождемся. То же самое относительно свободы. Одна дама мне пишет: «господин Бухарин, вы очень не любите слово «свобода», а, впрочем, это и понятно». Ничего не понятно. Разная свобода бывает.

П. Н. говорит: зачем вспоминать о старом режиме. Я с этим не согласен. Вспоминать надо. Мы прибегаем к целому ряду старых методов. Армия была и теперь есть Красная армия; тюрьмы были и есть, государственные учреждения есть, система принуждения есть, террористический режим есть — только направленный на другие цели. А вы говорите: зачем вспоминать о старом? Мы только перевернули понятие «свобода». Раньше была свобода для помещиков и капиталистов, а мы сделали для рабочих и крестьян. Вы говорите, что в университетах были профессора марксисты. В Московском университете, где я учился, если и был, то только один такой тип, как Виппер.

В заключение должен сказать следующее. Быть может, в первом своем выступлении я сильно направил острие полемики против П. Н. Сакулина, но он сам призывал, чтобы мы объяснились на-чистоту. Должен сказать, что я счел бы своим партийным долгом выступить против всякого, который говорил бы, что все прекрасно.

Призываю вас скорее и дружно бороться за будущее, которое мы завоюем своей борьбой. (Аплодисменты.)

О СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ МЕТОДЕ В ТЕОРИИ И ИСТОРИИ МУЗЫКИ.

А. Луначарский.

I.

Социологический метод в истории искусства, конечно, имеет огромное будущее, он начинает иметь и свое настоящее.

Мы можем ожидать в ближайшее время расцвета этой отрасли знания потому, *во-первых*, что внутренний рост марксизма подводит пролетарскую научную мысль к вопросам искусства.

Мы имеем в прошлом несколько блестящих отдельных этюдов по искусству с марксистской точки зрения. Лучшие из них принадлежат Плеханову. В последнее время сделаны попытки собрать мнения марксистов об искусстве в целостную хрестоматию. Первая попытка сделана в России и довольно удачно.

Надо вообще отметить, что в последнее время марксистская мысль, именно в России, развертывается довольно мощно в области теории. Мы можем не без гордости указать на некоторые отдельные труды, в особенности на высокую содержательность таких журналов, как «Вестник коммунистической академии», «Под знаменем марксизма» и т. д.

Большое сочинение Гаузенштейна также представляет собой ценный вклад в марксистскую работу над искусством, хотя аргументация и выводы ее должны быть применяемы с некоторыми оговорками. Имеют несомненное значение и небольшие брошюры Гаузенштейна.

Словом, есть не мало симптомов перехода в наступление на этой части марксистского теоретического фронта.

С другой стороны, и внутреннее развитие истории искусства (отчасти и теории его) также упирается в эти же проблемы. Попытки более определенно пропитанных классовыми ядами буржуазных ученых за границей и у нас ограничиться в отношении искусства так называемым формальным методом исследования могут иметь только временное значение и, вероятно, даже создадут некоторые интересные посылки для дальнейшей работы.

В самом деле, широко говоря, социологический метод в истории искусства означает рассмотрение искусства, как одного из проявлений общественной жизни. В настоящей статье я не считаю нужным ни доказывать самоочевидной истины, что искусство есть несомненно часть общественной жизни, ни того многократно мною защищавшегося тезиса, что именно *общественное* значение искусства, как с точки зрения его корней, так и с точки зрения его плодов, является в нем доминирующим. Может, это кажется и менее бесспорным людям, далеко стоящим от нашего социального творчества, но той части публики, в которой мы наиболее заинтересованы, это ясно как день.

Поскольку историки искусства становятся на эту точку зрения, они неизбежно либо запутываются в противоречиях буржуазной метафизики и полунауки, либо приходят к марксистскому методу. Конечно, приходят они к нему не прямо, не без оговорок, — в большинстве случаев исследователи, близкие к марксизму, но принадлежащие в общем к буржуазному лагерю, очень любят подчеркивать свои разногласия с нами и, так сказать, рыть поглубже ту канаву, которая их от Маркса отграничивает.

Но разрывание таких канав ни на одну минуту не может обмануть нас. Всегда остается ясным, что тот или другой участок, обрабатываемый данным ученым, уже принадлежит, так сказать, к геологическим, к глубоко определенным гигантским кряжам марксизма, окрестностям его. К такого рода исследователям в значительной части своих трудов принадлежит, между прочим, и Макс Вебер.

Мы, конечно, в очень многом расходимся с выводами Вебера — и тогда, когда этот талантливый человек, с присущей ему поистине гигантской эрудицией, разрабатывает вопросы истории экономики, и тогда, когда он вскрывает, по его выражению, «морально-экономическую базу мировых религий» и когда пишет свои во многом замечательные политические статьи, как он это сделал непосредственно после германской революции.

Всегда мы видим в нем демократа, человека передовых убеждений, но которому какая-то своеобразная жилка в его психике мешает прямо смотреть на вещи, который, внутренно чувствуя огромную правду пролетарского миросозерцания, старается заслониться от нее мнимой сложностью вопросов, мнимой необходимостью эклектики. Иной раз кажется, что именно чудовищная многоученость Вебера мешает ясности его взгляда, но ведь на самом деле это, конечно, неправда. При сильной методической воле, любое количество материала обрабатывается и превращается в совершенно организованный продукт. Не то у Вебера. Он всегда дает какие-то полуфабрикаты. У него не хватает внутреннего стремления к действительному единству, к организующей простоте точки зрения, которая отнюдь не родственна упрощенству и вульгаризации. Вебер же старается как бы смешать эти два понятия. Единая доминирующая точка зрения, единый метод кажется ему чем-то слишком простым и несоизмеримым с необъятностью объекта, и он заранее осла-

бляет себя в задаче осилить этот объект, ища к нему слишком сложных и даже внутренно противоречивых подходов. Порою эта позиция делает Вебера далеко не симпатичным для марксиста, порою почти кажется, что этот человек нарочно пытается недоговаривать, чтобы не попасть на те рельсы, по которым он вовсе не желает катиться, так как они ведут прочь от буржуазного мира, хотя в демократических своих формах вполне приемлемого для Вебера.

Я думаю, что это, однако, не так, что Макс Вебер до глубины души искренен. Вся жизнь его заставила его психологию сложиться таким образом, что он должен был остаться слегка марксистообразным научным демократом, тем не менее, мы не можем не оценить очень высоко работы М. Вебера именно потому, что она доставляет нам полуфабрикаты.

Конечно, марксисту-исследователю лучше всего опираться на первоисточники. Но мы находимся в таком положении, что выдвинуть целую фалангу ученых, которые могли бы целиком взяться за строго научную работу, начиная с подбора материалов, мы вряд ли в состоянии. С другой стороны, полуфабрикаты, т.-е. выводы обычного типа буржуазных ученых, зачастую являются глубоко искаженными; их работа как бы направлена на то, чтобы сделать материал негодным для дальнейшей переработки на нашем марксистском заводе.

Совсем не то М. Вебер, — его полуфабрикаты, наоборот, просятся на марксистский завод. Вот в чем большая для нас прелесть его трудов. При некотором изменении точки зрения, при некотором, может быть, и довольно жестоком споре в отдельных пунктах, при некоторой большей смелости выводов из работы М. Вебера получится очень ценный элемент для нашей собственной постройки.

М. Вебер лишь косвенно затрагивал в своих трудах вопрос об искусстве; с тем бо́льшим интересом встретил я его после смерти уже изданную работу «Рациональные и социологические основы музыки».

Впрочем, здесь я должен оговориться. Работа эта по прочтении несколько разочаровала меня. Правда, М. Вебер и здесь показывает себя изумительным эрудитом; даже в области музыки, как таковой, он приобрел огромную научность, что, несомненно, сделает его работу очень ценной для каждого специалиста музыканта (теоретика). Но в общем труд его все-таки является лишь этюдом, подходом к общим границам темы, к которой он, видимо, хотел вернуться и которую он, вероятно, доработал бы до большего совершенства, до большей определенности выводов.

Все же и в том виде, в каком лежит перед нами эта книжка, изданная под редакцией Кройера, она заслуживает внимания.

II.

Теодор Кройер в своем предисловии к книге Вебера приветствует то обстоятельство, что автор с большой эрудицией подчеркнул теперь уже вполне неоспоримую истину, что наша музыкальная система, основанная на определенно построенной октаве, представляет собою не нечто

просто физически или физиологически данное, а нечто выработанное в сложном историческом процессе. Наш музыкальный строй не является всеобщим ни во времени, ни в пространстве на земном шаре. Невольно закрадывается сомнение относительно того, не искусственно ли это все построение, невольно обращаешься мыслью к тем, которые ищут исхода из довольно крепких стен, которыми окружила себя европейская музыка.

Вместе с тем, с некоторым почтительным недоумением разводит руками Кройер перед чисто социологическими или, так сказать, материалистически промышленными соображениями М. Вебера о влиянии общественных форм жизни, условий быта и производства инструментов на музыку.

К сожалению, именно эта вторая часть исследования гораздо бледнее у Вебера, между тем как она для историков искусства является гораздо более интересной, чем довольно кропотливое исследование внутренних противоречий нашего музыкального строя, аналогии его с другими «музыками» в прошедшем и настоящем, история выработки его форм и т. д.

Отмечу здесь, что сам Вебер с похвалой отзывается о книге Гельмгольца, посвященной музыке, но называет ее несколько устарелой. Вполне возможно, что многое в акустике Гельмгольца устарело, но, тем не менее, Вебер довольно легко проходит мимо двух основ музыки, без внимательного рассмотрения которых его дальнейшие рассуждения кажутся беспочвенными. В самом деле, как бы ни было, и музыкальный строй и наше построение физико-математические. Правда, наша гамма практически не есть строго выдержанная физико-математическая система, основанная на точном делении длины звучащей струны. Все же ясно, что между понятием чистого тона, консонанса и т. д. и, так сказать, зрительным ритмом различных комбинаций звуковых волн имеются далеко идущие совпадения. Аппараты, которые записывают звуки, дают вам по возможности, путем простого зрительного заключения, отличить звук от чистого тона, отличить аккорд от диссонанса и т. д. Тут приходится исходить из очень простой истины. Упорядоченно правильные ритмические впечатления внешнего мира воспринимаются нашей нервной системой с некоторым эстетическим плюсом. Правда, правильность впечатлений в течение длинного периода может понижать их значимость для нас. В этом случае необходимо развить эту правильность, разным образом усложнить ее. Однако, если такое усложнение переходит известную границу, оно превращается в эстетический минус.

По М. Веберу дело выходит так. Первоначальная музыка есть вещь чисто инстинктивная, на анализе которой и на корнях которой он совсем не останавливается. Очень близко к ее первым ступеням ее захватывает, однако, рационализирующая работа человека. В эту рационализирующую работу вторгаются и различные посторонние мотивы, так сказать, музыкальные. Но все же в значительной мере музыка начинает подвергаться требованиям чисто рассудочно-математического упорядочения. Вот и все. Это не мешает Веберу местами натыкаться на такие факты, как

инстинктивное признание всеми народами квинты за эстетически положительный интервал. Не знаю, как относится Вебер к гораздо более важному явлению, именно к выделению чистого тона из шума. Но можно ли называть выбор чистого тона из шумов рационализацией музыки?

Я хочу сказать, что в самом физическом мире, как таковом, существуют градации упорядоченности явлений. Среди огромного количества звуков вселенной имеется некоторое количество упорядоченных, которое и становится, в конце концов, базой для развитии музыки, при чем человек постепенно научается находить их и пользоваться ими. Вот этот физический субстрат музыки, довольно подробно исследованный Гельмгольцем (вряд ли устаревшим в этой части), игнорируется Вебером. Отсюда некоторая неясность во всех его размышлениях о музыке.

Во-вторых, так же точно не обращает М. Вебер внимания на физиологическую сторону музыки. Лишь кое-где мельком говорит он о приятном или неприятном. Он утверждает, что иррациональные интервалы могут становиться приятными вследствие привычки. Но такие случайные замечания нас нисколько не удовлетворяют.

Прежде чем перейти к социологии музыки, надо установить ее физиологию. Надо попытаться более или менее точно ответить на такой вопрос, рациональны ли наши интервалы, и вообще вся наша современная гармония искусственна в том смысле, что наш организм привык к восприятию именно такой музыки, так что объективно физиологически они не имеют никакого преимущества перед всеми другими комбинациями звуков, или, наоборот, рационализация музыки может кое-где вносить свои особенные черты и даже несколько насиловать физиологию, но в общем и целом вращается в рамках физиологически более приятных нам звуков.

Подойдем к этому, опять-таки, с более простой точки зрения. Абсолютно ясно для всей области музыки, даже, пожалуй, для восприятия животных, что ритм приятнее аритмии. И если, скажем, ритмический удар в барабан приятнее, чем случайное распределение звуков, и для этого не нужно никакой рационализации, это есть непосредственная физиологическая данность, обусловленная, повидимому, самой структурой нервной системы, то как же можно усомниться в том, что чистый тон, представляющий собою, как мы теперь знаем, правильную ритмическую волну, должен быть априорно физиологически приятнее шума?

Но так как в общем и целом все консонансы нашей гармонии представляют собою усложненные, но правильные ритмы, то можно сделать априорный вывод, что в общем и целом история музыки представляет собою постепенное и все более точное выявление физиологически приемлемых для нас звукосочетаний.

Конечно, мы должны быть весьма далеки от всякого чистого физиологизма в истории музыки, а также в ее теории. Совершенно очевидно, что могут быть социологически обусловленные отступления от физиологического правила, могут быть эпохи, которые ищут как раз аритмии, или чего-то среднего между строгими ритмами и аритмией. (Так называемый

живописный беспорядок, например, или в более строгой форме *золотое сечение.)* Вопрос чистоты и простоты, художественных принципов и, наоборот, их крайнего усложнения вплоть до манерности и декаданса есть вопрос чисто социологический. Приведем такую аналогию. Основные факты человеческой истории есть постепенное развитие труда и стремление человека сделать из природы источник благ, удовлетворяющий все его потребности. Но разве правильно было бы сделать отсюда вывод, что повсюду мы имеем чистое проявление этого «закона»? Наоборот, мы найдем множество и рациональных элементов, ошибок, веру в магизм и т. д., найдем и погоню за роскошью, за удовлетворением ложных потребностей, которые ведут организм человека, а порою и целое общество по пути смерти и т. д. Историческая действительность вышивает сложнейшие узоры на этой общей канве трудового завоевания природы человеком.

То же самое, по-моему, наблюдаем мы и в истории музыки. Сквозь все странствования, сквозь все блуждания, остановки, перерывы, протесты, мы все же видим постепенное завоевание стихии, музыкальное очищение этой стихии, ее сложную и мощную организацию, все более адэкватное выражение через ее посредство чувств и стремлений человека.

Таковы мои первые возражения на книгу М. Вебера. Чрезвычайно случайное соприкосновение с вопросами физической части музыки и физиологически обусловленной музыки (вопросы, правда, еще до конца нигде и никем не разработанные), лишает книгу Вебера некоторого необходимого фундамента, делает некоторые его умозаключения сбивчивыми.

Второе мое возражение не менее важно. Музыка являет собою некоторую, чрезвычайной важности, двойственность. С одной стороны, она есть вообще искусство сочетания звуков, доставляющее наслаждение человеку; при этом имеется в виду наслаждение, так сказать, чисто чувственное. Правда, Кант сказал бы, опираясь в данном случае на Лейбница и греков, что музыка только кажется чисто чувственно приятной, что, наоборот, именно в чувственной красоте музыки заключается нечто глубоко рационально этическое, так как у Лейбница музыкант и слушатель музыки бессознательно занимаются математикой. Значит, наслаждение от музыки имеет тот же характер, что и наслаждение занятием математикой, а последнее кажется особенно чистым в отношении разума и этики, разума — потому, что математика наиболее разумная из наук и представляет собою, в сущности говоря, как бы самонаблюдение разума. А этики — потому, что строгость, неподкупность и чистота математического мира вносят идею порядка в наш дезорганизованный и случайный мир феноменальной действительности. Но все эти интересные эстетически блуждания мы оставим в стороне.

Я хочу сказать очень простую вещь. Музыка, взятая сама по себе, как чистая форма звучания и только, доставляет наслаждение чисто физическое, так как она не затрагивает сложных человеческих эмоций и связанных с ними идей.

Но музыка не должна быть такой, я даже склонен думать, что она не может быть такой. Наивысшим и сильнейшим выражением чистой музыки является, конечно, фуга,—например, фуги Баха. Но ни один человек на свете, слушая фугу, не может отрешиться от ее психического истолкования, т.-е. не может не вкладывать в нее каких-то чувств бодрости, радости, протеста, соревнования и т. п. Если это более или менее верно, даже для самых формальных родов музыки, то для всей области музыки мы можем прямо утверждать, что радость звучания составляет для человечества второстепенное в музыке. Первостепенным же в ней является своеобразное и глубоко потрясающее отображение силовых комбинаций, в том числе человеческих эмоций, проявление воли и т. д. Начиная от самой примитивной песни дикаря человек выражает через пение свои чувства.

Одним корнем музыки является то наслаждение, с которым какой-нибудь примитивный человек прислушивается к звонкому удару одного предмета о другой; *другим корнем* является тот вой боли или тот визг радости, который роднит человека с животным.

Если инструментальная музыка в начале своем, быть может, ближе к чистому звучанию, а пение ближе к непосредственному выражению эмоций, то очень скоро обе стороны музыки переплетаются неразрывно. Инструментальная музыка приучается передавать настроения человека, а человек приучается придавать своему голосу красоту чистого звучания. Вот на эту-то эмоциональную сторону Вебер не обращает никакого внимания, и этим самым он вырывает из своего очерка социологии музыки чуть не бо́льшую половину всего ее организма, его построения становятся чрезвычайно однобокими.

Он мимоходом отмечает, что греки считали известные формы музыки более этичными, а другие—менее этичными. Он правильно, но чисто внешне указывает на связь музыки с богослужениями, но мимо всего этого он проходит без внимания. Его интересует только формальное развитие музыки, где опора на социологию чувствуется гораздо меньше, где ее гораздо труднее отыскать.

III.

Сделавши эти оговорки, я считаю необходимым кратко рассказать читателям содержание книги Вебера в ее важнейших положениях, при этом оговорить, ибо, не будучи сам специалистом музыкантом, я и не пишу для таких специалистов. Я могу сказать, что в книге Вебера специалист музыкант найдет очень много таких подробностей, которые покажутся ему гораздо более важными, чем то, что я выбираю из книги.

Я отнюдь не отрицаю значения книги Вебера для музыкантов в тех ее частях, которых я мало касаюсь, но меня книга интересует прежде всего, как *социологический* трактат об искусстве, поэтому я выделяю соответственные стороны. Думаю, что и для самого автора они казались наиболее важными.

Прежде всего книга носит название «Рациональные и социологические основы музыки». Как я уже сказал, М. Вебер игнорирует физические и физиологические ее основы, рациональную же психологию и социологию в некоторой степени рассматривает, как противоположные друг другу, т.-е., с одной стороны, как он думает, силится проявиться чистый процесс рационализации музыки, а с другой стороны — своеобразные уклоны этому процессу придает вторжение сил, посторонних законам развития чистой музыки.

Само собою разумеется, что и этим уже ослабляется для нас значение книги Вебера, ибо хотелось бы знать, в какой мере сама рационализация музыки отражает определенные социальные условия?

Впрочем некоторые намеки подведения социологического фундамента под самую рационализацию музыки у М. Вебера имеются.

М. Вебер сначала устанавливает и анализирует принципы нашего музыкального строя. Он констатирует известные всем музыкантам внутренние противоречия, свойственные нашей октаве.

Он противопоставляет затем ей другую, пентатоническую систему. Однако он не решается утверждать, что пентатоническая система первоначальна, наоборот, он даже склонен сознаться, что пентатоника, повидимому, имеет в своей основе октаву и представляет собою как бы попытку рационализации самой октавы и поэтому отнюдь не является чем-то примитивным. Повидимому, в основу возникновения различных музыкальных систем (нынешней западно-европейской, китайской, арабской, древне-эллинской) могут быть положены два принципа. С одной стороны, чисто мелодический подход к музыке легко приводит к идее ряда тонов, отделенных друг от друга одинаковыми интервалами, с другой стороны, музыка, которая ищет аккорда, не получает в таком случае подходящей базы и устремляется, наоборот, к установлению некоторых иных благоприятных гармоний интервалов.

В арабской музыке, напр., характерным является внесение и рациональной неуловимой в цифровом выражении терции. Между тем, это нарушение более или менее рационализированной гаммы, заимствованной у греков, происходит от привычки к волынке и ее своеобразному звукоряду. Так же точно китайское изменение рациональной октавы происходит, по мнению автора, от влияния иррационального по своему строению инструмента кинг. Отсюда как будто следует, что нечто вроде рационализированной музыки уже лежит в самой основе всех музык, и мы чуть не готовы подумать, что Вебер ведет нас по пути, которым стараются сейчас одурачить Европу, так наз. идеи, что в начале бе какая-то особо высокая культура, которая потом «вырождалась». Эта мысль чужда Веберу, но тем не менее некоторая путаница в голове после прочтения первых страниц его остается, ибо невольно спрашиваешь себя: в конце-то концов, что же лежит в основе самой примитивной тональности, из чего исходят *все* системы музыки?

Вебер ограничивается замечанием: «Надо остерегаться представлять себе примитивную музыку, как хаос, как лишенный правил про-

извол. Чувство чего-то принципиально подобного нашей тональности отнюдь не является чем-то новейшим.

Мне кажется, что неясность мыслей Вебера в этом пункте происходит именно от того, что он игнорирует физическую и физиологическую основу нашей тональности, и те ее стороны, которые, конечно, должны были давать знать о себе еще на заре цивилизации.

М. Вебер лишь вскользь упоминает о самом возникновении тонов. Он указывает, что у дикарей очень большую роль играет глиссант и вой. Каким образом из этого воя могла возникнуть скала отдельных тонов? Вебер правильно указывает, что она возникла от человеческой речи. Когда воющий человек стал «причитать», скажем мы от себя, то он сразу вынужден был разложить свою глиссанту на отдельные элементы, а это и дало толчок к выделению тона. Прав, конечно, Вебер, когда он говорит: «что уяснение интервала произошло при сильной помощи инструмента». И тут мы встречаемся с утверждением Вебера, которое особенно приближает нас к такому подведению физиологического фундамента под всякой музыкой, о котором мы уже говорили. Вебер говорит: «Гармонически чистейшие интервалы, октавы, квинты, кварты выделились, конечно, благодаря тому, что их легче было *узнавать* (курсив автора) из массы других тональных дистанций, благодаря их *большой ясности* (курсив автора), что делало их более легкими для *музыкального воспоминания* (курсив автора). Как в общем легче запомнить действительное переживание, чем вымышленное, здоровую мысль, чем запутанную, так и в данном случае «правильные» интервалы имеют преимущества перед ложными. Здесь мы имеем аналогию музыкального с логически рациональным».

Все это построение мне кажется неправильно выраженным. Аналогия между непосредственным впечатлением, заставляющим даже дикаря отметить квинту, как приятный интервал, и довольно сомнительным фактом лучшего запоминания истинно пережитого, чем вымышленного, крайне слаба. Мало ли заведомой лжи, например, в мифах разных народов запоминается ими несравненно прочнее, чем подлинные факты их истории? Что за некритическая рационализация первобытного мышления утверждать, будто бы какая-то здоровая мысль лучше запоминается, чем запутанная, когда мы прекрасно знаем, что все миросозерцание дикаря состоит из крайне запутанных для нашей логики мыслей. Логическое мышление — и как странно, что Вебер это забывает — является весьма поздним продуктом человеческой общественной жизни, а в данном случае мы имеем дело с чрезвычайно примитивным фактом. Вебер сам утверждает, что даже дикарь, не имеющий представления ни о каком музыкальном строе, сразу отмечает квинту, как приятный интервал. Ясно, что здесь мы имеем дело с фактом физическим, во-первых, т.-е. с некоторыми особенностями того ритмического воздействия на организм, которое представляет собою созвучие основного тона и квинты, и, во-вторых, с особенностями нервной системы, которая означенную правильную ритмичность воспринимает с некоторым чувственным плюсом.

Дальше следует очень любопытное замечание: «Явление измеримости чистых интервалов, раз найденное, произвело огромное впечатление на фантазию, как показывает немедленно присоединившаяся сюда числовая мистика».

К этому важному замечанию я прибавлю только, что еще неизвестно, возникла ли цифровая мистика на почве наблюдения измеряемого интервалами и наиболее приятного созвучия струн, длина которых находилась между собою в правильной пропорции, или, наоборот, многое в самих числовых установках музыкального строя диктовалось мистикой чисел. Сам Вебер в другом месте упоминает, что деление октавы на десять-двенадцать частей, может быть, диктовалось уважением к соответственным цифрам. Скажем к тому, что цифра семь, на которой базируется октава, сама по себе диктуется как будто тем благоговейным преклонением перед семью планетами, следы которого мы находим самым неожиданным образом в различных прослойках мировой культуры.

Послушаем дальше Вебера. «Мы должны напомнить, — говорит он, — тот социологический факт, что примитивная музыка на ранних степенях развития не преследовала чисто эстетической цели, а служила целиком практически. Она имела магическое значение как в смысле культа, так и в смысле врачевания. Этим самым она подпала стереотипному развитию, по какому развиваются все магические действия, идет ли речь об изобразительных искусствах, о мимике, декламации, оркестре, пении, поскольку они употребляются для влияния на богов и демонов. Ведь каждое изменение первоначальной формулы является настоящим жизненным вопросом, ибо уничтожает его действие. Фальшивое пение с этой точки зрения может явиться преступлением, караемым даже смертью. Так как инструменты, послужившие для фиксации интервалов, различались по богам и демонам, при служении которым употреблялись, то самое старое различение тональности (ладов) исходило из упорядоченных комплексов типичных тоновых формул, употреблявшихся в определенном богослужении».

Особенно важно следующее замечание: «С переходом музыкального развития к групповому сословному укладу (жрецы, аэды), когда оно становится *искусством*, оно начинает повышаться над своим практическим употреблением и переходит в сферу эстетической рационализации.

«Это значит, что жрецы и певцы, делаясь специалистами своего дела на известной стадии развития, перестают служить только традиции, но начинают развивать и усовершенствовать свое ремесло, при чем, менее испытывая давление непосредственной жизни, они могут дать в своей работе место чисто культурному упорядочению своих приемов»

Напомним, что такое упорядочение, в свою очередь, вело к застою Совершенство очень скоро превращается в традицию и рутину. В восточных обществах мы всюду имеем этот процесс. Первоначально застой магизма, народная традиция, потом относительно свободная мысль интеллигента, жреца, певца, врача и т. д., постепенная установка вновь школьной традиции. Лишь некоторые особенности социального развития

могут изменять этот диалектический процесс. На всех этих вопросах Вебер, к сожалению, не останавливался.

Отметим кстати, что разделение на «моль» и «дур» на первых стадиях музыки и довольно долго в течение ее развития, по мнению Вебера, отнюдь не имеет места.

Что же находит Вебер на этих первых стадиях основы музыкальной системы? Прежде всего, по его мнению, в музыкальном исполнении выделяются основные тона, или то, что он вместе с Штумфом склонен назвать пунктами тяжести, пунктами тяготения в мелодии.

В примитивной мелодии постоянно повторяются один-два тона. Они составляют центр — амбитуса мелодии, т.-е. уклонов ее вверх и вниз. Этому первоначальному упорядочению мелодии сопутствует и более или менее правильное заключение ее. Такая формула конца куплета или целой мелодии выработалась очень рано.

Вебер, однако, упоминает, что каждый раз, как мы встречаемся с рафинированным обществом, эти правила преобразовываются.

Что касается интервалов, то первыми приветствуемыми молодым музыкальным творчеством интервалами являются квинта и кварта. Встречаются иногда и другие, с нашей точки зрения совершенно иррациональные, цифрами не выразимые хроматические дистанции. Однако они явным образом являются более сложными, может быть, продиктованными особенностями любимых инструментов данной эпохи и местности. Кварта же и квинта постоянно утверждают себя (очевидно, в силу физических и физиологических свойств. *А. Л.*).

Квинта и кварта даже вступают между собой в конкуренцию. Терция сначала вовсе не ощущается, как приятный интервал, наоборот, ее смешивают с секундой. Терцаккорд считается диссонансом. Только в конце средних веков, когда многоголосное пение завоевывает себе место, терция, шествующая с севера, утверждает себя, а с тем вместе дает полную победу квинте. Долго же перед тем доминирующая кварта деградируется в диссонанс. В византийской музыке и предшествующей ей древне-эллинской кварта представляет собою господствующий интервал. Судьба других тонов нашей октавы менее интересна, и я не останавливаюсь на ней.

Какая бы тональная система ни устанавливалась, она всегда по Веберу является более достоянием теоретиков. Живая музыкальная жизнь всегда потрясает эту изгородь, и Вебер делает такое замечание: «Разрушение всех тональных перегородок под давлением растущей жажды выразительности музыки бывает тем полнее, чем рафинированнее слух в отношении *мелодическом*».

Истина, которую Вебер старается здесь установить, заключается в том, что общества, где преобладают мелодические устремления, менее попадают под власть установленной системы, чем общества с тенденциями гармоническими, устремленные к аккорду. Очень жаль, что даже в пределах такого смысла своего утверждения Вебер не делает, по-моему, законной попытки показать, что преобладание гармонического

начала над мелодическим есть вместе с тем преобладание инструментального начала над вокальным, а тем самым вещной культуры, а стало быть зависимости от *материального* культурного уклада. Вероятно, это положение могло бы привести к ряду любопытных наблюдений над, так сказать, музыкально-социальным строем различных народов и эпох.

Но еще более жаль, что Вебер, бросая свое замечание мимоходом, совсем не останавливается на том, что же это такое «за жажда выразительности музыки», откуда она появляется, где она доминирует, как она ослабевает, *что именно* хотят выразить через музыку? Проходя мимо всех этих вопросов, Вебер в крайней степени обедняет свою историческую мысль.

Далее Вебер переходит к чрезвычайно интересному исследованию того, что̀ такое многоголосие.

Прежде всего, он совершенно справедливо заявляет, что простое созвучие в октаву, как отметил это Комбарье, является результатом соединения мужских и женских голосов, или взрослых и детских голосов, и отнюдь не является многоголосием. Восток вообще не любит никакого многоголосия и созвучия. Правда, Вебер отмечает, что дуртрезвучие обыкновенно воспринимается им, как красивое (пример сиамцы). Но даже в этом случае они берут такой аккорд арпеджио, т.-е. звук после звука.

Чрезвычайно своеобразным, но не создающим гармонию многоголосием является контрапункт. Вебер посвящает ему много внимания и дает много красивых определений. Я не останавливаюсь на них, так как всякий, мало-мальски занимающийся музыкой, знает, что̀ представляет собою контрапункт. Очень интересно, однако, его замечание, что итальянские музыканты позднего Ренессанса самым резким образом возражали *даже* против контрапункта, как против варварства, и высказывались исключительно за гомофонную музыку. Тем не менее, в XV веке контрапункт утверждается и достигает, наконец, своего высшего развития в XVII веке у Баха. Нам теперь до крайности странно узнать, что греки, которых мы считаем отцами самой идеи гармонии, были врагами всякого созвучия и прямо заявляли: симфония (созвучие) не этична. «Даже в том случае, — говорит Вебер, — когда такое созвучие воспринималось, как приятное, греки считали его лишенным значения».

Диссонанс появляется иногда и в этом роде полифонии (контрапункт). Но Вебер правильно говорит об этом: диссонанс здесь играет другую роль, чем в аккордовой гармонии. Там он является специально динамическим элементом, обусловливающим дальнейший ход музыкального произведения, здесь же он есть продукт чисто мелодически определенного хода голосов. Дисгармония в контрапункте явление случайное.

Кроме того, Вебер различает в области полифонии еще гармонически гомофонную музыку. Под нею он разумеет сопровождение одним-двумя и т. д. голосами основной мелодии. Такая втора, или голосовой аккомпанимент, распространена по всей земле и у нас в Европе. Первые ясно зафиксированные признаки его появляются в XIV столетии в Италии;

к XVII веку особенно в итальянской опере эта форма достигает своего наивысшего расцвета. Следы ее встречаются и в старой эллинской музыке, где инструмент часто сопровождает основной голос колоратурными отступлениями и фиоритурами.

Слово *тенор* равносильно выражению *кантус-фирмус* на средневековом языке, т.-е. это и есть устойчивый ведущий голос. Выражением *дискантус* означена именно прибавка к основному голосу второго голоса, выполняющего различные фигурации вокруг линии первого.

Вебер утверждает, что настоящая гармоническая музыка пошла с севера от англичан и отчасти от французов с их пением в терциях и секстах. В течение долгого времени музыканты обозначали их манеру сочетания голосов названием faux bourdin, т.-е. *ложное сопровождение*, и это потому, что у них основной голос, ведущий мелодию, был верхний голос, а бас являлся гармонической опорой для него, что потом распространилось повсюду как главенствующая форма многоголосой музыки, из которой потом развился и столь важный в старой музыке basso ostinato. До тех пор господствующее итальянское пение строилось совершенно иначе. Нижний голос считался основным, а дискант порхал над ним, вышивая всякие узоры по его фону.

Наконец Вебер указывает еще на существование того, что он называет гетерофонией. Гетерофония есть естественное совместное пение, при котором голоса как бы сами определяют свою судьбу, опираясь на общий коллектив. Такое пение сильно распространено в нашем русском крестьянстве. О нем Вебер говорит: «Прекрасный прием непосредственного, но очень развитого гетерофонного крестьянского пения записала фонографически г-жа Линева для Петербургской академии. Гетерофонное развитие темы здесь импровизируется участниками. Между тем, голоса и ритмически и мелодически не мешают друг другу. Это можно объяснить только прочной коллективной традицией. Так, например, люди из двух разных деревень уже не могут безукоризненно исполнить подобную коллективную импровизацию».

Но, конечно, самые радикальные изменения музыки последовали тогда, когда голоса оказались гармонически объединенными в строгой форме. Тогда консонирующие интервалы выступили на первый план. Не надо думать, однако, что аккордно-гармоническая музыка является только зрелым плодом европейской музыки, главным образом под влиянием распространения северного хорового пения, ибо построенные на интервалах аккорды все-таки имеют свои следы и в классической музыке эллинов, и в Японии, и в Индонезии, где мы имеем совершенно сознательное употребление квинты и кварты. Часто типичным для Европы и пришедшим с ее севера можно считать только преимущественную любовь к терции и сексте. Вебер подчеркивает также, что существование аккордной гармонии отнюдь не ведет за собою безусловное проникновение этим принципом всей музыки.

Задавшись вопросом о том, почему в некоторых местах земли многоголосие возникает, а в других нет, Вебер отказывается отвечать на него. Для этого нет достаточного материала. Возможно, что возникновение многоголосия является результатом случайных свойств музыкальных инструментов и т. д.

Мне кажется, что вряд ли это так. Если мы не можем сейчас наметить причины, по которым в некоторых местах не только возникли, но и упрочились многоголосие и гармония, то во всяком случае лишь по нашему неведению всех обстоятельств. Причины эти, несомненно, должны быть социологическими. Зато изрядно указаний находим мы у Вебера при рассмотрении другого вопроса: почему в той или иной местности у того или другого народа, в том или другом веке *гармония начинает преобладать*, а у других с таким же возможно культурным развитием (эллинская древность, Япония) гармония не занимает господствующего места?

Здесь Вебер отводит огромную роль изобретению нотной записи. Именно запись нот есть доминирующая черта нашей западной музыки.

Нигде, по его мнению, форма записи не имела такого огромного влияния на само творчество, как в музыке, за исключением разве китайских иероглифов, так как в китайском поэтическом произведении ценятся не только мысли и образы, которые оно в себе включает, но и в особенности красота его письменного *начертания*, так как ритм и звуковая красота часто совершенно теряются ввиду возможности чтения одного и того же написанного текста различными китайскими наречиями.

Без нашей нотной системы, по мнению Вебера, не могло бы возникнуть ни одно сколько-нибудь сложное музыкальное произведение. Оно не могло бы даже зародиться, как утверждает Вебер, в голове своего создателя.

Современная арабская музыка была объектом весьма точного теоретического изучения. Но после нашествия монголов были утеряны способы записи, и арабская музыка осталась без нот. У древних греков существовала запись. Отмечались, например, инструментальные отступления от господствующего голоса, но соответственные знаки и цифры не имели ничего общего с нашей партитурой и даже делали невозможным возникновение хотя бы простейшей партитуры.

Вебер прослеживает далее постепенное развитие нашей нотной системы и доказывает, что только она позволила планомерное распределение голосов, а стало быть и настоящую художественную композицию. Церковная музыка и монастырская культура двигали нотную систему из глубины средневековья до эпохи Возрождения и дальше.

Интересно за чание Вебера, что стремление к музыке раскованной или вообще иррациональной отнюдь не является признаком некультурности, часто, наоборот, оно является результатом манерности и интеллектуального музыковедства.

Вебер не имеет здесь в виду нашей новейшей музыки. Он указывает на то, что чем больше замкнуты круги музыкантов, известный цех начи-

нает быть главным поставщиком музыки, — например, при дворах, — тем скорее сказывается это явление, классическим примером которого можно почесть развитие поэзии скальдов, т.-е. постепенно устанавливаются определенные правила, полную адэкватность форме социально-психологической задачи данных кругов дает классическое время, по отношению к которому все предыдущее кажется ступенями, возводящими на эту высоту. Но цех не останавливается на достигнутой высоте, он желает побороть своих классиков, он ищет других путей и впадает в манерность.

Сначала строгий формализм сковывает творчество и наступает некоторый период мертвого академизма, а затем он начинает разлагаться, и получается иррациональное эстетство.

Я очень рад, что Вебер отметил этот закон и при этом опирался как раз на пример скальдов, на который я неоднократно ссылался, выражая подобные же мысли. Жалко, что Вебер оставляет совершенно в стороне при этом классовой характер этого явления. С социологической точки зрения он отмечает только, что подобные вещи возможны только тогда, когда вырабатывается цех музыкантов или вообще специалистов художников. Но этого мало. Развитие и упадок искусства следуют большей частью вышеуказанным путем: романтические поиски, классическая полнота выражения, формальный академизм и разрушение форм, т.-е. чисто формальные искания совпадают с общей линией развития данной классовой культуры. И одной из интереснейших задач, мимо которой Вебер совершенно проходит, являлось бы как раз рассмотреть, в какой мере и каким образом совпадает как бы закономерная эволюция цехового искусства с развитием социальной жизни, класса, идеологией которого означенное искусство является.

Помимо этого Вебер считает иррациональные выпады из постепенно устанавливающейся гармонии продуктом иногда совершенно побочных условий, все же отнюдь не примитивных, так, например, иррациональные терции в арабской музыке, которых там существует несколько, происходят от сильного влияния волынки, как основного народного инструмента. Музыкальные реформаторы выделялись и даже делали вечными свои имена благодаря изобретению приемлемых для народного уха терций, которые часто почти совершенно невыразимы цифровыми отношениями. Так, например, старинная терция, установленная музыкантом Зал-Залом, представляет собою нечто вроде пропорции 22 : 27.

Сам инструмент имеет особое влияние на музыкальную систему. Не только музыкальная система, рационализированная при помощи слуха, устанавливается потом точно при помощи инструмента, но и, наоборот, распределение отверстий духовых инструментов, следующее иногда чисто орнаментальному принципу или удобству для пальцев, создает затем в слуховом отношении странную последовательность звуков, которая постепенно, однако, упрочивается. Так в персидской музыке пространственно правильно разделен музыкальный инструмент между указательным пальцем и безымянным пальцем, чем вызывается странная терция 68 : 21, а посредине прибавлены еще весьма неопределенные ноты для среднего

пальца. Таких примеров Вебер приводит очень много. Видимо, подобная, определенная зрением и техникой, *псевдогармония* может упрочиться на века в сознании того или другого народа. Очень характерно это явление у китайцев, у которых инструмент «кинг», состоящий из пластинок различной величины, на-глаз совершенно правилен в смысле пропорции и симметрии, но дает гамму, ничего общего с рациональной не имеющую.

Мы не будем входить здесь в интересные соображения Вебера о темперации, тем более, что он здесь ограничивается скорее музыкально теоретическими соображениями, чем социологическим их объяснением. Все же отметим, что темперация есть особый прием дополнительной рационализации, вводящий поправку в самую же рационализацию, независимо от себя приведшую к внутренним противоречиям нашей октавы,— это очень интересно. Темперация имела огромное значение для всей аккордовой музыки, и без нее, по мнению Вебера, современная гармония вряд ли могла бы так широко развернуться!

Как бы мимоходом бросает Вебер чрезвычайно важное замечание, что рационализация музыки, являясь таким образом потребностью музыканта в определенную эпоху и идя внутренно закономерным путем, испытывает на себе вместе с тем чрезвычайно много не музыкальных влияний, которые ее в значительной степени видоизменяют, замутняют. При чем, однако, результат всех этих иррациональных влияний часто фиксируется в музыке на десятилетия и века и как бы переделывает самый слух людей. Очень жаль, что Вебер отделывается только такими замечаниями и не вникает дальше в социологическое и в особенности в методологическое значение этого факта. Приходится признать, во-первых, что человеческий слух и его законы есть вещь довольно гибкая, поддающаяся, так сказать, специальным извращениям, которые с течением времени становятся своеобразным, оригинальным *законом слуха данной культуры*. Рационализация есть как бы совершенно неизбежное усилие людей, в особенности специалистов, желающих привести в порядок свой музыкальный мир на основе той базы, которую дают, с одной стороны, физика и физиология, а с другой стороны—их преломление через своеобразную сеть технических (инструмент) и социологических воздействий.

Недавно профессор Сакулин постарался установить, как общий закон для литературы (а стало быть и для всякого искусства вообще), с одной стороны, процесс *эволюции* определенной эстетической данности, а с другой стороны—*каузальный* процесс изменения течения этой эстетической данности, или даже самой ее сущности вторжением посторонних *социологических* сил.

Я думаю, что в общем и целом надо согласиться с проф. Сакулиным. Я также неоднократно высказывал эту мысль. Умозаключение Вебера и приводимые им факты ее подтверждают, но надо более пристально присмотреться к ней.

Во-первых, ход *эволюции определенной эстетической данности* определяется ее сущностью, и эта сущность вырастает отчасти, правда, из физических и физиологических законов, но никогда не является чистым

их продуктом. Она всегда преломлена через предшествующую историю, через сопутствующие социально-бытовые явления.

Во-вторых, мне кажется, что и темп и тип развития (рационализация или распад эстетической данности и т. п.), а отчасти общее направление его опять-таки диктуется средой, например, наличием специалистов, социальным качеством той «публики», для которой эти специалисты работают, и т. п.

Процессы эволюции тем более чисты, чем спокойнее и органичнее развертывается общество. В особенности в том случае, если оно почти неподвижно в отношении социальной структуры, можно ждать чистой линии развития и закрепление определенного эстетического принципа. Здесь неизбежны достижения большого совершенства выражения данного принципа, но затем и его окостенения.

Но даже в этом случае, т.-е., так сказать, при отсутствии *новых* социологических импульсов для развития данного искусства (фактически работы ведущих ее цеховиков) все же все свойства этой линии эволюции определяются материалом, над которым цеховики манипулируют, и целями, которые они себе ставят. Принцип может развиваться по преимуществу в сторону монументального, или в сторону изящного, в сторону рационализации, в смысле насыщения идеями данного общества (например, религиозными идеями), или в смысле отхода от такой насыщенности и выявления чисто формальных художественных начал и т. д., и т. п. Вот почему закон, который как бы намечается Вебером и который старается в области литературы установить Сакулин, должен быть все же истолкован как часть, над которой социологический метод продолжает доминировать.

Книгу свою Вебер заканчивает интереснейшим очерком эволюции наших основных инструментов.

В общем и целом книга достаточно богата содержанием, и с нею интересно познакомиться не только каждому образованному музыканту, но и всякому интересующемуся теорией и историей искусства. Но все же это лишь беглый очерк, который ни по заданию своему, ни по своим результатам далеко еще не покрывает проблему социологической трактовки сущности и истории музыки.

ДИАЛЕКТИКА И ЛЕНИНИЗМ.

Д. Биленкин.

> «Полезным уроком могло бы (и должно было бы) быть то, что произошло с такими высокоучеными марксистами и преданными социализму вождями II Интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовой диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы), но они в *применении* этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими *не* диалектиками, оказались людьми до того не сумевшими учесть быстрой перемены формы и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их не многим завиднее судьбы Гайндмана, Гэда и Плеханова».
>
> (Н. Ленин, «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», гл. X,—Собр. соч., т. XVII, стр. 187, ГИЗ, Москва).

Ленинизм — это концентрированный сгусток теории и практики пролетариата, ставшего *классом для себя*. Одним из рычагов ленинизма является оматериализованная Марксом Гегелева диалектика в ее непосредственном применении к практике революционной борьбы и революционного строительства.

Все учение Ленина и вся революционная практика ленинизма буквально пронизаны диалектикой.

Было бы чрезвычайно благодарной задачей всесторонне исследовать сущность и особенность ленинской диалектики, вскрыть ее внутренние пружины, осветить пути и извилины, ведущие в мощную лабораторию этого гениального мозга.

Эта работа еще ждет своего исследователя.

Моя задача в данный момент много скромнее. Она сводится к попытке на нескольких образцах иллюстрировать мастерское применение Лениным диалектики «меры» [1]).

Мера — один из наиболее существенных диалектических моментов в учении Гегеля. Как известно, основной закон меры заключается в том, что медленные, постепенные изменения *количественного* характера на определенной ступени развития, путем скачка, приводят к изменениям *качественным*, или короче: количество переходит в качество. Таким образом центр тяжести категории меры заключается в соотношении между эволюцией и революцией в самом широком значении этих слов.

Правильная оценка этих соотношений в каждый исторический момент, четкое определение тенденции развития в конкретных условиях данной обстановки, высший качественный и количественный учет действительности, быстрое нащупывание узлов и гребней революционных волн и столь же быстрая смена тактики на крутых поворотах и в переломных пунктах революции — такова гибкость диалектики Ленина, этого величайшего мастера революции.

Проследим на некоторых образцах методы применения этой диалектики, поскольку она связана с рассматриваемой нами проблемой.

I. Учение о государстве.

Возьмем учение о государстве. Книга Ленина «Государство и революция», написанная в августе 1917 г., представляла не один только теоретический интерес. На фоне мировой империалистической войны и социал-шовинистического угара, накануне Октябрьской революции, эта книга приобретала глубоко-злободневное значение, «как вопрос о разъяснении массам того, что они должны будут делать для своего освобождения от ига капитала в ближайшем будущем».

Революционное учение Маркса и Энгельса о государстве Ленину пришлось вытащить из-под груды оппортунистического мусора, наваленого социал-предателями в период мирного, парламентарного развития II Интернационала. Политическое банкротство этих «вождей» в эпоху империалистической бойни явилось только заключительным аккордом, увенчавшим идеологическое перерождение вчерашних «социалистов» в сторону оппортунистического искажения революционного марксизма.

Вопрос о государстве ставился таким образом: может ли пролетариат завоевать политическую власть медленным, постепенным, эволюционным путем, путем мирной парламентской борьбы, или же необходимо путем насильственной революции сломать буржуазную государственную машину угнетения и установить революционную диктатуру пролетариата.

Социал-оппортунисты ухватились за полемику Энгельса с анархистами, относившуюся к вопросу о том, что будет с государством после

[1]) Другие диалектические моменты будут освещаться только мимоходом.

социальной революции. Слова Энгельса о том, что нельзя «отменить» государство с сегодня на завтра после захвата власти пролетариатом— эти слова получили у оппортунистических вождей II Интернационала весьма широкое толкование.

Государство, дескать, «отмирает» в отличие от анархического учения об «отмене» государства.

«Так обкарнать марксизм, — говорит Ленин, — значит свести его к оппортунизму, ибо при таком «толковании» остается только смутное представление о *медленном, ровном*, постепенном изменении, *об отсутствии скачков и бурь*, об отсутствии революции» [1]).

Слова Энгельса о том, что пролетариат, беря государственную власть, *«тем самым уничтожает государство как государство»*, — эти слова, по свидетельству Ленина, либо совершенно игнорировались, либо считались чем-то вроде «гегельянской слабости» Энгельса.

На основании анализа учения Маркса и Энгельса о государстве Ленин дает четкую и определенную формулу: «Смена буржуазного государства пролетарским *невозможна без насильственной революции*. Уничтожение пролетарского государства, т.-е. уничтожение всякого государства, *невозможно иначе, как путем „отмирания"* [2]).

Что означает эта ленинская формула, если ее рассматривать в свете учения о мере? Она означает, что изменение *качественного* характера, изменение по *существу* («смена буржуазного государства пролетарским», сопровождаемая экспроприацией экспроприаторов) невозможно без резкого *скачка* («без насильственной революции»), изменение же *количественное*, т.-е. переход от социалистического производства, возглавляемого пролетарским государством, к безгосударственному коммунистическому обществу будущего, невозможно иначе, как путем «отмирания» государственной власти пролетариата.

«Выражение «государство *отмирает*», — говорит Ленин, — выбрано очень удачно, ибо оно указывает и на постепенность процесса, и на стихийность его» [3]).

Но такой эволюционный процесс отмирания государственной власти возможен *лишь после* установления диктатуры пролетариата.

Напротив, переход от капитализма к коммунизму невозможен *без скачка*, без коренной ломки буржуазной государственной машины. В подтверждение этой мысли Ленин ссылается, между прочим, на следующее место из «Критики Готской программы» Маркса: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период *революционного* превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть

---

[1]) «Государство и революция», гл. I, § 4,—Собр. соч., XIV, ч 2, стр. 309, ГИЗ Москва, 1924 г. Всюду, где это не оговорено, курсив мой.

[2]) Там же, стр. 313.

[3]) Там же, гл. V, § 2, стр. 370.

ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [1]). Это не простой переход готового государственного аппарата из рук буржуазии в руки пролетариата: «*все прежние революции усовершенствовали государственную машину*, а ее *надо разбить, сломать*» [2]).

Все это кажется теперь чрезвычайно элементарным. Но если перенестись в до-октябрьский период, если принять во внимание, что революционное учение Маркса *искажалось* виднейшим теоретиком II Интернационала К. Каутским, если вспомнить, что письмо Энгельса к Бебелю о государстве хранилось под спудом в течение 36 лет (1875—1911), тогда станет ясно, что книга Ленина «Государство и революция» — это теоретическое преддверье Октября—должно было в лагере II Интернационала при своем появлении произвести впечатление разорвавшейся бомбы.

Говоря о значении демократии, Ленин блестящим образом пользуется диалектикой противоречий и переходов количества в качество и обратно.

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям, это — с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управления им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на *известной ступени развития демократии* она, во-первых, сплачивает революционный класс — пролетариат и дает ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армию полиции и чиновничества, заменить их *более* демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции».

«Здесь, — говорит далее Ленин, — количество переходит в качество. *Такая* степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться» [3]).

Но «развитие капитализма, в свою очередь, создает *предпосылки* для того, чтобы действительно «все» *могли* участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем обучение и дисциплинирование миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банкового отдела и т. д., и т. п.».

Далее у Ленина следует прогноз отмирания государства, основанный на изумительной по глубине конкретного анализа цепи диалектических узлов и превращений:

---

[1]) Там же, стр. 367.
[2]) Там же, гл. II, § 2, стр. 318.
[3]) Там же, гл. V, § 4.—ч. 2, стр. 378—379.

«...*Чем полнее демократия, тем ближе момент: когда она становится ненужной.* Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих, являющееся уже не государством в собственном смысле слова, тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство».

Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма»—тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет, вероятно, сопровождаться таким быстрым и серьезным наказанием..., что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства» [1]).

II. Учение об империализме.

Ленинский анализ империализма, как новейшего этапа капитализма, покоится на блестящем применении диалектического метода вообще и диалектики «меры» в частности.

Это станет особенно ясно, если сопоставить учение Ленина об империализме с точкой зрения К. Каутского.

В чем сущность империализма?

По Ленину «империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» [2]).

Согласно этому определению, империализм есть прежде всего особая стадия развития капитализма. Стало быть, «империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще». Каутский с этим не согласен. Ход его мыслей, примерно, таков. Одним из основных свойств капитализма является свободная конкуренция. Империализм же, по Ленину, есть господство монополий. Стало быть, противоречие.

С точки зрения старой и мертвой формальной логики, Каутский, может быть, и прав. Но подобные рассуждения ничего общего не имеют с марксистской диалектикой, вскрывающей пружины всех внутренних противоречий капиталистического хозяйства.

---

[1]) «Госуд. и революция», гл. V, § 4,—Собр. соч., XIV, ч. 2, стр. 381.

[2]) «Империализм как новейший этап капитализма», стр. 73, Госиздат, изд. 2-е (в отд. брошюре), или Собр. соч., т. XIII, стр. 306, ГИЗ, 1924 г.

«Свободная конкуренция,— говорит Ленин,— есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов» [1]).

Таким образом, монополии, *представляя прямую противоположность свободной конкуренции*, тем не менее вырастают *из* свободной конкуренции. Такова диалектика противоречий капиталистического развития.

Каутский хочет отмахнуться от этих противоречий, затушевать их. Рассматривая империализм исключительно как *субъективное* стремление капиталистов к аннексиям, Каутский зовет назад и по-маниловски воздыхает о добрых старых временах «свободной конкуренции» и «мирной демократии».

«Но допустим,— говорит Ленин в унисон Каутскому,— что свободная конкуренция, без каких бы то ни было монополий, развивала бы капитализм и торговлю быстрее. Но ведь чем быстрее идет развитие торговли и капитализма, тем сильнее концентрация производства и капитала, *рождающая* монополию. И монополии *уже* родились—именно *из* свободной конкуренции. Если даже монополии стали теперь замедлять развитие, все-таки это не довод за свободную конкуренцию, которая невозможна после того, как она родила монополию» [2]).

Довод Каутского за свободную торговлю и «мирную демократию»,— говорит Ленин,— есть «забвение основных черт и свойств империализма, замена марксизма мещанским реформизмом» [3]).

И далее: «Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью — с другой» [4]).

---

[1]) Цит. брош., 71, или Собр. соч., XIII, 305.
[2]) Цит. брош., 94, или Собр. соч., XIII, 325.
[3]) Там же, 95, или Собр. соч., XIII, 326.
[4]) Цит. бр., 97, или Собр. соч., XIII, 328.

Такое же забвение основ революционного марксизма вообще и марксистской диалектики в частности представляет собою и сочиненная Каутским пресловутая теория мирного «ультра-империализма», т.-е. сверх-империализма.

Согласно этой теории, капитализму предстоит пережить «фазу объединения империализмов всего мира, а не борьбы их, фазу прекращения войн при капитализме, фазу общей эксплоатации мира интернационально-объединенным финансовым капиталом» [1]).

Ленин издевается над этой мертвой абстракцией «ультра-империализма» Каутского, противоречащей конкретно-экономической действительности современного всемирного хозяйства. «Интер-империалистские» или «ультра-империалистские» союзы капиталистической действительности, — в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции или в форме всеобщего союза *всех* империалистских держав, являются неизбежно лишь «передышками» между войнами» [2]).

И тут же одним взмахом пера Владимир Ильич вскрывает весь диалектический клубок глубочайших противоречий капиталистического развития: «Мирные союзы подготовляют войны и в свою очередь вырастают из войн, обусловливая друг друга, рождая перемену форм мирной и не мирной борьбы *из одной и той же* почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики» [3]).

Затушевывание самых глубоких противоречий империализма, неизбежно превращающееся в прикрашивание империализма, — вот к чему сводится теория Каутского.

Эта идеология не случайна. «Империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделять привилегированные разряды и откалывать их от широкой массы пролетариата... усилить среди них оппортунизм, порождать временное загнивание рабочего движения» [4]).

Об этом писал еще Энгельс в письме к Марксу от 7 октября 1858 г.: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело, в конце концов, до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией».

Каутский — несомненный идеолог этого буржуазного пролетариата. В этом смысле он явился теоретическим предтечей социал-империализма вообще и современной макдональдовщины в частности.

В заключение проследим, как Ленин при анализе империализма применяет диалектику «меры».

Империализм вырос, как *развитие* и *прямое продолжение* основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим

---

[1]) Там же, 77 или 310.
[2]) Там же, 98 или 329.
[3]) Там же.
[4]) Там же, 88, или Собр. соч., XIII, стр. 320.

империализмом лишь *на определенной, очень высокой ступени своего развития*, когда некоторые основные свойства капитализма стали *превращаться в свою противоположность*, когда по всей линии сложились и обнаружились черты *переходной эпохи* от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть *смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями... Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю* [1]).

Другими словами, мы имеем дело с переходом количества в качество на определенной стадии развития.

«Империализм, — подчеркивает Ленин, — представляет собою несомненно *особую стадию развития капитализма*» [2]).

Конечно, «все грани в природе и обществе условны и подвижны», и было бы «нелепо спорить, например, о том, к какому году или десятилетию относится «окончательное» установление империализма». Однако приводимые Лениным в цитируемой книге подробные статистические данные позволяют видеть, «до какой именно степени вырос банковый капитал и т. д., *в чем именно выразился переход количества в качество*, переход развитого капитализма в империализм» [3]).

Капиталистическая монополия, «выросшая *из* капитализма и *находящаяся в общей обстановке капитализма*, товарного производства, конкуренции», вместе с тем находится *«в безысходном противоречии с этой общей обстановкой»*.

Этого диалектического противоречия Каутский «не замечает». «Вместо анализа и вскрытия глубины противоречий империализма мы видим одно лишь реформистское «невинное желание» отмахнуться, отговориться от них».

Империалистическая идеология проникает в рабочий класс, особенно в его привилегированные верхушки.

Каутский — несомненный идеолог привилегированной рабочей аристократии. «Теоретический анализ империализма у Каутского и его экономическая, а также политическая критика империализма проникнута абсолютно непримиримым с марксизмом духом затушевывания и сглаживания самых коренных противоречий, стремлением во что бы то ни стало отстоять разрушающееся единство с оппортунизмом в европейском рабочем движении» [4]).

Эта тенденция прикрашивать империализм становится особенно отвратительной в эпоху империалистских войн и явно паразитического загнивания капитализма.

«Монополии, олигархия, стремление к господству, вместо стремления к свободе, эксплоатация все большего числа маленьких или слабых

---

[1]) Цит. бр., 71, или Собр. соч., XIII, 305.
[2]) Цит. бр., 73, или Собр. соч., XIII, 306.
[3]) Там же.
[4]) Цит. бр., 100, или Собр. соч., XIII, 331.

наций, — все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его, как паразитический или загнивающий капитализм. Все более и более выпукло выступает, как одна из тенденций империализма, создание «государства-рантье», — государства-ростовщика, буржуазия которого живет вывозом капитала и «стрижкой купонов» [1]).

Этим самым предопределено уже историческое место империализма, как монополистического капитализма, ибо «монополия, вырастающая *на почве конкуренции*, есть *переход* от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу» [2]).

III. Узловые пункты революции.

Узловыми пунктами Гегель называл те *переломные моменты* «меры», те кульминационные точки постепенных количественных нарастаний, когда амплитуда колебания меры переступает за свойственную ей грань, когда мера переполняется, когда происходит внезапный «*перерыв постепенности*», и совершается резкий, *скачкообразный* переход количества в качество.

Такие узловые пункты *революционных скачков*, возникающих на *определенной ступени развития*, после предварительной эволюционной раскачки, — мы наблюдаем как в природе, так и, в особенности, в общественной жизни.

Задача руководящей партии революционного класса заключается не только в постепенной подготовке, шаг за шагом, широких масс к предстоящему перевороту, но также в быстрой ориентировке, правильном нащупывании революционного пульса и быстрой перемене тактики на крутых поворотах, короче — *в организации и руководстве восстанием*.

Но чтобы руководить революцией, надо изучить ее законы, надо учесть динамику соотношения общественных сил.

В произведениях Ленина мы находим золотые россыпи революционной диалектики. Среди них главнейшее место занимает мастерское применение Владимиром Ильичем диалектики «меры».

Рассмотрим некоторые образцы этой диалектики на узловых пунктах революции.

1. Класс в себе и класс для себя.

«Российская буржуазная революция 1905 г. обнаружила один чрезвычайно оригинальный поворот всемирной истории: в одной из самых отсталых капиталистических стран впервые в мире достигнута была невиданная широта и сила стачечного движения. За *один первый месяц* 1905 г. число стачечников вдесятеро превысило среднее *годовое* число стачечников за предыдущие десять лет (1895—1904), а от января к октябрю 1905 г. стачки росли непрерывно и в огромных размерах.

---

[1]) Цит. бр., 100, или Собр. соч., XIII, 331.
[2]) Там же, 101 или 332.

Отсталая Россия, под влиянием ряда совершенно своеобразных исторических условий, первая показала миру не только *скачкообразный рост самодеятельности угнетенных масс во время революции* [1]) (это бывало во всех великих революциях), но и значение пролетариата, бесконечно более высокое, чем его доля в населении, сочетание экономической и политической стачки с превращением последней в вооруженное восстастание, рождение новой формы массовой борьбы и массовой организации угнетенных капитализмом классов, советов» [2]).

Такую оценку революции 1905 г. Ленин дал в 1920 г. Но еще в 1917 г., после поражения июльского восстания, Владимир Ильич в статье «Уроки революции», в иной связи и другой форме, выражает ту же самую мысль: «Всякая революция означает крутой перелом в жизни масс народа. Если не назрел такой перелом, то настоящей революции произойти не может. И как всякий перелом в жизни любого человека многому его учит, заставляет его много пережить и перечувствовать, так и революция дает всему народу *в короткое время самые содержательные и ценные уроки.*

За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся *в каждую неделю бо́льшему,* чем в год обычной сонной жизни. Ибо на крутом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно. какие классы народа преследуют те или иные цели, какою силою они обладают, какими средствами они действуют» [3]).

Что иллюстрируют нам вышеприведенные две цитаты из Владимира Ильича? Не что иное, как диалектическое превращение *класса в себе — в класс для себя.*

Это превращение совершается *скачкообразно.* После длительной эволюционной раскачки, *на определенной ступени* разбега революционной волны, пролетариат совершает гигантский скачок, потрясая до основ грандиозную классовую пирамиду капиталистического общества.

Этот скачок проявляется в лихорадочно-*быстром росте* классового самосознания, самодеятельности, революционной энергии и напряженной воли к борьбе и победе самых широких народных масс.

«...Самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, *в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей,* сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов» [4]).

В такие переломные моменты революционных бурь пролетариат побеждает, терпит поражения, закаляется, растет, крепнет, учится,

---

[1]) Курсив мой. *Д. Б.*

[2]) «Детская болезнь левизны», гл. X, Собр. соч., т. XVII, стр. 176—177, ГИЗ, Москва 1924 г.

[3]) Сборн. «Тактика большевизма», 321, изд. «Моск. Рабочий», 1923 г., или *Н. Ленин,* Собр. соч., XIV, ч. 2 стр. 31 ГИЗ, Москва 1924 г.

[4]) «Детская болезнь», гл. X, Собр. соч., XVII, стр. 181, ГИЗ, Москва 1924 г.

противопоставляет себя другим классам, одним словом, — становится классом для себя.

Этот процесс становления идет чрезвычайно ускоренным, скачкообразным темпом.

«Каждый месяц» такого периода равняется, в смысле обучения, основам политической науки — и масс и вождей, и классов и партий, *году* «мирного, конституционного развития» [1]).

Но, *становясь* в сознании и революционном действии *классом для себя*, пролетариат до окончательной своей победы *фактически* еще остается *классом для капиталистов*.

Требуется целый ряд повторных сражений, «репетиций», для того чтобы количество перешло в качество, чтобы пролетариат захватил власть, закрепил ее за собой, сделался *правящим* классом в государстве и самостоятельно начал строить свою собственную судьбу, одним словом, чтобы он целиком и полностью *стал* классом для себя.

Класс для себя из *формы становления* перешел в *форму бытия*.

2. Мера восстания.

Революционное состояние каждой страны имеет свою *меру*, свой предел, свой поворотный пункт. Когда постепенно нарастающая революционная волна дошла до *определенного момента* своего подъема, когда *кризис назрел*, должен произойти *скачок*.

Задача революционной партии — правильно нащупать этот переломный момент, эту *меру* — и *своевременно* поднять вооруженное *восстание*.

«Всякая революция, — говорит Ленин, — означает крутой перелом в жизни громадных масс народа. *Если не назрел* такой перелом, то *настоящей революции произойти не может*» [2]).

«Нельзя завоевать политическую власть (и не следует пробовать брать политическую власть), пока... борьба не доведена до *известной* (курсив Ленина) степени». Конечно, «в разных странах и при различных условиях эта «известная степень» неодинакова, и правильно учесть ее могут лишь вдумчивые, опытные и сведущие политические руководители пролетариата в каждой отдельной стране» [3]).

«Искусство политика (и правильное понимание коммунистом своих задач) в том и состоит, чтобы *верно учесть условия и момент*, когда авангард пролетариата может *успешно взять власть*, когда он сумеет при этом и после этого получить достаточную поддержку достаточно широких слоев рабочего класса и непролетарских трудящихся масс, когда он сумеет после этого поддерживать, укреплять, расширять свое господство, воспитывая, обучая, привлекая все более и более широкие массы трудящихся» [4]).

---

[1]) «Детская болезнь», гл. III, Собр. соч., XVII, 121.
[2]) «Тактика большевизма», 321, Собр. соч., XIV, ч. 2, 31.
[3]) «Детская болезнь», гл. VI, Собр. соч., XVII, 142.
[4]) Там же.

Но *каким образом* определить момент революционного кризиса в стране, как оценить соотношение общественных сил и степень революционной зрелости восходящего класса, как учесть всю ту сумму условий, которая дает гарантию успешного захвата пролетариатом политической власти, короче — как найти *меру* вооруженного восстания?

В ответ на этот вопрос мы находим у Ленина целый ряд указаний, касающихся основных законов революции, признаков ее назревания и условий успешности восстания.

«Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплоатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплоататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда *«низы» не хотят* старого, и когда верхи *не могут по-старому*, лишь тогда революция может победить.

«Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без обще-национального (и эксплоатируемых, и эксплоататоров затрагивающего) кризиса. Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически-активных рабочих) *вполне поняло необходимость переворота и готово было итти на смерть ради него*, во-вторых, чтобы правящие классы переживали *правительственный кризис*, который втягивает в политику даже самые отсталые массы, обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его» [1]).

Другими словами, основной закон всякой революции состоит в определенном сочетании объективных и субъективных предпосылок: объективные предпосылки революции заключаются в обусловленном определенным уровнем развития производительных сил таком соотношении классов, которое означает полное нарушение равновесия старого общества и находит свое политическое выражение в правительственном кризисе; субъективные же предпосылки революции заключаются, с одной стороны, в *сознании* угнетенных масс невозможности жить по-старому и в их *готовности* к вооруженному восстанию, с другой стороны — в максимальной растерянности правящих классов.

Однако революция не исчерпывается действием только двух антагонистических классов, двух антиподов, угнетателей и угнетенных, расположенных на двух крайних полюсах. В борьбу втягиваются решительно все промежуточные классы. Во время революции требуется, чтобы размещены были «исторически-действенные силы *всех* классов, обязательно всех без изъятия классов данного общества, таким образом, чтобы решительное сражение было вполне назревшим» [2]).

---

[1]) «Детская болезнь», гл. IX, Собр. соч., XVII, 172.

[2]) Там же, гл. X, стр. 180.

Каковы основные признаки назревшей революции?

Ленин указывает три таких признака. Для победоносного восстания требуется: «чтобы (1) все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам; чтобы (2) все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые, промежуточные элементы, т.-е. мелкая буржуазия, мелко-буржуазная демократия в отличие от буржуазии, достаточно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством; чтобы (3) в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых решительных, беззаветно смелых, революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела, вот тогда наша победа, если мы верно учли все намеченные выше, кратко обрисованные выше условия и верно выбрали момент, наша победа обеспечена» [1]).

Вышеприведенные строки написаны Владимиром Ильичем в 1920 г. В октябре 1917 года в своем письме в ЦК под заглавием «Марксизм и восстание» мы находим у Ленина другой вариант той же самой мысли:

«Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это — во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это — во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебание* в рядах врагов и в *рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции*. Это — в-третьих» [2]).

Этих трех условий не было в июле 1917 г. «Поэтому 3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически» [3]).

Другое дело — в октябре.

«Теперь, — пишет Ильич, — картина совсем иная.

«За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массу.

«За нами *большинство* народа...

«...За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и *всего империализма*, и всего блока меньшевиков с эсерами.

«За нами *верная победа*, ибо народ совсем уже близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход...

«...Перед нами на-лицо все объективные предпосылки успешного восстания» [4]).

Такова в общих чертах *мера* вооруженного восстания по учению Ленина.

(Окончание следует.)

---

[1]) Детская болезнь», гл. X, Собр. соч., XVII, 180.

[2]) «Тактика большевизма», 349; Собр. соч., XIV, ч. 2, 136. Курсив Ленина.

[3]) Там же.

[4]) Там же, 350 Собр. Соч. XIV ч. II, стр. 137.

ПЛЕХАНОВ КАК ТЕОРЕТИК ИСКУССТВА [1]).

А. Лежнев.

(Окончание).

3.

«Плеханов рассматривает, вместе с Марксом и Энгельсом, мировой процесс, как движение материи, а исторический процесс — как результат развития общества вследствие развития средств производства. С этой именно точки зрения Плеханов не только рассматривает явления социального порядка, связь которых с материальными причинами очевидна для всех, но и такие явления, которые на первый взгляд кажутся трудно связуемыми с названными причинами. К таковым принадлежит область прекрасного в целом и вопросы искусства и литературы в частности» [2]).

Но применить принципы исторического материализма к исследованию искусства совсем не легко и не просто. Тут требуется большая сила и гибкость диалектики. Заслуга Плеханова не в том, что он первый применил эти принципы в области искусства, а в том, что он первый — и почти единственный — применил их *правильно*.

Нет такого метода, которым бы нельзя было злоупотребить. «Чем серьезнее данный метод, тем нелепее те злоупотребления им, которые позволяют себе люди, плохо его усвоившие» [3]). Это относится и к марксизму. Сказать, что развитие искусства зависит от экономии — еще не значит разрешить поставленную задачу. Это только схема. Однако целый ряд исследователей, стоявших на марксистской точке зрения, дальше этой схемы, приводившей к стремлению объяснить все явления в области искусства (да и вообще идеологий) *непосредственно* экономическим развитием не шел. В этих случаях мы имели дело не с марксизмом,

---

[1]) См. «Печать и Революция», кн. 2.

[2]) *Ида Аксельрод*, Литерат.-критич. очерки, изд. Белтреспечать, Минск 1923 г., стр. 1. Надо, впрочем, прибавить, что последние слова приведенной цитаты: «область прекрасного в целом и вопросы искусства в частности» — не совсем соответствуют взглядам Плеханова, находившего, что «область искусства гораздо шире области „прекрасного“» («Искусство и обществ. жизнь» стр. 80).

[3]) *Г. Плеханов*, За 20 лет, предисл. к 3 изд., стр. XI.

а с злоупотреблением марксистским методом. «Попробуйте дать непосредственное экономическое объяснение факту появления школы Давида во французской живописи XVIII века; у вас ничего не выйдет, кроме смешного и скучного вздора» [1]). Конечно, «путь духовной эволюции находит себе объяснение только при помощи экономики» [2]). Но экономика по большей части действует в развитии идеологий не прямо, а посредственно, как причина в последнем счете. Плеханов приводит такой пример: «Из противоречия к приверженцам ancien regime (старого режима) буржуазия (времен реставрации Бурбонов) не только отвергла идеалы аристократии, но и идеализировала дух и нравы империи эпохи того самого Наполеона, которого она с головой предала всего за несколько лет перед этим. «Чиновники, ремесленники, лавочники почитали своей обязанностью иметь мрачное лицо и усы, чтобы лучше выразить своим видом либерализм. Своим поведением и определенными мелочами в своей одежде они думали показать, что они являются обломками героической (наполеоновской) армии. Приказчики модных магазинов не довольствовались усами; они для довершения своей метаморфозы прикрепляли к своим сапогам шпоры, которыми по-военному звенели о камни мостовых и тротуары бульваров»... Какая связь существовала между экономическим положением французской буржуазии эпохи реставрации и воинственной внешностью, какую любили себе придавать мелкие буржуа, рыцари аршина того времени? *Никакой прямой* связи; борода и шпоры нисколько не изменяли их положения ни в хорошую, ни в плохую сторону. Но мы уже знаем, что эта смешная мода *косвенным образом* была порождена положением буржуазии по сравнению с аристократией. *В области идеологии многие явления могут быть объяснены лишь косвенным образом посредством влияния экономического развития*» [3]).

Точно так же Плеханов выступает и против односторонности, вернее, упрощенности, другой, противоположной тенденции: «объяснять историю идей исключительно влиянием классовой борьбы». Он видит в этом неуменье «обращаться с диалектическим методом материализма». Такая постановка вопроса «до-нельзя упрощает стоящие перед исследователем задачи» и уже по одному этому «не может не найти для них других решений, кроме очень односторонних» [4]). В качестве образчика такой тенденции Плеханов приводит работы А. Элевферопулоса по истории философии: «По словам Элевферопулоса, Ксенофан явился философским выразителем стремлений греческого пролетариата. Это — Руссо своего времени. Он стремился к общественной реформе в смысле равенства и единства всех граждан, и его учение о том, что *бытие едино*, было лишь теоретическим обоснованием его реформаторских планов. Из этого теоретического фундамента реформаторских стремлений Ксенофана логически

---

[1]) *Г. Плеханов*, Основн. вопросы марксизма, изд. «Моск. Рабочий», стр. 65.
[2]) *Г. Плеханов*, Сочинения, т. VIII, Госиздат, 1923 г., стр. 175.
[3]) Там же, стр. 170 и 174.
[4]) Основн. вопросы марксизма, стр. 67 и 68.

выросли все частности его философии, начиная с его взгляда на божество и кончая учением об обманчивости представлений, получаемых нами с помощью внешних чувств. Философия Гераклита Темного порождена была аристократической реакцией против революционных стремлений греческого пролетариата. Всеобщее равенство невозможно; сама природа делает людей неравными... Власть должна принадлежать закону, в котором выражается *божественный закон*. Божественный закон не уничтожает единство; но *единство*, согласное с ним, есть единство противоположностей. Поэтому осуществление планов Ксенофана было бы нарушением божественного закона. Развивая и обосновывая далее эту мысль, Гераклит создал свое диалектическое учение о становлении» [1]).

Я нарочно привел всю эту длинную цитату, как характерный пример тех схематических, почти абстрактных, до нельзя упрощенных рассуждений о влиянии борьбы классов на развитие идеологий, которые в то время, когда Плеханов писал свою статью об основных вопросах марксизма, были довольно редки, но в наши дни приняли размеры настоящей эпидемии. Схематичность и упрощенность приведенного рассуждения бросается в глаза даже читателю, мало знакомому с философией. Плеханов прав: «процесс развития идеологии вообще несравненно сложнее», чем это кажется теоретикам вроде Элевферопулоса.

Удовлетворительно объяснить развитие идеологий мы сумеем лишь тогда, если отчетливо уясним себе соотношение между «базисом» и «надстройкой» — а также между разными «этажами» надстройки. Плеханов эту зависимость выражает следующим образом:

1) *состояние производительных сил;*

2) обусловленные им *экономические отношения;*

3) *социально-политический* строй, выросший на данной экономической основе;

4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем, *психика общественного человека;*

5) различные *идеологии*, отражающие в себе свойства этой психики.

«Эта формула, — пишет он, — достаточно широка, чтобы дать надлежащее место всем «формам» исторического развития, и вместе с тем совершенно чужда того эклектизма, который не умеет пойти дальше *взаимодействия* между различными общественными силами и даже не подозревает, что факт взаимодействия между этими силами еще вовсе не решает вопроса об их происхождении. Это *монистическая формула*. И эта монистическая формула насквозь пропитана *материализмом*» [2]). Таким образом все идеологии «имеют один общий корень — *психологию данной эпохи*». В общественной психологии следует искать ближайшие, непосредственные причины, обусловливающие ход и развитие идеологий (в том числе, конечно, и искусства). Экономический базис является причиной

[1]) Там же, стр. 68.

[2]) Основн. вопросы марксизма, стр. 74.

лишь в последнем счете. Непосредственное влияние экономики на идеологии, например, на искусство, проявляется только на первых ступенях развития человека. «В первобытном обществе, не знающем разделения на классы, производительная деятельность человека *непосредственно* влияет на его миросозерцание, на его эстетический вкус... Но в обществе, разделенном на классы, непосредственное влияние этой деятельности на идеологию становится гораздо менее заметным. Если, например, один из видов пляски у австралийской женщины-туземки воспроизводит работу собирания ею кореньев, то само собой разумеется, что ни один из тех изящных танцев, которыми развлекались, например, французские светские красавицы XVIII века, не мог быть изображением производительного труда этих дам, ибо никаким производительным трудом они и не занимались... Чтобы понять танец австралийской туземки, достаточно знать, какую роль играет собирание женщинами корней дикорастущих растений в жизни австралийского племени. А чтобы понять, скажем, менуэт, совершенно недостаточно знания экономики Франции XVIII столетия» [1]). Тут приходится, главным образом, считаться с психологией тех (непроизводительных) классов, которые создали менуэт. Экономический «фактор» уступает место психологическому. «Но не забывайте, что само появление непроизводительных классов в обществе есть продукт его экономического развития. Значит, экономический «фактор» вполне сохраняет свое преобладающее значение, даже и уступая честь и место другим. Напротив, тогда-то и дает себя чувствовать это значение, потому что тогда им определяются возможность и пределы влияния других «факторов» [2]).

Казалось бы, блестящие работы Плеханова в области идеологий убили навсегда возможность псевдо-марксистских «объяснений» искусства. Но это не так. Старые односторонние формулы возрождаются. Если Плеханов утверждал, что «в литературе, искусстве, философии и т. д. выражается общественная психология» и что «непосредственное влияние экономики на искусство и другие идеологии замечается крайне редко», то теперь имеется уже целая школа искусствоведов - «марксистов», которые заявляют, что «объяснять стиль общественным мировоззрением столь же нелепо, как формулу электромотора — индивидуалистической психологией капиталиста»; «понять социальную природу художественных форм, — говорят они, — значит *непосредственно* вывести их из техники и экономики общества» (Б. Арватов, «Горн» № 9, стр. 167). В ряду заслуг Плеханова-теоретика установление правильной зависимости между «базисом» и идеологическими надстройками является одной из самых крупных. В этой области Плеханов является вернейшим учеником и продолжателем Маркса-Энгельса, и в приведенных словах Арватова заключается не только ревизия взглядов Плеханова, но и ревизия (в ограниченной области) Маркса-Энгельса. В этом нетрудно убедиться хотя бы из такого

[1]) Там же, стр. 63.
[2]) Там же, стр. 64.

отрывка: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство жизни. Ни я, ни Маркс ничего большего не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является *единственным* определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу... Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, объяснить экономически происхождение верхненемецких изменений гласных, которое разделяет Германию в отношении диалекта на две половины» (Из письма Ф. Энгельса к И. Блоку, от 21 сент. 1890 г. — Адоратский, Письма Маркса и Энгельса, стр. 276—278).

Корни идеологии в общественной психологии. Но в истории мы имеем дело преимущественно с обществом, разделенным на классы. Надо, стало быть, говорить не об общественной психологии вообще, а о психологии определенных классов. Эти классы ведут между собой непрерывную, иногда очень ожесточенную борьбу, которая оказывает огромное влияние на все мировоззрение, на вкусы, привычки, склонности общественного человека. «Только приняв во внимание борьбу классов и изучив ее многоразличные перипетии, мы будем в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно объяснить себе «духовную» историю цивилизованного человечества: «ход его идей» отражает собой историю его классов и их борьбы друг с другом» [1]).

Поэтому «человек», не отдающий себе отчета в этой борьбе, многосторонний и многообразный процесс которой составляет историю, не может быть сознательным художественным критиком [2]). Плеханов виртуозно владел диалектическим методом. То, что нас пленяет в его статьях, это не столько блеск стиля (хотя он и превосходный стилист), сколько несравненный блеск диалектики. И особенно виртуозна, сильна и гибка его диалектика там, где он объясняет «ход идей» борьбою классов. Но для того, чтобы как следует понять эти его объяснения, нам придется сделать некоторое отступление.

Мы должны будем припомнить его соображение о характере и происхождении эстетического начала. В кратких чертах они сводятся к следующему: Дарвин показал, что эстетическое чувство свойственно не только человеку, но и низшим животным. Но если оно «родилось из борьбы организма и вида за жизнь», то все же биология нам не в состоянии объяснить, почему у людей именно такие, а не другие вкусы, почему понятие о прекрасном у разных племен и народов и в разные эпохи различны. «Какие именно вещи и явления доставляют им (людям) такое (эстетическое) удовольствие, это зависит от условий, под влиянием которых они воспитываются, живут и действуют. *Природа человека* делает

---

[1]) *Плеханов*, Искусство, стр. 126.

[2]) *Плеханов*, Судьбы русской критики.

то, что у него *могут быть* эстетические вкусы и понятия. *Окружающие его условия* определяют собой переход этой возможности в действительность; ими объясняется то, что данный общественный человек (т.-е. данное общество, данный народ, данный класс) имеет *именно* эти эстетические вкусы и понятия, а не другие» [1]).

Возьмем теперь два других «свойства человеческой природы»: стремление к подражанию, отмеченное Тардом, и дарвиновское «начало антитезы» (иначе говоря, стремление к противоречию). Оба они играют огромную роль как в жизни, действиях, выражении чувств индивидуума, так и в развитии общества, «в истории всех наших идей, вкусов, моды и обычаев». Но если эти свойства даны нам природой, то приводятся они в действие общественными условиями. В Сенегамбии богатые негритянки носят такие маленькие туфли, в которые нога целиком не входит. Походка у них получается при этом очень неловкой. Но эта неловкая походка считается у тамошних негров очень красивой. Почему? Потому, что она указывает, что такая-то женщина богата, ничего не делает и может не торопиться. Бедные женщины таких туфель не носят, так как они замедляют походку, а им время дорого. Иначе говоря, эта неловкая походка кажется красивой «лишь в силу противоположности с походкой обремененных работой (и, стало быть, бедных) женщин» [2]).

Тут мы видим очень наглядно действие начала антитеза. Но оно, очевидно, «вызывается общественными причинами: существованием имущественного неравенства между неграми Сенегамбии» [3]). Этот пример вместе с тем показывает, как под влиянием общественных причин изменяются эстетические понятия людей.

В «цивилизованном обществе», т.-е. в обществе, разделенном на классы, главной причиной, вызывающей действие начала антитеза (а также стремления к подражанию), является борьба классов. А так как «ход идей» зависит в очень многом от борьбы классов, то в истории развития идеологий, в том числе и искусства, действие закона антитеза и подражания скажется очень заметно. Плеханов приводит ряд примеров, доказывающих это.

«Когда реставрация Стюартов временно восстановила в Англии господство старого дворянства, это дворянство проявило сильнейшую склонность к привычкам и вкусам, *прямо противоположным* пуританским правилам жизни (пуритане были крайними представителями тогдашней революционной мелкой буржуазии). Пуританская строгость нравов уступила место самой невероятной распущенности. Тогда стало хорошим тоном любить и делать все то, что запрещали пуритане. Пуритане были очень религиозны; светские люди времен реставрации щеголяли своим безбожием. Пуритане преследовали театр и литературу; их паде-

[1]) *Плеханов*, Искусство, стр. 46.
[2]) Там же, стр. 46.
[3]) Там же, стр. 51.

ние дало сигнал к новому и сильному увлечению театром и литературой. Пуритане носили короткие волосы и осуждали изысканность в одежде; после реставрации явились на сцену длинные парики и роскошные наряды» [1]). Почему проявилось действие начала антитеза? Потому, что XVII век в Англии был «веком очень сильного обострения борьбы между дворянством и буржуазией». При других общественных отношениях проявляется, наоборот, стремление к подражанию, например, во Франции XVII века, «где буржуазия охотно, хотя и не очень удачно, подражала дворянству» [2]). Впрочем, и в первом нашем примере проявилось стремление к подражанию. Если дворяне старались во всем «противоречить» пуританам внутри их класса, во взаимных отношениях составлявших его людей, подражание было очень сильно. Многие дворяне, вовсе не будучи неверующими, выдавали себя за атеистов, «чтоб их не приняли за круглоголовых (пуритан) и чтоб не давать себе труда думать». «Об этих людях мы не боялись ошибиться, можем сказать, что они отрицали из *подражнаия*» [3]).

Примеров, подобных приведенному, вскрывающих и иллюстрирующих влияние классовой борьбы и вызванного ею действия начала антитеза и подражания, можно найти у Плеханова очень много. Самым блестящим из них является его статья «Французская драматическая литература и французская живопись XVII века с точки зрения социологии», где это влияние показано особенно выпукло и наглядно. Но такие статьи нельзя пересказывать, их можно лишь — и должно — читать. Мы же старались показать только те общие принципы, которыми Плеханов руководствовался в своем анализе.

В свете приведенных общих социологических положений задача художественной критики получает более конкретную и точную формулировку.

«Критики-идеалисты школы Гегеля, — пишет Плеханов, — а между ними и наш гениальный Белинский в соответственную эпоху своего развития говорили, что задача философской критики заключается в том, чтобы идею, выраженную художником в своем произведении, перевести с языка искусства на язык *философии*, с языка образов на язык *логики*. В качестве сторонника материалистического мировоззрения я скажу, что первая задача критика состоит в том, чтобы перевести идею данного художественного произведения с *языка искусства на язык социологии*, чтобы найти то, что может быть названо *социологическим эквивалентом данного литературного явления*» [4]).

Но это только первая задача. За оценкой идеи художественного произведения должен следовать анализ его *художественных достоинств*.

---

[1]) Там же.
[2]) Там же, стр. 47.
[3]) Там же.
[4]) «За 20 лет», предисловие к 3-му изданию, стр. IX—X.

«Социология должна не затворять двери перед эстетикой, а, напротив, настежь раскрывать их перед ней... Если бы критик-материалист отказался от такой (эстетической) оценки под тем предлогом, что он уже нашел социологический эквивалент данного произведения, то этим он только обнаружил бы свое непониманье той точки зрения, на которой ему хочется утвердиться. Особенности художественного творчества всякой данной эпохи всегда находятся в самой тесной причинной связи с тем общественным настроением, которое в нем выражается. Общественное же настроение всякой данной эпохи всегда сбусловливается свойственными ей общественными отношениями. Это как нельзя лучше показывает вся история литературы. Вот почему определение социологического эквивалента всякого данного литературного произведения осталось бы неполным, а следовательно, и неточным в том случае, если бы критик уклонился от оценки его художественных достоинств. Иначе сказать, *первый акт материалистической критики не только не устраняет надобности во втором акте, но предполагает его как свое необходимое дополнение*» [1]).

Это, кажется, достаточно широкая формула, обнимающая все стороны искусства, — и вызвать сомнений как будто не может. Между тем буржуазные критики ухитрялись понимать Плеханова самым превратным образом. Прежде всего посыпались, конечно, упреки в односторонности. Утверждали, например, будто Плеханов «одобряет тех беллетристов, которые признают влияние общественной среды на развитие личности и порицает тех, которые этого влияния не признают» [2]). «Нельзя понять меня хуже»,— жаловался Плеханов. Оказывалось, можно. Так, в «Весах» за 1906 год был помещен следующий замечательный отзыв Чуковского: «В прошлом году вышла книга Бельтова «За двадцать лет». Бедная книга эта не имеет автора, она создана механическим путем. Бельтова никакого нет и никогда не было. Есть хорошая машина. Хороший прибор для изменения марксистских идей в любом одушевленном или неодушевленном предмете. Марксометр. Стоит только бросить в него Гегеля или Скабичевского, Родбертуса или Волынского—колесики задвигаются, пружина зашипит, стрелка придет в движение, а на особом циферблате отметится требуемая величина!» [3]).

Неправда ли, как остроумно! Какая ирония, непринужденность, снисходительность, какая легкость в мыслях! «Бедная книга»! О, да! Если образцом умственного богатства считать журнальный фельетон, то Плеханов, действительно, беден!

Чуковские, конечно, и сейчас, как 17 лет назад, продолжают считать Плеханова «марксометром», сухим партийным теоретиком, неспособным понять искусство, которое так великолепно «постигают» они. Ну, куда ему с суконным марксистским рылом, да в калашный айхен-

---

[1]) Там же, стр. XVI.

[2]) Там же, стр. IX.

[3]) Цитирую по предисловию *М. Мебеля* к книге: «Плеханов, „Искусство и общ. жизнь“, изд. Моск. Инст. Журналистики, стр. 4.

вальдовский ряд! разве он сумеет заметить и оценить все тонкие художественные детали, которые обнаружить могут только они, они — интуиты и чревовещатели!

Все это основывается на том обстоятельстве, что Плеханов, действительно, мало останавливался на формальном анализе художественных произведений (я имею здесь в виду не самую проблему формы — эта проблема поставлена им—и в большой степени разрешена — в исследовании о французской живописи и драме XVII века). В направлении формального анализа у него имеются только намеки (например, в статье о Некрасове). Но это объясняется не тем вовсе, что Плеханов был неспособен к такому — «тонкому» — анализу, и уж, конечно, не тем, что марксистский метод непригоден для исследования и объяснения формы, а тем, что в области научного, марксистского, исследования искусства перед Плехановым была почти незатронутая новь, целина. Надо было прежде всего доказать, что марксистский метод может и должен быть применен и к искусству (поэтому Плеханов особенно охотно останавливался на первобытном искусстве и на переходных эпохах смены стилей, где зависимость искусства от общественной жизни, борьбы классов, экономики проявляется особенно выпукло и наглядно). Надо было, дальше, установить необходимейшие, общие принципы (как следует марксистский метод применять к искусству), установить верную перспективу, правильный ряд зависимостей (искусство—общественная психология—экономика), разработать основные проблемы. Вот эта важнейшая «общая» теоретическая работа и не давала возможности Плеханову перейти к более «частным» проблемам.

До сих пор мы видели, главным образом, Плеханова теоретика, устанавливающего общие основания научной эстетики. Но ведь Плеханов и наш современник. Ведь он знал важнейшие из тех группировок искусства, которые существуют у нас и сейчас: и символистов, и футуристов. Как же он относился к современному искусству?

Мы уже видели, что Плеханов «стоял на твердой почве реализма». Но он признавал «не тот реализм, которого часто придерживаются эстетики-позитивисты, а тот, который вытекает из диалектического материализма. Реализм не может быть назван истинным реализмом, если в нем изображена действительность в застывшей форме, и обойдены те новые явления и импульсы, которые должны повести к изменению этой действительности» [1]).

Такое отношение к реализму обусловливалось тем, что «реалистическое направление в искусстве вытекало из общего принципа материалистического понимания истории. Оно являлось логическим следствием той высокой оценки самого исторического процесса и общего оптимистического взгляда на историю человечества» [2]).

---

[1]) *И. Аксельрод*, Литер.-критич. очерки, стр. 12.

[2]) *Л. Аксельрод*, Об отношении Плеханова к искусству по личн. воспоминаниям,—«Искусство», стр. 18.

Уже одно это дает нам отчасти возможность предугадать, как Плеханов отнесся к символизму и кубизму.

И символизм и кубизм (первоначальная форма футуризма) порождены современной буржуазией. Но буржуазия находится теперь в нисходящей части кривой своего развития, она переживает период упадка. Для нее теперь «итти вперед значит опускаться вниз. И эту ее печальную судьбу разделяют с ней все ее идеологи. Наиболее передовые из них это как раз те, которые опустились ниже всех своих предшественников» [1]).

Для характеристики настроений «передовых» идеологов упадочной буржуазии Плеханов приводит слова Мориса Баррэса (французский писатель, один из яростнейших черносотенцев):

«Наша нравственность, наша религия, наше национальное чувство,— все это рушилось. Мы не можем заимствовать из них жизненных правил. И в ожидании того времени, когда наши учителя установят для нас достоверные истины, нам приходится держаться за нашу единственную реальность, за наше „я“» [2]).

«Но когда единственной реальностью человек считает свое собственное «я», — говорит Плеханов, — тогда он не может допустить, что существует объективная «разумная», т.-е. закономерная, связь между этим «я», с одной стороны, и окружающим его внешним миром — с другой. Внешний мир должен представляться ему или совсем не реальным, или же реальным только отчасти, только в той мере, в какой его существование опирается на единственную реальность, то-есть на наше „я“» [3]).

Отсюда крайний субъективизм в искусстве. Отсюда же пренебрежение к великим общественным вопросам эпохи. «Крайний индивидуализм эпохи буржуазного упадка закрывает от художника все источники истинного вдохновения. Он делает их совершенно слепыми по отношению к тому, что происходит в общественной жизни, и осуждает их на бесплодную возню с совершенно бессодержательными личными переживаниями и болезненно-фантастическими вымыслами. В окончательном результате такой возни получается нечто не имеющее какого бы то ни было отношения к какой бы то ни было красоте» [4]).

В результате: или «Люблю себя, как бога» (З. Гиппиус), или мистицизм, или полная безыдейность. Уж Т. Готье говорил, что поэзия не только ничего не доказывает, но даже ничего не рассказывает. «Но это — огромная ошибка, — замечает Плеханов. — Совершенно наоборот: поэтические и вообще художественные произведения всегда что-нибудь *рассказывают*, потому что они всегда что-нибудь *выражают*. Конечно, они «рассказывают» на свой особый лад. Художник выражает свою идею образами, между тем как публицист доказывает свою мысль с помощью логических выводов... Но из этого вовсе не следует, что в художественном

[1]) «Искусство», стр. 192.
[2]) Там же, стр. 172.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

произведении идея не имеет значения. Скажу более: не может быть художественного произведения, лишенного идейного содержания. Даже те произведения, авторы которых дорожат только формой и не заботятся о содержании, все-таки так или иначе выражают известную идею» [1]).

Когда «единственная реальность — наше «я», то вся жизнь кажется проходящей перед нами панорамой. Люди, думающие так, смотрят на искусство, лишь «как на средство так или иначе разукрасить эту панораму» [2]).

Понятно, что это упадочное искусство не может не быть совершенно чуждым пролетариату. Плеханов много раз резко подчеркивал это обстоятельство. Он считал увлечение символизмом («декадентством», как говорили тогда), проявлявшееся в известной части русской социал-демократии — в особенности в период 1906—1910 г.г. — таким же идеологическим отклонением, как, напр., увлечение философией Маха — Авенариуса, и указывал, что оно неизбежно связано и с отклонением в других областях. «Еще недавно, — писал он в предисловии к 3-му изданию своей книги «За двадцать лет», — в плащ «идеолога пролетариата» кутались люди, не имевшие за душой ничего, кроме романтической — т.-е. мещанской par excellence — ненависти к мещанству... Один из них, Минский (известный поэт), с победоносным видом указал на тот факт, что наши поэты-декаденты по большей части примкнули к крайним течениям нашего освободительного движения, между тем как защитники реализма в искусстве обнаруживали гораздо менее склонности к этим течениям. Факт указан верно. Но он не доказывает того, что хотелось доказать г. Минскому. Ведь и во Франции многие из тех противников «мещанства», которые сами были насквозь пропитаны мещанским духом, — напр., Бодлер, — очень увлеклись движением 1848 года, что не помешало им отвернуться от него, как только оно оказалось побежденным. Люди этого разряда, мнящие себя могучими «сверхчеловеками», на самом деле до крайности слабы и, как все слабое, тяготеют к силе. Но они не являются новым элементом силы, а представляют собой *отрицательную величину*, от которой полезно отделаться для того, чтобы не ослаблять силы движения» [3]).

Этот замечательный ответ Плеханова, бьющий не в бровь, а в глаз, следовало бы иногда припоминать и в наше время.

Футуристы у нас не долюбливают Плеханова. Как мы увидим дальше, это вполне понятно. Единственное, что им пришлось по вкусу — это сделанная Плехановым оценка символизма. Они ею воспользовались в полемических целях — как могли широко, не называя, однако, источника. «Крайний индивидуализм», «мистицизм», «бесплодная возня со своими личными переживаниями», — все это посыпалось на головы ошарашенных символистов. И, конечно, с полным основанием. Но футу-

---

[1]) Там же, стр. 147.
[2]) Там же, стр, 180.
[3]) «За двадцать лет». стр. XV

ристам не следовало бы забывать и того, что говорит Плеханов про них.

Кубизм. «Чепуха в кубе! [1]) Вот слова, которые сами просятся на язык при виде этих, якобы, художественных упражнений» [2]), — так расценивал Плеханов первые шаги футуризма. «Тем хуже для Плеханова»,— скажут футуристы. Это как на чей взгляд. Но не станем пока спорить, и проследим мысль Плеханова дальше. «Но ведь «кубизм» имеет свою причину,— продолжает он.— Назвать его чепухой, возведенной в третью степень, не значит объяснить его происхождение» [3]).

Такого объяснения Плеханов не дал, но он указал «направление», в котором надо его искать. Он обратился к самим теоретикам кубизма, Альберту Глейзу и Жану Метценже. «Как оправдывают они свои упомомрачительные приемы творчества?»

«Нет ничего реального вне нас... — говорят они, — Мы не думаем сомневаться в существовании предметов, действующих на наши внешние чувства: но разумная достоверность возможна лишь по отношению к тому образу, какой вызывается ими в нашем уме» [3]).

Иначе говоря, это новая вариация знакомого уже нам положения: «единственная реальность — наше «я». Разница только та, что в теории у кубистов этот субъективизм выражен осторожнее, мягче, но на практике идет гораздо дальше, чем у «декадентов». Социологический эквивалент этого взгляда мы уже знаем, и слова Плеханова: «наиболее передовые идеологи буржуазии — это как раз те, которые опустились ниже всех своих предшественников», получают здесь, таким образом, новое подтверждение.

Не претендуя на полноту изложения — неосвещенными остались несколько важных вопросов, как, напр., роль «гениальной личности», проблемы, связанные с искусством первобытных народов (искусство, игра и труд), теории «искусства для искусства»,— я все же думаю, что мне удалось показать то основное, что внес Плеханов в изучение искусства, и ответить тем самым на вопрос, поставленный в заглавии статьи. Ответ этот: Плеханов является основоположником научной эстетики, построенной на принципах диалектического материализма. Значение его не только в том, что он установил те или другие общие положения науки об искусстве, но, может быть, еще больше в том, что он показал, как можно и нужно владеть методом марксизма при изучении самых сложных проблем идеологии. В этой области он еще долго останется нашим учителем. Неправильно поэтому считать его представителем того поколения критиков, которое стало ненужно, когда на политическую сцену выступил пролетариат. Наоборот, с этого именно момента Плеханов-теоретик и стал особенно нужен. Для буржуазии он был всегда чем-то чуждым,

---

[1]) «За двадцать лет», стр. XV.
[2]) «Искусство», стр. 183.
[3]) Там же.

непонятным, «марксометром». Понять, оценить его работы в области изучения идеологий сумеет только пролетариат. Плеханов-теоретик искусства для нас отнюдь не вчерашний день, а завтрашний, не превзойденная ступень, а ступень, на которую нам ещё только предстоит подняться. За последние годы теоретическая мысль в вопросах искусства шагнула у нас, по сравнению с Плехановым, далеко назад. Произвольные, априорные положения, грубейшие злоупотребления марксистским методом, высасывание теорий из пальца, — вот ее характерные, ежедневно о себе напоминающие черты. Плеханов как-то, осердившись на критиков-«дополнителей» Маркса, заметил, что Маркса еще — чего доброго — дополнят Фомой Аквинским. Фомой Аквинским пока еще не «дополнили», но с Чарли Чаплиным и «рыжим» — «соединили», и не без успеха. Право, когда читаешь многие из нынешних критических писаний, начинаешь понимать жестокий парадокс Анатоля Франса о том, что человеку не свойственно мыслить.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И УЧЕНИЕ ФРЕЙДА.

М. Рейснер.

Применение психологического метода к социальной науке или по крайней мере то или иное его использование было необходимо уже потому, что общество состоит из людей, а так называемая душевная их деятельность является одним из составных элементов деятельности общественной. И если для изучения жизни животных, особенно же животных общественных пришлось между прочим прибегнуть к помощи зоопсихологии, то тем более психология была необходима для объяснений явлений общественности. Ибо, как правильно утверждает теория исторического материализма: «люди сами делают свою историю». А в центре процесса здесь стоит существо, которое, — худо ли, или хорошо, но лишь при помощи психологически воспринимаемой нами деятельности мозга и нервов, — способно и к воздействию на мир окружающей человека природы и на других живых существ, а в том числе и человека. В последнем случае к тому же мы встречаемся с системой общения, построенной на условных рефлексах, которые удивительным образом отражают в своей символике более или менее точную картину действительности...

В науке обществоведения за некоторыми исключениями скорее приходится опасаться не недостатка психологии, но *чрезмерного увлечения ею*. У каждого такого обществоведа «в области каждой науки имеется известный материал, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений и проделал ряд ступеней самостоятельного развития в мозгу этих следовавших одно за другим поколений. Конечно, на это развитие могли воздействовать в качестве сопутствующих причин и внешние факты, относящиеся к данной области или к другой, но факты эти по молчаливому соглашению считаются опять-таки плодами мыслительного процесса, и таким образом мы все время продолжаем оставаться в области чистой мысли, которая счастливо переварила самые твердые факты» (Энгельс, письмо Мерингу от 14 июля 1893 г. в сборнике Адоратского: «Письма», стр. 309). Так создается течение, которое всю общественную жизнь превращает в одно сплошное осуществление идеи, как чистое творение чистого сознания.

Более широкое психологическое основание общественности мы находим в кругу социологов психологического направления. Таковы не только чисто психологические системы Г. Тарда, Лестера Уорда, Зиммеля, Гиддингса, де-Грефа, Фулье и Дюркгейма, но и труды приверженцев позитивизма вроде Конта, Спенсера, Кидда, де-Роберти и других, которые во всяком случае уделяют если не решающее, то во всяком случае чрезвычайно важное место психологическому фактору. Не говорим уже о попытках построения непосредственно теорий и систем, специально посвященных общественной психологии вроде Мак-Дауголла, Вундта и других. Сравнительно позже был использован психологический метод в тех отраслях обществоведения, которые подобно праву и государствоведению подвергали своему исследованию не столько самую жизнь общества, сколько определенные продукты его деятельности, и притом деятельности психической. Лишь в последнее время преимущественно русские ученые дали развитие и научное обоснование психологическому направлению в учении о праве и государстве. Наиболее ярко выраженным течением в этом направлении является бесспорно теория Петражицкого (О важнейших социологических теориях современности — см. Барт, «Философия истории как социология», М. Ковалевский, «Современные социологи», отчасти у Лориа «Социология» и новейшие указания у Тахтарева, «Наука об общественной жизни». Что касается развития психологических воззрений в науке о праве и государстве, то см. мои «Теорию Петражицкого, марксизм и социальную идеологию», Спб 1908 г. и «Государство», изд. 2-е, Идеология и метод, стр. IX—XIII).

К сожалению, однако, указанный здесь психологизм страдает весьма крупными недостатками. Прежде всего на нем отражается *плачевная отсталость самой психологии как науки.* Как известно, лишь в последнее время под давлением физиологов, с одной стороны, и врачей, главным образом психопатологов и психиатров, с другой, психология стала, наконец, на пути положительной науки, перешла к экспериментальному методу и не только стала освобождаться от влияния философии и метафизики, но и создала прикладной отдел психотехники. Совершенно очевидно, что до такого превращения в научную дисциплину все, даже самые интересные, талантливые и порою изящные интуиции психологии, построенной на умозрении и догадке, не могли иметь никакого серьезного значения, и психологически мыслящие социологи строили свое здание на песке. За примерами далеко ходить здесь не приходится. Так основатель психологического метода социологии, Лестер Уорд, в своем построении чувствований и «теллического интеллекта», менее всего считается с данными новейшей психологии и ее учением о грандиозном преобладании не целесообразного процесса, а каузального, не вечно изобретающего разума, а весьма косного рефлекторного и автоматического бессознательного. В такой же мере фантастична и теория Мак-Дауголла, так как он без достаточного изучения инстинкта строит целую систему инстинктов, которые являются ступенью к целесообразному воплощению чуть ли не бергсоновской жажды жизни.

Второй бесспорной причиной неудачи применения психологического метода в науках об обществе является свойственная старой психологии черта, которая, в противоположность наукам естественным и эмпирическим, не желает медленного и кропотливого исторического исследования, но стремится *при помощи общих свойств и процессов душевной деятельности сразу и целиком исчерпать все колоссальное разнообразие действительных психических процессов.* Ибо воистину люди не только «сами делают свою историю», но, производя материальные ценности, в то же время вечно пересоздают и преобразуют сами себя. Отсюда и необходимость самого внимательного и кропотливого отношения ко всей фактической обстановке той или иной среды и учета важнейших материальных условий, которые налагают свою неизбежную печать на психику производящего и борющегося общественного человека. Ничего подобного мы не находим. В лучшем случае перед нами весьма субъективная характеристика данной расы, национальности или эпохи в духе ярких и художественных, но в то же время совершенно фантастических построений Шпенглера (см. его «аполлоновская, фаустовская и магическая душа» в «Закате Европы»), в худшем — обильные иллюстрации рискованного положения при помощи случайно нахватанных из разных стран, классов и времен этнологических, биологических, экономических и культурно-исторических данных (образцом такого неудачного сочетания необычайно общих законов и мелочно-эмпирических случайных фактов является «Коллективная рефлексология» В. Бехтерева, которая далеко не прибавила славы почтенному исследователю).

И метафизически обоснованная психология и лишенная исторического обоснования социология являются, однако, далеко не случайными направлениями в науке. Не надо забывать, что наука об обществе была основана впервые тогда, как на арене истории появилось «общество» в отличие от государства, или, иначе, — гражданская (экономическая) форма общественной организации в отличие от политической организации того же самого субстрата [1]) и если «разум» и «природа» дали, с одной стороны, пресловутый каталог прав, то, с другой, — именно эти две категории были призваны организовать сначала «прогресс», начиная с Кондорсе и кончая Уордом, а затем и «эволюцию» в истолковании Спенсера и Кидда. Разница только в том, что «природа» была заменена либерально обработанной биологией, а «разум» — целесообразно-гармоничным инстинктом, который увенчивается благодетельным «изобретением». Когда же на сцену истории поднялся новый общественный класс со своим пониманием общества, то социальная психология сразу обнаружила свою не столько научную, сколько партийную и классовую природу. Достаточно почитать пресловутые исследования о «толпе» и ее психологии у Сигеле, Тарда и Лебона, о революционном неврозе у Кабанеса и Насса, о психологии социализма у того же Лебона для того, чтобы понять, откуда берется эта совершенно оторванная от классовой обста-

[1]) Ср. мою статью в «Итогах науки», выпуск XXV, стр. 168 и след.

новки «толпа», ибо, по живописному выражению Лебона, «в тот день, когда эти вооруженные толпы без всякой внутренней связи и военных инстинктов (?) обратят свое оружие, как во время Коммуны, против общества... это последнее будет очень близко к своей гибели. Тогда оно увидит пожар своих городов, неистовства анархии, нашествие, расчленение, почувствует на себе железную пяту деспотов-освободителей и окончательное распадение...» (Г. Лебон, Психология социализма, Спб 1908, стр. 372).

Нас, конечно, нисколько не удивляет такое завершение характеристики абстрактной толпы, ставшей предметом исследования «социальной психологии», сложившейся под влиянием побед и поражений буржуазии. Поскольку мы имеем дело с наукой, выросшей в определенной общественной среде, мы тем самым должны считаться и с известным *классовым влиянием*, определяющим не только предмет научного интереса, но и методы обработки материала. Ибо классовая психология заключает в себе не только сознание определенного интереса, но всю гамму влечений, чувствований, типов восприятия, традиции, видов внушаемости и характеров активности, которые строго обусловлены не только положением в общественном разделении труда в производстве, но и выросшими на его основе бесчисленными формами организации, начиная от родовой и кончая политической. Как правильно заметил Энгельс, поскольку «в природе... действуют одна на другую лишь слепые бессознательные силы», постольку же в истории общества действуют «люди, одаренные сознанием, движимые убеждением и страстью, ставящие себе определенные цели» (Энгельс, Л. Фейербах, М. 1922, стр. 53). И поскольку мы имеем дело не с точными науками, а общественными, вполне естественно, что их неустойчивость и незрелость дают тем бо̀льшую возможность вносить в них, кроме объективного стремления к истине, в гораздо бо̀льшей степени политические и социальные стремления и вкусы.

В общественных науках — и это составляет крупное приобретение исторического материализма — действительность всегда выступает в сопровождении призраков, понятия — в окраске не столько «убеждений», сколько «страстей», а идеи в диком смешении с императивными, оторванными от земли, но практически необходимыми «идеологиями». Яростная злоба Лебона против социализма есть только наиболее резкое выражение той эмоционально-классовой, идеологической подкладки, которую можно весьма легко обнаружить и у Конта с его утопией буржуазного рая, и у Спенсера с его блаженством промышленного строя, и даже у Л. Уорда с его соблазнительной «социократией», но, конечно, у всех без революции. Вполне правильно поэтому в своей статье, посвященной Фрейду [1]), известный австрийский государствовед, Ганс Кельсен, разоблачает, напр., социологическую теорию Дюркгейма, которая оказывается не адэкватным изображением истины, но своего рода норма-

[1]) См. помещенную в «Imago» (1922 г.) статью *H. Kelsen*, «Freuds Massen-Psychologie und der Begriff des Staates».

тивным учением, по нашему обозначению идеологией, в основе которой лежит не что иное, как настоящее обожествление «общества». Как совершенно верно говорит Кельсен: «Дюркгейм стремится определить не столько — и не только — тенденцию, самый психологический факт мотивирующей силы известных нормативных представлений, сколько определить их ценность, основываясь на авторитете выросшего до размеров бога общества». И на самом деле, о какой объективности тут может итти речь, когда Дюркгейм не останавливается перед такими заявлениями: «Только сознательное существо может обладать авторитетом, который необходим для того, чтобы создать моральный порядок. Личностью такого рода является бог и в одинаковой степени общество. Если нам понятно, почему верующий любит и чтит божество, то какая причина мешает нам понять, что светский разум может любить и чтить коллектив, который есть, может быть, единственное реальное в самом понятии божества». (Цитирую по выше указанной статье Г. Кельсена.) Вывод отсюда тоже нетруден, стоит лишь сопоставить этого бога — общество и его «моральный порядок» — с «анархией», всеобщим переворотом и «гибелью» общества в одушевленном изображении Лебона там же.

Психоаналитическая школа Фрейда также не могла избегнуть естественного влияния классовой среды и ее интересов. Пока Фрейд и его теория были посвящены исключительно индивидуальному психоанализу в терапевтических целях, такое влияние в самой теории чувствовалось весьма мало. Оно зато обнаружилось чрезвычайно резко с другой стороны, а именно в виде отчаянного сопротивления, которое было оказано учению Фрейда со стороны современного буржуазного общества. Теория психоанализа с ее откровениями в сфере подсознательной — по Фрейду, бессознательной и предсознательной — жизни человека, в особенности же в области эротических переживаний и взрослого и ребенка, были восприняты «образованным и культурным» обществом современности, как настоящий удар в лицо, ибо под маской обычного и пошлого лицемерия Фрейдом были обнаружены черты звериной животности, грубого бессознательного вытеснения и многочисленнейших регрессий к подлинному варварству и дикарству, при чем, и это казалось возмутительнее всего, аргументы своих доказательств Фрейд почерпал именно из жизни лечившихся у него членов просвещенной и состоятельной среды. Еще хуже было, пожалуй, то обстоятельство, что теория Фрейда в корень подрывала общепринятые образцы существующего «морального» воспитания и всяческого «приличия», святых «основ» буржуазной семьи и брака.

Крупное общественное значение теории Фрейда обозначилось еще более резко, когда он выступил со своим замечательным опытом о «Массовой психологии и анализе я» и о «Тотеме и табу» [1]). В этих вещах наш исследователь перешел непосредственно в область общественной жизни. Из них особенного внимания заслуживает последняя. Здесь путем чрез-

[1]) Последняя работа Фрейда уже появилась в «Психологической и психоаналитической библиотеке», выходящей под ред. проф. И. Д. Ермакова.

вычайно остроумных, талантливых, но в то же время осторожных заключений он не только целиком подчинил индивидуальную психологию общественной среде и выяснил на-ряду с ее онтогенезом филогенетическое развитие, но резко противопоставил первобытный принцип наслаждения (индивидуальная и эгоцентрическая эротика) общественному принципу реальности (социально организованная мотивация «нужды») и тем определил материалистически понимание общежития («В начале было дело»). Только выводом из этих революционных для буржуазного общества положений был анализ первобытных форм религии, который совершенно и до конца раскрыл нам и ее основное содержание в отражении древней социальной борьбы и форму — эротическое или либидинозное мышление, совершенно аналогичное мышлению невротиков и параноиков. Такое раскрытие тайн религии, равное уничтожению ее, как продукта откровения или мистического озарения, должно быть причислено к одному из научно-революционизирующих достижений Фрейда (психологии религии в учении Фрейда и некоторых его учеников посвящен особый томик «Психологической и психоаналитической библиотеки»).

Предреволюционный, а затем и революционный период современности естественно принес с собой на-ряду с переоценкой ценностей и поворот в сторону признания и дальнейшей разработки учения Фрейда, И на-ряду с развитием воззрений Фрейда в области индивидуальной психологии особенное значение получили его социально-психологические выводы. Можно сказать, родилась целая литература, которая более или менее удачно применила психоаналитический метод к общественным вопросам. И если одни из исследователей нашего ученого занялись психоанализом в сфере мифа, религии и изящных искусств, то другие попробовали осмыслить грандиозные общественные бури нашего времени при посредстве этого метода, угадавшего столько, казалось, неразрешимых загадок. Можно сказать, родилась *новая социология фрейдизма*. Для многих она была поистине якорем спасения. И это не требует особых разъяснений. Как теория, построенная в своих исходных положениях на индивидуальной психологии, она особенно привлекала тех, кто, несмотря на всю свою революционность, страшился резких выводов материалистического мировоззрения и в частности революционного марксизма. Для них Фрейд был притягателен своим «психологизмом». Но так как теория Фрейда в то же время представляет собой бесспорно революционную систему, отвечающую жажде новых форм мировоззрения, то многие через его учение нашли удобный и легкий путь навстречу новому без окончательного отказа от старого.

Сравнение работ самого Фрейда и его последователей в области обществоведения приводит далеко не к отрадным результатам. Во-первых, самый элементарный обзор литературы социологии фрейдизма показывает, что его последователи почти целиком игнорируют установленное учителем различие между принципом реальности и принципом либидо, действием «нужды-необходимости» с одной стороны и «приятного-неприятного» с другой. По Фрейду общественный прогресс как раз сво-

дится к постепенному преобладанию первого над вторым и материально-целесообразного приспособления над «верою во всемогущество идеи», которое характеризует собой дикарей, детей и невротиков. Этот момент реальности, строго материальной зависимости человека от окружающих условий, который может привлечь к Фрейду внимание последовательных материалистов и марксистов, совершенно игнорируется его школой общественников, и последние, наоборот, делают все усилия, чтобы оторвать теорию Фрейда от земли и превратить процесс развития либидо-эроса в самоцельный процесс независимой от мира метафизической сущности. Нечего говорить, что слишком часто эта сущность обнаруживает вместе с тем недвусмысленный политический и классовый привкус. «Вера во всемогущество идеи либидо» оказывается обоснованной далеко не на одной либидо...

Для доказательства обратимся к последнему, имеющемуся у нас в руках «Обзору успехов психонализа за 1914—1919 годы» (Beihefte der internationalen Zeitschrift für Psychoanalyse, 3, Bericht über Fortschritte der Psychoanalyse in den Jahren 1914—1919, Wien 1921). Что мы здесь находим? У Блюера (Bluher) попытку при помощи психоанализа выяснить «Роль эротики в мужском обществе» и этим путем построить «Теорию человеческого государствообразования в его сущности и ценности». На самом деле под этим широковещательным заглавием скрывается проповедь мужеского начала в противоположность женскому, превознесение принципа «мощи», сближение «силы» и однополой мужской эротики и, наконец, довольно поверхностный анализ мужских союзов у дикарей, некоторых средневековых объединений «изгоев» (Vogelfrei-bewegung) военного товарищества, франкмасонства и т. д. В результате, государство, мужской союз и дворянство оказываются величайшими опорами подобного психоаналитического исследования. Недостает только знаменитой формулы: за бога, кайзера и фатерланд... Никто другой как Ференчи (Ferenczi) занимается анализом психологии капиталистического общества. И что же?

— В результате необычайной узости применения психоаналитического метода и здесь «капиталистическое влечение» сводится не более и не менее, как к господству «заднепроходной эротики» (Analerotik) и наслаждений, которые испытывает капиталист подобно ребенку, выделяющему экскременты. Правда, эти положения не делают особенной чести капиталистам, но с другой стороны переносить таким образом данные детской эротики на психологию хозяйственного расчета и буржуазного интереса сознательной деятельности буржуазии несколько — чтобы не сказать больше — наивно! («Zur Ontogenie des Geldinteresses»). Не лучше действует и Кольнай (Kolnai). В своей весьма притязательной книжке этот ученый, будучи приверженцем «либерал-социализма» в духе Генри Джорджа и Оппенгеймера, дает воистину изумительный анализ ненавистных ему анархизма и коммунизма. Остановимся на этой книге несколько дольше. («Psychoanalyse und Soziologie, zur Psychologie von Masse und Gesellschaft», Wien 1920).

Прежде всего, как утверждает Кольнай, пролетариат, как носитель анархо-коммунизма, отличается тем, что он совершенно отрезан от земли. «Первый общественный класс, который радикально, можно сказать, патологически отпал от земли, это—пролетариат», он «вследствие своей бедности, длительной работы и распыленности (атомизация)... является как бы отверженцем земли». Он может мыслить о человечестве только как об однородной, безличной массе, подобной его классу... Пролетариат, отрезанный от земли, тоскует по возврату к ней, как к конечной цели. Он лишен традиций, но крепко держится за свой марксистский догмат. Тускло влачит он свою жизнь в тяжелой работе, мечтая о рае матери-земли». В этом видит Кольнай проявление «материнского начала», которое и полагается как цель в отличие от самой организации — «пролетарии всех стран, соединяйтесь», в чем выражается «муже-мужское начало». В общем же и целом все коммунистическое воззрение отличается возвратом (регрессией) к детским, инфантильным взглядам и понятиям, а пролетариат, некоторым образом, впадает в детство... «Мнение, что пролетариат хочет объединиться в одну огромную семейную общину — есть нечто бо́льшее, чем пустое сравнение. Коммунистический принцип — работать по способностям, получать по потребностям—в своем корне есть детский принцип... надеются обойтись небольшой работой: нужно только добровольное, непосредственное, естественное согласие с обществом, послушание по собственному убеждению, свойство пай-дитяти. Пользование согласно потребностям также приводит нас к ребячеству... коммунизм есть дуализм детской игры и учения» (Кольнай, в. н. с., стр. 115—119).

И даже там, где речь идет о производстве, о технике, коммунизм по утверждению «психоаналитика» Кольная оказывается порождением подобного же возврата пролетарской психики к временам не то анимизма, не то тотемизма. Ибо пролетариат охвачен здесь той самой верой во «всемогущество мысли», которая свойственна, с одной стороны, душевно больным, напр., параноикам, а с другой, всевозможным религиозным фанатикам. Дело в том, что коммунизм, будто бы, «надеется на развитие внешних реквизитов и техники вне структурного, реального развития общества... такая мысль может притти в голову только слабому ученику, рисующему себе научный материал как нечто совсем конкретное и мечтающему о том, чтобы влить его себе в голову через нюренбергскую воронку... Рационализм, вера пролетариата в технику есть поэтому антисоциологический, фиктивный, детский рационализм», он только дополнение не менее «детской мечты об Эльдорадо». Само собой разумеется, наконец, что построение социалистического советского строя и диктатуры пролетариата есть такое же порождение «инфантильных» черт, как и все остальное. И если государство согласно психоанализу Кольная обладает определенным мужским «отеческим» характером, а в коммунизме наш автор видит нечто «материнское», а следовательно и женское, что как будто не согласуется с жестоким принуждением пролетарской диктатуры, то и здесь легко находится, с позволения сказать, «психоаналитический»

выход: «первой носительницей принуждения» оказывается «мать», а не отец; «прообразом тюрьмы является материнское чрево, прообразом всех цепей — пуповина. И если материнское принуждение имеет высокую либидинозную ценность (материнский гипноз), то эта либидинозная окраска далеко не исчезает при отцовском принуждении, хотя значительно тускнеет, как на это и указывают многочисленные гомосексуально-мазохистские фиксирования (отцовский гипноз). Так водворяется своего рода компромисс между «материнским» и «отцовским» началами, «материнская эротика превращается в мужско-женскую, отчасти в муже-мужскую, отчасти в отцовскую»... Вследствие этого, будто бы, можно сказать, что «коммунистическое движение вытекает из социальной тенденции регресса в материнском направлении через посредство примитивного отца, который в противоположность современному является гораздо более сублимированным образом отца». Что же касается вопроса о том, кто же разыгрывает роль отца среди этих «матерински», «мужско-женски», «муже-мужски» и «отечески» предопределенных пролетариев, то ответ очень прост, в качестве таковых выступают «вожди» (Кольнай, в. н. с., стр. 111, 112, 125, 126).

Мы не будем останавливаться на подробной критике подобных построений. Они говорят сами за себя. Можно без преувеличения сказать, что даже с точки зрения современной социологии, поскольку она является позитивной наукой, подобная пошлая политическая фантастика оказывается ниже порога научной критики. И если даже сравнить с подобными «теориями» весьма старые метафоры Блунчли, где он приписывал государству мужской характер, церкви — женский, а политические партии группировал по возрасту, так что у него консерваторы оказывались старцами, либералы — зрелыми людьми, а радикалы всех оттенков — юношами и детьми, то все эти же построения имели более приличную и убедительную аргументацию, нежели превращение одной из крупнейших научных систем современности (марксизм) в детскую белиберду, обобществление средств производства в материнскую матку, а новые формы экономического представительства и классовой диктатуры в отношения первобытного папаши к своим еще более первобытным младенцам. Еще более удивительно другое обстоятельство. Ученики Фрейда вроде Кольная оказались совершенно лишенными его методологической осторожности и позитивизма, его строгости в выводах и щепетильности в постановке гипотез. В отличие от таких серьезных ученых как Рейк, они в такой степени увлекаются политической фантастикой, что *забывают основное учение Фрейда о господстве сознательного принципа в условиях современной «нужды»* и навязывают великому движению, выросшему в противоположность военному регрессу, те черты, которые свойственны как раз «мужественно» настроенному империализму с его кровавым безумием.

Впрочем, такая *односторонность в развитии лишь некоторых сторон фрейдова учения* свойственна не одним политическим мечтателям и фантастам. И если мы обратим внимание вообще на применение психоанализа

к общественным наукам, мы увидим, что, почему-то, целый ряд положений Фрейда остался без применения и в тени, в то время как некоторые положения получили сразу колоссальное признание и распространение. Так, в высшей степени важное и ценное учение Фрейда о вытеснении, которое непосредственно устанавливало связь между нормативами (как, напр., совесть) и жизненной средой, осталось при одном «табу» дикарской эпохи, тогда как первобытная трагедия кровосмешения — инцеста — получила совершенно не соответственное значение и непосредственно была перенесена на высшие формы общежития. Намеченное Фрейдом учение о «предсознании», являющемся в качестве посредствующей системы между «бессознательным» и «сознательным», не получило опять-таки никакого социологического развития, тогда как символика бессознательного была в самом преувеличенном виде перенесена в сферу эстетики и закрыла собой работу предсознания особенно в художественном творчестве. Строгий эволюционизм Фрейда тоже меньше всего нашел себе признание и подражание, и мы получаем очень часто в виде социологической теории живописную мешанину изо всех стран, веков и народов. И если с одной стороны можно порадоваться победе гонимого научного течения, то нельзя не пожалеть, что достигнутая в последнее время блестящая победа фрейдизма повлекла за собой не только извращение первоначального фрейдовского учения в сторону пошлого идеализма, но и уклон самого Фрейда в «метапсихологию», весьма похожую на самую настоящую «метафизику»...

В силу указанных обстоятельств удачнее всего оказалось применение фрейдовской теории там, где оказалось возможным непосредственно использовать первобытную трагедию «отца и сына». И это в области мифа, истории и психологии религии и культа, так же как этнологии и фольклора. Отчасти то же можно сказать об искусстве, но далеко не о нем в целом. И если мы обратимся к вышеупомянутому нами выше «Обзору успехов психоанализа», то мы можем в указанных областях действительно отметить некоторые положительные успехи. Таковы, хотя бы, работы Гезы Рогейма, посвященные маскам рождественских праздников; его же труды по древнейшей монгольской форме двуцарствия (у японцев, уральских алтайцев, якутов, хозар, гуннов и т. д.), аналогичные работы Левенталя, Робертсон-Смита, Абрагама и некоторых других в области мифа и древнейшей культуры. Исследования Рейка, часть которых будет помещена в особом сборнике «Психологической библиотеки». Ученые труды Ранка, посвященные исследованию «Мифа и сказки», выявляют не только скрытый за ними «осколок погибшей психической жизни» и «остатки фантазий-желаний целых наций», но и дают различие в генезисе и природе сказки и мифа. Однако все эти и им подобные работы идут в значительной степени по уже проторенным путям (ср. О. Ранк и Г. Сакс, Значение психоанализа в науках о духе, рус. пер., Спб, 1915 г., стр. 38).

На новый путь становится в упомянутой выше работе известный австрийский государствовед Кельсен, который пробует применить

открытия Фрейда (его работу «Massenpsychologie und Ich-Analyse», 1921) к основным вопросам государствоведения и в частности к психологическому методу в государстве- и правоведении. Статья Кельсена интересна во многих отношениях. И прежде всего тем, что это один из немногих государственников, который выступает на борьбу против столь обычных в современной государственной науке мифологических и фантастических построений. «Подобно понятиям субстанции «сила» и «душа», понятие государства, как воплощенную фикцию, можно поставить в параллель понятию бога. Сходство логического построения обоих понятий действительно ошеломляющее, особенно если рассмотреть широкую аналогию, которая существует между постановкой и разрешением проблем в теологии и учении о государстве... Трансцендентное право, метаправовое государство, которое на самом деле есть не что иное, как гипостазированное воплощение... поразительно напоминает трансцендентного природе бога, который, в свою очередь, есть не что иное, как грандиозное антропоморфическое воплощение этой природы»... Так говорит Кельсен и приводит удивительную аналогию между теологией и государствоведением. Увы, мы можем только вполне присоединиться к этим положениям автора: и не только для практического деятеля, но и для ученого— государство «не есть нечто становящееся или должное, — оно есть непреложный факт; для такого фанатика государство существует точно так же, как для верующего существует бог» (мое «Государство», ч. I. изд. 1911 г., стр. 17—18) [1]).

Для того, чтобы разоблачить всю подобную «юридико-фантастическую растительность», Кельсен, подобно некоторым своим предшественникам, обращается к выяснению «психологических тенденций» творящего фантастику человека, пробует при помощи психологии «возвратить правовые фантазии к действительности» и «указать их генетическое происхождение», только этим путем может быть устранено «дальнейшее ростовщичество за счет основной фантазмы». По крайней мере уже так формулировал психологическую задачу в области права незаслуженно забытый фейербахианец Людвиг Кнапп, когда он пробовал,

[1]) В следующих выражениях в моем новейшем труде дана характеристика современного обожествления государства: «Государство и его власть положительно превратились в земное божество со всеми свойствами небесного могущества. Государству придается прежде всего совершенно независимая от людей жизнь и существование. Обладая какой-то таинственной сущностью, оно имеет свою особую волю, интересы и разум. Ему затем свойственно ничем не нарушимое единство, неизменяющееся во времени. Оно может менять свои формы, но оно вечно и бессмертно, как и его неизменная власть. Государственная воля оказывается способной воплощаться в различных лицах и учреждениях на громадном пространстве и вместе с тем сохраняет свою неизменяемость. Государственная власть становится, наконец, источником всякой другой власти, от нее проистекает всякое право, она неограничена, всемогуща и вездесуща в своем проявлении. Положительно какое-то нагромождение чудовищных признаков, которые дают картину не то допотопного Левиафана — по выражению Гоббса, не то холодного зверя — по выражению Ницше». («Государство буржуазии и РСФСР», М. 1923 г., стр. 4).

подобно своему учителю, также разоблачить юридическую фантастику, как тот разоблачал небеса. Вполне естественно Кельсен для разрешения поставленных им себе вопросов обращается к современной литературе по так называемой социальной психологии и натыкается здесь на господствующее на Западе течение, которое нами уже отмечено выше и которое делает центром своих исследований указанную нами выше «толпу» или «массу». Приходится с грустью отметить, что достижения русской науки, которая в области социальной психологии значительно опередила западноевропейскую и американскую, для Кельсена остались, повидимому, неизвестными [1]).

Останавливаясь на современных попытках социальной психологии и специально на объяснении таких «единств», как государство, Кельсен подвергает прежде всего заслуженной критике теорию «взаимодействия» и справедливо находит, что если в подобных случаях и возможно иногда установление некоторых психофизических параллелизмов и зависимостей, то никак нельзя установить психологически того единства, которое в действительности получает какой-то сверхиндивидуальный характер и в качестве представления вызывает соответственные рефлексы индивида и ограничивает последние. Когда же социологи получают из «взаимодействий» социальную реальность единого государственного союза, то делают это за счет смешения пространственных и внепространственных представлений. А с другой стороны, невозможно психологически установить единство политической организации и потому, что нет взаимодействий, которые не заключали бы в себе и противодействий, подобно тому, как государство никоим образом не может преодолеть ни классовой борьбы, ни религиозных и национальных противоположностей. В результате никак не получается того единого государственного союза, который действует «с внешней стороны и на внешнюю сторону». В лучшем случае наличность параллелизма дает абстрактное суждение вроде того, что люди с черной кожей дают особый вид, который называется неграми. Только такое значение могут иметь определения, построенные на факте некоторого совпадения воль, чувств и мыслей отдельных людей, которое получает торжественное обозначение вроде «духа народа» и проч. *В корне психология, как таковая, все же здесь остается при отдельных индивидах, а следовательно, и при индивидуальной психологии.* То же должно сказать и о пресловутом единстве самосознаний. Такого единства далеко нет ни среди всех граждан любого государства, ни среди только властвующих, ни только подвластных. Все сводится или *к фикции*, или — в противоположность психологии — *к юридическому построению.* Никакие гипостазирования «массовой души» или «народной души» не до-

[1]) Мы здесь считаем необходимым особенно подчеркнуть работы Н. К. Михайловского, а из академической среды—Л. И. Петражицкого, создавшего целую школу. Кельсен точно так же не принял во внимание работы Л. Кнапа («System der Rechtphilosophie», 1857 г.), основателя психологической школы права. Мои работы, построенные при помощи марксистского метода, также неизвестны автору.

пустимы. Ибо, как правильно в одном месте заметил Маркс, общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это или нет.

В этой части положений Кельсена мы должны с ним целиком согласиться. И если бы Кельсен был ознакомлен с одним из самых последовательных применений психологического метода к обществоведению, а именно с теорией Петражицкого, он бы увидел, что чисто психологическое исследование может быть только индивидуально психологическим, или не быть психологическим вовсе. Ибо как только мы переходим от индивидуального, протекающего в нашей нервно-мозговой системе процесса, хотя бы воспринимаемого интроспекцией, к происхождению этого аппарата и содержанию данных переживаний, то мы неизбежно от чисто психологического, а следовательно, и естественно-научного метода переходим вместе с тем и к иному методу социологическому и в частности направленному на изучение социальных идей и социальных идеологий. Психический процесс совершается лишь там, где мы находим соответственный физиологический аппарат — мозг и нервы. А так как у массы никакого другого аппарата, кроме индивидуальных голов, не имеется, и никакого мозга группы, толпы или организации мы не знаем, то в тесном смысле никакой иной психологии, кроме индивидуальной, не существует. И поскольку исследователь желает придерживаться строго психологического метода, постольку же он принужден заниматься исключительно индивидуальной психологией. Разительным примером в этом отношении является учение Петражицкого. Выясняя при помощи психологии переживания отдельного человека, он приходит к некоторым ценным результатам и дает нечто новое в учении об эмоциональной жизни особи. Но когда тот же психологический метод он переносит в учение о самом содержании эмоциональных (в его смысле) переживаний, то он неизбежно впадает в самый безнадежный «*солипсизм*» или *субъективизм*, который не дает ни малейшего перехода к обществу. Еще хуже дело обстоит в тех случаях, когда Петражицкий из отдельных переживаний пробует конструировать «нравственность», «право» и «государство». В этом случае он делает грубейшую ошибку, ибо здесь мы встречаемся с новым фактом «социального возбудителя» в виде сознательно или бессознательно организованной символики мотивационного типа, которая не только не совпадает с психикой индивида, но часто противостоит ему, как внешняя сила (Ср. Петражицкий, Введение в изучение права и нравственности; его же «Теория права и государства». Моя критика в «Теория Петражицкого, марксизм и социальная идеология» и «Государство», изд. II, стр. XVII и след.) [1]).

[1]) Мы не останавливаемся в настоящем очерке на рефлексологах, которые пробуют заменить социальные и психологические категории целиком физиологическим натурализмом и приходят, подобно ак. Павлову и его последователям, к построению таких условных рефлексов, как «рефлекс цели» или «рефлекс свободы», т.-е. к подмене физиологии самой настоящей и притом неконтролируемой научно социологией на идеологической подкладке. Не имеем мы сейчас также возмож-

Фрейд разрешает спор между индивидуальной психологией и социологией таким образом, что он, во-первых, устанавливает между психологией особи и коллективной средой *филогенетическую связь* таким образом, что индивидуальная психология образуется из предшествовавшей психологии орды и повторяет в себе ее основные моменты; с этой точки зрения «индивидуальная психология есть с самого начала одновременно и психология социальная». А, во-вторых, по содержанию социальная психология есть содержание не просто переживаний человеческой особи, но психология «отдельного человека, как члена племени, народа, касты, сословия, учреждения или как составной части человеческого сборища, которые в определенное время и для определенных целей организуются в человеческую массу», или, другими словами, социальная психология исследует «изменения поведения лиц в массе» (Freud, Massenpsychologie und Ich-Analyse, стр. 1, 3, 6, 102). Эти положения, однако, совершенно определенно говорят нам не о психологии в смысле индивидуальной психологии, но о социологии, исследующей первоначальную орду — в массе и особи — так же, как различные человеческие организации — в массе и особи. Психология же здесь играет постольку служебную роль, поскольку она нам дает возможность установить не только наличность определенной общественной мотивации, но и формы ее прохождения и развития так же, как соотношение бессознательного и сознательного процессов (способов представления).

Прекрасно дано у Кельсена противоположение психологического (естественно-научного) метода и социологического, который применяется при исследовании общественной мотивации индивида. «Разве пламя «обязывает» кусок металла нагреваться и, наконец, плавиться? Чувствует ли сердце обязанность биться? Может ли быть причина авторитетом для следствия? Является ли «давление», в силу которого следствие следует за причиной, и частным случаем которого является давление, оказываемое извне социальной действительностью на социальное сознание — обязательством? Имеет ли причина «императивный» характер?» А между тем именно характером «обязанности», «авторитета» или «нормы» отличаются все подобные вне индивида находящиеся мотивации, которые наполняют отдельную психику социальным содержанием. «Характеристика так называемых стабильных масс, — говорит далее Кельсен, — есть «организация»... они воплощаются в учреждениях. «Организации» же и «учреждения», это — комплексы норм, системы предписаний, регулирующих человеческие проявления, которые как таковые, т.-е. в своем собственном, специфическом смысле, могут быть поняты только с точки зрения такого рассмотрения, которое исследует императивное значение этих норм, а не наличную действительность волевых и изобразительных

ности остановиться на наших «бихевиористах» вроде П. Блонского, который, подобно американским приверженцам теории «поведения», целиком вытесняет психологию из социологии или вернее заменяет первую вторую и тем разбивает всякое учение о мотивах. И ту и другую тему оставляем до другого раза.

человеческих актов, содержанием которых являются эти нормы». Мы бы назвали такой подход социально-нормативным.

С такой точки зрения государство оказывается отнюдь не воплощением какой-то массовой души, но «идеей, руководящей идеей, которая лишь специфическим смыслом своего содержания отличается от других идей, как, напр., религия, нация и т. д.», или, как в другом месте определяет Кельсен государство, оно есть лишь «принудительный порядок человеческого поведения», совершенно подобный в этом отношении праву, религии и т. п. Такое воззрение живо напоминает знаменитое определение Энгельса, когда он говорит, что «государство является первой идеологической силой, подчиняющей себе людей», которая, «сделавшись независимой от общества, немедленно порождает новую идеологию», или, как было мною отмечено на основе учения исторического материализма, «государство, как социальное явление, представляется преимущественно процессом, в котором главное место принадлежит идеологии. Понимая государство еще более узко, как идеологию, можно даже сказать, что оно постоянно жаждет своего воплощения, вечно рождается, вечно умирает, но никогда не может стать законченным, остановившимся, совершенным государством, так как никогда и нигде ни одна идеология не была на практике воплощена вполне и до конца» (Энгельс, Л. Фейербах, рус. пер. Плеханова, М. 1922, стр. 58—59; мое «Государство», изд. I, 1911, т. I, стр. 16).

Такое представление идеологии [1]) отнюдь нельзя назвать фикцией только потому, что она не дает нам «реальности» в духе камня или полена. Как правильно замечает тот же Энгельс в письме Конраду Шмидту: «Единство идеи и явления представляется в виде процесса по существу бесконечного... Разве феодализм отвечал когда-нибудь своей идее? Основанный в Западной Франции, развитый дальше в Нормандии норвежским завоевателем, еще дальше усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он приблизился ближе всего к своей идее в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в Иерусалимских Ассизах классическое выражение феодального порядка. Неужели же феодальный строй был фикцией оттого, что полного совершенства он достиг только в Палестине на короткое время, и то (по большей части) только на бумаге» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, рус. пер. Адоратского, М. 1923, стр. 321—322). Ибо всякая организационная идея нормативна. А действие символики общественных идей и идеологий на человека можно без натяжки сравнить с исполнением артистом своей роли. Разница только в том, что в первом случае роль обозначена в каком-нибудь обычае или уложении, а во втором — в пьесе драматурга, но «совокупность идей, принципов, норм и идеалов, подлежащих воплощению в общественной деятельности человека, является

[1]) Маркс и Энгельс понимают под «идеологией» результат сознания ошибочного, в противоположность «идее» — как результата сознания правильного, соответствующего действительности. Мы пока их не различаем.

спутником всякой общественной организации и налагает специфическое клеймо на самую их сущность» (мое «Государство», изд. I, ч. I, стр. 10).

Такого рода постановка вопроса, однако, еще очень мало приближает нас к его решению в смысле социальной закономерности. Так как самый факт наличности идеологических образований и соответственных организаций менее всего исчерпывается констатированием, наконец, той почвы, на которой создается известное социальное единство. Вместе с Кельсеном мы убедились только в одном, а именно, что *всякая психология, поскольку она остается в границах только психологии, есть психология индивидуальная, а, с другой стороны, общественность мы нашли тесно связанной не с психологическим, а идейным и идеологическим процессом, который, будучи созданием психологии, в то же время обладает и своеобразной и особой реальностью.* Реальность идеи... Но не есть ли в таком случае это возвращение к идеализму самого худшего фасона, который, подобно Гегелю и его многочисленным последователям вплоть до новейшего времени, возводит идеи в самостоятельные ипостаси и этим обосновывает не только законность особого метода, посвященного формальным и нормативным категориям, но и новой религии, которая в великом и священном «долженствовании» ищет замены старым, разоблаченным и падшим богам? Отсюда столь присущее идеологиям нравственности «абсолютное долженствование», которое, по Зиммелю, приобретает «демоническое очарование догмы», когда в долженствовании мы не сознаем «никаких условий и мотивов», или, по Каутскому, «таинственная природа этого закона, этот голос в нас, который не связан ни с каким внешним толчком, ни с каким видимым интересом» (G. Simmel, Einleitung in die Moralwissenschaft, B. I, Berlin 1892, стр. 23, 33—35, 63, 79; Kautsky, Ethik und materialistische Geschichtsauffassung, Stuttgart 1906, стр. 63).

(*Продолжение следует.*)

В. В. ВОРОВСКИЙ И ОЧЕРЕДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАРКСИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ.

Г. Лелевич.

Ожесточенная дискуссия по вопросам художественной литературы, происходящая вот уже два года на страницах партийно-советской печати, на различных литературных диспутах и даже на специальных партийных собраниях, касается преимущественно вопросов литературной политики, тактики и организации. Должна ли партия придерживаться нейтралитета по отношению к художественной литературе, должна ли она иметь определенную ориентацию в этой области, если да, то на кого именно должна она ориентироваться, — на попутчиков или на пролетарскую литературу, необходима ли определенная писательская организация или предпочтительнее иметь дело с отдельными распыленными художниками. Таковы основные вопросы, вокруг которых вертелись все споры. Было бы, однако, чрезвычайной ошибкой думать, что эти споры вытекают только из различия взглядов на литературно-политическую и организационную проблему. В основе этих споров на самом деле лежат глубокие теоретические расхождения. Спорящие стороны по существу придерживаются совершенно различных взглядов на *основные теоретические* вопросы литературной науки.

Эти расхождения усугубляются тем, что марксистская наука об искусстве и ее составная часть — марксистская наука о литературе — разработана еще сравнительно слабо. Нет еще совершенно никакой возможности говорить о такой стройной и детализированной научной системе в области искусств, какую мы имеем в области хотя бы философии или политической экономии. Но из этого нельзя делать вывода, будто у нас нет никаких установленных и твердых положений в области искусствеведения или литературной критики. К счастью, *основные положения* сформулированы и обоснованы и в этих областях. Труды Плеханова, Меринга, Генриетты Роланд-Гольст, Воровского и некоторых др. исследователей истории и теории искусства и литературы создали уже незыблемый фундамент марксистской «эстетики» и марксистской критики. Нет ничего более плодотворного, как в разгаре литературных споров

обращаться к этим классикам марксистской критики и искать у них ответов на волнующие нас вопросы. Работы покойного Вацлава Вацлавовича Воровского [1]) особенно должны привлекать наше внимание, ибо этот блестящий литератор был подлинным олицетворением неразрывного единства науки и революционной борьбы, ибо этот яркий представитель большевистской старой гвардии в своих критических этюдах был в той же мере взыскательным ученым, как и несгибаемым большевиком с головы до пят.

Я не собираюсь дать, в этих беглых заметках, полной характеристики критического наследства Воровского; в этом нет никакой нужды, так как общая характеристика Воровского как литературного критика уже дана В. М. Фриче [2]) и Б. Волиным [3]). Я хочу обратить только внимание читателей на мысли, высказанные Воровским по вопросам, находящимся в центре современной литературной дискуссии.

Одна из основных проблем, являющихся сейчас предметом ожесточенных споров, может быть сформулирована как проблема *объективности* художественной литературы. Расхождения именно по этому теоретическому вопросу лежат в основе большинства тактических и организационных литературных разногласий сегодняшнего дня. Воровский неоднократно касался этого вопроса в своих превосходных статьях.

Отрицал ли Воровский необходимость для художника следовать объективной действительности? Нет, он неоднократно подчеркивал, что всякое искажение объективной действительности неизбежно отражается плачевно на художественной ценности произведения. Между прочим, в статье о творчестве Леонида Андреева Воровский замечает, что Андреев «губил художественную правду своих произведений» «насилием над жизненной правдой», губил тем, что «подгонял реальный материал жизни к своим целям, уродовал живую жизнь по своему шаблону».

В другой статье («С. Юшкевич») Воровский бросает замечание, что «критике приходится, по известному правилу Шиллера, считаться с вероятностью, как основой художественности». И тут же он отмечает, что не может быть искусства, поскольку отсутствует искренность творчества. В статье о Бунине, Воровский прямо замечает: «талантливая, т.-е. действительно внутренне пережитая... повесть», ставя таким образом знак равенства между талантливостью и художественной искренностью, эмоциональной заряженностью автора. Это все бесспорно. Но тут встает вопрос: достаточно ли художественной искренности для того, чтобы художник мог дать картину, действительно отвечающую объективной реальности, картину действительно правдивую?

На этот вопрос Воровский отвечает категорическим отрицанием. В частности, характеризуя пьесу Семена Юшкевича «Miserere», которую

---

[1]) Большая часть их собрана в книге: *В. Воровский*, Литературные очерки, изд. «Новая Москва», 1923 г.

[2]) См. упомянутый сборник, изд. «Новой Москвы».

[3]) См. № 2—3 «На посту» за 1923 г.

он сам только что признал искренней, Воровский далее утверждает, что Юшкевич «дал не всю правду, дал только частицу правды».

То же самое отмечает Воровский и при анализе произведений Ивана Бунина. В той повести, которая, по выше приведенной характеристике Воровского, «внутренне пережита», Бунин, оказывается, «дал нам не всю деревню, обрисовал ее не со всех сторон, взглянул не во все ее уголки». Чем же объясняется такая неполнота художественного воплощения? Воровский дает на это исчерпывающий ответ: «Художник может воспроизвести только то, что в состоянии воспринять его творческая психика, к восприятию чего она подготовлена. Бунин принадлежит к типу вырождающейся «барской» интеллигенции. К оценке жизни деревни он, естественно, подходит с некоторым предвзятым (хотя, быть может, и бессознательно предвзятым) критерием. Новая деревня, т.-е., собственно говоря, та переходная форма деревенского быта, которая существует сейчас, нечто промежуточное между разрушающейся старой крепостнической деревней и складывающейся будущей, буржуазной, — совершенно не прельщает людей с родственной Бунину психикой. Она чужда им, неприятна, антипатична. Они видят в ней только упадок и вырождение, не замечая элементов новой жизни. Наблюдая разложение старых нравов, падение господствовавшей морали, крушение прежних, установившихся понятий, т.-е. отрицательные явления, они не в состоянии, с своей точки зрения, увидеть и оценить зародыши нового уклада деревенской жизни, новой этики, новой идеологии... Не в том дело, что в деревне нет новых людей, тех, что писали «резолюции», шли в Думу, говорили неслыханные до тех пор слова. Они есть, это бесспорно. Но они не попадают в поле зрения нашего автора — и в силу его специфической психики, и в силу того, что сами они еще слишком новы и слишком индивидуальны».

Ту же черту подмечает Воровский и у Куприна: «Воспроизводить картины новой социальной борьбы, совершающейся на глазах у Куприна, мешает ему не то, что он художник, а то, что его аполитическая психология чужда жизни тех слоев народа, которые выносят на своих плечах эту грандиозную борьбу и мостят своими телами путь к тому счастливому состоянию 2906 года, о котором с такой любовью говорит Куприн. Куприн ходит по периферии жизни, он обводит только ее контуры. Правда, он сочувствует реальной борьбе и борющимся, но эта борьба затрагивает в нем только человека, а не художника, ибо его творческая психика не имеет органов для восприятия своеобразной эстетики воскресающих к новой жизни масс. Его эстетика индивидуалистична». С совершенно аналогичным явлением сталкиваемся мы также, когда знакомимся с отношением к революции интеллигенции «чеховского поколения». «Первые побеги новой жизни, — пишет Воровский, — начавшие пробивать себе путь на поверхность общественности к половине 90-х годов прошлого столетия, были так новы и чужды психике старого интеллигента, а в том числе и самого Чехова, что понять и оценить их, а тем более поверить им — они не могли. Только впоследствии, когда эти побеги

окрепли и стали могучим деревом, «отцы» интеллигенции оценивали их, но понять их и поверить их правде они и тогда не смогли». Характеризуя односторонность воспроизведения жизни Леонидом Андреевым, Воровский очень образно рисует ограниченность художественного восприятия Андреева: «Словно перед пытливой душой автора поставили черное стекло, поглотившее все яркие жизнерадостные красочные лучи, и грустный флер закрывает от него весь многоцветный мир». В упоминавшейся выше статье о Бунине Воровский обобщил это частное замечание до формулировки закона художественного творчества: «Как цветное стекло пропускает только лучи определенной окраски, так и авторская психика пропускает только соответствующие ей понятия и образы».

Чем же объясняется такая односторонность, почему художественно-честные и искренне стремящиеся быть правдивыми художники: Куприн, Бунин, Юшкевич, Андреев не смогли схватить «живую жизнь» во всей ее многогранности, в ее развитии, в ее движении вперед? Чем определяется характер этого цветного стекла, пропускающего только определенные лучи? Ответ на этот вопрос заключался, частью, в процитированных выше замечаниях Воровского о творчестве Бунина. Еще более отчетливо сформулировал Воровский мысль, являющуюся ключом к загадке ограниченности художественного кругозора, в статье о Леониде Андрееве. «Прежде эта («оскудевающая». *Г. Л.*) интеллигенция обладала в русском обществе наиболее широким и наиболее внутренне свободным критерием. Теперь развивающиеся классы, которым принадлежит будущее, опередили ее, и ее кругозор стал узким и ограниченным. Ею овладел характерный социальный дальтонизм разлагающейся общественной группы. И эти свои недостатки она заботливо передала своему идеологу Л. Андрееву». Итак, ограниченность художественного кругозора, — тот или иной оттенок стекла, закрывающего художнику глаза, определяется *классовой* природой творчества данного автора. Бунин не потому не смог различить черты новой деревни, что он был не искренен или не обладал достаточно метким глазом, а потому, что это — представитель упадочной «барской» интеллигенции. Своеобразный художественный дальтонизм Андреева — не плод недочетов его творческого зрения, а — черты породившего его общественного слоя. Нет ни одного художника, который способен был бы уклониться от этого закона, как бы ярка ни была творческая индивидуальность писателя. Как бы оригинален и самобытен он ни был, в основе его творческой психики все-таки лежит мироощущение определенного общественного класса. Мало того, «на подобных индивидуальных, якобы совершенно свободных от доминирующих симпатий, художниках ярче всего заметно, как мало индивидуальны они в своих взглядах и как мало свободны в своих оценках». И «психология Л. Андреева как художника, его взгляды, его мрачный пессимизм, его неверие в будущее, его апология смерти и тьмы — все это характерные черты типичной русской интеллигенции, заполнившей своими мечтами и стремлениями более полувека русской общественности и литературы, а ныне окончательно вырождающейся».

Кстати, необходимо оговориться, что, при классовом анализе творческой психики того или иного художника, Воровский менее всего походил на тех вульгаризаторов марксизма, которые, придумав какую-нибудь характерную черту, якобы свойственную тому или иному классу, затем наклеивают этот ярлык любому представителю этого класса, не считаясь ни с местом, ни с временем. Выявляя классовый характер психологии того или иного писателя, Воровский твердо держался положения, что всякая истина конкретна, что один и тот же класс в разные моменты своего исторического развития, в разных исторических условиях, может создать различные идеологии, что даже различные слои внутри одного и того же класса могут и идеологически и психологически серьезно отличаться друг от друга. И, говоря об Андрееве, как об идеологе разлагающейся «оскудевающей» русской интеллигенции, Воровский точно определил, что́ он понимает под оскудевающей интеллигенцией. Это было тем легче ему сделать, что история русской интеллигенции специально занимала покойного товарища. Целый ряд классических работ посвятил он этой теме («Лишние люди», «Базаров и Санин», «Добролюбов» и др.), и к этим непревзойденным этюдам долго еще придется обращаться каждому, кто интересуется историей русской интеллигенции. Эволюцию этой последней и ее положение к началу 900-х годов Воровский характеризует следующим образом: «Интеллигенция как самостоятельный слой потеряла raison d'être, ей оставалось или примкнуть к тому, либо другому из этих новых классов, либо исчезнуть... Значительная часть интеллигенции пошла открыто или тайно на службу захватившей господство буржуазии, незначительное меньшинство ее примкнуло к движению пролетариата. Та же часть, которая хотела оставаться сама собой, упорно веруя в свое «сверхклассовое» бытие и спасительную миссию, начала медленно гибнуть и разлагаться. Первая фаза ее разложения, шедшая при обстановке мирного развития общества, может быть охарактеризована словом «опошление». Ее навеки запечатлел в литературе А. П. Чехов. Вторая фаза, когда вокруг подготовлялась, а потом разразилась революционная буря, полнее всего отражается в творчестве Леонида Андреева».

Различая идеологические и психологические оттенки, свойственные различным слоям одного и того же класса, Воровский различал и индивидуальные особенности того или иного автора, что отнюдь, разумеется, не мешало ему характеризовать в конечном счете творчество данного писателя, как выражение психологии определенного класса. Достаточно вспомнить превосходное сопоставление двух типов интеллигентского ренегатства — в известной статье «В ночь после битвы»: «Если мародерство Леонида Андреева окрашено в мрачно-пессимистический цвет и носит следы глубоких переживаний неустойчивой интеллигентской психики, то мародерство Федора Сологуба, напротив, весьма развязного и игривого свойства, — как и подобает неунывающему блондину. За Андреевым стоят люди, разочаровавшиеся в разумной политической борьбе, люди, посылающие революционеров на покаяние к Соне Мармеладовой,

за Сологубом — люди, для которых сама эта борьба была не более как захватывающий спорт и которые, свалившись с лошади, едут в публичный дом развлечься после неудачи. А потому и мародерство их различного сорта: если Леонид Андреев срывает с павших революционеров их святыни, Федор Сологуб, мало интересуясь такими ценностями, учиняет над ними, так сказать, моральное труположство».

Таким образом высказывания Воровского по вопросу об объективных и субъективных моментах в искусстве совершенно недвусмысленны и весьма последовательны. Всякое искажение действительности нарушает художественность произведения. Творческая искренность — необходимое условие художественности. Но одна эта искренность недостаточна. Степень способности автора объективно воспроизводить действительность зависит от *классовой* природы художника. Именно здесь — в классовой подоплеке творческой психики — следует искать ответа на вопрос, в какой мере соответствует художественное произведение объективной действительности.

Вторым вопросом, вызывающим множество споров во время современной литературной дискуссии, является вопрос о взаимоотношениях *содержания* и *формы*. Некоторые теоретики «Лефа», называя свое построение марксистским, отрицают всякое значение содержания и даже отбрасывают самый этот термин. Известные статьи Арватова являлись попытками непосредственно объяснить эволюцию художественных форм влиянием социальных условий, минуя содержание. Что находим мы по этому вопросу в произведениях Воровского?

В статье о Леониде Андрееве Воровский, весьма категорически, утверждает, что «художественная форма и стиль тесно связаны с мыслью автора и неизбежно должны следовать всем ее изменениям». Действительно, анализируя творческую эволюцию Леонида Андреева, Воровский устанавливает, что «в развитии мысли Л. Андреева определенно намечаются три фазы, которым... соответствуют и три фазы развития художественной формы его письма». И, наконец, вот конечный вывод, к которому приводит Воровского подробный анализ андреевских произведений: «В общем, манера композиции и стиль Андреева — хотя и создавались под многообразными влияниями — приспособились к основному настроению автора; как само это настроение, так и приемы творчества у него болезненны, вычурны, неустойчивы, с резкими скачками от яркого реализма к дикой фантастике, от трагического — к карикатуре, от богатства образами — к тощей искусственной схематизации». Все эти замечания, подкрепленные подробнейшими иллюстрациями, доказывают, что Воровский, безусловно, признавал *первенство, решающее значение содержания*, которым определяется та или иная художественная форма. В этом отношении взгляды Воровского вполне совпадают со взглядами основоположника марксистского искусствоведения, Плеханова.

Эту же точку зрения проводит Воровский, характеризуя и романтический период творчества Максима Горького. «Поэт-романтик не просто воспринимает в художественных образах окружающий его мир, а воспри-

нимает его в преувеличенных линиях, в сгущенных красках, в потенцированных формах. И воспроизводит он эти эстетические образы и эмоции не так, как воспринял их, а в свою очередь фантастически преувеличенно. Таким образом творческая работа романтика сопровождается двукратным потенцированием линий, форм, красок, свето-теней, перспективы. Отсюда образы романтической литературы необычно выпуклы, ярки, красочны, легко подкупают своей несбыточностью, вызывают более сильные эмоции, чем реалистические образы, хотя последние сопровождаются более спокойными и более глубокими переживаниями». И здесь, как видит читатель, Воровский выводит формальные приемы романтиков из их мироощущения.

Но если художественная форма определяется содержанием, а содержание, в свою очередь, определяется социальной средой, то естественно, что изменение социальной среды, вызывая изменение содержания искусства, неизбежно должно вызывать и изменения художественных форм. И действительно, статья Воровского о Куприне начинается следующими высокознаменательными словами: «В моменты внутреннего перелома жизни общества, а следовательно, и перелома в литературных вкусах и формах» и т. д. Таким образом перелом в литературных вкусах и *формах* в представлении Воровского является естественным *следствием общественного перелома*. Но отсюда следует и другой вывод, что нельзя переливать новое вино в старые мехи, что форма, созданная в одних общественных условиях, непригодна в большинстве случаев в других условиях. Действительно, характеризуя художественную манеру Горького, Воровский замечает: «Возможно, что здесь автору вредит чеховская манера композиции; она пригодна только для определенного материала, для изображения застойной жизни. Там же, где выступают лица и группы, способные к активному историческому действию, вряд ли можно вместить их жизнь в специфическую форму без действия». Эти слова критика-большевика следует особенно напомнить тем марксистским критикам, которые недооценивают необходимости выработки новых художественных форм, соответствующих содержанию пролетарской литературы.

Третий вопрос, стоящий в центре нашей литературной дискуссии, это — вопрос о взаимоотношениях в марксистской критике элементов научного и публицистического. Как известно, публицистические нотки всегда внятно звучали в подлинно-марксистской литературной критике. Особенно часто слышатся эти боевые резкие ноты в статьях Воровского. Еще бы, ведь Воровский, это — стопроцентный большевик, неутомимый практический борец рабочего класса, для которого и организационная партийная работа, и литература, и дипломатическая миссия в Лозанне были только различными видами служения делу пролетарской революции. Этот Воровский менее, чем кто бы то ни было, мог подходить к своим литературно-критическим статьям,

> Как некий дьяк, в приказах поседелый,
> Спокойно зрит на правых и виновных,
> Добру и злу внимая равнодушно,
> Не ведая ни жалости, ни гнева...

Ведь художественная литература, это — могучее средство общественного воздействия, это — могучее орудие классовой борьбы. Как же мог пламенный участник этой борьбы, Воровский, ограничиться объективными, научными оценками и не делать дальнейших выводов, — какую роль играет данное художественное произведение по отношению к рабочему классу, ведущему напряженнейшую освободительную борьбу. В самом деле, в статьях Воровского мы сплошь и рядом встречаем образцы поистине вулканической публицистики. Ярче других в этом отношении его изумительная статья «В ночь после битвы», которая и до сих пор действует, как «животворящая гроза». В этой статье Воровский обрушивается с непередаваемым негодованием и сарказмом на Андреева и Сологуба, которые в дни кошмарной реакции, после поражения революции 1905 года, стали в своих произведениях обливать грязью раздавленную революцию. Воровский сравнивает этих писателей с мародерами, которые «прятались от опасности боя по рвам и оврагам, многие еще вчера состояли — а больше числились — в рядах побежденной теперь армии, но темнота ночи сделала их храбрыми, и они спешат обобрать тех, кому вчера до хрипоты кричали «ура». Эту исполненную клокочущего гнева статью Воровский заканчивает бичующими словами: «В добрый час, господа. Жалеть о потере не приходится. Но скажите — в интересах вашего же самоуважения скажите, — неужели вы не можете совершить своего отступления, «без мародерства, без отравления воздуха миазмами тления?».

Но если бы Воровский ограничился гневом, если бы он не пошел дальше этого пламенного негодования, он не исполнил бы своих обязанностей марксистского литературного критика. И в этой бичующей статье он не забыл своего долга: вскрыть социальный смысл данного литературного явления. Он не только бичует и клеймит Сологуба и Андреева, но и выясняет, настроение какого общественного слоя нашло себе выражение в их произведениях, каковы социальные причины появления «Тьмы» и «Навьих чар». Выше я уже приводил цитату, доказывающую, что охваченный публицистским пафосом Воровский сумел в то же время не только вскрыть классовый характер творческой психики авторов, но и проанализировать их индивидуальные психологические особенности. На примере Воровского наши критики-марксисты могут учиться, как следует сочетать пафос политика-публициста и серьезность объективного исследователя. Чужда марксизму та критика, которая не выясняет полезного или вредного значения тех или иных литературных явлений для дела рабочего класса, но не менее чужда марксизму и та критика, которая забывает об объективном научном анализе разбираемых произведений.

Наконец, четвертой проблемой, вызывающей сейчас ожесточеннейшие споры, является *проблема пролетарской литературы*. К сожалению, Воровский мог писать критические статьи тогда, когда пролетарской литературы как значительного и организованного литературного течения еще не было; когда же появилась пролетарская литература, Воровский был уже настолько перегружен работой по строительству Советского

государства, что не имел никакой возможности взяться снова за перо литературного критика. Тем не менее в статьях Воровского разбросан целый ряд мыслей, касающихся и этой важнейшей проблемы.

Присматриваясь к этим мыслям, мы прежде всего не можем не коснуться известной формулы Воровского о последовательности выработки классом различных идеологий. Эта формула имеет сейчас для нас немалое значение. «Если присмотреться, — пишет Воровский, — к ходу политической, научной и художественной эволюции человечества, придется признать, что на всех стадиях развития общества, т.-е. при движении любого класса от небытия к господству, раньше всего складывалась политическая (практическая) идеология, затем уже следовало научное формулирование нужд класса, а уже позади, с большим опозданием, шло художественное отражение жизни и борьбы этого класса. Конечно, я говорю о действительно художественном творчестве, а не о тех младенческих попытках излагать лозунги класса в стихах и прозе, которые нередко предшествуют логической формулировке их». Эта формула Воровского вполне подтверждается историей восхождения всех известных нам классов, в том числе и пролетариата. В самом деле, мы знаем, что к концу первой половины XIX столетия рабочий класс в лице «чартистов» выработал уже определенные политические требования, а устами Маркса и Энгельса придал им вид стройной программы («Коммунистический Манифест»). Лишь значительно позже «Капитал» Маркса, «Анти-Дюринг» Энгельса, многочисленные работы Плеханова, Лафарга, Каутского, Меринга, Ленина подвели под эту программу основательный научный фундамент, и, наконец, только в наши дни рабочий класс начинает создавать свою художественную идеологию, свое искусство, в первую очередь, свою литературу.

Каковы же, по мнению Воровского, предпосылки появления пролетарского искусства? «Для того, чтобы быть действительно пролетарской, поэзия не должна обязательно черпать свои темы из жизни пролетариата. Здесь не в теме суть, а в самом духе творчества, в доминирующем настроении, а настроение, как известно, никакими усилиями мысли и воли не создашь. Для того, чтобы появилась настоящая пролетарская поэзия, необходимо, чтобы психика художника была не только творческой, но и пролетарской. А разве может сложиться такая психика в обществе, где пролетариат представляет пока лишь незначительную культурную силу, где в среде самого пролетариата еще не созрела творческая пролетарская психика, — не в области поэзии, а в области реальной жизни». Эта краткая выдержка чрезвычайно разностороння и глубока по своему содержанию. Во-первых, она очень правильно подходит к определению пролетарского творчества, — оказывается, дело не столько в выборе тем из жизни определенного класса, сколько в доминирующем настроении произведения. Во-вторых, она не менее правильно утверждает, что пролетарская поэзия сможет появиться только тогда, когда созреет творческая пролетарская психика в области реальной жизни. Совершенно ясно, что эта творческая психика пролетариата в области реальной

жизни может полностью созреть лишь тогда, когда пролетариат из класса бесправного, порабощенного и эксплоатируемого превратится в активного строителя жизни, в господствующий класс. Отсюда понятно, почему до Октябрьской революции мы имели отдельные ростки пролетарского искусства, но пролетарского искусства как серьезной художественной и общественной величины мы еще не имели. И отсюда же ясно, что превращение пролетариата в господствующий класс, неизбежно сопровождающееся пробуждением в его груди огромных творческих сил и заставляющее его вплотную приступить к полному переустройству всего общественного строя, как раз *создает основные предпосылки для появления пролетарской художественной литературы*, предпосылки, отсутствовавшие в до-Октябрьской России. Можно с полной уверенностью заявить, что рассуждения некоторых товарищей, отвергающих не только наличие, но даже возможность появления пролетарской литературы, резко противоречат критическому наследству, оставленному покойным тов. Воровским.

Но приведенное выше соображение Воровского о пролетарской литературе означает также, что тогда, когда творческой психологии пролетариата в области реальной жизни еще нет, не может быть и настоящего пролетарского искусства. Эта творческая психология создается лишь после захвата власти, — между тем, задолго до Октября были художники, искренне сочувствовавшие борьбе рабочего класса и желавшие стать его художественными знаменосцами, его литературными барабанщиками и буревестниками. Эта огромная творческая задача в тех условиях была в значительной степени еще невыполнима. Этим художникам приходилось либо жертвовать задачами пролетариата и следовать своим непролетарским творческим инстинктам, либо жертвовать художественностью своих произведений и следовать классовым задачам пролетариата. Совместить и то и другое было для них тогда трудно, ибо их творческая психика далеко не стала еще пролетарской, хотя логически они целиком сочувствовали борьбе рабочего класса. В таком затруднительном положении оказался, между прочим, во второй период своего творчества и М. Горький, который, покончивши с идеализацией босяков, попытался в драме «Враги» и повести «Мать» стать на точку зрения пролетариата. Эти произведения его оказались менее художественными, чем рассказы босяцкого периода его творчества. Буржуазные эстетствующие критики подняли трезвон по поводу обнаружившегося якобы упадка таланта Горького. Воровский, признавая, что новые произведения Горького художественно слабее прежних, в то же время указал, что ни о каком упадке таланта не приходится говорить. «Упадок таланта прежде всего сказывается в потере способности образного изображения, художественного письма, а у Горького даже в самых неудачных вещах последнего времени вы найдете такие художественные образы и такие яркие типы, которые заставляют вспоминать лучшие дни так называемого «расцвета» его дарования. Далее: для упадающего таланта характерно исчезновение самостоятельности творческой воли, подлаживание

под вкусы публики, ибо падающий талант, теряя чутье, теряет и веру в себя... Однако Горького последнего времени никто не решится заподозрить в недостатке веры в себя, в правоту своих взглядов, в свои силы: напротив, он переживает чисто апостольское настроение». Дело, оказывается, не в упадке таланта, а в том, что Горький не нашел творческих сил для передачи своих логических пролетарских взглядов, но, тем не менее, не боясь уменьшения художественной ценности своих произведений, решил посвятить свое творчество выявлению именно этих взглядов. И Воровский целиком оправдывает этот шаг Горького: «Для нас сейчас важно одно: Горький находит, что именно это теперь нужнее всего, что гораздо важнее писать нехудожественные вещи, в которых проводишь свободно и настойчиво свои взгляды, чем давать бесспорные произведения искусства, в которые не иметь возможности высказать самое дорогое и близкое. А если те критики и читатели, которые не одобряют его этого поведения (и, главным образом, потому, что не одобряют его теперешних взглядов), скажут, что это не художественно, что это бездарно, он, конечно, ответит им, что писал вовсе не для них, и отошлет их к Валерию Брюсову или подальше».

Статья «Еще о Горьком», откуда я черпаю эти выдержки, имеет сейчас самый острый злободневный интерес. Ведь и сейчас некоторые критики пытаются доказывать, что предпочтительнее художественное, хотя и не пролетарское, творчество, чем пролетарское, но не столь художественное. К счастью, практически этот вопрос *вовсе не стоит* так трагически: пролетариат СССР достаточно проявил свою «творческую психику в области реальной жизни», чтобы выделить целую фалангу художников слова, не только логически, но и творчески и психологически проникнувшихся «духом» коммунистической революции. У нас уже есть не мало пролетарских писателей, для которых не существует Гамлетовской раздвоенности, в груди которых отнюдь не живут две души, творческая психика которых вовсе не находится в разладе с теоретическими взглядами, но даже, если бы вопрос стоял так, что современным писателям приходится выбирать между художественным совершенством и выдержанностью идейного содержания, — для действительно революционного художника и для действительно марксистского критика сомнений не может быть: если нельзя совместить революционность с формальным совершенством, то — да погибнет формальное совершенство! Нельзя так ставить вопроса: пусть художник следует своим художественным инстинктам, а революционность придет сама. Нет, пусть художник ставит перед собой отчетливую революционную цель, пусть он начнет усиленно работать над своей творческой психикой, пусть он неустанно ищет пути художественного воплощения своих заветных идей, и тогда художественное совершенство придет само (если, разумеется, художник талантлив). Этому учит критическое наследство Воровского.

Я далеко не исчерпал всего богатства оценок, формул, предвосхищений, которые заключаются в небольшой книжке литературно-критических этюдов Воровского. Я не коснулся многих затронутых им важных

проблем, но и немногочисленные приведенные выше отрывки, касающиеся самых острых и злободневных проблем литературной критики, свидетельствуют, что в работах Воровского мы имеем «неисчерпаемый кладезь» указаний, советов и ответов, что работы Воровского, на-ряду с капитальными трудами Плеханова, являются фундаментом, на котором предстоит возвести величавое здание марксистской науки о литературе.

Прошло то время, когда можно было спокойно смотреть на идеалистическую путаницу, свившую прочное гнездо в нашей литературной критике. Эта путаница с каждым днем становится все нестерпимее, все опаснее. Борьба с литературным ревизионизмом, борьба с забвением классового мерила в литературе, борьба с формалистским уклоном и с вульгаризацией марксизма, борьба за литературное творчество рабочего класса, — эта огромной важности борьба должна вестись под знаменем возрожденных заветов Плеханова и Воровского.

Выставка графики и карикатуры. — Ротов. «Сон рабкора».
(К статье Федорова-Давыдова.)

ПАРИЖСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.

(Жизнь и литература).

П. С. Коган.

I.

Есть свое преимущество, своя хорошая сторона в обилии впечатлений, в беглых встречах, в беспорядочно прочитанных книгах, в отсутствии глубокого и детального изучения. Десять лет отделяют нас от того момента, когда каждая литературная новинка, появлявшаяся на парижском книжном рынке, немедленно доставлялась в Москву, становилась известной в наших литературных кругах и переводилась на русский язык. Уже десять лет, как оборвались нити, связывавшие Россию с Францией, и прекратилось наше культурное общение. Как много изменилось за это время. Из стариков «иных уж нет, а те далече». Окончательно маститым стал Поль Фор, «король поэтов», распался кружок унанимистов, из которых только Жюль Ромэн и Дюамель продолжают пользоваться вниманием публики. Зато сколько новых имен успели прославиться в эти годы: Поль Моран, Жироду, Кокто, Сандрар, сюрреалисты, это последнее изобретение парижской богемы, и много, много других!

Нужны месяцы, чтобы снова глубоко погрузиться в умственную жизнь Франции. Но есть, повторяю, хорошая сторона и в беглых встречах. Они имеют преимущество первого впечатления. По приезде в Париж в особенности, по приезде из России, этот город предстает вам законченным, ярким. Вы сразу воспринимаете его стиль, если можно выразиться, его основную идею. Мало того, вам кажется, что вся Европа, в которой вы побывали перед тем, и Германия, и Италия, и даже карлики Малой Антанты, что все это только преддверие Парижа. Париж — изысканнейшее художественное оформление всего, что выиграло от войны, что зажило снова довольной и сытой жизнью после того, как были залечены первые раны, получившиеся в результате великой вспышки мирового безумия. Отстраиваются развалины городов, подрастающими поколениями заполняются поредевшие ряды европейского человечества, забывают понемногу о миллионах убитых, доживают свой век в богадельнях или живут нищен-

ством инвалиды. Но есть и те, кто выиграл от этой ужасной бойни, те, кто уже заняты поставками на новые броненосцы и аэропланы, кто наживает состояния, отливая новые пушки, те, которые делают дипломатические и политические карьеры, или просто вновь собирают мелкую ренту, образуя в совокупности строй жизни, неизбежно идущий к новым катастрофам.

Вот эта Европа тянется к Парижу. Ее вкусами, ее бытом окрашены и формы общественной жизни, и современное искусство, и современная литература. Париж — ее глубочайшее выражение, и поэтому все, что служит новым баловням судьбы, мечтает о Париже, как о величайшем культурном центре. В Париже создаются мировые репутации. Писатель, прославленный французской печатью, становится международной знаменитостью, артист, добившийся признания в Париже, может смело уехать в Америку, ему заранее обеспечен успех, так же, как и картины и статуи американцы покупают у скульпторов и художников, составивших себе репутацию в Париже. Пикассо, быть может, наиболее знаменитый сейчас художник мира, давно уже забыл о своей Испании, где он, вероятно, никогда бы не вышел из разряда местных знаменитостей. Париж стал его второй родиной или, вернее, резиденцией его мирового художественного влияния. Вот почему познакомиться с столицей Франции, это значит заглянуть в тот фокус, куда сходятся лучи современной «цивилизации», т.-е. той цивилизации, которая укрепляет пошатнувшиеся было устои старого мира, стремится опереться на них, возрождает, усовершенствует, доводит до изумительной изощренности старые методы материальной и духовной жизни, расцвечивает новыми красками старые пути. Это, конечно, не та недовольная Европа, пострадавшая от войны, вновь скованная, обреченная на беспросветный труд, отстраненная от радостей и цветов жизни, Европа Кашена и Барбюса, бурлящая, воинствующая, по временам грозно напоминающая о себе. Эта Европа с надеждой обращает свои взоры к другой столице, туда, где веет красное знамя III Интернационала. Этой Европы вы не встретите на фешенебельных улицах французской столицы, в ее залитых электрическим светом театральных и концертных залах, на многочисленных выставках, на катаньях в Булонском лесу. Она не читает стихов Апполинера. Она по-прежнему ютится на окраинах и дышит дымом фабричных труб.

II.

«Настоящий» Париж, так наз. «весь Париж» живет совершенно иною жизнью. Стиль этого Парижа — индивидуализм. Сущность этого индивидуализма— полнота и острота внутренних переживаний. То, что для нас стало целью жизни, ее радостью, то для парижанина только средство, неизбежное зло, докучная необходимость. Он не знает пафоса строительства, счастья преодоления, победы над препятствиями, жажды организаторской деятельности, того наслаждения, которое дается лихорадочной работой известным аскетизмом, сжатием своей личности во имя

общих задач и целей. Француз хочет жить и наслаждаться. Он платит щедро только тому, кто проявляет изобретательность в деле удовлетворения этой потребности. Он старается закрывать глаза на угрожающие его спокойствию явления, старается не думать о рабочих манифестациях, о коммунистических речах в палате. А так как они все-таки напоминают о себе, так как благодаря этому жизнь буржуа стала все-таки менее прочной и устойчивой, то и жажда наслаждений приобрела более острый характер.

Это и создает стиль современного Парижа. Сверху до низу, начиная с вершин мысли и творчества и кончая низкопробным развлечением, Париж бесчисленными голосами кричит об этой безумной жажде жгучих и острых переживаний. В этом смысле нет различия между «Алкоголями» («Alcools») Апполинера и сенсационной хроникой газеты «Matin». Мы в России забыли то время, когда читали газеты для развлечения. Наши газеты трудны для чтения. Они переполнены специальными темами, насущными задачами, Донбассами, смычками, всевозможными фронтами, не отводят никакого места романтическим историям и каким-нибудь завлекательным случаям частной жизни. В них ищешь ответа и почти всегда ответа практического на тот или другой неизбежно вставший перед вами вопрос. Взгляните на парижскую газету. Она создана не для нашего читателя, пробегающего газету между двумя заседаниями. Политика и серьезные проблемы теряются в ней среди сенсаций. Парижанин смакует их и читает так, как читаются уголовные романы, как читают люди, старающиеся забыться и убить время.

Пробегая «Matin», «Figaro», в особенности, «Petit Journal», вам кажется, что Франция населена бандитами, отцеубийцами, демоническими преступниками, похитителями детей и женщин и самоотверженными героями, жертвующими своей жизнью для спасения ребенка из охваченного пламенем здания. «Лучшие» газеты считают своим долгом поместить в номере не менее тридцати грабежей и убийств. Убийства на почве половых эксцессов расцениваются особенно высоко.

Эта низкопробная литература, по-своему, достигла изумительного совершенства. В ней есть свои шедевры. Я не помню, например, чтобы наша печать уделила хотя бы несколько строк петита той драме, которая разыгралась в Америке и одно время занимала всю парижскую печать. Двое блестящих молодых людей, сыновья американских миллиардеров, уже успевшие завоевать себе имя в науке, отличавшиеся редким всесторонним образованием, заманили мальчика, сына другого миллионера, и убили его после утонченных пыток. Все это сопровождалось подробностями, свидетельствовавшими о необыкновенной фантазии убийц, письмом с требованием выкупа от имени вымышленных бандитов и пр. После раскрытия преступления началась настоящая битва миллионов. Арестованные молодые люди, и в заключении не изменившие своему привычному образу жизни, элегантным костюмам и изысканным винам, произносили остроумные речи на тему о праве избранной человеческой личности на глубину и красоту утонченнейших переживаний, об этом великом праве, перед

которым ничтожны и человеческие страдания, и вся общественная борьба, и войны, и революции. Несчастный мальчик пал жертвой неутолимых эстетических потребностей молодых миллионеров. Оскар Уайльд улыбнулся бы гордой улыбкой, если бы мог увидать этих своих учеников, превзошедших ослепительные фантазии своего учителя, воплотивших в жизнь его сверкающие парадоксы. Обе стороны не щадили денег: одна — для того, чтобы возвести на эшафот убийц, другая — чтобы их оправдать. Трудно сказать, сколько миллионов перешло в карманы репортеров, публицистов, адвокатов и судей. Убийцы открыто хвастались, что их родители ассигновали на это дело двадцать пять миллионов долларов,— сумму, вполне достаточную для того, чтобы купить и американский суд, и те фабрики, где куется общественное мнение и вырабатывается общественная совесть капиталистического мира.

III.

Жадно следя за подобными историями, Париж переживает те же чувства, какие волнуют его в кабачках Монмартра и в знаменитом «Мулен-Руж». Это — низы духовной жизни. Но подымитесь к верхам. За это время мне приходилось встречать самые разнообразные круги французской интеллигенции. Среди других я познакомился с Полем Фором, которого у нас все еще продолжают путать с его тезкой, пресловутым социалистом, познакомился с Пикассо, Дюамелем, Жироду, с известным художественным критиком, издателем «L'Amour d'Art», Вольдемаром Жоржем, с писателями и деятелями искусства, входящими в состав «Amitiée nouvelles» (Общества франко-русской дружбы), директором изящных искусств во Франции Полем Леоном и рядом других представителей науки и искусства. Это — рафинированные круги французской интеллигенции. Их общая черта — какое-то равнодушное и даже чуждое отношение к вопросам политики и общественности, к злобе дня. Все это — люди, живущие напряженной внутренней духовной жизнью, люди очень тонкой душевной организации, в которой созерцательное начало господствует над духом активизма, над волевой стихией.

На вечере, который был устроен упомянутым обществом франко-русской дружбы перед нашим отъездом, я на предложение информировать собравшихся о русской литературе, указал на это различие между нами и ими, различие, окрашивающее современную литературу России и Франции в противоположные цвета. Было досадно, что французы так мало знают нас и наше творчество. Имена Всеволода Иванова и других серапионовцев, Сейфуллиной, пролетарских поэтов, нашей молодежи, Безыменского и других впервые были услышаны из моих уст почти всеми присутствующими. Французы с большим вниманием слушали мое сообщение. И действительно, им совершенно неведом тот подход к явлениям, который отличает нашу современную литературу, и при свете их чуждой, далекой нам психологии становится ясным единый стиль нашей литературы, несмотря на все жгучие споры, разделяющие ее отдельные напра-

вления. В ней почти не осталось ничего от старой интеллигентской рефлексии, от бесплодных размышлений, от каких-то сладострастных блужданий по самым скрытым извивам индивидуального внутреннего мира, от всего того, что составляет главное содержание современного французского романа и богатой французской лирики. У нас лирика как-то поблекла или спряталась куда-то в одинокие, мало посещаемые святилища. Наш Пастернак пишет для очень немногих,— гремят и властвуют над умами бытовики, реалисты, плакатные революционеры, беспечные и бодрые, закаленные в революционных бурях комсомольцы. В Париже царь литературы — кабинетный мыслитель, лирик, фантаст и мечтатель. Характерно, что многие романисты являются одновременно и выдающимися лирическими поэтами.

IV.

Я не собираюсь дать здесь картину современной французской литературы. Мне хотелось остановиться на нескольких ее характерных моментах. Неизгладимое впечатление оставила во мне встреча с Дюамелем. Когда я вошел в скромную квартиру романиста, в его маленький кабинет, уставленный книгами, этот тихий уголок показался мне символом французской литературы. Ничто не могло изменить его хозяина. Дюамелю сорок лет. Он хирург, был мобилизован. Он видел ужасы войны, и вместе с французскими армиями носился с одного фронта на другой. Он знает о революционных волнениях, сотрясающих мир, но его истинная жизнь протекает там, где-то в глубине его собственной души. Он любит детей и знает детскую душу, о которой рассказал в своих «Les plaisirs et les jeux». Дюамель, как и все другие писатели, с которыми мне приходилось говорить на эту тему, считает, что в настоящее время во Франции нет литературных школ и направлений: «Группа унанимистов распалась, и мы живем каждый своей индивидуальной жизнью». Он подарил мне среди других своих сочинений «Confession de Minuit», появившуюся в 1920 г. В последней главе этой книги я нашел следующие строки: «Еще раз прошу извинения в том, что я упорно продолжаю называть событиями то, что происходило исключительно внутри меня. У мира есть две истории: история его деяний, та, которую запечатлевают в бронзе, и история его мыслей, о которой, кажется, никто не заботится. В самом деле, что вам до моих действий, если все мои мысли — только отрицание их и насмешка над ними?».

Группа тех, кто основали когда-то «аббатство», распалась, но распалась только как кружок, как внешняя организация. Унанимизм, ее знамя, не только не умер. Он, кажется, овладел всей французской интеллигенцией, той Францией, которая находит свое выражение в официальной жизни Парижа.

Что такое унанимизм?

В ту минуту, когда вы читаете эти строки, во Франции умерло несколько десятков детей. В эту минуту несколько десятков матерей

живут едиными душевными настроениями, с одинаковыми слезами склонились над охладевшими крошечными телами. Унанимизм знает только единство настроений, он исследует внутренний мир человека, и если ему знакомы какие-нибудь формы коллективизма, это только коллективные переживания, неуловимые, скоро преходящие. От них нет пути к борьбе, к организации человеческих усилий и действий. Они ведут к бесплодной грусти, в область тихих размышлений. Они убивают дух активизма и волевое начало в человеке, оставляют его одиноким и беззащитным перед космосом.

Еще Жюль Ромэн положил начало этому направлению, корни которого нетрудно отыскать в поэзии Уайльда и Гамсуна, и во всем европейском модернизме. Когда мы расстались с Францией, «La Vie Unanime», откуда получила свое название поэзия унанимистов, эта книга изысканнейших стихов Жюля Ромэна, еще пользовалась всем своим чарующим обаянием. В год, предшествовавший объявлению мировой войны, она вышла новым изданием, и было что-то символическое в этом факте: Франция нашла прекраснейшее выражение для центростремительных сил человеческого духа в тот самый момент, когда поток исторических событий готовился на долгие годы оторвать человека от его внутренней жизни и бросить в водоворот борьбы и действия. Миновали годы. Мы снова вернулись к старому, о поэтической книжке Ромэна говорят теперь меньше, она стала исторической датой, но дух ее жив. Французское вдохновение осталось верным ее заветам. Уже в 1923 году вышло новое издание того же Ромэна «Mort de Quelqu'un», характернейшее произведение унанимизма, свидетельствующее о том, как мало склонна читающая Франция уйти от его влияния. Как мало в этой книге «деяний», и как много «мыслей» или, вернее, настроений! Умер человек, незначительный, мало кому ведомый обыватель. Никто не интересовался его жизнью. Случайно, как-то нехотя, заглядывают в его квартиру соседи; говорят о покойном, спеша на рынок и проходя мимо, хозяйки; высказывают обыватели свои несложные философские мысли о смерти; возникло какое-то странное единство между обитателями дома, до сих пор чуждыми и мало интересными друг другу. Возникла идея даже возложить венок на гроб покойного путем сбора пожертвований со всего дома. Дотоле разрозненное стало цельным. И чудится, будто образовалась какая-то гармония, родился осмысленный мир там, где не было ни смысла, ни цели, в тине мелочей и интересов, наполняющих обывательское существование. В романе нет событий, но десятки страниц отделяют момент решения о венке до момента его заказа и составления надписи. Да, это история «pensées», а не история «actes», как говорит Дюамель.

V.

Кружок распался, но дух его жив. И Дюамель так же верен себе. В упомянутом романе «Confession de Minuit» те же приемы и те же темы. Опять незначительный человек, мелкий служащий в огромной конторе

фирмы Сюро. Рассказ ведется от первого лица. Трудно сказать точно, что побудило злополучного героя сделать нелепый шаг, имевший такие для него печальные последствия. Это случилось в одну из тех минут, когда люди следуют неведомым побуждениям, не имеющим никакого разумного объяснения. Это — то движение души, то действие иррациональных сил, на изображение которых так много творческой силы затратили Метерлинк, Кнут Гамсун, Пшибышевский и другие прославленные властители дум конца истекшего века. На докладе у своего грозного патрона, влекомый какой-то неодолимой силой, герой почувствовал потребность коснуться уха всемогущего Сюро. Испуганный миллионер вскочил и, весь дрожа, схватил револьвер. Герой был обыскан, историю затушили, но незначительный человек, статист на подмостках человеческого театра, с позором был изгнан из конторы. Десятки страниц посвящены изображению немногих часов, протекших между изгнанием героя и тем моментом, когда он решился сообщить об этом матери, любящей старушке, неустанным трудом поддерживавшей благополучие их крошечного хозяйства. Снова нет «деяний», но нескончаемое течение мыслей. Мыслей, возникающих без цели, без плана, без расчета, не претворенных в действие, мыслей то отрывочных, то слабо цепляющихся друг за друга, рожденных из неведомого и в неведомое уходящих. Это — герои вне колей жизни, не находящие себе места в сложной системе борьбы и отношений, характеризующих жизнь современного общества.

Дюамель, быть может, самый характерный из всех. Изумительна его способность выслеживать минуты уединенной интимной жизни даже там, где, казалось бы, не остается для них ничего в кипучей сутолоке жизни. Дюамель обещал приехать в Россию. Он интересуется русской литературой; он сказал мне, что много слышал о нашей революции. «Но,— прибавил он,— мы, художники, воспринимаем мир только в произведениях искусства, и мы почувствуем вашу революцию, когда узнаем вашу литературу этой эпохи». Для психолога и историка литературы это зрелище будет высоко-любопытно: встреча унанимизма с Октябрем, созерцания и действования в их высшем выражении! Где отыщет у нас Дюамель свои излюбленные темы? Даже между двумя заседаниями, в трамвае или на машине нам некогда оглянуться на себя. Не покажется ли французскому мечтателю страшным и чуждым наш Октябрь, как чуждым и далеким представляется нам мечтательный мир современной Франции! Даже в такой книге, как «Vie des Martirs», в этой скорбной повести о жертвах войны ни одной мысли, обращенной к ее социальным источникам, ни одного негодующего возгласа по адресу ее виновника, ни одного призыва к борьбе с кровавым безумием, новые приступы которого опять угрожают человечеству. Мы в лазарете, и кроме тихой печали и грустных размышлений ничего не подарил автор страдальцам, стонущим на лазаретных кроватях. Безысходным, безнадежным веет от этой поэзии. Герой «Confession de Minuit» наиболее показателен. Его судьба напоминает судьбу нашей чеховской интеллигенции. Он уходит от матери. Он пишет ей письмо, которое, по его собственному выражению, «не объясняет

ничего». Он просит ее не настаивать на возвращении, не искать для него счастья, она не знает, что̀ он за человек, и «тысячи других подобных глупостей, которые должны причинить ей невыносимые муки, ничего не выяснив». Странно оканчивается эта повесть:

«Уже три дня, как я брожу по улицам Парижа без цели, без пристанища. Я спокоен, но очень несчастлив. Я не ищу смерти. Я не готов еще к смерти. Денег у меня осталось только на два дня, а там мелкая работа, чтобы есть... Не рассказывайте никому этой истории. Она не единственная. Все люди несут свое бремя страданий. Незачем смущать их судьбой Салавена. Незачем также давать им пищу для смеха. Я не знаю больше, что̀ делать, не знаю, что̀ будет. Может быть, я отправлюсь путешествовать, если ветер сжалится надо мной и унесет с собою. Быть может, останусь. Быть может... Вы, сударь, были так просты и добры, так сочувственно слушали меня; быть может, вы скажете мне, что̀ делать».

VI.

Созерцательный характер французской литературы резко бросается в глаза, когда романисты и поэты подходят к темам войны и революции. Трагические события — только фон, на котором развертывается история индивидуальной души. Они никогда не служат самодовлеющей целью художника. Они — не нити, ведущие от душевного мира личности к социальным отношениям. Они — новый ключ, открывающий таинственные цели нездешних сил, лицом к лицу с которыми стоит беспомощная личность, как стоял отец Василий Фивейский перед «зловещей и таинственной преднамеренностью» у нашего Андреева или маленький Тентажиль перед загадочной Королевой у Метерлинка.

Несомненно, лучшее из созданий Дюамеля — «Civilisation. 1914—1917», книга, появившаяся в 1918 г. и удостоенная премии Гонкуров. Она соткана из беспредельного сострадания и тихой безнадежности. Это — лирическая поэма о жертвах войны. Я не знаю в современной французской литературе поэта, который бы умел трогать сердце с такой силой, как Дюамель в этой книге, в такой простой безыскусственной форме. Э̀то книга о мелочах, но таких мелочах, в которых раскрывается трагизм нашего времени более глубоко, чем в изображении видимых потрясающих картин войны. Некоторые эпизоды напоминают Леонида Андреева, с той только разницей, что у Дюамеля нет болезненной взвинченности русского писателя, ужаса перед противоречиями жизни. Французский автор носит в своей душе нечто примиряющее, ровное спокойствие мудреца, переболевшего и передумавшего все, чем усеян тернистый путь человека. Вот на выбор один из этих маленьких шедевров: «Les projets de Cousin». Кузен лежит в лазарете. Ему только что отняли ногу. И, вероятно, так оно было и в жизни: когда хирург Дюамель присел к нему на кровать, Кузен сказал: «Вот есть для вас место теперь, когда мне отрезали ногу; можно подумать, что это для того и сделали». В свободные минуты он рассказывает о своих планах. Он — посредник при покупке предметов

художественной промышленности. Это — очень выгодное ремесло для тех, кто хорошо изучил его. Его специальность — канделябры и арматура. Он работает с фирмами Коген и К°, с Маргие, с Смитсоном. Как раз в последнее время он набрел на замечательный метод работы. Предположите, что какой-нибудь г. Барнабэ желает купить люстру для гостиной. Кузен везет его к Когену и требует 25 процентов себе. Допустим, что Коген артачится. Кузен увозит покупателя к Смитсону и т. д. Бывает, что Барнабэ упрется, и Кузен теряет, но такой метод интересен, он требует вкуса. Печально слушает хирург подробности этих приемов из уст калеки, поглощенного предстоящими новыми сделками, рассказывающего с молодым увлечением о предстоящей новой беготне от фирмы к фирме и уже забывшего о навсегда потерянной ноге. Печален рассказ автора, потому что и другая нога обнаруживает зловещие признаки, сквозь повязку все чаще и чаще проступает кровь. «Как это надоедает!» — по временам прерывает больной этими словами свой увлекательный рассказ о будущих планах. И потрясающее впечатление оставляет конец рассказа. Однажды унесли Кузена в операционную комнату. Его врач следовал за ним, и он продолжал твердить ему о своих маленьких, но дорогих замыслах:

«Тут очень важно знать стиль. Моя сила в том, что я знаю стили, и Людовика XV, и Империи, и голландский, и современный, и другие. Только это не легко. Я вам сейчас объясню...» — «Спите, Кузен», тихо сказал хирург. Кузен посмотрел на маску, как на старую знакомую, он успел еще шепнуть мне: «Я вам объясню, когда они кончат, когда я снова проснусь». Он стал вдыхать эфир. — «Прошел год, — заканчивает автор, — я часто думаю, Кузен, об этих объяснениях, которых ты не успел мне дать и не дашь никогда».

У нас в России эти сюжеты культивировал Леонид Андреев, и как не вспомнить по поводу «Проектов Кузена» андреевский рассказ «Жили-были». Правда, Дюамель тоньше. Он пишет без истерики. Он без андреевского ужаса любовно и грустно бродит по извивам страдающей человеческой души. Но та же безнадежность какой жила русская интеллигенция накануне революции.

VII.

Не только война, но и революция не изменила общего унанимистского духа французской поэзии. В 1922 году вышла книга Поля Морана, быть может, самого модного сейчас французского поэта: «Ouvert la nuit». Ему тридцать семь лет. Его стихи и романы: «Lampes à arc. 1919», «Feuilles de Température. 1920», «Tendres Stocks. 1921», «Ouvert la nuit. 1922», «Fermé la nuit. 1923» — появились в эпоху величайших мировых потрясений, после нашего Октября. И тем не менее и он остается поэтом интеллигентской рефлексии, индивидуальных психологий, личности, от которой только бледные нити ведут к миру общественных отношений и внешних событий, окутанных туманом и еле мерцающих где-то вдали. В «Ouvert

la nuit» слышны голоса революции, и даже упоминается имя Бела-Куна. Но все это там, на заднем плане, а впереди тоскующие героини, без конца думающие и переживающие натуры. Первая ночь, «каталанская» («Nuit Catalane») — повесть о девушке, полюбившей испанского революционера, казненного правительством. Эта девушка произносит много речей, где путает анархизм с социализмом и коммунизмом, употребляет слишком часто пудру. И, тем не менее, она трогательна в своей наивности, в своей преданности революционному делу. Рассказ кончается ее арестом. В Моране есть что-то надломленное, чего нет у Дюамеля. В его подходе к революции есть много романтики и фантазии. Ее лицо становится иногда пугающим призраком, кошмарным видением, но автор никогда не подходит к ней реально и просто, как делают это наши писатели, давно уже переставшие расцвечивать нашу страшную борьбу романтическими узорами.

Поэзия Морана, как и ряда других поэтов, в особенности Андрэ Сальмона, свидетельствует о том, что и в современной Франции не всякому мечтателю удается уйти от бурь современности в тихую созерцательную жизнь души. Андрэ Сальмон откликнулся на русскую революцию не одним произведением. В этих откликах есть что-то судорожное, какая-то надежда выбитого из колеи мечтателя. Это вопль гибнущего, увидавшего вдали свет спасения, но свет непонятный, загадочный, властно влекущий к себе. Понимает ли Сальмон то, что творится в настоящее время в России? Он жадно и буйно ловит долетающие до него с Востока голоса и создает из них какую-то дикую восторженную симфонию, где в пестром смешении сочетаются и кровавые ужасы, и отважные замыслы революции. Один французский критик так характеризует его «Приказ» «Prikaz»), появившийся в 1919 г. «Это опыт поэтической фрески, написанной с большой энергией. Или вернее, это ряд кинематографических картин, в которых развертывается вся беспорядочная фантасмагория страны, где все опрокинуто, но где люди «некогда будут жить по велению своего сердца». Вместе с поэтом вы вдыхаете перед экраном «колеблющийся воздух всемирной тревоги».

Париж стилен и прекрасен по-своему, как по-своему прекрасна и стильна сейчас Москва. Когда экспресс мчал меня обратно к Востоку, я думал: может быть, в Европе только и существуют сейчас два ярких города, два изумительных художественных оформления, два мира, из которых в одном собрана вся сытая радость, а в другом вся революционная энергия, вся неудовлетворенность современного человечества.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И РЕВОЛЮЦИИ.

ДВА ДОКУМЕНТА.

Ц. Фридлянд.

I.

Речь идет о двух письмах К. Каутского Г. В. Плеханову и «анониму-большевику» (М. Н. Лядову). Оба письма, которые мы ниже печатаем, опубликованы недавно в органе австрийской социал-демократии «Kampf» в специальных №№, посвященных К. Каутскому и Э. Бернштейну. И то и другое письмо — подарки юбилярам ко дню семидесятилетия со дня рождения первого и семидесятипятилетия — второго.

Письмо К. Каутского к Плеханову написано в мае 1898 г., в период ожесточенных битв с ревизионизмом. К. Каутский, вождь ортодоксов, объясняет и поясняет, почему он очень сдержанно, в исключительно выдержанных «академических» тонах, боролся с Бернштейном. Сопоставляя это письмо со статьями Г. Плеханова указанной эпохи, особенно с его открытым письмом К. Каутскому («За что нам его благодарить?» — Собр. соч., т. XI), совершенно очевидной становится политическая мягкотелость Каутского лучших дней его революционного прошлого. Быть может, кое-кому это письмо покажется лишь доказательством *личной* мягкости и благородства Каутского, но политический смысл его вскрывают: предисловие к письму от редакции «Kampf», статья К. Каутского о Бернштейне в № 1 журнала «Gesellschaft» (1925 г.), наконец, статьи и особенно указанное мною выше открытое письмо Плеханова Каутскому, написанное в 1898 г.

Что касается второго письма Каутского «анониму-большевику» (М. Н. Лядову), оно имеет для нас особый интерес: речь идет о расколе на II съезде РСДРП. Это письмо опубликовал Абрамович, как подарок учителю на страницах «Kampf». Захлебываясь от восторга, меньшевистский «оратор рода человеческого» доказывает нам идейную связь социал-демократического центра и меньшевизма еще в период их расцвета.

И как, казалось бы, ни разнородны по содержанию оба письма, они говорят об одном и том же: оба документа вскрывают нам оппортунистические корни идеологии «ортодоксов» II Интернационала под грудой революционных фраз. Нужно сказать, в настоящее время нет никакой необходимости подробно доказывать, что правое крыло, как и центр германской социал-демократии, в одинаковой степени мешали делу революционизирования масс. Это подтверждают ныне вожди социал-демократии. Под этим углом зрения они и расценивают свое прошлое. «Любовная переписка» К. Каутского и Э. Бернштейна наилучшим образом подтверждает это положение. Но второе письмо лишний раз подчеркивает и ту истину, что большевизм эпохи II Интернационала был *особым* течением в его рядах. Плеханов мог выступить резко против мягкотелости Каутского в его борьбе с Бернштейном, отдельные большевики могли восхищаться Каутским, автором книг «О социальной революции» (вспомним мнение В. И. Ленина), но *большевизм* как идеологическое и организационное целое было чем-то сугубо враждебным позиции Каутского. Ниже мы подробно разберем второе письмо. А пока обратимся к первому.

К. Каутский — Г. В. Плеханову.

Берлин, Фриденау. От 22 мая 1898 г.

«Дорогой Плеханов,

Я только что получил ваше письмо и спешу ответить на него, чтобы сообщить вам, что я во всяком случае помещу вашу статью. Я напечатал бы эту статью и в том случае, если бы я не был согласен с нею, потому что вы имеете право быть выслушанным, но, так как я вполне разделяю ваше мнение, я тем охотнее напечатаю ее.

Вы спросите, почему я сам не отвечаю Бернштейну. Прежде всего, потому, что у меня нет времени. Я еще не окончил своей книги об аграрном вопросе и я хотел бы поскорее окончить ее, тем более, что я рассматриваю в ней и те вопросы, которые поставил Бернштейн.

Так сказать, предварительное изложение моей точки зрения будет дано в предисловии к книге анонимного автора [1]), которая, вероятно, выйдет уже на будущей неделе. Конечно, в этом предисловии, я не буду прямо нападать на Бернштейна. Дело в том, и это вторая причина, вследствие которой я до сих пор молчал, — что я хотел бы как можно дольше воздерживаться от непосредственных нападок на Бернштейна. Не так-то легко решиться напасть на старого товарища по оружию, в теснейшем союзе с которым я боролся рука об руку в продолжение 18 лет. Может быть, этот мотив сенти-

[1]) Речь идет о профессоре Карле Баллоде, книга которого «Ein Blick in den Zukunftstaat», подписанная псевдонимом «Atlanticus», была издана Дицом в Штутгарте в 1898 г. После революции эта книга вышла во втором, совершенно переработанном издании в 1919 г. с полным именем автора под заглавием «Der Zukunftstaats-Produktion und Konsum im Sozialstaat».

Во втором издании выпущено предисловие Каутского.

ментален, но, как бы то ни было, он очень силен во мне. Я тем менее желал бы нападать на Бернштейна, что я знаю, как сам он страдает благодаря изменению своих взглядов, какую тяжелую внутреннюю борьбу ему приходится переживать. И я все еще надеюсь, что, если он очутится в иной среде, если нам удастся устроить так, чтобы установилась тесная связь между ним и немецкой социал-демократией, — и я надеюсь, что нам удастся достигнуть этого, — то он вернется к своим прежним взглядам. Пока есть надежда на это, я желал бы избежать всякого хотя бы и только теоретического разрыва с ним, и я предпочитаю отстаивать свои взгляды, не полемизируя непосредственно против Бернштейна.

Конечно, если бы никто другой не отвечал Бернштейну, я *должен* был бы выступить против него, потому что его взгляды не могут не вызывать возражений; но я предпочитаю, чтобы этим занялись другие. Кунов уже сообщил мне о своем намерении критиковать бернштейновскую теорию, или, лучше сказать, отсутствие у него этой теории. Ваши статьи окажутся весьма подходящими.

Правда, я должен открыто признать, что неокантианство всего менее смущает меня. Я никогда не был силен в философии, и хотя я всецело стою на точке зрения диалектического материализма, я все же полагаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса оказывается, в случае надобности, совместимой и с неокантианством, подобно тому, как и дарвинизм согласим как с материализмом Бюхнера, так и с монизмом Геккеля и с кантианством Ланге.

Если бы Бернштейн изменил свои взгляды лишь в этом отношении, то это не особенно тревожило бы меня. Но мне представляются неприемлемыми его экономические и исторические воззрения и они кажутся мне тем более опасными, что в них мы имеем не опровержение одной теории другой теорией, а замену цельной теории эмпиризмом и эклектизмом. Та критика, которую дает Бернштейн, бесплодна, она не приводит ни к каким положительным результатам, ее конечным результатом оказывается только скептицизм.

Решительное сражение против этой точки зрения во всяком случае должно произойти в экономической сфере. Но во всяком случае и ваши статьи будут очень полезны; итак, пожалуйста, пришлите мне их. Но чем suaviter in modo (мягче по форме), хотя и fortiter in re (решительнее по существу дела) вы будете выражаться, тем лучше. Во-первых, потому, что сам Бернштейн очень страдает, может быть, еще больше, чем мы, и я хочу избавить его от всякого огорчения, без которого можно обойтись, а, во-вторых, потому, что я все еще не вполне утратил надежду вернуть его. А резкая полемика слишком способна вызывать озлобление и отчуждение.

Я не читал статьи И. Вольфа; прочту ее. Я вряд ли буду отвечать в ближайшем будущем. Мне предстоит еще много работы над

моим «Аграрным вопросом» и я не хочу, чтобы он вышел позднее, чем в сентябре.

Мне очень приятно слышать, что вы опять принялись за работу для «Истории социализма». Конечно, вы, как и все мы, напишете больше, чем предполагалось; по моему мнению, лучше всего будет, если ваш труд составит отдельный II том «Истории», который может, когда он будет окончен, быть издан независимо от труда Бернштейна.

Привет вашей жене и вам, преданный вам К. К.».

Прежде всего несколько слов к истории этого письма. В 1897 году Э. Бернштейн начал печатать в «Neue Zeit» свои очерки «Проблемы социализма». Следующие за ними статьи о «Борьбе социал-демократии и общественном перевороте», содержащие критику «Zusammenbruchtheorie», вызвали ожесточенные споры с ревизионистами. В мае — июне 1898 г. на страницах «Neue Zeit» появилась вторая серия статей «Проблемы социализма», и Каутский вынужден был открыть дискуссию. Одним из блестящих оппонентов, не желающих примирения с Э. Бернштейном, выступил Г. В. Плеханов. Его статьи «Бернштейн и материализм» (июль 1898 г.) и «Конрад Шмидт против Маркса и Энгельса» (октябрь 1898) поставили точку над «i»: Э. Бернштейн для Плеханова — «отступник» и его теории — «буржуазная пародия на марксизм». Письмо, которое мы выше цитировали, относится к маю 1898 г., т.-е. до появления в «Neue Zeit» статьи Плеханова «Бернштейн и материализм». О ней-то и идет речь в письме К. Каутского. Но история этого письма имеет свое продолжение. В октябре 1898 г. заседал в Штутгарте конгресс германской социал-демократии, где Бернштейн изложил свои взгляды. Каутский, желая оправдаться и отклонить нападки левых за то, что он, как редактор, печатал в «Neue Zeit» статьи Э. Бернштейна, заявил: «*Бернштейн не обескуражил нас, но заставил нас размышлять, — будем ему за это благодарны*» [1]). Выступление Каутского на конгрессе тем самым разрушает сомнения на счет лиризма письма и убеждает нас, что редакторская «любезность» была определенным политическим актом.

Ортодоксальный марксист Каутский, теоретический глава II Интернационала, допускает соединение марксизма и неокантианства, во всяком случае сознается, что он во всем этом мало смыслит и допускает подобный эклектизм. «Я никогда не был силен в философии,—читаем мы в письме,—и, хотя я всецело стою на точке зрения диалектического материализма, я все же полагаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса оказывается в случае надобности совместимой и с неокантианством»... Все письмо выдержано в примирительных тонах. К. Каутский уверен в своем примирении с Бернштейном. Он оказался прав. И услужливые господа из редакции «Kampf» нам это теперь подтверждают. В своем предисловии к письму они пишут: в этом документе «глубокое уважение к личности учителя выражается, как мы видим, наиболее решитель-

[1]) См. XI т. Сочинений Плеханова и особенно предисловие Д. Рязанова.

ным из его противников в борьбе из-за марксизма». Для социал-демократов из «Kampf» ясно, что «разногласия между марксистами и Бернштейном, обнаружившиеся двадцать лет тому назад, теперь изжиты». «События последних лет,—продолжают они,—недвусмысленно упразднили тогдашние теоретические разногласия». Собственно говоря они повторяют лишь слова Каутского, сказанные им на конгрессе германской партии в октябре 1898 г.: «Резкая критика, которой Бернштейн подверг марксизм, изощрила наше зрение, благодаря ей возникло множество импульсов, вызвавших углубление и одухотворение марксизма».

Что наша коммунистическая оценка письма не пристрастна, наилучшим образом доказывает статья К. Каутского: «Семидесятипятилетие Э. Бернштейна» в №1 «Gesellschaft» (1925 г.). К. Каутский в ней показал, что его отношение к Э. Бернштейну было и в прошлом отнюдь не результатом сантиментов, а политической оценкой, что центр и ревизионисты были уже тогда ближе друг другу, чем мы могли это предполагать. Эта статья в дополнение к письму — документ огромной исторической важности.

К. Каутский совершенно правильно устанавливает родословную Э. Бернштейна: подобно радикалу Якоби, он примкнул к социал-демократии, как продолжению либерально-демократических тенденций 48-го года. Теоретически Бернштейн в свое время был близок к Дюрингу. И, если в период закона о социалистах он оформился, как марксист, то вскоре наступил рецидив, и Эд. Бернштейн вернулся к своим старым друзьям— либералам 48-го года и Дюрингу. К. Каутский утверждает, что в годы «Социал-Демократа» Бернштейн был его учителем, он способствовал созреванию его марксистской мысли, и поэтому он не допускает, чтобы эволюция папы ревизионизма, Бернштейна, была органическим перерождением его идеологии.

Эд. Бернштейн впал в ревизионистскую ересь под влиянием английских условий. Кто не скользил на этом пути? Правда, Маркс в Англии написал «Капитал», но простым смертным, эпигонам, легче отказаться от революционных, чем от реформистских идей. К. Каутский оправдывает прошлое Бернштейна еще и тем, что он пытался изгнать якобинские пережитки из практики социал-демократии. Эта идея Бернштейна имела огромное значение для социал-демократии, поскольку она отклоняла всякие революционные задачи, как задачи вооруженного восстания. И Каутский ссылается на предисловие Энгельса к книге «Классовая борьба во Франции». По всем видимостям, идеологи социал-демократии не желают знать подлинного текста предисловия, опубликованного Д. Рязановым в «Архиве института Маркса и Энгельса».

Эд. Бернштейн в 1900 г. вернулся в Германию по особо милостивому разрешению кн. Бюлова. Так ли уже неосновательны соображения тех, кто предполагает, что милость Бюлова была наградой за ревизионизм Бернштейна?

И его деятельность не прекратилась, он отныне выступает не только как теоретик, но и как практик. Каутский утверждает, что теперь разногласия между ними начали сглаживаться. В 1925 г. он берет под свою

защиту старую формулу ревизионизма: «конечная цель — ничто, движение — все». «Теперь ясно, — утверждает Каутский, — что эта формула означает лишь то, что утверждал Маркс: „каждый шаг действительных достижений имеет большее значение, чем дюжина программ“. Но Каутский забывает, что слова Маркса имели в виду революционные достижения, те практические меры, которые укрепляют позиции пролетариата для революционного штурма. Бернштейн же говорил о движении, в котором расплывается цель, о практическом действии вне революционных возможностей.

Если борьба центра с ревизионизмом в прошлом была лишь случайностью, то союз центра с левым крылом социал-демократии — выдумка, — продолжает Каутский. 1905 г. не только прекратил борьбу «направо», но отныне центр тяжести борьбы был перенесен на атаку против левых. В 1912 г. Бернштейн снова начал работать в «Neue Zeit». Мы обращаем внимание читателей на разоблачение Каутским центристов, как особого теоретического течения. До сих пор ни один из историков и публицистов коммунистов не дерзал *подобным* образом определять социал-демократическое прошлое, природу ортодоксального центра в довоенное время. Историк и социолог, политик и теоретик, К. Каутский доказывает нам, что в прошлом, *под влиянием русской революции 1905 г., он перенес центр своей деятельности на борьбу с левыми*. А мы представляем себе до сих пор К. Каутского довоенной эпохи, как революционера и автора книг «Путь к власти»!

Не будем продолжать изложение его статьи «К 75-летию со дня рождения Э. Бернштейна». Для нас ясно теперь, что письмо К. Каутского Г. В. Плеханову отнюдь не имело в виду сантиментов. Его выступление на конгрессе 1898 г., его мягкость в отношении ревизионистов были политическим маневром, во всяком случае политической позицией.

Но мы не закончили бы нашей характеристики письма, если б обошли молчанием открытое письмо Г. Плеханова Каутскому от 1898 г. «За что нам его благодарить?». Резкая революционная позиция Плеханова уже тогда оттеняла неопределенность, мягкотелость К. Каутского. Плеханов раскрывает корни ревизионизма, он показывает нам, что Бернштейн заимствует свои открытия у Шульце-Геверница, Дж.-Ст. Милля и т. д. Шульце-Геверницу («Zum sozialen Frieden») принадлежит бернштейновская формулировка взаимозависимости конечной цели и движения. Г. В. Плеханов ставил вопрос прямо: «Кому кем быть похороненным: социал-демократии Бернштейном или Бернштейну социал-демократией?». И он ответил так же прямо: Бернштейн должен быть поставлен *вне* партии.

Кое-кто готов расценить позицию Плеханова той эпохи, как показатель *законченности* его революционной идеологии. Но заметим, что взять эту статью изолированно, вне последовавшей вскоре дискуссии по вопросам программы РСДРП между Лениным и Плехановым, значит односторонне разрешить вопрос. Но об этом позже [1]).

---

[1]) См. нашу статью «Новые материалы по истории ленинизма» в журнале «Л. и Р.» № 1 за 1925 г.

Подведем итог. Письмо К. Каутского Г. Плеханову показывает нам, что у колыбели своей ортодоксальный центр II Интернационала был близок к ревизионизму, что борьба шла не с правым, а с левым крылом движения, борьба, в которой и левые не смогли отделаться от гипноза смелых слов и революционной фразы г-на Каутского.

II.

Теперь о втором письме. Как мы говорили выше, оно опубликовано было Абрамовичем в австрийском социал-демократическом журнале «Kampf», специально посвященном К. Каутскому. Г-н Абрамович утверждает, что письмо взято им из архива П. Аксельрода, но мы напомним ему, что оно напечатано было в «Искре» от 15 мая 1904 г. (№ 66) *почти* целиком. Тем не менее этот документ не теряет своего интереса для нас и ныне. Меньшевистская редакция «Искры» опубликовала его, как ответ на письмо «одного из сторонников так наз. большинства» (М. Н. Лядова) К. Каутскому, чтобы подкрепить свои позиции в борьбе с блестящей книгой В. И. Ленина: «Шаг вперед, два шага назад». Абрамович в «Kampf» снова цитирует это письмо, чтобы заявить: «Мы, меньшевики, гордимся тем, что имеем счастье знать, что маститый учитель марксизма в наших рядах». Для нас важно снова опубликовать *целиком* это письмо, чтобы вскрыть корни оппортунизма «центровиков» II Интернационала. Мы имеем право утверждать, что если идеологически Каутский в конце прошлого столетия недостаточно решительно отмежевался от ревизионизма Бернштейна, то в начале XX ст., примыкая к меньшевикам в организационном вопросе, он решительно перешел на сторону реформизма. Доказывают ли что-нибудь противоположное некоторые статьи К. Каутского в защиту большевистской тактики в 1905 г. или «Путь к власти»? Отнюдь нет! Перед нами колебания центра, в решительные минуты переходящего в лагерь реформизма.

Нужно сказать, что письмо К. Каутского сыграло значительную роль в партийной истории 1904 г. «Искра» в каждом номере аргументировала «от Каутского». И, что важнее всего, за письмом К. Каутского последовало письмо Р. Люксембург, которая, как представительница радикалов в германской социал-демократии, защищала меньшевистские организационные принципы против большевистских. Итак, II Интернационал, все его фракции, бросил тяжелую гирю на весы истории раскола. Роза Л. в своем письме, как мы это увидим ниже, дала уничтожающую критику основных положений письма Каутского, но вместе с тем обнаружила, что и «левые» все еще не доросли до большевистской теории революции. Революция, как искусство восстания, как разрешение политических задач авангардом класса, ведущего в бой массы, осталась вне поля зрения не только К. Каутского, но и Розы. Заметим, что и тот и другой сконцентрировали свое внимание исключительно на организационной стороне дела, в то время, как Ленин вскрывал принципиальные тактические разногласия между большевизмом и меньшевизмом.

Чтобы наши пояснения, однако, были доказательнее, приведем полностью текст письма.

К. Каутский — «Неизвестному» (М. Н. Лядову).

«Уважаемый товарищ!

Благодарю вас за вашу статью (речь идет о статье, которую «аноним» написал для «N. Z.»): она поучительна. Но я не могу решиться принять ее. У пролетариата, особенно у немецкого, настолько сильно требование единодушия в движении, что ко всякой социал-демократической партии, в которой господствуют раздоры, необходимость которых им непонятна, немецкие социал-демократы относятся с антипатией. Именно это обстоятельство очень сильно дискредитировало французских социалистов в глазах немецких товарищей и, насколько я знаю наших, тот же самый результат получился бы и по отношению к русским. Но именно теперь для нас особенно необходимо, чтобы немецкая социал-демократия стала с полным энтузиазмом на сторону русской, и мы должны избегать всего того, что могло бы ослабить этот энтузиазм. Поэтому, пока еще можно сколько-нибудь надеяться на то, что русские социал-демократы столкуются между собой относительно этих разногласий, я не хотел бы способствовать тому, чтобы немецкие товарищи узнали об этих разногласиях. Но если они получат сообщение об этих разногласиях из иного источника, тогда, конечно, и мы будем вынуждены выразить наше отношение к этому. Но «N. Z.» не возьмет на себя инициативы, не станет возвещать о существовании этих разногласий. Поэтому я могу воспользоваться вашей статьей только для моего личного осведомления, и в этом отношении она представляет для меня большую ценность, раскрывая предо мной ряд фактов, которые еще были неизвестны мне, или относительно которых у меня еще не было точных сведений.

Вы просите меня сообщить вам мое мнение об этом эпизоде Но в данном случае я чувствую себя не особенно компетентным. Дело касается организационного вопроса, а я никогда не был практическим организатором. Возможность произнести решающий приговор по поводу данного случая предполагает также гораздо более глубокое знание русских условий, чем то, которое у меня имеется. Но, само собой разумеется, я составил себе мнение об этом эпизоде и не имею никакого основания скрывать его, раз вы выражаете желание его узнать. Я недостаточно знаю русские условия, но зато у меня имеется опыт в Германии в эпоху закона против социалистов.

По всем дошедшим до меня сообщениям, исходным пунктом спора явилось разногласие относительно организационного статута: кто должен считаться членом партии? Тот ли, кто принадлежит к партийной организации, или тот, кто поддерживает партию, признавая ее программу и ее контроль?

Если бы этот вопрос касался Англии, Франции или Швейцарии, то я безоговорочно высказался бы за первую формулировку. Там, где можно организоваться более открыто, членом партии должен считаться лишь тот, кто вступает в партийную организацию.

Но в России вопрос стоит не так. Там партийная организация может быть только *тайным союзом*, и вопрос сводится к следующему: следует ли принуждать каждого члена партии вступать в тайную организацию? Или, выражаясь иначе: следует ли ограничивать партию рамками тайной организации? Тот же самый вопрос стоял пред немецкой социал-демократией при исключительном законе и был решен *отрицательно*. Причислять к партии только те элементы партии, которые в состоянии тайно организоваться, — не в интересах нашего дела.

Но включение в тайные организации всех сочувствующих также не в интересах нашего дела. Для того, чтобы тайная организация могла проявлять активность и не подвергаться риску быть обнаруженной, ее численность не должна превышать определенных минимальных пределов. У нас нет основания расширять ее, выходя за эти пределы (в каком-нибудь данном месте); эта граница определяется практическими соображениями. Наоборот, расширению партии мы не хотим ставить никаких границ. Уже из этого вытекает различие между партией и тайной организацией. При законе против социалистов мы стремились принимать в тайную организацию лишь те элементы, в которых она нуждалась, которые принимали активное участие в составлении, перевозке и распространении брошюр, в добывании и распределении денежных средств, в устройстве демонстраций и т. д. Наоборот, не имело никакого смысла принимать в тайную партийную организацию людей, которым не приходилось регулярно работать в ней, которые лишь в иных случаях оказывали партии поддержку денежными взносами, личными услугами, участием в демонстрациях. Конечно, делались попытки организовать и эти элементы в профессиональные союзы, общества любителей пения и т. п., но ведь в России это было бы невозможно. Однако эти более обширные группы не принадлежали к тайной *партийной* организации в собственном смысле этого слова.

Если организационный устав и теперь еще гласит: к партии принадлежит всякий, кто признает партийную программу и регулярно поддерживает партию денежными средствами, — то это есть одно из последствий закона против социалистов или существующего во многих немецких государствах законодательства о союзах, которые делали невозможной социалистическую организацию союзов.

Далее, вы говорите, что обнаруживающееся в организационном вопросе разногласие тождественно с тем разногласием, которое теперь занимает нас в Германии: с одной стороны, пролетарская дисциплина и замкнутость, с другой стороны, интеллигенция с ее стремлением к автономии. Фактически же дело обстоит совсем иначе.

То противоречие, о котором идет дело в России, есть противоречие между условиями открытой и тайной организации, и лишь случайно это противоречие с внешней стороны сходно с тем противоречием, которое существует между пролетарской дисциплиной и индивидуализмом интеллигенции. При открытой организации всякое пролетарское движение должно стремиться к строжайшей дисциплине и к теснейшей замкнутости. Наоборот, при тайной организации последняя невозможна.

Здесь каждой отдельной организации приходится предоставить широкую автономию. Всякая формальная централизация мешает активности, увеличивает для организации опасность быть открытой и усиливает опустошения, которые влечет за собой всякий провал. В Германии, во время действия закона против социалистов, всякая местная организация должна была быть автономной и по своей форме, которая везде приспособлялась к условиям. Однако нельзя смешивать эту автономию с федерализмом, с бессилием центрального комитета партии. Но ответственность, а также и право *каждого* члена всей организации были больше, каждый должен был действовать с большей самостоятельностью, и притом не только низшие, но и высшие звенья цепи отдельных органов, в том числе и центрального, были гораздо автономнее, чем в настоящее время, а также и *центральный комитет партии*, инициатива и права которого были гораздо больше, чем теперь.

Но связь между всеми этими свободными элементами устанавливалась не благодаря формальной централизации, а в силу доверия, главным образом, к руководящим лицам, к их честности, верности убеждениям, уму и энергии. Без престижа Бебеля, Либкнехта, Зингера, Ауэра, без престижа Энгельса, который стоял за Бернштейном и мало-по-малу создал престиж и для последнего, немецкая социал-демократия не преодолела бы так легко закона против социалистов.

Конечно, подобная организация не является идеальной, в ней имеются значительные недостатки; эти недостатки обнаруживаются теперь ясней, так как в нашей организации все еще существуют остатки старинной автономии, сохранившейся в силу традиции. Устранение этой автономии, которая является теперь лишь лазейкой для дезорганизованной интеллигенции, является задачей немецкой социал-демократии. Там, где возможна открытая организация, пролетариат должен стремиться к *централизации*, принципиально он должен предпочитать последнюю. Разговоры о демократическом принципе, будто бы требующем автономии, смешны. Но наша автономная организация была создана не интеллигенцией, а всего лучше дисциплинированными элементами пролетариата в Германии при законе против социалистов, когда открытая организация стала невозможной. Недостатки этой формы организации, конечно, сознаются нами, но это такие недостатки, которые неизбежно присущи всякой тайной организации.

Поэтому, если бы мне на Лондонском съезде пришлось выбирать между Мартовым и Лениным, то я, на основании нашего немецкого опыта, высказался бы решительно за Мартова. (Курсив наш. *Ц. Ф.*).

Не менее неправильным кажется мне дальнейший образ действия Ленина, исключение Аксельрода, Старовера и Засулич из редакции «Искры». При этом я должен напомнить о том, что было мною сказано выше о роли доверия, престижей при широко разветвленной и поэтому отличающейся чрезвычайно слабою связью частей тайной организации.

Эти невесомые крайне важны и никогда не могут быть заменены какой-либо формальной организацией. Поэтому при тайной организации одним из важнейших условий является то, чтоб ее вожди всегда были солидарны, публично поддерживали бы друг друга лично, даже и в тех пунктах, в которых они по существу дела друг с другом не согласны. При законе против социалистов для немецкой социал-демократии было бы крайне вредно, если бы, например, Бебель и Либкнехт публично выступали друг против друга по поводу своих, часто очень значительных, разногласий и если бы при этом один из них пользовался большинством для того, чтоб вытеснить другого из его поля деятельности; или если бы, например, Либкнехт, который очень часто бывал недоволен «Социал-Демократом», публично выступил бы против него, т.-е. против Энгельса и Бернштейна.

Конечно, возможны и такие моменты, когда благо партии требует подобного выступления. Но, однако, оно может быть оправдываемо лишь крайнею необходимостью. Но мне не было приведено ни одного выдерживающего критику основания в пользу удаления с поста трех редакторов «Искры». Если вы говорите, что новая редакция на-ряду с теоретическими вопросами должна решать и практические, но что эти трое являются лишь теоретиками, а не практиками, то, даже предполагая, что Аксельрод и т. д. действительно так непрактичны, это еще не есть основание для их удаления. Если *на-ряду* с теорией хотят заниматься и практикой, то *на-ряду* с теоретиками выбирают и практиков, а не выбрасывают первых за борт.

Факт тот, что «Искра» и партия «Искры» стали тем, что они представляют собой, благодаря труду шести человек, которые ее редактировали. Эти шесть имен в совокупности представляют единство и сплоченность партии гораздо лучше, чем это в состоянии была бы сделать при русских условиях какая-либо формальная организация.

Если объявлена война троим из них, то это означает полную дезорганизацию.

Если бы Ленин не желал раскола, а хотел бы поддерживать единство партии, то он должен был бы столковаться с прежними редакторами, которые сделали «Искру» тем, что она есть.

Разногласия по вопросу об организации не представляли достаточного основания для того, чтоб ставить на карту единство пар-

тии. Может быть, существуют еще другие причины, но я их не знаю.

То, что произошло затем, является последствием предшествовавших событий. Вы жалуетесь на неприличные приемы борьбы, к которым прибегают сторонники другого направления. Но последнее выражает те же жалобы. К этим жалобам я отношусь не слишком трагически. Они возникают с обеих сторон при всякой внутренней борьбе, и для беспристрастного наблюдения они являются лишь доказательством того, что происходит ожесточенная борьба, борьба острым оружием, которое наносит тяжкие раны.

Далее, вы утверждаете, что Аксельрод и его друзья склонялись к экономизму и оппортунизму. Я не могу проверить эти обвинения, так как не могу следить за вашей литературой. Но я не в состоянии верить им, так как слишком давно знаю Аксельрода, Плеханова и Засулич, как людей с ясными и последовательно мыслящими головами. Неужели они изменились внезапно, в несколько месяцев. Я должен предположить, что ожесточение, вызванное борьбой, заставляет вас в данном случае смотреть слишком мрачно.

Но как ни противоречивы в этих пунктах сообщения сторонников обоих направлений, даже слишком они совпадают в данном отношении, а именно—в признании того печального факта, что внутренняя борьба вполне парализует партию, находящуюся в таком положении, которое больше, чем когда-либо, требует проявления всех ее сил, и которое на десятилетия предрешает судьбу России и даже мира. Крайне необходимо выйти из этого положения. Но что делать?

Одесский комитет требует скорейшего созыва партийного съезда. Но при данных обстоятельствах такой съезд мог бы еще ухудшить положение, а именно в том случае, если бы его задачей явилось получение большинства голосов, которое заставило бы подчиниться то или инсе направление.

Одною из особенностей тайной организации является и то, что на съезде различных групп так же, как и на интернациональном конгрессе, следует придавать большее значение соглашениям, чем получению большинства голосов. Особенно там, где два направления приблизительно одинаково сильны, большинству не следует пытаться навязывать свои взгляды меньшинству, если возможен другой выход. Ведь при тайной организации случайности играют очень большую роль, учет силы различных организаций очень затруднителен, так что легко может оказаться, что, при приблизительно равной силе двух направлений в партии, меньшинство будет представлено на съезде сильнее, чем большинство. Постановления, принятые незначительным большинством голосов, будут при таких обстоятельствах иметь моральную силу только в том случае, если меньшинство сочтет необходимым признать их.

Относительно этого следовало бы прежде всего притти к соглашению ранее, чем соберется съезд. У обеих сторон должно господ-

ствовать убеждение, что всякое постановление, касающееся организационного вопроса, хотя бы оно было внесено большинством одного голоса, даже если бы и это было сомнительно, все же лучше, чем нынешнее положение вещей.

Не следует преувеличивать значение вопроса об организации, вопроса в том виде, как он теперь поставлен пред русской социал-демократией. Я не вижу здесь ни принципиальной противоположности между потребностями пролетариата и интеллигенции, ни противоположности между демократией и диктатурой, а просто вопрос целесообразности: какая форма организации при современных русских условиях всего более допускает необходимое соединение подвижности и приспособляемости к изменяющимся условиям борьбы с единством и планомерностью. Но, если вопрос сводится только к целесообразности, то не следует преувеличивать и значения возможных последствий победы того или другого направления. Конечно, неправильное постановление может повести к заблуждениям и трате сил. Но нужно же помнить, что постановления проводятся в жизнь не машинами, а мыслящими людьми, которые, само собой разумеется, будут приспособляться к условиям. В том случае, когда вся партия принципиально единодушна, признает одну и ту же программу, практика, после некоторых промахов, исправит, в конце концов, возможные ошибки теории. Как бы ни были велики траты денег и сил при неправильном постановлении, они, во всяком случае, окажутся менее значительны, чем ослабление силы и влияний, которую влечет за собой нынешнее состояние партии. Аксельрод и его друзья могут быть убеждены, что если бы даже и прошло предложение Ленина, партия меньше пострадала бы при попытке его осуществления, если бы при этом восстановилось прежнее единство, — чем при нынешнем расколе. Но это же самое относится и к Ленину, если бы новый съезд высказался за Мартова.

Обоюдная готовность по мере возможности пойти навстречу друг к другу и безапелляционно признать то или другое постановление съезда, которое меньшинство должно рассматривать как меньшее зло по сравнению с нынешним раздором, — соглашение относительно этого кажется мне необходимым, прежде чем соберется конгресс.

Но если партии явятся на съезд с намерением одолеть и унизить противника, и если они будут проникнуты убеждением, что решение вопроса об организации и в их смысле означало бы гибель партии, которую и надо всеми средствами предотвратить, то конгресс приведет лишь к обострению противоречий и вызовет еще бо́льшую путаницу.

Но в этот момент мне представляется более затруднительным устранить личные разногласия, чем разногласие *по существу*. Неясная борьба всегда вызывает с обеих сторон массу озлобления и недоверия, так что едва ли возможно непосредственно перейти от подобной борьбы к дружественному сотрудничеству. Прежде чем собраться на съезд, следовало бы заключить перемирие для успокоения умов.

Мне казалось бы желательным, чтобы было установлено такое соглашение, по которому обе стороны прекратили бы до съезда всякую полемику, всякую скрытую полемику, которая еще больше раздражает, чем открытая, и не делали бы попытки изменить.

Мне слишком чужды русские условия, так что я не могу решить, насколько жгучим является организационный вопрос, и требует ли он немедленного решения. Если нет, то следовало бы настойчиво рекомендовать, чтобы всякие прения относительно вопроса были отложены. В настоящее время дело идет не столько о том, чтобы экспериментировать с новыми формами организации, сколько о том, чтобы укреплять и интенсивно использовать существующие формы.

Если бы удалось достигнуть в этом отношении заключения перемирия, то оно имело бы самые благотворные последствия для партии. Тогда она могла бы использовать в ближайшие месяцы всеми своими сбъединенными силами существующее положение, при чем она нашла бы для себя такие задачи, которые вскоре отодвинули бы на задний план спор из-за организации, а может быть, сделали бы его и совсем беспредметным.

Но если не удастся достигнуть заключения такого перемирия, если внутренняя борьба будет, не ослабевая, продолжаться до самого съезда, и если на съезд явятся не с намерением найти исход из лабиринта, а для того, чтобы подвергнуть насилию другую сторону, тогда я ничего не жду и от этого съезда.

Большая ответственность лежит на русской социал-демократии. Если она не сможет притти к соглашению, она предстанет перед историей и перед интернациональным пролетариатом как группа политиков, которые, увлекшись личными и организационными раздорами, упустили драгоценную, никогда не повторяющуюся возможность поразить русский абсолютизм и оказались слишком ничтожны для выпавшей на их долю великой исторической задачи или, по крайней мере, кажутся такими иностранному наблюдателю.

Но ответственность за начало этого злополучного раздора пала бы на Ленина (Курсив наш. *Ц. Ф.*).

Если я могу что-нибудь сделать для устранения этих раздоров, я вполне готов это сделать, я готов также принять к сведению соответствующие указания, если бы мои предположения оказались неверны.

В таком же смысле я напишу и товарищу, придерживающемуся другого направления, или, может быть, пошлю ему копию этого письма, что будет удобнее.

Ваш К. Каутский».

Какая поразительная нейтральность! Но, если мы внимательно вчитаемся в текст письма, если при этом не забудем, что К. Каутский на этом не прекратил своей борьбы с большевизмом, то второе письмо, как и первое, будет для нас документом огромной исторической важности. «Искра» беспрерывно аргументировала «от Каутского». После того, как

в печати появилась книга Ленина: «Шаг вперед, два шага назад», П. Аксельрод добился у Каутского разрешения напечатать его письмо. Более того, печатая свои письма, П. Аксельрод показал, что он усиленно «обрабатывал» Каутского по поводу русских дел, встречая полную солидарность во взглядах. Об этом свидетельствует письмо Аксельрода к Каутскому, опубликованное в «Искре» от 6 июня 1904 года (№ 68). Но нам важно отметить и еще одно: нейтралитет Каутского кончился очень скоро. Публикуя в «Neue Zeit» в июне 1904 г. статью Р. Люксембург об «организационных вопросах русской социал-демократии», он тем самым нарушил свое обещание, высказанное в письме к «большевику»: «я бы не хотел способствовать тому, чтобы немецкие товарищи узнали об этих разногласиях». В свете этих фактов особенно печально появление в «Neue Zeit» статьи Розы.

Меньшевики поспешили опубликовать ее в «Искре» (№ 69, 10 июля 1904 г.), чтобы укрепить свои позиции. И нужно сказать, что обе статьи, Каутского и Люксембург, послужили серьезной помехой большевистскому делу. Совершенно ясно, что жизнь красной Розы, ее революционную борьбу и героическую смерть не пятнит этот факт, но о нем не должны забывать те, кто хочет ее ошибки в организационных вопросах превратить в коммунистическую теорию. Роза Л., несмотря на свои ошибки, стала вождем революционного пролетариата; К. Каутский не мог преодолеть своего скрытого оппортунизма и ныне возглавляет социал-предателей.

Пытались ли большевики противопоставить информации меньшевиков свою собственную? М. Лядов (М. Лидин) по поручению ЦК РСДРП написал в 1904 г. «Доклад большевиков Амстердамскому Международному социалистическому конгрессу», где была сделана попытка перед лицом социал-демократического синедриона объяснить причины раскола. Доклад составлен был при ближайшем участии Ленина, хотя и подписан Лидиным (псевдоним М. Лядова). «Это было первое обращение большевистской фракции к международному пролетариату». Попытка увенчалась успехом. Большевики были допущены на Амстердамский конгресс, несмотря на противодействия Плеханова. «За нас,—пишет тов. Лядов,—заступились в Международном бюро Каутский, Бебель, Р. Люксембург и старик Адлер, которые пристыдили Плеханова за его нетерпимость и за попытку ввести в заблуждение конгресс» [1]). Должен ли этот факт голосования за допущение большевиков на конгресс скрыть от нас то, что принципиально Каутский и другие, совместно с Плехановым и меньшевиками, были противниками большевизма при его возникновении? Конечно, нет! Мы должны подчеркнуть, что эта солидарность противников большевизма соответствовала солидарности на II Съезде партии всех оппортунистов: правых искровцев, «болота» и экономистов. Все это прекрасно доказал Ленин в своей брошюре: «Шаг вперед, два шага назад».

---

[1]) Необходимо, чтобы старые товарищи-партийцы поделились своими воспоминаниями об отношении европейской социал-демократии к расколу.

В общем и целом, вопрос о расколе теперь на все 100% потерял свой чисто организационный характер. Это было понятно Ленину еще во время раскола, но этого не желали видеть тогда ни меньшевики, ни Каутский, ни Роза Люксембург. П. Аксельрод писал в «Искре» 6 июля 1904 г.: «Со своим слабым рассудком я не в состоянии понять, что̀ за штука такая „оппортунизм в организационном вопросе". Но это было излишней скромностью с его стороны. Об этом свидетельствует его анализ раскола, приведший в восторг Плеханова. Победа большевиков,—писал Аксельрод,—свидетельствует о «несоответствии программного и организационного облачения нашей партии с ее младенческим возрастом». П. Аксельрод этим утверждением имел в виду европеизацию русского рабочего движения в духе оппортунизма и центризма.

И здесь сущность спора. Письмо Каутского о статье Розы Люксембург, «скромное» утверждение П. Аксельрода и выступления Г. Плеханова о единстве не учитывали своеобразия русских условий, как условий, диктующих задачи непосредственной революционной борьбы. Особенно в этом смысле характерна позиция Розы Люксембург. Она не принимает пустякового аргумента Каутского об аналогии эпохи закона против социалистов и русского самодержавия. Хотя бы потому, что в Германии буржуазная, конституционная власть выступила против организованной, пользовавшейся раньше легальными возможностями, социал-демократии, а в России надо было еще только создать социал-демократию во имя борьбы за «свободу» и социализм. Вот почему Роза Люксембург прекрасно понимает бессмыслицу аргументов Каутского о том, что при конспиративных условиях борьбы необходима максимальная автономия, а при легальных условиях нужна централизация. Она, вообще говоря, за централизацию. Ведь не напрасно Р. Люксембург в это время вела борьбу в рядах германской социал-демократии с требованиями оппортунистов и их интеллигентским индивидуализмом и анархизмом.

Но Роза Люксембург не имеет в виду эти положения, направленные против реформизма, а возражает Ленину, предполагая, что он переоценил значение организации, что массовое движение, вне-парламентская деятельность возможны лишь при условии максимальной самодеятельности, а, следовательно при минимальных стеснениях (?), со стороны руководящего центра. Люксембург тем самым обнаружила свое непонимание организационного учения большевизма, которое, по словам Ленина, готово допустить на низах максимальную ширину, чтобы на верху был, однако, сильный руководящий центр во имя руководства массовым движением и его направления к прямой цели: вооруженному восстанию.

Можно ли сравнивать письмо Каутского со статьей Розы? Как бы ни были ложны ее положения, они поднимали вопросы огромного значения для революционной деятельности пролетариата; Каутский же все сводил к мелочам, к личным дрязгам. По его словам: «ответственность за начало этого злополучного раздора пала бы на Ленина». И в духе всей своей идеологии, не будучи, по его словам, знакомым с русскими условиями, не желая вмешиваться в спор двух фракций, Каутский,

однако, со всей решительностью заявляет: «Если бы мне на Лондонском съезде пришлось бы выбирать между Лениным и Мартовым, то я, на основании нашего немецкого опыта, высказался бы решительно за Мартова». Какая, казалось бы, непоследовательность: не разбирается в русской обстановке, считает весь спор пустяком и в то же время решительно заявляет: я с Мартовым против Ленина!

Нам кажется, что лучшую историческую оценку расколу с точки зрения борьбы с оппортунизмом в рядах международной социал-демократии дал Ленин в книге: «Шаг вперед, два шага назад». Он писал: «Всякое *маленькое* разногласие может сделаться *большим*, если на нем настаивать, если *приняться* за разыскание всех корней и всех ветвей этого разногласия. Всякое маленькое разногласие получит огромное значение, если оно послужит исходным пунктом *поворота* к известным ошибочным воззрениям и если эти ошибки воззрения соединятся, в силу новых добавочных расхождений, с анархическими действиями, доводящими партию до раскола». Совершенно верно: письмо Каутского исторически важно потому, что показывает нам, куда вырастали организационные «пустячки», незначительные ошибки Каутского.

Опубликованные материалы по вопросу о выработке программы, спор Плеханова и Ленина дополняют наши сведения. Мы имеем право ныне утверждать, что раскол в 1903 г. был не только расколом российской социал-демократии, это был раскол между II Интернационалом и теми, кто «вырастал» в III Интернационал. Следовательно, как бы резко Плеханов ни выступал в 1898 г., решающим для характеристики его позиций по отношению к спору о ревизионизме является его позиция в 1904 г., когда он на страницах «Искры» доказывал свое право на принципиальные компромиссы и соглашение с меньшевиками.

Будем ли мы тем самым возражать против заявления Абрамовича, что теперь, спустя двадцать лет, нам ясно, что раскол был неизбежен? «Корни разногласия,— пишет Абрамович,—лежали глубже. Организационные разногласия были лишь первыми внешними симптомами глубокого, чрезвычайно важного процесса, они свидетельствовали о начинающемся обособлении и об идеологическом расхождении тех двух течений, которые до сих пор мирно уживались рядом»... Это безусловно так. Во всяком случае это глубже объяснений Э. Бернштейна в его последней книге «Der Sozialismus einst und jetzt»: большевики, это—те, кто хотел «большего», а меньшевики — «меньшего» (см. стр. 114).

Статья К. Каутского в № 1 «Gesellschaft», которую мы выше цитировали, показывает нам, что ныне свой спор с большевиками в прошлом Каутский расценивает под углом зрения Абрамовича. Дело не в организационных мелочах, а в *споре двух мировоззрений*, которые у своего *истока* радикально расходились между собою. Вряд ли может быть это оспариваемо теперь. Задача наша под этим углом зрения пересмотреть все прошлое социал-демократии. В этом смысле опубликованные нами на русском языке два документа имеют серьезное значение.

ГОРОД С ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ [1]).

В. Стоклицкая-Терешкович.

(Окончание).

Мы не будем следить дальше за ходом мысли М. Вебера. Приведенная схема исчерпывает его основные положения и дает возможность оценить его работу и выяснить ее приемы. Поставим вопрос: что̀ именно прошло перед нами в изложенном очерке? На первый взгляд может показаться, что «Город» представляет не что иное, как ряд исторических параллелей, порой очень метких и глубоких, порой касающихся лишь поверхности предмета, оставляя незатронутой его сущность, но всегда одинаково оригинальных, блестящих и остроумных. Если бы это предположение соответствовало истине, то значение интересующей нас работы сводилось бы к той ценности, которую имеет всякое удачное историческое сравнение. Проливая свет на неясные стороны исторического явления или комплекса исторических явлений, оно помогает проникновению в основной их смысл и движущие силы и этим самым толкает и будит историческую мысль, облегчает постановку проблем для конкретных и локальных исследований и подготовляет почву для трудов широкого обобщающего характера. Но в самом деле М. Вебер стремится к несравненно большему и действительно достигает несравненно большего, чем простой ряд исторических параллелей. Все изложение «Города» с начала до конца проникнуто тенденцией к установлению и созданию социологических типов. В этом смысле первые две главы очерка, оперирующие над широким кругом научных данных, ничем не отличаются от трех последних глав, где рамки материала значительно сужены. И тут и там господствует одно и то же стремление выявить типическое в социологическом смысле. Оно выливается в форму таких логических построений, как «город-община» и «город-несбщина», «городская аристократия как правящий класс рантье» и «плебейский город как община, покоящаяся на конститутивной основе цеха».

---

[1]) См. «Печать и Революция». Кн. 1.

Но, употребляя слова «социологический тип», мы этим самым говорим еще очень мало. Немедленно же возникает вопрос: что̀ значит социологический тип? каково логическое содержание этого понятия и каким целям оно служит?

Необходимо решительно подчеркнуть с самого начала, что типы М. Вебера не имеют ничего общего с обычными представлениями об этого рода логической категории. Говоря о ней, мы обыкновенно подразумеваем: или средний тип, получаемый путем эмпирически-статистического исследования, или некоторое общее, так сказать, родовое понятие (Gattungsbegriff), которое получается в итоге сравнения ряда однородных предметов, путем отвлечения от них несходных и случайных признаков и конституирования сходных и существенных в единое логическое целое. Совершенно очевидно, что ни «город-община», ни «аристократия как класс рантье», ни другие типы Вебера не представляют собой средних величин в статистическом смысле. Автор сознательно отвергает возможность широкого применения статистического метода к социологическому исследованию. Образование статистически-средних типов человеческого действия мыслимо,— говорит М. Вебер,— лишь в тех случаях, когда отдельные проявления этого действия обусловлены качественно однородными мотивами и разнятся друг от друга лишь в количественном отношении. Между тем бо̀льшая часть тех человеческих поступков, которые имеют историческое значение, вызывается качественно разнородными мотивами [1]). Менее очевидно то, что типы М. Вебера не являются и родовыми понятиями. Между тем это так. Сконструировать родовое понятие посредством объединения общих признаков можно лишь при том условии, если последние имеются у всех сравниваемых объектов в более или менее одинаковой степени, независимо от того, что̀ именно сопоставляется: естественно ли исторические индивидуумы или комплексы исторических фактов. Но эта элементарная предпосылка совершенно отсутствует в логических конструкциях М. Вебера. Выдвигая понятие «городского патрициата как класса рантье», М. Вебер не только сознательно допускает возможность большого количества градаций в его пределах, в смысле неодинаково резкой выраженности признака «рантье», но вместе с тем сам указывает ряд случаев, когда представители городской аристократии являлись отнюдь не рантье, а всего лишь купцами. Но эти ограничения и изъятия не колеблют в его глазах всеобъемлющего значения созданного социологического типа и его общеприложимости ко всем конкретно-историческим разновидностям городского патрициата. Разгадка этой кажущейся логической несообразности в том, что настоящим конститутивным признаком понятия городского патрициата является не столько наличие у него черт рантье, сколько тяготение, тенденция к проявлению этих свойств. Своеобразие «социологических типов» М. Вебера, именуемых им «идеальными типами», лучше всего выясняется из способа их образования. Сопоставляя и анализируя ряд аналогичных

[1]) См. Wirtschaft und Gesellschaft, стр. 10.

комплексов исторических фактов, автор выхватывает из них одну или несколько составных частей. Критерием при этом выборе является не только то обстоятельство, что указанные элементы встречаются — в самых различных степенях развития: от зародышего состояния до полного расцвета — во всех сравниваемых объектах. Не менее существенно и то, что выхваченные черты характерным образом выражают индивидуальное своеобразие каждого комплекса фактов, взятого в отдельности, и что *именно на них*, а не на чем-либо другом, покоится его культурно-историческое значение. Этим отдельным «типическим» в только что указанном смысле чертам придается нарочито-резкое, возможно усиленное, интенсифицированное выражение. Полученное в итоге такой умственной операции искусственное логическое образование и есть «идеальный тип» М. Вебера. Он так же мало совпадает и может совпадать с эмпирической действительностью, как мало возможно производство в обычных условиях физического эксперимента, рассчитанного на безвоздушное пространство. Расхождение «идеального типа» с конкретными фактами обусловлено не только односторонней стилизацией этих последних, но и другой основной предпосылкой конструкции «типа». Всякое историческое явление, каким бы крепко спаянным целым оно нам ни казалось, складывается из множества разнородных элементов. «Die gleiche historische Erscheinung kann z. B. in einem Teile ihrer Bestandteile «feodal», im andern «patrimonial», in noch andern «bürokratisch», in wieder andern «charismatisch» geartet sein» (Wirtschaft und Gesellschaft, стр. 10). Эти разнообразные и постоянно меняющиеся сочетания совершенно не устранимы в действительности. Но идеальный тип, как мы уже упоминали, сознательно игнорирует их. Он всегда отображает лишь одну или несколько сторон взятого комплекса, давая таким образом только *частичную* характеристику последнего. Зато оторванность от действительности искупается в «идеальных типах» усиленной — по сравнению с конкретными явлениями — однозначимостью их содержания. Чем больше абстракция, тем полнее однозначимость, и тем лучше вместе с тем исполняет «идеальный тип» свое назначение. Ибо последнее заключается в том, чтобы быть идеальным мерилом исторических формировок и орудием их классификации. Практически это означает следующее: отдельные исторические явления сопоставляются с «идеальным типом» и затем относятся в ту или иную группу в зависимости от степени приближения к нему или отдаленности от него.

Итак, «идеальный тип», если подойти к нему со стороны отрицательного определения, не есть ни статистически-средняя величина, ни родовое понятие в обычном смысле слова, ни понятие индивидуальное, дающее более или менее полную характеристику какого-либо одного исторического целого. Положительное определение «идеального типа» сведется к тому, что это — общее понятие, дающее частичную характеристику ряда явлений, посредством интенсификации некоторых их элементов, имеющих культурно-историческую ценность.

В таком виде очерчивается значение и роль «идеального типа». Историческое прошлое рисуется, как гигантский поток вечно меняющихся

образований. Ни один атом его не напоминает полностью другого атома, и ни одна частица не остается в состоянии покоя. В каждый момент бытия происходят сдвиги, трансформации, изменения как сущности, так и внешних очертаний каждого отдельного явления. Над этой изменчивой и текучей средой воздвигается — силой человеческого мышления — твердая сеть опорных пунктов в виде идеальных типов. «Вместо ничего не-выражающих слов, покрывающих собою смутные абстракции, — говорит А. Шельтинг, критик и интерпретатор М. Вебера, — историку даются в руки резко отчеканенные образы. Они обладают всеми преимуществами логической однозначимости и резких очертаний, и так как они по природе своей не реальны и интенсифицированы, то они допускают возможность такого сравнения с собой, измерения и более отчетливого изображения *различных* реальностей, которое не влечет... злоупотребления чисто эмпирическими масштабами» [1]).

Помогая ориентировке в бесконечном разнообразии совершающегося и распределению отдельных элементов его по категориям. «идеальные типы» становятся орудием познания, постижения исторического процесса. Уже самое уловление тех черт, одностороннее подчеркивание которых ведет в конечном итоге к конструкции идеального типа, предполагает сильнейший анализ отдельных исторических комплексов, подвергшихся предварительной научной обработке. Попробуем конкретизировать только что высказанную мысль.

В связи с каждым идеальным типом возможна постановка ряда вопросов. Почему, в самом деле, главнейшим конститутивным элементом городской демократии средних веков считается цех? Дают ли локальные исследования достаточное основание для такого предположения? Не лучше ли было бы остановиться на каком-либо другом элементе городской демократии, который дал бы возможность полнее овладеть многообразием ее различных проявлений и дать удовлетворительное истолкование стадии господства демоса не только в средние века, но и в античное время? И наоборот: если согласиться с М. Вебером в его выборе цеха, как главнейшей основы «идеального типа» «плебейского города», то возникают другие вопросы: какие условия внутреннего и внешнего развития помешали целому ряду городов отчетливо развить свойства этого типа? Благодаря каким причинам другие города довели их до полного расцвета? и т. д. На этих примерах ясно видно, как «идеальный тип» вырастает на почве конкретных исследований — будут ли то истории отдельных местностей или покоящиеся на фактах теории развития, питаясь, так сказать, их соками, и как он, с другой стороны, становится не только двигателем исторической работы, но и непосредственным направителем и организатором ее. Но выработка «идеальных типов» составляет одну из существенных задач науки, именуемой М. Вебером «эмпирической социологией». Таким образом выясняется теснейшее взаимодействие между социоло-

[1]) Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 49 B., 3 Heft, 1922: *A. Schelting.* Die logische Theorie der historischen Kulturwissenschaft von M. Weber.

гией и историей. Наука об обществе базируется на истории отдельных обществ, разработкой которых она, в свою очередь, руководит.

Анализ материала, на котором покоится схема «Города», блестящим образом подтверждает высказанные положения. При всей яркости мыслей, при всем своеобразии — и порой даже неожиданности — выводов основная канва «Города» оказывается все-таки сотканной из предшествующих научных достижений. Особенно полно проявляется это по отношению к средневековому городу. Картина античного города, даваемая М. Вебером, быть может, и в состоянии — благодаря скудости документальных исследований в этой области — вызвать сомнения и споры. Но те представления, из которых он исходит, изображая средневековую городскую общину, совершенно неоспоримы, так как составляют прочное достояние науки. Возьмем, напр., центральный пункт второй части очерка — характеристику экономической политики средневекового города. В образе города-общины, экономическая жизнь которого покоится если не всецело, то главным образом на регулярном обмене продуктами между ним и прилегающей к нему сельско-хозяйственной округой, а производство протекает в формах ремесла, мы без труда узнаем господствующий в немецкой исторической литературе взгляд Бюхера-Белова. Правда, и тут автор допускает характерную для него стилизацию. Она касается отношения между цеховым строем и экономической политикой города. Старое направление немецкой историографии утверждало, что торговое право средневекового города лишь закрепило отношения, фактически существовавшие до него. Полемизируя с этим взглядом, Белов высказывает мысль о близкой связи между цеховым движением и некоторыми институтами городского торгового права, в частности «гостиного права». Это предположение сделано в очень осторожной форме и обставлено рядом оговорок и ограничений. У М. Вебера оно принимает характер аподиктического утверждения с сильно расширенным содержанием. Экономическая политика средневекового города, а следовательно, и все соответствующие ей институты права — характерный продукт цехового строя, т.-е. присущи лишь «плебейскому городу» — таков взгляд М. Вебера. Конечно, он представляет собой заострение, одностороннее усиление исходной точки зрения, основанной на строго проверенном материале. Но это преувеличение так сильно подтверждается общими соображениями и так мало сходит с линии, намеченной конкретно-историческим исследованием, что было бы допустимо даже в конкретной исторической работе. Тем более оно уместно, как своего рода «идеальный тип» экономической политики средневекового города.

Остановимся теперь на одном примере из М. Вебера, наглядно иллюстрирующем организующую роль социологической постановки проблем в деле их исторического изучения. Мы имеем в виду те мысли и стороны очерка, которые так или иначе соприкасаются с вопросами о теориях происхождения городского строя. В этой области исторической литературы в последнее время наблюдается несомненный кризис. Бесконечный спор теорий об источниках городского строя начинает вызывать

против себя реакцию, проявляющуюся в двух характерных формах: 1) с одной стороны — в виде жажды слияния разных учений; 2) с другой — в виде отрицания целесообразности самой постановки вопроса о генезисе городского строя. Перед нами две недавно появившиеся работы: Sander. Geschichte des deutschen Stadtewesens (Bonner staatswissenschaftliche Untersuchungen. Bonn und Leipzig, 1922 и 2-е изд. Dopsch'a. Wirtschaftsentwickelung der Karolingerzeit. 1921—1922), содержащие совершенно новую главу о городе. Зандер останавливается на трех главных теориях происхождения городского строя—вотчинной, общинной и рыночной. Первые две он безусловно отвергает, в третьей находит ядро истины, считая, однако, и ее неполной и неспособной дать исчерпывающее объяснение всем сторонам проблемы. Таким образом мысль Зандера застывает на чисто отрицательном выводе. Те же три основные учения составляют предмет критического анализа Допша. Он подходит к ним довольно остроумно. Вместо того, чтобы самому заняться опровержением неправильной, на его взгляд, теории, он выдвигает против нее аргументы сторонников противоположных течений; таким образом Белов выступает у него против Нича, Шредер—против Белова, Зомбарт—против Ричеля и т. д. Подобно Зандеру, Допш полагает, что все теории исходили из неверных предпосылок, но, в противоположность Зандеру, находит в каждой из них элементы истины. Эта критическая работа увенчивается созданием или, вернее, наброском очертаний новой, совершенно оригинальной теории происхождения городского строя. Исходная точка развития города прикрепляется к так называемым Gauvororto'ам, центральным пунктам областного управления Каролингской монархии. Этот взгляд представляет, по мнению Допша, то преимущество, что сочетает в себе все положительные черты старых учений.—Ярким представителем скептицизма в интересующей нас области является Оттокар («Французские города». Пермь 1919 г.). Ставить вопрос об источниках городских учреждений не нужно, не целесообразно и методологически неправильно,— говорит автор: «ибо самое это разложение исторической действительности на ряды институтов есть не более как бессильная человеческая попытка оторвать и зафиксировать частичные аспекты текучей исторической массы, неразрывно связанные с этой массой». Отсюда явствует, что истинная задача историка сводится к локальным исследованиям.

В этот разброд идей характерным образом врезывается очерк Вебера. И он преследует цели синтеза, но не в том урезанном виде, как это понимает Допш, сливающий воедино отдельные части различных теорий, а в другом, высшем, смысле. М. Вебер не тратит времени на полемику с теориями происхождения городского строя. Он едва удостаивает их мимолетного упоминания в каких-нибудь двух местах книги: в одном случае говорится о неправильности гильдейской теории, в другом — историкам ставится в упрек, что, споря о генезисе города, они слишком мало различают политическую и формально-правовую сторону процесса. Но, несмотря на это кажущееся равнодушие к спору, поглотившему столько научной энергии, М. Вебер самым подходом к указанной проблеме подго-

товляет несомненный сдвиг в ее трактовке. Решающим моментом в этом смысле является самая трактовка им понятия города, понятия, которое обычно или совершенно не дается историками, или строится ими на слишком узких основаниях. Выдвигая очерченное выше понятие города, Макс Вебер совершает двойную работу: с одной стороны, он одним взмахом сметает все теории происхождения городского строя, поскольку каждая из них претендует, так сказать, на монополию научной истины; с другой стороны, он прокладывает такое широкое русло, в котором могут уместиться если не все, то главнейшие из этих учений при том условии, что каждое из них будет стремиться к объяснению генезиса города лишь под каким-либо одним аспектом.

Анализируя «Город» с этой точки зрения, мы находим в нем отклики различных взглядов, порою в своеобразных сочетаниях. Поскольку город рассматривается под экономическим углом зрения, приводятся разнообразные случаи его возникновения из рыночного поселения. Перед нами проходит рыночное поселение, возникшее на перегрузочном пункте и превратившееся затем в город, благодаря сеньериальной концессии; город, выросший в античное время или раннее средневековье на берегу Средиземного моря из поселения пришельцев, мореплавателей, переселенцев или просто туземцев, заинтересованных в посреднической торговле, т.-е. опять-таки из рыночного поселения; город, возникший из него же на начальных или конечных пунктах перекрещения речных или караванных путей или же в непосредственной близости храмов — последний тип поселений, особенно благоприятствовал развитию междуплеменной торговли благодаря той защите, которую храмы давали чужеплеменному купцу; и, наконец, рыночное поселение, развившееся близ большого сеньериального или княжеского поместья ойкоса и постепенно эволюционировавшее в город. Этот последний случай является иллюстрацией смешанной, так сказать, рыночно-вотчинной теории, вотчинной не в понимании Нича, а в том смысле, что рыночное поселение, а следовательно, и город изначально порождаются потребностями ойкоса.

Но на-ряду с рыночной теорией мы находим у М. Вебера и признание Burgtheorie. Крепость имеет данные для превращения в город. Правда, далеко не всякая крепость. История знала различные типы крепостей. Какая-либо деревня, окруженная частоколом, или временное укрепление, вызванное преходящей нуждой в защите от неприятеля, не имеет никакой будущности в смысле возможного превращения в город. Только сеньериальные бурги носили в себе зародыши этой последней формы поселения: «Важнейшими историческими предшественниками городской крепости являются... не окруженные частоколом деревни и не укрепления, вызванные нуждой, а *сеньериальный бург*, крепость, обитаемая сеньером и его воинами, подчиненными ему в качестве чиновников (die Beamten) или лично зависимыми от него, как члены его свиты, и живущими, как и он, с своими семьями и принадлежащей им челядью» (519 стр.). Но мы имеем основание думать (его дают нам некоторые мелкие штрихи «Города»),

что необходимой промежуточной ступенью в процессе перехода крепости в город М. Вебер считал возникновение близ крепости рыночного поселения, обслуживающего текущие нужды обитателей бурга. В таком изображении Burgtheorie сильно окрашивается элементами рыночной теории.

И, наконец, поскольку Вебер интересуется городом, как общиной, он усматривает корни его возникновения в клятвенном союзе, заключаемом меж собой гражданами,—в упомянутой выше «конъюрации». В этом случае мы наталкиваемся на отголоски мнений, господствующих в французской исторической литературе.

Таким образом социологическая постановка проблемы лишает пресловутый спор теорий о происхождении городского строя всей его назойливой остроты и вместе с тем расчищает путь исследованию новых исторических вопросов. Не надо, однако, забывать, что концепция Вебера подготовлена теми самыми учениями, которые она в известном смысле упраздняет. Логически построенное понятие не может родиться из хаоса бесформенного материала. Необходимо было всесторонне развить и аналитически углубить представление о каждой из отдельных составных частей понятия город, чтобы сделать возможной дальнейшую, синтетическую стадию работы: сложение этого понятия из строго дифференцированных, резко разграниченных элементов.

Мы считали бы наш отзыв об очерке М. Вебера неполным, если бы не коснулись его историко-философских предпосылок. М. Вебер ни в коем случае не является представителем материалистического понимания истории. Отношение его к последнему прекрасно охарактеризовано А. Шельтингом: «Исходя из мысли о взаимной переплетенности и всеобщей взаимной связанности всех сторон социального процесса, мысли, заимствованной им у старших представителей исторической школы, особенно у Книса, и собственно говоря и составляющей социологическую концепцию книги «Wirtschaft und Gesellschaft», Макс Вебер вовлекает в круг научно-экономического рассмотрения на-ряду с экономическими явлениями также и явления, «важные с экономической точки зрения» и «экономически-обусловленные». Экономические явления не образуют самостоятельно существующего «изолированного комплекса», они глубоко коренятся в живом целом общего развития. С другой стороны, культурная жизнь общества во всех своих сферах в той или иной степени обусловлена, между прочим, и экономическими моментами. Таким образом «экономическая интерпретация истории» становится одной из существенных задач науки об обществе. Она не дает познания односторонней и полной обусловленности всей культурной жизни «экономикой», «социальной материей», «основанием» в смысле Маркса и особенно марксистов (Энгельса, Каутского). Она является лишь «интерпретацией истории», предпринятой с специфической точки зрения, и дает «частичную картину», составляет предварительную стадию разработки, предшествующую полному познанию культурно-исторического процесса. Мы видим: из метафизической конструкции... материалистическое понимание истории превращается... в *одно* из употребительных эвристических средств и в этом смысле прини-

мается М. Вебером как руководящая нить «экономического познания» культурных явлений» [1]).

Итак, «экономическая интерпретация истории» как орудие познания исторического, вернее: культурно-исторического, процесса. В нашу задачу не входит критическое рассмотрение этого взгляда по существу. Примем его за данное и, удерживаясь в его рамках, спросим: последовательно ли применяет М. Вебер свою руководящую нить? На этот вопрос придется ответить отрицательно. Анализ «идеальных типов» — этих мерил и истолкователей исторического прошлого — убеждает нас в том, что содержание их преимущественно экономическое. Город тяготеет к превращению в общину в силу *экономических* условий своего существования, хотя и препятствия, стоящие на этом пути, сводятся к явлениям не экономического свойства. Тип рантье, одинаково характерный для аристократического города как древности, так и средних веков, сплетается из экономических признаков. То же самое приложимо к идеальному типу «плебейского города». В самом понятии города наиболее сгущенными и подчеркнутыми являются экономические черты. Но, обращаясь к античной демократии, Вебер отказывается применять привычный ему интерпретационный метод; фактическая основа этой полосы истории не укладывается им в схему экономически окрашенных идеальных типов. Причина этого та, что, по мнению автора, интересы античного полиса, в противоположность средневековому городу, направлялись отнюдь не экономическими мотивами, а совокупностью военно-политических моментов. Большой исторический период, уже получивший экономическое объяснение у Белова и недавно истолкованный Рицелем, как проявление борьбы между формами государственности и импульсами экономической жизни, резко выделяется из общей связи исторической массы, как нечто, неподдающееся истолкованию, принятому для остальных частей ее [2]). Это изъятие тесно примыкает к другой стороне разбираемого очерка, до сих пор не отмеченной нами. Античная демократия не только не объединяется с средневековой под сенью единого «идеального типа»; она вообще не обрабатывается в этом смысле, т.-е. не получает соответствующего выражения в форме идеального типа. Перед нами в данном случае лишь одно из наиболее ярких проявлений незаконченности очерка М. Вебера, в смысле неполного осуществления им тех заданий, которые диктуются его же собственным методом. Не надо забывать, что «Город» М. Вебера не дает социологической конструкции всякого города, города вообще, и в этом смысле не оправдывает своего названия. Города Востока служат лишь для обрисовки основного фона картины; в дальнейшем исследование сосредоточивается на одном из уголков ее, на европейском городе двух эпох развития; прообразом же промышленного континентального города совершенно очевидно служит городская община немецкого средневековья, наиболее обследованная. Противопоставление антич-

[1]) Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 49 B. 3. Heft, стр. 705.
[2]) *Ritzel*, Über Finanzen und Monopole im alten Griechenland, Berlin. 1907.

ного города средневековому, как двух типов развития, коренящихся в разных началах и направляемых разными идеями, проведено в «Аграрных отношениях древнего мира» гораздо более последовательно, чем в «Городе». В этой последней работе указанная антитеза сильно смягчается выработкой идеального типа рантье, одинаково общего аристократическому периоду как полиса, так и средневекового города. Но даже в этих узких рамках, явно начерченных содержанием основного базиса очерка, т.-е. конкретно-исторических работ, процесс создания идеальных типов всего лишь только начат М. Вебером и далеко не проникает через всю толщу материала. Упорядочивающая функция идеального типа не успела сказаться в полной мере, и многие исторические моменты из жизни города остались разрозненными звеньями, не спаянными воедино в высшем синтезе.

Намечен один из кардинальных путей к преодолению многообразия исторического прошлого, но сама эта цель далеко еще не достигнута.

Таким образом в конечном итоге очерк М. Вебера оказывается всего лишь фрагментом. Но это обстоятельство нисколько не умаляет его научной ценности. Было бы ошибочно измерять значение таких работ, как «Город», одним только количеством достигнутых ими историко-социологических результатов. Настоящая роль проанализированного очерка заключается в том сдвиге, который он несет с собой в области методики исторического исследования.

ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР — А. Лежнева. 2. О ДЕТСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ и ДЕТСКОМ ЧИТАТЕЛЕ — А. Гринберг. 3. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ — Федорова-Давыдова. 4. МОСКОВСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ — П. Маркова. 5. МУЗЫКА В МОСКВЕ — Е. Браудо. 6. КРЕСТЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО — Г. Жидкова. 7. НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ — Ю. Спасского.

I. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР.

А. Лежнев.

I. Л. ЛЕОНОВ. «Барсуки». — II. «Наши дни», альманах.

Роман этот представляет собой крупнейшее литературное явление последнего времени. Прежде всего он показателен как переломный момент в развитии Леонова. До сих пор Леонов был известен нам как необыкновенно переимчивый, но мало самостоятельный писатель, как автор повестей и рассказов, стилизованных под Достоевского, Гоголя и т. д. и посвященных трагедии мелкого человека, раздавленного жерновами великих событий; в них был темный, болезненный колорит, явственный привкус патологии. В «Барсуках» Леонов делает огромный шаг вперед. Он сразу выходит этим романом на самостоятельный путь. Тут перед нами оригинальное, сильное, здоровое произведение, широкого размаха и крупных художественных обобщений, большое полотно, в котором автор показывает значительный и важный отрезок нашей действительности.

Но, развернув «эпическое полотно» такой незаурядной художественной мощи, Леонов тем самым становится в первый ряд современных писателей. Способность к широкому эпическому творчеству — самая редкая способность, по крайней мере, в наше время. В этом отношении Леонов значительно превосходит и Пильняка, и Всев. Иванова, и Бабеля, и Романова. Единственно, кто к нему в этом смысле приближается, — Сейфуллина; но, имея ряд преимуществ перед Леоновым, она все же уступает ему в пластической способности, в уменье создавать характерные фигуры, типы, т.-е. в том, что составляет наиболее важное свойство эпического писателя.

Гейне как-то выразился, что великий писатель подобен львице, которая не производит на свет сначала котенка, потом львенка, а сразу рожает львенка. Сравнение не совсем верно. Очень многие крупные поэты начинали именно с котенка. Пример Шиллера с его «Разбойниками» не может считаться общим правилом. 18-летний Байрон выпустил томик посредственных стихов. Да и у самого Гейне юношеские трагедии далеки от того, чтобы быть шедеврами... Но верно, конечно, что развитие писателя не совершается путем размеренно-правильной эволюции, шаг за шагом, со ступеньки на ступеньку. Нельзя вслед за ограниченными педантами представлять себе дело так, что поэт сначала пишет совсем плохие стихи, потом стихи не совсем плохие, потом среднего качества и, наконец, годам к 30, хорошие, или, продолжая сравнение Гейне, сна-

чала рожает котенка, потом котенка с львиной головой, потом львенка по плечи, львенка по пояс и, наконец, львенка целиком. Нет, его развитие происходит скачкообразно, и вчерашний автор посредственных стихов может сегодня оказаться гениальным поэтом.

Мы не собираемся, конечно, ставить Леонова в один ряд с Байронами и Гейне. Мы хотим лишь подчеркнуть скачкообразность его развития и показать, что эта скачкообразность не представляет собой какой-либо аномалии, но скорее, наоборот, является правилом эволюции всякого поэта, только не всегда она бывает так ясно выражена, как у Леонова. Многие недоумевают: чего можно ожидать от автора «Мелкого человека»? Статочное ли дело, чтобы вчерашний полу-мистик и несмелый обличитель «уездного» оказался в состоянии дать широкое полотно? Заранее, мол, не верим. Что ж, не верьте, но факты остаются фактами. Вчерашний «полумистик» дает великолепную художественную картину современности (правда, не всей, а лишь известного отрезка ее), полную жизни, красок, умных и метких наблюдений, а многие и многие из тех, что протерли штаны над безупречными декларациями, так и остались сидеть на бесплодной, на песчаной декларативной мели. Не следует ли из этого, что надо сочинять *плохие* декларации, или—чего доброго — что мистицизм благоприятствует художественному творчеству? О, нет, мудрецы из Фив, не следует!

Роман Леонова явственно разбивается на две части: первая — меньшая, действие которой разыгрывается в Зарядье, может быть рассматриваема, как прелюдия, введение во вторую, бо́льшую часть, изображающую во́сстание крестьян против Советской власти и составляющую собственно роман. Замысел автора ясен: Зарядье нужно ему для того, чтобы показать, в какой социальной среде и под какими влияниями выросли и развились руководители крестьянского, «барсуковского» восстания, — бывший приказчик мелкой бакалейной лавки Семен и купеческая дочь Настя. Ему нужно показать те многочисленные психологические воздействия, удары впечатлений, толчки быта, которые формируют характер, налагая на него социальный, классовый, отпечаток. Словом, связь между обеими частями обусловливается не столько композиционным моментом,— с этой точки зрения все первые 19 глав лишние и являются только пристройкой, которую можно отбросить, нисколько не повредив главного здания, — сколько моментом социально-психологическим, потребностью автора выявить глубокие классовые корни движения.

Таково задание автора. Если б оно было выполнено на все сто процентов, то и тогда наличие одной рыхлой психологической связи между частями, отсутствие композиционного единства ощущалось бы как несомненный недостаток. Но дело в том, что задание выполнено далеко не полностью. В романе прекрасно показаны ученические годы Семена, школа прилавка, уроки Зарядья, противоположные влияния смиренно-ласкового Катушина и изъеденного, но не сломанного жизнью Дудина, сохранившего способность ненавидеть и протестовать, первая любовь и первая большая потеря. Но вот Семен вырастает. Читатель с ним расстается, чтобы увидеться через несколько лет — и при свидании не узнает его. Это — не тот Семен, которого он оставил, не тот Сеня, который спасал голубя и шел за Катушинским гробом. Это — совершенно другой, непохожий человек.

Конечно, под влиянием Зарядья, прилавка, трактира мог получиться тот Семен, которого мы видим во второй части романа. Это читатель — по крайней мере внимательный — понимает, но понимает отвлеченно. Так могло получиться. Но могло получиться и не так. Мы не видим, как эта возможность превратилась в действительность, мы не видим процесса превращения. Почему Семен, выросший в городе, оторвавшийся от деревни пролетарий, становится вождем и идеологом деревни, восставшей против города? К чему повело влияние Катушина и Дудина? Какие следы оставило оно в душе Семена? Этого мы не знаем. Нам не показан перелом, годы перелома, годы революции, а это — самое важное. И потому Зарядье с Дудиными и Катушиными оказывается висящим

в воздухе. Это — как бы начало недописанного романа.

Между обеими частями «Барсуков» — пробел, пустое пространство, которое заполнять приходится самому читателю. Правда, на этом пространстве автором расставлено несколько вех, ориентирующих читателя и облегчающих ему работу. Но их слишком мало, путь указывается ими недостаточно ясно. Это относится не только к Семену. Та же неясность — вернее, недоговоренность — сказывается и в Насте, и, пожалуй, в Паше-Антоне, другой основной фигуре романа, символизирующей город, пролетариат, подобно тому, как Семен-Барсук символизирует деревню.

Я говорю: символизирует, и это выражение невольно подсказывается последней сценой, где Семен, вожак и руководитель «барсуков», отсталого крестьянства, идет с повинной головой к старшему брату Антону, идет для того, чтобы признать свои ошибки и необходимость руководства со стороны города. Но выраженье «символизирует» не следует понимать так, будто Семен или Антон являются схематическими, условными фигурами. Ничего схематического, условного в романе Леонова нет. Он весь выдержан в реалистических тонах, полнокровен, жизнен. Вполне реалистичны и жизненны (несмотря на свою недоговоренность) и образы Семена и Паши (Антона).

Братья, они подростками, мальчиками брошены из деревни в котел большого города. Но здесь их пути скоро расходятся. Паша, старший годами и обладающий более упорным, стойким и независимым характером, не может ужиться в атмосфере зарядского подхалимства, не может и не хочет безропотно сносить хозяйский деспотизм и унижения, связанные с положением мальчика на побегушках. Он уходит из лавки и поступает на завод. Город его «переваривает» до конца и делает — не только по положению, но и по психологии — членом великого пролетарского коллектива. Не то с Семеном. Он остается в Зарядье и развивается не в обстановке завода, а среди мелких лавочников, подхалимствующих приказчиков, забитых и отсталых кустарей и рабочих - одиночек, в нездоровой, застоявшейся атмосфере. Город не «переваривает» его до конца, как Пашу, не изменяет его сущности, не совлекает деревенского Адама, а только напяливает на этого Адама приказчичий пиджачок. Паша превращается в Антона, Семен становится Барсуком.

Повторяем: у Леонова есть недоговоренности. Нам пришлось в характеристике Семена кое-что договорить за автора, воспользовавшись поставленными им вехами, намеками. Эволюция Семена — от зарядьевца к Барсуку — автором только спроектирована, но не показана. Значительно яснее Антон, хотя о нем в романе говорится гораздо меньше. Он обрисован несколькими скупыми, но резкими чертами. Внутренний ход его эволюции также не показан, но его представить себе значительно легче.

Эта недоговоренность является наиболее крупным недостатком романа. Если она сравнительно мало ощущается, то это является следствием той необыкновенной способности Леонова к созданию типов, обладающих всей полнотой жизни, о которой мы говорили выше и которая заставляет забывать о его недостатках. В «Барсуках» выведена целая толпа действующих лиц, и все они — до последнего третьестепенного персонажа — обладают характерными, им одним присущими, чертами, облечены упругой художественной плотью. Для Леонова не существует статистов, и какой-нибудь барин Свинулин, появляющийся в романе на мгновение с тем, чтобы бесследно исчезнуть, какой-нибудь плясун Петька Ад или приживалка Матрена Симанна, или Васятка Лызлов, участие которых в действии совершенно незначительно, сделаны почти так же законченно и тщательно, как Мишка Жибанда, центральная фигура романа. При этом мастерство Леонова сказывается в том, что он умеет развертывать характер, не прибегая к описательной, статической характеристике от автора, но выявляя его шаг за шагом, путем часто как будто второстепенных подробностей, незаметных штрихов — и всегда в *действии*, посредством действия.

Диапазон Леонова очень обширен: ему одинаково хорошо удаются и типы

зарядьевцев, и типы крестьян. С изумительной четкостью, скульптурностью, простотой и вместе с тем тонкостью сделана фигура бывшего лихача Жибанды, одного из предводителей «барсуков», с его озорной удалью, дерзкой и спокойной удачливостью, с его своеобразным рыцарством и романтизмом. Это — не идейный вождь восстания, подобно Семену, но человек, бросившийся в восстание, не рассуждая, по непосредственному влечению. О Семене автор говорит, что он стал героем народных песен и рассказов. Но, пожалуй, в еще бо́льшей степени черты традиционного «разбойничка», удалого молодца, повторяются в Мишке Жибанде. Что особенно ценно — Леонов сумел здесь избежать того, чтобы дать лубок или впасть в шаблон.

Интересен тип «советского мужика» Чмелева, который в городе видит идейного руководителя деревни. Вообще Леонов, как справедливо замечает т. Воронский, сумел с большим тактом и вдумчивостью подойти к такой трудной и скользкой теме, как взаимоотношения города с деревней. Здесь художнику и вообще оступиться очень легко, а Леонов к тому же еще словно нарочно затруднил свою тему, сделал ее еще более скользкой, введя сильный анекдотический элемент (история с Зинкиным лугом). Как тут, казалось бы, художнику не поскользнуться, не упасть Но Леонов оказался в состоянии подойти к своей теме достаточно свободно и широко — и в то же время без хихиканья, без подмигиванья, без призывов назад, в XVII век. Он понял глубину и важность проблемы — быть может, и в самом деле больше головой, чем сердцем, — он понял, как нужен деревне «неистовый Калафат», город, сколько величия в его дерзаниях, и как несостоятельно противопоставление природы науке и технике; характерен в последнем отношении разговор, происходящий между барсуками:

— Закон природы. Его не переступишь, — сказал бородач из Отпетова, откидывая голову назад и глядя в точку перед собою.

— На законе-то твоем поезда ходят,— подзадорил Жибанда, стругая ножичком какой-то деревянный пустячок.—На всякий закон — наука есть.

— Природа науку одолит, — сказал Прохор Стафеев. — Вот и будет неученому-т горе, а ученому, — тинтиль-винтиль, — два!..

— Не одолит природа... — нерешительно протянул Петька Ад, косясь на Жибанду.

— Одолит! — выступил вперед Евграф Подпрятов. — Сыну супротив матери не выстоять.

— Все одно... Мать уж сына не обидит, хоть на шею он к ней сядет! — усмехался Жибанда.

Однако, при всей силе пластического дарования Леонова, есть в его романе несколько неудавшихся фигур. Таков, на наш взгляд, прежде всего главный герой «Барсуков» — Семен. Мы уже указывали, почему этот образ следует считать неудачным: Семен первой части романа имеет мало общего с Семеном второй части. Не показан переход от зарядьевского приказчика к Барсуку. Далее: если Семен Зарядья представляет собой живую, жизненную фигуру, художественный образ, то нельзя сказать того же о Семене-Барсуке, с которого сошла вся художественная плоть, обнажив голый замысел. Семен-Барсук — только идея, синтетическая абстракция, Деревня — с большой буквы, возмутившаяся против Города. Отдельные удачные моменты, как обыск или допрос Егора Брыкина, не в состоянии сообщить фигуре Семена достаточную жизненность. Много недостатков и в обрисовке Насти. Здесь та же двойственность. И опять — образ Насти, данный во второй половине романа, менее удачен, чем тот, что в первой. Из своеобразной, упрямой, независимой девушки, с сильным характером и яркой, но здоровой эмоцией она превращается в какую-то инфернальную женщину по Достоевскому, сочетание Грушеньки с Настасьей Филипповной, в которой мотивы двойной любви и классовой ненависти сплетены в нарочно запутанный клубок. Надуман Юда (один из барсуков), картинный и стилизованный негодяй (по Леониду Андрееву и Достоевскому). Мелодраматический элемент вносит деревенская «полу-дурка»

Марфутка. Образы Дудина и Катушина, обрисованные четко и убедительно, созданы явно под влиянием Горького.

Обилие действующих лиц, безвозвратно исчезающих к середине романа, или, наоборот, появляющихся только к концу, в связи с отсутствием композиционного единства, приводит к тому, что роман местами читается затрудненно и утомляет. Это усугубляется почти гончаровской детальностью и статичностью повествования, что особенно ощущается в первой части «Барсуков». К концу, даже к середине романа гончаровский холодок постепенно растапливается, но все-таки не исчезает окончательно. Эта холодная объективность повествования не мешает, однако, тому, что многие сцены производят чрезвычайно сильное впечатление (нападение барсуков на деревню Гусаки, крестьянский бунт в Ворах, бегство Жибанды с Настей, смерть Катушина и др.). За ней часто чувствуется сдержанный, нарочно притушенный, но несомненный темперамент.

В начале статьи мы указывали на то, что «Барсуки» — первая вещь Леонова, где он проявляется не как подражатель или стилизатор, но как самостоятельный писатель, как сильная и своеобразная поэтическая индивидуальность. Разумеется, это положение не следует понимать слишком буквально. Черты сильной индивидуальности давали себя знать и в прежних, «стилизованных» произведениях Леонова. С другой стороны, и в «Барсуках» он не свободен от ясно-ощущаемых литературных влияний, иногда даже от стилизации. Мы это уже видели, когда рассматривали типы, выведенные в романе. Как и в прежних его вещах, самым сильным оказывается влияние Достоевского. Особенно ярко оно проявляется в той сцене, когда Егор Брыкин, бывший торговец, а теперь дезертир, видит на исполкомщике Сереге Половинкине, любовнике его, брыкинской, жены, свой собственный, брыкинский, пиджачок:

— Пиджачок-то... — не своим голосом прохрипел Егор Брыкин в самый раскрытый рот уполномоченного, приседая в согнутых коленях: — перешивали пиджачок-то?.. Али и так подошел?!.— и протягивал палец, порезанный вчера и теперь обмотанный грязной тряпицей, прямо к своему пиджаку, сидевшему на Половинкине, и правда, как-то подозрительно.

— Что ж ты хочешь этим сказать? — подгибая напрягшуюся шею, быком уставился в Егоров перевязанный палец Половинкин. — Украл я его, что ли?! Сама же твоя-то и подарила мне... Возьми свой пиджак, коли нужен... Он, к тому же, и тесен мне, в плечах теснит... — неловким голосом предложил Половинкин, делая движенья, точно жег плечи ему Аннин подарок, и вытер лоб ладонью.

— Что вы! что вы!.. — замахал на него руками Егор Иваныч, как в припадке безумия перегибаясь в пояснице то туда, то сюда. — Денно и нощно за вас, благодетелей, бога молим... что посетили вы сирую домуху мою... не погнушались! — он с надрывом ударил себя в грудь и одновременно смахнул с губ пену неистовства. — Осеменили, можно сказать!.. Носите, носите на здоровьице пиджачок мой! В морду еще меня ударьте, ну ударь, ну!..

Кроме влияния Достоевского сказывается еще довольно отчетливо влияние Гоголя, особенно в языке. Есть и целые сцены, напоминающие Гоголя (например, рассказ о слухах, волновавших село Воры после убийства комиссара).

II.

Наиболее интересными в последнем номере альманаха «Наши дни» являются две повести: С. Решетова «К новой жизни» и Вяч. Шишкова «Пейпус-озеро». Автор первой повести рабочий-наборщик, выступающий, если не ошибаемся, в печати впервые. Повесть еще не окончена, но и та ее половина, что помещена, дает право рассматривать ее как явление значительное. В этой вещи собран чрезвычайно богатый и ценный историко-бытовой материал, обработанный, быть может, и не очень опытной рукой, но с большой простотой и естественностью. Жизнь рабочего - подростка, вынужденного браться за всевозможные занятия: сегодня он ученик у сапожника и нянчит детей, завтра работает в переплетной мастерской, послезавтра набор-

щик, потом выступает в балагане, потом разъезжает с летчиком и т. д. — дает ему возможность широко развернуть картины рабочего быта, профессиональных нравов и обычаев. Так как этот быт, в общем, слабо затронут в литературе, плохо освещен, то такого рода произведения представляют интерес даже тогда, когда они лишены художественных достоинств. Тем более приятно видеть вещь, очень неплохо написанную, с хорошо обрисованными действующими лицами, без следа надуманности или фальши. Повесть Решетова относится к тому же ряду, что и «Карьера подпольщика» Васильченко и вещи Бражнева, — только она значительно лучше сделана, чем «Карьера подпольщика». К сожалению, она имеет с последней и один общий недостаток: растянутость.

«Пейпус - озеро» Шишкова написано неровно. В начале повесть читается с трудом, через силу. Сцены отступления кажутся уже где-то читанными, действующие лица не запоминаются. Но постепенно повесть все больше и больше захватывает читателя, и последние страницы производят прямо-таки потрясающее впечатление. Я говорю о заключительной главе, где рассказывается, как несколько беглецов из Эстонии пытаются перейти по льду озера Пейпус для того, чтобы попасть в родную Россию. Несколько раз их раздевают грабители, пока они не остаются в одних лохмотьях, которые те им кидают вместо забранной одежды. Дни и ночи идут они в стужу, по бескрайнему простору — и есть что-то эпическое в жути и простоте этого перехода. Часть из них замерзает. Несколько человек, полуживых и жалких, добирается до берега, до России. Эти страницы искупают недостатки остальной части повести. Но надо сказать, что и в ней есть немало интересных моментов: хорошо изображена жизнь белого юденического офицерства в Эстонии, постоянные столкновения интернированной армии с местным населением, сцена побоища между эстонскими крестьянами и юденическими солдатами и т. д.

«Халиль» Леонова относится к первому периоду его творчества (написана в 1292 году). Это — прекрасно сделанная, стильная безделушка, исполненная своеобразной мелодичности и остроумия. Из остальной прозы надо отметить еще небольшой отрывок Пильняка «Кукушки» (из романа «Коломенские земли»), тема которого несколько необычна для Пильняка «Кукушки», это — старые «мастера», рабочие-изобретатели, имеющие каждый свой секрет, который ревниво оберегают от других. Отрывок написан хорошо, сравнительно просто, но напоминает Горького. Среди стихов выделяется прекрасная вещь В. Казина, написанная, как всегда, строго, ясно, скупо, с большой эмоциональной насыщенностью и обвеянная дыханьем большой идеи:

Я нет-нет и потемнею бровью,
Виноватой памятью томим!
Ты прости меня своей любовью
И своим величием простым.

Только ты одна меня любила,
Ты — завода кровная родня,
Теплая, заботливая сила
От тебя теснилась на меня.

Жизнь гражданской тяжбой волновалась,
Не склонялась жизнь любовь беречь —
Тяжких дней отрядами врывалась
В тихие часы любовных встреч.

Эх, бывало, услыхав тревогу,
Ты срывала нежности порыв
И, оставив строгий след порогу,
На ходу винтовку зарядив,
Своему заводу на подмогу
Ты бежала в гневные ряды.

И, дыша пороховым дыханьем,
Путь марая кровью от следа,
Прибегала вновь и вновь признаньем
Нежила — сердечна и тверда.
И своим певучим дарованьем
Я вливался в гневный ряд труда.

Но «старый мир», сильный «телесной женской властью», оторвал поэта от прежней возлюбленной, от завода, от борьбы. Этот старый мир пришел в образе «чуждой», «дразнящей», «красивой». Правда—

Я был духом без ответа,
И не мог я только побороть
Плоть свою, хмельную плоть поэта,
Падкую на сладостную плоть.

Но простить себе это отступничество— не только от прежней любви, но и от своего класса — поэт не может —

.. плотью откипев,
Я готов был против самого же
Обратить рядов рабочих гнев.

Это-то былое отступничество и заставляет его и сейчас «нет-нет и потемнеть бровью».

II. О ДЕТСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДЕТСКОМ ЧИТАТЕЛЕ.

Анна Гринберг.

О нашей детской литературе можно было бы сказать много хорошего: о неустанной переподготовке авторов, искренне желающих не отставать от жизни; о честных усилиях редакторов и издательств дать детскому читателю подлинно новое чтение; об участии комсомола в писательстве для детей; о привлечении пионеров в редколлегии детских журналов и многое другое.

Но, несмотря на настойчивость этих намерений, все появляющееся в нашей печати в течение 7 лет, за исключением нескольких небольших опытов, немногих попыток и случайных удач, оказывается мало пригодным для нового детского читателя. И даже более того: советская детская литература в массе поражает невниманием к этому новому рабоче-крестьянскому читателю.

Очевидно, старые традиции прежней интеллигентской детской книги нами еще не преодолены. Массовый пролетарский детский читатель еще незнаком работникам детской литературы.

Я попытаюсь показать это на нескольких примерах, взятых из области, главным образом, нашей периодической детской литературы (в частности московской) за 1924 год: она первый проводник в печать всего прочего, и она же наиболее живо отражает все возникающие направления и замыслы. Я сопоставлю эти литературные образцы с тем, что пишут и говорят сами дети.

Ибо у нас имеется расцветшая за эти годы, под влиянием новых школьных приемов, по всему СССР—целая литература самих детей о себе — чудесный, внезапный, свежий, неисчерпаемый источник, рассказывающий новых детей.

Источник этот в руках учительства, в новой школе, в детском доме, в коммуне беспризорных, в пионерских отрядах. Он возникает повсеместно и постоянно, в порядке ежедневной работы, все новый и новый.

Если обратиться к нему — станут очевидными и разительными все недочеты нашей литературной работы для детей. И он же может стать драгоценным первичным сырым материалом для коренного обновления детского чтения.

Первый и главный недостаток нашей детской литературы в том, что в массе она все еще литература интеллигентская. Интеллигентская по замыслу, форме, стилю, языку, подходу. И даже круто осоветизированное содержание ее—уклон к производству, к коллективизму, культ вождей, равнение на коммунистические даты и праздники — даже новое содержание это неубедительно и часто низводит большие задачи до степени модного увлечения.

Очень показательным образчиком интеллигентского подхода к новой теме я считаю, напр., стихотворение «Рабочий», напечатанное в одном из наших дошкольных журналов [1]). Здесь автор добро-

---

[1]) «Искорка», № 1, издание «Рабочей Москвы»,

совестно пытается показать неожиданно новый детский идеал: «...как отец... буду тоже рабочий... Буду черный домой приходить, и бранить не посмеют за это, буду синюю блузу носить, а в кармане газета». Но в этих детских словах от лица будто бы пролетарского мальчишки — все не настоящее и не его: не его отец-рабочий изображен здесь, а новый модный герой в блузе и с газетой; и не его, заводского мальчишку, дома бранят за то, что он приходит черный, а совсем другого, интеллигентского мальчика; и только интеллигентский мальчик может не знать, что приходить черным и усталым с завода — тяжко.

Совсем иное пишет об этом же устремлении к отцовскому заводу настоящий пролетарский мальчик, правда, немного постарше возрастом:

«Здравствуй, дорогой товарищ Ваня! ...мне очень хотелось работать на заводе «Каучук»; меня пока не приняли... Но мысль играет, как я поступлю на завод резинового производства, как я буду работать вместе с отцами нашими, и когда мне будет лет 20, я буду квалифицированный работник резинового производства. Воображаю, как я буду работать».

В иных случаях литературное низведение жгучих вопросов современности до степени модного изыска грубей и проще; оно не остается в пределах добросоветского бессилия дать литературную пищу пролетарскому читателю— оно докатывается до острой буржуазной пошлости. Такова, напр., чрезвычайно характерная обложка другого нашего дошкольного журнала [1]), где англосаксонский младенец в матросской курточке, в носочках и очках на носу, пишет детскими каракулями на черной доске: «Когда я буду большим, я тоже буду большевиком».

Не следует думать, что это невинная шутка, которая только насмешит: эта шуточная развязность по отношению к тому, что нешуточно, неминуемо развратит вкус. Вскоре после появления упомянутого номера журнала, я встретила одного из его пикоров, знакомого мальчика лет 14, способного и умного; он показал мне предназначенный для напечатания собственный рисунок такого содержания: утки, гуси, кролики, чуть ли не поросята, идут строем, в красных косынках с барабаном; надпись: «Чем мы хуже юных ленинцев?».

В другом номере того же журнала [1]) читатель, развернув его, найдет: справа фотографию детского шествия с лозунгом на плакате: «Мы, октябрята, идем по тропинкам дедушки Ильича», а слева— колонию грибов с человеческими лицами под шляпкой и надписью: «Мы идем, мы идем, всех буржуев изведем». Очевидно, здесь и октябрята, и революционные мухоморы, а кстати и тропинки Ильича являются ценностями одного порядка: модными необходимостями.

Такою же безвкусицей, использующей серьезные интересы новой детской жизни, как забавную выдумку, представляются мне и все помещенные в этом же журнале письма ласточек, доклады паучков, кружки юных термитов, клубы зверкоров, собрания мышей и другие измышления, напоминающие те старые приемы, которыми пытались незаметно, шутя и «радостно» обучать и воспитывать прежнего интеллигентского ребенка. С исследовательским методом такой «природоведческий» материал не вяжется; детская общественность здесь—предмет зоологической карикатуры. Практически: что может дать сегодняшнему деревенскому ребенку, которому необходимо спешно изжить приемы тупого и хулиганского надругательства над животными, такое, например, «письмо петуха» [1]): «...Трезор от меня без ума. Наши куры тоже в большой дружбе с Трезором. Вообще коллектив наш крепнет день ото дня»? Совершенно очевидно, что этот петух, от которого без ума Трезор (!), именно и есть тот соседский петух, которого деревенская Кланька или Панька непременно заманит в омшанник и там ему выщиплет хвост.

Пролетарские дети пишут совсем подругому даже о наблюдениях над шуточной стороной жизни животных: эти шуточные наблюдения имеют свое серьезное содержание. Беру несколько случай-

[1]) «Мурзилка» № 2, изд. «Раб. Москвы»

[1]) «Мурзилка», № 6.

ных примеров: «У нас есть клест... Он из своей клетки клюет обои... С ним живут две мелкие птички, синички... он у них считается важным дяденькой, и они его уважают. Когда ему дают поесть что-нибудь новое, он с ними делится... Иногда получается, как будто они играют в салочки... Клесту живется у нас хорошо. Мы его прозвали дядя Клест, потому что он ведет себя, как взрослый». «Мы купили в Биосаде белых мышей. За пару заплатили 3 миллиона... С ними по дружбе живет домовая серая мышь... Беленькая ищет блох у серой»... «Раз мы нарисовали нашу синицу и написали, как она живет и какой у нее характер, и повесили лист на стену... Она увидала свой портрет и что там написано и все разорвала и растрепала; весь портрет исклевала».

Выставка «Обис». И. А. Губина — «За роялем» (масло). (К статье Федорова-Давыдова).

Самые названия наших детских журналов — безусловная интеллигентщина. Деревенские дети, которым я давала читать журнал «Искорка», неизменно спрашивали: «Дайте почитать журнал из корки», пытаясь, повидимому, внести какой-то смысл в название, ибо его взрослая символика им чужда. Но если «Искорку» можно объяснить героическим воспоминанием, то что̀ сказать о журнале «Мурзилка», названном по имени собаки, названной нарицательным именем неряшливого ребенка? Бессодержательная сложность такого нагромождения доступна только интеллигентским детям, воспитанным на этом.

В одном детском доме на Клязьме, где дети увлекались писательством, мальчик интеллигентского происхождения назвал свою тетрадь «Светлячок из жизни»; объяснить это название он не мог и только твердил: «Ну, детский светлячок», считая, повидимому, что всякое сочинительство есть «светлячок»; на первой странице он написал «Начало писания светлячка». Остальные дети, не искушенные в интеллигентской детлитературе, ничего не понимали. Крестьянский мальчик взял тетрадь, нарисовал на обложке голову и подписал «Сочинитель». Вышло понятно и нужно.

Образчиком того интеллигентского языка, на котором говорят писатели со страниц детского журнала с пролетарским читателем, может служить «производственная» статья «Черная кровь» (о Бакинских нефтяных источниках), помещенная в украинском детском журнале [1]).

[1]) «Октябрьские Всходы». Госиздат Украины.

Выставка «Обис». Л. Андреева — «Баба» (раскрашенный гипс). (К статье Федорова-Давыдова.)

Автору статьи показалась неубедительной сказочная действительность нефтеносных промыслов: миллион пудов нефти, выбрасываемый ежедневно из скважины; он пытается поразить воображение читателя более сильными, чем действительность, собственными образами: у него в нефтеносных скважинах течет черная кровь, в поршневых цилиндрах — кровавый рабочий пот, «слезы нефти бегут тупо! (восклицательный знак мой. *А. Г.*) по каменным скулам» гор. И т. п.

А вот что написал мальчик из школы I ступени при заводе «Красный Каучук» о городе Баку, когда разъяснения учителя, газеты и географические соображения навели его на мысль о международном значении этого края: «Нам нужен город Баку для того, что там много добывают нефти, керосину. Нам нужна нефть для того, чтобы двигать машины. Город Баку находится на берегу Каспийского моря. Нефть везут сперва по Каспийскому морю, потом по реке Волге и развозят в разные города. Нефть в России добывается на Кавказских горах».

Этот мальчик никогда не видел Бакинских промыслов, он наверно заинтересуется статьей в детском журнале. Но удовлетворят ли его слезы, скулы, черная кровь и кровавый пот этой статьи?

Такие отделы, как «В часы досуга», «Научные новости», «Наши развлечения» и тому подобное, целиком повторяют на страницах пролетарских детских журналов бывшие отделы прежних журналов и всю устарелость старых приемов обучения и воспитания. Отделы эти исходят не от детей, а даются в готовом виде редакцией; все в них надумано, случайно, поверхностно, не связано с жизнью.

У наших детей есть настоятельные, близкие, насущные вопросы; новая школа научила их пользоваться подлинными материалами, источниками и справочниками. Когда нужно проводить неделю Мопр, они распределяют между пионерскими звеньями страны для обследования, выбирают делегатов, делегаты отправляются в Коминтерн, из Коминтерна идут в гостиницу Люкс, добиваются в Люксе товарища Сен-Катаямы, японского представителя, у Катаямы получают сведения о японских тюрьмах и заключенных коммунистах, берут портрет Катаямы и японский лозунг — несут в звено, в уголок Мопр. А когда нужно сделать коллективную работу, на тему о домашних животных, они идут на улицу, останавливают извозчика и с его слов записывают «условия жизни лошади»; одна девочка, готовясь к бе-

седе с извозчиком мечтала также о том, что если извозчик окажется «культурным, то можно будет получить сведения и о стойле за границей». В другой раз я присутствовала при том, как девочка, вернувшись из экскурсии в музей, с увлечением рассказывала: «До чего интересно! Ходили смотреть рога, вымя и хвост коровий».

Вот современный детский читатель. А детский журнал преподносит ему на протяжении двух печатных страниц, в пресловутых часах досуга, следующую нелепую мешанину [1]): во-первых, что делается на луне, во-вторых, обратное расположение внутренностей, в-третьих, чудеса хирургии (о восстановлении лица одному англичанину во время мировой войны), в-четвертых, электрический карандаш, в-пятых, усовершенствование в области телефона (в Англии), в-шестых, огненный маяк Средиземного моря (описание вулкана Стромболи). Даже те из этих вопросов, которые могли бы иметь хотя бы отдаленное отношение к нашей действительности, взяты вне времени и пространства, пусто-описательно, чуждо, безнадежно-ненужно. Не выкроены ли эти «научные новости» из какого-нибудь старого, буржуазного, иностранного журнала на удивление советским детям?

В «часах досуга» другого детского журнала [2]) молниеносный перечень фактов под заголовком «Знаете ли вы, что...» являет читателю такой черед сообщений: «Во всем мире живет около 1.805.000.000 человек. В. И. Ленину 53 года. Из нефти добывают жировые продукты, употребляющиеся вместо масла в пищу».

Очевидно, привнесение самой яркой современности не может спасти этот устаревший отдел и смежные с ним: он чужд и запросам и навыкам наших детей; он способен служить только механическому накоплению разношерстных знаний; он удовлетворяет только праздное и беспредметное любопытство; он культивирует унылую болтовню.

Вместе с этими отжившими часами досуга и развлечениями, вероятно, по инерции докатилась до нас из прежних годов и та утопия, которая помещена в этом же журнале под заглавием «Путешествие красной звезды в страну чудес». Зачем скудным взрослым воображением беднить, упрощать и суживать будущее? Вымысел всей этой утопии увядает перед любым мелким фактом современности, хотя бы перед любительским детским радиоприемником. В тех лозунгах, которые московские школьники читают на крыше трамвая, бегущего по Арбату — «Готовь газы к войне, пользуйся ими в хозяйстве», — больше ежедневных глубоких чудес, чем во всех междупланетных чудесах слащавой «страны чудес» 1957 года.

Говорить серьезно о никчемной нелепости этой утопии не приходится: если не ошибаюсь, редакция журнала прекратила ее печатание, не дождавшись, чтобы замечательные дети будущего — светлячки — завершили свои радио-благонравные приключения. Но самое по-

Выставка «Обис». Л. Андреева — «Барыня» (раскраш. гипс). (К статье Федорова-Давыдова).

[1]) «Октябрьские Всходы» № 7.

[2]) «Барабан», №№ 1 — 6, изд. «Московского Рабочего».

Выставка «Обис». Фриххар — «Комсомолка» (дерево). (К статье Федорова-Давыдова).

явление, хотя бы и краткосрочное, такой утопии на страницах серьезного детского журнала — показательно.

Итак, «часы досуга» и «наш юмор» — вместо новых элементов, которые могли бы возникнуть в связи с новыми направлениями обучения и воспитания в рабоче-крестьянской стране. Беспартийные утопии, очеловеченные коты и зайцы и прочий груз былых традиций, который старит и сушит новую книгу, вместо подлинных материалов, человеческих документов, обществоведческих и краеведческих разъяснений, выдержек, примечаний.

Только отрывом работников детской литературы от детских масс можно объяснить такое противоречие между расцветшей, чрезвычайной новизной детской жизни и безусловной старинкой детской книги.

Этим, вероятно, объясняется и другой крупный и грозный недостаток, назревающий в наиболее свежей части нашей литературы, там, где на первом месте ставится революционное и политическое воспитание читателя.

Недостаток этот — в злоупотреблении фразой. Агитационный шаблон, словесный пафос, вместо знания — факты, вместо фактов — фразы о фактах. Но и слова и фразы, — весь язык этого непрерывающегося митинга, — неудовлетворительны. Он не свеж и не прост, затерт, забит, заношен.

В журнале «Пионер» [1]), где чрезвычайно обширен отдел детских корреспонденций и связь с местами значительна, готовым газетным образцом самого журнала обесцвечены даже детские корреспонденты. Даже подлинные детские статьи обескровлены и обезличены этим опустошающим шаблоном.

Однажды мне пришлось присутствовать при том, как в детской заметке о полетах на аэродроме редакция выправила живописный, крепкий, неожиданный, звонкий заголовок пикора: «Юнкерс»,—на уныло-репортерское: «Мы летали...» (с многоточием!) [2]). А в дальнейшем — рука ли редактора или, быть может, уже самого покоренного детского автора, — в дальнейшем журнал пестрит однообразными недетскими, наскучившими, все теми же, по-новому старыми, по-иному слащавыми, трафаретными заголовками: «Умеем и работать», «Интересуемся и кооперацией», «Помогаем и мы», «Умеем веселиться», «Изучаем химию», «Помогаем крестьянству». И тому подобное.

Неужели так однотонен пикорский язык по всему СССР — от Замоскворецкого отряда при клубе «Детский Уголок» до поселка Улк-Теляк в Уфимской губернии, от города Ульянова до Туапсе на Черном море, от Бауманского района

[1]) Издательство «Молодая Гвардия». Москва.

[2]) «Пионер» № 2.

в Москве до Архангельска, до Тулы, до Саратова, до Костромы, до Харькова, до Камчатки? Я не измышляю, я беру наугад только часть пикоровских заметок, рассыпанных в 2 — 3 случайных номерах.

Нечего и говорить о том, как форма затрудняется содержанием: в оболочке суконно-казенного словесного образца детская заметка о пионерской работе превращается в увядший перечень беспомощных перечислений.

Таково изложение, такова и разработка всего многочисленного, глубоко значительного, политического, международного и всесоюзного материала, заполняющего журнальные номера. Можно без преувеличения сказать, что этот замечательный материал, впервые обретенный детской литературой, ни в коей мере не использован ни педагогически, ни художественно, ни иллюстративно, ни общеобразовательно. Он мог бы дать пролетарскому детскому читателю прочное средство к деловому, конкретно-революционному осознанию себя и окружающего, но на деле происходит иное: читатель не имеет средств к техническому овладению этим кровно-нужным ему материалом. Ни в одном детском журнале, хотя бы и имеющем такую страницу, как «Фото-газета пионера» [1]), нет ни географических схем, ни планов; небольшое количество случайных деловых иллюстраций [2]) тонет в бесчисленном множестве беллетристически-изобразительного материала, который загромождает и удорожает издание, не будучи художественно-ценным.

Однажды в редакции журнала «Пионер», мальчик — член редколлегии — рассматривал принесенное для очередного номера клише с изображением индейцев Колумбии [3]). Я спросила: «Ты знаешь, что̀ такое Колумбия?». Он помолчал, вздохнул и сказал: «Нет, не знаю. Это где-то». Думаю, что не только Колумбия и Корея, — для большинства детских читателей столь же мало реальны и Сольвычегодский уезд, и Баланда Аткарского уезда, и даже Ливны.

Без должной обработки политической, общественной и мировой материал труден детскому читателю. А плохо усвоенный материал культивирует голословность, верхоглядство, недодуманность.

Самые жизненные события и факты нашей современности на страницах детских журналов превращаются в звонкую отвлеченность.

Выставка «Обис». В. Ватагин—«Самоед» (дерево). (К статье Федорова-Давыдова).

[1]) «Пионер».

[2]) Снимки с подлинников иностранных приветствий («Пионер» № 5), с комсомольских заграничных писем («Пионер» № 6), со стенгазеты (там же), с обложек рекомендуемых книг (там же), с предвыборного английского плаката («Пионер» № 9).

[3]) «Пионер» № 6

Выставка рисунков — Л. Бруни — рисунок. (К статье Федорова-Давыдова).

Есть статья о VIII Всеукраинском съезде советов в украинском детском журнале [1]); в ней не дается ни одного примера из работы съезда, ни одного реального воспоминания о работе первых съездов в обстановке гражданской войны, это трескучая заметка о «неуклонном движении к светлой жизни коммунистического общества», о «мощном союзе всех трудящихся против помещиков и буржуев» и о «развалинах старого мира».

В другом месте «Первое мая — это окно в идущую революцию» [2]).

Между тем дети, и не испорченные книжным трафаретом, склонны все слова и каждый образ принимать за чистую монету

Я приведу в пример сочинение одного пролетарского мальчика из московского детдома, написанное в прошлом году, в январские, Ленинские дни. Мальчик отнесся с величайшим вниманием ко всему, что рассказывали о Ленине; на обложке своей тетради он старательно нарисовал Ленина со звездочкой на лбу; он толково и подробно описал прощание с Лениным в Доме Союзов («Мы пошли дальше; вот и гроб, красная подушка, он лежал бледный. Я все глядел на него»). Но все то, что читали и рассказывали взрослые, этот непосредственный и свежий ребенок понял в буквальном смысле слова. Вот выписка из его тетради:

«ССР и РСФСР. Тетрадь для биографии Ленина. Ленин умер.

«Биография товарища Ленина. Товарищ Ленин родился в 1870 году. Он был вождь рабочих. И состоял в одним кружке. Он и его товарищи скрывались под землей и там работали целый день. За ними кто-то замечал, что они бунтуют; и их злодеи были кулаки, юнкера, генералы и буржуй толстый с большой

[1]) «Октябрьские Всходы» № 1.
[2]) «Октябрьские Всходы» № 7.

шляпой. А товарищ Ленин все говорил: надо скорее, а то мы погибнем или нас повешут. И так они работали спеша. Потом они стали приготовляться к октябрьской революции. Когда все было готово, тогда они вышли со знаменами. Почти что мало было простых народу, все были рабочие, они выходили из разных фабриков и заводов. И они взяли власть в свои руки. Еще товарищ Ленин очень любил природу, например, он очень любил играть в шахматы и кататься на велосипеде. Еще он любил маленьких котят».

Подпольную работу этот мальчик понял, как спешную работу под землей, врага-буржуя он воспринял, как какого-то конкретного буржуя в большой шляпе, замечавшего, что под землей бунтует Ленин. А когда все было готово, Ленин вышел и взял власть в руки.

Что сказать о Ленинском материале в нашей детской литературе?

Он недостаточен, он неубедителен, он отвлечен, он нереален.

Дети с серьезной заботой ждут настоящих, живых фактов из большой и суровой Ленинской жизни. Но их почти нет в детской литературе. Я, напр., нигде не встречала изложения в доступной для детей форме тех событий и течений Ленинской жизни, которые связаны с поворотами и этапами революции, почти современными детям. Между тем именно на этом материале смычек, нэпов, кооперации и т. п. можно было бы дать ощутить детям, как трудна была его работа, и кем он был для революции, и каковы были его личные свойства в деле; отсюда можно было бы сделать конкретный вывод о коллективной мысли, его заменяющей; и таким образом живое и прочное содержание наполнило бы известную детям торжественную формулу «Ленин умер, но дело его живет», таким образом стали бы ближе и дороже известные детям большие слова: «заветы», «вождь» и многие другие,

Ибо слова эти, как слова, не могут быть достаточно, до дна, осознаны детьми, за исключением тех из них, кто особенно (и не по-детски) развит. Вот небольшой пример. В Ленинскую неделю девочка-пионерка рассказывала: «Сегодня писали лозунги. У нас один был лозунг: Ленин—пионер коммунизма. Но мы его, ну, никак не могли понять. Тогда наш вожатый, Володя, сказал: мы этот лозунг совсем снимем».

Те небольшие факты из быта Ленинской жизни, которые в прошлом году припоминали, рассказывали и повторяли, о бумажных корабликах в умывальном тазу, о мяче, о рукаве пиджака и о таинственном шалаше, уже стали недостаточны для детей, переживших смерть его; эти дети — современники конца его жизни, они скорбно знают его, помнят, ходят к нему в мавзолей. Им нужно нечто бо́льшее.

Вот как перед Ленинской неделей, недавно, рассказывала небольшая девочка-пионерка о посещении мавзолея со школой. Она говорила, глядя перед собой в большом раздумьи, недоуменно и бесповоротно поглощенная. Она говорила: «Он лежит в серой рубашке со

Выставка графики и карикатуры.
Ротов — «Беспризорные дети».

значком. Возле него знамя Парижской Коммуны. Но я не смотрела». Помолчала и прибавила нетвердо: «Бородка теперь светлей, а кулак стал такой маленький, маленький». Хотела показать, махнула рукой и отвернула лицо.

Настоящего, большого и серьезного литературного материала о Ленине для детей пока нет. И не потому, что его еще не могло быть, а потому, что привычка употреблять готовые газетные слова мешает создать его

Я думаю, что приведенные мною примеры, хотя бы из области одной периодической литературы, ничуть не исчерпывающие, взятые случайно и бегло, в пределах журнальной статьи, из материала, имеющегося под рукой, — эти примеры в своей непреднамеренности особенно показательные — достаточно круто обнаруживают пропасть между пролетарским читателем и тем, кто его литературно обслуживает.

И я думаю — не может быть спора о том, на чьей стороне идеологическая и художественная правда.

III. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ.

(По выставкам).

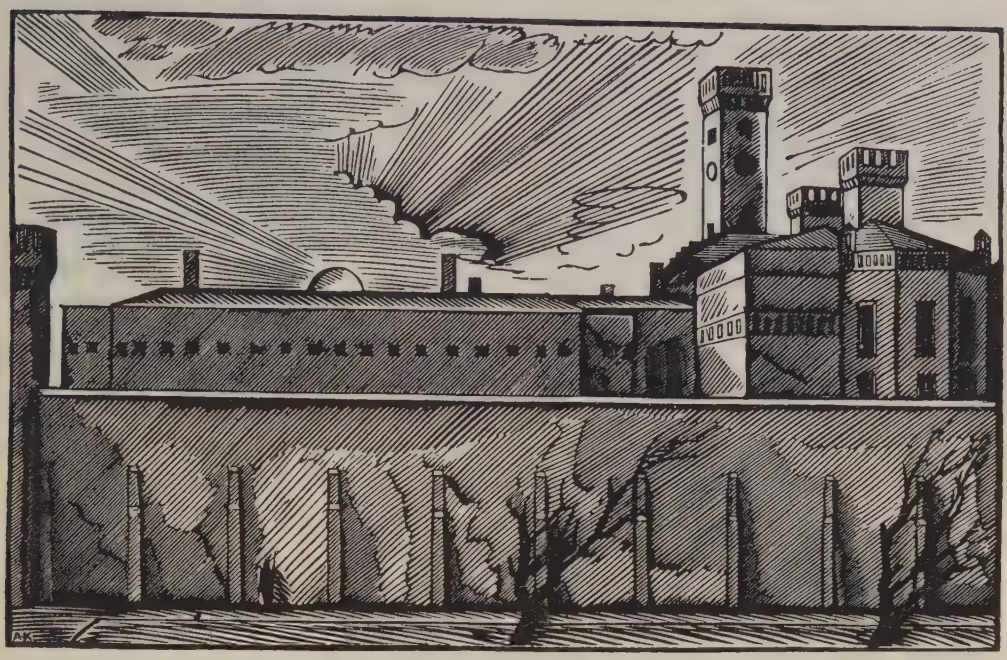
Федоров-Давыдов.

«Обис». А. Кравченко— (ксилогр.).

Если не считать тех довольно многочисленных ретроспективных выставок как русского, так и западно-европейского искусства, которые имели место за последнее время, то можно сказать, что выставочный сезон только начинается. Поэтому делать окончательные выводы о нем было бы преждевременным. Однако уже те пять выставок («О-ва художников московской школы», картины Бродского, «Выставка рисунков», «Обис» и VII АХРР), которые имели место за последнее время, в достаточной мере убедительно доказывают, что текущему году суждено пройти в общем под знаком дальнейшего развития тех тенденций, которые достаточно наметились уже в прошлом году [1]). Тенденциям этим, таким образом, очевидно, суждено на довольно длительный промежуток времени определять нашу художественную жизнь, во всяком случае касательно художников и групп, в той или иной мере принадлежащих культуре старой. Характерной общей чертой этих тенденций, объединяющей все имевшие место в этом году выставки, является все яснее и яснее намечающаяся тяга к сюжетному реализму, а порою даже и натурализму. Что касается до идеологической значимости этого реализма, то если в одном плане он проходит под знаком все растущего стремления художников итти в ногу с современностью, отыскать нужное ей искусство, откликнуться на ее запросы, то в другом, в нем приходится отметить очень сильное воздействие мелко-буржуазной, мещанской стихии. Оно ощущается не только в бессилии художников подлинно отразить биение современности, *чувствовать* созвучно ей, но, главным образом, в чрезвычайном понижении живописного ремесла, в падении художественной культуры.

На фоне дискредитировки левых течений это заставляет одних ограничиваться слабым и третьеразрядным подражанием давно умершим художественным течениям, других — прикрывать свою беспомощность революционным сю-

[1]) См. наши обзоры в «П. и Р.» 1924, №№ 3 и 4.



Выставка «Обис». А. Кравченко — Берлинская тюрьма (ксилография).

жетом в совершенно ложном убеждении, что новый зритель не чувствует формы.

Первые, ограниченные и слабые, рисуют всяческие пейзажики и портретики, не восходя дальше импрессионизма «Союза». Они органически не в силах пойти никуда дальше того, что ныне стало уже олеографией, художественной культурой мелко-буржуазного салона. Бывшее [лет пятнадцать-дв:-дцать тому назад передовым, это искусство у эпигонов стало трафаретом, школьной выучкой, живописью «домашней» для тетей и дядей с их знакомыми — «совслужащими».

Вторые, искренно и неискренно, но стремятся быть современными, задаются целями, очень для нас желательными,

VII выставка АХРР. И. Владимиров — «9-е января» (масло).

но не могут итти в этом направлении никуда дальше сюжетной поверхности. Их значение сейчас больше всего агитационное, в смысле привлечения на нашу сторону всего того, что есть ценного в старой живописной культуре, и поскольку это ценное начинает сознавать необходимость присоединения к ним, они уже сейчас оправдывают себя. Исключение в этом падении культуры изобразительных искусств остается лишь на долю графических искусств, которым одним было суждено процветать в годы революции. Выставка рисунков в этом отношении тоже является показательной.

Целиком мещанским духом рожденной и на мещанскую аудиторию рассчитанной была выставка «О-ва художников московской школы». Ее участники — все почти ученики бывш. «Училища живописи, ваяния и зодчества». Другие, как Пичугин и Нестеров,—давно знакомые, но все сохранно пронесшие через все бури революции, давно лишенные всякой действенности традиции этого ветхозаветного учреждения. Выставка была серой и утомительно-однообразной во всех этих пейзажиках, портретиках и натюр-мортиках. Некоторые вещи выделялись, некоторые совсем не плохо были сделаны, как, напр., «У моря» Башилова, рисунки Дейкина. Но в общем над всем царили грамотно-плоские вещи К. Максимова и Е. Столицы. Это какая-то такая степень живописной культуры, которая в наше время является уже просто подразумевающейся и сама по себе не являющейся еще никаким искусством.

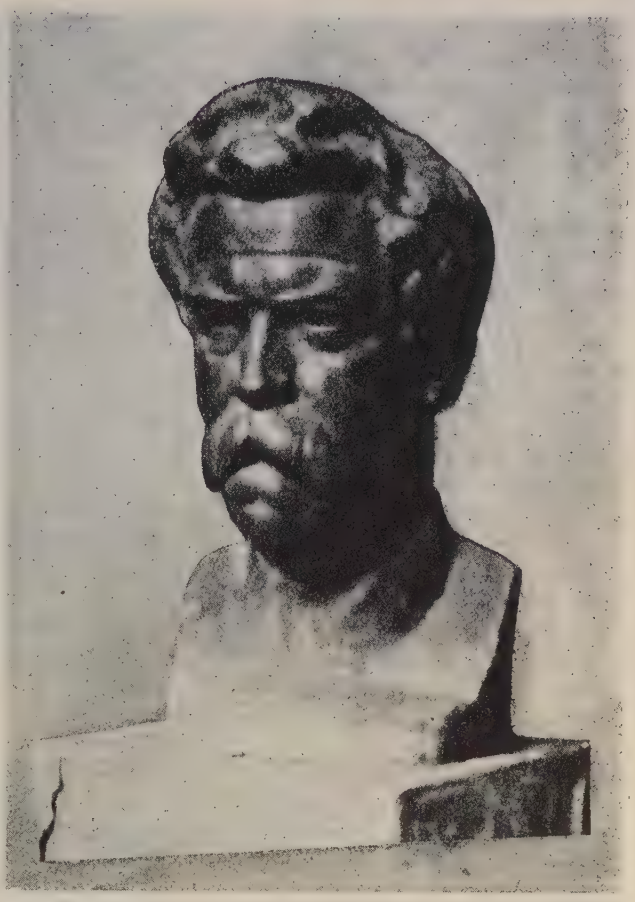
VII выставка АХРР. В. Домогацкий — «Байрон».

Родной сестрой этой выставки была выставка «Обис» (Объединение искусств), но сестрой более богатой и столичной. Здесь все было «как в хороших домах»: отделы живописи, скульптуры, графики и даже художественной индустрии,—всего свыше семисот экспонатов. Представлены были самые разнообразные художники, и большие и малые. Большие, правда, дали вещи захудалые в большинстве, но зато — «имена». Одним словом, не выставка, а прямо моссельпромовская «американская смесь». «Закаты» и «восходы», «усадьбы летом» и «усадьбы зимою», «цветы» и многое другое. Были; впрочем, на выставке и «Возвращения с демонстрации» и «Новый быт». Все как полагается. Художники добросовестно воспроизводили вторым и третьим изданием Машкова (В. Андрианов), пуантеллистов (А. Галунов), Борисова-Мусатова (Бонч-Осмоловский), Чурляниса (А. Пупа-

рев), Врубеля (Е. Столица), Кустодиева (Д. Соболев), Анненкова (П. Алякринский) и многих других. Скульптор Шадр пытался убедить, что он—ну, совсем Менье. Было немножечко школьного импрессионизма, Востока в стиле обитой плюшем тахты, лубка; в отделе художественной индустрии вспоминали о заслугах Строгановского училища.

Характерным общим тоном выставки было веселое и наивное самоудовлетворение «моя хата с краю». Я честный гражданин, живу по всяческим нормам, зарабатываю деньги службой или еще чем иным, а между прочим художник. А быть художником, это значит писать картинки, которые нравятся друзьям и знакомым.

Впрочем, были на выставке и совсем хорошие вещи. В плане общего мировоззрения выставки определенно талантливы И. А. Губина, чей реализм носит отпечаток какой-то классической четкости: Бонч-Осмоловский хорошо владеет рисунком, Дмитриев-Лютич дал живые вещи («Белоруска»), А. Васнецов сохраняет свою старую культуру, А. Кравченко дал по обычному хорошие вещи, также как и Ватагин в отделе скульптуры. Отдел рисунков дает в общем талантливого Алякринского и одного действительно настоящего художника Н. Кузнецова, известного нам по прекрасным иллюстрациям к детским книжкам Госиздата. Его акварели дышат какой-то подлинной живой жизнью и прекрасной непосредственностью органически, а не только стилистически воспринятого лубка. В отделе индустрии останавливают внимание терракоты Л. Андреевой (банки для варенья) «Баба» и «Барыня», полные добродушного юмора, и хорошо всем известные лаки Голикова и Глазунова. В отделе скульптуры, кроме Ватагина, можно отметить острые и выразительные вещи Фриххара, особенно воспроизводимую нами «Комсомолку».



Выставка «Обис». Андреев — Фрагмент проекта памятника Ногину.

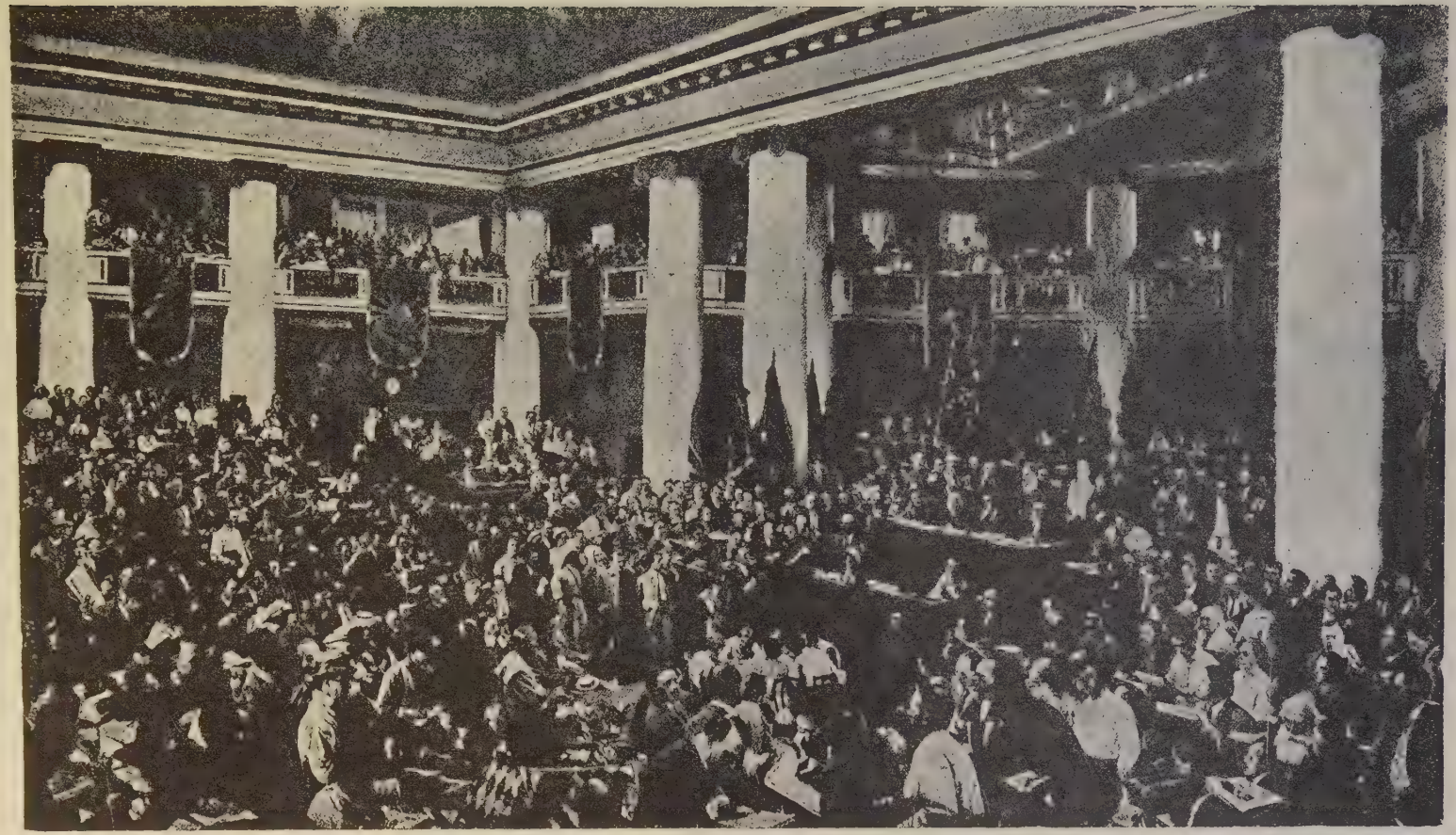
Неизвестно почему среди экспонатов выставки разбросаны конкурсные проекты памятника В. П. Ногину Меркурова, Андреева и Шадра. Не лучше и не хуже всех ранее бывших конкурсов других памятников они обнаруживают удивительное стремление восполнить недостаток художественного воображения размахами обработки постамента фигуры и площади вокруг.

Таковы соседи двух выставок, устроенных в этом году АХРР'ом. Стоя на той же высоте живописной культуры, АХРР, по крайней мере, сознательно стремится к современности, ставит своей целью создание твердой группы с определенными заданиями. Это чувствуют и сами художники, поскольку крупнейшие из

них постепенно примыкают к АХРР'у. На VII выставке АХРР'а, открытой в этом году, мы встречаем уже Машкова, Юона, Чехонина, Кустодиева, давно к ним примкнувшего Архипова, Домогацкого и др. В этом заслуга АХРР'а, и было бы правильнее оценивать АХРР как объединение больше идеологическое, нежели живописное. АХРР ставит себе совершенно правильную задачу—создание «стиля героического реализма». Но героический реализм несовместим с жанровым натурализмом. А художники АХРР'а хорошо ли, плохо ли, но все же отражают революцию в этом плане жанра. Обе выставки АХРР'а этого года могут быть лишь подтверждением этого мнения. Картина И. Бродского «Торжественное открытие II конгресса Коминтерна во дворце Урицкого в Ленинграде», конечно, не монументальна при всей своей величине, конечно, не выражает пафоса момента и слабо написана. На VII выставке плохи все картины, трактующие революционно-героические темы, и приемлемы лишь жанровые произведения на мотивы современности. Огромные полотна Горелова никуда не годятся, «Ленин в гробу» С. В. Малютина более чем плохо. Из всех картин на темы «9 января» художественно приемлем лишь холст И. Владимирова. А ведь некоторые из художников АХРР'а способны давать совсем не плохие вещи, как, напр., «Дети улицы» Богородского, татарские деревни Радимова и даже определенно прекрасные, как вещи Архипова и воспроизводимые нами Никонова; в последних чувствуется и настоящее живописное мастерство, и классическая четкость форм, словно перекликающаяся с неоклассицизмом Запада.

Вообще единства, не словесно-фразеологического, а художественного единства стилевого оформления у АХРР'а до сей поры нет. В этом отношении здесь повторение вразброд задов искусства. Больше всего подражаний Передвижникам, при чем от них воспринимается только то, что относится до иллюзионистического натурализма при забвении всех тех живописных исканий, которые были у Передвижников и которые связаны с именами, ну, хотя бы, Крамского, Морозова. В плане такого почти нестерпимого натурализма пишет свои «Шишкинские» пейзажи Н. Белянин. В «Колбасной фабрике Моссельпрома» Б. Яковлева натурализм уже отрицает самую живопись, отрицает существование картины,

Выставка «Обис». Страж — «Капиталист» (гипс).



VII выставка АХРР. И. Бродский — «Торжественное открытие II конгресса Коминтерна во дворце Урицкого в Ленинграде» (масло). (Фотогр. произв. отд. АХРР).

как таковой. Так же подражателен и В. Пшеничников, выбирающий объектом подражания уже другого несколько Передвижника, а именно Верещагина эпохи его сюиты «Отечественная война».

Отметим еще нескольких. Е. Кацман застыл раз и навсегда в той грамотности рисунка, которой он достиг и которая, очевидно, кажется ему верхом достижения. То, что создает настоящего художника — вечная неудовлетворенность и напряженность искания, у него совершенно отсутствует. Это делает его рисунки возможными к обсуждению только со стороны сходства. Того, что выходит за пределы *портретной ценности* рисунка, как вида искусства, в его вещах совершенно нет. Гораздо больше возможностей обнаруживает близкий к нему П. Киселис. Тот все-таки что-то ищет. Его портрет художника Ф. Модорова очень не плох и полон внутренней динамики и стремления к характеристике.

Выставка графики и карикатуры. Гольц — Акварель.

На выставке экспонировался своими скульптурами Страж. Это довольно старый, но мало известный у нас скульптор. Рабочий-резчик, он прошел не плохую школу у Бурделя в Париже. Это скульптор-жанрист в духе Гинцбурга («Еврей-газетчик»). Влечение к социальной сатире облекается у него в форму символики человеческих и классовых пороков животными чертами. У него есть какие-то черты, связующие его с знаменитым скульптором животных Обером. К сожалению, эти традиции восприняты им сквозь дешевку и пошлость Иннокентия Жукова. Однако он все же стоит выше него, поскольку у него есть то воспитанное французской выучкой чутье формы, какого совершенно нет, конечно, у И. Жукова («Капиталист»).

Среди новых «попутчиков» АХРР'а отметим также Домогацкого и Машкова. «Байрон» Домогацкого полон подлинной монументальности и героизма, истинного, а не ходульного. Машков своей «Московской снедью» делает еще шаг на своем пути к реализму, оправдывающему его вхождение в АХРР. Сохранив все свое старое мастерство, он здесь и четче и выразительнее, нежели в прошлом году на выставке «Красного креста». Очевидно, от него в будущем можно еще многого ожидать, когда он «поправеет» настолько, что отбросит ради сюжета свои натюр-морты, сохранив обретенное на них мастерство нового реализма.

Чрезвычайно показательный пример того, насколько чисто фразеологически понимается АХРР'ом революционность в искусстве и как часто она у них совсем не слита с их живописным мировоззрением, показывает И. Бродский. Выставив отдельно свой «Коминтерн», он здесь на общей выставке представлен пейзажами, очень тонко и с большим

VII выставка АХРР. Никонов — Групповой портрет (масло).

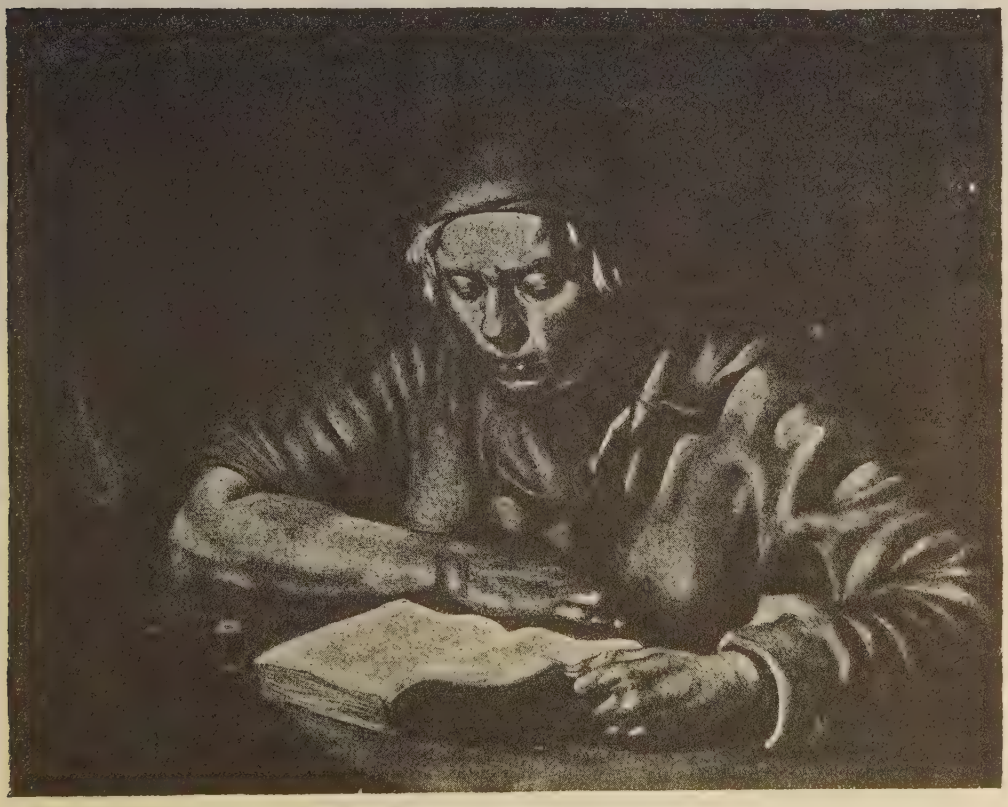
мастерством сделанными. Это делалось для себя, «для души», а что на заказ— там используется лишь самое легкое для грамотного художника современности — натуралистический иллюзионизм. И это не только у него одного, но у целого ряда ахрровцев. Если они и ищут форму, то *не в революционном сюжете, а вне его.* Художник как таковой сам по себе, а художник как член АХРР'а сам по себе.

АХРР—это идеологическая платформа в искусстве, которую выдвигает наша современность и которую мы горячо приветствуем. Мы хотели бы видеть на этой платформе все, что есть самого талантливого в нашем искусстве. Кое-что в этом направлении, как будто уже намечается. АХРР в настоящем — это, конечно, еще не революционное искусство, но подлинное искусство революции могло бы из него выйти. АХРР имеет идеологическую платформу, продиктованную современностью. Ему нужно только овладеть всей высотой, всем мастерством современной живописной культуры, чтобы он мог двигаться вперед, обогащая искусство новыми достижениями.

О выставке рисунков мы уже упомянули выше. Имена, ее составляющие, настолько общеизвестны (Л. Бруни, И. Купреянов, В. Лебедев, П. Львов, П. Митурич, В. Татлин, Н. Тырса), что особенно много о ней говорить не приходится. Лучшее на выставке бесспорно принадлежит москвичу Бруни и ленинградцу Тырсе. Первый как будто бы уже кончает свое ученье у японцев и вырабатывает свой стиль рисунка, доводя до предела выразительности его художественные элементы. Тырса уже создал свой «тырсовский классицизм» в рисунках нагого тела и только ожи-

вляет его теперь своей «шишковатой» новой манерой. Кто, когда и за что считал его левым? Гораздо слабее остальные. Неведомо зачем присутствует на выставке Татлин одним, не имеющим ничего общего со всей выставкой, рисунком. Купреянов, отказавшийся от гравюры для рисунка, еще неясен в своих возможностях. Львов кажется каким-то растрепанным и мало выразительным. Митурич волнует не столько формальными своими чертами, сколько своей страстью к изображению моря городских крыш, воздушной пропасти, открывающейся за плоской крышей многоэтажного дома (портрет Хлебниковой-Митурич), какой-то новой поэзией городских воздушных далей.

Поскольку здесь была речь о графике, да будет позволено нам слегка коснуться еще одной выставки, правда, не бывшей открытой для публики. Это — выставка-просмотр графики и карикатуры, отправляемой Р. А. Х. Н. на Парижскую выставку. Правда, по специфическим условиям на эту выставку было отобрано, пожалуй, менее всего выразительное, так как самые талантливые вещи были здесь связаны с политической карикатурой, которую в Париже выставить нельзя. Но даже и то, что было отобрано, доказывает, что наша бедность в области живописи и скульптуры с лихвою восполняется теми достижениями, которые сделаны у нас за годы революции графикой, а в особенности карикатурой. Вопрос этот слишком обширен и интересен, чтобы быть здесь так попутно освещенным, но все же следует сказать, что в результате лет революции мы имеем вполне оригинальную, острую и выразительную карикатуру, которая даже уже одними своими формальными сторонами заслуживает названия подлинного искусства. Таковы хорошо всем известные работы Дени, Б. Ефимова, Д. Моора. Из менее известных отметим прекрасные вещи Ротова, особенно его «Сон раб-



VII выставка АХРР. Никонов — «За чтением» (масло).

Выставка графики. А Платунова—«Бабы» (ксилогр.).

кора» и полный острой социальной сатиры рисунок «Беспризорные дети». Чрезвычайно интересны акварели недавно возвратившегося из-за границы Гольца. В них довольно сильно чувствуется влияние Б. Григорьева, но «беспредметность» сатиры последнего переведена здесь в весьма локализованную ненависть к ужасам и разврату современного большого западно-европейского города. Собственно гравюра была здесь представлена рядом по обычному хороших работ, главным образом москвичей, среди которых выделяются вещи учеников Фаворского, в особенности большая гравюра на дереве Гончарова «12», Блока. Среди провинциальных граверов обращают внимание работы казанских художнико К. Чеборева (Сцены в ивных) и А. Платуновой. В гравюрах на ереве последней очень остро и в своеобразной манере даны бытовые сцены, главным образом, татарской и русской деревни. Работы эти радуют как показатель наличия в нашей провинции известной художественной культуры и жизни.

IV. МОСКОВСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

П. Марков.

Теория театра оторвала в своих построениях театр от жизни. Свидетели и участники гиперболизации театра с тоскою смотрят на его современное состояние. Иные разочарованно отходят в спасительное царство кино, которое для всех неожиданно подарило зрителей актерскими талантами Мери Пикфорд и Фербанкса и монументальной режиссурой Гриффица и Любича. Неоспоримое право кино на существование в качестве самостоятельного искусства для многих означает пренебрежение к театру как к искусству отживающему. Зритель справедливо ощущает усталость от театра. Совсем легко встать в позицию окончательного скептицизма по отношению к до-октябрьским театрам. Успех у зрителя той или другой постановки неожиданен. Его нельзя предвидеть и точно учесть. Симпатии зрителя, даже принадлежащего к одной и той же

Выставка графики. К. Чеботарев — Сцены в пивных.
(К статье Федорова-Давыдова).

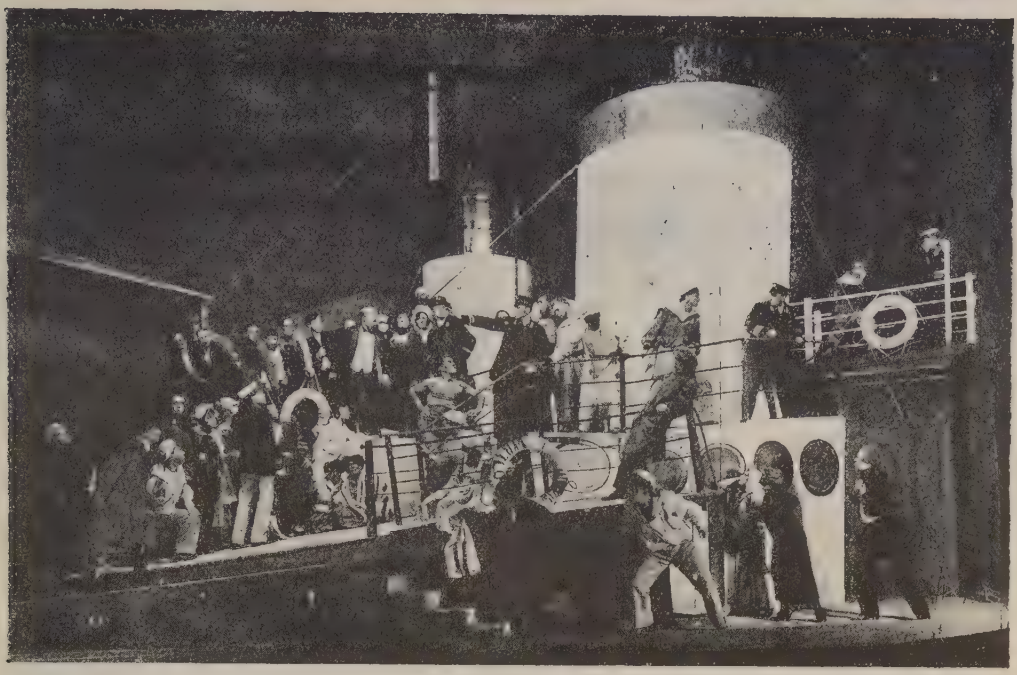
социальной категории, чрезвычайно индивидуальны и личны. Только прошедший сезон с его многочисленнейшими постановками дает немногие данные. Несколько запоздало, но теперь поспешно, за изучение зрителя принялись наши ученые учреждения и общественные организации, ведающие театрами, и самые театры; преимущественно и первоочередно — за изучение рабочего зрителя. В значительной степени задачи остаются только намерениями, и точных данных по-прежнему нет. Между тем за неясностью истекающего сезона еще не отчетливо, но намечаются пути театра. Мы все еще принуждены рассматривать театры профессионального мастерства. Результаты работы рабочих клубов в Москве подлежат отдельному изучению; петербургские опыты Москве неизвестны.

«Усталость от театра» несомненна. Театр одно время завладел областью жизни, ему ранее не принадлежавшей. Он горделиво и самоуверенно распространил свое влияние, подчинив себе другие искусства. Годы военного коммунизма позволили театру говорить, в то время как остальные искусства в силу экономических условий молчали. Музыка, живопись, литература отступили на второй план и скромно замолкли перед смелым узурпатором. Театр действительно узурпировал права других искусств, затемнив их своим великолепием, и, предательски заставив их обслуживать самого себя, обратил их во второстепенные единицы. Экономические условия изменились, и другие искусства вежливо, но настойчиво указывают театру принадлежащее ему место. Теоретики театра усердно поддерживали гиперболизацию театра. Ходячие теории театра исходили из худо скрываемого убеждения, что театр есть единственное искусство и что театру принадлежит задача пронизать всю жизнь человека (пресловутые идеи «театральности» и еще более печальной памяти «театра для себя»).

Сейчас театр начинает занимать принадлежащее ему место в жизни. Это несомненное обстоятельство может очень разочаровать, но одновременно заставляет относиться к вопросам театра с бóльшей серьезностью и меньшим схематизмом. Проблемы театра становятся тем более сложными, что более чем когда-либо подлежит выяснению та роль, которую играет театр для человека, идущего в него после трудового дня, экономических рассуждений, писательской работы. Происходит возвращение к первоначальным вопросам эстетики и телеологии театра. Тем хитрее и сложнее положение театра, принужденного совершать свои большие задачи в условиях материальной зависимости от зрителя, и тем легче и соблазнительнее становится линия наименьшего сопротивления.

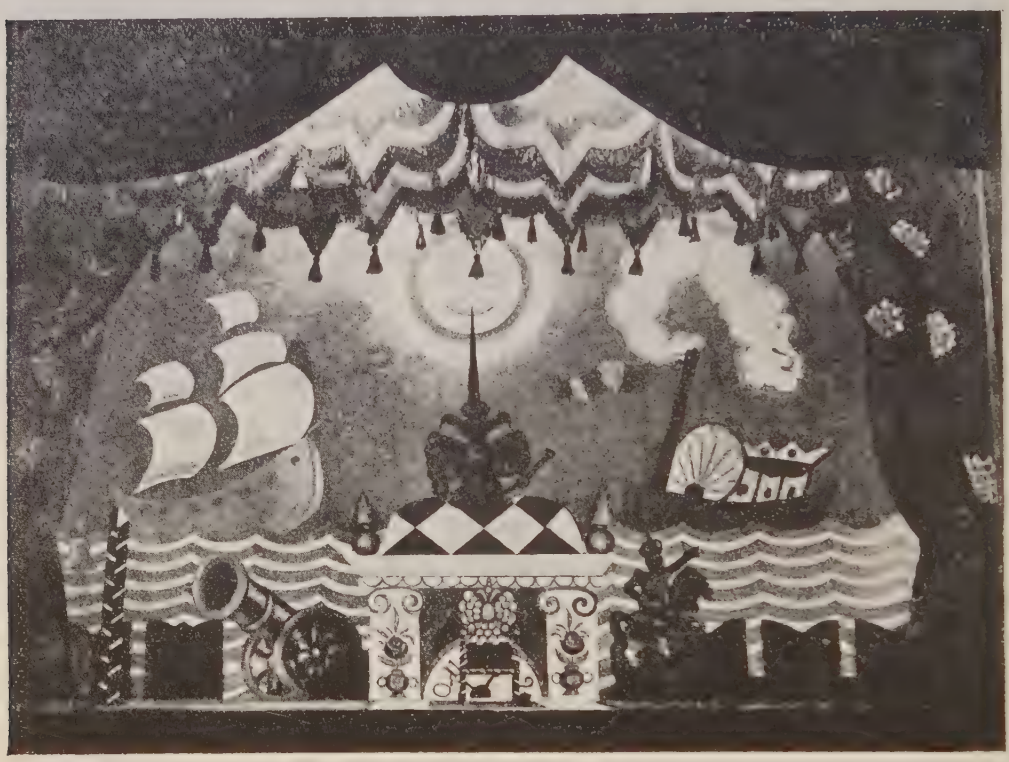
Мы говорим не только и не преимущественно о жанрах, возвращенных во всей первобытной чистоте и свежести после установления новой экономической политики. Необъяснимый на первый взгляд успех оперетты «Марица», шедшей под-ряд шесть недель ежедневно, мало затрагивает основные театральные проблемы. Успех оперетты как жанра не случаен, но закономерен: вспомним «Анго» и «Жирофле», далеко оставивших за собою своим успехом одновременно сделанные постановки в том же Художественном и Камерном театрах. «Марица»—эстетически совершенно незначительная вещь. Ее легкая чувствительность, счастливый конец и модные туалеты неотразимо воздействуют на определенную часть публики и тоскующие души советских дам. С быстротой экспресса, мелькнувшие на сцене бывшего Коршевского театра, «Великие княгини», «Призвания Теофиля», «Ордера на освобождение» самоотверженно напомнили о блаженной памяти еженедельных коршевских пятницах, на которых зрителю бывали предложены последние изготовления парижской и берлинской драматургической кухни. Эти постановки, в которых снова действуют роковые красавицы и страдающие любовники с благополучным завершением их блистательных встреч, более характеризуют современный быт, чем служат разрешением вопроса о современном театре. По существу они воскрешают традицию «легкого чтения».

Не только применительно к названным сомнительным постановкам мы говорили



Малый театр. — «Иван Козырь и Татьяна Русских». Режиссеры И. С. Платон и Л. М. Прозоровский, художник С. И. Иванов.

о наступившем периоде «идеализации» и примитивной «эстетизации». Театр все больше стремится от «тьмы низких истин» вернуться к «нас возвышающему обману». «Красивость» водворяется на театре неудержимо. Усталые люди требуют от театра утешительности. Театр охотно идет навстречу и вместо того, чтобы учесть психологию зрителя и найти его требованиям новую форму и строгость вкуса, легко возвращает на сцену формы мещанского театра, немного окрашенные упоминаниями о современности. Так случилось с Малым театром, когда он поставил пьесу Смолина «Иван Козырь и Татьяна Русских». В Малом театре всегда была сильна струя «наивного» реализма. Он был чужд сложным проблемам. Он заменял их силою актерского темперамента и заполнял предложенный драматургом сценарий живыми образами своих крупных актеров. Пьеса Смолина отвечает этой традиции Малого театра. Занимательность действия не совпадает в ней с остротою мысли. Со свойственной Малому театру наивной серьезностью (восходящей к периоду постановок Крылова, Рышкова, Александрова и бесчисленного количества забытых западных драматургов) Малый театр поверил в современность пьесы, которая неожиданным способом сочетает традицию бульварной «Любви Жанны Ней» Эренбурга с наивнейшей агитацией, чрезвычайно неуклюже приспособленной к шаблонной мелодраме. На пароходе, символически именуемом «Старый свет», счастливым образом столкнулись цветы и язвы буржуазного разложения в лице миллиардера, похотливо преследующего чистую русскую девушку «Танью», нескольких подозрительных лиц, неблаговидно занимающихся торговлей живым товаром, красавицы - авантюристки, в необходимую минуту жизни исполняющей кекуок и т. д. Героическая Таня и не менее героический русокудрый Иван Козырь, несмотря на войну, революцию и врангелевскую эмиграцию сохранившие в завидной свежести традицию «гармошек» и «пейзанства» добрых прошлых лет, храбро противостоят натиску хищников. После нескольких убийств и других катастроф счастливые любовники бросаются в бушующий океан, чтобы самоотверженно «плыть в СССР», а неожиданно опомнившиеся матросы,



II МХАТ. — «Блоха». Режиссеры В. В. Готовцев и А. Д. Дикий, художник Б. М. Кустодиев.

в свою очередь, поднимают восстание и красный флаг на пароходе. Таким легким способом совершается примирение шаблонной мелодрамы о упрощенным пониманием советской идеологии и международной политики. Пьеса заключает ряд занимательных сцен, ряд комических сцен, ряд чувствительных сцен и ряд патетических сцен. Справедливость требует сознаться, что актеры Малого театра воспользовались ими отлично и сыграли пьесу в хорошем темпе с полным увлечением и со всею преданностью свойственному театру наивному реализму. Более того, в знак близости к современности, на глазах у зрителя, изображая пароход с палубой, каютами, салоном и трюмами, чрезвычайно искусно завертелась сцена.

С такою же соблазнительностью подошла к постановке инсценированной «Блохи» («Левши») Лескова-Замятина и бывшая первая студия, ныне МХАТ'а. Как будто в постановке Малого театра и в спектакле II МХАТ говорила жажда простой актерской игры, как в зрителе, воспринимавшем спектакли, говорила жажда отдыха и простого немудреного театра. II МХАТ соблазнился поздней и ненужной красивостью и нарядил свой веселый спектакль в затейливые и пышные декорации Кустодиева. Талантливые актеры смешно и затейливо исполняли в преувеличенной манере «Летучей мыши» предписанные режиссером лубочные образы. Театр стремился к монументальности. Он перевел лубок, положенный в основу спектакля, до размеров поистине монументальных. Лубок, расширившийся и распространившийся на огромные пространства бывшего Незлобинского театра, совершенно естественно потерял то очарование, которое он имеет в натуральном виде. Пестрота красок достигла гиперболических размеров. Гиперболизация лубка не могла пройти в эстетическом смысле безнаказанно. Зритель имел право спросить, во имя чего совершена эта грандиозная постановка.

«Лубочный Турандот». По некоторым деталям спектакля казалось, что театр интересуется темой России. Но России-то и не было. Театр заблудился между стилизованной Расеею и сказочной матушкой Русью. С трогательною наивностью он свято повторял заветы „Летучей мыши". Одновременно иронизировал над самою формою лубка с превосходством образованного человека, не замечая, что этим убивает единственно ценное, что за лубком скрывается и что хотя бы проблематично связывает его с Лесковым: чувство России, деревни, русской песни и т. д. Театр подсмеивался над неуклюжестью лубка. Растянутый до пределов целого спектакля коротенький рассказ толкал театр на подмену Лескова затейливым нагромождением стилизаций и прочих запоздалых вещей. Все было очень красиво и вполне талантливо, очень утешительно и столь же бесплодно. И только тогда, когда театр повернул к тоскливому изображению «судьбы русского гения», актер, освобожденный от лубка, одержал победу. Волков играет Левшу с мужественною лирикой свободно, ясно и просто. Бирман с предельной четкостью и внутреннею грустью — заморскую девицу Мерю. Эти два исполнителя разоблачали первоначальную ложь упрощенно-иронического и напрасно затейливого спектакля. Все было мнимым в спектакле—за исключением нескольких замечательных актерских исполнений: мнимая красота, мнимая современность, мнимая изысканность вкуса.

Театр в некотором смысле снова становится идеалистической и эстетической заслонкой от реальной действительности. Заграждаясь намеками на мнимую современность, он занимается эстетическими утешительными игрушками. Он снова хочет стать творцом «легенды» — но впадает в мещанскую сказочность и успокоительную красивость позднего декаданса. Самоотверженно декларируя ряд общих слов и положений, требуемых «идеологией», он поспешно встает на путь помощи страждущим и тоскующим в «унылой серости дней». Простая, необузданная пьеса Анжело Химера «Манелик с гор» послужила четвертой студии для построения картинного спектакля из жизни испанских «пейзан».

II МХАТ. — «Блоха». Режиссеры В. В. Готовцев и А. Д. Дикий, художник Б. М. Кустодиев.

Театр М.Г.С.П.С. — «1881 год». Режиссер Н. Н. Волков, художник В. М. Бебутов.

Там, где пьеса требует лирического волнения и темперамента, — там преобладал декламационно-приподнятый стиль, которым обычно в большинстве театров выражается у актеров «трагедия». Там, где итальянский трагик Грассо на маленькой сценке провинциального городка в обычной обстановке павильона с дверьми направо и налево заставлял видеть затерянный в горах и долинах мир, в котором существуют феодальные права, власть хозяина Волка, порывы страстей — там театр показал пестрые костюмы и актеров, добросовестно играющих «на голосе», демонстрируя недурные внешние данные и неплохо поставленные голоса. Вернее поступила Вахтанговская студия, поставив «Льва Гурыча Синичкина». Следуя давнему принципу, студия сознательно обратила пьесу в «предлог» для современного веселого и занимательного спектакля. Не претендуя на постановку больших проблем, она хорошим вкусом осовременила водевиль. Изменения в тексте произведены Николаем Эрдманом с полным умением и в точном соответствии с сущностью водевиля. Его интермедии, куплеты и талантливая пародия на современный урбанистический агит-спектакль, заменившая пародию на мелодраму в основном тексте, придают пьесе остроту современности. Менее игрушечный и жеманный, нежели обычно, спектакль подошел к построению пустых образов и густого комизма. Режиссер (Симонов), художник (Борис Эрдман), переделыватель и автор основного текста, были в полном согласии друг с другом. «Утешительность» была достигнута водевильной пародийностью; строгий вкус ввел в эстетические рамки то, что другие постановки неорганизованно и стыдливо скрывали за громкими идеологическими построениями.

Бесцельно отмахиваться от явной воли зрителя. Существенно найти верный выход, при помощи которого можно подчинить зрителя воле театра. Стремление к «красоте» и «идеализации» принимает подчас уродливые формы и искривленный образ. Дело заключается не в изысканности — ее не было, а в подмене строгих основ эстетики поздней и упадочною красивостью. Справедливому стремлению зрителя отвечали поспешно, не-

ища средств по-своему воздействовать на зрителя. Спектакль «Синичкина» был хорош тем, что не выдавал себя за нарочитое глубокомыслие, но между тем ближе стоял к современности, чем «Блоха» и «Иван Козырь», заявившие большие претензии и осуществлявшие их мнимыми фальшивыми путями. Перед такой же опасностью встал и счастливо начавший деятельность «Московский театр сатиры». Под маскою отклика на современность, его репертуар (в некоторых частях) повторяет быстро слагающуюся традицию современного водевиля. Здоровый реализм и острая наблюдательность его первых постановок начинают роковым образом уступать место театральным штампам. Театру грозила опасность самоисчерпания. В программе «Текущие дела» одна из пьесок возвращает упадочный водевиль-анекдот, с запутавшимися и перепутавшимися мужьями и женами, но приправляет его современными словечками и неизбежным милицейским в качестве охранителя строгого порядка и законности. На смену многочисленным театрам миниатюр, в свое время подсматривавшим то, что видно из суфлерской будки или показывавшим пораженному зрителю оживленные персидские табакерки, приходят незлобивые анекдоты, напрасно претендующие на сатиру и исполненные без режиссерского умения прежней «Летучей мыши». Театр с усердием передает зрителю то, что он подслушал в «учреждениях», в «кино», в «квартире». Узость тем бросает его в замкнутый и ограниченный круг анекдотов. Новое обозрение «Спокойно—снимаю» наименее удачно в сценах, требующих острого сатирического вскрытия. Центр тяжести перенесен с характерно-схваченного быта на талантливое острословие и вполне удачные куплеты. Обозрение идет живо, легко и быстро, но бьет по верху, не раскрывая большого в малом, что по существу является целью каждого обозрения. Ряд анекдотических положений не вырастает в целостную картину. Героические опыты театра сатиры строить современный репертуар не умаляются, надо надеяться, временной неудачей его репертуарных поисков. К сожалению, интерпретация пьес настойчиво толкает театр на катастрофический путь безразличного сценического шаблона.

Одновременно с возвращением к театру эстетической утешительности вырастает театр, как простейшее средство «познания жизни». Зритель хочет в театре или радоваться, или учиться. Наибольший успех приносят провинциальным театрам исторические хроники. Театр М. Г. С. П. С. с таким же успехом поставил историческую хронику Шаповаленко «1881 год». Ее автор не ставил себе дерзкой задачи вскрыть на сцене эпоху 1881 года и пропикнуть в образы Желябова, Перовской и других, чтобы они убедительно и по-новому зажили на театре. Его задача много скромнее — по сохранившимся материалам дать простое и ясное напоминание о событиях 1 марта. Автор не избежал соблазна идеализации — порою автор в напрасной погоне за патетикой принужден ограничиться привычным словарем высокого стиля: Перовская восклицает о величии Желябова и народовольцы пророчествуют о будущих судьбах России. Сила пьесы не в ее художественной обработке, а в ее теме. Ее интерес не столько художественный, сколько педагогический. Чем ближе к источникам, чем послушнее повторяет историю автор, тем действеннее звучит пьеса. Как только автора увлекают задор вымысла и вольный полет авторской изобретательности — пьеса становится менее и менее убедительной. Далекая от глубокого охвата событий, не вскрывая целиком социальных и общественных условий, в которых совершались события — она построена ясно и просто. Порою у автора проскальзывает хорошая наблюдательность: сцена обыска в лавке, слухи о «сицилистах» — написаны с наивным, но хорошим юмором. Так же просто воспринял ее и театр. Правда, в области декоративной он применил замысловатый принцип «кинематографической диафрагмы», дающей большое разнообразие мизансцен и быстрой смены картин. Но «диафрагма» была отнюдь не обязательна рядом с честною постановкою по испытанным образцам привычного театра. Актеры играли уверенно и с долею увлечения, искали точ-

ности исторических гримов и воссоздания Александра II, Александра III, Софьи Перовской и героических участников событий 1 марта. Самая тема не может не волновать; автор разрешил ее серьезно и просто, не впадая в упрощенность блаженной памяти Иловайского и в патетическое извращение сюжета, и придерживаясь более соображений педагогики, чем строгих правил драматургии.

Неизжитое наследие эстетического театра не может заслонить появившуюся жажду мысли. Остановившийся в формальном изобретательстве, театр в ряде постановок поворачивает к целям интеллектуального воздействия на зрителя. Формула «познания жизни» становится обязывающей. Постановки, подобные «Отжитому времени» (театр им. Комиссаржевской) и «Эугену несчастному» (театр «Комедия»), возвращают театру крепость художественного фундамента. «Эуген несчастный» в меньшей степени: в зависимости от характера пьесы и ставившего ее театра. Театру «Комедия», блуждающему между легкостью современного западного репертуара (которую не могут прикрыть никакие соображения о мнимом сатирическом изображении пресловутого «буржуазного разложения») и ответственно формулированными идеологическими заданиями, почти невозможно сыграть пьесу, болезненно и преувеличенно чувствительно кричащую о тяжком наследии войны. Нельзя не прислушаться к крику человека, раненого противоречиями современной Германии. Нельзя не верить в искренность его болезненных ощущений, когда он вопит о тысячах калек, наполнивших страну, и о тисках тяжелого и несправедливого мира. Но Толлер не знает выхода обнажившемуся столкновению моральных и социальных интересов. С резкостью человека, желающего доказать безвыходность современности, он берет в качестве сюжета случай исключительный и его примером бьет зрителя и слушателя, чтобы заставить его разделить с ним мрачное, протестующее и безотрадное мироощущение. Трагедия человека, потерявшего на войне пол и переставшего быть мужчиной, может волновать не своим сюжетом (он неубедителен), а тем, что̀ сюжетом вскрывается: пьеса Толлера написана на тему о наследии войны. Издеваясь и мучаясь, Толлер хочет поднять свою драму до обобщенной высоты и в Эугене показать символ «национального героя» и вместе с ним символ современной Германии, потерявшей мощь, мучащейся сознанием своего бессилия и помпезно, но тщетно скрывающей свое бессилие. Толлер принес в пьесу излишнюю чувствительность, граничащую с шаблонами немецкой сентиментальной поэзии, неожиданную декламацию, которой предаются его герои, рассуждая о «первопричине» и патетически молясь изображению Приапа. Пьеса заставляет мыслить. Она дает предпосылки о необходимости поисков путей спасения, но самих путей не указывает. Нельзя не принять значительности затронутой Толлером темы, и тем более нужно возражать против путаности воззрений и чувств, которую он несет с собой. Театр же колебался между простотою обычного сценического шаблона, наследием «урбанизма» и преувеличенною чувствительностью мелодрамы. Порою исполнение приближалось зачастую к обнаженному, почти истерическому крику, какой несет с собою пьеса; порою — впадало в очень яркий, очень сочный и мастерски сделанный жанр; порою лежало в пределах мелодраматической чувствительности.

«Отжитым временем» театр им. Комиссаржевской вполне доказал свое право на существование. Это — один из значительнейших спектаклей сезона. Под общим названием «Отжитое время» театр объединил первые две части трилогии Сухово-Кобылина: «Свадьбу Кречинского» и «Дело». Театр подошел к глубоко и дерзко вскрытой Сухово-Кобылиным жизни. Без идеализации, без окраски в черный цвет, с обнаженной психологией, с раскрытыми до конца интересами, надеждами, стремлениями, в глубочайших своих падениях проходит перед зрителем хоровод героев Сухово-Кобылинской трагикомедии. Герои пьесы и спектакля вырастают из существа николаевской Руси и метод иронического бытоизображения, искусно примененный Волконским, бросает

зрителя в особый и страшный мир предательства и жестокого бесстрастия, к самим недрам тоскливой и суровой «чиновничьей эпохи». Хоровод чиновников, грызущихся и борющихся из-за взятки, «ничтожества или частные лица», во власти чиновников и начальства находящиеся — имеют в театре четких и суровых исполнителей. В противоположность утешительному и явно заимствованному эстетству, театр с волнением, но мужественно и смело смотрит в жизнь. Далеко не все было безупречно при разрешении трудной задачи: наскольким раскрытием глубокой вне-эстетической сущности произведения. Спектакль М. Г. С. П. С. только изображает, спектакль «Отжитого времени», из разбуженных подсознательных ощущений выращивает мысль. Нечто подобное можно видеть в исполнении Давыдовым «Нахлебника» в Малом театре. Спектакль не обнаружил убедительного прочтения тургеневской драмы в целом. За отдельными образами молчала *эпоха* и искусные декорации, верные стилю, не раскрывали той драмы, которая произошла в барской усадьбе. Только Давыдов без

Театр Революции.—«Воздушный пирог». Режиссер А. Л. Грипич, художник В. А. Шестаков.

прасно утомительной была попытка соединить в один спектакль обе разноречивых по стилю части, сохраняя, однако, общий сценический стиль их воплощения; обобщенная архитектурная композиция, выражающая казенность николаевской Руси, давила и теснила актера и зрителя однообразием цвета и напрасною мрачностью освещения. Но, по сравнению с тем же «1881 годом», она проникала к истокам и существу эпохи, в то время как «1881» добросовестно, почти анекдотически инсценировал события. Спектакль театра М. Г. С. П. С. волнует сюжетом и темой, спектакль театра им. Комиссаржевской волнует эстетиче-

идеализации открывает в Кузовкине черты униженного приживальщика и искреннюю человечность, скрытую за искривленной и страшной судьбой. Игра Давыдова — материал для исследования не только актерского искусства, но и жизни, создававшей таких униженных и оскорбленных людей, как показанный Давыдовым нахлебник Кузовкин. Видимо, самые способы раскрытия стиля эпохи подлежат окончательному изменению. Спектакль возобновленного «Горя от ума» в М. Х. Т. показался двойной реставрацией. Мелочное изображение быта начала XIX века казалось случайным и *духа* эпохи не раскрывало. Прежк-

ний режиссерский рисунок лежал на молодых исполнителях ненужной сковывающей тяжестью. Перегруженный деталями, спектакль тянулся медленно и скучно. Это была музейная реставрация не столько эпохи, сколько былого Художественного театра. Не был найден объединяющий отдельные детали «принцип», который бы заставил поверить в Москву «негодяев знатных» и «старух, зловещих стариков, дряхлеющих над выдумками, вздором».

Горькое напоминание о прошлом звучит как грозное предостережение настоящему. Пьеса Б. С. Ромашова «Воздушный пирог», показанная в театре Революции, перекликается с постановкой театра им. Комиссаржевской. Ура-агитация изживается в театре. Автор «Пирога» переходит к сатирическому бытоизображению советской действительности. Тема пьесы — тяжкое влияние нэпа на современные бытовые условия. Сантиментальное рассуждение о недопустимости сценически изображать неустройства нашей современности звучит по-детски наивно. В своей первой пьесе «Федька Есаул», показанной студией Малого театра, Ромашов почувствовал драматическое зерно эпохи, скрытое в гражданской войне и в столкновениях тех сил, которые она принесла. В «Федьке» сквозь обычную мелодраматическую форму прорываются поиски особой насыщенной и одновременно простой формы, которая сделала бы зрителю доступным восприятие эпохи, — подобно тому, как Бабель ищет ее для своих рассказов о конармии. Сила пьесы в изображении отдельных глубоких событий и образов, вырванных из жизни вне стремления к преждевременным и схематическим обобщениям. Талантливость Ромашова вне сомнения, и его пьесы дают право ждать дальнейшего развития заложенных в его драматургии начал. Тем объективнее и строже должен быть суд над ними. Пьесы двойственны и противоречивы. Они соединяют глубокий взгляд на жизнь и шаблон театрального приема. В «Федьке» возвращение Есаула домой и представители добрармии изображены густо и смело; рядом фабула повторяет обычную историю о белогвардейце-казаке и об его мести жене за измену; основные образы не выходят из рамок с умением использованных типов крестьянской драмы. «Воздушный пирог» острее по теме и значительнее по выполнению. Он рисует ранний расцвет нэпа. В зрительном зале проводили параллель между сюжетом пьесы и недавним очень громким хозяйственным процессом. Автор стремится итти по пути Сухово-Кобылина, но часто срывается в бульварную злободневность и мелочность фотографического изображения. Снова поднявшись до несомненных высот, он неожиданно впадает в сантиментальность эренбурговских романов или мелодраматичность рышковских пьес. Он наполняет пьесу злою и кусательною насмешкой, а рядом надоедливо и ненужно идет нить семейной истории благородно страдающей жены и неблагородной коварной танцовщицы. Пьеса становится выразительной в момент освобождения от налета эренбурговщины, которая мешает восприятию ее подлинного смысла. Патетический образ изобретательнейшего и фантастического афериста Семена Рака подчеркивает глубоко вскрытую местами жизнь. Теория познания жизни одержала этой пьесой победу. Из всех ранее появившихся авторов один Ромашов серьезно пошел по пути, на который настойчиво указывал не во всем удачный спектакль Эугена и значительное представление «Отжитого времени». Трудность пьесы в ее сценическом воспроизведении. Отнесясь со всею тщательностью и вниманием к пьесе, режиссер Грипич следовал, однако, схематическому шаблону последних городских постановок. Он повторял традицию мейерхольдовского «Люля», вместо того чтобы следовать традиции мейерхольдовского «Доходного места». Постановка не была достаточно проста для реализма и недостаточно фантасмагорична для раскрытия сплетения невероятных событий, которые завязал Ромашов. Как будто бы скромно предоставляя автору первое место, она, вместе с тем, не скрадывает недостатков автора, а подчеркивает их. Зерно пьесы и сценического воплощения не совпало. Исполнение приближалось скорее к мелочному бытоизображению, чем к раскрытию

Еврейский Камерный театр. — «Ночь на старом рынке». Режиссер А. М. Грановский, художник Роберт Фальк.

патетических и противоречивых качеств изображаемых людей. Традиция схематической игры, памятная по ранней толлеровщине, мешала постижению образов. Оно снижало тему спектакля. Может быть, глубокая традиция густой реалистической игры, мелькнувшая в студийном спектакле «Федьки», вернее вскрывала существо такого типа драматургии — во всяком случае, ряд образов был сыгран молодежью Малого театра насыщенно и остро. Театр Революции насыщенности не дал. Пьеса, принесшая театру большой успех, одновременно толкает театр к забытой-было манере сценической интерпретации «Доходного места» Мейерхольдом, которая должна заменить приемы урбанистического штампа.

Большинство рассказанных постановок, хотя и удовлетворяют противоположной потребности зрителя, отнюдь не поразительны с точки зрения режиссерской новизны. Они не блещут изобретательностью новых принципов или приемов. В большинстве отсутствует строгость единого принципа. Порою актерская игра побеждала и бедность авторского сценария, и начавшееся отступление режессуры. Не всегда до конца четкое актерское исполнение в ряде постановок является их единственным оправданием и делает пьесу значительнее, чем она написана автором. В каком-нибудь «Иване Козыре» Пашенная героически строит образ русской девушки из сусального материала автора; ряд отдельных эпизодов (Климов) выполнен с полным блеском; исполнение Волкова и Бирман в «Блохе» составляет несомненное театральное событие; возобновление «Горя от ума» в М. Х. Т. показало отличные молодые дарования Завадского, Бендиной и др.; в театре «Комедия» Попова и Топорков делают сценически приемлемыми драматическую стряпню, которая там играется, и т. д. Театр вспыхивает актерским исполнением. Этот вопрос, требующий детального рассмотрения, мы оставляем до следующего очерка. Тем не менее напор актерского исполнения не в силах заслонить явного снижения театрального мастерства с одной стороны (Иван Козырь) или послушного следования установленным шаблонам Блоха, (Воздушный пирог). Так

возникает явная возможность театральной реакции, в особенности в случаях соприкосновения с литературным материалом, повторяющим традицию упадочной драматургии. Тогда естественно поднять вопрос о новом утверждении строгих канонов театрального мастерства. Так приходится рассматривать постановку «Ночи на старом рынке» у Грановского (Гос. Еврейский театр) и «Учителя Бубуса» В. Э. Мейерхольдом.

Обе постановки представляют преимущественно интерес экспериментальных спектаклей. Спорные с точки зрения идеологической, они бесспорны с точки зрения театральной культуры. Они подводят итог предшествующей работе и пытаются дать установку на будущее. А. М. Грановский воспользовался для этой цели, в качестве предлога, поэмой Переца, для театра фактически не предназначенной, В. Э. Мейерхольд—легкой комедией Файко менее всего интересной именно для его театра. Постановка Грановского вводит в обреченный мир старых местечек с гниющими площадями, закоулками, синагогальными напевами, остатками средневекового мироощущения. Поэма Переца не дает сюжета; она в беспрерывной смене сцен, лишенных видимой связи, сбрасывает маски красивости с романтических еврейских Брюгге. В качестве сценического материала она сомнительна. Литературно она дает возможность впасть в мистицизм. На протяжении всего спектакля, Грановский борется с мистикой, пытаясь ее преодолеть. В картинах «умирающего и вымирающего города» и «ожившего кладбища» он создает ядовитый «трагический карнавал». По существу пьеса является отправной точкой для утверждения тех законов жеста и движения, которые в спектакле «Ночи на старом рынке» являются в наиболее законченном виде. Как всегда, строгие рамки сдерживают напор актерского темперамента. Грановский добился в постановке точной согласованности речи, движения и музыки вне той напевности и ложной мелодекламации, которая обычно связывается с такого рода попытками. В области жеста, спектакль показывает эстетическое оформление национального еврейского жеста. Одновременно Грановский пытается перевести план агитации в сгущенную, но скрытную форму. Сложная задача не во всем удалась. Смелое и ядовитое представление «Ночи» должно было звучать как прощание с отжитым временем для тех, кто смотрит на раскрытую Грановским жизнь, как на прошлое, или бросить разъедающие зерна сомнения в тех, кто с этой жизнью еще связан. Так оно и было достигнуто в значительной степени. Но текст пьесы, переплетаясь с мастерством Грановского, мог иногда казаться убедительным в другом отношении — казалось, что, борясь с мистикой, театр утверждает мистическое познание жизни. В этом заключена двойственность спектакля. Однако он совершенно неоспорим в отношении большой театральной культуры. Все, что ранее было намечено в постановках «ГЕТ'а», здесь доведено до предела, до монументальной строгости и сгущенности; театральная ценность спектакля значительнее его идеологической платформы. Это был спектакль утверждения режиссерского и актерского мастерства.

Те же задачи, но, конечно, иными способами, осуществлял Мейерхольд. Спектакль «Учителя Бубуса» звучал декларацией о необходимости борьбы с театральной реакцией и изобретения новых форм агитации. Однако, легкая ткань пьесы Файко была заглушена монументальным замыслом Мейерхольда. Менее всего могла она дать материал для той политической сатиры, о которой мечтал Мейерхольд. Театральный эксперимент находился в полном разрыве со словесным материалом пьесы. Игрушечную комедию Файко Мейерхольд сопроводил ироническою музыкою Шопена и Листа. Плакаты и политические лозунги подчеркивали элементы политической сатиры, которой по существу нет в этой простой «комедии нравов». В отношении же сценическом, спектакль подлежит детальному изучению. Мейерхольд пытался перенести центр агитации на самые способы театрального оформления, которые служили бы раскрытием жизни провинциальной буржуазии Запада. Система актерской игры связывалась с давней мечтой Мейерхольда о создании актера-трибуна. Путем возрождения принципа Пред-игры Мейерхольд

Театр им. Мейерхольда. — «Учитель Бубус» И. Режиссер В. Э. Мейерхольд, художник И. Ю. Шлепянов.

пытается подготовить зрителя «к восприятию сценического положения, так что зритель все подробности такового получает со сцены в проработанном виде, что ему для усвоения смысла вложенной сцены не приходится тратить никаких усилий». Право субъективного освещения образа на этот раз должно было стать правом освещения образа с классовой точки зрения: «Актер-трибун играет не само положение, а то, что̀ за ним скрыто, и то, что̀ им с определенной целью (агитация) вскрывается». Вещественное оформление на этот раз явилось эстетизацией тех приемов, которые Мейерхольд употреблял в предъидущих постановках. Но точно так же, как обстановка должна была соответствовать упадочнической культуре гибнущей Европы, — она, бросая зерна сомнения и пародийно изображая красивость, в какой-то мере эту красивость утверждала. По существу, провозглашенные Мейерхольдом принципы не явились новыми, Мейерхольд закреплял постановкой ранее им достигнутые эстетические позиции. Спектакль был наглядным обучением, законом режиссерского мастерства. Как и в «Лесе», простейшей комбинацией цвета и света, он создавал красочную картину: режиссер заменял живописца. Музыкальный аккомпанимент побуждал актеров музыкально строить речь. Система движения актеров была точно выработана. Но все великолепие мейерхольдовской экспериментальной постановки не находило никакого соответствия в ясной и простой пьесе, почти фарсе, Файко. Мейерхольду негде было издеваться, ненавидеть, любить, как он делал в «Лесе» и «Земле дыбом». Утверждающий законы театрального мастерства эксперимент не стал спектаклем. Но, как всегда, Мейерхольд убедительно доказал необходимость новых средств агитации — углубленных и скрытных — и суровой борьбы с надвинувшейся театральной реакцией.

V. МУЗЫКА В МОСКВЕ.

Евгений Браудо.

I. Столетие Большого театра. II. Приезжие иностранцы. III. Современная русская музыка. IV. Музыкальная культура.

1.

Любезной истиной, что о юбилярах говорят или хорошо или ничего, нам кажется, чрезмерно злоупотребили всевозможные организации, юбилейный сборник, вообще все те места скопления литературных и ораторских дарований, которые так или иначе были мобилизованы для чествования столетия Большого академического театра. Заслуги в далеком и близком прошлом театра были освещены с достаточной полнотой, но в юбилейных речах, статьях, приветствиях нет-нет проскальзывали огорченные нотки о том, что в прошлом Большой театр, всегда бывший пасынком русской императорской сцены, больно отставал в своих постановках от темпа русской и иностранной музыкальной жизни, что репертуар его дошел в настоящем до крайнего оскудения и что театр, парализованный внутренними неурядицами, почти не подает сейчас даже признаков жизни. Депутации красноармейских частей, заводских рабочих властно требовали обновления театра соответственно с художественными требованиями нового уклада нашей общественной жизни, но театр—увы!—отвечал на все это символикой очень жидкого апофеоза под звуки «Интернационала», оправдательной речью заслуженного артиста Л. Собинова и парадным спектаклем с исполнением отрывков из «Руслана» и «Садко» в трафаретной постанов-

Выставка рисунков Тырса — рисунок. (К статье Федорова-Давыдова).

ке и блестящим «Петрушкой» и одним актом из романтической «Сильфиды», поставленной почему-то в конфектном стиле 80-х годов. Все это вопиюще шло вразрез с музыкально-драматическим искусством XX века и свидетельствовало о полном бессилии Большого театра вовлечь в свой круг нового зрителя, с безучастием или даже враждебностью отнесшегося к этому — как-никак! — культурному торжеству.

2.

Пониженное самочувствие и ослабление пульса московской музыкальной жизни сказывается в том, что большой успех и переполненные залы собирают только именитые иностранцы, местные же московские силы недостаточно привлекательны для публики. Единственная крупная московская концертная организация «Росфил» обслуживается почти исключительно зарубежными артистами. К сожалению, по качеству этот иностранный подбор имен бывает очень неравным, что объясняется, отчасти, необходимостью руководиться отзывами иностранной прессы, недостаточно, в данном случае, надежной и объективной. Так, после очень глубокого и своеобразного дирижера *О. Клемперера* мы услышали гораздо менее значительного хорошего техника *Абендрота* (симфонии Брамса, Бетховена—девятая,—интересная сюита на картины Беклина Регера), после головокружительного виртуоза *Петри*, поверхностно-салонного пианиста *Задора*. Наиболее музыкальным явлением в этой веренице иностранных гостей был, несомненно, пианист Артур Шнабель, художник с своеобразно-сильной экспрессией игры, основанной на крайней свободе ритмико-мелодической фразировки. Артур Шнабель «специализировался» в последнее десятилетие на исполнении бетховенских сонат, которые в его толковании говорят языком многозначительным и ярким. Исполненная им на втором концерте соната ми минор последнего Бетховена совершенно свободная, почти рапсодичная по форме, ничего не утеряла от своей импровизационной свободы, которой так дорожил сам гениальный ее автор. Это было исполнение во всяком случае совершенно незаурядное, высокопоучительное и глубоко освежающе подействовавшее на наше восприятие.

Из числа местных московских артистов, представленных на концертах «Росфила», наиболее интересным оказалась также полуиностранка, молодая негритянская певица Корети *Арле-Тиц*. Арле - Тиц — первоклассное музыкальное и вокальное дарование, обладательница сильного и блестящего, мастерски обработанного сопрано. Ее программа содержала музыкальный обзор Востока в искусстве звуков и специально негритянской песни. Последнее Арле-Тиц исполняет бесподобно, и в ее передаче они, в своей примитивной выразительности, действуют увлекательнейшим образом на слушателей.

3.

Нельзя отрицать того, что, в условиях переживаемой действительности, новейшая русская музыка не занимает того руководящего положения в нашей концертной жизни, какое ей, по праву, принадлежит. Отсутствуют материальные предпосылки для ее исполнения — хороший оркестр, наличие подбора камерных исполнителей, готовых бескорыстно нести тяжелый труд по разучиванию новейшего репертуара. В результате Москва о многих крупнейших образцах современного русского звукотворчества осведомлена гораздо хуже Берлина, Парижа. Мы, к стыду своему, почти совершенно не знаем, например, новых произведений *Стравинского* не только музыкально-драматических, но и симфонических и камерных (фортепианный концерт, октет для духовых и другие), исполнение которых в конце концов не столь уж недостижимо было бы при наличии некоторого запаса доброй воли, даже в неблагоприятных условиях нашего музыкального «нэпа». Но, к сожалению, об авторских концертах из произведений Прокофьева, Стравинского, требуемых просто музыкальным «приличием», пока и мечтать не приходится, хорошо еще, что, благодаря большой организаторской удаче, «Ассоциации Современной Музыки при Росс. Академии Художественных Наук» уда-

лось при помощи оркестрового коллектива театра Революции, работающего удивительно бескорыстно, осуществить два симфонических утра из произведений новейшей московской школы. За эти два утра мы услышали *три* новых симфонии *Мясковского* и *Гедике*. Требовать большего никак нельзя!

И. Мясковский, плодовитейший из современных русских симфонистов, вплотную подошел еще к своему «девятому (симфоническому) валу». На этот раз демонстрировалась его более ранняя, четвертая (1918), симфония и законченная в 1922 году седьмая. Обе симфонии ничего существенного в сложившемся представлении о композиторе Мясковском не меняют. Это—излияния убежденного пессимиста, лишенного каких бы то ни было светлых душевных красок. Как симфонические произведения, они не особенно оригинальны—преобладают влияния Чайковского (к тому же самого мрачного), Глазунова, и, пожалуй, в седьмой и Скрябина. Освободиться от гипноза своих симфонических предшественников Мясковский пока не в состоянии, несмотря на свой, несомненно, крупный талант, проявляющийся преимущественно в области гармонической и в передаче тех темных психологических настроений, которых в русской музыке пока касался лишь один творец «Пиковой дамы» и «патетической» симфонии. В создании такой депрессивной музыки Мясковский — своеобразно интересный мастер. Но, думается, такой путь едва ли приведет современную русскую симфонию к новым берегам искусства и жизни.

Несовременен и *Гедике*, но уже в совершенно ином отношении. Это — музыкант-мыслитель бодрого оптимистического уклона, близкий к Танееву, если держаться в сравнениях представителей московской школы. Гедике — убежденнейший классик, сторонник чистого звукового мастерства, музыкант-зодчий, почти анахронизм в наши дни. От исполнявшейся на утре Ассоциации третьей его симфонии веет изумительной свежестью. Это музыка абсолютно здоровая, взрощенная у первоисточников симфонического творчества. При всей мудрости, уравновешенности письма, Гедике не чужд сильных патетических подъемов (в великолепно звучащем финале), даже некоторой гармонической пряности (ладовая тема медленной части). Вообще для внимательного ценителя и в этой симфонии—огромное богатство интересных звуковых подробностей: чувствуется уверенная рука очень большого и очень искреннего музыканта.

К числу симфонических «премьер» следует отнести и исполнение сценической «гебреизованного характера» музыки *Александра Крейна* к «Ночи на старом рынке» в постановке Грановского. Этой музыке нельзя придавать самостоятельного значения: она является лишь одной из составных частей общей симфонии сценического жеста, света, танца, идеально «спевшихся» в этом спектакле. Но самостоятельную ценность она имеет, как образец пока еще недостаточно развитого у нас жанра камерной симфонии (музыка Крейна написана для 22 инструментов), замечательно удачно отвечающей акустическим условиям данного зала. К такому же жанру сценической музыки принадлежит оркестровая сюита к метерлинковской «Синей Бороде» *Александрова*, очень мило и тщательно написанная, но лишенная. при всей добросовестной модернизации живого нерва (безусловно хороша и свежа в ней песнь жен Бороды для женского хора и оркестра).

4.

В заключении настоящего обзора мы хотели бы коснуться в нескольких словах московской музыкальной культуры (в кавычках и без таковых). Положение «Музыкальной Культуры» в кавычках, — очень содержательного временника новой музыки, выходившего в Музсекторе Госиздата, — к сожалению, весьма печально. Она пока прекратила свое существование на третьем номере, и русские любители новой музыки остались пока без обслуживающего их музыкального органа. Музыкальная же культура без кавычек, если разуметь под ней совокупность усилий, прилагаемых для распространения музыкального просвещения в массах, находится все же в лучшем состоянии. Сейчас в Москве под

флагом «Росфила» систематично проводятся циклы культурно-просветительных лекций-концертов (1. Западно-европейская музыка. 2. Русская музыка. 3. Мировая поэзия и музыка). Конечно, автору настоящих строк, как научному руководителю этих циклов, не подобает говорить об их успехе у слушателей, но можно считать объективно установленным, что, благодаря отличному, продуманному исполнению, эти концерты, предваряемые пояснительными словами, создали сплоченный и очень внимательно воспринимающий круг слушателей, до предела наполняющий Малый зал Консерватории. Стремление заменить понятие «музыкальной халтуры» более здоровым представлением о «музыкальной культуре» охватывает организации, до сих пор весьма беспечные по этой части. На-днях в газетах развернулась, правда, не во всей широте, острая полемика о музыкальной радио-халтуре, закончившаяся образованием при тех могущественных очагах распространения музыкального образования, какими являются радио-станции, обслуживающие сотни тысяч людей, особых художественных советов, состав коих ручается за добросовестность музыкальных программ. Жаль только, что все эти попытки урегулировать массовое потребление музыки не находят достаточного обоснования в выпуске соответствующей научно-популярной литературы. Мощные издательские органы проявляют в этом случае какое-то непонятное малодушие, опасаясь малой распространимости подобного рода брошюр как раз в момент, когда широкие массы с жадностью тянутся ко всякому малейшему проблеску музыкального просвещения.

VI. КРЕСТЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО.

(Обзор литературы).

Г. Жидков.

Наука о русском искусстве за последнюю четверть века сделала большие успехи. Целый ряд новых областей художественного творчества появляется в качестве материала, подлежащего исследованию. В этом играют свою роль археологические открытия, если понимать под последними нахождение памятников и приведение их в такой вид, когда они из мертвого предмета «древности» становятся красноречивыми «произведениями искусства»; здесь и следствие эволюции «вкуса», который, в значительной степени, под влиянием фактов текущей художественной жизни, возвысился до возможности оценить документации художественной воли эпох, на первый взгляд, столь от нас далеких и чуждых теперешним нашим устремлениям.

Постижение живого творческого опыта минувших времен, быстрое расширение самого состава объектов, в которых можно усмотреть наличие этого опыта, переоценка многого, на что раньше почти не обращалось внимания — обстоятельства, присущие отнюдь не только движению русской историко-художественной мысли; то же самое происходит и на Западе; примеров здесь могло бы быть приведено чрезвычайно много. Во всяком случае, дружно шествуя в ногу с западно-европейской наукой, русская «открыла»: портрет XVIII в. и нач. XIX; фреску, миниатюру, станковую живопись до-петровской России, древне-русское каменное зодчество, деревянную архитектуру Севера и многое другое. А сколько здесь еще предстоит увлекательных завоеваний: достаточно указать на намечающийся новый подход к деятельности передвижников, совсем обесславленных после победы над ними «Мира Искусства»; к русским

Иллюстрация из книги В. Воронова: «Крестьянское искусство» (стр. 117).

академикам, о картинах которых, начиная с середины прошлого столетия, не говорилось иначе, как о носительницах непроходимой скуки и шумливой ремесленности; как раз к тем кругам древнерусского искусства, что до сей поры почитались свидетельством упадка, незаслуживающего особой пристальности рассмотрения.

Звеном в цепи намеченного процесса явилось и событие конца 1921 года: в Российском Историческом Музее открылась выставка, имевшая наименование — «Крестьянское Искусство». На ней было показано значительное количество предметов обихода народной массы, в частности, крестьянства, предметов, несущих на себе печать художественного начала. Несмотря на тяжелое положение тогда полиграфического дела, несмотря на то, что работы по искусству почти негде было помещать, явление это оказалось настолько значительным, что, сумев, отчасти, преодолеть препятствия, нашло все-таки некоторое отражение в печати. С тех пор статьи по данному вопросу не переставали появляться, а 1924 год подарил нас уже несколькими изданиями, сравнительно объемистыми. Для всей этой литературы, прежде всего, чрезвычайно характерно, что она с самого начала подошла к памятникам народной материальной культуры, с точки зрения *истории искусства*, а не этнографии, как это делалось до сих пор, когда народные — вышивка, резьба по дереву и т. д. заслуживали научного внимания.

———

«Забытая область древне-русского искусства» — так называется образно написанная заметка Н. Щекотова [1]), в которой он указывает на то, что крестьянское искусство, оказываясь «... хранителем весьма древних и своеобразных художественных традиций...» (стр. 61), позволяет нам приблизиться к более полному пониманию художественной культуры до-петровского времени, обогащая уже наметившуюся сейчас картину искусства, поскольку оно связано с христианской религией, новым аспектом, языческим, в основе восходящим чуть ли не к эпохе великого переселения народов. Другая, написанная Н. М. Щекотовым статейка — «Выставка Крестьянского Искусства в Росс. Ист. Муз. в Москве» [2]) носит, так сказать, методологический характер и поэтому особенно привлекает внимание: в самом деле, изучению подлежит совершенно новый материал, взять правильный курс необходимо, о методе поговорить стоит. Представитель группы «московских художественных критиков» (стр. 55) обрушивается со всею легкостью своего теоретического темперамента на «археологов и иконографов» (стр. 56) и предлагает (кому?) следующую категорическую меру: «нам кажется, что пришло время повторить ту же операцию (?), которая перед самой мировой войной была проделана с иконогра-

[1]) «Культура и Жизнь. Еженедельник по вопросам просвещения, науки, искусства и литературы». № 1. Кн-во «Работник Просвещения». Москва 1922 г. Стр. 59—61.

[2]) «Казанский Музейный Вестник» № 1. Госиздат ТССР. Казань 1922. Стр. 55 — 57: 3 таблицы воспроизведений.

фами, т.-е. надо вырвать (!) из рук этнографов крестьянское искусство и показать, что в их руках оно превращается в мертвый капитал; для этого путь уже указан предыдущим опытом с древне-русской живописью: исходный пункт этого пути — красота» (стр. 56). Фраза получилась внушительной: тут мировая война, кое-что из политической экономии, медицины и, даже, Достоевского. К чему, однако, вся эта шумиха? Ведь, говоря серьезно, кто же отрицает подлинную ценность работы Муратова, несмотря на ряд существеннейших ее недостатков? И, вместе с тем, кто же не знает, что все остальное, вышедшее из-под перьев представителей «группы (кстати, где теперь она?) московских художественных критиков», ведь это только несколько печатных листов. Конечно, дело тут не в количестве, а в качестве. Но качество тех писаний, на которые намекает Н. Щекотов, уже совсем ясно: это — лигатура не совсем органически-воспринятого формального метода, Вельфлиновского порядка, и того «французского стиля» научно-художественной работы, блестящими представителями которого являются Милле и Диль. Т.-е. перед нами явление, от которого предостерегает все в той же заметке тот же Н. М. Щекотов: «Пусть художники данной страны следуют иноземной традиции, но следуют ей творчески, потому что истинное понятие традиции, в противовес заимствованию, заключает в себе творческий элемент» (стр. 55). Мы не хотим отрицать ценности для своего времени литературы, о которой сейчас было упомянуто. Но теперь молодым историкам русского искусства нечему учиться у «московской группы критиков». Такова диалектика истории науки. Тех, что так негодовать заставляли [1]) и заставляют, видимо, Н. Щекотова (Буслаев, Кондаков, Лихачев, Айналов, Редин), эти молодые историки искусства считают подлинными классиками нашей науки и, будучи склонными следовать совету, который дает темпераментный «московский критик» русским художникам, сумеют, на основе указанной классической традиции, органически, а не «впопыхах» воспринять, да и воспринимают уже, опыт, предоставляемый Западом. А опыт этот в настоящий момент отнюдь не исчерпывается утверждением значимости формы.

Мы решились на некоторое отступление от нашей темы только потому, что и разбираемый автор отошел несколько от своей темы, так и не дав никаких конкретных методологических указаний, за исключением самого общего пожелания: «Надо прежде всего показать всем, какой самобытной, какой серьезной и долговечной и своеобразной красотой наделял крестьянин-художник орудие своего земледельческого труда и предметы своего домашнего обихода» (стр. 56). Удивительного в таком предложении ничего нет, и всякий искусствовед, и не имеющий счастья причислять себя к «группе московских критиков», перед самой мировой войной проделывавших жуткие операции над иконографами, почтет это своим элементарным долгом, ничего не вырывая из рук этнографов, которые честно собрали значительный материал документов бытовой народной культуры, изучали его с своей точки зрения (всем известно, что один и тот же предмет может быть изучаем с разных точек зрения, в интересах разных дисциплин) и, надеемся, впредь будут продолжать свою плодотворную для науки работу. Отметим только еще одну весьма странную в рассматриваемой заметке фразу: «Художественное богатство России заключается прежде всего в ее древних иконах, а затем — в крестьянском искусстве» (стр. 55). А почему также не в зодчестве Владимиро-Суздальской поры, или Новгорода XIV ст.?; — не в деревянном строительстве Севера, не в Левицком, Федотове или Александре Иванове? Впрочем, чего же тут удивляться! «Критик», в противовес ученому и публицисту, что капризная барышня: нравится — не нравится. И все; почему,

[1]) Один раз Л. А. Мацулевичу пришлось очень хорошо показать, что «разрушительные» тенденции Н. Щекотова, выразившиеся еще в одной его статье 1914 г., основаны на непонимании самого существа движения историко-художественной науки.

что, как, — ничего не известно: я так хочу! [1])

Если вести обзор в хронологическом порядке, сейчас нужно было бы остановиться на некоторых работах В. Воронова. Однако для удобства обозрения будем говорить о них всех вместе несколько далее.

В 1923 году вышла первая книжка по интересующему нас вопросу (брошюра Н. Щекотова была второй) — Г. Л. Малицкий: «Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства (В росписи и резьбе)» [2]). Автор определенно подчеркивает, что «...очерк обязан своим возникновением «Выставке Крестьянского Искусства...» (стр. 3) и что, кроме печатных изданий, им было использовано лишь «...собрание соответствующих подлинных материалов одного только Росс. Ист. Музея»... Несмотря на такую сравнительную ограниченность материала, перед нами хорошая, действительно, исследовательская работа. Г. Л. Малицкий делает центром своего внимания «... вопрос об изобразительных элементах — иконографических темах и мотивах — народного бытового искусства» (стр. 7) и ограничивает круг сюжетов, подлежащих рассмотрению, лишь теми, «...которые обусловлены окружающей средой и бытом или, по крайней мере, с ними непосредственно связаны...» (стр. 8). Далее дается некоторая общая характеристика того искусства, с которым имеет дело очерк: отмечается его «мирской» смысл, его «бытовая» природа, говорится о социальном круге, его производящем. Затем автор, обрисовав иконографический состав декораций прялок, лубяных коробьев и т. д., переходит к своей непосредственной задаче и в ряде последовательных глав прослеживает: отражение «... в народном бытовом искусстве родной природы, своеобразных черт русского пейзажа...» (стр. 19); воспроизведения «представителей «животного» мира» (стр. 20), «архитектурных» форм (стр. 23), «... человека — в виде отдельных фигур или целых групп...» (стр. 26); «бытовые сцены» (стр. 30). Заключает очерк указание на то, что в памятниках XVIII и XIX в.в. (которые нам сейчас только и известны) при «...склонности к консерватизму... народное искусство неотступно следует за жизнью... с достаточной чуткостью отражало и преемственную смену внешних форм житейского обихода» (стр. 38), а вместе с тем откликалось не только на жизненные явления ...крестьянской среды. Значительное внимание уделялось народными мастерами и быту господствовавшего общественного слоя — помещичьего барства, а также и «города» (стр. 39). Наконец, Г. Л. Малицкий ставит вопрос: «...какое же идейное содержание вкладывал в эти бытовые темы народный художник? (стр. 41) и, отвечая, констатирует: «... некоторую безыдейность творчества... отсутствие предвзятости, тенденциозности и резонерства. Повидимому, для подобных крестьянских художников идеей была сама жизнь, явления которой они старались изобразить, хотя бы и недостаточно искусной кистью, и назвать, хотя бы и беспомощно-наивными словами» (стр. 42). Не имея возможности останавливаться на отдельных выводах автора, отметим только, что они постоянно опираются на определенный материал (частично репродуцированный) и потому отличаются значительной убедительностью. Интересно пользование приемом литературной аналогии: выясняя характер иных сюжетов, Г. Л. Малицкий дает иногда образцы оформления их в литературе — свадебных и обрядовых песнях.

Больше всего за это время по интересующему нас вопросу было написано В. Вороновым. Ему принадлежат две информационных заметки в журналах: «Русское крестьянское искусство» [1]) и, более распространенная, — «Крестьянское искусство на выставке Рос-

---

[1]) Перу Н. М. Щекотова принадлежит еще брошюра «Русская крестьянская живопись». Москва 1923 год. Гиз, о которой отзыв наш см. в журн. «Печать и Революция» № 7 за 1923 г., стр. 284 — 285.

[2]) Казань 1923 г. Стр. 43+13 таблиц-рисунков. 12 иллюстр. в тексте. Размер in 8^0.

[1]) «Среди Коллекционеров». № 1. 1922 г. Стр. 65—67.

сийского Исторического Музея» [1]). Мысли, высказанные здесь, подробнее развиты автором в его книге, и там мы с ними еще встретимся [2]). Небольшая интересная статья «Русское народное искусство и его собиратели» [3]) нашла уже оценку на страницах «Печати и Революции» [4]). Ряд метких характеристик публикуемому материалу дает В. Воронов в своем экскурсе: «Нижегородские донца» [5]), где в своеобразной инкрустационной технике развернуты «Образы пышного дворянского быта XVIII века...» (стр. 18), где, по мнению автора, «...в гибких и напряженных, как изогнутый хлыст, резных очертаниях... затаилась какая-то острая изобразительная насмешка народных художников над чуждыми людьми и бытом...» (стр. 20). Последнее утверждение, однако, имеет скорее смысл некоей метафоры. Зато, безусловно, существенно указание на характер «рококо», присущий декоративным изображениям на донцах этой группы. Бесспорно, заслуживает внимания и статья «Бытовой жанр в росписи и резьбе крестьянского искусства» [6]); здесь В. Воронов, тематически совпадая с Г. Л. Малицким, подходит, однако, к тем же самым явлениям с несколько иной точки зрения, обращая внимание, преимущественно, не на иконографический состав народных изображений, а на их формальные качества и особенности. Многое из сказанного тут опять-таки, несколько в ином виде, вошло в книгу, о которой сейчас будет итти речь. Отметим только удачное противопоставление живописным образам аналогичных по сюжету представлений на прялках с резьбою «графического» характера: последние являют стиль... сходный с манерами северной фигурной вышивки красной нитью» (стр. 22).

Уже приходилось замечать, что в 1924 г. вышло несколько изданий по занимающему нас вопросу, более обширных. Одним из них была книга В. Воронова — «Крестьянское искусство» [1]). Книга имеет большое достоинство, сразу бросающееся в глаза: это — обильный подбор хорошо выполненных иллюстраций. Выпуск прежде всего производит впечатление умело составленного альбома. Обращаясь к тексту, также сразу можно указать и на один общий недостаток — некоторая растянутость изложения; автор довольно часто повторяется. Может быть, это проистекает из того, что, написав свою работу, в общем, популярно и обращаясь ею к малоподготовленной аудитории, автор мыслит эти повторения, как некий педагогический прием, долженствующий уже наверняка убедить читателя в замечательных достоинствах искусства, о котором говорится. Мы, однако, полагаем, что если такие «повторы» мысли порою бывают необходимы в лекциях, в книге злоупотребление ими не углубляет внимание читателя, а, скорее, его расхолаживает. В введении (впрочем, нумерации и наименований частей в книге не имеется) В. Воронов останавливается на существовавшем до сих пор невнимании к крестьянскому искусству, на малоудачных прежних попытках использовать опыт, предоставляемый этой областью художественного творчества, в интересах строительства текущей художественной культуры, призывает к всестороннему и внимательному исследованию вновь «открытых» произведений и, отмечая, что сейчас приходится иметь дело лишь с вещами, относящимися к XVIII и XIX в.в., совершенно правильно полагает, что «есть значительные основания к предположению, что

---

[1]) «Русское Искусство». № 1. 1923 г. Стр. 68—74. 2 стр. рисунков на отдельн. таблице.

[2]) Как бы конспектом будущей книги явилось и содержание выпущенной к выставке брошюры: В. С. Воронов. Крестьянское бытовое искусство. М. 1921. Главмузей. Росс. Ист. Музей. Стр. 14 in 8°.

[3]) «Среди Коллекционеров». № 4. 1922 г. Стр. 23—27.

[4]) № 3 за 1923 год. Стр. 281—282.

[5]) «Среди Коллекционеров». № 9. 1922 г. Стр. 18—23; 3 илл. в тексте.

[6]) «Среди Коллекционеров». № 5. 1923 г. Стр. 15—26; 4 илл. в тексте.

[1]) Гос. Изд. М. 1924 г. Стр. 140+4 табл. в красках. В тексте 101 иллюстр. in 8°. Тираж 3.000 экз. Цена 3 р. 75 к.

именно в эти столетия крестьянское бытовое искусство, теряя свои древнейшие черты, вместе с тем и приобретало тот художественный стиль, который мы считаем сейчас его основной и характернейшей чертой» (стр. 22). Далее выясняются те признаки, которые свойственны крестьянскому художеству в целом: это — бытовая его природа, «производственность», коллективность, в смысле творческого генезиса, богатство группировок внутри самого искусства, определяемое хронологическими и территориальными моментами, наличием тех или иных воздействий; «Постоянная и неразрывная связь с материалом и техникой его обработки...» (стр. 33), «трезвая конструктивность» (стр. 35), «орнаментальность, как принцип изобразительной композиции...» (стр. 35) и, вместе с тем, «элементы декоративности», которые «играют... первенствующую роль как в области форм и конструкций, так и в области внешнего убранства предмета» (стр. 35), и, наконец, обилие вариантов «При малой подвижности основных иконографических мотивов и стойкости традиционных форм...» (стр. 42). Затем следует обозрение отдельных родов народного искусства. Автор останавливается довольно подробно на скульптуре, рассматривая отдельные ее типы (рельефы, украшающие архитектурные детали, пластическое убранство вальков, пряничных досок, прялок, скульптурные моменты деревянной и глиняной посуды, металлические поделки, игрушки), живописи (росписи прялок и их донцев, лубяных коробьев, зыбок; сюда же включаются вышивка и набойка). Архитектуре отведено совсем мало места; собственно говоря, высказывается лишь соображение о необходимости ее изучения (стр. 101—104; одна лишь иллюстрация—79-я).

Надо отметить, что автор, группируя обширные материалы, входящие в поле его зрения, связывает иные из намечаемых групп с определенными географическими областями. Такое выделение местных школ — задача интересная; разрешение ее, разумеется, чревато рядом положительных последствий. Однако прямо скажем, что многое в этом отношении, читая книгу В. Воронова, приходится брать на веру. Ведь «паспорта» публикуемых предметов не известны читателю, а, в ряде случаев, вероятно, и автору. Вот это приведение в порядок «паспортов» вещей, уже сосредоточенных в наших музеях (и, в первую очередь, в Р.И.М.) и точная фиксация места и обстоятельств находки памятников бытового искусства при дальнейших изысканиях — смогут дать надежный критерий для установления отдельных «школ», установления объективного и убедительного для научно-мыслящего человека.

В заключение, В. Воронов останавливается на двух вопросах: социологическая природа рассмотренных произведений и попытка реконструкции облика народного искусства до XVIII в. Первый из них оставляем до конца обзора; сейчас нас занимает второй. «Нужно считать мало обоснованным предположение, что мы не знаем художественных традиций крестьянского русского искусства [1]) XVII, XVI и предшествующих им веков только лишь *за отсутствием самых памятников, не сохранившихся до нашего времени*» (стр. 116. Курсив наш. *Г. Ж.*). В. Воронов излагает на дальнейших страницах свою точку зрения на народное искусство до-петровского времени, указывая на геометрическую порезку и орнаментику вышивок, как на области, донесшие в значительной чистоте черты далекой языческой поры, где все изображения были освещены лучами культовой символики. Что касается первой отмеченной группы, то здесь, в общем, можно согласиться с автором. Действительно, перед нами манера украшения, с эпохи неолитической керамики оставшаяся навсегда культурным приобретением человечества. Поскольку же речь идет о животной и растительной орнаментике вышивок, мы не в праве пока уверенно указывать иную генетику этим моментам, чем аналогичным, хотя бы в деревянном рельефе (тут ведь совсем различные технические, материальные условия, важность которых сам В. Воронов подчеркивал; а отсюда и иная, во многих отношениях, формальная интерпретация), если не хотим пу-

[1]) Автор не имеет в виду архитектуры.

скаться на, может быть и увлекательный, путь исторической романтики. Здесь приходится быть сугубо осторожным именно «за отсутствием самых памятников, не сохранившихся до нашего времени». Кроме того, если в древней Руси было нечто «крестьянско-языческое», отразившееся на произведениях XVIII и XIX в.в., то это нечто имело совершенно иное формальное (а иконография, по нашему убеждению, элемент формы) выражение, о котором судить по известным поздним памятникам почти не имеется оснований иных, кроме представления о «неподвижности», «косности» крестьянской среды, с чем, повидимому, отчасти согласен и автор (стр. 22, 122). Да и было ли это «нечто» специфически крестьянским? Вот, Н. Щекотов, в первой из отмеченных статей, ссылаясь на Забелина, думает, в противоположность В. Воронову (см. стр. 117), что «...быт боярина в древности далеко не так отличался от быта простого крестьянина, как отличается от него, например, в наше время уклад горожанина» (стр. 60).

Исключительно хорошо издан альбом — С. Соколов и И. Томский «Народное искусство Севера России», предисловие Игоря Грабаря [1]). В альбоме «... представляются образцы северного народного искусства, сохранившиеся до сего дня. Установить их удалось благодаря почину Всероссийской с.-х. выставки и д-ра Фритиофа Нансена по обследованию русской кустарной художественной промышленности с целью ее популяризации как в России, так и в Западной Европе» (стр. 7—8). Интересная обложка, прекрасная бумага, хорошая техника репродукций и, особенно, самый подбор иллюстративного материала делают издание, действительно, «ярким событием», как пишет И. Э. Грабарь. Важно указать, что текст вступления дан параллельно на русском и французском языках. На таблицах помещены изображения самоедских изделий, образцов тканей, вышивки, вязанья, украшенных живописью поделок из бересты, резного дерева, резьбы по кости, черни по серебру, архангельских пряников. Очень существенно, что имеются краткие указания на происхождение вещей; правда, иногда их стоило бы уточнить: таким публикациям придется сыграть большую роль в деле дальнейшего изучения народного искусства каждым конкретным показанием относительно «биографии» отдельного предмета.

Одновременно с книгой В. Воронова Гизом же выпущен был труд проф. А. И. Некрасова — «Русское народное искусство» [1]). Чрезвычайно характерно, что «... очерк сложился из... лекций и семинарских занятий... в I Моск. Гос. Унив-те» (стр. 5). Народное искусство — уже предмет преподавания в высшей школе! В противовес книге В. Воронова, рассматриваемая сейчас — весь акцент делает на тексте: иллюстрации должны лишь пояснять высказываемые мысли. Все те достоинства, что не раз отмечались на страницах «Печати и Революции», в связи с последними работами автора: тонкость формально-художественных анализов отдельных памятников, умение построить на их конкретной основе некую историческую концепцию, новизна и острота мысли, — присутствуют и теперь. Книга четко построена: после краткого «Предисловия» следует «Введение» (стр. 7—17), в котором автор останавливается на выяснении предмета своего рассмотрения, производственном, социологическом и этническом моментах изучаемой области и литературе вопроса. Затем идут главы: «Архитектура» (стр. 18—83), «Скульптура» (стр. 84—141), «Живопись» (стр. 142—157) и совсем небольшое «Заключение» (стр. 158—159). Мы нарочно указали количество страниц, отведенных для каждого отдела, чтобы показать, что, в противоположность всем другим, здесь упомянутым, авторам, проф. Некрасов особенно много внимания уделяет архитектуре. Итак, очерк начинается с некоторых предварительных указаний. Из них те, что относятся

[1]) Изд. Архангельского губернского совета народного хозяйства. Москва 1924 г. Стр. 8+28 табл. рисунков; 2 иллюстр. в тексте.

[1]) Гос. Изд. М. 1924 г. Стр. 164. В тексте 100 иллюстраций по рисункам автора in 8⁰. Тираж 4.000 экз. Цена 2 р. 25 к.

к выяснению социологического основания данного искусства, займут нас несколько позднее. Заметим только, что характерным производственным моментом изучаемой области считается отсутствие абсолютно специфизированных технических навыков; таким образом, здесь: «простота производства, несложность народной техники, отсюда относительная доступность художественной деятельности многим лицам из народной среды определяют самый характер художественной формы (конечно, до некоторой степени)...» (стр. 8) [1]). Не беремся передать все те мысли, которые на-лицо в «Предисловии». Их богатство связано с чрезвычайной лаконичностью выражения. В главе об архитектуре автор останавливается на композиции русской деревни и отдельного двора, инструментах плотничного дела, технике создания избы, на анализе элементов постройки. Все эти рассуждения связаны с использованием филологического толкования технической терминологии, поскольку она сохранилась в современной практике и в литературных источниках; последние вообще широко используются автором, так же как показания рисунков заезжих на Русь иностранцев и немногочисленных подобного же рода документов отечественного происхождения. Таким образом, удается установить облик народной нашей архитектуры с XVIII века и даже бросить некоторый свет, проясняющий эту чрезвычайно темную область в более раннее время. Постоянная связь с городским строительством представляется несомненной, так же как своеобразная перефразировка деревней в XVIII и, особенно, XIX в.в. получаемых «архаизирующих» форм. Говоря о скульптуре и живописи (куда также включаются вышивка, набойка и кружева), А. И. Некрасов сосредоточивается на отдельных, определенных моментами материала — техники и своей целевой направленностью, группах памятников: получается весьма полный обзор. Особенно отметим, что проф. Некрасов свой предмет берет шире В. Воронова «географически», включая постоянно в круг внимания Украину. Недостаток места не позволит опять-таки последовательно перейти от одного вывода автора к другому. Укажем только, что дается обилие самых различных историко-художественных справок, постоянно обращается внимание на генезис той или иной формы, принявшей своеобразный облик в XVIII и XIX в.в.; имеется большое количество указаний фактурно-материального порядка. Важно то, что в результате автор приходит к целому ряду формально-художественных характеристик, всегда очень свидетельствующих о настоящем *искусствоведном* методе, который мы склонны противополагать, пускай иногда и искренним восторгом напоенному, подходу «художественного критика». Особенно существенны некоторые обобщения; последнее из них, схематизирующее ряд предшествующих, таково: «Подбор форм, замкнутых в себе, статичность их — вот черты, проникающие народное искусство, его архитектуру, скульптуру, живопись, орнамент в отношении как композиции, так и мотивов и фактуры» (стр. 157). К числу наиболее удачных мест в книге принадлежат наблюдения над планировкой и композицией деревни («Единой точкой зрения архитектурного ансамбля был центр; поселение представляло сочетание своеобразных центрических ансамблей в один общий — деревню — вокруг общего центра. Неподвижная замкнутость — вот художественный признак русского селения в прошлом, статика круга, а вовсе не динамика линии. Это обстоятельство диктовалось самой экономикой жизни и хозяйства деревни и крестьянской семьи» (стр. 22), выяснение происхождения рубки «в лапу» (стр. 36), анализ двери (стр. 55—59), указания на решение проблемы пространства внутри крестьянской избы (стр. 75—77), истолкование скульптурного смысла глиняного сосуда (стр. 89—90) и игрушки — петуха и коня (стр. 112, 113) и др.

[1]) С этой точки зрения в категорию народного искусства не войдут интересные памятники, опубликованные В. Вороновым в заметке «Устюжские решетки» («Среди Коллекционеров»). № 11 — 12. 1922 г. Стр. 16—17; 2 иллюстр. в тексте.

Мысль, в которой присоединяется в «Заключении» А. И. Некрасов, что «... дух реализма новой русской живописи... имеет себе предшественников в народных росписях» (стр. 158), является откликом на вопрос об отношении народного творчества «... к искусству образованных классов» (там же). Последний вопрос мы считаем исключительно существенным для истории русского искусства, особенно живописи, XVIII века; здесь в перспективе целое исследование о взаимоотношении того круга искусства, что был предметом рассмотрения авторов, упомянутых в настоящем обзоре, и художества крепостных живописцев, мебельных мастеров и т. д.

«Крестьянское искусство» — самое это определение, в какой-то мере, социологическое. Не мудрено, что социологическому моменту уделяется место всеми авторами, писавшими по занимающему нас вопросу. Вместе с тем, внимательный читатель, вероятно, заметил, что мы в своем обзоре употребляли, как обозначение одного и того же понятия, то термин «крестьянское искусство», то — «народное». Эта свобода словоупотребления — совсем не результат небрежности. В. Воронов, в своей книге, останавливаясь на выяснении социальной среды, в которой «...развивалось и бытовало...» (стр. 108) изучаемое искусство, для XVIII и XIX в.в., принужден констатировать нижеследующее: «Отсутствие резкой расслоенности нижних социальных групп населения и общность бытовых условий жизни весьма осложняет и запутывает этот вопрос. Понятие «народный» и «крестьянский» не вполне покрываются друг другом, хотя и близко схожи и часто равнозначущи» (стр. 108). Далее указывается, что ряд бытовых предметов мог обращаться не только в крестьянской среде, но и «... в других, смежных и близких, социальных группах ...» (стр. 108), а также, что «частично для XVIII века, и уже полностью для XIX века, производителем... не было рядовое земледельческое крестьянство, а лишь некоторые его поздние формации, осколки основной толщи, отбившиеся от землепашества и изыскивающие себе средства к жизни подсобными ремеслами и занятиями» (стр. 110). Проф. Некрасов, после характеристики производственной природы обследуемых памятников, замечает: «... мы имеем дело с средой, близкой на русской почве к условиям натурального хозяйства... совершенно ясно, что таковой средой является у нас крестьянство, почему в последнее время нередко можно видеть замену термина «народное» искусство другим — «крестьянское» искусство. *По существу дело не меняется...*» (стр. 10). Давая курсивом последние слова, мы хотели подчеркнуть, что вновь вошедший в употребление термин не есть, как видно, что-либо социологически точное. Если близость художественной культуры деревни и значительной части городского населения представляется безусловной для двух последних столетий русской истории, то не так ли было и прежде? Ведь то положение, что старый русский город во многих отношениях (конечно, не во всех и не до конца) был большой деревней, по заслугам стало трюизмом. А, следовательно, повидимому, пока лучше говорить, как ни неудачен этот термин, именно о *народном* искусстве (без особого социологического углубления понятия), противополагая его отчасти проявлениям художественной культуры привилегированных классов. Тогда, по крайней мере, мы избегнем несколько необоснованной социолого-терминологической претенциозности и в отнесении к данной категории иных групп памятников менее свяжем себя критерием, существо которого в конце концов вовсе не определено.

Теперь подведем некоторые итоги. Рассмотренная литература, во всяком случае, довольно четко намечает облик народного художества XVIII и XIX в.в.— истолкованы основы его художественного выражения. Вместе с тем устанавливается, что формальный материал для построения этой выразительности поступает постоянно из искусства социальных верхов. Уже делаются попытки проникнуть за пределы XVIII в. и там найти некие документы художественного творчества, не связанного с сооружением и убранством церковн. построек. В общем, вопрос вплотную подходит к проблеме

«светского» искусства до - петровской России.

Какие же задачи стоят перед изучением в данной области? Теперь, когда некоторые общие характеристики налицо, необходимо перейти к исследованию частных вопросов. Отдельный памятник, отдельная историко-художественная проблема — вот предметы будущих изысканий. Особое внимание к хронологии должно их сопровождать. Тогда, по прошествии некоторого времени, станет возможным дать «Историю народного искусства», более широкую по своему временному захвату и более разработанную в деталях. А без учета ее выводов никогда не сможет быть построенной чаемая «История русского искусства».

Иллюстрация из книги В. Воронова: «Крестьянское искусство» (стр. 12).

VII. НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ.

(Обзор текущей литературы по аграрному вопросу).

Ю. Спасский.

А. ВАЙНШТЕЙН. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. Опыт статистического исследования с предисл. проф. Н. Д. Кондратьева. Изд. Книжн. Склада «Экономист» Н. К. Ф. Москва 1924. Стр. 157.

Проф. А. И. СКВОРЦОВ. Основы экономики земледелия. Изд. 3-е, т. I. Факторы землед. хозяйства. Ленинград. Изд. Брокгауз-Ефрон. 1925. Стр. 350.

Очерки по аграрному вопросу под ред. Е. Варга. Т. I. Вып. I. Е. ВАРГА. Общие основы аграрного вопроса. Изд. «Московский Рабочий». Москва 1924. Стр. 64. Т. I. Вып. III. РУДОЛЬФ ГЕРБЕР. Франция. Стр. 84.

Н. Н. СУХАНОВ. К вопросу о сельско-хозяйственной эволюции России. Изд. «Новая Деревня». Москва 1924. Стр. 258.

Проф. А. В. ЧАЯНОВ. Очерки по экономике сельского хозяйства с предисл. Л. Крицмана. Изд. «Новая Деревня». Москва 1924. Стр. 152.

Аграрный вопрос приковывает к себе общественное внимание Сов. Союза. Подъем производительных сил деревни осознается как задача, разрешением которой закладывается одна из основ нашего социалистического будущего. Если когда-то «судьбы капитализма в России» в конечном счете определя-

лись экономикой многомиллионного крестьянства, то и ныне для судеб социализма крестьянская глыба весит слишком много. Именно потому-то так настойчиво устремляет на деревню свои взоры как наша теоретическая литература, так и практическая публицистика. Литература пытается ответить на властные запросы жизни.

Аграрный поток в печати разветвляется по трем важнейшим руслам. К теоретическому исследованию экономики крестьянства, как оно есть, откуда и куда оно движется, непосредственно примыкает аграрная публицистика, формулирующая методы аграрной политики, наметывающая ближайшие ее вехи. И, наконец, третье русло пробивается непосредственно в самое деревню, несет землеробу социалистическое просвещение, обращается к крестьянству с призывом повернуть свои пути к социализму. В настоящем обзоре мы коснемся лишь теоретической аграрной литературы, хотя, конечно, и в аграрной теории не может не быть значительной публицистической примеси.

Острая злободневность избранной автором темы характерна для статистического этюда А. Вайнштейна, исследующего «обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время». Нельзя не согласиться с проф. Н. Д. Кондратьевым, который отмечает в своем предисловии к книге Вайнштейна, что «огромное практическое значение вопроса, исследуемого автором, совершенно очевидно». Вайнштейн приходит к пессимистическим выводам, сравнивая довоенные платежи с платежами крестьянства во время революции. В 1922/23 г. на душу сельскохозяйственного населения падало сверх налогов, сборов, эмиссии 6,4 рубля, что почти равно цифре 1912 года 6,36 р. Таким образом абсолютная цифра крестьянских платежей на душу и хозяйство *не выше* довоенной. В процентах к условно-чистому доходу валовая продукция (за вычетом семян и корма скоту) тяжесть по сравнению с 1912 г. сильно увеличилась, составляя в 1922/23 г. 16,9% дохода вместо 10,8% довоенных. Вайнштейн утверждает, таким образом, что хотя к 1923-му году абсолютная цифра крестьянских платежей не превышала довоенной, но платить этот налог было много тяжелее, ибо понизился народный доход. Пятилетие 1918—1923 г.г., охваченное автором, ныне уже отходит в историю. То были годы гражданской войны, а затем — годы собирания обломков народной экономики. Естественно, что потребовалось величайшее напряжение всех народных сил. Говоря о перспективе будущего, автор признает наличность *тенденции* к уменьшению тяжести крестьянских платежей. По мнению автора нужно, чтобы налоги возрастали в меньшей (?) пропорции, чем сельско-хозяйственный доход. Очевидно, автор хочет этим сказать, что под налоговый пресс должна попадать относительно меньшая доля крестьянского дохода.

Труд Вайнштейна можно скорее признать сырым материалом, и автор на поставленные им вопросы не дает достаточного ответа. В противоположность Ю. Ларину, склонному скорее преувеличивать тяжесть платежного бремени крестьянства до войны, А. Вайнштейн, наоборот, страдает тенденцией преуменьшать долю непосредственного участия крестьян в расходах империалистического государства. Чуть намечен классовый характер довоенных налогов, падавших всей своей массой на крестьянскую бедноту и щадивших кулацкую верхушку. Экономически несостоятельно положение о предельном фонде, «могущем быть использованным для современного прямого обложения» и на основе довоенных ставок исчисляемом автором максимум в 10,5% всего условно-чистого дохода крестьянского хозяйства. Налог империалистического государства есть один из способов — и притом самых могущественных — капиталистического накопления. Тот же самый налог, взимаемый социалистическим государством, способен стать орудием социалистического накопления. Поэтому цифры довоенных и современных налогов сами по себе величины абсолютно несоизмеримые. Крестьянские платежи могут быть постигнуты лишь как одно из звеньев общей экономической политики. Условную ограниченность своей работы сознает, хотя и не столь категорически, сам автор.

Наше время любит перечитывать классиков, и это сказывается в целой серии классических писателей, переизданных и изданных вновь. Быть может, именно в качестве такой «классической» работы удостоились переиздания «Основы экономики земледелия» А. И. Скворцова, около 25-ти лет тому назад впервые увидевшие свет. Покойный Скворцов справедливо считается одним из «отцов» сельско-хозяйственной экономии в России и совершенно несправедливо квалифицируется в качестве одного из первых русских марксистов. Это один из укоренившихся в истории русской экономической науки предрассудков. В Скворцове марксизма так же мало, как бесконечно мало, напр., марксизма у Шульце-Геверница или у Вернера Зомбарта. И все же можно с удовлетворением отметить переиздание этой книги, во многом, конечно, — устаревшей. В эпоху почти безраздельного поклонения народническим фетишам общины, артели, натурального хозяйства Скворцов — один из тех немногих, которые открыто указывали на победное продвижение аграрного капитализма в России и приветствовали русский *капитализм*, как *форму* культурно-экономического подъема деревни. Автор «экономики земледелия» буржуазен до мозга костей. Классовые корни его экономической мысли не затушеваны реакционной утопией народничества. Свобода капиталистического накопления на земле, освобожденной от феодальных пут и ставшей предметом нестесняемого торгового оборота — такова конкретная программа аграрной политики, некогда поддержанная Скворцовым. В соответствии с этим он с пристальным вниманием исследует условия *товарного* земледелия, в первую очередь влияние парового транспорта на превращение земледельческого продукта в товар.

Паровой транспорт был столь же необходим для возникновения аграрного капитализма, как и освобождение крестьянства от земли. В результате парового транспорта разразился длительный земледельческий кризис. Кризис «приведет... к размещению всех отраслей хозяйства в районах, наиболее благоприятных для производства продуктов каждого рода». Иначе говоря, товарно-капиталистическое торговое земледелие в более или менее концентрированной форме сделается господствующей формой сельского хозяйства. Крестьянство не исчезнет, но будет влачиться в качестве рабочего придатка капиталистических хозяйств разного калибра. Развитие промышленности в конечном счете определяет строение земледельческого производства. Создавая рынок для продуктов земледелия, промышленный капитализм тем самым капитализирует сельское хозяйство. Эта капитализация происходит *на основе* развития аграрных производительных сил.

Таким образом Скворцову мнилось, что продвижение капитализма в земледельческую толщу сможет восстановить нарушенное равновесие капиталистического общества. Мы видим, что действительность не оправдала этих надежд. Для земледелия капитализм создал только *материальные предпосылки* будущего обобществления труда, но самое хозяйство продолжает оставаться ремесленно-мануфактурным. Претворение этих материальных предпосылок в жизнь или организация социалистического земледелия — в капитализме неразрешенная задача, и разрешить ее должен и может грядущий социализм. Для Скворцова это оставалось книгой за семью печатями. Именно потому-то, что марксистом он как раз никогда и не был. Быть марксистом — значит капитализм рассматривать диалектически, как процесс развивающихся имманентных капиталистическому обществу противоречий.

«Очерки по аграрному вопросу под редакцией Е. Варга» ставят своей целью пролить свет диалектического марксистского познания на аграрную метаморфозу современного капитализма. «Рассматривая завоевание власти, как актуальную конкретную задачу, представляется безусловно необходимым привлечь на сторону революции по меньшей мере значительную часть сельско-хоз. населения, а другую значительную часть его нейтрализовать». Но для того, чтобы крестьян привлечь на свою сторону или даже нейтрализовать, нужно, чтобы крестьянство в социальной революции

нашло выражение своих непосредственных реальных чаяний и интересов. В иной форме это сформулировано тезисами II Конгресса Коминтерна, где говорится, что «действительно революционным, действительно социалистическим действующим классом пролетариат является лишь при том условии, если он выступает и поступает, как авангард всех трудящихся и эксплоатируемых»... Довлеет дневи злоба его — крестьянин, этот величайший практик и реалист, никогда не сомкнется с пролетариатом, если не почувствует в революции своего родного кровного дела. Отсюда ясно, какое огромное значение для всего Коммунист. Интернационала имеет изучение крестьянина, каков он есть, и каковы изменения, которые он претерпевает, чтобы на основе такого изучения построить правильную аграрную программу.

Некоторая теоретическая неуверенность характерна для I выпуска «Очерков», написанного редактором всего издания т. Е. Варгой. Шаткость основных положений отражает в себе неясные колеблющиеся линии *динамики* аграрных отношений. Целиком принимая теоорию дифференциальной ренты, как она сформулирована в III томе «Капитала», т. Варга базой дифференциальной ренты совершенно напрасно делает закон «убывающего плодородия почвы». Тем более напрасно, что спорность этого призрачного закона не секрет для уважаемого редактора «Очерков». Теоретическая значимость дифференциальной ренты не нуждается в зыбком фундаменте закона падающего плодородия. Различие естественных (в широком смысле) качеств земель и особенно рента положения — совершенно достаточные основания, чтобы дифференциальная рента возникла и росла при поднимающемся, но отнюдь не падающем плодородии почвы. Равным образом нельзя согласиться и с делаемой т. Варгой попыткой исправить учение Маркса об абсолютной ренте. Отказываясь объяснить вместе с Марксом абсолютную ренту, как следствие низкого органического состава сельско-хозяйственного капитала, автор «Очерка» тем самым обескровливает марксистскую теорию об абсолютной ренте. Неправ автор, когда считает, что по данному вопросу Маркс обнаруживал «противоречия и колебания». Можно говорить лишь о некоторой формальной неотделанности соответствующих глав III и IV т.т.

Нам кажется, что и в постановке вопроса о сравнительных производственных преимуществах капиталистически концентрированного предприятия или ремесленно - крестьянского хозяйства т. Варга слишком уступчив по адресу давидианцев. Какова, например, научная ценность такого положения, что при прочих равных условиях «крупное предприятие имеет решительное преимущество в производительности труда, однако эта разница не имеет особенно большого экономического значения». Если — решительное преимущество, то почему оно не имеет «особенно большого значения»? Несколькими строками далее мы читаем уже вполне категорическое «утверждение, что размеры урожая с земли зависят не от размера предприятий, а от *культуры* (курсив наш) сельско-хозяйственного населения». Автор пытается это свое утверждение подкрепить таблицей, «обнаруживающей явный параллелизм между высотой урожаев и простейшим мерилом общего состояния культуры — грамотностью». Объясняя развитие производительных сил земледелия общим состоянием культуры, не выдает ли т. Варга следствия — культуру — за причину, а действительную причину — степень производительных сил — за следствие? Предоставляем судить читателю.

Очень интересен III выпуск «Очерков» (вышедший вторым), посвященный Франции. Автор, т. Рудольф Гербер, впервые опубликовывает в русской литературе некоторые более свежие статистические данные, позволяющие судить об аграрной динамике Франции с 1892 по 1908 г. Ущерб потерпели за этот период времени оба крайние фланга мельчайших (до 1 гект.) и самых крупных (свыше 100 гект.) предприятий. Если удельный вес мельчайших предприятий вообще ничтожен, то за то несомненный и упорный прирост середняка и отчасти мелкого крестьянства свидетельствует о мелкокапиталистическом развитии фран-

цузского земледелия накануне войны. Середняк перед войной возделывал более обширную сельско-хозяйственную площадь, чем крупное землевладение (свыше 100 гект.) и за 16 лет увеличил площадь своего землепользования почти на 15%. На 10% расширили свою хозяйственную площадь также и мелкие (от 1 до 10 гект.) крестьяне, которые при этом в числе уменьшились, а, следовательно, окрепли хозяйственно. Если сопоставить с этим параллельно поднимающееся производство кормовой свеклы и люцерны, сильное (почти вдвое) сокращение невозделанных *пастбищ* и некоторое уменьшение площади под зерновыми хлебами, то мы получаем довольно четкую картину как интенсификации французского земледелия перед войной, так и перемещения хозяйственной тяжести в сторону животноводства. Одновременно абсолютное сокращение — почти на 4% — самодеятельных мужчин сельского населения, и, следовательно, повышение доли *c* за счет *v*.

Империалистическая война внесла опустошение в ряды французского крестьянства. Около *1 миллиона* крестьян и сельско-хоз. рабочих погибли на войне, к этому следует еще прибавить около 600 тысяч инвалидов вместе с осевшими во время войны в городах, «отбившимися» от земли. Под влиянием войны самодеятельное мужское население французской деревни уменьшилось почти на *целую треть*. Внушительная часть французской территории была опустошена в периоде военных действий. В соответствии с этим послевоенная площадь сельско-хозяйственной культуры испытала значительные изменения. Резкий уклон в сторону увеличения пара, пастбищ, лесов, естественных лугов. Весь послевоенный период ознаменован стихийным стремлением залечить раны, причиненные войной. В полной мере это не удалось до сих пор, но все же следует признать удавшимся до некоторой степени. Средний годовой урожай пшеницы в трехлетие 1921—1923 г.г. был 77 милл. кварт. против 86,4 милл. последнего предвоенного трехлетия.

Учитывая потери войны, мы таким образом должны признать, что французское земледелие развивается, увеличивая постоянный капитал за счет переменного, усиливая инвентарномашинную долю при параллельном сокращении, абсолютном и относительном, доли живого труда. Отсталость заработка сельско-хозяйственных рабочих от заработной платы в промышленности действует на обезлюдение деревни в качестве длительного фактора. Капиталистическая сила выбрасывает из деревни батрака и карликового полубатрака, а среднего крестьянина побуждает механизировать свое хозяйство. Крестьянство через экономику втягивается в водоворот большой политики. В грядущем столкновении между пролетариатом и империализмом крестьянство *не может*, а потому и не захочет, конечно, оставаться нейтральным. Мудрой реалистической политикой (тезисы II конгресса Коминтерна) подавляющее большинство крестьянства может быть привлечено на сторону социальной революции. Этого властно требует не только политика революции, но и ее экономика. — Не забудем, что Францию кормит Жак Боном — крестьянин-середняк и крестьянин-полубедняк.

Если коммунизм изучает в диалектическом озарении своеобразное конкретное преломление капитала в современной аграрной сфере, то ревизионизм и перелицованное народничество на новый лад повторяют давно сказанные речи. К таким старым речам, пытающимся подвергнуться литературному омоложению, принадлежит характерная книга Н. Суханова, вышедшая ныне вторым изданием после почти пятнадцатилетней передышки. Издательство Наркомзема предпослало книге краткое объяснение переиздания. По совершенно справедливому замечанию «издательства» — столкновение идей рождает истину. Посмотрим, какова же та основная идея, которая сталкивается в лице Н. Н. Суханова с «ортодоксальным» марксизмом? (Повидимому, именно такое столкновение предполагала редакция издательства.) Свои выводы автор скромно называет «гипотезой». Существо этой гипотезы в том, что аграрный капитализм разлагается по мере развития капитализма. Степень развития аграрного капитализма *обратно пропорциональна* вы-

соте капиталистического подъема. «По мере развития буржуазно-капиталистических отношений земледельческое трудовое крестьянство стремится стать *единственным* классом, занятым в сельском хозяйстве... земледельческое производство стремится стать *только* крестьянским, *только* трудовым» (К вопросу... заключение). «По мере развития капитализма должен таять класс сельско-хозяйственных рабочих и класс сельскохозяйственной буржуазии». Из провозглашаемой автором гипотезы он делает «пессимистичный вывод... с точки зрения социализма и рабочего движения»... Вместо пролетарских кадров, организованных в процессе... производства, «рабочая партия уже в период непосредственной борьбы за социализм имеет перед собой огромные массы мелких собственников, распыленных, реакционных и враждебных социализму». Капитализм на аграрном фланге внутри из самого себя порождает не буржуазию и пролетариат, но массу мелких собственников. В то время как пролетариат стремится ввысь... к социализму, порожденный капитализмом трудовой крестьянский — не буржуазный — рак пятится куда-то назад — уж не к варварству ли натурального хозяйства. Своеобразная капиталистическая диалектика, творящая в недрах капиталистического общества не пролетариев и не буржуа, но «трудовых» мелких собственников. Так гласит эта фантастическая гипотеза нашего автора, пытающегося частицу перекроенного истинно русского народничества — под флагом марксизма — протащить в качестве универсального экономического закона. Нам кажется, что коренной грех автора в искусственном расчленении единого в своих основах процесса капиталистического развития. Конкретное *своеобразие* аграрного капитализма автор принимает за отсутствие капитализма в области аграрных отношений. В изображении Н. Суханова капитал отряхнул от ног своих малоприбыльную пыль земледелия и удалился в царство угля и стали, предоставив в деревне поле действия трудовому крестьянству. Произведя над единой капиталистической экономикой эту хирургическую операцию рассечения на две самодовлеющие половины — аграрную и промышленную, — Суханов неизбежно обречен витать в сфере вымыслов на статистической искусственно подогнанной подкладке. То, что он принимает, например, за крушение аграрного капитализма в центральном промышленном районе до революции, на самом деле было движением от натурального хозяйства к капитализму — отделением промышленности от земледелия. Не аграрный капитализм разлагается в рамках капиталистически поднимающегося общества, но аграрный феодализм, груз которого капитал тащит на себе в виде ренты и земельной собственности... На место помещичьего и старо-крестьянского продовольственного хозяйства приходит крестьянин товаропроизводитель (мы говорим о Зап. Европе), олицетворяющий собой тип раннего ремесленно-мануфактурного капитализма. Крестьянин превращается в мелко- и средне-капиталистического фермера, втягиваемого всем своим экономическим существом в механику капиталистического строя. Одновременно с этим стремительно совершается капиталистическое подчинение колоний — процесс, который в основе своей есть не что иное, как капиталистический захват многих миллионов — ранее в себе замкнутых — крестьянских хозяйств.

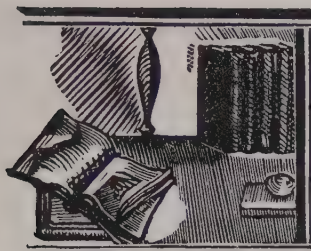
В предисловии автор сожалеет, что не смог для переиздания своего труда использовать того, что «за последние 10 лет было добыто, напр., в трудах А. В. Чаянова или такого корифея и орла земской статистики, как Г. И. Баскин»... Их исследования, по мнению автора, не должны «оставаться без следа для будущих исследователей крестьянского хозяйства». И, действительно, трудно пройти мимо и не остановиться на работах проф. Чаянова, этого наиболее яркого представителя так наз. ново-народничества в русской экономической литературе. От своих идеологических единомышленников проф. Чаянов выгодно выделяется теоретической искренностью. Он отчетливо формулирует свои положения и логически доводит их до конца. К сожалению, до сих пор еще не появилась на русском языке его сводная работа по теории крестьянского хо-

зяйства, опубликованная на немецком языке [1]). «Новая Деревня» в минувшем году выпустила в свет сборник теоретических статей этого автора о крестьянском хозяйстве под заглавием «Очерки по экономике сельского хозяйства». К помянутой немецкой книге проф. Чаянова статьи эти служат хорошим характерным дополнением. Тов. Л. Крицман, снабдивший «Очерки» препроводительным предисловием, объективно правильно квалифицирует «теорию крестьянского хозяйства», как «политическую экономию, стоящую на точке зрения экономически реакционного мелкого буржуа». Для полунатурального «трудового» крестьянского хозяйства естественным пределом его продукции является «соразмерность напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи». Говоря иначе, потребление в таком хозяйстве есть решающий фактор при определении размеров и трудового объема производства. Если бы не было потребностей, т.-е. не было бы жизни, то не было бы и производства. — Бессодержательное общее место, которое ни на иоту не приближает нас к уразумению конкретной исторической природы полунатурального, иными словами, вовлекаемого в товарно-капиталистическое обращение, крестьянского хозяйства. В лучшем случае, мы имеем здесь одну из тех фантастических робинзонад, которые некогда так любила политическая экономия.

Но робинзонаду неудачную — потому что методологически она нам ничего не объясняет. При данной технике, данных производительных силах и данном культурном уровне (минимальном жизненном уровне потребностей) даны также структура и размеры производства. При определенных объективных условиях, независимых от хозяйствующего субъекта, с неизбежностью получатся те или иные размеры, та или иная предельность производства. Но полунатуральному хозяйчику кажется, что каждый сам кузнец своего счастья и что он как бы из самого себя излучает экономическую форму своей жизни. Эту мелко-буржуазную иллюзию проф. Чаянов облекает в абстрактный математический костюм.

«Едок» или потребление есть решающий момент в экономике «трудового» полунатурального хозяйства. Появление новых едоков или естественное размножение влияют таким образом на количественный рост продукции. Увеличение запашки подчинено росту населения. Это дает основание т. Крицману теорию проф. Чаянова назвать физиологической теорией. «Физиологическая» теория любопытна как идеологическое преломление объективных процессов аграрного перенаселения, сопутствующих мукам развития капитализма. Аграрное перенаселение — этот закон определенной исторической эпохи капиталистического накопления — возводится в вечный абсолютный закон, в котором воплощена экономика трудовых полунатуральных хозяйств. В «Опыте изучения изолированного государства» — самом интересном из очерков — автор с бессознательной иронией рисует государство трудовых земледельцев и ремесленников (?), которые неудержимо влекутся к варварству и нищете, повинуясь физиологическому закону размножения. Такие построения интересны, как идеологические документы, но совершенно лишены научной значимости. Ведь одно из наиболее блестящих теоретических достижений марксизма есть та истина, что «всякому особенному историческому способу производства свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вмешивается человек».

[1]) «Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft». О ней смотри «Печать и Революция», 1924 г., кн. 4, стр. 183—184.



ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНЕ И ЛЕНИНИЗМЕ.

1. ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА. 1924 — янв.— 1925. Ленин, о Ленине, о ленинизме. *В. Невского.*— 2. П. КЕРЖЕНЦЕВ. Чему учит Ленин. *В. Адоратского.* — 3. I. В. АДОРАТСКИЙ. О теории и практике ленинизма (революционного марксизма). II. И. ЛУППОЛ. Ленин в борьбе за диалектический материализм. *Г. Баммеля.* — 4. П. СТУЧКА. Ленинизм и государство. *В. Адоратского.* — 5. С. ГИРИНИС. Ленин и профессиональное движение. *В. Яроцкого.* — 6. Н. ЛЕНИН. Аграрный вопрос и марксизм. *Ю. Вильдо.* — 7. ЛЕНИН. От блокады до признания. *М. Павловича.* — 8. Г. ЗИНОВЬЕВ. На смерть Ленина. *Д. Биленкина.*

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА 1924 — 21 января — 1925. Ленин, о Ленине, о ленинизме. «Московский Рабочий». 1925 г. Стр. XLVIII+323.

Прекрасная книга с большой вступительной статьей т. Л. Каменева «Год без Ильича» (доклад на собрании ответственных партийных работников МК РКП (б) 10 января 1925 г.). Прекрасная потому, что сделан очень удачный выбор статей и воспоминаний, рисующих личность Ленина и с разных сторон и в различные эпохи его деятельности. Книга разделена на отделы в соответствии с революционной деятельностью В. И.,— годы марксистского самоопределения, тюрьма и ссылка 1895—1900 г.г., эпоха старой «Искры» 1900—1904 г.г. и т. д. Есть несколько воспоминаний и о детстве и юношеских годах жизни нашего вождя. Конечно, даже самые пламенные и пропитанные любовью воспоминания не могут заменить живого Ленина, но с чувством величайшей благодарности к авторам читаешь некоторые строчки воспоминаний, ибо вместе с мемуаристами переживаешь все то, что связано с именем Ленина. Из воспоминаний о детских и юношеских годах особенно выделяется отрывок М. И. Ульяновой «К новому пути». Здесь обрисована настойчивость, упорство в достижении намеченной цели и любовь к чтению, которыми отличался уже тогда В. И. «Он умел не только читать книги,— говорит М. И. Ульянова,—он умел изучать их, он штудировал их, составлял конспекты, делал выписки». «Целыми днями проводил Владимир Ильич за книгами, отрываясь только для прогулок и для разговоров и споров с тем небольшим кружком товарищей, которые так же, как и он, подготовляли себя к революционной работе. И это уменье работать, это упорство осталось за ним во всю жизнь» (стр. 12). Из периода петербургской работы в 90-х годах очень интересный отрывок из воспоминаний М. Сильвина, товарища В. И. по работе в «Петербургском Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Интересно в этих воспоминаниях то, что черта характера, подмеченная Сильвиным и отмечаемая и другими внимательными наблюдателями, выявлена очень рельефно: способность Ленина связать самые отвлеченные теоретические положения с самой животрепещущей практикой. Сильвин рассказывает, как В. И. сделал из прений по поводу реферата Г. Б. Красина «О рынках» «поворотный пункт» жизни того кружка соц.-дем., из которого вырос Союз. «На реферате Красина, — говорит Сильвин, — он очень резко поставил вопрос об академичности, даже догматичности всей нашей работы, в особенности практической работы». «О рынках,—говорил он в заключении своей пламенной

речи, — позаботится наша буржуазия, а мы должны позаботиться о том, чтобы вызвать к жизни массовое рабочее движение в России, между тем мы для этого ничего не делаем или почти ничего» (стр. 22).

Теоретическая мощь и выдающаяся эрудиция В. И. уже тогда поражали современников, и это очень хорошо подчеркнуто в воспоминаниях М. Сильвина.

Воспоминания рабочего В. Князева «В рабочем кружке» очень красочно описывают В. И., как конспиратора и вместе с тем отзывчивого товарища, умевшего подойти к самому рядовому рабочему.

Из воспоминаний времен тюрьмы и ссылки необходимо отметить чудесный отрывок П. Лепешинского о жизни в селе Игуменском.

В высшей степени интересными воспоминаниями в сборнике являются воспоминания М. Н. Лядова, рассказывающего об эпохе старой «Искры». В этих воспоминаниях В. И. встает как живой. Вот, напр., что рассказывает т. Лядов о поездке В. И. на могилу Маркса в Лондоне.

«В Лондоне, в первое же свободное воскресенье, Ильич повез нас на могилу Маркса. Он, видно, не раз бывал там до нас. Хотя пришлось ехать чуть ли не на противоположную сторону гигантского города и надо было несколько раз менять трамваи и омнибусы, Ильич обнаружил превосходное знакомство с городом и повел нас наикратчайшей и наиболее дешевой дорогой. На кладбище, хотя он знал, где расположена могила Маркса, он предложил для опыта спросить сторожей, знают ли они, где эта могила. Как он и предвидел, никто из сторожей не знал, все направляли нас за справками в контору. «Видно, не очень часто ее посещают», сказал Ильич и повел нас прямиком к могиле» (стр. 46). Очень хорошо обрисована в этих воспоминаниях обстановка жизни В. И., необыкновенная простота, в некоторых отношениях даже скудость, часто недостатки во всем необходимом и вместе с тем необыкновенный уют, сердечность, приветливость и необыкновенное влияние обаятельной личности вождя встречали большевики в скромной квартире Ленина.

Прекрасно обрисована Лядовым и та черта характера Ленина, которую прочие мемуаристы как-то не оттеняют, это—отвращение В. И. к спорам, борьбе, коль скоро эта борьба влекла за собою раскол в среде рабочего класса, и вместе с тем твердость и решимость итти на эту борьбу, как скоро она была необходима и неизбежна.

Рассказ Лядова о начале нашей газеты «Вперед» в высшей степени интересен (стр. 53 и 54). В высшей степени интересен и отрывок т. М. Васильева-Южина, рассказывающего о планах, бродивших в голове В. И. в связи с восстанием на «Потемкине».

Довольно хорошо подобраны отрывки, рисующие В. И. и во время реакции и во время войны. Тем более поражает скудость отрывков, рисующих В. И. во время октябрьского переворота: здесь дан только отрывок т. Подвойского и разговор Ленина с Кронштадтом по прямому проводу, между тем как в этой области есть кое-какие интереснейшие воспоминания рабочих, входивших в соприкосновение с Лениным и наблюдавших его за работой.

Воспоминания о больном Ильиче поразительно интересно, сжато и в высшей степени ярко выражают то огромное влияние, какое оказывал В. И. даже на людей буржуазной науки. Из новых воспоминаний нужно отметить «письмо в деревню» рабочего Буланова.

Сборник (несмотря на некоторые погрешности, напр., на стр. 29 в заглавии отрывка воспоминаний Сильвина сказано «С Плехановым и Мартыновым», нужно читать «Мартовым») составлен умело и любовно.

Эту книгу можно рекомендовать как в высшей степени полезное и положительно освежающее душу чтение: читатель постепенно по мере чтения рисует себе нашего незабываемого В. И., становится как-то легче жить среди нынешнего базара житейской суеты и верится, что с заветами Ленина мы победим все препятствия и затруднения. Тем и велик наш Ленин, что малейшая черточка из его жизни рисует его как истинного вождя, до самозабвения отдававшего

себя служению трудящихся масс, сливавшегося с ними и признанного ими, как никто.

Восстанавливая образ В. И., читатель, несмотря на скорбь от потери (а для скорби, само собой разумеется, в наше трудное время так много оснований), чувствует одно, доминирующее над всеми настроение: с такими заветами, как Ленин, и с таким народом, который создал Ленина, победит та партия, вождем которой он был.

В. Невский.

П. М. КЕРЖЕНЦЕВ. Чему учит Ленин. С иллюстрациями. Государственное Издательство. Ленинградское отделение. Ленинград — Москва. 1925 г. Стр. 94.

На стр. 86 автор совершенно правильно отмечает, что для того, «чтобы понять ленинизм, мы должны знать особенности тех уклонов, в борьбе против которых он вырос». Но этого мало, надо знать также и ту конкретную обстановку, в которой сложился и вырос большевизм. Конечно, для такой обширной темы рамки одной брошюры очень узки. Автор дает лишь краткое введение в круг вопросов, связанных с изучением ленинизма.

Первые пять глав брошюры (20 страниц) охватывают период до революции 1905 г. В них дается краткая характеристика марксизма как революционной теории пролетариата, понятие о борьбе с народничеством, о создании нелегальной партии, которая объединила разрозненную, кустарническую работу отдельных революционных марксистских кружков, о борьбе с оппортунизмом (экономизм, меньшевизм).

Главы 6—9 брошюры посвящены революционному периоду 1905 г. В них дается понятие о роли отдельных классов в революции (буржуазия, крестьянство, пролетариат) и о различии тактики большевиков и меньшевиков. Главу 8 следовало бы, собственно говоря, озаглавить не «диктатура пролетариата», а «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», о которой и идет речь в этой главе.

Характеризуя тактику большевиков, т. Керженцев приводит слова В. И.: «Марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, при чем не «выдумывает» их, а лишь *обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собой в ходе движения*» (34—35). Это показывает, какое большое значение имеет для ленинизма изучение всего исторического процесса, изучение всей конкретной обстановки, в которой развивалась борьба, и возникали те или иные явления в жизни партии. В частности, та глава, которая посвящена в брошюре годам реакции (гл. 10), должна быть несколько расширена. Здесь необходимо отвести несколько больше места этому чрезвычайно важному периоду в истории партии и несколько подробнее рассказать об обстановке, в которой тогда приходилось вести борьбу, и о всем громадном значении этой борьбы. В этой главе очень мало сказано о ликвидаторах. На стр. 38 говорится: «Как раз в эти годы меньшевики (и небольшая часть большевиков) (?) стали проповедывать ненужность нелегальной организации, которая, якобы, вырождается в кружковщину, отрывается от масс и пр. Создалось течение «ликвидаторов». Само собой понятно, что ликвидация подпольной организации, в сущности, равнялась ликвидации партии вообще».

Ниже (стр. 41—42) автор пишет: «На ряду с руководством «Правдой» и думской фракцией, Ленин продолжал за границей тщательное и упорное восстановление партии и ее организации. В 1910 г. собрался последний пленум ЦК партии, на котором были представлены и большевики и меньшевики. После объединительного съезда 1906 г. партия формально считалась единой, но фактически имела два руководящих центра. Этот пленум лишний раз показал, что совместная работа с меньшевиками невозможна. Надо было создать партию целиком большевистскую. В начале 1912 г. большевики созвали в Праге конференцию, которая формально провозгласила

большевистские организации — партией, большевистский центр — Ц К партии, большевистскую газету—ее центральным органом. С меньшевиками было окончательно порвано». Этого слишком мало читателю, мало знакомому с историей партии, только приступающему к ее изучению,— необходимо, хотя бы и кратко, но все же рассказать о борьбе, которую пришлось вести в 1909—1911 г.г., о том громадном значении, которая имела Пражская конференция 1912 г. Не даром В. И. после этой конференции писал с удовлетворением Горькому: «Наконец, удалось — вопреки силе ликвидаторской сволочи — *возродить партию и ее Ц К*. Надеюсь, вы порадуетесь вместе с нами».

В дальнейших главах: «Мировая война», «Октябрьская революция», «Партия у власти», «Республика Советов», «Выход из войны», «Союз рабочих и крестьян», «На хозяйственном фронте», «Национальный вопрос», «III Интернационал», «Троцкизм и ленинизм», «Социалистическая революция», «Строительство социализма» — в очень сжатом виде (каждой главе отведено 3—4 страницы) дано изложение соответственных вопросов. В этой части сжатость не так вредит, потому что речь идет о событиях, которые более близки к нам по времени. Несмотря на чрезвычайную сжатость изложения, брошюра все же вводит в круг вопросов, связанных с ленинизмом, и полезна для предварительного изучения. Приведено довольно много подлинных слов В. И. Ввиду того, что брошюра рассчитана на массового читателя, следовало бы, по возможности, избегать иностранных слов и оборотов («полемизировать», «ставить вопрос на конкретную плоскость», «монолитность» и т. д.). Рисунки, приложенные к брошюре, довольно слабы, а рисунок, изображающий В. И. на скале в Швейцарии, едва ли нужен. Ничто не было более чуждо Ильичу, чем какая бы то ни было поза.

В. Адоратский.

В. АДОРАТСКИЙ. О теории и практике ленинизма (революционного марксизма). «Красная Новь». Москва 1924 г. Стр. 142.

И. К. ЛУППОЛ. Ленин в борьбе за диалектический материализм. Государственное Издательство. Ленинградское отделение. Ленинград. «Ленинская библиотека». 1924 г. Стр. 56.

Книга т. Адоратского состоит из двух неравных и неравноценных частей: «Марксистская диалектика в произведениях Ленина» и «Политическая деятельность Ленина и его лозунги». Обе части представляют собою статьи, опубликованные — первая в 1920 г. в журнале «Печать и Революция», вторая — в марте 1924 года в «Молодой Гвардии». Последняя статья в книге значительно дополнена. В заключение дан в хронологическом порядке перечень важнейших статей, брошюр и книг В. И. с краткой характеристикой, а иногда и с несколько более полной передачей содержания.

Выпуская эти статьи отдельным оттиском, автор имел в виду, как он говорит в предисловии, ту огромную потребность в популярной литературе о Ленине, которая особенно ощутима в провинции. «Дать краткую характеристику диалектики Ленина, отметить главные моменты деятельности Владимира Ильича, отметить важнейшие лозунги, выставлявшиеся им, дать небольшое количество отрывков из его произведений, разъясняющие эти лозунги, и таким образом оказать некоторую помощь товарищам, которые приступают к изучению его сочинений, — вот цель настоящей брошюры». Автором эта цель достигнута, если иметь в виду необозримое количество конкретных примеров из истории политической деятельности Ленина, которые, несомненно, ориентируют читателя в вопросах революционного марксизма и в истории русской пролетарской революции. Читателю, который приступает к изучению сочинений Ленина, необходимо познакомиться с важнейшими моментами политической деятельности Ленина, и в этом смысле принесет ему огромную пользу рецензируемая книжка т. Адоратского.

В той постановке вопроса, из которой исходит т. Адоратский, есть, однако, свои опасности. Характеристика политической деятельности В. И. Ленина, которая *исходит* из лозунгов вождя-теоретика, всегда рискует недооценить историческую обстановку, конкретные узловые пункты поворотных периодов исторического развития и из-за лозунгов не понять, не охватить широкого марксистского смысла совершающегося под этими лозунгами события, живого практического единства теории и практики этих лозунгов. Кроме того, историческое чередование лозунгов не должно служить той логической схемой, тем прокрустовым ложем, в которое мы укладываем деятельность политического вождя и тем более такого гиганта теории и тактики революции, каким был Ленин.

Книжка т. Адоратского тем и ценна, что она удачно избегает все эти опасности. Характеристика лозунгов дана цельная, исторически конкретизированная и всецело обоснованная теорией марксистской диалектики. Вывод, к которому придет читатель на основании книжки т. Адоратского, таков: Ленин никогда не действовал от случая к случаю, и теория была для него обоснованием предпринимаемых действий. Этот вывод как нельзя лучше соответствует сущности «теории и практики ленинизма». И тем не менее отправные пункты изложения — исключительное внимание к лозунгам, характерное, вообще говоря, т.-е. *независимо от книжки* т. Адоратского — для всякого созерцательно-обывательского «внешнего» отношения к вещам, из-за деревьев обычно не видящего леса, — это исключительное внимание к лозунгам должно было, хотел этого автор или нет, удалить из поля его зрения одну сторону политической деятельности Ленина, имеющую первостепенное значение.

Это — учение Ленина о партии. А между тем, чем была на пятьдесят процентов политическая деятельность Ленина, если не строительством революционной партии? В указанном недочете, конечно, менее всего повинен сам автор; условная, не всегда правильная постановка вопроса подходить к теории и практике ленинизма с точки зрения исторического чередования лозунгов политической деятельности В. И. Ленина должна быть дополнена сводным систематическим обобщающим изложением теоретического учения Ленина. Повторное издание, несомненно, понадобится, и этот недочет легко исправить, дополнив книжку специальной главой об учении Ленина о партии, о партии большевизма.

Брошюра т. Луппола, изданная Лигизом по серии «Ленинская библиотека», мала по своим размерам, но велика по своим достоинствам. Брошюра представляет собою перепечатку одной из статей автора, напечатанных в «Молодой Гвардии», и посвящена подробному и систематическому изложению философских взглядов Ленина. Автор разбирает взгляды Ленина примерно в таком порядке: политическое значение всяческих уклонов от марксизма, партийность философии, теория познания материализма, материалистическая диалектика, понятие материи, философское завещание Ленина. Однако особенность (и ценность) брошюры даже не в исчерпывающей полноте изложения, — автор понял свою задачу, как нечто большее, чем изложение. Предельная простота и ясность изложения соединены у него с максимумом требований серьезного методологического характера, отметающих с самого начала всякое упрощенство. Автор не разбрасывается. Не повторяется. Мысль—и при том почти без единой цитаты — развивается стройно, и вся брошюра представляет собою нечто цельное и логически единое. Едва ли это не самое лучшее, что есть сейчас по популярному систематическому изложению философских взглядов Ленина.

Г. К. Баммель.

ЛЕНИНИЗМ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ. І. П. СТУЧКА. Ленинизм и государство (Политическая революция). Изд. «Прометей». Москва 1924 г. Стр. 174.

Материал расположен в книге следующим образом: краткое введение (11 страничек) дает характеристику ленинизма и марксизма, а также марксистской

диалектики. «Ленинизм, это — революционный марксизм эпохи империализма и пролетарских революций» (5). Автор не противопоставляет ленинизм марксизму, но отмечает, что разница между тем и другим в разнице эпохи. «Тысячи периода Маркса превратились в миллионы периода Ленина, марксизм перерос в ленинизм, оставаясь в то же время марксизмом» (5—6).

Дальнейшее изложение распадается на две части. Сначала рассматривается борьба за буржуазную демократию — первый этап революции, тот этап, во время которого «пролетариат, присоединяя к себе крестьянство, нейтрализует либеральную буржуазию и разрушает до конца монархию, средневековье, помещичье землевладение» (25).

Во второй части рассматривается опыт борьбы за Советскую власть, которая ставит себе целью, согласно определению нашей конституции, — автором определения, по словам т. Стучки (57) был В. И., — полное подавление буржуазии, уничтожение эксплоатации человека человеком и водворение социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти (см. Конституцию РСФСР, ст. 9).

Основным в учении марксизма о государстве является учение о диктатуре пролетариата. Всякое государство (в том числе и самое демократическое) является орудием одного класса для подавления другого. Освобождение пролетариата невозможно без насильственной революции. «Только негодяи и дурачки могут думать,—писал Ленин,—что пролетариат сначала должен завоевать большинство при голосованиях, производимых под гнетом буржуазии, под гнетом наемного рабства, а потом должен завоевать власть. Это — верх тупоумия или лицемерия, это — замена классовой борьбы и революции голосованиями при старом строе, при старой власти» (65). Мелкобуржуазная боязнь революционных потрясений сказывалась в различных формах мелко-буржуазного, соглашательского, эволюционного социализма. В настоящее время они забыты и стали предметом изыскания историков. Но сама мелкая буржуазия с ее ограниченностью и страхами жива, и ее интересы сказываются в новых формах, между прочим в учении Каутского и К⁰ о «чистой демократии», в протестах против «варварского», «азиатского» большевизма, проводящего политику диктатуры. Однако, как это доказано — в течение семилетнего существования Советской власти, — диктатура в СССР является гигантским расширением демократии для трудящихся. Это есть диктатура большинства над кучкой насильников. «Для нас важно привлечение к управлению государством *поголовно* всех трудящихся. Это—гигантски-трудная задача. Социализм не может ввести партийное меньшинство. Его могут ввести только десятки миллионов, когда они научатся все делать сами» (69). И Советская власть действительно добивается вовлечения масс в работу государственного строительства.

Конкретные условия борьбы требуют конкретного разрешения встающих задач и ответа на ряд вопросов, учитывающего все обстоятельства. В целом ряде подразделений: об «аппарате государства», о «буржуазной» и «пролетарской» демократии, о «национальном вопросе» и крестьянстве, о «государстве и партии» и т. д. даются отдельные образцы того, как ленинизм отвечает на эти вопросы.

Последний отдел книги касается периода новой экономической политики. Смысл этой политики «не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму», не «атака», а «осада» (164). Но осада не есть примирение, прекращение или ослабление борьбы. Нельзя забывать, что обостренность борьбы при нэпе не исчезает. Тов. Стучка приводит слова Владимира Ильича, что и при нэпе идет «отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом» (171).

Изложение в ответах на вопросы безусловно популярное и почти исключительно словами самого В. И. Книжка, несомненно, будет содействовать ознакомлению широких слоев с учением Ленина о государстве.

В. Адоратский.

С. В. ГИРИНИС. Ленин и профессиональное движение. 2-е дополненное изд. Изд. МГСПС. «Труд и Книга». Москва 1925 г. Стр. 80. Тираж 25 тысяч.

Данная работа выдерживает уже второе издание, при чем это издание имеет большой тираж в 25 тысяч экз. Редакция в предисловии говорит, что «интерес к тому, как относился Владимир Ильич к вопросам профдвижения, так же огромен, как и ко всему, что Владимир Ильич писал и говорил». И сопоставляя оба факта, невольно приходишь к выводу, что, действительно, выход в свет второго издания данной книжки представляет собою яркую иллюстрацию того напряженного внимания, каким пользуются сейчас всевозможные сборники цитат из Ленина. Ибо по внутренним своим достоинствам брошюра С. В. Гириниса едва ли сама по себе, без окружающего ее ореола имени Ленина, могла бы рассчитывать на такое широкое распространение.

Прежде всего, едва ли разумен примененный Гиринисом метод составления брошюры. Ленин — необычайно *цельная* теоретическая величина; его работы никоим образом не поддаются *сокращениям и урезкам*. Каждая строчка в них, это— полновесная теоретическая мысль, даже тогда, когда Ленин в ней дает практическую директиву. Можно ли, напр., представить себе взгляд Ленина на общественную функцию профессиональных союзов, не прочитав *целиком* всей брошюры. «Еще раз о текущем моменте, о роли профсоюзов и об ошибках т.т. Троцкого и Бухарина»? Конечно, нет. Без блестящего разъяснения понятия «диалектическая логика» пропадает глубина вывода: «профсоюзы, школа коммунизма, школа самоорганизации и т. д.». И так дело обстоит *с каждой* работой Ленина. Ее нельзя ни сокращать, ни урезывать... А что делает Гиринис? Он пытается *дать ленинизм* путем вырезок из работ и речей Ленина, *соединяемых воедино* вставками «от автора»...

При всем желании усмотреть целесообразность в таком подходе к задаче, мы не можем не признать, что именно отсутствующая в брошюре связь между отдельными положениями Ленина, проводимая *им самим* в своих работах, требовала бы того, чего нет и не может быть, по его же замыслу, в книге Гириниса: чрезвычайно *обстоятельных* комментариев, и при том — комментариев не формальных, а в виде изображения *исторической обстановки*, в которой вырастала и кристаллизировалась та или иная мысль Ленина. Иначе дело необходимо ограничится простым пересказом слов Ленина. А мы знаем, еще со времен Пушкина, что такой пересказ, это —

> Живой картины список бледный
> Или разыгранный Фрейшиц
> Руками робких учениц...

А в «сведенных до минимума комментариях» Гириниса чувствуется эта *ограниченность вводного текста*. Что же получается?

Получается то, что Ленин приобретает *кусочный* характер; от его исключительно сильно формулированных положений, обосновываемых всем контекстом, остаются только сухие *формулы*, т.-е. как раз то *выхолащивание мысли схоластическим к ней подходом*, против которого он всегда сам боролся.

Правда, Гиринис сделал все от него зависящее, чтобы придать отсутствующую работам Ленина в области теории профессионального движения стройность. Он попытался взять весь материал в разрезе *тематической* трактовки— и законность как равно этого, так и тех моментов, на которые он разбил учение Ленина (стихийное и сознательное в рабочем движении, профессиональные союзы в эру капитализма, борьба за профсоюзы при диктатуре пролетариата, Ленин и международное движение) можно признать установленной. Но все это не спасает изложение Гириниса от той *кусочности*, которая вытекает из самого метода составления брошюры...

Это—одна сторона дела. Другая заключается в несколько преувеличенных ожиданиях, которые автор зарождает у читателя. В самом деле, тов. Гиринис в брошюре обещает дать ни больше и ни меньше, как «*все*, что имеется о профессиональном движении в опубликованных до сих пор произведениях В. И. Ленина». Все ли? В том-то и дело, что далеко не все. Из ленинского наследия

дано только немногое, только кусочки находит читатель в этой брошюре в 80 страниц. Не все, а лишь *главное*, что было написано и сказано Лениным по вопросам теории и практики профессионального движения, составляет достаточно объемистую книгу почти в триста страниц (тематический сборник Госиздата). И напрасно думает тов. Гиринис, что читатель *запутывается* в статьях Ленина, на том-де основании, что они «обычно охватывают, на-ряду с профессиональным движением, целый ряд других вопросов». Именно как раз для Ленина *характерно*, что он не выделяет профессионального движения из общеклассовых явлений, что он в своем теоретическом построении *органически увязывает их. И знать эту увязку значит усвоить ленинизм в профессиональном движении.* Таким образом, «*всего*»-то Гиринис и не дает...

«Указатель имеющихся в печати произведений Ленина, освещающих вопросы профессионального движения», точно так же составлен далеко не полно. Он содержит 34 названия. Между тем, изданные до сих пор работы Ленина, имеющие непосредственное отношение к его теоретическим и практическим положениям в области профессионального движения, насчитываются в большем числе (нам известно 51 название).

Не будучи, таким образом, *самостоятельным исследованием* ленинизма в профессиональном движении, не являясь и популяризацией учения Ленина (для этого несколько тяжеловесен язык Гиринса, да и «кусочки» из работ Ленина нельзя признать достаточно популярными), эта брошюра оказывается *коллекцией цитат*, требующей для правильного использования предварительного знакомства с ленинизмом. Ее можно рекомендовать, в качестве справочника, кружководам и лекторам, уже подготовленным к своей работе, но не в качестве книги для чтения...

В. Яроцкий.

Н. ЛЕНИН. Аграрный вопрос и марксизм. Государственное Издательство. Ленинградское отделение. Ленинград 1924 г. Стр. 267.

Сборник состоит из 3-х больших разделов.

Первый посвящен критике булгаковской «критики» Каутского. Шаг за шагом прослеживает Ленин и разбивает аргументацию Булгакова против Каутского (и Маркса). В этой статье, блестяще излагающей в сжатом, концентрированном виде старого Каутского - ортодокса, красной нитью проходит, как и во всех последующих работах, непримиримая борьба с мелко-буржуазными (и просто-буржуазными) попытками приодеть мелкое крестьянское хозяйство, страдающее и изнывающее при капитализме, в добротный «хозяйственный» костюм и прикрыть под видом общего благополучия трудовых сельских хозяйств «крестьянское искусство голодать».

Весь раздел представляет огромный теоретический интерес. Нельзя в журнальной заметке даже перечислить те важные и важнейшие вопросы экономики сельского хозяйства, которых касается Влад. Ильич. Здесь и проблема крупного и мелкого хозяйства со стороны технического и экономического превосходства одной формы над другой, и вопросы ренты и с.-х. кризисов и такая общая проблема, всегда привлекавшая внимание социалиста-исследователя, как все растущая разобщенность между городом и деревней в процессе капиталистического развития и порабощение деревни городом. Но все эти теоретические проблемы, так глубоко и метко очерченные, не остаются только блестящими теоретическими конструкциями. Как и все в произведениях Ленина, дающих огромное расширение теоретических горизонтов, теория тесно переплетается здесь и органически слита с практическими выводами революционной борьбы. Особенно ярко это сказывается в статьях: «Г.г. критики в аграрном вопросе», посвященных разбору «критики» «догматического марксизма» со стороны «отечественных» — доморощенных и чужеземных ревизионистов.

Первый попадает под обстрел Булгаков со своим «законом убывающего плодородия почвы», претендующим занять место «кита» всей «теории аграрного развития». Самым внимательным образом Влад. Ильич разбирает доводы противника, доказывает их ложность, абсурдность и делает свой вывод, ставший классическим: «Закон убывающего плодородия почвы» вовсе не применим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь *весьма относительное и условное применение* к тем случаям, *когда техника* остается *неизменной*. Вот почему ни Маркс, ни марксисты и не говорят об этом «законе», а кричат о нем только представители буржуазной науки, вроде Брентано, которые никак не могут отделаться от предрассудков старой политической экономии с ее абстрактными вечными и естественными законами» (курсив наш). Особенно резко обрушивается Влад. Ильич на попытки исказить Маркса, извратить его, поднести его в таком препарированном виде, который приемлем для буржуазного мышления. Булгаков пишет: «Несмотря на очевидно отрицательное отношение к этому закону (закону убывающего плодородия почвы), Маркс усваивает в основных принципах теорию ренты Рикардо, которая построена на этом законе». Ленин по этому поводу замечает: «Утверждение г. Булгакова есть вопиющее извращение истины. На самом деле Маркс не только заметил эту связь теории ренты Рикардо с его ошибочным учением об убывающем плодородии почвы, но и с полнейшей определенностью разоблачил ошибку Рикардо». Кто хоть с капелькой внимания читал III том «Капитала», тот не мог не заметить того в высшей степени «заслуживающего внимания» обстоятельства, что именно Маркс *освободил* теорию дифференциальной ренты от всякой связи с пресловутым «законом убывающего плодородия почвы».

Но Ленин не ограничивается одним теоретическим разбором этого вопроса (что является для него, конечно, в *первую очередь* обязательным).

Он должен вскрыть социально-политическую, классовую подоплеку «закона». И в этом лучше всего помогает сам Булгаков своей формулировкой: «Вся история XIX века... с его проблемами богатства и бедности была бы непонятна без этого закона... Несомненно, что при наличности перенаселения, известная часть бедности должна быть отнесена на счет *абсолютной бедности*, бедности производства, а не распределения». Теперь совершенно очевидно, к чему клонит все это хитро-сплетенное теоретическое построение. Против *«абсолютной бедности»* необходим поход, но уж классовой борьбой, очевидно, мало что сделаешь. Da ist der Hund begraben (здесь собака зарыта). Ленин и ставит крест над этой «теорией» Булгакова: «Что критическое заигрывание с мальтузианством привело в своем неизбежном логическом развитии к самому вульгарному буржуазному апологетизму — это засвидетельствовано в приведенных нами выводах г. Булгакова с не оставляющей ничего желать откровенностью».

В главе о ренте — борьба с тем же Булгаковым и четкое определение Лениным «последствий, которые вытекают, при капиталистической организации земледелия, из *ограниченности земли*, с одной стороны, и из *частной собственности на землю* — с другой. Это ведь две вещи различные». И порождают разные виды ренты: дифференциальную и абсолютную.

Далее идут интереснейшие главы, посвященные немецкому и датскому сельскому хозяйству. На основании целого ряда работ — марксистских, ревизионистских и просто буржуазных, а также официальных статистических данных,— Ленин проводит глубокий научный анализ мелкого, среднего и крупного крестьянского хозяйства и помещичьих хозяйств. Здесь нет возможности хотя бы кратко очертить все интересующие нас вопросы. Укажем лишь, что уже в этой работе Влад. Ильич отчетливо формулирует одно из основных методологических положений, нашедшее особенно подробное изложение и обоснование в его классической работе о капитализме в земледелии С.-А. Соед. Штатов: «О вытеснении крупных хозяйств мелкими не может быть речи уже потому, что одни данные о *площади* хозяйства

недостаточны еще для суждения о *размерах производства*».

Ведя все ту же ожесточенную борьбу с прихорашиванием, приукрашиванием угнетенного положения мелкого крестьянина, Ленин берет для примера Данию, — этот крестьянский «рай»: «идеальная страна с точки зрения противников марксизма в аграрном вопросе показывает нам... резко выраженные капиталистические противоречия в земледелии и скотоводстве, растущую концентрацию сельско-хозяйственного производства, вытеснение мелкого производства крупным, пролетаризацию и нужду громадного большинства сельского населения».

Это подтверждается еще более ярко и выпукло в последнем разделе сборника, специально посвященном развитию капитализма в сельском хозяйстве Соединенных Штатов.

К сожалению, и здесь приходится ограничиться самыми общими штрихами. А эта последняя работа Владимира Ильича является, безусловно, грандиозным явлением в марксистской экономической литературе.

«*Теория не-капиталистической эволюции* земледелия в капиталистическом обществе, защищаемая г. Гиммером, *есть, в сущности, теория громадного большинства буржуазных профессоров, буржуазных демократов и оппортунистов* в рабочем движении всего мира, т.-е. новейшей разновидности тех же буржуазных демократов. Не будет преувеличением сказать, что *эта теория есть иллюзия, мечта, самообман всего буржуазного общества*. Посвящая дальнейшее изложение опровержению этой теории, я буду стараться давать картину капитализма в американском земледелии в ее целом, ибо *одна из главных ошибок буржуазных экономистов состоит в вырывании отдельных фактов, цифр и цифирек из общей связи политико-экономических отношений* (курсив наш). Весь анализ развития капитализма в американском сельском хозяйстве Влад. Ильич проводит по районам, так как *общие тенденции, свойственные капитализму в его динамике, должны в разных районах, сохраняя то же основное направление, принимать неизбежно разные формы*. При таком единственно-научном подходе вполне естественны те выводы, к которым приходит Владим. Ильич, рассматривая эволюцию хозяйств южных штатов и характеризуя именно *раздробление* латифундий (старых рабовладельческих), «на девять десятых вовсе не обрабатываемых, как переход к мелкому *торговому земледелию*» в противовес Суханову (и современным Сухановым), утверждающему, что «мелко-трудовое земледелие здесь расширяет поле своего господства, а капитал оставляет сельское хозяйство для иных областей своего приложения». Далее Ленин изучает применение наемного труда и приводит два расчета, которые «оба показывают нам с несомненностью *рост* капитализма в земледелии Соединенных Штатов, *рост* употребления наемного труда, обгоняющий рост сельского населения и числа фермеров». Подробно исследуются вопросы применения машин и удобрения в разных штатах и по различным группировкам по экономической мощности, в результате чего констатируется:

«Процесс роста и победы капитализма во всех этих случаях *однороден, но неодинаков по форме*. Чтобы понять и точно изучить этот процесс, нельзя ограничиваться шаблонно-мещанскими фразами о «трудовом» земледелии или рутинными приемами сопоставления *одних только количеств земли*» (курсив наш).

Влад. Ильич решительно обрушивается на любителей шаблонных общих определений. Говоря об «основной и главной тенденции капитализма», которая «состоит в вытеснении мелкого производства крупным — и в промышленности, и в земледелии», он, однако, замечает: «Это вытеснение нельзя понимать *только* в смысле немедленной экспроприации. К вытеснению относится также могущее тянуться годами и десятилетиями разорение, ухудшение условий хозяйства мелких земледельцев». Нужно прежде всего «точно определить признаки разорения, которые *вовсе не отличаются простотой и однообразием*, затем... вскрыть эти признаки, проследить и, по возможности, учесть широту их распространения, изменение их во вре-

мени» (курсив наш). Но возможно ли точное изучение этой «основной и главной тенденции» капитализма, применяя только официальные статистические группировки по количеству земли? На это Ленин отвечает: «*Группировка по площади* земли соединяет вместе крупные и мелкие хозяйства, раз они похожи *по размеру землевладения*, соединяет вместе хозяйства с совершенно различными размерами производства, такие, в которых преобладает семейный труд, с такими, в которых преобладает наемный (курсив наш)... От этого получается не менее фальшивое и не менее нравящееся буржуазии *прикрашивание положения мелких земледельцев*, получается апологетика капитализма». Ответ вполне определенный, и он же наглядно демонстрируется и подтверждается Влад. Ильичем в ряде таблиц. Ленин дает свой метод, выдержанный и острый, действительно способный вскрыть различные стороны социально-экономических отношений в сельском хозяйстве и их основные, главные тенденции. Метод Ленина сводится к применению «рациональных, приспособленных к техническим особенностям земледелия приемов исследования, в том числе применение *группировок по величине производства, по сумме денежной стоимости продуктов, по частоте и размеру употребления наемного труда*». Такое применение группировок «должно будет возрастать, пробивая себе дорогу через густую сеть буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков и стремлений прикрасить буржуазную действительность». К сожалению, не только американская (буржуазная), но и наша (советская) статистика еще не стала на этот путь и только, кажется, начинает делать первые шаги в том направлении, на которое уже давно указывал Ленин, как на единственно правильное.

На этом мы обрываем, считая необходимым лишь привести характеристику положения капитализма в земледелии, данную Лениным в 1918 году: «Капитализм в земледелии находится в стадии ближе к мануфактурной, если сравнить его эволюцию с эволюцией промышленности, чем к крупной машинной индустрии. Ручной труд преобладает еще в земледелии, и применение машин, сравнительно, чрезвычайно слабо. *Но приведенные данные вовсе не доказывают невозможности обобществления земледельческого производства и на данной ступени его развития* (курсив наш). Кто держит в руках банки, тот непосредственно держит в руках треть всех ферм Америки, а посредственно господствует над всей массой их. *Организация производства по одному общему плану в миллионе хозяйств, дающих более половины общей суммы всего производства*,— вещь, при современном развитии союзов всякого рода и техники сношений и транспорта, *безусловно осуществимая*» (курсив наш). С тех пор прошло более десятка лет и капитализм в земледелии сделал новые большие завоевания, еще решительнее подтверждая вывод, сделанный Лениным в *1918* году.

На фоне буржуазного и мелко-буржуазного господства в аграрной литературе Ленин и Маркс (и *старый* Каутский) выступают, как единственные гениальные теоретики.

Это и единственные наши учителя в смысле метода и основных подходов. Такую книгу нужно было издать в хорошем, крепком переплете: к ней приходится и придется возвращаться и черпать в ней все новое и новое много раз.

Ю. Вильдо.

ЛЕНИН. От блокады до признания. Государственное Издательство Украины. 1924 г. Стр. 237. С предисловием А. Шлихтера.

В данном сборнике приведены речи и извлечения из речей Ленина по международному положению за период с 26 октября 1917 г. по 19 ноября 1922 г. Весь этот ценнейший материал расположен в хронологическом порядке и охватывает самое трудное, наиболее драматическое пятилетие существования Советской республики. При чтении этих страниц, как живой, встает образ великого вождя рабоче-крестьянских масс, и вместе с тем встает перед глазами вся эта бессмертная эпопея борьбы Советской республики с оружием в руках против всего капиталистического мира.

В краткой рецензии невозможно, хотя бы в самой сжатой форме, изложить содержание этих речей, столь богатых гениальными мыслями, освещающими настоящее и подымающими завесу будущего, да это и не входит в нашу задачу.

В своих речах Ленин неоднократно ставил вопрос: как объяснить, что Россия разоренная, ослабленная, измученная после империалистической войны еще и гражданской войной, выходит победителем из борьбы с капиталистическим миром?

Как я уже подчеркивал в моей книге о Ленине (Мих. Павлович. Ленин. Материалы к изучению ленинизма), едва ли кто-нибудь из государственных деятелей Европы и теоретиков социализма, не исключая и наших русских марксистов, так ясно понимал и так ярко подчеркивал все значение международной обстановки и так называемых внешних факторов во внутренней жизни вообще, в победах и поражениях революции —в особенности.

Самую возможность Октябрьской революции и триумфальное шествие Советской власти в течение многих недель и месяцев после Октября т. Ленин объясняет благоприятно сложившейся для нас международной конъюнктурой.

«Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, то только потому, что *специально сложившиеся условия* на *короткий момент прикрыли нас от международного империализма* [1]). Международный империализм, обладающий мощью всего объединенного капитала и всею мощью военной техники, представляет гигантскую реальную силу, которая ни в коем случае, ни при каких условиях ужиться рядом с Советской республикой не могла и по своему объективному положению и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в ней воплощен, не могла в силу торговых связей, международных и финансовых отношений. Тут конфликт представлялся неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема — необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделав переход от нашей революции, как узко-национальной, к мировой. Эта задача стояла перед нами со всеми невероятными трудностями.

«Империалистические хищники, втянутые в эту борьбу, которая дошла до невероятных пределов, до мертвой схватки, попали в такое положение, что ни одна из борющихся групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против революции не могла. Мы попали как раз в такой момент в Октябре, наша революция случилась как раз, — это парадоксально, но справедливо, — в счастливый момент, когда неслыханные бедствия обрушились на громадное большинство империалистических стран в виду уничтожения миллионов людей; на четвертом году войны, когда она измучила народ неслыханными бедствиями; когда воюющие страны подошли к тупику, к распутью; когда стал объективный вопрос, смогут ли дальше воевать доведенные до подобного состояния народы. Только благодаря тому, что наша революция произошла в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно броситься друг на друга, ни соединиться против нас. *Только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать свое блестящее триумфальное шествие* по Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию».

В своих речах Ленин неоднократно подчеркивал противоречие интересов. разделяющих капиталистические державы. В речи на 1-м Всероссийском Съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. Ленин так характеризует отношения между державами Антанты:

«Между самими буржуазными странами разгорается большая грызня. Америка и Япония накануне того, чтобы броситься друг на друга, потому что Япония отсиделась во время империалистической войны и забрала себе почти весь Китай, а там 400 миллионов человек. Господа империалисты говорят: «Мы за республику, мы за демократизм, но

[1]) Курсив везде наш. *М. П.*

почему же японцы воровали из-под нашего носа больше, чем следует». *Япония и Америка накануне войны*, и удержать эту войну, в которой еще будет убито 10 миллионов и 20 искалечено, нет никакой возможности. Франция тоже говорит: «Кому достались колонии? — Англии». *Франция победила, но она в долгу, как в шелку, у нее безвыходное положение, между тем как Англия обогатилась.* Там снова уже начинаются новые комбинации и союзы, там снова хотят броситься друг на друга из-за дележки колоний, и империалистическая война снова нарастает, и удержать ее нельзя,—нельзя не потому, что капиталист в отдельности злой человек, — каждый из них в отдельности человек, как человек, — но потому, что они иначе не в состоянии вырваться из финансовых пут, потому что весь мир в долгу, в кабале, потому что частная собственность привела и будет приводить всегда к войне».

Если Антанта в борьбе с Советской республикой не могла победить уже в силу противоречия интересов, разделявших капиталистические державы, наоборот, советская страна одерживала победы прежде всего благодаря той дисциплине, централизации, самопожертвованию, которые были проявлены рабоче-крестьянскими массами в жестокой войне с капиталистическими хищниками, с мировым империализмом.

«Только благодаря тому, — говорит Ленин, — что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек, шли десятки, сотни, тысячи, и в конечном счете — миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двукратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить. Разумеется, мы не только подчеркиваем эту сторону дела, но мы должны иметь в виду, что эта сторона дела составляет урок, что без дисциплины и без централизации мы никогда не осуществили бы этой задачи. Принесенные нами неслыханные жертвы для спасения страны от контр-революции, для победы русской революции над Деникиным, Юденичем и Колчаком есть залог всемирной социальной революции. Для того, чтобы это осуществить, надо было бы, чтобы была дисциплина партии, строжайшая централизация, абсолютная уверенность в том, что неслыханно тяжелые жертвы десятков и сотен тысяч людей помогут проведению в жизнь всех этих задач, что это действительно может быть сделано и обеспечено. А для этого нужно было, чтобы наша партия и тот класс, который осуществляет диктатуру рабочего класса, чтобы они были элементами, объединяющими миллионы и миллионы трудящихся и в России, и во всем мире».

Если подумать о том, что же лежало, в конце концов, в самой глубокой основе того, что такое историческое чудо произошло, что слабая, обессиленная, отсталая страна победила сильнейшие страны мира, то мы видим, что это — *централизация, дисциплина и неслыханное самопожертвование.*

Историю вмешательства Антанты Ленин в речи от 6 декабря 1919 г. делит на три главных этапа, из которых каждый дал нам одну за другой глубокую и прочную победу.

Первым этапом, естественно, более близким и более легким для Антанты, была ее политика разделаться с советской Россией при помощи ее собственных войск. Конечно, после того как она победила Германию, она имела миллионные армии, еще не заявившие прямо о мире и не сразу пришедшие в себя от того пугала германского империализма, которым их пугали во всех западных странах; конечно, в такое время, с точки зрения военной, с точки зрения внешней политики, для Антанты ничего не стоило взять одну десятую своих войск и направить в Россию...

...Чем же объяснить, что эта попытка потерпела неудачу? Она кончилась тем, что Антанте пришлось убрать из России войска, потому что войска Антанты оказались неспособными вести борьбу против революционной советской России. Это всегда, товарищи, составляло для нас главный и основной аргумент

С самого начала революции мы говорили, что мы представляем из себя партию интернационального пролетариата, и как бы ни велики были трудности революции, придет время, и в самый решительный момент скажется сочувствие, солидарность рабочих, угнетенных международным капитализмом. Нас за это обвиняли в утопизме. Но опыт нам показал, что нам не всегда и не на все выступления пролетариата можно рассчитывать. Но можно сказать, что за два года всемирной истории мы оказались в тысячу раз правы. Попытка англичан и французов своими войсками задушить советскую Россию, попытка, которая обещала наверняка самый верный и самый легкий военный успех в кратчайшее время, эта попытка кончилась крахом.

После этой первой победы наступила вторая эпоха вмешательства Антанты в наши дела. Во главе каждой нации стоит опытная группа политиков, у которой имеется великолепный опыт, и потому они, проиграв эту ставку, поставили ставку на другое, пользуясь своим господством над всем миром... На этом была основана новая политика, которую они сделали, — заставить те маленькие государства, которые Россию окружают и которые освободились только во время войны и получили возможность объявить себя независимыми,—Польша,Эстляндия, Финляндия, Грузия, Украина, — попытаться эти маленькие государства заставить воевать против России на английские, французские и американские деньги.

Черчилль заявил, что на Россию будут наступать 14 государств, к сентябрю падет Петроград, а к декабрю — Москва.

Мы выиграли тяжбу с международным империализмом в этом серьезном международном испытании. Но как мы ее выиграли? Как могло быть такое чудо?.. Мы стояли слабо вооруженными, измученными и говорили финляндским рабочим, которых финляндская буржуазия задавила: «Вы не должны воевать против нас». Антанта стояла во всей силе своего вооружения, своего внешнего могущества, всех своих продовольственных благ, которые она могла дать этим странам, и требовала, чтобы они боролись против нас. Мы выиграли эту тяжбу. Мы выиграли потому, что у Антанты своих войск, которые она могла бы бросить против нас, уже не было. Она должна была действовать силой маленьких народов, а маленькие народы, не только рабочие и крестьяне, но даже порядочная часть буржуазии, раздавившая рабочий класс, в конце концов не пошли против нас.

Второй этап международного вмешательства, это — наша вторая всемирно-историческая победа. Мы отвоевали у Англии, Франции и Америки их рабочих и крестьян, а также отвоевали у них эти маленькие народы, которые все были против нас. Они осуществили по отношению к нам дружественный нейтралитет и пошли против всемирно-могущественной Антанты, ибо Антанта была хищником, который хотел их давить.

Наши победы не окончились только этим. Мы начали отвоевывать у Антанты в ее собственных странах мелкую буржуазию и образованное мещанство, которое целиком было против нас».

Речи Ленина о международном положении представляют собой, как правильно указывает т. Шлихтер, наиболее блестящие и проникновенные образцы революционной тактики и стратегии. Эти речи нужно читать и перечитывать, их нужно изучать, чтобы понять метод Ильича и вместе с тем научиться разбираться в международном положении. Ленин был революционным реалистом, врагом фантазерства, он вел жестокую борьбу с революционной фразой. «Надо, — говорил он, — воевать с революционной фразой». Он умел, как никто, учитывать все условия внутреннего и внешнего положения, и свои гениальные способности в этом отношении он ярко проявил в эпоху брестских переговоров, в борьбе против революционных фраз Троцкого, Пятакова, Бухарина, Радека и т. д. о «революционной войне» против Германии. Если бы победила точка зрения противников Ленина в этом вопросе, в таком случае, как предостерегал Ленин, про нас говорили бы теперь горькую правду: «Революционная фраза о революционной войне погубила революцию».

Ленин был не только величайшим писателем, несравненным оратором, великим государственным деятелм, строителем невиданного дотоле в мире советского государства, более великим, чем Петр I,

строивший Россию по имевшемуся уже на Западе образцу, он был не только гениальным стратегом, игравшим крупнейшую роль в наших военных победах, он был вместе с тем величайшим дипломатом, какого только знала история. Ленин сумел воплотить в жизнь великие идеи освобождения рабочего класса, которым он вместе с тысячами шедших за ним соратников отдал все свои силы с юных лет, ибо, будучи вождем восходящего класса, он в борьбе с загнивающим строем воплотил в своей революционной тактике и стратегии марксизм, как единственное верное и сокрушительное оружие против классового и национального гнета, фундамента капиталистической системы.

Мих. Павлович.

Г. ЗИНОВЬЕВ. На смерть Ленина. Государственное Издательство. Москва — Ленинград. 1925 г. Стр. 60. Тираж 15.000.

Брошюра составлена из пяти статей и речей, вошедших в XV том сочинений тов. Зиновьева, посвященный памяти В. И. Ленина:

1. Шесть дней, которых не забудет Россия.
2. Памяти В. И. Ленина.
3. Ленин и рабочие.
4. Кончина Ленина и задачи ленинцев.
5. В. И. Ленин и наша партия.

Судя по объему (60 страниц небольшого формата) и по доступности цены (25 к.), книжка рассчитана на читателя массовика.

Содержание тоже популярно: скорбные строки о смерти Ильича написаны сжатым, простым и ясным языком, доступным пониманию самых широких масс рабочих и крестьян.

Подбор материала в общем удачен. Все статьи написаны после смерти Ильича, за исключением последней: «В. И. Ленин и партия».

Это — речь, посвященная 50-летнему юбилею В. И. Ленина. Она недоступна массовому читателю, так как содержит чрезвычайно сжатый, конспективный и схематический обзор истории партии.

Вместо этой речи лучше было бы дать *«Краткий биографический очерк»* В. И. Ленина, помещенный в XV томе сочинений тов. Зиновьева.

Рабочие и крестьяне проявляют огромный интерес к истории жизни и деятельности Вл. Ильича. О жизни В. И. Ленина в толще народных масс творятся легенды. Поэтому книжка т. Зиновьева сослужит свою большую службу.

Книжка издана на хорошей бумаге и содержит восемь иллюстраций к траурным дням, составленных на отдельных листах.

Д. Биленкин.

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

1. I. ПЯТЫЙ ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА. II. ПРОГРАММНЫЙ ВОПРОС НА ПЯТОМ КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА. *С. Кривцова.* — 2. Ф. ЭНГЕЛЬС. Неизданные письма. *С. Кривцова.* — З. М. БЕЕР. Всеобщая история социализма и классовой борьбы. *Б. Горева.*

ПЯТЫЙ ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА. Тезисы, резолюции и постановления. Государственное Издательство. Москва 1924 г. 207 стр.

ПРОГРАММНЫЙ ВОПРОС НА ПЯТОМ КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА. Государственное Издательство. Москва 1924 г. 83 стр.

В своей речи на IV конгрессе Коминтерна осенью 1922 г. т. Ленин, подытоживая опыт России за время нэпа, призывал и братские коммунистические партии пойти по пути РКП (б): «учиться, учиться и учиться». И последний конгресс прошел под этим лозунгом. Ведь что же иное обозначает призыв к большевизации всех компартий, как не призыв к усвоению марксизма в его действенной форме ленинизма, как не усвоение того положения, которым начал Ленин строительство большевизма. Еще в «Что делать?» он, борясь с экономизмом, писал: «Роль передового борца может

выполнить только партия, руководимая передовой теорией». Не секрет слабое развитие марксистского миросозерцания среди многих искренних и революционно настроенных коммунистов на Западе. Достаточно напомнить дискуссию о религии с Хеглундом на расширенном пленуме. Поэтому мы поймем, почему в программу нужно было включить совершенно бесспорное для нас указание, что материалистическое марксистское миросозерцание является обязательным условием принадлежности к компартиям. Программа дает наметку общего нашего понимания современного исторического периода и проводит грань водораздела между коммунистами и социал-демократами. Кроме текста программы, даны и речи Бухарина и Тальгеймера. Основным теоретическим содержанием обеих речей было наметить правильное взаимоотношение между пролетариатом и крестьянством в коммунистической революции и в переходный период, т.-е. то, что теперь принято называть нэпом. Ежели мы вспомним, что этот вопрос, вопрос о роли крестьянства в революции, является основным в ошибках троцкизма, мы поймем то важное значение, какое он принимает для западных товарищей, особенно при выявлении линии по отношению к колониальным народам.

Конгресс подытожил и опыт двух неудачных революций 1923 г. — в Болгарии и в Германии — и в результате пришел к новым для западных товарищей формам организационного строительства партии, тем формам, которые и выковывали нашу стальную когорту: ближе к массам, орабочение партий и как организационная форма — фабрично-заводская ячейка. Только через эту «революционную массовидность» (выражение Ленина) и придут коммунисты Запада к гегемонии коммунистических партий в рабочем движении. При этом лозунге — ближе к массам — понятно и резкое осуждение тех «чистеньких» коммунистов, которые на манер наших «божественных отзовистов» 1907 и следующих г.г. не желают портить чистые белые одежды «подлинного», «последовательного» на словах, а не на деле коммунизма работой, ужасно сказать, в «соглашательских профсоюзах». И именно это устремление в массы больше всего и напугало Эррио и Макдональда. Мы уверены, что оба лозунга конгресса получат жизненное воплощение, и, имея в основе фабрично-заводскую ячейку, Коминтерн увенчает всю свою пропагандистскую работу через густейшую сеть курсов, партшкол (см. резолюцию о пропагандистской деятельности Коминтерна и его секций) организацией марксистской исследовательской и литературной деятельности, создав действительно международные центры теоретической работы в области марксизма-ленинизма из Института Маркса—Энгельса, Института Ленина и Коммунистической Академии, как говорит § 34 названной резолюции.

Изучение настоящего материала в кружках покажет нашей партийной молодежи, как на подлинных уроках Октября и всей предшествовавшей ему истории большевизма учатся наши западные товарищи и кладут их в основу своей работы.

Ст. Кривцов.

Ф. ЭНГЕЛЬС. Неизданные письма. Перевод и предисловие П. С. Попова. Изд. «Колос» Л. 1924 г. Стр. 39.

Впервые публикуемые в настоящем издании письма Энгельса относятся к июлю—августу 1880 г. Они адресованы М. К. Горбуновой-Каблуковой, жене известного народника-статистика, впоследствии бывшего профессором статистики в Московском университете, Н. А. Каблукова. М. К. Горбунова-Каблукова много занималась вопросами профессионально-технического образования и положения кустарной промышленности в России. Будучи за границей, она через посредство Браун-Адлер, жены Виктора Адлер, вступила в переписку по этим вопросам с Энгельсом, результатом чего и появились лежащие перед нами ответные письма Энгельса. Прежде всего надо отметить, что Энгельс предоставляет Каблуковой все необходимые справки, направляет ее к коммунару Дакоста и своему зятю Лонге. Но особенно для нас важно третье письмо от 5 августа 1880 г., в котором Энгельс высказывает крайне

интересные мысли о положении кустарной промышленности в России и об ее будущности. Этими высказываниями письма примыкают к тому материалу, который мы имеем у Маркса и Энгельса о России.

Делая оговорку, что он еще не вполне знаком со всей литературой о положении кустарной промышленности в России, Энгельс говорит: «Но в общем мне кажется, что упомянутые отрасли промышленности во всяком случае в большей своей части будут в состоянии еще известное время конкурировать с крупной промышленностью. Такие промышленные перевороты назревают весьма медленно: в самой Германии ручной ткацкий станок во многих отраслях еще не вполее вытеснен, между тем в Англии он изгнан вот уже 20—30 лет. В России дело пойдет еще медленнее» (25—26).

Кустари на Западе, правда, уже экономически погибли. «Но в России дело легко может обстоять иначе, тем более, что там открывается известная надежда на большие перемены всей политической ситуации. Незначительные паллиативные средства в Германии, как вы убедились, да и в других местах, чрезвычайно мало помогли, но в России они, может быть, подчас помогут народу в политическом кризисе и будут поддерживать русскую промышленность до того момента, пока сам народ со своей стороны не начнет говорить. Школы же, пожалуй, смогли бы достигнуть того, чтобы народ хотя бы до известной степени знал, *что* именно ему следует делать» (26—27).

«Техническое образование..., с одной стороны, помогло бы рациональному развитию производства... с другой стороны— такое образование вообще подготовило молодежь технически, и это облегчило бы переход к другим формам промышленности» (27). Из приведенных отрывков видно, как политически ставил данный вопрос Энгельс и увязывал его с грядущей русской революцией, которая в связи с героической деятельностью Народной Воли казалась в то время не за горами.

Дальше Энгельс осторожно добавляет: «Издали трудно что-либо высказать, кроме этих общих мыслей» (27). Он высказывает предположение, что крупная промышленность не сможет развиться в Московской губ. вследствие отсутствия угля, а дров и сейчас уже нехватает. «Тут могла бы продержаться какая-нибудь отрасль кустарной промышленности, хотя бы часто меняющая свой вид» (27). «И, наконец, крестьянам можно помочь лишь в том, чтобы они получили больше земли и обрабатывали ее коллективно» (27).

Как же обстоит дело с общиной? На этот основной, тогда теоретический, вопрос мы имеем в данном письме точный и четкий ответ. «Ваши сообщения относительно начинающегося распадения общины и артелей у нас были подтверждены и иными сведениями, полученными с другой стороны. Процесс... может продолжаться еще очень долго. Ход событий в Европе идет в иную сторону. Но в России, которая за последние 30 лет породила столько критических умов, течение еще как раз будет достаточно сильным, чтобы опереться на тысячелетнюю самобытную общинную тенденцию народа, прежде чем она совсем исчезнет. На этом основании и производственные группировки и другие организации по части артелей должны быть учитываемы у русского народа с другой точки зрения, чем на Западе. Но, конечно, всегда это будут лишь *мелкие паллиативные средства*» (28) (Последний курсив принадлежит нам. *Ст. Кр.*).

Из приведенных отрывков легко судить о том, какую ценность и интерес представляют письма Энгельса. Обширное предисловие П. С. Попова напомнит знающему и познакомит новичка с рядом высказываний на русскую тему Маркса—Энгельса, при чем особо внимательно обработаны письма Маркса—Энгельса Николаю — ону.

Издана эта небольшая книжечка «Колосом» превосходно. Помимо обширного введения и русского перевода писем, даны и немецкие оригиналы полностью, и, наконец, дано факсимильное воспроизведение первой и последней страниц письма от 5/VIII, представляющему, как мы показали, наибольший интерес. Для изучения марксизма и судеб его у нас в России, настоящие письма представляют, повторяем, ценнейший и интереснейший материал.

Ст. Кривцов.

М. БЕЕР. Всеобщая история социализма и классовой борьбы. Новейшее время до 1920 г. Перев. с нем. К. Михайловой. Изд. «Книга». Л.—М. 1924 г. Стр. 130.

Лежащая перед нами книжка представляет собою последний (5-й) выпуск книги Беера, известной читателям «Печати и Революции» по нашей рецензии, посвященной в свое время первым трем выпускам книги (они были изданы в 1923 г. в Харькове). Третий выпуск заканчивался французскими коммунистическими писателями XVIII в. Выпуск 4-й (насколько нам известно, не изданный в русском переводе) посвящен, повидимому, эпохе франц. революции и затем социализму и рабочему движению в *Англии* и *Франции* до 1848 г. включительно. Рецензируемый нами пятый выпуск, таким образом, начинается с Германии первых десятилетий XIX в., затем, включая учение Маркса, германскую революцию 1848 г. и развитие германской экономики и политики до 1880 г., переходит к эпохе I и II Интернационала и кончается войной, русской и германской революциями и образованием Коминтерна.

Настроение автора очень «левое». Он вполне сочувствует советской России. «Ленин, Троцкий и их сотрудники создали Советскую республику, которая пережила Кюльмана, Гофмана, Черпина (авторов Брестского договора. *Б. Г.*) и вышла победительницей из всех гражданских войн, затеваемых и финансируемых Антантой... Советская Россия создала для международного пролетариата прочный опорный пункт и Красную армию» и т. д. (стр. 117—118). Он считает вполне правильно «Эрфуртскую программу» Каутского «реформистской» (что не мешает ему, впрочем, преклоняясь перед Каутским — теоретиком марксизма, умалчивать о его падении с 1914 г.).

Наконец, он присоединяется к данной Марксом критике нерешительности Парижской Коммуны и прибавляет: «Это те же ошибки, которые совершил французский пролетариат в 1848 г. и немецкий в 1918—1919 г.г. В обоих случаях победоносная революция слишком рано отказалась от диктатуры и апеллировала к демократическому избирательному праву. И в обоих случаях в конце концов социализм был разбит» (стр. 83).

Все это вполне верно и очень хорошо. Но эта «левизна» автора довольно далека от революционного *марксизма*. Не говоря уже о том, что самое учение Маркса изложено автором тускло и бледно, что основы революционной тактики марксизма им едва задеты в нескольких строках, самую эволюцию социализма и внутреннюю борьбу в нем автор и не пытается, в сущности, объяснить с марксистской точки зрения. А в отдельных случаях зато он изрекает сентенции, вызывающие прямо недоумение. Так, напр., что̀ означает в характеристике Лассаля (стр. 77) следующая фраза: «Бисмарк также высоко ценил его. Лассаль был *прусским евреем в лучшем смысле слова*» (!?). Как соединить подобную сентенцию с словесным интернационализмом автора?

Но самым главным недостатком книжки является то, что, называясь «*всеобщей* историей социализма», она, в сущности, посвящена почти одной лишь Германии. В самом деле, социализму и рабочему движению во *всех других странах* за последние *70 лет*, включая даже Россию, Польшу, Австралию, Африку и Азию, посвящено всего-на-всего *сорок страниц*. Само собою понятно, что это не «история» и даже не справочник, а лишь пестрый калейдоскоп имен и дат.

Далее, в то время как одной Германии *до* 1848 г. (за исключением характеристики Маркса и марксизма) посвящено целых 32 страницы, *столько же* отведено *эпохам I и II Интернационала*, на этот раз включая и Германию за полвека слишком. Наконец, глава о России, которой посвящено 4 страницы, начиная с декабристов и кончая эпохой государственных дум, — эта глава изобилует ошибками, которые напрасно не были исправлены хотя бы в примечаниях переводчицы. Напр., Бакунин *не* был «преемником» Герцена в редакции «Колокола». Этим преемником был Огарев, правда, находившийся под сильным влиянием Бакунина (стр. 106). «Капитал» Маркса был издан на русском языке не в 1873 г., а в 1872 г. Лавров умер не в 1898 г., а в 1900 г. Неверно сообщение, что «в рабочей среде возникли

тайные боевые (?) организации, принявшие в 1882 г. (?) под руководством Плеханова, П. Аксельрода и В. Засулич соц.-демократическое марксистское направление» (стр. 107). Неверно, что Исп. Комит. Нар. Воли, «будь он предусмотрительнее», мог бы после убийства царя «захватить власть и совершить революцию» (108).

Наконец, знаменитые слова Плеханова (о рабочей революции) на Парижском конгрессе 1889 г. неправильно приписываются автором *общему* докладу Плеханова и Лаврова (там же). Неверно также, что во время мировой войны «*большинство* меньшевиков были интернационалистами». Так было в эмиграции, но не в России.

Таким образом ценность последнего выпуска работы Беера ограничивается почти лишь сведениями о Германии, да и то, главным образом, первой половины XIX в. Любопытны цитаты из Вейтлинга, напоминающие практику Октябрьской революции.

Б. Горев.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. П. ЛЯЩЕНКО. История экономических учений. *А. Кона.* — 2. Г. КРУМИН. Под знаком роста и укрепления. *Ю. Спасского.* — 3. М. ВОЛЬФ и Г. МЕБУС. Очерки экономической географии иностранных государств. *Д. Кашинцева.* — 4. В. ЯКИМАНСКИЙ. К итогам аграрной революции на Украине. По данным анкетного обследования 1922 г. *Ю. Спасского.* — 5. МАТЕРИАЛЫ ПО СТАТИСТИКЕ ТЕКСТИЛЬНОЙ СИНДИЦИРОВАННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. *А. Хавина.* — 6. РАБОЧАЯ КООПЕРАЦИЯ В 1924 г. *Г. Эльяшева.* — 7. К. СЕМЕНОВ. Лесное хозяйство Урала. *А. Бессера.*

П. И. ЛЯЩЕНКО. История экономических учений. Рабоч. изд. «Прибой». Ленинград 1924 г. Стр. 270.

Если память нам не изменяет, проф. Лященко еще два года тому назад причислял себя к числу последователей В. Зомбарта и называл свой метод «конструктивно-историческим». В выпущенном же недавно втором издании своей «Истории экономических учений» автор выступает уже в качестве марксиста и, судя по целому ряду фраз и замечаний, претендует на название марксиста *ортодоксального*.

Конечно, чрезвычайно отрадно видеть, что такие недюжинные экономисты, как П. И. Лященко, капитулируют перед марксизмом. Однако нам кажется, что революция во взглядах уважаемого профессора совершилась чересчур быстро, слишком катастрофически...

Марксистом проф. Лященко, конечно, не стал, однако он достаточно причесался «под Маркса», чтобы ввести в заблуждение многих неопытных читателей прежде всего о методе изложения. Автор, как и «полагается» марксисту, предпосылает изложению учения каждой школы краткую характеристику соответствующего хозяйственного периода. Здесь он, как и «полагается», отмечает изменения в соотношении классовых сил в обществе, указывает, какие классы или социальные группы приобретают гегемонию в хозяйственной жизни, и только после этого переходит к изложению учения и его критике. Словом, мимикрия под марксизм полная. Однако стоит лишь внимательнее вчитаться в работу П. И. Лященко, чтобы понять, что метод его является марксистским лишь по *форме*. На протяжении всей книги, автор ни разу не делает попытки произвести *действительный* социальный анализ рассматриваемых учений, ни разу не пробует на исследовании отдельных элементов учения показать, какому социальному слою это учение принадлежит. Ключом к его методу является синхронистическая таблица. Если появление определенного учения совпадает

во времени с увеличением влияния того или иного социального слоя, значит оно этому слою и принадлежит. Таков метод проф. Лященко. И неудивительно, что, пользуясь столь механическим методом, автор сплошь и рядом попадает впросак. Приведем для примера хотя бы казус с оценкой, данной автором физиократам, казус, который поистине является классическим. Не подлежит никакому сомнению, что течение физиократов было значительным шагом *вперед* по сравнению с меркантилизмом и кольбертизмом, господствовавшими до него. Физиократы, проповедывавшие свободу личности и личной инициативы, передвигавшие центр внимания экономической науки из сферы обращения в сферу производства и требовавшие перенесения всей тяжести налогового обложения на класс земельных собственников, были, несомненно, выразителями интересов нарождавшейся промышленной буржуазии, в то время как меркантилизм (особенно ранний) отражал интересы *торгового* капитала. Между тем, проф. Лященко рассматривает физиократизм (правда, с некоторыми оговорками), как *реакцию* господствующего, т.-е. землевладельческого, класса *против* буржуазии.

Основания для такого утверждения чрезвычайно примитивны: 1) физиократы считали производительным только труд земледельцев, 2) нарождение физиократизма совпало во времени с борьбой королевской власти против кольбертизма.

Подобным же образом проф. Лященко рассматривает все течение «Научного социализма» [в том числе и Родбертуса, идеи которого были «внушены соображениями, не всегда согласными с беспристрастием ученого, навсегда отказавшегося от известных интересов и предрассудков» (Плеханов)] как течение, принадлежащее «резко обособленному» от мелкой буржуазии пролетариату (!).

Проф. Лященко, как мы видим, совершенно не понял метода Маркса. Точно так же не понял он и содержания марксова учения. Возьмем на выборку несколько «перлов». «Каждый класс, — говорит проф. Лященко, — выступая на арену общественной жизни и вступая в войну с господствующим классом, стремится к тому, чтобы его интересы были сначала признаны обществом и общественным миросозерцанием, а затем уже чтобы его интересы *стали господствующими*» (стр. 6). Насколько нам известно, пролетариат стремится не к господству своего класса, а к уничтожению всяких классов.

«Уплатить налог значит получить за отдаваемую часть своего имущества или дохода *охрану со стороны государства*» (стр. 148). Мы до сих пор полагали, что буржуазное государство является не столько средством охраны населения, сколько орудием эксплоатации и классового угнетения, что рабочий и крестьянин уплачивают налоги не добровольно с целью получить те или другие блага со стороны государства, а что государство насильственным путем вырывает у них последние крохи, отдавая им взамен цепи и рабство. «Марксист» Лященко придерживается, повидимому, другого мнения.

Неудивительно, что, толкуя так понятия классовой борьбы и государства, проф. Лященко оставляет государство существовать при социалистическом и даже коммунистическом строе (стр. 162 — 163). Не лучше обстоит у проф. Лященко дело и с чисто экономическими категориями. Автор, напр., приписывает Марксу учение о труде, как мериле стоимости (стр. 251). Нечего и говорить, конечно, что подобное, чисто смитианское смешение труда, как субстанции стоимости, с мерилом ценности с неизбежностью приводит к смешению труда, затрачиваемого на *производство* товара с трудом, который может быть получен в *обмен* на данный товар, а следовательно, к искажению объективной теории трудовой стоимости, к сплетению ее с субъективной теорией ценности [1]).

Не понимает проф. Лященко и социального содержания меновых категорий. По его мнению, в социалистическом «хозяйстве имеются явления цены, *как выражения ценностных соотношений*». Социалистическая система хозяйства приобретает характер «*денежной* системы

[1]) См. *И. Рубин*, «Основные черты теории стоимости Маркса и ее отличие от теории Рикардо».

с наличностью *денег, как выразителя ценности»* (стр. 162). Если и можно согласиться с автором, что социалистическое хозяйство может, в течение некоторого времени, сохранять меновую *форму* отношений, то все же утверждение Лященко, что цена в этом случае является выражением *стоимости*, что хозяйство по существу своему является денежным, представляется глубоко неверным. Похожая на капиталистическую цену по *форме*, социалистическая цена приобретает совсем другое социальное *содержание*. Здесь мы обнаруживаем непонимание профессором Лященко диалектики марксова учения. Не понимает проф. Лященко и марксовой теории заработной платы. Он приписывает Марксу учение об *абсолютном* объединении рабочего класса в ходе развития капитализма (стр. 255). Марксова теория воспроизводства и кризисов приобретает, в передаче Лященко, все черты теории Сисмонди, которую сам же Лященко справедливо называет мелко-буржуазной. Так, Лященко утверждает, что, по мнению Маркса, «на известной ступени своего развития капитализм должен встретиться с невозможностью реализации создаваемой рабочими прибавочной ценности». Маркс будто бы «приходит таким образом к теории недостаточного внутреннего рынка и к необходимости для капитализма внешних рынков». «Это является общим законом для всех капиталистических стран, которые таким образом принуждаются к погоне за колониями, к империализму и т. п. Все это еще более усложняет положение капиталистического производства, заводит его в тупик и ставит перед ним неразрешимые противоречия». Капитализм гибнет вследствие невозможности реализации продуктов! Хотели бы мы знать, где Лященко нашел у Маркса подобную чепуху? Вместо обострения классовых противоречий — недостаточность рынков, вместо революции — автоматическая гибель капитализма... Совершенно не понимая сущности учения Маркса, Лященко не может оценить и значения Маркса в развитии экономической науки, его места в истории политической экономии. По мнению Лященко, все элементы марксизма были созданы уже до Маркса, на долю же Маркса выпало только объединение уже существовавших учений в единую систему. Так, из книги Лященко мы узнаем, что «все последующие (Смиту) писатели, даже такие тонкие и гениальные, как Рикардо, являются лишь развивателями идей Смита, дополняющими и уточняющими поставленные им проблемы» (стр. 41), что Рикардо, не видевшему, как известно, за «свойствами вещей» их общественного содержания, сказывавшемуся нередко в субъективизме и совершенно не понимавшему диалектики менового общества и противоречивости капиталистических отношений, «нехватало *одного* элемента для *завершения* здания экономической науки — историцизма», что «*все* (!) основные идеи марксизма, вроде (!!) материалистического понимания истории, учения о классовом составе общества и классовой борьбе и другие (!!!), находят себе *достаточно полное*, хотя и несколько сумбурное (!) выражение у Сен-Симона» и т. д. и т. п.

Весьма наглядно отражает отношение Лященко к Марксу и распределение материала в его книге. Смиту автор отводит 21 страницу, Рикардо — 19 страниц, а Марксу всего 13 (всего на 1 страничку больше, чем Родбертусу), последователям классической школы (эпигонам!) — 19 страниц, а последователям Маркса только 4 странички!

Эта главка, посвященная марксистам, чрезвычайно характерна. Здесь читатель не найдет даже упоминания имен Ленина, Плеханова, Розы Люксембург, Гильфердинга. Об Энгельсе и Каутском упоминается вскользь. Зато ревизионистам отводится достаточное внимание. При этом автор хотя и указывает, что ревизионизм был мелко-буржуазным течением, не останавливается, однако, на его критике. Доводя таким образом читателя до «кризиса марксизма», Лященко совершенно не говорит о том, как марксизм преодолел этот кризис и какое блестящее развитие и оправдание нашел он в теории и практике ленинизма.

Если оценивать книгу Лященко как не марксистский курс, то, конечно, придется признать, что она много интереснее и полезнее книг Туган-Барановского, Чупрова, Левицкого, Жида и

др. Издать ее, конечно, было нужно. Однако опасность этой книги заключается в том, что молодые читатели примут ее за марксистскую работу. Поэтому нам представляется, что издательство «Прибой», пользующееся незапятнанной партийной репутацией, ни в коем случае не должно было выпускать этой книги без хорошего марксистского предисловия.

Александр Кон.

Г. И. КРУМИН. Под знаком роста и укрепления. 2-е изд. 1925 г. Москва. Изд. «Экономич. Жизнь». Стр. 46.

В сжатом очерке т. Крумин обрисовывает важнейшие моменты советской экономики последних двух годов. В смычке с крестьянством дана основа всех основ экономической политики ленинизма. Под знаком смычки расценивает автор денежную реформу и сжатие ножниц — эти две генеральные победы Советской республики на хозяйственном фронте. Без крестьянского тыла наша промышленность висит в пустоте и неспособна к развитию. И в свою очередь крестьянство само по себе точно так же никогда не достигнет высшего хозяйственного бытия без руководства пролетариата. Диктатура пролетариата не есть *диктатура промышленности*, близорукая и дальше своего носа не видящая. Диктатура пролетариата воплощает в себе целостные интересы и рабочих и крестьян и строит социализм в гармоническом пропорциональном сочетании индустрии и сельского хозяйства.

Форма крестьянского внедрения в социализм есть *товарность*. Превращая свои продукты в товары, а следовательно, создавая избыточный продукт, крестьянин из отрезанного ломтя становится клеточкой советского хозяйственного организма. Цепью товарности и денежного обращения крестьянство втягивается в систему государственного капитализма. Подобно тому, как в буржуазном обществе то же самое крестьянство неизбежно вовлекается в орбиту капитала. Формально одинаковые методы приводят к диаметрально противоположным результатам в зависимости от того, кто — буржуазия или пролетариат является господствующим классом.

Рост и укрепление нашего хозяйства рассматривается автором как процесс, о котором должно судить не столько *по абсолютным* достижениям, сколько по раскрывающимся в этом процессе тенденциям и перспективам. С такой точки зрения успехи хозяйственного фронта оцениваются прежде всего как верстовые столбы правильно взятого пути. Тов. Крумин отнюдь не склонен замазывать слащавым оптимистическим лаком трещины и бреши нашей социалистической постройки. Ножницы еще не преодолены окончательно, но дошли до так наз. «нормального» раствора. Для настоящего момента этот раствор 130—150% «в общем и целом приемлем для деревни». Однако нормальное для настоящего момента завтра уже станет ненормальным. И автор справедливо заключает, что «нормальные ножницы»—вот наш враг будущего. «Они должны быть изжиты, и довоенные соотношения оставлены позади». На-ряду с ножницами толчки, крутые зигзаги, бесплановость ослабляют подъем советской промышленной системы. Таково было, между прочим, чрезмерное умерщвление частной розничной торговли, которая при известных условиях играет роль необходимого канала в товарообращении. Розничного торговца может одолеть лишь кооперация, а кооперацию нельзя создать простым декретом. Кооперация органически вырастает из народной гущи. Наспех создавались торговые кооперативы и лопались, как мыльные пузыри. Вывод отсюда тот, что на кооперацию впредь можно рассчитывать только в меру ее действительного роста.

Тов. Крумин отмечает затем «некоторое падение роста зерновой части сельского хозяйства». В 1922 г.—3.096 милл. пуд., в 1923 г.—2.950 милл. и в 1924 г.—2.622 милл. пуд. Наше земледелие еще находится целиком во власти естественной стихии. Интенсификация сельского хозяйства сопряжена с ростом животноводства и увеличением площади технических культур и ставит перед советским государством проблему организации рынка, который в значительной степени должен

быть найден за границей. Не совсем ясно, что́ разумеет автор, когда говорит, что искусно применяемому инструменту товарной интервенции предстоит сыграть свою роль «в борьбе с расхождением оптовых и розничных цен». Говоря вообще, социалистический протекционизм есть политика, которая преследует развитие всего советского хозяйства и жертвует сегодняшним во имя будущего. Товарная интервенция допустима поэтому постольку, поскольку в интересах целого выгодно пожертвовать на время одною из частей. Исключительно строго осуществляемая хозяйственная автаркия (самостоятельность) при настоящем положении была бы равносильна расточению производительных сил Сов. Союза. Книжка т. Крумина с пользой уляжется в багаже партийно-советского работника. Теперь, когда рабочий класс так жадно хочет постигнуть, хочет осмыслить то, что́ у нас совершается, и куда мы идем, нужны твердые итоговые ответы, опирающиеся на колонны цифр.

Ю. Спасский.

М. ВОЛЬФ и Г. МЕБУС. Очерки экономической географии иностранных государств. «Прибой». Ленинград 1924 г. Стр. 376.

На обширный, несомненно, избыточный ряд курсов и учебников по экономической географии России, появившийся только за последние два года, мы имели всего одну, хотя и крупного научного значения, книгу «Очерки экономич. географии» С. В. Коган-Бернштейна, посвященную внесоюзным странам. Однако этот последний труд давал характеристику только немногих типичных государств или районов. Острая надобность в систематическом обзоре *всех стран* мира, в их послевоенном статусе, уже успевшем обнаружиться, не исчезала. Рецензируемая книга поспела весьма кстати.

Авторы делают новую, несомненно, интересную попытку районировать с точки зрения экономической географии всю обитаемую и хозяйственную часть земного шара. В содержательном введении, дающем небольшой очерк мирового хозяйства, авторы набрасывают схему районирования, состоящую из 17 частей, охватывающую почти всю человеческую экумену. Районы следующие: Великобритания, Центральная Европа, район западно-европейских маршей, северные лесопромышленные государства Европы, СССР, прибалтийские земледельческие государства, юго-восточные земледельческие государства Европы, средиземноморские районы, пустынный пояс Северной Африки, пояс тропической Африки, Южная Африка, пустынно-степная область Азии, область азиатских муссонов, англо-саксонская Америка, тропический пояс Америки, южный умеренный пояс Америки, Австралия с Новой Зеландией.

В этом обобщенном делении прежде всего удивляет номенклатурная невыдержанность, внешнее отсутствие твердого принципа, определяющего схему с начала до конца. Здесь имеются понятия политического характера — Великобритания, СССР и пр., физико-географического — район зап.-евр. маршей, средиземноморский район и пр., экономико-географического — северные лесопромышленные государства, прибалтийские земледельческие и пр., и даже этнографического — англо-саксонская Америка. Авторы, очевидно, полагают, что под такой неопределенной терминологией все же кроется экономическая база; она, несомненно, есть, но проведена опять-таки не твердо — авторы здесь в слишком большой зависимости от данных физической географии, что сообщает их схеме внутреннюю *компромиссность*. Так, Великобритания (с Ирландией) стоит в схеме особняком, в сущности, потому, что она изолирована от материка Европы, тогда как по своей экономической структуре она должна быть включена в центральный Европейский район, где имеется наиболее индустриализованное государство мира — Бельгия. Намеченные районы чрезвычайно неравномерны по пространству и населению. Микроскопический комплекс трех прибалтийских государств с их 5 милл. жителей, выделен в особый район, тогда как и с физико-и с экономико-географической точки зрения он должен составлять единый район с СССР.

В пределах каждого района отдельные государства описываются индивидуально, и в заключение дается сводная характеристика. Построение описаний также вызывает на замечания и не может быть признано научно-правильным. Авторы почти совершенно игнорируют данные физико-географического порядка, без которых невозможно понимание экономики изучаемой страны, или ограничиваются слишком общими указаниями. В сельском хозяйстве зависимость от климатических почвенных влияний огромно и потому там *зональность* есть непреходящий и часто решающий фактор. В индустрии зональные влияния менее значительны, оказываются, большей частью, косвенно, тогда как азональные (главным образом, ископаемые) могут определять тип страны. Географическая логика требует такой последовательности: 1) физическая природа, как фундамент, и ее свойства, играющие роль в хозяйстве; 2) запас людской силы, эксплоатирующей данный отрезок природы; 3) производственный эффект воздействия человека на природу.

Фундаментируют авторы слишком недостаточно и несистематично. Климат просто «холодный», «мягкий» и т. п., очень редко попадаются температурные данные или количество осадков. Почва только «скудная», «плодородная» и т. п. Данные о запасах ископаемых или энергии если приводятся, то разрозненно. *Физическая часть по мелочам растворяется* в отдельных абзацах — сельское хозяйство, горное дело, пути сообщения. Чрезвычайно недостаточно характеризуется и положение данной страны в отношении внешних рынков. Этим составители рекомендуют себя, главным образом, как экономистов-цифровиков и только отчасти как географов.

Абзацы, касающиеся населения, не сообщают о его распределении по территории; затем с точки зрения экономической географии, ведущей учет людей, как *производительной* силы, имеют особую важность указания числа или пропорции самодеятельного населения, указания физических (в известной доле, и психо-физических) свойств его, как организующего и преобразующего природу элемента, чего также не имеется. Описание по «естественным областям», неизбежное в экономическом страноведении, слишком редко имеет место. В целом отсутствует построение *синтеза*, без которого не существует географии, как науки о человеческой деятельности в пространстве.

Собственно экономическая часть разработана обстоятельно и в каждой главе по одинаковой схеме: сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство, горное дело и обрабатывающая промышленность, пути сообщения, внешняя торговля, при чем в последней рубрике специальное внимание обращено на взаимоотношения с СССР.

В книге немало и отдельных частных упущений, неточностей, сомнительных мыслей и неловкостей выражения. Как ни «избит» Гольфштром, экономическое его значение для Норвегии огромно и не указать на это — важный промах. «Крестьянство в том смысле, как мы его понимаем, в Великобритании не существует совершенно» (стр. 17) — взята буквально чужая фраза и без комментариев, как именно мы его понимаем: «В питании Великобритании привозный хлеб играет значительно бóльшую роль, чем собственный, и это явление допустимо (?) только (?) ввиду открытого островного положения страны и сильной изрезанности берегов» (стр. 49). Здесь — попытка объяснить экономическое явление одной физико-географической причиной, но это рискованно и недостаточно. Играют роль и другие обстоятельства, как дешевизна привозного зерна, удобство внутреннего транзита, а из физико-географических свойств особую важность надо придавать незамерзаемости английских гаваней. О Китае неудачно сказано, что «на место обширной равнины становится ряд долин, окруженных горами» (стр. 243).

Досадно не выравнена метрикация: встречаются, кроме метрических, англо-американские меры — акры, баррили, русские — версты, при чем без сравнения их с основной мерой. То же самое и с исчислением стоимости: кроме рублей, встречаются всевозможные другие денежные единицы при отсутствии указаний на их паритетные отношения. Нет наглядности, нет экономических карт.

Зараженные статистическим фетишизмом критики могут отыскать и погрешности в цифрах. Но за всеми отмеченными дефектами, книгу надо приветствовать. Не уйдя далеко от типа справочника, авторы все же преодолели огромные трудности в собирании свежего, надежного материала, хорошо систематизировали и проанализировали его, дав нам первый опыт сводного обзора мирового хозяйства в плане экономического страноведения.

Д. Кашинцев.

В. А. ЯКИМАНСКИЙ. К итогам аграрной революции на Украине. По данным анкетного обследования 1922 г. Изд. Украинск. ЦСУ. Харьков 1924 г. Стр. 37+XI.

Диктатуру пролетариата в России можно уподобить растению, корни которого уходят далеко в глубь крестьянской почвы. Аграрная революция была одной из движущих пружин победы пролетарской диктатуры, ее укрепления и роста. Итоги аграрной революции образуют объективную экономическую основу советского Союза. Уничтожение частной земельной собственности проявилось в глубоких решительных переменах землепользования. На-ряду с экономическим и социальным уничтожением помещика был также уничтожен и выделявшийся над крестьянским уровнем кулак. Аграрная революция была ударом как всей крестьянской массы по помещику, так и беднейшего большинства крестьянства по крепким зажиточным полутрудовым, полуэксплоататорским слоям деревни. Каков же тот преобладающий экономический тип, который кристаллизуется на обломках помещичьего кулацкого хозяйства? Кто именно в крестьянстве выиграл от аграрной революции, в чем этот выигрыш и насколько он прочен? Закончилась ли аграрная революция как перестановка землепользования и в чем она еще нуждается в достройке? Нельзя ожидать, чтобы мы нашли на эти вопросы исчерпывающие ответы в официальной *статистической* попытке подытожить аграрную революцию на Украине. Но и то, что дано, представляет собой ценный и весьма поучительный материал. Среднее число десятин на крестьянское хозяйство было на Украине в 1905 г. 7,0 дес., в 1917 г.—5,5, и в 1922 г.—в результате аграрной революции 6,9 дес. На душу для тех же годов это дает 1,2 дес., 0,9 дес. и 1,5 дес. Эти цифры сильно разнятся по губерниям, начиная от максимальной Донецкой 11,2 дес. на хозяйство и кончая минимальной Подольской 3,3 дес. — в 1922 г. Эти цифры говорят о тенденции к *измельчанию* хозяйств, неуклонно действовавшей до 1917 г. Аграрная революция приостановила эту тенденцию и подняла средние размеры хозяйства почти до уровня 1905 г. Раздел земли помещичьей и кулацкой сыграл роль фактора благоприятного укрупнения хозяйственных единиц; такое же значение имела убыль населения в период империалистической войны и революции. Обеспеченность души землей поднялась с 1917 г. по 1922 г. на 66%, за тот же срок средний размер хозяйства только на 25%. Иными словами, одновременно с прибылью крестьянской земли происходила убыль самого крестьянства. Этим, а также и ожесточенным размахом гражданской войны на Украине следует объяснить тот поразительный сам по себе факт, что земля, бывшая предметом столь страстных чаяний крестьянства, все еще остается в значительной своей части неиспользованной. К 1923 году *запасный* земельный фонд в ведении государства составлял около 5 милл. дес. из общей территории Украины в 39 милл. дес.

Укрупнение хозяйств в результате революционной прирезки земли было бы еще значительнее, если бы общее число хозяйств в революционный период не возрастало вследствие разделов. Такое «естественное» измельчание хозяйств происходило и до революции, но более медленным темпом. С 1905 г. по 1916 г. прибавилось 787 тыс. хозяйств, а с 1916 г. по 1922 г.—636 тысяч. В 1922 г. на Украине числилось 4 милл. 413 тыс. хозяйств. Аграрная революция дочиста смела помещиков и на-ряду с ними уничтожила зажиточную многоземельную верхушку. Многоземельные владели в среднем в 1917 г. 13,52 дес. на едока (купчей, надельной и арендованной), а в 1922 г. только 2,28 дес., тем самым из кулаков

сделавшись середняками. По отзыву «итогов», бывшая нетрудовая (и кулацкая) земля представляет собой неустойчивый текущий фонд, еще неоформленный землеустройством. Частые переделы прирезанной земли истощают почву и понижают урожайность. Бывшая помещичья земля обычно более урожайная, чем надельная, теперь уступает по урожайности наделу. Иногда бывает так, что «земля ранее хорошо обработанная, попав в руки неумеющих, быстро засаривается и становится плохой». Дело здесь, очевидно, не в неумелости бедняков, наделяемых землей, но в их хозяйственной слабосильности, в отсутствии у них средств для обработки. Бедняцкое право на землепользование в пределах душевой нормы еще не означает действительного хозяйственного подъема бедняков. Аграрная революция на Украине, поскольку можно судить по итогам земельного перераспределения, была бедняцкой революцией, и, ударив одним своим концом по помещику, другим раздавила кулака. Тем самым закладывалась предпосылка хозяйственного развития основной селянской массы. Сможет ли быть построено руками бедноты на новой земельной основе мощное социалистическое земледелие, это прежде всего зависит от общих условий нашей советской экономики.

Ю. Спасский.

МАТЕРИАЛЫ ПО СТАТИСТИКЕ ТЕКСТИЛЬНОЙ СИНДИЦИРОВАННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. Издание Всероссийского Текстильного Синдиката. Июнь 1924 г. Стр. 41.

Настоящие «Материалы» охватывают период времени с октября 1923 г. по апрель — май 1924 г., т.-е. наиболее сложный период в жизни русской промышленности за последние годы. В течение этого периода проводится денежная реформа, имевшая своим последствием двукратное снижение цен, а снижение в свою очередь приводило к серьезнейшим рыночным пертурбациям. Поскольку текстильная промышленность представляет собой 35% всей союзной промышленности, постольку «Материалы» характерны не только для текстильной, но и для всей союзной промышленности. Обратимся теперь к анализу этих «Материалов».

Было реализовано в процентном отношении к продукции по хлопчато-бумажной промышленности в октябре 1923 г. 56,5%, апреле 1924—124,4%, льняной — соответственно 86,2% и 91%, шерстяной — 68,8% и 114,5%.

Таким образом, если в октябре 1923 г. почти половина всей выработки хлопчатобумажной промышленности и треть шерстяной не находила себе сбыта, то в апреле 1924 г. производства и той и другой отрасли промышленности уже не хватало, и на рынке ожидается товарный голод.

Далее, меняются самые формы государственной торговли. Если в октябре 1923 г. Всероссийский Текстильный Синдикат вел почти исключительно крупнооптовую торговлю, и на его кусково-розничные магазины пришлось всего 8,0%, то в апреле 1924 г. на долю тех же магазинов пришлось уже 13,7%, т.-е. удельный вес мелко-оптовой и розничной торговли Синдиката в отношении его общих оборотов увеличился на 71%. Чрезвычайно характерно и распределение оборотов между Москвой и провинцией: в октябре в Москве было реализовано 40,4% всех проданных товаров, в провинции 51,6%, в апреле же 1924 г. в Москве было продано лишь 20,5% всех проданных товаров, в провинции 79,5%; таким образом, связь Синдиката с местами окрепла. Характерны данные и о кредитовании. В то время как в октябре — декабре 72,2% всех проданных товаров отпущено Синдикатом в кредит, в апреле и мае отпущено лишь 56—57% проданных товаров.

Таким образом, удельный вес сделок за наличные значительно растет.

Наконец, вопрос о роли частного капитала в торговле также весьма полно освещается «Материалами».

В хлопчато-бумажной промышленности в первом квартале на долю частных лиц пришлось 33,9% всех проданных сделок, а во втором—28,7%, в апреле лишь—16,6%. Чрезвычайно колеблются обороты с кооперацией, на долю которой пришлось соответственно 7,9%, 20,6%, 16,7%.

Огромный интерес для каждого работника-хозяйственника представляют данные о накладных расходах по отделениям, колеблющиеся от 13,5% к обороту до 3,9% (Москва), т.-е. почти в 4 раза.

Таковы наиболее любопытные данные «Материалов». Каждому умеющему читать цифры читателю они дадут значительно более для уяснения положения нашей промышленности, для учета ее достижений и дефектов, чем фолианты общих теоретических рассуждений.

«Материалам» предпослана сжатая и дельно написанная статья т. Г. Н—ана—«Текстильный рынок в 1923 — 24 г.», дающая анализ важнейших статистических данных.

Имеются в брошюре и дефекты.

Для того, чтобы уяснить себе в достаточной степени рыночную конъюнктуру в первом полугодии 1923—24 г., читатель должен обладать данными хотя бы за соответствующий период прошлого года, так как только сравнивая их можно судить о темпе развития русской промышленности. Между тем, данных нет. Отсутствуют совершенно данные о торговом аппарате трестов. Нет разъяснения о том, как подошло Статбюро к определению удельного веса разницы в общих оборотах синдицированной текстильной промышленности, не все то, что продается через розничные магазины, подходит под понятие розницы. Недостаточно освещен вопрос о взаимоотношениях Синдиката и трестов (расположение сети органов Синдиката и органов трестов).

Все же в общем и целом «Материалы» представляют собой, бесспорно, огромную ценность, и, конечно, ни один читатель, интересующийся вопросами хозяйственного возрождения страны, не обойдет ее.

Д. Хавин.

РАБОЧАЯ КООПЕРАЦИЯ в 1924 г. Издание Церабсекции. Москва 1924 г. in 8⁰. Стр. 231.

Рецензируемая книга носит характер не столько отчета в узком смысле этого слова, сколько доклада, стремящегося на основе средних данных выявить динамику развития рабочей кооперации и перспективы ее деятельности на ближайший период. Приведенные в книге данные сравнительно полно освещают деятельность рабочих кооперативов основных промышленных районов союза. Несмотря на некоторую неполноту данных и спорность части их, книга позволяет установить с полной определенностью произведенное рабочей кооперацией в течение 1923—24 хозяйственного года продвижение вперед на путях к охвату рабочего бюджета и овладению рынком, в результате которого она достигла в Донбассе у горняков 50—80%, на Урале у металлистов 35—65% и в Центрально-Промышленном районе у текстильщиков 30—50% реализации заработной платы через кооперативы.

Книга распадается на 2 почти равных части, из которых первая посвящена общей характеристике рабочей кооперации, а вторая заключает очерки отдельных крупных рабочих кооперативных организаций (МСПО, ЛСПО, Баку, Грозный, Лисичанск, Тула, Иваново-Вознесенск, Тверь, Ярославль и Харьков).

Первая часть разбивается на ряд глав, из которых первая дает характеристику роли рабочей кооперации в советском хозяйстве, отношений профсоюзов и рабочей кооперации и намечает ее задачи по обслуживанию рабочего быта и задачи центра рабочей кооперации.

Вторая глава (организационное состояние рабочей кооперации) касается вопросов о добровольном членстве, о связи с потребителем, о ЦРК членах Центросоюза, о кооперировании членов профсоюзов — 62,6%, в то время как к началу 1924 г. — 50,8%; динамике количества пайщиков — 2.863.000 на 1 августа 1924 г., тогда как на 1 июня 1923 г. — 1.777.000, т.-е. прирост 61,1%; паевого капитала, среднего размера паевых взносов, материальной заинтересованности пайщиков и структуры аппарата.

Глава третья (хозяйственная деятельность рабочей кооперации) дает сведения о торговой сети и товарообороте рабочих кооперативов, характере кооперативной торговли, ассортименте товаров в рабочих кооперативах, характеристику условий товарных закупок, продажных цен, организационно-торговых расходов и служебного аппарата. Из

этой главы мы узнаем, что за 1-е полугодие 1924 г. товарооборот рабочей кооперации возрос на Урале на 44%, в Донбассе—на 63%, в Центрально-Промышленном районе—на 87% и в Северо-Западном—на 105%; что средний забор одного пайщика в июне составлял в месяц на Урале 6 р. 70 к., в Северо-Западном районе 10 р. 40 к. и в Центрально-Промышленном — 15 р.; что в товарном ассортименте по данным за июнь месяц продуктовые и бакалейные товары составляют от 35,5% (на Урале) до 81,7% (в Северо-Западном районе), мануфактура от 10,9% (в Северо-Западном районе) до 44,7% (в Донбассе) и хозяйственные и прочие товары от 6,2% (Донбасс) до 30,7% (Урал), в то время как по обследованию рабочих бюджетов в ноябре 1923 г. затраты на питание составляли 44,1% по столицам и 40,5% по провинции всего расходного бюджета; приобретение одежды, белья и обуви — 18,9% и 24,5% и прочие расходы, поддающиеся рыночной реализации — 14,3% и 19,8%; что, наконец, организационно-торговые расходы составляли в июне месяце от 10,5% до 15,4%.

Глава четвертая (финансовое состояние рабочей кооперации) приводит сводные балансы рабочих кооперативов на 1 января 1924 года (по 352 организациям) и на 1 июля (по 319), выясняет рост их (118,1 тыс. на 1 кооп. на 1 янв. 1924 г. и 287,8 тыс. на 1/VII—1924 г.), отношение товарооборота (от 1 : 2,9 до 1 : 4,1) к итогу балансов, строение балансов, соотношения собственных и чужих средств (1 : 3,5), постоянного и оборотного капиталов, составляющих 11,3% и 88,7%. Следующие 2 главы говорят о рабочем кредитовании (мелколавочный кредит и долгосрочное индивидуальное кредитование) и о производственной деятельности рабочей кооперации (число предприятий по группам производств на 1/X—1923 г. и на 1 янв., 1/IV, 1/VII—1924 г. — кооперативное хлебопечение, общественное питание).

Наконец, последняя глава посвящена задачам и условиям работы Церабсекции по хозяйственному обслуживанию периферии и организационной деятельности.

С точки зрения статистической техники интересно отметить примененную в главе III и IV при анализе балансов и хозяйственной деятельности группировку обществ по размерам оборотов и по числу членов, при помощи которой устанавливается полный параллелизм между размерами оборота, числом пайщиков, числом лавок и числом служащих, а по вопросу о расходах устанавливается, что наименьшими являются расходы у самых крупных и у самых мелких кооперативов. Группировка по числу членов указывает на возрастание числа лавок и товарооборота на кооператив, при чем темп возрастания товарооборота быстрее темпа роста числа лавок (4,7 лавок и 28,3 тысяч руб. на 1 кооператив с числом членов до 1.000 чел., 9,8 лавок и 113,7 тысяч руб. на 1 кооператив с 3—5 тыс. членов и 36,3 лавок и 623,6 тыс. руб. на 1 кооператив с числом членов выше 10.000).

Приложение заключает в себе циркуляры и положения, таблицы о числе пайщиков, о торговых оборотах, накладных расходах индивидуально по каждому из кооперативов, вошедших в сводку, сводные и средние балансы, таблицы о кооперативном хлебопечении и балансы Церабсекции.

Книга составлена, главным образом, на основании материалов Церабсекции и Статистико-Экономического Отдела Центросоюза и богато иллюстрирована диаграммами и фотографическими снимками.

Г. Эльяшев.

К. С. СЕМЕНОВ. Лесное хозяйство Урала. Издательство Уралкниги. Свердловск 1925 г. Стр. 220. Тираж 3.000.

Только что вышедшая книга проф. К. С. Семенова «Лесное хозяйство Урала» является ценным вкладом в лесную литературу, где довольно полно описана «жизнь» уральских лесов, характерные особенности хозяйства в них в до- и послереволюционный период, формулировка главнейших задач по восстановлению его. В главе о лесах и лесистости Урала автор останавливается на распределении древесных пород, на учете лесов, на лесистости Урала и на краткой характеристике лесо-хозяйственных районов; в следующих главах ука-

зывается размер использования лесов, потребление древесины, размер эксплоатации лесов, условия лесных заготовок, описываются куренные операции, кучной и печной уголь, полное использование лесосеки, сплав, запасы древесного горючего и механизация лесных заготовок; в истории уральского лесного хозяйства касается лесоустройства и характерных особенностей лесов: горнозаводских, поссессионных, казенных лесного ведомства и крестьянских надельных, а в последней главе, трактующей о современном состоянии лесного хозяйства, говорит о национализации лесов и организации управления, о приписных лесных дачах, отведенных металлургическим трестам Урала, об администрации, охране, о лесных пожарах и об очистке лесосек.

Подсчеты, сделанные на основании материалов лесных отделов, не точны: возможный годичный отпуск из всех лесов Уральской области автор определяет в 6.687.000 кб. саж., между тем как эта цифра составит от 8.427.000 кб. с., если размер ежегодного прироста древесины принять за $^1/_4$ кб. с. в год на одну десятину покрытой лесом площади и до 11.249.328 кб. с., принимая прирост в год—$^1/_3$ кб. саж.

Чрезвычайно важный вопрос о приписке лесных дач к уральским металлургическим трестам и о состоянии лесного хозяйства в них имеет особое значение именно в настоящее время, когда промышленность предъявляет требование к передаче в административное и хозяйственное заведывание предприятий целый ряд лесных массивов. Автор говорит, что недостаток данных, ввиду краткости срока действия приписки, не позволяет еще с полным правом стать на ту или другую сторону, т.-е. сказать, плохо или хорошо хозяйничают уральские заводы в предоставленных им Наркомземом лесных дачах, и где лучше ведется хозяйство: в приписных дачах или в дачах НКЗ? Передача лесов в административное и хозяйственное заведывание предприятий, допускающая распыление хозяйственного управления лесами: а) расходится с основным принципом заведывания всем лесным фондом в едином центральном органе, каковым является НКЗ, так как предприятие всегда заинтересовано, прежде всего, в развитии своего производства, оно ответственно за интенсивность своего производства, а не за производительность леса, и непрерывность лесного пользования не будет для него актуальной задачей; б) санкционирует его одностороннюю эксплоатацию и требует целевого изменения хозяйства.

Приписка лесов уральским заводам находится в несколько других условиях. Древесно-угольное топливо, занимая в общем топливном балансе горных заводов свыше 70%, является основной базой, на которой развивается металлургическая промышленность Урала и которая определяет ее перспективы. Лес для уральских заводов — не непосредственный источник эксплоатации его, как такового, а его пища; расстраивать лесное хозяйство значит убивать основу, и задача создания нормального древесно-угольного запаса является основным обязательным условием составления лесокуренного плана; накопление нормальных запасов топлива должно гарантировать производству непрерывность пользования. Горнозаводские леса являются главными потребителями древесины, и без них громадные северные уральские лесные массивы были бы обречены на гибель. В числе заготовок промышленности основное место занимает металлургия, получившая в 1923—24 г. свыше 600.000 кб. саж. древесины, т.-е. бо́льшую половину промышленного отпуска. Сметная годичная лесосека минувшего операционного года по всему Уралу составляла 3.556.654 кб. саж. древесины, а фактический отпуск 1.587.648 кб. саж., т.-е. процент использования сметной годичной лесосеки составлял всего 44,6%.

Указанные выше соображения говорят за то, что если передача лесов в хозяйственное управление разных предприятий создает неблагоприятную обстановку для использования производительных возможностей лесных массивов, то приписка к уральской металлургии лесных дач, имеющая за собою историческое прошлое, казалось бы, не должна была отражаться резко отрицательно на лесном хозяйстве Урала, принимая во внимание новый огромный фактор—

ликвидацию частного владения горными заводами. Тем не менее ряд выявленных уже органами НКФ и НКЗ дефектов в области руководства приписными лесами [уральским совнархозом] указывают на то, что уральские заводы еще не в достаточной мере отрешились от прежнего, дореволюционного, взгляда на лесное хозяйство и лишены иногда объективности в смысле планомерного и нормального использования предоставленных им лесных массивов, хотя следует оговориться, что к началу текущего операционного года в положении приписного лесного хозяйства замечается некоторый уклон в сторону упорядочения и изжития тех дефектов, которые имели место в первые месяцы приписки.

Эта сторона вопроса не освещена в книжке проф. К. С. Семенова.

В главе о деревообделочной промышленности автор довольно подробно останавливается на лесопильной промышленности, принимающей характер высоко оборудованного капиталистического производства, но не уделяет должного места кустарной обработке дерева, этой видной отрасли деревообрабатывающей промышленности Уральской области.

А. А. Бессер.

РАБОЧЕЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

1. I. Н. БЫХОВСКИЙ. Работница и страхование. II. Н. БЫХОВСКИЙ. Страхование рабочих в СССР на случай увечья. III. Н. БЫХОВСКИЙ. Страхкасса. IV. Н. ВИГДОРЧИК. Что должен знать застрахованный. V. Н. ВИГДОРЧИК. Что такое инвалидность. VI. А. ВИШНЕВЕЦКИЙ. Обеспечение инвалидов труда. VII. М. ЛУКОМСКИЙ. Рабочая медицина. VIII. Н. ФАБРИКАНТ. Социальное страхование. IX. А. ШТЕЙНБЕРГ. Социальное страхование. X. А. ШТЕЙНБЕРГ. Организация медпомощи и заболеваемость рабочих. XI. Б. МИХАЙЛОВ. Социальное страхование в иностранных государствах. *Д. Яхнина.* — **2. ЗА ЕДИНСТВО МИРОВОГО ПРОФДВИЖЕНИЯ.** *В. Яроцкого.* — **3. О. РОЗЕНФЕЛЬД. История профдвижения в России. Синхронистические таблицы.** *А. Мильштейна.* — **4. Г. ЗИНОВЬЕВ. Профсоюзы и наши задачи.** *А. Чекина.*

Н. БЫХОВСКИЙ. Работница и страхование. Стр. 31. Страхов. рабочих в СССР на случай увечья. Стр. 23. Страхкасса. Стр. 94.

Н. ВИГДОРЧИК. Что должен знать застрахованный. Стр. 32. Что такое инвалидность. Стр. 31.

А. ВИШНЕВЕЦКИЙ. Обеспечение инвалидов труда. Стр. 45.

М. ЛУКОМСКИЙ. Рабочая медицина. Стр. 30.

Н. ФАБРИКАНТ. Социальное страхование. Стр. 32.

А. ШТЕЙНБЕРГ. Соц. страхование. Стр. 33. Организация медпомощи и заболеваемость рабочих. Стр. 38.

Б. МИХАЙЛОВ. Социальное страхование в иностранных государствах. Стр. 140. Изд. «Вопросы Труда». М. 1924 г.

Насущная потребность в ознакомлении с теорией и практикой социального страхования как широких застрахованных масс, так и работников соцстрахования заставила наши издательства выпустить целый ряд брошюр и книг, посвященных этому вопросу. К сожалению, не все изданное пригодно для той цели, для которой оно предназначено. В особенности неудачны популярные брошюры Быховского, рассчитанные, очевидно, на рабочего читателя. Написанные в жалостливом стиле, со слезой на каждой странице, они рисуют соцстрахование в виде некоего щедрого и добродетельного божества, сыплющего на застрахованного все мыслимые и немыслимые блага. А главное, самому застрахованному совершенно не о чем заботиться, все за него обдумано, сделано и подписано. Не пора ли покончить с такой благодушной популяризацией? Страховая пропаганда должна поднять активность рабочего, втянуть его в круг интересов страховой работы, доказать застрахованному, что он сам несет на себе значительную долю ответственности за постановку всего страхового дела и за

расходование страховых средств. Нарочитое игнорирование и смазывание тех законных ограничений, которые декретированы нашим законодательством и органами соцстрахования в защиту средств страховых касс ничего, кроме вреда, принести не может. Такая популяризация идей социального страхования лишь вводит в заблуждение рабочего, изображая страховые организации исключительно как благотворительные учреждения. Если б работница вздумала руководиться при получении пособия по беременности специально посвященной ей брошюрой Быховского, ее ждало бы жестокое разочарование: вовсе недостаточно сходить в амбулаторию к врачу и получить бумажку с датой о предполагаемых родах, как пишет Быховский. Ничего подобного: каждая беременная застрахованная свидетельствуется в комиссии при кассе, которая одна только и правомочна вынести заключение об отпуске. Это очень большая практическая разница, и всякая рожавшая застрахованная это знает. Как можно давать в книжке, которая называется «Работница и страхование», неправильные сведения по такому кардинальному для каждой женщины вопросу, как беременность?

Полную противоположность книжкам Быховского представляют брошюры Н. Вигдорчика. Ясное, отчетливое изложение основ нашего социального страхования, простой, всем доступный и понятный язык без фальшивой подделки «под народ»,—вот основная черта этих маленьких и нужных работ д-ра Вигдорчика. Автор нигде не забывает, что рабочий, купивший его брошюру, будет искать в ней не только изложения принципов соцстрахования, но и ответа и объяснения тех затруднений, которые он встречает при практическом использовании своей страховой кассы. В результате каждая коротенькая главка не только теоретически, но и практически полезна читателю. Жаль только, что брошюра д-ра Вигдорчика «Что должен знать застрахованный» дороже всех остальных. 90 коп.—слишком большая цена за книжечку в 30 стр.

Брошюры Вишневецкого и Фабриканта, написанные без претензии на оригинальность, дойдут до рабочего читателя. Если в них не все сказано, то сказанное по крайней мере проверено и продумано.

Контингент читателей, на которых рассчитаны книжки Штейнберга, это — работники страховых, профессиональных и медицинских организаций. Главная их ценность в умелом использовании материалов, опубликованных в отчетах Мосгубсоцстраха за 1923-24 г. (посл. под ред. Карпухина). Их должен прочесть всякий, желающий ознакомиться с фактическим положением социального страхования в Москве и, в частности, всякий выступающий на рабочих собраниях с докладами о заболеваемости и о социальном страховании. Брошюра Лукомского касается одного из больных вопросов нашего соцстрахования: недостаточной связи между медицинскими и страховыми организациями. Автор является сторонником выделения внутри *единой* медицины особой *рабочей медицины*.

Особняком стоит книга Михайлова о соцстраховании в иностранных государствах. Литература по этому вопросу у нас очень бедна, устарела (*Литвинов-Фалинский* «Организация и практика страхования рабочих в Германии», изд. 1903 г., и *Мюллер* «Рабоч. секретариаты и государственное страхование рабочих в Германии», изд. 1907 г.) и, наконец, посвящена почти исключительно германскому страхованию. Книга Михайлова отчасти восполняет этот пробел. Но только отчасти. Власть традиций и материалов, которыми пользовался автор, очевидно, заставила его пойти по тому же пути и остановиться больше и раньше всего на Германии. Английской системе страхования уделена одна страница, между тем именно Англия из всех буржуазных государств обладает наиболее совершенным соцстрахованием. Германия еще до войны решительно отстала от нее. Очень слабо освещено Михайловым страхование материнства на Западе. Это тем более важно, что наша советская практика превзошла в этом отношении не только западную действительность, но и программы социал-демократических партий.

Изложение слишком конспективное. Разбросанность материалов несколько

затрудняет пользование книгой. Следовало бы прибавить к ней в виде отдельного приложения или таблицы краткую сводку основных страховых законов крупнейших буржуазных государств и нашей республики. Такая сводка была бы чрезвычайно контрастна и убедительна. Ценнее всего в книге то, что она появилась во-время.

Печать, бумага и внешний вид всех изданных брошюр хороши. Книгу Михайлова не мешало бы издать на лучшей бумаге.

Д. Яхнин.

ЗА ЕДИНСТВО МИРОВОГО ПРОФДВИЖЕНИЯ, вопросы профдвижения на пятом конгрессе Коминтерна. Государственное Издательство. Москва 1924 г. Стр. 160.

1924 год отмечен в истории мирового профессионального движения рядом чрезвычайно крупных фактов: на Венском Конгрессе Амстердамского Интернационала профсоюзов определенно реакционная попытка Жуо, Удегеста и немецких социал-демократов установить моральную блокаду русских союзов путем отказа от сношений с союзами СССР была сорвана оппозицией союзов английских, на V конгрессе Коминтерна был принят ряд чрезвычайно важных решений по вопросу о тактике единства, на Гулльском конгрессе тред-юнионов появилась впервые в истории движения делегация союзов СССР, на VI Всесоюзном съезде профсоюзов не только присутствовала делегация английских союзов, но и было принято решение о создании англо-русского комитета единства. Все эти факты — эпизоды одного и то же процесса, процесса борьбы за международное единство профессионального движения. И процесс этот — длительный, начавшийся не в 1924 году и не в этом году заканчивающийся. В 1924 году мы имели лишь ряд чрезвычайно крупных отображений этого процесса...

Однако, чтобы понять и отчетливо представить себе все значение процесса, чтобы *практическую политику борьбы за единство проводить в жизнь правильно* — необходимо все факты такой борьбы осмыслить. И необходимо в первую голову осмыслить тот путь, которым развивается весь процесс.

Между тем, ничто в такой мере не помогает этому, как та дискуссия, какая происходила на V конгрессе Коминтерна по вопросу о единстве. Здесь заострился весь вопрос и в четких позициях различных авторитетнейших представителей рабочего авангарда всех стран получил свое оформление. И права редакция изданного Госиздатом сборника, когда она придает этой дискуссии и практическое и теоретическое значение, когда она говорит, что «эта дискуссия послужила исходным пунктом для кампании, проводимой ныне коммунистами и левым крылом Амстердамского Интернационала», и что она «дополняет и развивает учение Ленина, изложенное в его книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и в тезисах II Конгресса» (стр. 3—4).

На V конгрессе боролись, как известно, две точки зрения. Одна, представленная Шумахером, считала, что перед коммунистическими партиями стоит вопрос не о завоевании союзов изнутри, а о создании *нового* профессионального движения в противовес реакционным профсоюзам. Вторая, победившая на конгрессе и привлекшая на свою сторону подавляющее большинство делегатов, выражена была в позициях делегация РКП и ряда других делегаций. Наиболее выпукло эта последняя точка зрения была выражена в речи тов. Зиновьева, каждая строчка которой должна стать для практика профессионального движения и партийца столь же хорошо знакомой, как и та глава «Детской болезни», где говорится о необходимости для революционеров работать в реакционных профсоюзах.

Борьба двух точек зрения на конгрессе дала в конечном счете победу идее единства мирового профессионального движения. Этим предопределилась тактика коммунистических партий всего мира в вопросе о единстве профессионального движения. И это же придает исключительное значение книге, в которой дается полный отчет о прениях, имевших по данному вопросу место на V конгрессе Коминтерна.

В. Яроцкий.

О. РОЗЕНФЕЛЬД. История профдвижения в России. Синхронистические таблицы. Схема-конспект. Изд. 3-е, дополненное и исправленное. Изд. ВЦСПС. М. 1924 г. Стр. 150.

Автор, как видно из заголовка, ставит своей задачей осветить историю российского профдвижения с момента зарождения до наших дней конспективным путем.

Работа разбита на ряд глав по периодам: до 1905 г., с 1905 г. до наших дней.

Каждая глава разбита на самостоятельные подглавы:

1) Экономическое состояние России.

2) Политические условия развития рабочего движения.

3) Строение и работа професс. союзов.

4) Идеология профессионального движения.

В главе «Зарождение профессионального движения в России» до 1905 г. автор дал обозрение экономического состояния весьма бегло, выхватив несколько цифр (стр. 7), то же самое в главе «Экономическое состояние в России» с 1905 по 1906 г. Несколько цифр о состоянии промышленности за период с 1904 по 1907 г. (абзац на стр. 19) из всей главы не дают совершенно представления об экономическом состоянии нашей «Руси», периода 1905—1906 г.г.

Экономическое состояние 1907—1911 г.г. (стр. 18—42) выявляет постепенный рост «капитализации» страны, начинающейся организации синдицированных предприятий, освещает рост репрессий против рабочего движения. В остальных главах экономическое положение выясняется довольно бегло и схематично.

Изложение политических условий развития рабочего движения написано сжато, более конкретно. Но автор неправ, когда заявляет, что фабричная инспекция была уступкой рабочему движению со стороны царизма (стр. 7), вернее: организация последней явилась стремлением царизма удушить начинающееся рабочее движение.

Затем нельзя считать, как это делает автор (стр. 8) «Южно-Российский Рабочий Союз» даже в отдаленной степени предшественником профессиональных организаций.

Та же самая глава за период 1905—1906 г.г. (стр. 22—24) представляет конспективное изложение работы Ельницкого (стр. 195—210). Цифровой обзор стачечного движения автора (стр. 42) является выпиской из работы Ельницкого (стр. 227) *Ельницкий* История рабочего движения в России, II изд. ВЦСПС, 1923 г.

Удовлетворительно охвачено организационное строение и постепенный рост, а также работа русских профессиональных союзов за период 1905 г. К недочетам необходимо отнести недостаточное уделение внимания на «цеховщину» в наших союзах.

Автор устанавливает «к началу 1907 года организованных членов профсоюзов — 245.335 (стр. 39), не считая организованных рабочих в Сибири, Прибалтике и Средней Азии — 35.000». Ельницкий (в той же работе) устанавливает к средине 1907 г.— 245.555 и в перечисленных выше областях — 33.000. Разница в цифрах, конечно, небольшая и возможная, но при следующем издании требующая уточнения.

В подглаве «Идеология профдвижения» до 1905 г. автор в сжатой форме выявляет рост борьбы зачаточных профячеек за свое физическое существование.

Автор прав, отмечая, что борьба «за зачаточные профячейки проходит в атмосфере все большего сближения социал-демократической партии (стр. 9). Правильнее было бы сказать не сближение, а полное руководство со стороны левого крыла социал-демократической партии над профячейками.

В той же главе, за период с 1911—1914 г.г., автор отделывается такой беглой, утвердительной фразой «оживление профессиональной печати» (стр. 51),— надо было бы в двух словах указать, в чем же, где и как это оживление проявилось.

В конце книги автор, в виде приложения, поместил «Хронологию организационного строительства профдвижения» 1905—1922 г. г. включительно. Приложение безусловно нужное.

Приложение 2-е — статистические таблицы, охватывающие:

1) Постепенную разгрузку от цеховщины к производственным объединениям.

2) Количество союзов по ноябрь 1917 г.

3) Движение членства за период с 1917 по 1923 г.

4) Рост РКП (б) в нашем профдвижении.

5) Цифры участия женщин в производстве и профдвижении. Приложение 3-е — календарь революции и профдвижения (вернее было бы—календарь рабочего движения).

Построение и характер рецензируемой работы предрешает вопрос, для какого читателя предназначена брошюра. Схематичность, какая-то «злостная» беглость в изложении не даст возможность массовику справиться с книгой. В целом книга полезна для наших профкружков и для отдельных товарищей, занимающихся теоретическим изучением российского профессионального движения.

Издана удовлетворительно.

Д. Мильштейн.

Г. ЗИНОВЬЕВ. Профсоюзы и наши задачи. Государственное Издательство. Москва 1925 г. Стр. 40. Тираж 25 тысяч.

Настоящая брошюра представляет собою перепечатку речи т. Зиновьева на V съезде профессиональных союзов СССР. К ней, однако, приложены и речи трех участников съезда, речи, которые позволяют в обстоятельном обзоре задач рабочего класса СССР, данном тов. Зиновьевым, *выделить* самый существенный момент.

Приложенные речи были произнесены представителями английского Генерального Совета тред-юнионов, А. Перселем, Фредом Брамли и Беном Тиллеттом. И самый факт появления на VI съезде профессиональных союзов СССР делегации британского профессионального движения сразу же после ожесточеннейшей классовой схватки (в которую вылились выборы 29 октября 1924 года), и характер заявлений, сделанных выдвинутыми делегацией ораторами, — все это подчеркивает значение той части речи руководителя Коминтерна, в которой т. Зиновьев намечает *тактику и политику рабочего класса СССР в борьбе за единство мирового профессионального движения*.

Это не значит, конечно, что *меньшее* значение имеют все остальные вопросы, которые были освещены в данный речи т. Зиновьевым. И отношение к деревне, и проблема поднятия производительности труда, — все это животрепещущие вопросы, значение которых никто не в состоянии преуменьшить. Истекшие со времени VI съезда месяцы показали, что рабочий класс *усвоил* все значение их и принял соответствующие меры к правильному их решению. Но и издательство, выпустившее речь тов. Зиновьева в сопровождении речей Перселя, Брамли и Тиллетта, и читатель, знакомящийся с речью т. Зиновьева, правильно и законно выделили и выделят *вопрос об единстве* как краеугольный камень и в выступлении т. Зиновьева и в работах VI съезда.

«Новая полоса самой черной реакции,— говорил т. Зиновьев,— ее одной достаточно, чтобы каждый честный борец рабочего класса мог сказать, что при таком положении вещей международное единство профдвижения нам необходимо, как воздух для человека». Вот почему так выпукло выступает в работах съезда и в речи самого т. Зиновьева этот вопрос об единстве. И вот почему так необходимо для его понимания, помимо изучения уже опубликованных материалов (работы III конгресса Профинтерна, V конгресса Коминтерна, речь т. Томского на Гуллъском конгрессе, переписка ВЦСПС с Амстердамом и др.), знакомство с выступлением т. Зиновьева и представителей английской делегации тред-юнионов.

Д. Ченин.

ИСТОРИЯ.

а) Всеобщая история.

1. Н. ЛУКИН-АНТОНОВ. Новейшая история Западной Европы. *Ц. Фридлянда.*

Н. ЛУКИН (Антонов). Новейшая история Западной Европы. Вып. I. Изд. «Красная Новь». Москва 1923 г. Стр. 539.

Огромное большинство читателей вряд ли имеет представление о колоссальных трудностях и огромной работе по составлению марксистского учебника, рассчитанного на массовика, слушателя вузов, комвузов, рабфаков, партшкол II ступени. Для такого учебника необходимо прежде всего, чтобы на-лицо были строго проверенные марксистские формулировки по всем вопросам. Слушателям в учебнике нельзя преподносить свои теории, необходимо дать наиболее точно установленное, проверенное. Учебник вместе с тем дает систему; это — курс, т.-е. огромная масса сведений должна быть подчинена единой мысли, которой подчинено и расположение материала книги. Эта система, однако, так же — дело длительной проверки и установки. Имеются ли у нас, революционных марксистов, точные формулировки и единая система в оценке истории XIX века, которая могла бы лечь в основу учебника? Конечно, нет! Вот почему попытка Н. М. Лукина, *как первый опыт*, имеет огромное значение, выходящий за рамки составления учебника. Мы должны поэтому расценивать книгу не исключительно, как учебник, но и как *исследование* огромной важности.

Н. М. Лукин в предисловии пишет: «Требуется учесть и закрепить в учебнике еще весьма недавний, но весьма ценный опыт, который уже имеется у товарищей, которым посчастливилось вести педагогическую работу с новым пролетарским студенчеством нашей высшей школы». Следовательно, второе затруднение, которое приходится преодолевать автору марксистского учебника, это — что он должен быть *пионером* не только в теоретической области, но и в области чисто педагогической. Новая аудитория, новые методы работы делают непригодными все старые учебники, но этим далеко не предрешен вопрос о том, каким должен быть наш учебник.

Вот, скажем, два вопроса, которые выдвинуты практикой нашей педагогической работы в вузах: должны ли мы дать слушателям представление об исторической *среде* и *законах*, в ней преломляющихся, или знакомить их с *конкретным* историческим процессом, с действиями людей как представителей классов и т. д.; должны ли мы преподавать и преподносить слушателям *формулировки* или следует давать им только *материал*, направляя их самостоятельной критической работой, должны ли мы в курсе истории XIX и XX в.в. останавливаться исключительно на истории революций или дать студентам представление об обще-историческом процессе, где вопросы внешней политики должны занять значительное место? Для всякого педагога ясно, что вопросы эти не случайные, не произвольные. Но разрешить их значит иметь в виду определенный тип школы, определенную аудиторию.

Первое, что мы хотели бы отметить, говоря об учебнике Н. М. Лукина, это то, что он рассчитан исключительно на *подготовленную* аудиторию, студентов вузов и руководителей кружков. В этом нас убеждает более чем годовой опыт работы. И для следующего издания важно, чтобы автор имел в виду эту аудиторию для своего учебника и отказался бы заранее удовлетворять интересы разнородной аудитории.

При этом условии автор сможет пойти дальше по пути расширения обхвата книги, концентрируя свое внимание на истории революций и социализма, но, вместе с тем, отводя больше места и внешней политике и идеологии. Соб-

ственно, только имея в виду повышенную аудиторию, автор свободно сможет дать изображение общей закономерности исторического процесса, не отвлекаясь чисто описательной стороной ее. Автору вместе с тем не придется иметь в виду побочную задачу: дать слушателям только материал для проработки, для лабораторных занятий.

Итак, учебник Лукина по существу рассчитан и *должен* иметь в виду подготовленную аудиторию. Это университетский учебник в лучшем смысле этого слова. Для слушателя нашей партшколы второй ступени, скажем, затруднительно то, что книга не разбита на небольшие параграфы, что при чтении ее слушателю приходится самому формулировать план материала после прочтения десяти страниц вместо того, чтобы этот план получить тотчас, приступая к чтению главы. Неподготовленному читателю трудно освоиться с абстрактно-исторической схемой, которая язляется результатом знания фактического материала, но не предшествует ему. Он не может одолеть более 500 стр. по курсу до 1848 г. Но руководителю, подготовленному студенту книга дает полный исчерпывающий ответ на ряд вопросов, систему исторических знаний. Именно этого читателя должен иметь в виду Н. М. Лукин в следующем издании.

В краткой рецензии мы не можем подробнее останавливаться на оценке и разборе с педагогической точки зрения отдельных частей книги.

Это требует подробного коллективного обсуждения преподавателей. Мы попытаемся сделать здесь несколько замечаний по поводу некоторых теоретических положений автора. Обратим наше внимание только на один вопрос: на вопрос о внешней политике В. Фр. революции. Это, конечно, недостаточно, но мы и не думаем исчерпать все вопросы. Важно отметить, что формулировка т. Лукина по этому вопросу не может быть принята без возражений. В вопросе о возникновении войн революции Н. М. Лукин солидарен с Ж. Жоресом, что «между осенью 1791 г. не было еще никакой реальной опасности со стороны монархической Европы», что жирондисты спровоцировали войну, что они затеяли ее, чтобы отвлечь массы от новой революции. В основном эта точка зрения не верна. Жорес находится под влиянием своих *пацифистских* убеждений, которые он переносит на Фр. революцию. Ж. Жорес пишет: «Может быть, именно потому, что мир, международное согласие представляется нам совершенно необходимым условием торжества пролетариата и социальной революции, мы вносим и в прошлое, уже и в демократически-буржуазную революцию, эту миролюбивую тенденцию». Вот почему самая слабая глава во II томе его «Истории»,— глава, которая обнаружила все слабые стороны метода Жореса, — это «Война или мир». Он утверждает, что война была «умышленно затеяна», но это не так. Верхушки буржуазии еще в эпоху учредит. собрания готовились к войне, имея в виду Голландию, и поэтому Жорес неправ, утверждая: «Ах! если бы жил Мирабо, и если бы он жил, будучи свободен от всякой связи тайной с двором, его революционный и в то же время мудрый гений, может быть, спас бы свободу и отечество». Фельяны перешли вскоре на мирные позиции: за «ограниченную войну». Но деловая буржуазия всеми силами сопротивлялась, скажем, войне с Англией. Жирондисты делали все, чтобы избежать этой войны. Мы не можем подробно разбирать здесь этот вопрос, но отсылаем к статье Олара о внешней политике Конвента в «Leçons de la Révolution française».

Но и война с Австрией и Пруссией отнюдь не была спровоцирована: дальнейшее развитие революции внутри Франции неизбежно вызвало бы столкновение с феодальным окружением Франции. В конце 1791 г. коалиция была еще делом будущего, но можно сказать наверняка, что Франция была бы в отчаянном положении, если бы позже она оказалась обороняющейся, но не наступающей стороной. Стоит только внимательно вчитаться в соображения по вопросу о войне конституционалиста Барнава, который предлагает: «вовсе не думать ни об эмигрантах, ни о державах... Если бы держались этого образца действий, то все препятствия вскоре, несомненно, исчезли бы» (см. *Жорес*, т. II: Законодательное собрание, стр. 57).

Барнав связывает вопрос о мире внутри Франции с миром во вне. Утверждают, что жирондисты желали задержать революцию и потому начали войну. Но это так же неверно, как и старое утверждение Зибеля, что жирондисты, желая революции, предложили начать войну. Не стоит ли здесь вспомнить мельком брошенное Жоресом замечание о том, что Робеспьер пессимистически расценивал в тот момент силы революционной массы, боялся начать гражданскую войну и потому был против войны, которая отдала бы власть в руки Жиронды без гражданской войны. Нам кажется также, что в манифесте 19 ноября 1792 г. и 15 декабря 1792 г. нам даны две программы войны: жирондистская и монтаньярская (см. Олар), и что, наконец, революц.-завоевательные устремления армий отнюдь не были программой *жирондистской* войны. Ведь программа Дантона, как чисто буржуазная программа внешней политики, в апреле 1793 года отклонила завоевания, хотя в конце 1792 года Дантон готов был окружить Францию «поясом дочерних республик»...

Мы мельком остановились на разборе этого вопроса, чтобы показать, какие огромные трудности стоят перед автором учебника, которому приходится - одиночку разрешать *все* вопросы истоерии, которые марксистски далеко ещне разработаны его предшественниками. Какая огромная еще разница в методе разработки исторического материала отдельных марксистов-историков!

Можно, без всякого сомнения, найти в книге те или другие мелкие дефекты, но одно нужно сказать: *выполненная Н. М. Лукиным работа — дело огромной важности.* Книга должна стать учебной для преподавателей, руководителей кружков наиболее подготовленной части студенчества. Задача Н. М. Лукина — второе издание приспособить к этой аудитории, продолжая учебник и не стесняясь размерами его и популярностью изложения. Это придаст автору бóльшую уверенность при выборе типа изложения и поможет разработке вопросов систематического курса истории.

Ц. Фридлянд.

б) Русская история.

1. М. Н. ПОКРОВСКИЙ. Царская Россия и война. *М. Клевенского.* — 2. ПРОФ. К. КУДРЯШОВ. Последний фаворит Екатерины II. *М. Клевенского.*

М. Н. ПОКРОВСКИЙ. Царская Россия и война. Государственное Издательство. Москва 1924 г. Стр. 87.

Книжка М. Н. Покровского написана по материалам бывшего «Секрѐтного архива министерства иностранных дел». Документами этого архива великолепно освещается международное положение зимою 1914—1915 г.г., когда подготовлялось секретное соглашение между Англией, Францией и Россией о Константинополе и проливах. С начала войны нейтралитет Турции был для русской дипломатии досадным обстоятельством: а вдруг Турция уклонится от войны, и вопроса о проливах нельзя будет ставить? А тут еще недогадливый посол в Константинополе Гирс засыпал телеграммами с предложениями устроить союз с Турцией. Приходилось тянуть время, а Гирсу намекать, что «действий Турции непосредственно против нас мы не опасаемся». После официального вступления Турции в войну против России, в конце октября 1914 г., можно было уж определенно ставить вопрос о проливах, что и было сделано, при чем инициативу взял на себя сам Николай в беседе с Палеологом. Возникавшие вре-

мя от времени слухи о возможности сепаратного мира были тем условием, которое заставляло союзников считаться с русскими требованиями. Перспектива австро-русского мира поставила перед Англией стратегическую задачу: быть в проливах раньше русских. Этим объясняется бомбардировка Дарданелл, начавшаяся 19 февраля 1915 года. С Францией столковались на условии: бери, что хочешь, только дай мне Константинополь. Продолжавшиеся носиться слухи о сепаратном мире России с Австрией заставили быть уступчивее и Англию, — тем более, что бомбардировка шла плохо. В ответ на русский меморандум от 4 марта 1915 года Бьюкенен передал Сазонову 12 марта английский меморандум. Содержание его чрезвычайно интересно по той циничности, с которой распределяется здесь добыча. Подчеркнув, что Россия желает захватить «богатейшую добычу всей войны», Англия идет и на это, выговорив себе только свободу действий в других пунктах, в частности, в Персии: меморандум требует «пересмотра персидской части англо-русского соглашения 1907 года в смысле признания британской сферой того, что является теперь сферой нейтральной». Итак, издержки войны должна была платить... Персия, поддерживавшая самый строгий нейтралитет! Действительно, английский меморандум представляет из себя «краткий конспект всей философии мировой войны», по верному определению М. Н. Покровского. Здесь поставлены все точки над «i», так что всякому становится понятно, во имя какой «цивилизации и культуры» велась война.

Все документы, о которых идет речь в брошюре, приведены полностью в приложениях.

М. Клевенский.

Проф. К. КУДРЯШОВ. Последний фаворит Екатерины II (Платон Зубов). Издательство Брокгауз-Ефрон. Ленинград 1925 г. Стр. 95.

Новая книга по типу своему не научное исследование, а популярный очерк. Значит, она рассчитана на более или менее широкий круг читателей. Интересно было бы знать, какое дело читателю нашего времени до жизни и личности последнего любовника Екатерины, услаждавшего 60-летнюю старуху? Никаких обобщений по поводу рассказываемого в книге не делается. Кончается она фразой: «Зубов умер в 1822 г. в своем замке Руенталь в Курляндии». Точка. Все. Никаких выводов нет и в предыдущем изложении, если не считать «выводами» таких замечаний, как: «Закат екатерининской эпохи никак нельзя признать блестящим» или: «Платон Зубов своей фигурой особенно рельефно подчеркнул вредоносное влияние фаворитизма при русском дворе на ход правительственных дел». Действительно, новые и свежие мысли! Автор доказывает, что Платон Зубов был полным ничтожеством. Но разве это еще требует доказательств? Хоть бы были, по поводу Зубова, какие-нибудь живые культурно-исторические подробности, но и этого нет, все известно и переизвестно. Зачем-то рассказывается о внешних и внутренних делах России во время фавора Зубова, — и рассказывается совершенно в духе и стиле старых учебников. Решительно непонятно, зачем понадобилось издавать эту книгу.

М. Клевенский.

в) История революционных движений в России.

1. К. БЕРКОВА. Н. Г. Чернышевский. *Б. Козьмина.* — 2. Ж. ЛОНГЕ и Г. ЗИЛЬБЕР. Террористы и охранка. *М. Клевенского.* — 3. ТРЕТИЙ ОЧЕРЕДНОЙ СЪЕЗД РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. *П. Лепешинского.* — 4. С. ТОМСИНСКИЙ. Борьба классов и партий во второй Государственной Думе. *В. Невского.* — 5. Г. ЧЕМОДАНОВ. Нерчинская каторга. *М. Брагинского.* — 6. А. СОБОЛЬ. На каторжном пути. *К. Злинченко.* — 7. I. В. ВИЛЕНСКИЙ-СИБИРЯКОВ. Каторга и ссылка в русской революции. II. Его же. Ветераны революции. III. М. ФРОЛЕНКО. Побег Дейча, Стефановича и Бохановского. IV. Его же. Побег Алеши Поповича. *Р. Ковнатор.* — 8. А. РИС ВИЛЬЯМС. Народные массы в русской революции. *Р. Ковнатор.* — 9. ИЗВЕСТИЯ ПРИМОРСКОГО ГУБЕРНСКОГО АРХИВНОГО БЮРО. *С. Пионтковского.* — 10. СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. *С. Пионтковского.* — 11. И. ЯНСОН-БРАУН. Революция в Прибалтике. *В. Аболтина.*

К. Н. БЕРКОВА. Н. Г. Чернышевский. Биографический очерк. 1828—1889—1924. Изд. «Московский Рабочий». М. 1925 г. Стр. 280.

Повидимому, автор рецензируемой книги стремился дать рассчитанную на самого широкого читателя биографию Н. Г. Чернышевского. Задача поставлена весьма удачно. Такой биографии Чернышевского в нашей литературе не имеется; о том же, что она необходима, не может быть двух различных мнений. Ценные работы Плеханова и Стеклова доступны лишь более или менее подготовленным читателям. Притом первая из них совершенно оставляет в стороне жизнь Чернышевского, вторая же отводит ей очень мало места. Оба эти автора интересуются, главным образом, творчеством и миросозерцанием Чернышевского, а не его биографией. Между тем, не только творчество Чернышевского, но и его многострадальная жизнь представляют большое общественное и историческое значение.

Надо признать, что в общем К. Н. Беркова с поставленной себе задачей справилась удовлетворительно. В легкой и доступной для малоподготовленного читателя форме ведет она рассказ о жизненном пути великого революционера. Однако, вместе с тем, ее работа вызывает ряд возражений.

Прежде всего читателя ставит в недоумение то, что местами автор переходит на полубеллетристическую форму изложения. Против этого можно было бы и не возражать, но лишь при том условии, чтобы такой подход к теме был выдержан во всей книге. Однако этого нет, и поэтому книга отличается некоторой невыдержанностью.

Неприятное впечатление производит тон автора, местами впадающий в приторную слащавость, а местами — в совершенно лишний патетизм весьма невысокого качества. Чего стоит, напр., подобная картина: «Перед ним алели новые горизонты. Его расцветавшую юность манило и влекло заповедное царство, где самоцветными каменьями сверкают сокровища мысли и знания. На пороге царства мысли стояла величественная фигура Науки и ласковым жестом звала его вступить под своды своего храма»... Весь этот поток красноречия вызван тем, что Чернышевский поступил в университет. Или другой пример: «Жизнь Чернышевского с внешней стороны, это—убогий сельский ландшафт. Ржаное поле... Зеленый луг, покрытый чахлой травкой... Кое-где пасется чахлая крестьянская скотина (?)... Вдали виднеется тихая речушка, с берегами, поросшими осокой... Вот и все (?!)... внутренняя жизнь Чернышевского, это — «Неопалимая Купина», «огненный куст, горящий и несгорающий» и т. д. Как при чтении этих и подобных строк не вспомнить совета Базарова Кирсанову: «Друг мой, Аркадий, не говори так красиво!».

Автор добросовестно изучил относящийся к его теме материал и умело использовал его. Одно только вызывает возражение, это — то, что автор счел

возможным почти совершенно обойти ту остроту, которой были проникнуты отношения Чернышевского к его жене. После потрясающей книги В. А. Пыпиной нельзя уже замалчивать эту тему, ибо любовь Чернышевского к Ольге Сократовне дает очень яркие черты для характеристики его личности.

Не лишена книга К. Н. Берковой и фактических ошибок и неточностей. Так, напр., студент Сорько не мог помогать Костомарову в распространении прокламации Чернышевского к барским крестьянам, — как уверяет автор, — ибо прокламация эта вообще не распространялась. Неправильно указание автора на то, что большинство петрашевцев принадлежало не к дворянству, а к другим сословиям.

Рассказывая о жизни Чернышевского, автор попутно дает изображение общественно-политической обстановки, в которой протекала его деятельность. Однако соответствующие страницы являются наиболее слабыми во всей книге, и это надо признать ее наиболее существенным недостатком. Общественное движение 60-х годов автор рассматривает вне связи с экономическими явлениями того времени. Говоря о «появлении» в 60-х годах разночинцев, он не считает нужным объяснить читателю, какими причинами их «появление» было вызвано. Вообще, взгляд автора на ту эпоху довольно упрощенный и сводится к тому, что русское общество, дремавшее под тяжестью деспотизма Николая I, было разбужено двумя «ударами»: смертью Николая и падением Севастополя. В наше время странно встречать в книге, претендующей на серьезное значение, такие наивные благоглупости.

Надо сделать и еще один упрек автору. Касаясь мимоходом Писарева, автор утверждает, что он был «совершенно равнодушен» к положению «простонародья». Только полным непониманием общественно-политических взглядов Писарева можно объяснить подобный взгляд на человека, в центре всего миросозерцания которого в конечном счете стоял «вопрос о голодных и раздетых людях».

Б. Козьмин.

ЖАН ЛОНГЕ и ГЕОРГИЙ ЗИЛЬБЕР. Террористы и охранка. С предисловием Ж. Жореса. Книгоиздат. «Прометей». М. 1924. Стр. 214.

Происхождение книги таково. Известный деятель II Интернационала Лонге в сотрудничестве с русским эмигрантом Зильбером еще в 1909 году выпустил на французском языке книжку «Террористы и провокáторы», к которой Жорес написал небольшое предисловие. Под заглавием «Азеф» книжка тогда же была переведена на ряд европейских языков. Потом Зильбер переработал книгу уже на русском языке, дополнив ее на основании новых появившихся в печати материалов и своих личных расспросов разных лиц. Сам он умер в России в 1918 году, поручив рукопись заботливости своих друзей. В настоящее время она и издается. Очень небольшое число страниц книги посвящено Дегаеву, Зубатову, Гапону и Гартингу-Ландезену, в основной же своей части книга представляет повествование об Азефе. Тот острый интерес, который вызвала к себе книжка во всей Европе в 1919 году, вполне понятен — тогда раскрытие преступлений Азефа и царского правительства было свежей новостью. В настоящее же время русским читателям достаточно известно то, что рассказывается в книге об Азефе. Написана книга в сенсационно-фельетонном стиле. Остались следы того, что в первоначальном виде книга предназначалась для французских читателей: Д. А. Толстой назван «первым министром», жалованье известного ренегата-охранника Стародворского выражено не в рублях, а во франках. Есть и другие недосмотры, напр., год рождения Азефа указан совершенно несообразно (1896 г.,—очевидно, опечатка). Вообще говоря, не совсем понятно, зачем понадобилось издавать эту легковесную книжку на русском языке.

М. Клевенский.

ТРЕТИЙ ОЧЕРЕДНОЙ СЪЕЗД РСДРП 1905 г. Полный текст протоколов с предисловием и под редакцией М. Н. Лядова. Изд. Истпарта. Государственное Издательство. Москва 1924 г. Стр. 569.

Никакие современные очерки, добросовестнейшие компиляции, монографии и учебники по истории РКП не могут сделать излишним переиздание тех, ставших библиографической редкостью исторических первоисточников (протоколов II, III, IV, V съездов, газет «Искры», «Вперед», «Пролетарий» и т. д.), которые в свое время наиболее полно и ярко отображали все то, что составляло подлинное содержание партийной жизни со всеми ее не только исторически предопределенными моментами развития, но и более или менее случайными оттенками внутрипартийных течений и настроений. Поэтому новое издание Истпарта — полный текст протоколов III съезда партии — будет встречено очень сочувственно в тех читательских кругах, где уже пробужден живой интерес к истории РКП.

Это издание представит огромный интерес и для лиц, специально занимающихся историей партии, ибо они найдут в тексте много новинок — вставок (заключенных в квадратные скобки) по сравнению с первым (женевским) изданием. Такими вставками, не вошедшими в первое издание по конспиративным соображениям, особенно богаты страницы, посвященные отчетному докладу ЦК (напр., стр. 457 — 467). Очень жаль только, что в настоящем издании нет не только историографического осмотра, но и сколько-нибудь точных указаний на тот рукописный первоисточник, который лег в основу этого издания с его дополнительными данными. Неясно даже, в какой мере Истпарт использовал имевшиеся в его распоряжении счастливые возможности как можно полнее выявить все документальные подробности этого первоисточника. В предисловии «От Истпарта» говорится только, что «в настоящем издании оставлена первоначальная его редакция, т.-е. дополнения в тексте коснулись только мест, пропущенных по конспиративным соображениям, и незначительных исправлений некоторых неточностей, вкравшихся при печатании женевского издания». Получается впечатление, что редакция прошла мимо тех дополнительных мест в рукописи, которые не вошли в печатный текст первого издания по каким-нибудь иным соображениям, помимо конспиративных (напр., с тою целью, чтобы «придать книжке наименьший объем», о чем упоминается и в предисловии Истпарта). Если это так, то придется очень и очень пожалеть о том, что исторический документ огромной важности не был использован Истпартом с той тщательностью и добросовестностью, какой он заслуживает.

Предисловие тов. Лядова, предпосланное тексту «Протоколов», вместилось на восьми страницах книги. Эти скромные размеры предисловия вполне отвечают скромности содержания его. Несколько самых общих мыслей о кануне съезда (об исторической роли 9 января, о состоянии партии после раскола в 1903 г.) и история созыва III съезда, которая является очень беглым, очень конспективным изложением доклада на самом же съезде представителя ЦК Зимина (см. стр. 26—46 «Протоколов»), — вот и все, что читатель найдет в этом произведении, которое, очевидно, является более данью редактора традиционному обычаю сказать хоть что-либо от себя в форме предисловия к редактируемой им книге, чем серьезно задуманным пояснительным комментарием к содержанию книги. Уж было бы лучше, если бы в качестве предисловия здесь фигурировали несколько соответствующих живых страничек из статьи того же автора («Третий съезд РСДРП»), помещенной в № 3 «Пролетарской Революции».

Редакция книги не очень тщательная. Так, напр., сразу же бросается в глаза противоречие: на стр. 31, где говорится о назначении 4/17 апр. ЦК т.т. И. и В. членами Сов. Партии, к инициалам «И.» и «В.» имеется подстрочное примечание: «И.» — «Иннокентий» — «Дубровинский» и (по поводу инициала «В.») «Вадим» — «Посталовский». А на стр. 34 упоминаются те же члены Совета «Иогансен» и «Валерьян», при чем в примечании относительно первого значится: «Красин, Л. Б.», а второго: «Любимов».

За эти последние примечания отвечает «М. Л.» (очевидно, Мартын Ник. Лядов), а первая расшифровка (Дубровинский и Посталовский) неизвестно кому принадлежит, но во всяком случае ответственность за недосмотр лежит на редакторе.

Естественным объяснением происхождения такого рода дефектов является обычно перегруженность и недосуг тех ответственных работников, которым дается сверх их трудовой нормы задание, требующее трудной и кропотливой работы. Этим же, вероятно, можно объяснить и то обстоятельство, что в книге почти нет примечаний, имеющих целью послужить либо пояснениями к тем местам протоколов, которые в свое время из-за конспиративных соображений были завуалированы (напр., к конспиративным кличкам, к обозначениям имен посредством инициалов и т. п.), либо поучительными и интересными для современных читателей из рабочей молодежи комментариями, историческими справками и т. д. Примечания очень часто не снабжены подписями и только по смыслу (с риском иногда ошибиться) можно догадываться, принадлежат ли они нынешней редакции или подлиннику. Внешний признак (звездочка или номер примечания, — без пояснения, что означает эта разница) не надежен, так как под одним и тем же значком фигурируют иногда примечания обоих родов (см., напр., фигурирующие под нумерационными значками примечания на стр. 34 и 35 или 253). Но по смыслу все-таки можно кое-как разобраться. И вот оказывается, что за исключением нескольких примечаний, имеющих целью установление подлинных имен или обычных партийных кличек членов съезда (стр. 17—18) [1]) и тех двух противоречивых примечаний, о которых сказано выше, на всем остальном протяжении книги в 550 стр. мы только встречаем два редакционных примечания: одно на стр. 97, с указанием, что упоминаемый в тексте №№ есть т. Рязанов, другое — на стр. 558, относящееся уже не к тексту протоколов, а к одному из приложений и подчеркивающее странность того явления, что меньшевистская конференция 1905 г. не нашла времени заняться рассмотрением многих вопросов, волновавших местных работников. Принимая во внимание, что при издании исторических документов у нас уже установился хороший обычай снабжать в *интересах массового читателя* текст книги многими десятками, а иногда и сотнями примечаний (см., напр., Собр. соч. Ленина), скупость на этот счет редакции «Протоколов» III съезда производит несколько странное впечатление.

Конечно, такая работа потребовала бы от редактора некоторых усилий и иногда и исторических изысканий, но ведь это же как раз и представляет настоящую «изюминку» подобных изданий. Вот, напр., на стр. 38 «Протоколов» говорится о товарищах под кличками Б—а и Второва. Речь идет о членах ЦК или его агентах в 1904 — 1905 г.г. и небольшое историческое изыскание, вероятно, позволило бы установить подлинные имена этих товарищей. Напр., в VI т. соч. Н. Ленина говорится в примечании о том, что Второв — псевдоним В. Н. Носкова. Автор примечания, вероятно, ошибается, но, приняв во внимание все данные, относящиеся к этому псевдониму, историку нетрудно было бы установить, кто такой Второв (возможно, напр., что «Иннокентий» — Дубровинский, упоминаемый на стр. 40 «Валерьян», — вероятно, А. Любимов («Марк»). Часто упоминаемый при обсуждении устава автор проекта устава в № 13 «Вперед» — Иванов (см., напр., стр. 305 «Прот.» и следующие), быть может, не кто иной, как сам докладчик Максимов-Богданов и т. д., и т. д.

Но еще большее значение для читателя из массы имели бы пояснительные исторические справки, которые договаривали бы то, о чем текст «Протоколов» не дает полного представления. Вот один

[1]) Да и здесь нет надлежащей полноты: легко было бы, напр., установить имя делегата Полесского комитета Владимирова, ведь Владимировых много (хотя бы, напр., на основании письма т. Каменева, помещенного в № 6 «Пролет. Революции»), или по личному опросу установить, кто скрывается под псевдонимом «Яблочкин»: не Гусев ли, о котором говорится в вышеупомянутой статье т. Лядова в № 3 «Прол. Рев.»?

пример. По тактическим соображениям на съезде берет верх тенденция не подымать старой истории о странной (чтобы не сказать более) роли по отношению к большевикам со стороны так наз. «примиренческого» ЦК (летом 1904 г. в этот ЦК входили т.т. Л. Б. Красин, Носков и Гальперин). Вопрос о старых разногласиях Ленина с этим ЦК на съезде смазан (см., напр., прения в связи с отчетным докладом ЦК на стр. 481—489), а между тем для читателя, интересующегося перипетиями нашей внутрипартийной борьбы, историческая справка о «партийном кризисе» 1904—1905 г.г., пояснила бы очень многое, и т. Лядов очень хорошо сделал бы, если бы такую историческую справку дал. Для этого он мог бы воспользоваться хотя бы несколькими выдержками из напечатанного в № 8 «Вперед» «Извещения о созыве третьего партийного съезда». Там противобольшевистская политика «примиренческого» ЦК находит себе довольно яркую характеристику.

К сожалению, по каким-то соображениям Истпарт не нашел нужным настоять на том, чтобы редакция не поскупилась на такого рода пояснительные комментарии, и это является главным дефектом издания.

П. Лепешинский.

С. Г. ТОМСИНСКИЙ. Борьба классов и партий во второй Государственной Думе. Изд. «Красная Новь». Главполитпросвет. 1924 г. Под ред. М. Н. Покровского. Стр. 173 + 1 карта.

В высокой степени хорошо подготовленная и выполненная работа, ознакомление с которой в особенности полезно для рабочего класса, так как будто в зеркале отражаются в цифрах, таблицах и диаграммах те основные пружины, которые создавали думу, поддерживали ее и уничтожали.

Автор начинает свою работы с разбора отношения различных классов к думе. Очень удачно подобранными выдержками из всякого рода источников т. Томсинский показывает то, чего хотел каждый класс от думы.

«Дума имеет смысл только при одном условии, если она погашает революцию», так мыслили представители торгового капитала.

«Надо осуществлять свои цели самим без проблематического содействия революционного народа», говорили кадеты и, призывая к борьбе с большевиками, обещали меньшевикам одно местечко в думе за союз с ними, кадетами. Меньшевики думали о том, что не пора ли заменить лозунг учредительного собрания лозунгом «полновластная дума», а трудовики и эсеры плелись за кадетами.

Большевики не думали ни о какой законодательной работе и смотрели и на думу как на одно из средств воспитания масс и внедрения той мысли, что только организация пролетариата и победоносное вооруженное восстание приведут рабочих к осуществлению тех неурезанных лозунгов, за которые боролась революционная соц.-демократия.

Революция была временно побеждена на баррикадах в декабре 1905 г., но брожение, вызванное революцией, не улеглось и выборы в думу это очень скоро показали. В результате предвыборной борьбы, несмотря на все рогатки правительства, в думу прошло 65 соц.-демократов. Но в думе было 98 кадет, 10 монархистов и 44 октябриста. Так были представлены два непримиримых врага современного общества; огромное значение имели и депутаты мелкой буржуазии, так как их было: трудовиков 104, народных социалистов 16, соц.-революц. 37. Однако, даже если присоединить сюда отдельных представителей из беспартийных, то и то правая часть думы все же была в большинстве. Таким образом, состав думы заранее предрешал «работу» думы.

На самых важнейших вопросах момента (о безработных, о продовольственной помощи, о военно-полевых судах и т. п.) т. Томсинский показывает, как это соотношение классовых сил окрашивало необыкновенным драматизмом революционную борьбу соц.-демократов в думе.

Особенно ярко показана классовая сущность боровшихся в думе партий на примере борьбы за аграрный законопроект: в этой борьбе, в этих програм-

мах, декларациях, речах и голосованиях депутатов, как в зеркале, отражалась борьба, которая глухо шла там, за стенами думы. Столыпинщина очень хорошо выявляется в этой части книги, вернее, начало той земельной реформы Столыпина, о которой покойный В. И. говорил, что если дать Столыпину свободно проводить свою реформу лет 20, от старого мужицкого хозяйства не останется и следа.

Соглашательская политика меньшевиков в думе по аграрному вопросу не дала возможности соц. - демократам увлечь за собою трудовиков и являлась только одним из звеньев всей их политики в думе (они голосовали за к.-д. председателя, огласили соглашательскую декларацию и т. п.).

Все это очень полно и ярко показано в работе т. Томсинского.

Особенно же ярко нарисована автором картина последних конфликтов в думе, когда Столыпин, опираясь на октябристов и кадетов, поставил в порядок дня штык, т.-е. требовал выдачи соц.-демократических депутатов, замешанных, по его словам, в самых тяжких преступлениях. Воспользовавшись, с одной стороны, неудачной попыткой соц.-демократической фракции связаться с солдатами, при чем, как известно, в ход была пущена провокация, а с другой стороны, поддержкой правых, Столыпин разогнал думу, арестовал рабочих представителей и совершил государственный переворот.

Последнее заседание думы, в котором соц.-демократы тщетно взывали к гражданским чувствам кадетов и доселе даже в сжатой передаче т. Томсинского дышит истинным драматизмом последнего акта той драмы, которая известна под именем первой русской революции: Столыпин заканчивал свое главное наступление на противника, дальше ему оставалось при рабском содействии кадетов только глубже загонять революцию в подполье.

Анализом избирательного закона 3 июня 1907 г. т. Томсинский заканчивает доказательство главной мысли своей работы: история первых двух дум—одно из доказательств, что «в России нельзя было найти среднего пути между диктатурой пролетариата и диктатурой контрреволюции».

К книге даны интересные приложения и среди них карта с нанесением территорий, завоеванных партиями в ходе избирательной борьбы.

В. Невский.

Г. Н. ЧЕМОДАНОВ. Нерчинская каторга. Воспоминания бывшего начальника конвойной команды. Изд. О-ва политич. каторжан и ссыльно-поселенцев. М. 1924 г. Стр. 177.

Среди обильной литературы о русской политической каторге и ссылке, появившейся за последние два десятка лет, книги, подобные названной выше, представляют довольно редкое явление. И это понятно. Тюремщики, в руках которых находились революционеры, пленники самодержавия, при всей извращенности их психологии, не могли не понимать, что самым завидным уделом для них было б полное забвение. Поэтому они, естественно, меньше всего могли помышлять об увековечении своих имен в литературе.

Но автор рецензируемой нами книги не был тюремщиком профессиональным. Офицер, начальник конвойной команды при тюрьме нерчинской каторги, Г. Н. Чемоданов лишь короткое время исполнял обязанности начальника одной из каторжных тюрем, при чем свое пребывание на этой, отнюдь не привлекавшей его должности он, между прочим, использовал для того, чтобы, по возможности, скрасить подневольную жизнь политических каторжан. Надо при этом заметить, что Г. Н. Чемоданов, оказывая политическим заключенным иногда довольно значительные (а не «кой-какие», как не совсем правильно квалифицируют их в редакционном предисловии) услуги и даже не без некоторого риска для своей собственной карьеры, делал это без слащавой сентиментальности, без всякой рисовки. Одно это уже говорит в пользу искренности и правдивости автора книги.

И в самом деле, основное впечатление, оставляемое книгой, это—ее правдивость, но правдивость, если так можно выразиться, несколько односторонняя, огра-

ничтожная, особенно в той части, где автор говорит о мире тюремщиков. Его оценки, его характеристики не всегда убедительны и именно потому, что автор злоупотребляет, пожалуй, спокойствием тона, чрезмерной объективностью повествования. Порой он сохраняет изумительное спокойствие и даже какое-то обывательское благодушие и терпимость там, где иной свидетель описываемых им событий и лиц загорелся бы гневом и разразился бы проклятиями.

Вот почему редакторы книги поступили совершенно правильно, приложив к ней статью политкаторжанина А. М. Типункова, «пережившего все ужасы тюремного произвола». Но записки Типункова, каждая строка которых, по справедливому замечанию редакторов, «в противовес спокойному рассказу Чемоданова пропитана горячей человеческой кровью и веет ужасом средневековья», служит уж никак не «дополнением», как полагают редакторы, а если не прямым опровержением, то во всяком случае весьма существенным коррективом к ней.

Обращаясь к конкретному содержанию в общем, несомненно, интересной книги Чемоданова, мы и тут не можем согласиться с преувеличенной оценкой ее художественных достоинств, которая дана ее редакторами.

Автору не удалось в своих наблюдениях над бытовой обстановкой тюремщиков уловить те своеобразные черты ее, которые должны вырабатываться в царстве безграничного произвола и бесправия. Зарисовки отдельных моментов повседневной жизни тюремщиков, живые сценки бытового характера довольно заурядны; от них веет давно знакомыми очерками из жизни провинциального захолустного чиновничества, столь подробно и ярко уже освещенного в русской литературе. Никаких специфических особенностей в жизненной обстановке тюремщиков Г. М. Чемоданов нам не открыл и в изображении уже давно знакомых нам вещей «большого художественного мастерства», как думают редакторы книги, не проявил.

Более удались автору отдельные характеристики представителей тюремного и административного Олимпа, с которыми ему приходилось сталкиваться. Такова фигура типичной «размазни», безвольного начальника Нерчинской каторги Забелло и родного ему по натуре Островского; таковы колоритные фигуры настоящих палачей — Головкина, Высоцкого, губернатора Киашко.

Меньше места уделяет автор политической каторге, но зато в этой части своего повествования он касается таких событий, как трагическая смерть Егора Сазонова, трагических событий в жизни политических заключенных в Кутоморской тюрьме. В примечаниях, изложенных в конце книги, даны краткие сведения о лицах, о которых говорит автор.

В общем, надо признать, что книга Г. Н. Чемоданова является полезным вкладом в новейшую литературу о политической каторге.

М. Брагинский.

А. СОБОЛЬ. На каторжном пути. «Красная Новь». Стр. 69. Москва 1924 г.

Рассказ А. Соболя о его переживаниях в царских пересыльных и каторжных тюрьмах от Бутырок до Горного Зерентуя — типичный рассказ политкаторжанина, написанный живым, сжатым и, вместе с тем, образным языком, полным революционной ненависти к сокрушенному в Февральские и Октябрьские дни старому полицейски-самодержавному «тюремному» строю.

Царистская Россия действительно была «тюрьмой» для всякого сознательного пролетария и революционера, находился ли он на «воле» или за решеткою тюрьмы.

Февральская революция низвергла этот строй, Октябрьская же революция добила его до конца и сделала безусловно невозможным возвращение к кровавому прошлому... «Последыши» были казнены твердою рукою рабочего класса, под неистовые вопли «последышей» международного «коронованного феодализма», ожидающего с трепетом и своей гибели под ударами той или другой революции, в обломках буржуазного государства.

В рассказе, пестрящем иногда подробностями, встречается несколько слав-

ных имен революции 1905 г., в том числе имя Егора Сазонова, — несомненной красы (как и Каляев) в прошлом той «партии», которая сыграла такую глупейшую и предательскую роль по отношению к революционному пролетариату в 1917 году.

Упоминается в рассказе, в весьма приподнятых выражениях, очень свойственных автору, и имя Прошьяна, который «умел быть изумительным, преданным товарищем», и который, подобно работе его при подкопе тюрьмы, «подкапывался под самодержавие, потом вел подкоп под самую цитадель мировой реакции в Кинтале, чтоб несколько лет спустя, в Октябрьские дни, выйти из Смольного народным комиссаром Республики Советов».

Издательство «Красная Новь» в своем предисловии к брошюре напоминает читателю о том, что «видный эсер, политкаторжанин, комиссар правительства Керенского... А. Соболь «Открытым письмом» в «Правде» сознал свои прежние перед Советской властью ошибки, решительно и безоговорочно поставил крест над своим эсеровским прошлым»...

Приводимая из этого письма цитата не лишена еще некоторой доли эсеровского романтизма, но в ней ясно и твердо сказано, между прочим, следующее:

«... когда чья-либо рука захочет посягнуть на одну из этих букв (РСФСР) и тем самым на творческий порыв всего мира, я встану в число защитников и, исступленно, ненавидя убийство во всех его видах, буду стрелять и убивать, буду, ибо горят и должны гореть пламенным огнем пять чудесных и прекрасных слов: родина, международность, мир, правда, человечность»...

Рассказ А. Соболя, как и его «Открытое письмо», так же не чужд некоторого налета сентиментального романтизма, вроде, например, фразы: «Первая ночь в тюрьме — она так же незабываема, как первая любовь»... Но, несмотря на это, все же брошюра читается с интересом.

К. Злинченко.

---

1. ВЛ. ВИЛЕНСКИЙ-СИБИРЯКОВ. Каторга и ссылка в русской революции. Стр. 16. Тираж 25.000.

2. ЕГО ЖЕ. Ветераны революции. Стр. 15. Тир. 25.000.

3. М. Ф. ФРОЛЕНКО. Побег Дейча, Стефановича и Бохановского. Стр. 16. Тираж 25.000.

4. ЕГО ЖЕ. Побег Алеши Поповича (Виктора Костюрина). Стр. 16. Тираж 25.000. Изд. Всесоюзного Общ. политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М. 1924 г. Серия Политкаторжане — МОПР'у.

Все рецензируемые брошюры относятся к серии Издательства Всесоюзного Общества политкаторжан и сс.-поселенцев, — приуроченной к неделе МОПР'а (начав. 1 дек. 1924 г.) и служившей «делу моральной и материальной помощи революционерам-узникам капитала».

В прекрасной, хотя, к сожалению, и очень схематически написанной брошюре «Каторга и ссылка в русской революции», т. Виленский указывает, что тюрьма, каторга и ссылка «были огромной лабораторией, величайшей революционной школой, где успешно готовились кадры революции».

«Обучение» в этой школе должно было быть тем успешнее, что в ней был сконцентрирован ценнейший практический, особенно организационный опыт русской революции. Не лишено интереса указание т. Виленского о роли каторги и ссылки в нашей революции.

«Февральская революция 1917 года началась, так сказать, за счет стихии и «местных средств» революции».

Комитет гос. думы, члены этой государственной думы — Чхеидзе, Керенский — вот кто был, на-ряду с Родзянко и Милюковым, выброшен на гребне революционного восстания солдат и широких народных масс.

Основные кадры революции — кадры ссылки, каторги и эмиграции по разным условиям отнюдь не могли быть введены в действие сразу; заграничная эмиграция была отделена многочисленными фронтами европейской войны, сибирская каторга и ссылка находились на расстоянии десятка тысяч верст от Москвы и

Петрограда. *Нужно было время для того, чтобы основные кадры русской революции были перевезены из мест своих средоточений, чтоб они приспособились к обстановке и начали свое действие.*

И, с этой точки зрения, весь период от начала первых дней Февральской революции и до дней Октября, несомненно, следует рассматривать как период не только *накопления сил революции, но и перегруппировки ее основных революционных кадров*, которые и принесли с собою не только *поразительную дисциплинированность, но и бешеную, несокрушимую энергию*, по существу и обеспечившую нашу победу на всех фронтах.

Т. Виленский правильно указывает, что «в застенках капиталистических тюрем всего мира идет сейчас *процесс создания кадров мировой революции*».

В брошюрке «Ветераны революции», очень поспешной, вкралась досадная ошибка: вместо Веры Николаевны Фигнер упорно упоминается Евгения Николаевна Фигнер.

Эпически написан М. Фроленко очерк «Побег Дейча, Стефановича и Бохановского» из киевской тюрьмы.

В таком же стиле написан «Побег Алеши Поповича». Побег устроен автором с большим хладнокровием, умением. Но интересная психологическая подробность.

После удачного побега:

«Я возвратился домой, лег и сейчас же заснул, как убитый; бывшее забылось. Проходит момент, и память, проснувшись, вдруг вернулась, напомнила, что дело уже сделано, что больше нечего загадывать. *Меня охватывает тоска, жалость от какой-то утраты, пустоты жизни. Было дело, была задача и разом— ничего. Все вновь надо начинать, опять новую задачу искать*» (курсив мой. *Р.К.*).

В этих словах кроется ключ к объяснению тех героических поступков, на которые были способны одиночки-революционеры,—но, вместе с тем, и это объясняет чувство «пустоты жизни», которое являлось в виде реакции после поступка, требовавшего огромного напряжения физических и душевных сил человека.

В этом же, отчасти, кроется и причина неспособности для некоторых выдающихся революционеров-интеллигентов работать в будничном, массовом рабочем движении.

По своему содержанию — обе последние брошюрки являются прекрасным образцом революционной романтической литературы.

Р. Ковнатор.

АЛЬБЕРТ РИС ВИЛЬЯМС. Народные массы в русской революции. С предисл. У. Синклера. Стр. 188. Второе издание. Тираж 6.000 экз. ГИЗ. М. 1924 г.

На-ряду с книгой Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», книга Вильямса, несомненно, принадлежит к наиболее замечательному, появившемуся о русской революции.

В противоположность Джону Риду, пережившему первые великие классовые битвы в Питере и непосредственные бои за Петроград, — диапазон наблюдений у Вильямса огромный: Петроград, до-октябрьская деревня, Сибирь, Владивосток. Как у Джона Рида — у Вильямса в центре изложения стоят массы, их мысли, переживания, действия.

В октябрьском перевороте Вильямс, в противовес некоторым очень уж «утопченным» журналистам-«европейцам» видит не бунт, не хаос, а, наоборот, начало величайшего исторического процесса — появление на историческую арену масс, пробуждение в этих массах чувства человеческого достоинства.

У Вильямса даже есть краткая, но замечательная главка «Массы направляют революцию», в которой очень метко указывается: в Смольном помещается не только Военно-Революционный Комитет.

«Здесь также и другой Комитет Ста Тысяч, т.-е. сами массы.

Нет ни переулка, ни казарм, ни зданий, куда бы не проник этот комитет.

Через носильщиков, половых, извозчиков, кондукторов, солдат и матросов, Комитет раскидывает свои сети над целым городом. Они все видят, все слышат, обо всем сообщают в главный штаб.

Устроившись таким образом, Комитет может узнать о всяком движении врага. Всякая попытка задушить и обойти

революцию парализуется немедленно» (стр. 59).

Пониманием действительного духа Октябрьской революции, революции миллионов, полна глава «Ограбление Зимнего дворца».

Первая ночь победы революции. Арест временного правительства. Солдаты массой ворвались в Зимний дворец. «Сонм демонов ворвался во дворец. Они носятся и перекликаются мириадами звуков. Раздираемое сукно, треск ломаемого дерева, скрип стекла разбитых рам под тяжелыми сапогами на паркетном полу и гул тысячи голосов под потолком».

Но вот рабочие набросились с яростью на сильных солдат, осыпая их ругательствами и вырывая добычу из их рук. Какой-то большевик - рабочий яростно теребит трех солдат, направляя на них револьвер: «Вы ответите мне, если хоть дотронетесь до этой конторки», кричит он. — Ответим! — зубоскалят солдаты. — Кто ты такой? Ты тоже громил дворец. Мы ответим только самим себе.—Нет, вы ответите перед революцией,—возражает рабочий сурово. И он говорит с таким убеждением, что солдаты чувствуют в нем власть революции. Они слушают и повинуются».

К числу наиболее прекрасных страниц книги принадлежит, несомненно, глава «Разочарование тех, кто собирался захватить царя» (стр. 125).

Импровизированная армия рудничных рабочих, крестьян, армия, похожая на «движущиеся арсеналы», остановила сибирский экспресс, по подозрению — будто в нем «утекает» Николай II. «Рвение, с которым был обыскан поезд, не оставляло никаких сомнений о чувствах этих людей к царю - батюшке.

Два седобородых крестьянина производили по-своему обыск, по собственной инициативе. Они ударяли ружьями по шпалам, шарили кругом них штыками и грустно качали головой, ничего там не находя. Они надеялись, что царь всея России едет на буферах. Здесь, однако, не было никакого царя, и они не могли поэтому заколоть его своими штыками.

Но они все-таки что-то прокалывали своими штыками: старинную легенду о глубокой любви и уважении, испытываемых мужиком к царю-батюшке».

Замечательна XII глава «Красные каторжники Черемхова». — *Товарищи каторжники.* Вот, как описывает Вильямс свою встречу с ними:

«В этой встрече не было изящества, внешнего блеска, здесь господствовала уродливость, скрашиваемая одним — *огромной жизнеспособностью. Мы получили откровение об ударной силе революции.*

Она проникла даже сюда — в эти глубочайшие подвалы цивилизации, она прозвучала, как трубный сигнал, в этом царстве проклятия».

И они появились не с кинжалами в руках, но с песнями братства на устах, с призывом к осуществлению на земле прав и справедливости и с лозунгами нового мира на их знаменах».

Так написать об этой капиталистической каторге мог человек, не только умом понимающий, но и всем сердцем своим чувствующий биение великого коллективного народного сердца.

Можно было бы еще продолжить выписки, показывающие, в каких волнующих, высоко-художественных образах Вильямс запечатлел отдельные сцены величайшей современной исторической драмы. Но и приведенных совершенно достаточно.

Книга Вильямса вполне оправдывает свое название и, действительно, является одной из интереснейших книг о нашей революции.

Р. Ковнатор.

ИЗВЕСТИЯ ПРИМОРСКОГО ГУБЕРНСКОГО АРХИВНОГО БЮРО. Том I, выпуск III. Владивосток. 1923 года. 70 стр.

Известия Приморского Архивного Бюро среди официальных постановлений и распоряжений заключает в себе небезынтересный материал. Это, во-первых, описание дел отдельных и секретных Приморского губ. архивного бюро. Из этого описания видно, что в делах этого архива имеются материалы, относящиеся не только к истории местного края, хотя нужно отметить, что Владивосток и Приморье за годы революции

переживали такие явления, что местными их можно считать с большим трудом; в Приморском губ. архиве, судя по описи, имеются дела, имеющие не только исторический общесоюзный интерес, но едва ли потерявшие сейчас и политически-актуальный интерес, и думается, что место их совсем не в Приморском архиве. Во Владивостокском архиве хранятся дела, обрисовывающие, судя по заголовкам описи, участие японцев, американцев, англичан в гражданской войне в России, дела по вопросам, касающимся монгольской политики Семенова, а следовательно, опять-таки японцев, дела об отношениях между Колчаком и представителями иностранных правительств. Эти дела, которые рассыпаны в описи архива временного правительства автономной Сибири, архива временного народного собрания Дальнего Востока и архива дел отдельных и секретных имеют несомненно исторический обще-союзный интерес, на ряду с описями довольно примитивными, заключающими в себе только заголовок, а не краткое содержание дела, в Известиях Приморского губ. арх. бюро имеются два сообщения: А. Т. Георгиевского — архив русской революции и З. Н. Матвеева — периодическая печать на Дальнем Востоке в период революции 1917 — 1922 года. Сообщение Георгиевского дает представление о том, что содержится в Владивостокском архиве русской революции. Оставляя без рассмотрения то, что имеется по истории революционного движения до 1917 года, нужно отметить, что материалы по истории нынешней революции, начиная с 1917 г., очень интересны. Они только подтверждают мнение, что эти дела имеют не чисто местный, а общесоюзный интерес. В сообщении Георгиевского большое внимание отводится делам о Колчаке, в особенности о последних днях Колчаковии, но эти дела имеют сейчас лишь бытовой интерес, а дела о выступлении японцев во Владивостоке, дела о русско-японском соглашении 1920—21 года имеют огромный и исторический и политический интерес, а между тем из сообщения об этих делах мы узнаем лишь точное число страниц, да то, что они несомненно интересны. Сообщение Матвеева, несомненно, является очень полезной работой. Периодическая печать вообще может явиться одним из видов источников для истории русской революции. Поэтому учет и описание периодической печати крайне необходим. В этом отношении Сибири и сибирской печати повезло, в то время как у нас нет ни одной работы, дающей хотя бы простое перечисление газет 1917—1919 годов Советской России, газет, выходивших при разных правительствах на Украине и на Дону; мы имеем несколько попыток дать библиографию сибирской прессы. Работа Матвеева пригодится каждому историку, занимающемуся не только историей революции на Дальнем Востоке, но и историей революции и гражданской войны в Сибири вообще. Трудно вообще установить, насколько перечень, составленный Матвеевым, исчерпывающ. Несомненно, кое-какие пропуски в нем имеются; так, например, журнал «Приморский Рабочий» стал выходить во Владивостоке в июле или августе 1919 г., а т. Матвеев относит его к 1922 году. Думается, что такое описание периодической печати, какое сделано т. Матвеевым, желательно расширить, хорошо бы было указать количество выпущенных номеров и если была бы возможность хотя бы немного охарактеризовать содержание не только политического направления издания, но и краткое его содержание. Без этого все же работа Матвеева очень полезна и необходима.

С. Пионтковский.

ДАЛЬИСТПАРТ. Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Книга II. Владивосток 1924 г. Стр. 233.

II книга Дальистпарта производит очень хорошее впечатление. Это — интересная и разнообразно составленная книга. Весь материал, заключающийся в ней, разбит редакцией на четыре группы: Статьи и воспоминания, История революции и РКП на Дальнем Востоке, Партизанское движение на Дальнем Востоке, Интервенция и контр-революция на Дальнем Востоке. Нельзя не отме-

тить, что в системе расположения материала присутствуют два принципа деления; с одной стороны — за принцип деления берется литературная форма — статьи и воспоминания, с другой — три остальные главы книги объединяются не литературной формой, а темой, другой принцип деления тематический. Эта путаница двух принципов приводит к тому, что в первых двух отделах одинаково, в сущности говоря, заключаются и статьи и воспоминания, относящиеся к истории революции и РКП на Дальнем Востоке. Последние же два отдела содержат, главным образом, документы. И редакция поступила бы гораздо логичнее, если бы за принцип деления приняла форму литературного произведения и разбила бы всю книгу на два или на три отдела: статьи, воспоминания и документы.

Само содержание книги интересно, но в книге нет единства. Целый ряд вопросов истории революционного движения, начиная с 900 годов и кончая последними днями нашей революции, затронут и освещен в книге. История революционного движения на Дальнем Востоке и в особенности история нынешней революции на Дальнем Востоке мало известна и чрезвычайно интересна, поэтому богатство затронутых в книге моментов является ее плюсом, но было бы гораздо лучше, и изучение истории революционного движения на Дальнем Востоке выиграло гораздо больше, если бы Дальистпарт принял тематический принцип построения своих сборников.

Из материалов, данных в этой книге, особенно следует отметить третий и четвертый отделы, где приведен ряд очень интересных материалов по истории партизанского движения, контр-революции и интервенции на Дальнем Востоке. Эти вопросы уже трактовались в исторической литературе. Вопрос об интервенции на Дальнем Востоке имеет еще и сейчас не только исторический, но определенный политический интерес. В этом отношении материалы о Японской интервенции в Благовещенске являются в высшей степени ценными. Очень интересны документы по истории Гайдовского восстания во Владивостоке. Маловаты только предисловия редакции к этим документам. Было бы интересно вскрыть связи генерала Гайды и установить с большей полнотой долю участия эсеров в гайдовском выступлении. Подготовляя свое выступление, во время своего путешествия из Сибири на Дальний Восток, Гайда вел об этом переговоры с представителями меньшевиков и эсеров в Сибири. Другую очень интересную группу документов составляют материалы о партизанском движении. Здесь особенно ценны протоколы заседания конференции на станц. Урульга 28 августа н/с. 1918 г.

Таким образом 2 сборник Дальистпарта имеет несомненный исторический интерес. С внешней стороны он прекрасно издан, и нужно лишь пожелать, чтобы редакция сборника перешла, с одной стороны, к тематическому построению, а с другой стороны резче различала разницу между статьями, воспоминаниями и документами.

С. Пионтковский.

И. ЯНСОН-БРАУН. Революция в Прибалтике. Перевод с латышского П. Свириса, с предисловием Кнорина. Изд. «Прометей». Москва 1924 г. Стр. 238.

Янсон-Браун один из первых марксистов Латвии, активный участник революционного движения и с.-д. партии Латвии, погибший от мины германской подводной лодки в 1917 году, когда он спешил в Ленинград после совершившейся там Февральской революции.

Вместе с ним погибли и оттиски второй и наиболее важной части его книги, так что изданная «Прометеем» «Революция в Прибалтике» в сущности является только первой частью, дополненной одной главой из второй. Но и как таковая она является весьма интересной для всех изучающих историю революции, или, как говорит в своем предисловии т. Кнорин, «для всех, кто хочет ознакомиться с ходом событий вне столиц в наиболее самобытных и интересных районах». Книга Янсона-Брауна является первым очерком по истории революции 1905 года в Латвии, а там революционное движение имело весьма своеобразный и самобытный характер, отличный в значительной

степени от движения в других районах России. Укажем только, что в Прибалтике в движение с самого начала в массе было втянуто крестьянство в лице сельско-хозяйственного пролетариата и беднейшего крестьянства (испольников, малоземельных, арендаторов). Грандиозные забастовки вроде стачки рабочих и батраков Добленско-Баусского уездов, которая имела около 30.000 участников и продолжалась до 3 недель, прокатывались грозной волной по всем уездам Латвии. В Прибалтике же еще в 1905 г. были организованы вооруженные буржуазно-феодальные отряды самозащиты, носившие фашистско-белогвардейский характер. Это так называемые «Selbstschüz» (самозащита) и «Nachbarhilfe» (соседская помощь), а в Риге было организовано специальное бюро по вербовке наемных охранников баронских замков, которое выписывало даже, как особенно подходящий материал, «свирепых» и «смелых» черкесов. Народом все эти «войска» были окрещены славным названием «черной сотни». Несмотря на все эти «черные сотни», замки брались приступом крестьянским пролетариатом, вооруженным в большинстве охотничьими ружьями и старыми пистолетами, и наиболее ненавистные из этих гнезд угнетения превращались в дымящиеся развалины. Движение приняло также сразу столь антирелигиозный характер, как нигде. В десятках и сотнях церквей проповедующие пасторы и попы стаскивались за фалды и на место их водворялись соц.-демократические ораторы, призывающие массы к решительным революционным действиям. И народ следовал призыву «безбожников» —после митинга бурным потоком направлялся к замкам и разоружал баронов, уничтожал списки призывников и пр. в волостных правлениях, выбирал свои «комитеты действия». Во многих районах организовывалась «народная милиция» для борьбы с «черной сотней» и ожидаемыми карательными экспедициями. «Власти» были так напуганы, что потребовали присылки в Рижский порт дежурного военного судна для помещения капиталов государственных и частных банков на случай бегства. Не удивительно, что после всего этого карательные экспедиции особенно свирепствовали в Латвии, расстреливая новые и новые сотни «крамольников», сжигая их халупы и имущество (И, с другой стороны, не удивительно, что латышские национальные полки во время революционной борьбы 1917—1918 г.г. оказались самыми преданными и решительными защитниками большевистских лозунгов. Ненависть их к царизму и буржуазии, помимо всех прочих причин, была основана и на кровавом фундаменте жестоких репрессий 1905—1906 годов, с какого времени они терпеливо ждали час возмездия. Пусть об этом задумаются нынешние палачи рабочих в Германии, Эстонии, Финляндии и пр.). Требует особого внимания и изучения также период своеобразной партизанщины в Прибалтике, период «лесных братьев»...

Все события развертывались на широком крестьянском фоне, и революцию в Прибалтике с полным правом можно назвать «батрацкой», «крестьянской» революцией. Но Янсон-Браун, несомненно, перегибает палку, придавая в революции 1905 г. в Прибалтике руководящее значение деревенским массам. Конечно, они играли немаловажную роль, но лозунги движения давал город, городской пролетариат играл роль организатора и будителя этих масс, роль застрельщика революции.

Необходимо также отметить проскальзывающую в некоторых вопросах шаткость взглядов Янсона-Брауна, как, например, во взгляде на тактику вооружения масс, ссылки на «авторитетные» показания Парвуса о русской соц.-демократии и т. п. Но современный читатель по этим вопросам уже не может быть введен в заблуждение, а богатый фактический материал о первой половине революции 1905 г. в Латвии, несомненно, окажется полезным всем, кто желает пополнить свои сведения к двадцатой ее годовщине и кто из опыта вооруженной борьбы в прошлом хочет вынести уроки для будущего.

В. Аболтин.

г) История революционных движений на Западе.

1. АНДРЕ МАРТИ. По тюрьмам французской республики. *Е. Херсонской.* — **2. А. ДЖ ВЕЛЕГОВ. Крестьянские движения на Западе.** *А. Неусыхина.*

АНДРЕ МАРТИ. По тюрьмам французской республики. Госиздат Украины. 1924 год. 101 стр.

Картины жизни в центральных тюрьмах, на принудительных работах, в африканской каторге. Письма заключенных, личные воспоминания автора. Сжато, сильно, ярко. Непосредственность и искренность патетики, ее прочная связь с иллюстративно-фактическим материалом делают работу Марти образцом агитационной литературы.

К пролетариату — набатный призыв сплочения, буржуазии — угроза революции, — книжка в целом производит неизгладимое впечатление от республиканской «справедливости», которая даже на каторге, в тюрьмах оберегает своих сынков от излишка страданий и истязует своих пасынков не хуже времен римского упадка и средневековой инквизиции.

Система эксплоатации труда «преступников» (они же и политические) изумительна по своей ловкости. Торговые компании «организуют труд» заключенных, оплачивая их содержание, взамен чего вся продукция труда идет в пользу компании. Ясно, что «организаторы» заинтересованы в минимальных издержках на содержание и максимальных прибылях. Гос-контроль над эксплоатацией заключенных если и существует, то только на бумаге. В каких бы ужасных условиях заключенные ни находились, все будет обстоять благополучно со стороны контроля, если компаниям это выгодно.

Книга издана хорошо, недостает ей только предисловия, объясняющего политическую ситуацию на Западе, некоторых комментариев к системе правосудия во Франции и биографии Марти. Средний русский читатель в таких дополнениях, несомненно, нуждается. Сам же по себе текст Марти превосходен, хорошо передан по-русски и может служить недурным пособием нашим агитаторам и как образец агитмастерства, и как документальный материал.

Э. Херсонская (старшая).

А. К. ДЖИВЕЛЕГОВ. Крестьянские движения на Западе. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Москва — Ленинград. Государственное издательство (1923). Стр. 189 (Социально-историческая библиотека).

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с этой книгой — это необычайная широта темы: книга охватывает историю крестьянских движений за огромный период времени,— начиная с последних веков Римской империи и до революции 1848 года. Эта беспредельность поставленной себе задачи вынудила автора быть чрезвычайно кратким, ибо только при такой краткости удалось ему уложить на 200 страницах историю крестьянских восстаний в течение двух тысячелетий.

Но автор ставил себе, очевидно, еще и другую цель — дать *популярный* очерк истории крестьянских движений. Однако популярность изложения плохо мирится с такой необычайной сжатостью. И как ни старается автор сгладить впечатление отрывочности непропорционально подробным изложением крестьянской войны в Германии и крестьянских восстаний в эпоху Великой Английской и Французской революций за счет более чем кратко очерченной французской жакерии XIV в., — впечатление это все же остается. Мало того: стремление быть одновременно и кратким, и популярным породило ряд неясностей в книге и привело автора к некоторым сомнительным утверждениям, которых мы еще коснемся ниже.

Широта задания лишила книгу объединяющей идеи, ибо трудно провести таковую в работе, изображающей столь

разнородные группы явлений, как крестьянские волнения в умирающей Римской империи, крестьянские войны конца средневековья и революционное крестьянское движение XVIII и XIX в.в. Каждая из этих групп представляет особый тип крестьянских движений, занимающий особое место в социальной эволюции древнего мира, феодального общества средних веков и капиталистического общества нового времени и вызванный к бытию в силу особых причин. Поэтому объединить эти типы явлений общей конкретно-исторической идеей вряд ли возможно без очень большого усложнения всего построения работы путем анализа процесса возникновения и разложения феодального строя и нарождения современного капитализма. Но такой анализ завел бы автора слишком далеко и вынудил бы его превратить свою книгу в своего рода «Weltgeschichte». Поэтому ему пришлось сцеплять и связывать отдельные части своей работы при помощи более скромных и более расплывчатых общих идей. А именно: автор выставил два основных утверждения общего характера, из которых одно гласит, что «причины крестьянских движений всегда одни и те же: крестьянская нищета» (стр. 147), т.-е. явления «экономические» (стр. 5), а другое устанавливает причинную связь между натуральным хозяйством и замиранием крестьянских движений, с одной стороны, и между развитием денежного хозяйства и их возрастанием — с другой. Что касается последнего утверждения, то в такой общей форме оно не совсем верно: ему противоречит, во-первых, факт аграрных движений эпохи умирающей Римской империи, явившихся в конечном счете порождением процесса феодализации империи, вызванного как раз возвратом к натуральному хозяйству, а во-вторых — факт непрестанных мелких и крупных крестьянских восстаний в эпоху Каролингов, который вряд ли можно объяснить только нарождающимися денежно-хоз. тенденциями Каролингского ренессанса, как бы высоко ни оценивать эти последние. Таким образом это утверждение нашего автора вряд ли имеет значение исторического «закона», ибо оно применимо лишь к эпохе генезиса современного капитализма, нарождение которого неизбежно вызывало брожение в деревне. — Что до первого тезиса — об экономической обусловленности крестьянских движений, — то по существу против него нечего возразить; приходится, однако, пожалеть о слишком общей его формулировке: ведь, подробные утверждения приобретают цену лишь в процессе конкретизации их на историческом материале, ибо в общей форме их истинность «a priori» ясна.

А между тем при отмеченной нами сжатости изложения, автору далеко не везде удалось удовлетворительно изобразить своеобразие экономических условий, вызвавших то или иное крестьянское движение. Это не удалось ему даже по отношению к столь крупным явлениям, как французская жакерия XIV в., крестьянская война в Германии и английская революция XVII в. Так, взаимоотношение города и деревни в средневековой Франции очерчено настолько бегло, что роль городов и движения Этьена Марселя в жакерии остается неясной; неясно, почему города примкнули к жакерии, и уж, конечно, не уясняет дела следующая, мимоходом брошенная, фраза: «В крестьянских толпах появились горожане... И это не удивительно, потому что города так же страдали от бесчинств рыцарских банд, как и деревня» (стр. 60). — Программы требований, выставленных крестьянами в Германии в 1525 г., изложены кратко (на двух страницах!) и почти совсем не анализированы с точки зрения хозяйственных интересов крестьянства, ими столь ярко отраженных. Это тем более удивительно, что автор сам считает эти программы «самым интересным в крестьянской войне 1525 г.» (стр. 108). — В главе, посвященной роли крестьян в английской революции XVII в., чрезвычайно нечетко очерчено как раз самое важное явление в крестьянской жизни той эпохи: классовое расслоение в среде самого крестьянства, начавшееся еще в XIII в., довольно ясно определившееся уже во время восстания Уота Тайлера и сыгравшее огромную роль в эпоху революции. Между тем автор все время оперирует с понятием крестьянства, как

некоего целого, а если и упоминает о иоменах, копигольдерах и вилланах, то столь бегло, что разница между фермерами иоменами, страдавшими от повышения арендных цен, и общинниками, страдавшими от огораживаний, как-то совершенно стирается. И здесь так же, как и при изложении жакерии, вряд ли может уяснить дело одна резюмирующая фраза вроде следующей: «революция пошла на пользу не беднейшим, а наиболее крепким элементам деревни» (стр. 137). К сожалению, автором совершенно не показана внутренняя связь восстания Уота Тайлера с крестьянскими движениями эпохи революции, как не показана преемственность процесса социальной дифференциации в среде крестьянства за период времени с XIII по XVII в. Правда, в главе об Уоте Тайлере встречаем упоминание о коттерах (мало- и безземельные крестьяне), но дальнейшая их судьба остается во мраке (ср. стр. 62—63 и гл. XIII). Связь различных партий английской революции с теми или иными слоями крестьянства почти совсем не показана. — Как видим, тезис об экономической обусловленности крестьянских движений конкретизирован весьма слабо, а потому столь же мало может служить идеей, объединяющей отдельные части книги, как и «закон» возрастания крестьянских движений при денежном хозяйстве.

Разнородность излагаемых автором явлений на-ряду со стремлением его к краткости и популярности привела его, как уже отмечено выше, и к некоторым неясным, а порою и сомнительным утверждениям.

Так, изображая экономические последствия черной смерти в Европе XIV в., автор на стр. 52 пишет: «Этот принцип (т.-е. принцип «справедливой цены». *А. Н.*) препятствовал тому, чтобы господствующие классы пошли навстречу требованиям трудящихся о повышении заработной платы. Это и понятно, ибо учение средневековых экономистов - схоластиков целиком отвечало интересам господствующих классов и мало заботилось о положении трудящихся. Это утверждение дает неточное представление об учении средневековых экономистов, ибо оно смешивает два разных периода в эволюции этого учения. Теория «justum praetium» («справедливой цены») возникла в атмосфере хозяйственной жизни средневекового города, как идеология *ремесленных* кругов, и первоначально служила ограждению интересов трудящихся, т.-е. ремесленников, требовавших справедливого вознаграждения за свой труд. Конечно, у этой теории была и другая тенденция — оградить заказчика и покупателя от слишком высоких цен на ремесленные изделия и товары; но в специфической атмосфере городского хозяйства, ориентированного на производстве нередко господствовавшего в городе класса ремесленников, организованного в цехи, эта тенденция не сказывалась столь ярко. Зато она дала себя знать в изменившейся обстановке, при проникновении капиталистических моментов в жизнь деревни и поместья. Когда после черной смерти помещики стали остро ощущать недостаток в рабочих руках, они использовали учение о «справедливой цене» в своих интересах, повернув его острие в обратную сторону. Но это отнюдь не значит, что оно с самого начала отвечало их интересам. — Далее: в ряду таких же неточных и неясных утверждений следует отметить неоднократное употребление термина «городской пролетариат» по отношению к Германии начала XVI в. без выяснения своеобразной физиономии этого «пролетариата» (стр. 103—105 и сл.), а также преувеличение примитивности сельско-хозяйственной техники раннего средневековья (ср. стр. 20—21).

Все отмеченные недочеты, как ни значительны они сами по себе, все же не умаляют основного достоинства книги — популярности и живости изложения в соединении с большой компетентностью автора в истории излагаемых им явлений, — компетентностью, свойственной только специалисту. Сделанные выше замечания имели лишь целью показать невыполнимость в пределах краткого популярного очерка поставленной себе автором широкой задачи.

А. Неусыхин.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

1. Н. МОРОЗОВ. Христос. *П. Преображенского.* — 2. Н. А. МОРОЗОВ. Христос. Первая книга: Небесные вехи земной истории человечества. *В. Костицына.*

Н. А. МОРОЗОВ. Христос. Стр. 548. Ленгиз. 1924 г. [1]).

Математика и астрономия—науки точные... Долгое время историки и теологи бились над сложным и хитрым вопросом об историчности Христа — теперь дата его страданий, да и не только страданий — даже «воскресения» установлена точно — 20 и 22 марта 368 года нашей эры. Установлена и личность евангельского «спасителя», — это не кто иной, как Василий Великий, или, как больше нравится Н. Морозову, «великий царь», обладавший всяческими тайными, «оккультными» знаниями, чуть ли не масон своего времени. Но о Христе писали много — и любопытного, и курьезного, и здесь трудно кого-либо удивить, а сказать «нечто невероятное» о наших представлениях относительно древней истории удалось, действительно, только почтенному автору нашей книги. Выбора нет... Либо наши представления о древней истории невероятны, либо невероятны представления Н. Морозова.

Разумеется, чтоб спорить и опровергать, следует изложить основные пункты морозовских построений. Нельзя сказать, чтоб это изложение нас очень прельщало, хотя б из уважения к сединам автора. Наметим лишь главное—все, что мы получаем из источников по древней истории, будь это библейский памятник, египетский или новозаветный, — лишь вариация начавшейся в 270 г. нашей эры истории латино-эллино-сирийско-египетского теократического царства. Все более раннее лишь богословские измышления, перенесенные в эпоху каменного века, который, по Н. Морозову, и совпадает с началом нашей эры. Читатель, конечно, спросит: — а писатели древности — неужели все это подделка, миф? Если это даже так, то о чем же свидетельствуют хотя бы египетские пирамиды. Если может устрашиться читатель, то неустрашим Н. Морозов — писатели древности для него апокрифы средневековья и возрождения, а египетские пирамиды могут стоять тысячелетия лишь для таких профанов, какими были историки всех стран, а не для ученого физика.

Конечно, чтобы получить такие диковинные результаты, нужны и диковинные методы, и не только одно это. Нужно полное незнакомство с данными этнографии, археологии, фольклористики и большая самоуверенность — последняя, пожалуй, нужнее всего. Для любителей ученых анекдотов приведем два образчика этой самоуверенности. Есть в Ветхом завете книга «Паралипоменон» — в переводе Н. Морозова «Приморские рассказы». Смеем уверить почтенного автора, что «Паралипоменон» с «паралос» ничего общего не имеет и что Шопенгауэр в своих «Parerga et paralipomena» ни о каких морях, несмотря на всю свою непочтительность к истории, не думал. А вот и еще анекдот — «in verba» [1]) самого автора. — «По своему произношению и происхождению дошедший до нас библейский язык должен быть аналогичен современному немецкому жаргону польских евреев». Здесь уже ничего и не скажешь.

А что получится, если на такую филологию взгромоздятся астрономия с математикой? Если видение визионера, обрывок древнего мифа, сохранившийся в литературной традиции, часто вошедший там в соприкосновение с обрывками других мифов и сказаний, будет истолковываться как реальная картина небесного свода и находить таким образом свое временное и пространственное при-

[1]) Ввиду большого интереса, какой вызывает новая работа Н. А. Морозова, мы помещаем два отзыва.

[1]) Словами.

крепление. Можно смело ответить — будет получаться новая мифология, опасная и соблазнительная для неопытного и невооруженного читателя тем, что историческая, филологическая и этнографическая немощность автора прикрыта астрономическими вычислениями, математическими теориями и даже самим именем Н. Морозова. Очень печально, что круг наблюдений Н. Морозова еще сравнительно очень мал. Еще не все остатки древней мифологии подвергнуты им астрономической поверке — за еще неисследованными им мифами и сказаниями греков, египтян, вавилонян стоят мифы и предания т. н. малокультурных народов, фольклор народов полукультурных. Мы не сомневаемся, что результаты дальнейшей работы будут очень плодотворны благодаря тому, что в логике существует еще один метод, который и астрономией не опровергнешь,— метод приведения к нелепости. Нелепостей у Н. Морозова накопилось уже много, — он может толковать как реальнейшие факты как раз то, что считается наименее реальным, как-то: картину страданий и смерти Христа; так пусть он идет и еще дальше, — почему не определить время смерти Осириса или Аттиса, или дату похождений полинезийского героя Мауи — мы будем очень благодарны не за создание нового мифа, конечно, а за то, что логика постоит за себя, и «нечто невероятное» в наших представлениях о древней истории, созданное Н. Морозовым, найдет свой вероятный конец в том, что автор прекратит изыскания подобного рода. У нас есть только одно опасение — логика вещь хорошая, но и психология вещь упорная — еще шесть томов математическо-астрономической мифологии приготовлены автором к печати — следовательно, семь томов автор выдержал, и, судя по тону первой книги, его по русскому выражению «не проняло». Возникает загадка, на каком томе дальнейших «исследований» его «проймет». А за ней и другая — хватит ли у Лениза терпения для издания остальных шести томов и неосторожности давать эти томы без всяких предисловий, чуть ли не в рубрике книг, предназначенных для антирелигиозной пропаганды, и благодаря этому выворачивать мозги неподготовленных читателей и подвергать посмеянию соблазненных толщиной книги, именем автора, астрономическим и математическим аппаратом?

Повторяем, мы очень боимся, что все дело не в логике, а в психологии автора. Спорить и убеждать его — дело, может быть, безнадежное, так как кто поручится, что создатель семитомной фантазии может быть остановлен жалкими словами здравого смысла. Тот, для кого ветхозаветные пророки жили чуть ли не при Меровингах, для кого бронза открыта во II веке нашей эры, для кого возможна такая формулировка исторических событий, как «Распространение апокалиптического (монофизитского) христианства среди подчиненных германских и славянских народов и как результат этого (??) каталаунская битва гуннов с римлянами около Реймса», вряд ли остановит «необыкновенную легкость» своих мыслей, пришпоренных такими основательными всадниками, как астрономия и математика.

Проф. П. Преображенский.

Н. А. МОРОЗОВ. Христос. Первая книга: Небесные вехи земной истории человечества. 560 стр. in 8°. Ленгиз. Ленинград 1924 г.

Книга *Н. А. Морозова* «Христос» является естественным продолжением его «Откровения в грозе и буре» и «Пророков». Пользуясь тем же методом, он определяет время написания различных литературных памятников и делает из этого различные исторические выводы. Метод, которым он пользовался при определении времени написания Апокалипсиса, по существу не нов: исходя из предположения, что это астрономический или астрологический документ, названия предметов и собственные имена истолковываются как символы созвездий и небесных светил; тогда описываемые события оказываются происходящими на небе, и остается проделать несколько вычислений, чтобы определить, когда звездное небо соответствовало изображенной картине. В свое

время этот метод не без успеха был применен к истолкованию мифов и первоначальных религий, но самый успех оказался для метода гибельным: его стали применять ко всем без исключения мифам и преданиям, и получилось большое количество ошибок и смешных положений. Так, один из противников этого метода показал, что, например, биография Наполеона прекрасно может быть представлена, как звездный и солнечный миф, и что со временем будут доказывать, что Наполеон никогда не существовал. Напомню еще ироническое предисловие *Анатоля Франса* к «Семи женам Синей Бороды», где он предостерегает против злоупотребления подобными толкованиями. Всю эту историю невольно вспоминаешь, когда читаешь книги *Н. А. Морозова*. Могу дать любопытный пример: глава X книги «Христос» содержит астрономическое толкование истории Валаама и его ослицы.

В Библии сказано: «Валаам встал утром», а *Н. А. Морозов* добавляет в скобках: «что бывает при Солнце в Раке, когда Юпитер в Близнецах». Здесь я решительно выступлю в защиту права Валаама и всех других вставать по утрам не только в указанное *Н. А. Морозовым* время. Я уже не говорю про насилия *Н. А. Морозова*, которые он при этом совершает над филологией, превращая, например, Валака в Сатурна, Валаама в Юпитера и т. д. и т. д. Но, скажут мне, быть может, это случайно выхваченное место, где Н. А. увлекся. Извольте, пройдемте по порядку. Вот страница V, где скатерть, спустившаяся с неба апостолу Петру и наполненная *странными* (курсив мой) животными, толкуется как небо со знаками Зодиака и прочими созвездиями. Раскрываю «Деяния Апостолов» и читаю стих 12 главы X: «в нем (полотне) находились всякие четвероногие земные, звери, пресмыкающиеся и птицы небесные». Вижу прежде всего, что Н. А. Морозов слово «всякие» заменил словом «странные», а затем, прочитав всю главу X, вижу, что небо действительно не при чем: апостол Петр, иудей, должен проповедывать среди язычников, но его одолевают национальные предрассудки; борьба с ними и победа образно описывается в виде преодоления другого предрассудка — относительно употребления в пищу «чистых» и «нечистых» животных. Это бытовое толкование совершенно достаточно, а астрономическое без всякой нужды запутывает дело. Взглянем еще на той же странице на толкование рассказа о накормлении пяти тысяч человек двумя рыбами и пятью хлебами и об оставшихся двенадцати плетушках крошек. По *Н. А. Морозову* рыбы непременно созвездие Рыб, пять хлебов почему-то превращаются в семь планет, 12 плетушек — 12 знаков Зодиака, а все вместе — собрание семи планет в Рыбах; тут же дается обещание рассказать, в каком году это было. Произвол полный, и от такого произвола не ограждено ни одно литературное произведение: ведь везде упоминаются люди, животные, хлеб, растения, а на небе созвездий с подходящими названиями много; если же нет подходящего, поможет филологический нажим на название или имя; если же и это не помогает, то помогут китайские летописи с кометами. Действуя совершенно таким же путем, можно истолковать астрономически басню Козьмы Пруткова о пистолете полководца Монтекукули: река — смотри на небо — там Эридан, пистолет — комета (смотри средневековые рисунки комет), имя Монтекукули поддается филологическому нажиму, значит оно Горная кукушка; к сожалению на небе нет созвездия Кукушки, но можно сказать, что безграмотный переводчик с еврейского (виноват, с богоборческого, ибо по Н. А. Морозову и евреи — не евреи, а богоборцы) так назвал ну хотя бы голубя. Кавалер с девицей по произволу или Волопас с Девой или Персей с Андромедой. Астрономическое толкование готово: появилась Комета в созвездии Голубя, исчезла в созвездии Эридана; через некоторое время снова появилась некоторая Комета в созвездии Эридана; для вящшей убедительности остается заменить Персея Орионом, который ближе к Эридану и может предупредить Андромеду: «Пожалуйте, сударыня, сей реки весьма остерегайтесь, ибо в оной заряжённый пистолет (Комета) обретается». Китайские или какие-либо другие летописи дадут соответствующие Кометы (если нет, то

можно на них нажать), и дело кончено: басня писана в V веке или даже раньше, а Козьма Прутков — *Козьма Индикоплев* или какой-нибудь другой Козьма! Читатель подумает, что я преувеличиваю, но пусть он взглянет на любую страницу книги Н. А. Морозова. Возьмем хотя бы толкование Апокалипсиса. Допустим, что основная канва книги — астрономическая, что четыре животных — с шестью крыльями каждое — действительно Лев, Телец, Стрелец и Пегас (хотя и тут непонятно, почему Пегас попал в число зодиакальных созвездий), и что кони — вороной, бледный и т. д. — планеты.

Но вот в толковании положений этих планет полный произвол. В самом деле, на странице 43 мы читаем (см. Апокалипсис, гл. VI, стих 2): «Я сообразил положения звезд (в подлиннике сказано «Я взглянул»), и вот там находился яркобелый Конь (Юпитер), а у сидящего над ним (Стрельца) был лук, и дан ему Венец, и вышел он победоносный, чтобы победить», а на стр. 45: «Я взглянул, и вот там находился мертвенно-бледный конь (Сатурн), а поднимающемуся на него имя смерть, и подземное царство следовало за ним». Смерть *Н. А. Морозов* совершенно произвольно толкует как Скорпиона, а подземное царство—как последующие созвездия; но среди них находится Стрелец, где Юпитер, о чем *Н. А. Морозов* уже позабыл. Точно так же произвольно толкуется и положение коня Красного (Марс): его всадник якобы Персей только потому, что упомянут меч! Так получается путем совершенно произвольных перестановок и перетолковываний слов астрономическая картина, которая дает возможность *Н. А. Морозову* утверждать, что Апокалипсис написан в 395 году нашей эры. Далее подыскивается для него возможный автор — Иоанн Златоуст. Нужно сказать, что главы об Апокалипсисе — еще наиболее убедительные! Но вот послушайте, что́ начинается дальше. Автор Апокалипсиса найден, правда, как мы видели, найден путем очень спорных операций, но найден. Нужно найти Христа. Берутся евангелия: из них одно евангелие Иоанна — бесспорно самостоятельное произведение, другие три в рассказе о смерти Христа повторяют друг друга. Таким образом, самостоятельных источников два; из них один — евангелие Иоанна — описывает смерть Христа совершенно реалистически и не упоминает ни о тьме, ни о землетрясении, ни о каких других явлениях и чудесах; другой источник (остальные три евангелия) грубее, и там есть тьма, землетрясение, разорванная завеса и чудеса. *Н. А. Морозов*, отрицающий Тита Ливия, Тацита, Виргилия, Аристотеля, Геродота и т. д. и т. д., потому что они ему неудобны, слепо верит точности всех деталей этого евангелического рассказа, потому что он ему удобен, и начинает подыскивать соответствующее лунное затмение, находит в 368 году нашей эры, и вот тут начинает писаться история. Кто Христос? Оказывается Василий Великий. Нужды нет, что биография его ровная и гладкая, не был он ни распят, ни «столбован», ни вообще гоним. Неужели об этом забыли бы Четьи-Минеи, однако обильные сообщениями о «гонениях» на христиан со стороны Юлиана Отступника, этого, как правильно на этот раз выражается *Н. А. Морозов*, веротерпимейшего императора? Чтобы доказать правильность своей мысли, *Н. А. Морозов* пишет целый роман, в котором ни одна деталь не подтверждается никакими доказательствами: пострадал Василий Великий «за предсказание Лунного затмения», и после того, как он спасся, началось восстание под руководством апостолов, и восстание победоносное; купола христианских церквей — оказываются символами шарообразности земли. Таким образом христианство, бывшее долгое время гонителем языческой и всякой культуры, оказывается, в начале своем состояло чуть ли не поголовно из Галилеев и Джордано Бруно!

У меня не хватило бы места останавливаться на всех «астрономических» толкованиях *Н. А. Морозова:* в их произвольности, я думаю, читатель убедился из приведенных мною примеров. Перейду к «математическим» толкованиям. Они нужны *Н. А. Морозову* для подтверждения того, что он прав, ставя историю вверх дном. Он начинает с анекдота о творце теории вероятностей *Якове Бернулли* (стр. 380 и сл.): «когда Бернулли

был еще юношей и сидел занимаясь в своей комнате в Базеле, пошел сильный град, который выбил стекло его окна, и на полу его комнаты оказалось 77 градин, расположившихся своеобразными группами. Он классифицировал их по их расстояниям от наружной стены и насчитал 13 групп, которые и отметил на полу меловыми линиями, параллельными стене. Стекло было вставлено в окно, но на следующий день пошел новый град, снова пробил стекло в окне и даже в другом месте, и когда град кончился, он снова сосчитал попавшие к нему градины, и, к удивлению его, оказалось, что и теперь их лежит на полу тоже 77 градин и — можете себе вообразить! — они расположились между его меловыми линиями совершенно так же, как и прежние, только на месте предпоследней градины оказалось мокрое место, как будто бы она упала, уже растаяв?..». Этот анекдот *Н. А. Морозову* нужен для того, чтобы показать аналогию между родословной Христа и родословной Рамзеса и сделать отсюда нужные ему выводы. *Н. А Морозов* предполагает, что читатель сказал бы *Якову Бернулли*, что это ему приснилось во сне; но ведь можно было бы сделать и другое предположение: именно, что *Бернулли* сам расположил градины или во втором случае или в обоих, а затем забыл об этом. К сожалению, я лишен возможности сказать это *Бернулли*, но проверка таблиц *Морозова* убедила меня, что я имею право утверждать это относительно Н. А. Морозова. Возьмем таблицы XV и XVI (стр. 383—387) книги «Христос». Слева—родословная Христа, разбитая на «естественные» группы; взглянем на них: непонятно, почему отец Ноя — Ламех отнесен ко 2-й группе, тогда как ему место в 1-й, ведь он совсем «допотопный» человек; непонятно, по какому признаку отделена третья группа от второй, а вот четвертая группа в таблице XV состоит из четырех, а в таблице XVI из пяти членов; я не буду перечислять последующих делений на группы — они столь же произвольны. Итак, несомненно, рука *Бернулли* похозяйничала при первом падении градин. А при втором? Первая египетская династия имела восемь царей; поэтому понятно, почему Ламех пошел на усиление второй «естественной» группы предков Христа: ведь он среди допотопных патриархов девятый. Далее идет вторая династия; если мне не изменяет память, она состояла из девяти фараонов, следовательно нет соответствия с левой стороной таблицы: ясно, что *Бернулли* из девяти градин, выпавших в этом месте на второй день, четыре штуки убрал. Третья династия состояла тоже из девяти царей, и из нее у *Морозова* исчезло два. Четвертая династия — строители пирамид — тоже пострадали при укладывании в Прокрустово ложе родословной Христа. Дальше отметим только Давида, превращенного филологическим нажимом в Дода и уподобленного Тоту египетскому. Что же остается от анекдота *Бернулли*? Град падал, быть может, два раза; возможно, что и стекла были выбиты: бывает. Градины падали на пол оба раза, но оба раза также *Бернулли* ими распоряжался, как ему нравилось. А вот соответствия не было ни у *Бернулли*, ни у *Н. А. Морозова*. Но между ними есть и некоторая разница: у *Бернулли* град падал только два раза, а у *Н. А Морозова* он валится все время, и, можете себе вообразить, каждый раз совпадения. Как тут оставаться равнодушным к такому стихийному бедствию! И вот, чтобы не быть голословным, я попрошу читателя взглянуть на таблицу XIX (стр. 416), где тоже имеется «соответствие» между правой и левой стороной: и с правой и с левой стороны *Бернулли* хозяйничал, подгоняя и годы и лица; например, справа Константин Великий царствовал не 25, а 13 лет и оставил трех, а не двух сыновей, Валентиниан правил вместе с Валентом, а Ахав, соответствующий Валенту, независимо от соответствующего Валентиниану Омврия, который кстати царствовал 26, а не 12 лет. Упомянут Петроний, но не упомянуты Авит, Майориан, Либий Север, Антемий, Олибрий, Гликерий, Юлий Непот — вместо них поставлено справа 16 лет Рецимер. А для чего это нужно? Для соответствия слева с Факхом, который правил царством Израильским 20 лет. Точно такой же произвол и слева. С такой свободой обращений с именами и числами можно привести в соответствие династию Капетингов с династией Рома-

новых, или утверждать, что глуповские градоначальники изображали не российских самодержцев, а китайских богдыханов. Совершенно того же порядка и соответствия на таблице XVIII, где Сулла, он же Саул, оказывается Аврелианом, Цезарь — Констанцием Хлором, что не мешает ему на стр. 87 оказаться Юлианом Отступником, на стр. 158 Диоклетианом, а этому последнему быть Помпеем, Моисеем и Николаем Чудотворцем. Я не буду останавливаться на изумительных филологических открытиях автора: Авраам = Отец Рим, Лот = Латинянин, Фараон = Падре, Филистимляне = небесные жители. А куда же автор денет эгейскую культуру и египетские памятники, где филистимляне — земные жители определенно упоминаются? И что предполагает он делать с такими неудобными свидетелями, как монеты, надписи на памятниках, папирусы, клиновидные надписи и т. д. и т. д.? Неужели неправильные астрономические толкования сомнительных документов достаточны для того, чтобы ставить вверх дном историю человечества? Я не знаю, что скажут об этой книге историки, но могу утверждать, что ни с математикой, ни с астрономией она не имеет ничего общего.

Читатель простит мне, если я под конец этой затянувшейся рецензии скажу два слова еще об одном «математическом» доказательстве автора: я имею в виду хронологический реестр святых по векам от 1-го до 1000-го года нашей эры. Автор произвольно исключает из счета тех святых, относительно которых отсутствуют данные о времени рождения и смерти, и строит кривую, которая дает максимум к концу четвертого века. Он спрашивает, откуда вдруг такое изобилие крупных христианских деятелей именно в это время. Я невольно вспоминаю читанную когда-то книгу Лядова «История РСДРП» и слова в предисловии о том, что о многих и многих подпольных работниках той эпохи можно сказать только: «Имена их ты, господи, веси». Я думаю, все работники Истпарта знают, как трудно даже в наше время восстанавливать биографии еще так недавно живших людей. Что же было тогда, при отсутствии метрик и т. д.? И обилие в четвертом веке крупных деятелей церкви ничего не доказывает. Христианство стало не только легальной, но господствующей религией, и, конечно, к нему примкнуло много новых и часто крупных сил, которые были администраторами, кодификаторами и т. д. Это явление нам хорошо знакомое и по нашему времени. Поэтому математика с ее графическими приемами (см. стр. 181) здесь совершенно не при чем.

Замечу еще, что автор совершенно не координировал своих утверждений, и поэтому получаются курьезы: Меркурий — то черный конь, а то багряный (стр. 265), а Сатурн на стр. 261 оказывается вместо коня бледного конем мрачным, Луна (стр. 265) попадает в кони пестрые. Иногда он вдруг замечает несоответствие и простодушно говорит (стр. 429): «Пропущен почему-то только Маркиан». Где пропущен, почему пропущен? Оказывается, слева, среди царей иудейских (таблица XX) никто не соответствует Маркиану. И *Бернулли* прибавляет там лишнюю градину.

К крайнему сожалению, приходится выразить недоумение, каким образом книга, представляющая собою скопление грубейших ошибок, искажений, антинаучная по методу и по выводам, могла выйти в свет в наше суровое и беднсе время. Неужели мы так богаты, что можем выпускать в свет толстые томы (ожидается еще шесть!) романов на исторические темы под обложками научных исследований? Впрочем, с коммерческой точки зрения Ленгиз, пожалуй, и прав: издание разойдется быстро.

Проф. В. А. Костицын.

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ.

1. И. РАЗУМОВСКИЙ. Курс теории исторического материализма. *В. Сарабьянова.* — **2. А. ДЕБОРИН. Людвиг Фейербах.** *И. Гроссмана-Рощина.* — **4. С. СЕМКОВСКИЙ. Этюды по философии марксизма.** *И. Луппола.*

И. РАЗУМОВСКИЙ. Курс теории исторического материализма. Госиздат. 270 стр.

Не в пример другим учебникам и пособиям по историческому материализму (кроме т. Вольфсона), вышедшим за время революции, работа т. Разумовского уделяет вопросам общего мировоззрения очень много места, больше одной трети книги. Подход к делу совершенно правильный, так как наш читатель достаточно вырос, чтобы в занятиях с ним не ограничиваться «классовой борьбой», а переходить к вопросам диалектического материализма.

Но если архитектоника книги т. Разумовского хороша, то нельзя того же сказать об ее содержании.

Написана она старым архиученым языком, читателю буквально не дается ни отдыха, ни срока, книга не заинтересовывает, не интригует. В былые времена так писались учебники, по которым «учились от сих до сих».

Мы убеждены, что редкий читатель одолеет ее до конца. Для широкого учащегося работа т. Разумовского, следовательно, не подходит.

Не оценить ли ее, как работу ученого характера, где ставятся новые проблемы или разрешаются по-новому, глубже старые? Нет, этого сделать никак нельзя. Видно, что автор сознательно придерживается изложения Маркса, Энгельса, Плеханова... держит себя, как педагог.

Новые проблемы отсутствуют, новых постановок вопросов нет, если отвлечься от отдельных свежих мыслей на частные темы.

Но не поможет ли книга т. Разумовского уяснить уже разрешенные в марксизме проблемы, по крайней мере, учащемуся выше средней квалификации?

Несомненно поможет, так как наш автор в общем и целом свободен от вульгаризации предмета, упрощенность в нем почти отсутствует, и в этом ценность рецензируемой нами работы.

Однако, если т. Разумовский и не вульгаризирует марксизм, то он далеко не свободен от неверного его толкования, порой в весьма ответственных вопросах.

Вот, например, спор объективистов с субъективистами. Как известно, значительная часть идеалистов-социологов стояла на точке зрения субъективизма, тогда как материалисты, особенно в философии, были крайними объективистами. Марксизм синтезировал субъективизм с объективизмом, что наиболее резко выявлено у Маркса и у Ленина.

Первый тезис Маркса о Фейербахе:

«Главный недостаток всего предшествовавшего материализма — до фейербаховского включительно — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность рассматривается *только в форме объекта* (курс. мой везде. *В. С.*), или в форме созерцания, а не как чувственно-человеческая деятельность, не в форме практики, *не субъективно*».

Последний же (11) тезис:

«Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Иногда говорят, что в обоих тезисах высказано одно и то же. Нет, конечно, не одно и то же. В 11 тезисе речь идет о необходимости изучения ради изменения, а в 1-м тезисе *о методе* изучения.

Вещи надо изучать не во всех связях, не во всех опосредствованиях, как этому учили материалисты до Фейербаха включительно, а в тех, которые *для нас* (субъективизм) важны. Ленин так именно вопрос и ставил в дискуссии с т. т. Троцким и Бухариным о профсоюзах: указывая, что стакан есть стеклянный цилиндр, и инструмент для питья, и предмет для бросания, и пресс-папье и т. д., Ленин говорит: «Если *мне нужен* стакан сейчас, как инструмент для питья, то

мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма, и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещин, чтобы нельзя было поранить губы, употребляя этот стакан, и т. п.».

Иной постановки вопроса у марксиста и быть не должно: мы хотим мир изменять *в своих* интересах, следовательно, будем его изучать в определенных отношениях. Здесь на-лицо синтез объективизма с субъективизмом.

Что же пишет т. Разумовский?

«Объективизм наблюдений, отсутствие каких бы то ни было субъективных моментов и оценок, искажающих действительный ход вещей и закономерных явлений—условия его (наблюдения. *В. С.*) точности и правильности» (14 стр.). Совсем не верно. Художник будет наблюдать коров иначе, чем владелец молочной фермы или скупщик скота на мясо. Я вашу книгу оценю иначе в отношении к среднему читателю, чем — к высокому. И так далее: «Движение познания вперед совершается так, что каждое изучаемое явление рассматривается в его конкретности, т.-е. не только в его своеобразии, но и в его связи и взаимодействии со всей совокупностью явлений» (91 стр.).

Но в том-то и дело, что конкретность заключается в рассмотрении явления *не во всех* связях, *не вообще*, а именно конкретно, *в определенных* связях (стакан, как инструмент для питья). Тов. Разумовский не понял сути в 1-м тезисе Маркса и тем самым допустил неверности в некоторых других существенных вопросах, как, напр., в вопросе об абсолютном и относительном. Энгельс, как известно, говорил, что наша абсолютность относительна, относительность же абсолютна.

Однако мы, марксисты, и Энгельс отмежевываемся от крайнего релятивизма, это же делает и т. Разумовский. Но у него отмежевание чисто формального характера. Да и как можно отказаться по существу от крайнего релятивизма, если признаешь вместе с марксизмом, что все беспрерывно течет и изменяется, что точки покоя нет, с одной стороны, и сам не принял за необходимость синтезировать субъективизм с объективизмом?

Мы признаем вечные, абсолютные истины, но добиваемся этой абсолютности только при одном условии: если мы предмет рассматриваем не во всех связях, которые беспрерывно возникают и отпадают, а в определенных, в течение некоторого времени остающихся в наличии и «делающих» из предмета определенное качество.

Жив я или умер? Условимся, что понимать под жизнью, под словом «труп», и тогда дадим абсолютный ответ. У т. Разумовского с «относительностью» абсолютная путаница. «Объективной» и «абсолютной» истиной, несомненно, будет... что Волга впадает в Каспийское море, или что Наполеон умер в таком-то году. Но здесь самое познание наше относительно по существу; здесь «немногим поживишься (?! *В. С.*) для дальнейшего хода мышления» (62 стр.). Во-первых, при чем здесь «ход мышления», когда абсолютность и относительность истины являются проблемами нашей практики прежде всего; во-вторых, почему познание оказывается «относительным по существу», если здесь немногим поживишься; в-третьих, почему же ссылаться на Волгу с Наполеоном, а не на Плеханова с его предисловием к Энгельсовскому «Фейербаху», где Плеханов к Волге с Наполеоном присовокупляет все, на что дан ответ по формулам: «да — да и нет — нет»; а, ведь, он говорит, что мы даем абсолютно точные ответы на всякий вопрос о наличии или отсутствии определенных свойств у предмета.

Путаница у т. Разумовского продолжается и в вопросе о качестве. Плеханов вполне резонно оговаривал, что качество не есть свойство, и обратно. Вспомним ленинский пример: за одни и те же свойства в эпоху военного коммунизма награждали, а при нэпе ругают.

Качество—категория объективно-субъективная, а свойство—исключительно объективная.

А что мы находим у т. Разумовского?

«Психическое — есть такое же особое *свойство*, качество природы, как электричество, весомость... сознание есть особое свойство, качество бытия...» (49 стр.). Или такой шедевр, да еще приписанный Гегелю и Марксу: «Под качеством Гегель и Маркс разумеют те или иные *формы* или (! *В. С.*) *состояние* вещи или (! *В.С.*) порой весьма сложные явления,

вызываемые теми или иными количественными соотношениями, соотношения между частями субстанции или элементами явления».

Для меня эта фраза не что иное, как труднейшая шарада. Думаю, что и для других.

А все потому, что т. Разумовский не проработал основных проблем диалектического материализма; в результате масса нелепых положений, которые хотелось бы объяснить стилистическими погрешностями, если бы не упомянутые выше непродуманности.

Вот несколько примеров:

«Развитие физических явлений *часто* сопровождается, как мы увидим далее, и «противоречиями» (81 стр.). А разве не всякое развитие есть противоречие? Почему только «часто»? А как возможно развитие в *редких* случаях, если нет противоречия?

«Каждое изучаемое явление природы ил и общественной жизни должно рассматриваться *не только* в своей особой внутренней закономерности, *но* и в процессе своего внутреннего изменения и развития...» (60 стр.).

А разве «внутренняя закономерность» не есть процесс «внутреннего изменения и развития»? А раз так, то к чему «не только», «но, и» нами умышленно подчеркнутые? «Из разнообразных для всякого общества общественных отношений, в качестве методологически-исходного пункта, выделяется группа наиболее независимых (? *В. С.*) от форм сознания и наиболее основных отношений, —*общественные отношения производства...*» (98 стр.).

Что это значит: «наиболее независимые от форм сознания» отношения? Если зависимость понимать в том отношении, что общество ставит себе цели, то во всех отношениях участвуют люди, конечно, с головой, познающие и сознающие люди; и почему, спрашивается, классовая, напр., борьба больше зависит от форм сознания, нежели производственные отношения?

Еще пример: «Не будем претендовать на правильное познание и успокоимся на том, что факты согласуются с мыслями, а мысли согласованы между собой. Такую точку зрения марксизм решительно отвергает, утверждая *достоверность* нашего познания мира».

Конечно, марксизм утверждает возможность достоверности познания, но в чем эта достоверность, как не в соответствии («согласований») мыслей фактам? Ведь мы только соответствие находим, а не копии с вещей снимаем в процессе мышления. Напр., моя мысль —«это до-мажорный аккорд» означает не то, что объективно имеется совокупность до, ми, соль, а иное, что моей мысли «до-мажор» соответствует совокупное действие на меня определенных волн, идущих от струн или голосовых связок и т. д.

Таких мест много (см., напр., страницы о причинах и условиях).

Социологическая половина книги выполнена лучше, значительно лучше, но и здесь много непродуманности. «Развитие общественной жизни протекает в непрерывном *взаимодействии* между природой и общественным человеком, в свою очередь воздействующим на природную среду, в *трудовом процессе*» (106 стр.).

Это положение т. Разумовский опирает на следующие слова Маркса: «Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки и ноги, голову и пальцы. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет и свою собственную природу».

Маркс говорит о движении, т. Разумовский же — о трудовом процессе, между тем как это не равновеликие величины. Во время войны срубаются леса, засоряется земля осколками ядер и т. д., изменяется природа и сам человек, но это изменение не есть результат трудового процесса, так как мы под трудом понимаем производство и воспроизводство данного способа производства.

Тов. Разумовский же, пишущий об этом на 136 стр., на 106 труд понимает не как социальную экономическую категорию, а как физиологическую.

На стр. 154 он снова извращает Маркса: «самый переворот в экономическом базисе конкретно осуществляется *путем*

политического переворота. Сила, по словам Маркса, облегчает муки родов старого общества, беременного новым...».

Ясно, что сила *облегчает* муки родов, но, во-первых, облегчение не равносильно осуществлению, во-вторых же, не всякие роды происходят с участием повивальной бабки, и мы знаем перевороты в технике и экономике, не сопровождавшиеся политическими переворотами; последние вызывались первыми, это верно, но это — *иное* решение вопроса. И сам автор дает иное освещение уже на 156 стр.: «экономическая революция *начинается уже ранее* политической, но окончательно *завершиться* она может лишь после того, как изменятся отношения распределения средств производства, стало быть, лишь *после* политической революции».

На «учебном пособии» т. Разумовского мы лишний раз убеждаемся, как велика и трудно выполнима задача охватить в одном труде диалектический материализм вообще с историческим материализмом в частности. Нужна специализация, разделение труда...

Иначе, наш читатель будет получать один неудовлетворительный учебник за другим.

В. Сарабьянов.

А. ДЕБОРИН. Людвиг Фейербах. Книгоиздательство «Материалист». Институт К. Маркса и Ф. Энгельса.

Без глубокого и всестороннего анализа Фейербаха невозможно точное уяснение роли Маркса и Энгельса. Тезисы Маркса о Фейербахе являются шедевром марксовской мысли. Всю глубину этой отрывочной по форме, единой по существу работы оценит только тот, кто знает основательно Фейербаха. Широкий читатель знает только основные положения Фейербаха: не бог создал человека по образу и подобию своему, а человек, в своем стремлении к преодолению дистанции между желательным и фактически доступным, создает богов по образу и подобию своих неудовлетворенных желаний и жажды теоретического и практического единства. Но ясного знания о роли Фейербаха у широкого читателя нет. Книга тов. Деборина правильно и четко выявляет связь учения Фейербаха с революционными запросами эпохи. Сделано это без вульгаризации, без попытки схоластически «выводить идею Фейербаха грубо непосредственно из экономики». Должен сказать, однако, что первая глава «Фейербах как человек и мыслитель» не совсем удачна. Не ясно, чего собственно хочет автор, — намерен ли он дать схему идей Фейербаха, или же отмечает предварительную стадию развития замечательного мыслителя. Это — задачи различного порядка, а между тем у тов. Деборина они как-то смешаны. Ценными являются строки, посвященные характеристике Фейербаха как человека. Автор выясняет, под чьим влиянием находился юный Фейербах. В следующих главах тов. Деборин дает неоценимый материал для понимания роли и значения Фейербаха.

Наиболее существенной и победоносной является у Фейербаха критика Гегеля и Канта. Мировоззрение Канта чрезвычайно сложно и запутано. С одной стороны, резко отвергается метафизика, как орудие познания. Категории чистого рассудка только преодолевают множественность, хаотичность эмпирического мира. Но с этим бедным миром конкретных фактов случается странное и трагическое происшествие: так как вещи в себе непознаваемы, то, грубо выражаясь, часть неведомых свойств отсылается в почетную ссылку, — в мир потусторонний. А еле познаваемое целиком поглощается формальными категориями, так что на долю нашего грешного мира, мира реальных желаний, борьбы, надежд, — на долю этого мира остается почти — *ничего*. Познавательные категории, которые должны были спасти и искупить грешный мир, проглотили мир вещей, да так основательно, что остались только «рожки да ножки».

Формально гегельянство является шагом *назад* от Канта, ибо гегельянство есть неслыханная реставрация метафизики. Но всмотритесь тщательнее: архиметафизик Гегель дает познавательную санкцию конкретному факту. Каждый конкретный факт не есть только отблеск идей — конкретный факт есть реальный момент действительности. Фейербах уди-

вительно тонко вскрывает, однако, всю призрачность «конкретности» Гегеля. Для Гегеля все-таки и реальность есть только форма мышления. Конкретный факт есть, в сущности, *мыслимый* факт. Фейербах резко и непримиримо прорывает фронт рационализма; чувственный мир отказывается от всякой подачки со стороны разума. Чувственный мир мало интересуется, чтоб его «де-юре» признавала великая держава — Разум. Чувственный мир единственная реальность. По Фейербаху такая точка зрения единственно правильный путь к познавательному и практическому монизму, — все это превосходно выяснено тов. Деборином.

Маркс вскрыл недостаточность Фейербаховского антропологизма, пошел дальше Фейербаха и доказал, что не на антропологической, а на производственно-классовой базе раскрываются тайны религии, тайны истории. Маркс упрекает Фейербаха в том, что Фейербах имеет дело или с абстрактным «Родом», или с конкретным индивидуальным человеком. Этот справедливый упрек Маркса нуждается, однако, в весьма важном пояснении. Никогда революционер Фейербах не мыслил человека изолированным, пассивным, созерцательным. Фейербах создал свое замечательное учение «туизма»; туизм не только эмпирически утверждает наличность ближнего; связь с ближним дана не в форме чистого сознания, а в факте совместной конкретной деятельности. Больше того. Фейербах признает, что только конкретно действенная связь с со-человеками дает *адэкватное* познание: Фейербах является творцом *коллективистической гносеологии*. Но все же мы здесь имеем дело с антропологической социологией, а следовательно с концепцией позитивизма, ведущей непосредственно к историческому идеализму. Правда, тов. Деборин старается доказать, что Фейербах прекрасно понял роль *технических средств* при объяснении роли натуралистических религий. Здесь серьезная заслуга тов. А. Деборина. «Нам могут сделать упрек в том, что мы модернизируем Фейербаха. Но этот упрек будет неоснователен. Верно то, что мы некоторые мысли Фейербаха находим нужным заострить для того, во-первых, чтобы показать, что предъявляемые Фейербаху обвинения основаны просто на недоразумении, на некоторых неудачных словесных выражениях и, во-вторых, что при более глубоком изучении его критики религии мы находим в ней очень ценные мысли, которые, повидимому, не прошли мимо Маркса» (стр. 193—194).

Упрекать тов. Деборина не в чем. Но следовало бы все же подчеркнуть, что сознание роли техники *мелькает* лишь у Фейербаха: производственный принцип *не* служит основой познания истории и фактором группировки общественных классов. Фейербах все же ближе к позитивизму. Это следует отметить именно теперь, когда мы, как мне кажется, замечаем среди многих марксистов нежелательный уклон *к подмене диалектического материализма эсеровской биосоциологией*.

Вопросы о взаимоотношении социологии и биологии недостаточно проработаны, и естественно, что рано или поздно эти вопросы должны быть поставлены. Как всегда — побудителем является реальная потребность. Я укажу здесь на практический момент, вызвавший необходимость четкой постановки вопроса: классовая борьба выяснила, что «отбор» подходящего человеческого материала является одним из важных элементов успешности социальной борьбы. *Воля к победе, энергия*, — все эти субъективные факторы, конечно, вырастают на объективной социальной базе, но из этого не следует, что эти субъективные факторы зреют стихийно, как плоды под солнцем. Необходимо активно *создавать, собирать, организовывать волю*. В связи с этим и намечается иной подход к экспериментальной психологии — изучается психотехника, формы профессионального подбора, емкость трудового внимания и т. д. Это хорошо. Но, увы, наблюдается среди части теоретиков *методологический* уклон то в медицинский материализм типа Молешотта и Бюхнера, то уклон в биосоциологизм Де-Роберти и теоретиков эсеровского лагеря. Вот почему сейчас так важно и существенно чеканно и остро подчеркнуть не только то, что объединяет, а то, что *разделяет* утопический (в истории)

антропологизм Фейербаха от научного социализма Маркса и Энгельса.

В общем, работа тов. Деборина заслуживает серьезного внимания и изучения не только со стороны нашей молодежи, но и педагогов.

И. Гроссман-Рощин.

С. Ю. СЕМКОВСКИЙ. Этюды по философии марксизма. Гос. Издат. Москва 1925 г. Стр. 166.

Под таким названием автор издал несколько своих статей и докладов; некоторые из них были уже напечатаны и теперь наново включены в сборник. К таковым относятся статья: «Апостол воинствующего материализма» (Л. Фейербах) и доклад о теории относительности. Статья «Национальная апперцепция» составляет, видимо, одну из глав будущей книги автора по национальному вопросу и в сборник включена как своего рода анонс.

Заглавие сборника заставляет предположить, что автор остановил свое внимание на нескольких основных проблемах философии марксизма, что выявлению этих проблем и развитию их посвящена книга. Этого, однако, нет, и хотя автор и полагает, что собранные статьи и доклады «связаны определенным внутренним единством», после внимательного чтения можно установить лишь единство *внешнее*, т.-е. включение всего материала в одну книгу. Между первой и второй статьями (вторая — «Материализм Фейербаха и Маркса в свете современной науки») связь, конечно, есть, поскольку и там и здесь говорится о Фейербахе, но зато во второй очень мало «света современной науки». Этот «свет» бьет ключом в третьей статье: «Теория относительности и материализм». Автор — горячий сторонник теории относительности; он полагает, что эта теория «увенчивает здание современного естественно-научного мировоззрения», что диалектический материализм, — ну, как бы сказать, — находит в ней верного союзника и твердую опору. В краткой заметке нет возможности распространяться по существу доклада С. Семковского, но выводы его необходимо назвать несколько поспешными и не совсем продуманными. Заметим кстати, что ряд больших ошибок автора и его, мягко выражаясь, неудачное дебютирование на поприще физики было уже отмечено специалистами и знатоками дела и проблемы (см. статьи А. К. Тимирязева в «Под Знам. Маркс.» №№ 8—11).

Сборник С. Семковского принадлежит к разряду тех книг, которые, будучи взяты сами по себе, отнюдь Америки не открывают, но мысль будят и служат скромному и благодарному делу образования; которые, необходимо добавить, проникнуты абсолютно неприемлемыми претензиями автора, совершенно не обоснованными и не вытекающими из общего содержания книги. Стоит только прочесть оба предисловия С. Семковского (к книге в целом и к «Теории относительности»), чтобы убедиться в этом. Именно в предисловиях к такого рода книгам заключается их соль.

Автор становится в позу непогрешимого папы и изрекает: «пышный по внешности расцвет исследовательской работы (в Советском Союзе) в области философии марксизма... грозит остаться пустоцветом; ввиду того *схоластического уклона*, который от действительных живых проблем диалектического материализма... тянет вспять к бесплодной схоластике школьной философии». Автор, гордый своим дебютом в области физики, решает, что «повсюду явная бездарь», и мечет громы: «у нас признанные» философы марксизма «считают... уместным писать о теории относительности лишь по *наслышке*!». Диалектика, видите ли, превращается у нас в «мертвый шаблон, хотя бы схоластически «углубленный» по самому Гегелю» и т. д. В противовес этому схоластическому кошмару *школьной* философии требовательный автор призывает сосредоточиться «на актуальных теоретико-познавательных и методологических проблемах наук о природе и обществе».

Вот когда мы имеем такие положения и требования автора, то книга приобретает иное лицо и требует к себе подхода именно с точки зрения автора. Чем явится в этом случае его статья о Фейербахе, как не школьной работой из той области,

которая относится самим автором к ненавистной школьной философии? Где в книге актуальные проблемы современности? Нельзя же автору «Этюдов», гордому Эйнштейном, ограничить современность все тем же Эйнштейном. Где те буржуазные ученые, философы, идеологи, где те актуальные в наши дни критики марксизма извне и изнутри, с которыми диалектическому материализму в наши дни приходится так или иначе считаться и бороться? Где у автора, столь жаждущего актуальности и столь ненавидящего схоластику, Фрейд, пускающий у нас глубокие корни? Где Павлов и некритическое увлечение им? Где марксисты, которых следовало бы назвать нео-гегельянцами: Лукач, Корш и др.? Где критика того явления, какое можно назвать союзом католицизма с этическим социализмом: Штейнбюхель, М. Адлер? Где критика современного извращения марксизма в Америке: Г. Уоттон и М. Уильям? Или, может быть, автор считает, что все это не актуально, но ведь считает же он — актуальной теорию национальной апперцепции О. Бауэра!! Но гордый автор в своей гордости ничего не хочет признавать, кроме теории относительности, ибо *он* прочел о ней доклад. Что же касается схоластической диалектики «по Гегелю», то на эту тему можно было бы многое сказать, но надо думать, что, прочтя впервые публикуемые сейчас работы Энгельса, автор *должен* будет изменить свои взгляды.

Если читатель «Этюдов» С. Семковского начнет чтение книги с предисловия, помещенного в самом конце ее, и предъявит к этюдам требования самого автора, то он удивится крайней непоследовательности первого. Но такова судьба того разряда книг, о котором мы говорили выше.

И. Луппол.

НАРОДЫ И СТРАНЫ.

1. I. ЧАРЛЬЗ ДАРВИН. Кругосветное плавание на корабле «Бигль». II. В. ДОГЕЛЬ Полгода в тропиках. III. Н. ПИНЕГИН. В ледяных просторах. IV. СЕРГЕЙ МЕЧ. К северному полюсу. V. Три месяца среди людоедов Суматры. VI. Р. АМУНДСЕН. Завоевание полюса. *А. Крубера.* **— 2. JEHAN D'IVRAY. L'Egypte éternelle.** *Б. Пурецкого.* **— 3. PHILIP GRAVES. Palestine: the Land of three faiths.** *П. Китайгородского.*

Библиотека путешествий, вторая серия. Ч. ДАРВИН. Кругосветное плавание на корабле «Бигль». Сокращ. издание под ред. А. Д. Нечаева. 216 стр.

В. А. ДОГЕЛЬ. Полгода в тропиках. 93 стр.

Н. ПИНЕГИН. В ледяных просторах. С экспедицией Седова к северному полюсу. 272 стр.

ТО ЖЕ. Серия первая. СЕРГЕЙ МЕЧ. К северному полюсу. Путешествия Нансена и Пири. 150 стр.

Три месяца среди людоедов Суматры. Сокращенный перевод Н. Березина. Третье издание. 127 стр. Издания Государственного Издательства. 1924 г.

РОАЛЬД АМУНДСЕН. Завоевание полюса. Издательство «Новая Москва».

Нельзя не приветствовать идею Научного-популярного Отдела Государственного Издательства дать ряд образцовых описаний путешествий, приноровленных к различным категориям читателей как по возрасту, так и по степени общего развития и соответственно этому распределенных по трем сериям. Разбираемые здесь книги относятся ко второй и первой серии. Вторая серия рассчитана, как сказано в проспекте, на учащихся среднего и старшего возраста и взрослого читателя, знакомого с начатками естествознания. В этой серии помещены оригинальные произведения как русских, так и иностранных путешественников и натуралистов, и выбор этих произведений нельзя не признать сделанным весьма удачно. Сюда вошли талантливо и ярко написанные книги проф. В. М. Арнольди «По островам Малайского архипелага», проф. А. М. Никольского «Летние поездки натуралиста», Геккеля «Натуралист под тропиками», из которых первые две уже

давно завоевали себе почетное положение среди научно-популярных произведений. Из разбираемых здесь книг этой же серии книжка В. А. Догеля «Полгода в тропиках» дает описание путешествия автора в Восточно-Африканские английские владения из Момбаса к озеру Виктория, плавания по этому озеру, посещения Мобирского леса, «сафари» — или пешеходного странствования к границам германских владений и возвращения новым путем в Момбас. Автор, как натуралист, наибольшее внимание отводит описанию растительности и животного мира страны и сообщает из этой области много интересных и новых данных, описывает также население страны, его бытовые особенности, главнейшие населенные пункты, каучуковые плантации, организацию особыми фермами крупных охот и пешеходных путешествий внутрь страны. В общем книга дает довольно полное представление о стране, ее флоре, фауне и обитателях.

О книге Дарвина «Путешествие вокруг света на корабле Бигль» нет надобности распространяться, так как не подлежит сомнению важность ознакомления широкого круга читателей с такого рода классическими произведениями. Вопрос лишь в том, насколько допустимы перепечатки таких произведений не полностью, а с значительными сокращениями. По отношению к рассматриваемому сочинению надо иметь в виду, что многие приводимые там данные являются сильно устаревшими, а поэтому, на наш взгляд, сохранение в книге лишь того, что представляет непреходящий интерес или иллюстрирует воззрения самого автора, вполне возможно, в особенности если перепечатки полностью слишком удорожили бы книгу и помешали бы ее распространению среди массового читателя. Выборка материала сделана А. Д. Нечаевым толково, сохранены главным образом страницы, интересные в естественно-историческом отношении. Мы не можем, однако, одобрить приемы составителя, который ведет рассказ то от лица Дарвина, то от себя и вставляет в текст свои пояснения, которые лучше было бы отнести в примечания. Описанию путешествия предпосылается краткая характеристика молодого Дарвина до его путешествия на Бигле.

Особое совершенно место среди книг этой серии занимает труд Н. Пенегина «В ледяных просторах». Автор, художник по профессии, принимал участие в трагически закончившейся экспедиции Г. Я. Седова к северному полюсу в качестве руководителя фото-кинематографическими работами. Он обладает несомненным литературным талантом, умеет чутко и вдумчиво разбираться в явлениях северной природы, в психологии участников экспедиции, и поэтому его дневник читается с неослабевающим, захватывающим интересом, давая материал как для понимания природы северных стран, так и, без излишних осуждений, вскрывая перед нами причины трагического исхода экспедиции и гибели его начальника, для осуществления цели которым было проявлено много упорства, энергии, но слишком мало предусмотрительности и расчета. В приложении к книге напечатана коротенькая статья В. Ю. Визе, руководителя метеорологическими наблюдениями, о научных результатах экспедиции. Иллюстрирована книга богато оригинальными и хорошо выполненными фотографиями и, будучи доступной и для читателя данной географической серии, она представляет интерес вообще для каждого образованного читателя и, в частности и в особенности, для специалиста географа. Заканчивая отчет о второй серии путешествий, необходимо отметить, что в книге Догеля помещено много интересных оригинальных рисунков, но в воспроизведении многие из них вышли смазанными и неясными.

Популярные книжки, относящиеся к первой серии, предполагают школьника 10—13 лет или взрослого читателя, не прошедшего I ступени. Написать хорошую книгу для такого читателя — дело не легкое. требующее, кроме знаний в специальной области, особого дара популяризации. Книга должна быть правдивой, давать ценные сведения из области науки и в то же время своим изложением захватывать читателя. Я незнаком со всеми вышедшими в этой серии книгами, но об одной из них Курта Бека «Обитель снегов» мною был дан крити-

ческий отзыв, напечатанный в пятой книжке журнала, из которого видно, что эта книжка не вполне соответствует своему назначению. До некоторой степени то же следует повторить о переводной книге «Три месяца среди людоедов Суматры», в которой также «приключенческий» элемент преобладает над описательным; правда, в этой книжке больше географического материала, но все-таки центр тяжести в тех неприятных переживаниях, которые испытывал путешественник Бреннер и его спутники, ожидая нападения и в результате перспективы быть съеденными батаками. Прежде всего, когда читаешь эти страницы, не можешь отделаться от мысли, что все эти строки фиктивны, а, во-вторых, об этом говорится так много и тягуче, что и впечатление само по себе получается не яркое, а расплывчатое. Кроме того, необходимо отметить, что самое путешествие произошло в 1886 г., а с тех пор много воды утекло даже и на Суматре, и, казалось бы, нет никакой надобности извлекать на свет божий такое старье, к тому же и не представляющее большого интереса.

Что касается второй книжки этой серии «К северному полюсу», написанной известным популяризатором Сергеем Мечом, то она гораздо более соответствует своему назначению. Автор просто и толково излагает в ней эпизоды двух наиболее важных моментов в истории завоевания северного полюса, именно путешествия Нансена и Пири. Достаточное внимание отведено и научной стороне этой проблемы, но это отнюдь не отражается вредно на занимательности изложения. Я позволю только указать здесь на несколько ошибок, требующих исправления при следующем издании. Так на стр. 14 сказано, что корабль «Фрам» мог выскальзывать, как угорь, из ледяных тисков; сравнение «Фрама» с угрем малоподходящее; на стр. 21 говорится, что глубина С. Ледовитого океана равна глубине Атлантического, это неверно как по отношению к средним, так и максимальным глубинам; на стр. 63 (примечание) следует изменить объяснение метеоритов; на стр. 76 говорится довольно непонятно, что эскимосы дикари, но не дикие; на стр. 86 айсберги приравниваются к ледяным полям; на стр. 113 термин расселина следует заменить термином *полынья*, утвердившимся теперь в океанографической литературе; кроме того, следует добавить карту путешествий Пири.

Книга Роальда Амундсена «Завоевание южного полюса», изданная изд. «Новая Москва», несомненно, является полезным вкладом в географическую литературу и написана достаточно популярно, чтобы быть понятной для учащихся даже второй ступени. Перевод сделан литературно. Необходимо, впрочем, оговориться, что отчеты о полярных путешествиях, предназначенные для широкого круга читателей, пишутся очень часто путешественниками наспех, вскоре после возвращения из путешествия, когда еще собранные материалы необработаны; на первый план обыкновенно выдвигаются авторами эпизодические моменты и занимательность, так что от такого рода произведений нельзя требовать большего, чем они могут дать, именно только рассказа о ходе путешествия с беглой характеристикой страны и достигнутых результатов. В книге мы находим портрет Амундсена, предисловие, написанное Фритиофом Нансеном, краткую историю исследования южных полярных стран и их карту с нанесением маршрутов экспедиций. Иллюстраций довольно много, и некоторые из них на отдельных листах.

Проф. А. Крубер.

L'Egypte éternelle par JEHAN D'IVRAY (Bibliothèque internationale de critique). Paris 1922.

ЖЕХАН Д'ИВРЭ. Вечный Египет (Международная критическая библиотека). Париж 1922 г. Стр. 188.

Ценность книги заключается в довольно обширном фактическом материале—результате личных впечатлений. Много такого материала дает глава «В мятежном Египте», где имеется ряд интересных подробностей восстания Араби паши, которых мы не находим в других работах по Египту. Восстание Араби автор связывает с недавним обширным народным мятежом 1919 года и считает растущую египетскую интеллигенцию, повидимому, единственной движущей си-

лой национально-освободительного движения, совершенно не замечая роли туземной буржуазии. В связи с последним положением особенно подробно изложена история европейского образования в Египте, при чем не скрыты и методы французского воспитания. Так, например, всем учащимся показывали в кино картину, изображающую торжественное вступление французских войск в завоеванный город, которую школьники встречали пением марсельезы и лотарингского гимна. Автор замечает, что вышеупомянутую картину должны были просмотреть все обучавшиеся во французских школах, а их к 10 марта 1919 года числилось до 27.000 человек, несмотря на то, что со времени оккупации англичане всячески старались пропагандировать свое образование, обусловливая поступление на государственную службу прохождением курса в школе правительственной или английской. Методы и принципы образования и воспитания в английских школах автор находит совершенно неудовлетворительными, а последним обстоятельством, по его мнению, объясняется массовое участие учащихся в анти-британском движении 1919 года. Продолжая описание Египта, автор приводит нас в центры некогда знаменитых, но теперь уже умирающих туземных кустарных производств—ткацкого, шорного и горшечного, и знакомит как с современным состоянием производства, так и с условиями жизни и бытом производителей... Много места автор уделяет египетской женщине, отмечая, между прочим, колоссальную перемену в положении египтянки 1890 года (которое, кстати сказать, было таково же, как и в начале XIX столетия), в сравнении с социальным положением ее в наше время. Теперь египетская женщина уже обижается, если муж обращается к ней по имени и не зовет ее «ханум» (госпожа), а из среды египтянок вышли такие выдающиеся личности, как жена Заглул паши София и Шарлави-паша (Charlaoui). Проведена разница между живущей в более стесненных условиях и развращенной женщиной города и крестьянкой с ее «свободной жизнью при ласковом солнце, рядом с мужем, которому она от всей своей любви помогает по мере сил»... Чрезвычайно подробно описан обряд египетской свадьбы, изобилующий весьма своеобразными и интересными моментами. Как большая новость для Египта отмечается исчезновение евнухов и прислужниц-негритянок, сопровождавших на улице женщин из высших классов. «Египтянки выходят на прогулку одни!» Из других интересных мест в книге нужно отметить прекрасное описание Каирского парка Гелиополиса, а также городов Расс-уль-Бахра и Диаметты. В Диаметте до сих пор еще цела знаменитая полуторастолетняя сикимора «дерево пыток», как зовут ее феллахи. Ствол этого дерева на высоте полутора метров испещрен следами от гвоздей, которыми... прибивались за уши неплательщики податей. Автор горячо приветствует новый Египет и дает резкую отповедь всем, жалеющим об уходе старого, сказочного Востока. «Для того, чтобы жены и рабы одного человека могли иметь драгоценные камни на каблуках своих атласных туфель— тысячи существ должны работать с утренней зари до ночи то под палящими лучами солнца, то под леденящим ветром зимних месяцев, полуодетые, полуголодные и часто не оплачиваемые. Для того, чтобы чиновники пашей, подобно коту в сапогах маркиза Карабаса, могли сказать: «все эти поля, луга и поместья, насколько хватает глаз, принадлежат моему благородному господину» — ради этого феллахи, оторванные от своих жалких клочков земли, обремененные налогами, угнетаемые принудительными работами, должны отдавать свою плоть и кровь из года в год! В то время, как девушки Персии и Индии едут в Англию изучать медицину, когда под напором цивилизации рушатся китайские стены— до сих пор еще находятся недовольные, упрекающие Египет за его чересчур быстрые шаги по пути прогресса»... Но, очевидно, эти быстрые шаги по пути прогресса мало еще коснулись египетского крестьянина, ибо «те, кто жалеет об уходе старого Египта, могут успокоиться, отправившись в глубь страны, где в вечно зеленых лугах, под вечно ясным небом народ, неизменно преданный своей земле, терпеливо переносящий все превратности судьбы, делает

то, что до него делали потомки Аменофиса и Рамзеса, истощая все свои силы для улучшения благосостояния других более ловких...». В заключение автор высказывает надежду, что несчастиям Египта скоро придет конец и что, свободный и гордый, он скоро займет подобающее ему место в семье народов. Написана книга живым и легким языком.

Б. Пурецкий.

PHILIP GRAVES. Palestine: the land of three faiths. London 1924 г.

ФИЛИПП ГРЭВС. Палестина—страна трех религий. Лондон 1924 г. 286 стр.

Рецензируемая книга принадлежит перу англичанина, враждебно настроенного к сионизму. Трепеща за судьбу Суэцкого канала, одной стороной граничащего с Палестиной, автор хотел бы обеспечить спокойствие тыла на случай военных конфликтов. Спокойствие тыла, по его мнению, невозможно, поскольку Палестина раздираема национальным антагонизмом.

«Страна трех вер — мусульманской, христианской и еврейской» — в глазах англичан только для того существует, чтоб охранять подступы к Суэцкому каналу. Последний, как известно, является водным коридором, через который проходит путь от Средиземного моря к Индийскому океану. Во время войны Джемаль-паша, турецкий главнокомандующий военными силами Передней Азии, пытался было даже засыпать Суэцкий канал. Правда, эта попытка окончилась полной неудачей. Сердце «доброго англичанина» не может, однако, не тревожиться за будущее.

В самом деле, если Палестина не будет замирена, если английская политика, мирволящая сионизму, будет продолжаться и впредь, то это не сулит ничего хорошего в будущем. Ибо арабы никогда не помирятся с господством евреев в Палестине, и в случае войны арабы, составляющие большинство населения страны, выступят на стороне врага против англичан!!.

Вот какие соображения заставляют автора относиться неприязненно к сионистской политике Англии в Палестине.

Книга состоит из 12 глав. В первой главе автор дает краткий исторический очерк о положении Палестины до 1914 г. Во второй главе мы читаем о роли сионизма во время империалистической войны 1914—1918 г.г. Сионисты все время выступали, как агенты Англии. Известный лидер сионизма Жаботинский организовал сионистские отряды, сражавшиеся в Галлиполи против Турции.

Чтоб привлечь на свою сторону американо-еврейскую буржуазию, Бальфур 2 ноября 1917 г. обнародывает знаменитую декларацию о содействии правительства его величества короля Великобритании восстановлению национального очага для еврейского народа в Палестине.

В третьей главе мы знакомимся с историей получения Англией мандата на Палестину. Ведь Бальфур, собственно говоря, обещал, так сказать, шкуру еще не убитого медведя. Палестину предстояло еще завоевать. Этому могла помочь одна только Америка. Финансовая американская плутократия, среди которой еврейская буржуазия играет не последнюю скрипку, должна была давать свою санкцию.

Последняя, действительно, была дана. Декларация Бальфура была той «моральной» силой, которая склонила еврейских банкиров Нью-Йорка на сторону союзников, тем более что за этой бесплотной силой скрылась довольно реальная сила в виде сногсшибательных дивидендов. И вот общий «враг цивилизации» ввергнут в прах. Начинается дележ добычи. Кому же должна принадлежать Передняя Азия, в частности Сирия и Палестина? Франция предъявляет свои «исторические» права на эти две страны, которые до войны составляли единую экономическую территорию. Спор кончается заключением специального англо-французского соглашения 7 ноября 1918 года. В силу этого соглашения Франции достается Сирия, а Англии — Палестина.

Версальская конференция впоследствии санкционировала этот циничный разрыв одной территории на две самостоятельные страны.

В следующих главах автор касается взаимоотношений евреев и арабов. Евреи составляют всего 13% всего населения (на 750.000 арабов приходится всего 105.000 евреев). Арабы были нагло обмануты англичанами, обещавшими устроить независимую арабскую федерацию. Вместо независимости—получилось еврейское, сионистское засилье. Англия предоставила сионистам все привилегии «господствующей нации». Негодованию арабских националистов не было конца. Начались еврейские погромы, исподтишка направленные английскими властями с целью отвлечения недовольства арабов в сторону евреев, как удобного громоотвода. Когда «ребята» погуляли всласть, то «нейтральная» английская администрация вмешалась для установления «порядка».

Интересно отметить главу, в которой автор касается концессии Рутенберга. Сэй господин участвовал в убийстве Гапона. В 1917 г. был правой рукой Керенского. В 1918 г. служил на Украине французам. В 1919 г. он эвакуируется в Палестину, проникнутый весь обуревавшим его сионистским идеалом. И вот этот новообращенный сионист-шовинист берет концессию у сионистского комитета в Палестине на электрификацию страны путем использования водяной силы Иордана и Ярмука, этих единственных двух рек, имеющихся на этой территории. Кое-что ему уже удалось провести.

Далее в книге мы знакомимся с различными партийными группировками в Палестине, с национальным движением среди арабов. Автор, как подобает империалисту, изображает в самом кривом зеркале возникновение коммунистического движения в Палестине. Странно, конечно, было бы требовать от врага, да еще такого врага, как английский империалист, правдивого изложения истории зарождения коммунистической партии Палестины.

Наконец, автор касается вопроса разграничения «сфер влияния» на этой территории, выделения специального государства, как Транс-Иордании, которое должно, по замыслу англичан, служить «буфером» (заслоном) между офранцуженной Сирией и «англо-сионизированной» Палестиной. Сама книга составлена на основании глубокого изучения страны, о чем свидетельствует наличие обильных материалов и документов.

П. Китайгородский.

НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.

1. К. ТАХТАРЕВ. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. *Проф. П. Ф. Преображенского.* — **2. Д. ДЕМБСКИЙ. Нравственность и право с точки зрения исторического материализма.** *П. Стучки.* — **3. Д. РУБИНШТЕЙН. Уголовный суд РСФСР (система и производство).** *А. Пионтковского.* — **4. ПРОФ. А. МАКАРОВ. Правовое положение иностранцев в СССР.** *Б. Розенблюма.*

К. М. ТАХТАРЕВ. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Ч. II. Ленгиз. 1924. Стр. 368.

Продолжение работы К. М. Тахтарева обнимает историю земляческого сельско-общинного, феодального и политического общества. Это деление, непосредственно примыкающее к делению, которого автор придерживался в первом томе своей работы, представляет собой в значительной степени повторение классификации, установленной немецким историком права А. Постом. Оставляя в стороне вопрос о правильности и технических удобствах этой классификации, следует отметить, что реальное осуществление этой схемы не совсем удалось К. М. Тахтареву. Особенно это относится к описанию первоначального территориального, земляческого сельско-общин-

ного общества. Грани, которые отделяют этот вид общественной организации от позднейшего феодального общества, крайне неопределенны и шатки. По всей вероятности, это обстоятельство является далеко не случайным, так как само представление об этом демократическом типе общественной организации возникло не только на основании беспристрастного анализа исторического материала, но путем привнесения в исследование целого ряда публицистических тенденций. Во всяком случае, после последних работ Допша, показавших, как далеко заходит появление вотчины, а следовательно, и экономического неравенства, вопрос о характеризуемом К. М. Тахтаревым типе общества нуждается в серьезном пересмотре. К. М. Тахтарев и здесь становится жертвой своей большой, но теперь уже несколько устаревшей начитанности. Еще хуже то, что у него есть большое стремление обобщить существование этой организации и вынести ее за европейские пределы. И здесь мы имеем полное право усумниться в возможности отчетливого ее выделения из социальных отношений патримониального и феодального характера. Столь же односторонне характеризуется К. М. Тахтаревым и феодальное общество. Под понятием феодализм у него скрывается только один тип феодальных отношений, а именно феодальные отношения средневековой Европы, с лежащими в их основе земледельческой культурой и более или менее натуральным хозяйством. Совершенно упускается из виду то обстоятельство, что, если уже писать сравнительную историю человеческого общества, то самое понятие феодализм нуждается в более коренной проработке и даже в классификационном делении, опыты которого мы находим хотя бы у упорно игнорируемого К. М. Тахтаревым Макса Вебера. При более основательном социологическом анализе этого понятия и особенно при выделении патримониальных форм общественной организации, характеристика и предыдущего периода в общественном развитии получила бы более правильные и четкие черты. Благодаря этим неясностям и условностям в конструкциях К. М. Тахтарева становится очень неясной и роль города в истории человеческого общества — о нем говорится и в связи с феодальным обществом, и с сословным и с политическим — линия развития как бы постоянно прерывается, и у читателя не остается, да и не может остаться, отчетливого представления о социологической природе города.

Далее, напрасно мы бы стали искать у К. М. Тахтарева характеристики таких форм общественной организации, как церковь, секта — одним словом социологии религии, а между тем, если давать вообще эволюцию религии, а она в общих чертах намечена автором, совершенно необходимо охарактеризовать и религиозную организацию, как таковую. Отсутствует и описание характерных черт бюрократического управления, как оно проявлялось в древности и в новое время. Таких недочетов в работе К. М. Тахтарева чрезвычайно много, и думается, что это явление не случайно, а чем-то обусловлено.

Возможно указать и на причины этих недочетов. Прежде всего это недостаточный социологический анализ тех понятий, с которыми оперирует автор. Вместо попыток самостоятельного определения этих понятий мы находим у К. М. Тахтарева частью цитаты, правда, весьма обильные, а затем заимствованные определения, часто уже отжившие свой век. Затем, когда дело доходит до наполнения этих определений реальным содержанием, на сцену выступает просто плохая история, где автор щедрой рукой черпает из источников разнообразнейшего характера. Сюда относится цитирование, где рядом с писателями первоклассными приводятся и простые компиляторы опять-таки в качестве чуть ли не непререкаемого авторитета, а затем и пользование так называемыми первоисточниками, где никогда нельзя сказать, пользовался ли автор материалом из вторых рук или прорабатывал его самостоятельно. Нам даже трудно сказать, что более желательно — первое или второе, так как излагать в социологическом исследовании расцвеченный полулегендарными подробностями рассказ Аристотеля о писистратовой тирании в Афинах, называя, очевидно, в качестве социологического комментария Писи-

страта проходимцем, вряд ли стоит. Азбучная истина, что исторической критикой кое-что достигнуто, как бы неизвестна автору, и он, как социолог, по всей вероятности, считая себя выше исторического буквоедства, спокойно черпает материал для иллюстрации своих положений, не справляясь с достижениями исторического источниковедения. Есть школа историков, презрительно относящаяся к социологии, которая является для них второсортной историей. Не вдаваясь в рассуждения о справедливости этого мнения, все же думается, что именно приемы, подобные приемам К. М. Тахтарева, могли способствовать возникновению такой теории.

Труд К. М. Тахтарева очень велик — около 700 страниц в двух выпусках — требуется большая усидчивость и внимание, чтобы проштудировать его до конца. Будет ли вознагражден читатель за свое терпение? Думаем, что награда будет меньше затраченного труда. Поэтому на авторе лежит несомненный долг — более твердо выявить основные линии своей социологической концепции, выбросить весь ненужный балласт, подновить свою начитанность. Только в этом случае мы будем иметь полезную для читателя генетическую социологию, а не трудно читаемую, путаную и во многом устаревшую книгу.

Проф. П. Преображенский.

Д. ДЕМБСКИЙ. Нравственность и право с точки зрения исторического материализма. Научно-общедоступный очерк. Изд. «Пролетарий». 1925 г. 91 стр.

В молодости мне пришлось читать на немецком языке известного Жан-Поля (Рихтера) про «веселого учителишку Вуца». По бедности, чтобы заполнять свои полки для книг, ему приходилось самому писать своих классиков, т.-е. писать толстые тетради, которые он озаглавливал словами: сочинения Шиллера, Гете и т. п. Вспомнились эти слова, просматривая присланную мне для рецензии книжку. В предисловии от автора мы читаем, что «для *истолкования* и *дальнейшего развития гениально-сжатых* (?) мыслей Маркса и Энгельса о природе и значении нравственности и права сделано до сих пор очень мало. Не приходится поэтому удивляться существованию *самых сбивчивых и неясных* взглядов на нравственность и право *даже* среди *широких* марксистских кругов». «*Особенностями* своего очерка, *отличающими* его от *других попыток в этом* роде», он называет: «стремление к *возможно-большой общедоступности* и — *главное* — стремление *марксистски* осветить наиболее темную до сих пор область, — область общественных переживаний человека, его *психики*». Просматриваешь 90 страниц и останавливаешься в недоумении. На восьмой год революции, весьма интенсивной и глубокой, дошедшей не только до «революции права», но даже до «революции нравственности», читаешь книжку о праве и нравственности, не содержащей ни малейших признаков бушующей вокруг революционной борьбы в этих областях. Правда, приведен в конце список марксистской литературы из 31 названия, из них 11 до 1909 года. Но книжка их отражает меньше, чем Вуц в своих писаниях своих авторов, если не считать кое-чего из Богданова. Но я вижу среди авторов самого Дембского, книжку под тем же названием от 1909 г. Теперь понятно: это просто перепечатка. И вот почему она доведена лишь *до* революции, и на предпоследней странице говорится о *будущем* праве и нравственности. Тут мы находим две строчки и *о переходном* периоде между «капитализмом и социализмом». Это вся дань нашей великой Октябрьской революции. «Пролетариату в качестве господствующего класса придется не мало поработать и над собой, и *над остальными* классами...».

Я позволяю себе думать, что этого мало. Правда, еще в приложении напечатаны две странички «важнейших выдержек из Маркса и Энгельса о нравственности и праве». Но если их и признать важнейшими, то невольно спрашиваешь, *которая* из этих «гениально-сжатых мыслей» автором я не скажу — «развита дальше», но *хотя бы упомянута*. Я не нашел ни одной.

В 1909 г. мы в том роде «калякали» о праве и нравственности,—это правда

Но к чему эту белиберду перепечатывать через 15 лет, из которых половина относится к эпохе революционной? Непонятно, как такое солидное издательство, как «Пролетарий», могло согласиться на подобную перепечатку. Действительно, праву и нравственности у нас «не везет». Обещают самое марксистское освещение, а дают какую-то смесь из Петражицкого (в 1909 г. «последний крик» у легальных марксистов), из Бентана и — Вуца (см. выше).

Изложение темы действительно чрезвычайно просто. Все собственно сводится к «характеру» человека. «Люди характера цельного и активного — действуют преимущественно по мотивам долга» (принципиальным *или* бескорыстным мотивам). «Люди характера нецельного и — в особенности — пассивного действуют чаще всего по целевым мотивам» (практическим *или* корыстным мотивам). «Эти характеры люди получают от своей общественной среды. Когда-то эта общественная среда была единая, теперь она разделена *на классы*, и для каждого человека общественною средою является уже «класс, среди которого этот человек рождается, растет, вращается и взгляды и привычки которого он сначала бессознательно, а позже и сознательно воспринимает, усваивает, *заражаясь* (!) одновременно его (своего класса) настроениями, чувствами и стремлениями». «Теперь нам легко понять, что каждый *сложившийся* общественный класс *наделяет* своих членов более или менее однородным жизненным опытом, более или менее однородными *душевными переживаниями*, наделяет их, иначе говоря, более или менее однородным *классовым* характером». Значит, *классовая зараза*! Поняли? Ну дальше. «Теперь нам легко понять, что те характеры, которые мы назвали цельными и определенными, представляют собой *чистые* классовые характеры, а так называемые *нецельные* и неопределенные характеры являются результатом смешанных классовых влияний» и т. д. и т. п. Как просто. Но так ли это? Ведь еще Ленин нас учил, что у буржуазии классовое сознание все еще сильнее, чем у пролетариата, значит, и характер — чище, а особенности буржуазии, класса капиталистов, ведь как раз заключаются в его *корыстных* мотивах, как Маркс говорит — «Plusmacherei», т.-е. *обогащение* на счет *исключительно* неоплаченного *чужого* труда (прибавочной стоимости), а отнюдь *не своего*. А здесь они отнесены к наиболее «цельным и чистым характерам, действующим по одному мотиву долга». Или здесь автор имеет в виду юридическую концепцию «мотива долга» в виде правовой *«идеи* долга», выражающейся конкретно в «векселе на столько-то рублей». Правда, «тунеядный мотив» класса эксплоататоров автор в выноске несколько смягчает»: «члены разных классов по-разному работают, члены одних — *тяжко*, члены других — *легко*». Но, хотя и легко, *все-таки работают* (стр. 20). Да и по-разному получают, одни лишь часть производимого продукта, а другие (не только свое, но и!) значительную долю благ, производимых первыми.

Но какое отношение имеет характер к праву и нравственности? Собственно говоря, никакого, ибо «нравственность человека есть не что иное, как совокупность его *привычных* мыслей и чувств, совокупность его привычных оценок «хорошего» и «дурного», совокупность его мотивов долга; а «привычные мысли и т. д. человека есть *в основном* мысли и т. д. *его общественного класса*». Вывод: нет общечеловеческой нравственности, постоянной, неизменной... есть *столько классовых* нравственностей, сколько имеется в этот момент сложившихся классов».

Но как с правом? Тут нам из области «нравственного» поведения (принципиальных, или бескорыстных мотивов) приходится перейти в область поведения практического или целевого («корыстных» мотивов); это корыстное поведение делится на: 1) «притязательное», «когда человек притязает на что-либо, добивается чего-либо» и 2) «оборонительное», «когда человек избегает чего-либо, уклоняется от чего-либо». «Известная часть требований, предъявляемых одними членами общества другим его членам, поддерживается государственною властью», вот эти требования-то и называются *правовыми*; а совокупность их *правом*. Не есть ли, однако, такое право общече-

ловеческое? Да нет же. Ведь государственная власть переходит из рук одного класса в руки другого и тут-то: «*Всякий раз*, как государственная власть в какой-нибудь стране переходит в руки нового общественного класса, меняется в этой стране и направление **расточаемых властью** поддержки и принуждения». А класс в целом, который так *расточителен* по отношению к членам своего класса? Чем руководится он сам? Интересами общего блага, блага всего общества в целом? Нет! «Он руководится своими, **только своими** интересами и для торжества этих своих интересов **не останавливается ни пред чем** и охотно *приносит в жертву* им *интересы* **всех остальных** классов» (курсив, конечно, мой).

Шутки в сторону. Если это печатается в 1925 г. при Советской власти, то отдает ли себе автор отчет, что он тут пишет? Ведь Ленин доказывал не раз, что пролетариат при победе получил *меньше*, чем крестьянство. Ведь Ленин доказывал, что рабочий класс жертвует собою и строит не благополучие одного своего класса, но всего социалистического отечества и т. д. А что мы ныне проповедуем по отношению к крестьянству? Действительно ли «приношение в жертву его интересов»? Надо всегда подумать раньше, чем сдаешь что-либо в печать.

Я кончаю небольшою экскурсиею в область государственного права, которому посвящена одна подстрочная заметка, но зато исчерпывающая: «Если государственная власть находится в руках *одного* представителя господствующего класса — монархия; в руках целого собрания представителей (парламента, рейхстага) — республика». Это все гладко, но дальше: «если власть в государстве разделена между монархом»—одним представителем господствующего класса и целым «*собранием* представителей» (того же госп. класса) — то государство носит название «конституционная монархия». А скажите, почему и для чего они, «представители» *одного* класса, эту власть между собою делят?

Очень забавна еще история революции в изложении автора: сначала недовольство одного Ивана, затем крики всех Иванов: Долой несправедливые законы! Долой недостойную власть!

«Революционный класс провозглашает требования «справедливости, свободы, равенства и братства» и верит, что «новое общество», которое он построит, став у власти, удовлетворит все эти требования». «Но вот борьба заканчивается победой революционных сил, новый господствующий класс начинает **распределять** *свою поддержку* и *свое принуждение*». «Одно классовое общество отходит в прошлое, чтобы уступить место другому обществу, тоже *классовому*, но (для успокоения нашего будь сказано!) более благоприятному — для дальнейшего развития пройзводительных общественных сил». Нет, такие «калякания» и в 1909 г. были недопустимы,—теперь они непростительны! Вуц (см. в начале) свою роль выполнял лучше и, главное, скромнее, ибо свои писания далее книжных полок не пускал.

П. Стучка.

Д. Б. РУБИНШТЕЙН. Уголовный суд РСФСР (система и производство). Институт Советского Права. Государственное Издательство. 1925 г. Стр. 200.

Рецензируемая работа является одной из целой серии книг, выпускаемых Институтом Советского Права по различным отраслям советского законодательства. Автор ставит себе задачей дать «партийному и рабоче-крестьянскому молодняку начатки знаний нашего уголовно-судебного права, которые облегчили бы ему подготовку и приступ к судебной» работе (Предисловие, стр. 5). Работа тов. Рубинштейна распадается на три части: 1) вводный исторический очерк, 2) действующий уголовный суд и 3) производство уголовных дел. В первой части своей работы автор намечает основные моменты организации дореволюционного суда в России и дает исторический очерк развития советского уголовного суда с момента Октябрьской революции, когда еще в организацию суда было внесено много буржуазно-демократических пережитков, до полного классового оформления его структуры, нашедшей свое окончательное выражение и закрепление в последней судебной реформе 1922 г., установившей у нас единую систему

судебных учреждений. Во второй части своей работы автор рассматривает организацию всей действующей единой судебной системы, организацию народного суда, губернского суда, верховного суда РСФСР и верховного суда СССР, участие трудящихся масс в работе уголовного суда, специальные суды, ответственность судебных работников, органы следствия, органы обвинения, органы защиты и вспомогательные органы суда. Третья часть рассматривает принцип уголовного процесса, вопрос о подсудности уголовных дел, стороны и их представители в уголовном суде, доказательства в уголовном суде, меры судебного принуждения и, наконец, отдельные стадии в развитии производства уголовных дел. Работа тов. Рубинштейна является первой попыткой дать систематическое изложение всего советского уголовно-судебного права. Автору удалось ясно очертить основные теоретические предпосылки организации и деятельности советского уголовного суда, систематически обработать обширный законодательный материал и дать полное и четкое представление о структуре и деятельности уголовных судов РСФСР. Желающим ознакомиться с системой и производством наших уголовных судов работа тов. Рубинштейна должна явиться полезным и необходимым пособием. Рецензируемая работа, как пишет автор, должна была быть выполнена им в ограниченный срок, что позволило уделить ей лишь минимум необходимого времени. Этим, повидимому, объясняется тот факт, что ряд теоретически важных вопросов организации и производства советского уголовного суда нашли в рецензируемой работе хотя и марксистски верную, но недостаточно подробную обработку. Желательно, чтобы автор при будущем переиздании своей работы с большей подробностью остановился на таких вопросах, как роль и значение основных принципов уголовного процесса в системе буржуазного и советского права, вопрос о национальной политике в области уголовно-судебного права в буржуазных странах и у нас (характерной в этом отношении являлась, например, у нас политика самодержавия, не допускавшая суда присяжных на окраинах царской России), вопрос об организации и социальных функциях защиты в буржуазных государствах и в советском союзе и некоторые другие.

А. Пионтковский.

А. Н. МАКАРОВ. Правовое положение иностранцев в СССР. Изд. Наркомюста. М. 1924 г. Стр. 52.

Литература о правах иностранцев в СССР бедна количеством и качеством. Справочник Левина [1] — к тому же довольно плохо составленный, хорошая статья Перетерского в Еженедельнике Советской Юстиции [2] — вот и вся наша «специальная» литература о правах иностранцев. Между тем, отсутствие кодификации по этому вопросу в нашем законодательстве, вернее законодательствах, так как законодательные нормы о правах иностранцев изданы в отдельных Советских Республиках и кодифицированы лишь на Украине [3] и в Белоруссии [4], делают издание компетентного исследования о правах иностранцев в СССР настоятельно необходимым. Наша молодая практика нуждается явственно в систематизации и в подведении под нее теоретического фундамента. К сожалению, этим двум требованиям не вполне удовлетворяет и изданная недавно книжка проф. Макарова «Правовое положение иностранцев в СССР». С одной стороны, эта книжка не дает общей концепции *советского* права об иностранцах, с другой — она дает временами неполный, временами устарелый материал.

---

[1]) Д. И. Левин. Правовое положение иностранцев в РСФСР. Справочник для иностранцев, оптантов и беженцев. М. 1923.

[2]) Ив. Перетерский. Гражданская правоспособность иностранцев. Еженед. Советской Юстиции, 1924 г. № 18.

[3]) Положение об иностранцах в УССР и о порядке приобретения и утраты украинского гражданства. С. У. Укр. 1922. № 14, стр. 237.

[4]) Положение об иностранцах в БССР. С.У. Бел. 1922. № 12, стр. 148.

Основной нормой советского права об иностранцах является ст. 20 Конституции (основного закона) РСФСР. Определяя базу этого права («солидарность трудящихся всех наций»), статья предоставляет «иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или не пользующемуся чужим трудом крестьянству», всю полноту политических прав. Это положение повторяется и в Конституции УССР (ст. 30), Азербайджанской ССР (ст. 11), в несколько неясной форме в конституции ССРА (ст. 7 п. а) и с некоторыми оговорками в Конституции ССРГ (ст. 98) [1]). Несмотря на отсутствие соответствующего постановления в Конституции БССР, несомненно, что и она проникнута тем же духом. Этот принцип солидарности трудящихся всех наций, заставляющий Советские Республики предоставлять иностранцам всю полноту политических прав, определяет собой и другие элементы правоспособности иностранцев в Советских Республиках. Действие перечисленных статей Конституций Советских Республик не ограничивается одною областью избирательного права, как полагает проф. Макаров (ст. 25—27), а распространяется на все права гражданина. Получая политические права в Советской Республике, иностранец-трудящийся получает тем самым всю полноту гражданских прав. В самом деле, можно ли признать не противоречащим духу Советского законодательства устранение трудящихся от землепользования (в силу ст. 9 Земельного Кодекса), в то время как, «исходя из принципа солидарности трудящихся всех наций», наше право предоставляет им высшие права в государственном организме, право быть избранным в советы и таким образом принять участие в управлении страной. Таким образом представляется несомненным, что основой советского классового права иностранцев является полное и безговорочное приравнение трудящихся иностранцев к гражданам Союза. Другими словами, Советское законодательство не знает *права иностранцев, проживающих в СССР и принадлежащих к рабочему классу и крестьянству, а знает лишь право иностранцев — не трудящихся*. То обстоятельство, что профессор Макаров в своей книге совершенно не касается этой особенности и вообще не ставит вопроса о природе советского права иностранцев, составляет основной дефект книги.

Кроме этого общего теоретического недостатка, нельзя не отметить ряд положений, которые или недостаточно освещены, на основании материалов действующего законодательства, или освещены неправильно в результате использования значительно устаревшего материала.

Приведу несколько наиболее значительных примеров. Среди заключенных СССР договоров договор о торговле и мореплавании с Италией от 7/II—24 г. использован далеко не полностью: так не упомянуты на стр. 17 и сл. при перечислении договорных статей, содержащих клаузулу наибольшего благоприятствования в отношении прав иностранцев и иностранных юридических лиц, ст. 5, 6, 8, 9 договора; при анализе формул, применяемых в наших договорах относительно режима иностранных судов,— ст. 20 договора и т. д.

Совершенно не использовано торговое соглашение с Швецией от 15/III—24 г. О временном соглашении с Данией от 23/IV—24 г. говорится (стр. 21), как о примере условного наибольшего благоприятствования, тогда как обменом нот от 18/VI—24 г. по поводу признания Данией СССР де-юре оговорка об условном наибольшем благоприятствовании всюду исключена и заменена в некоторых статьях изъятием из наибольшего благоприятствования по хронологическому принципу — государств, признавших СССР де-юре до 15 февраля 1924 года.

В связи с этим неполным использованием договорного материала, анализ формулы наибольшего благоприятствования в наших договорах также отличается неполнотой. В числе оговорок о нераспространении наибольшего благоприятствования на стр. 19 не показана главнейшая по своему материальному

[1]) Текст конституций Советских республик приведен в книге Д. А. Магеровского «Союз Советских Социалистических Республик» (обзор и материалы).

содержанию оговорка об азиатских государствах (например, в ст. 19 договора с Италией от 7/II—24 г.) и о государствах, признавших нас де-юре до 15 февраля 1924 года (торговое соглашение со Швецией от 15/III—24 года и обмен нот с Данией от 18/VI—24 г.).

Нередко у автора неполное использование и внутреннего законодательства. Говоря о хозяйственной деятельности иностранцев, автор не упоминает о главнейших законодательных нормах, устанавливающих ограничения для иностранцев: я имею в виду статью 9 Земельного Кодекса РСФСР (та же статья в Кодексе УССР), в силу которой к землепользованию допускаются лишь граждане РСФСР, и ст. 3 Положения о недрах (С.У. 1923 г., ст. 532, № 54), по которой иностранцы допускаются к горно-промысловым работам не иначе, как с разрешения Совнаркома в каждом отдельном случае. Нельзя не отметить также, что право на внешне-торговые операции иностранных предприятий определяется не декретом от 12 апреля 1923 года «О допущении иностранных фирм к производству операций в РСФСР», как думает автор, а общим законодательством о внешней торговле.

Б. Розенблюм.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

1. В. ДЮШЕН. Пять лет детского городка им. III Интернационала. *Б. Плюснина.*— **2. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ В ГЕРМАНИИ, в.в. I, II, III.** *Н. Иорданского.*

В. ДЮШЕН. Пять лет детского городка им. III Интернационала. Гос. Издат. М. 1924. 224 стр.

Не только люди, интересующиеся вопросами народного просвещения между прочим, но и многие педагоги относятся к нашим идеям и методам социального воспитания весьма скептически; даже признавая полностью их идеологическую правильность, — они уверены в полной невозможности реализации их в настоящее время. «Это мечта, это утопия, возможная только в далеком будущем»,— говорят они. Убедить этих пессимистов в том, что они ошибаются, — трудно. Им нужно показать.

И коллективный сборник «Пять лет детского городка имени III Интернационала», составленный работниками городка, под общей редакцией заведующей им, В. М. Дюшен, — именно не доказывает, а показывает, как реализуются лучшие наши лозунги в современных условиях, с современными педагогами.

Нередко приходится слышать, что опытно-показательные учреждения Наркомпроса, к которым относится и городок, — находятся в исключительно благоприятных условиях и материальных, и в отношении централизации в них лучших педагогических сил.

В применении к городку, не верно ни то, ни другое. На протяжении пяти лет своей работы он испытал и холод, когда в школе температура падала до 5—6, и даже на $1^1/_2$ мес. была закрыта, и ряд хозяйственных затруднений и невзгод. Что же касается лучших сил, то одним из главных недостатков школы городка является то, что педагоги в ней очень часто меняются: предъявляя к ним высокие требования, захватывая их целиком, школа не в состоянии обеспечить их настолько, чтоб они не искали лучшего заработка и совместительства. И если теперь несомненно, что основной кадр работников городка состоит из действительно высоко квалифицированных педагогов, — то квалификацию-то эту они приобрели в опыте,—не всегда удачном, иногда и тяжелом, — строительстве и роста городка.

Совершенно объективно и просто рассказывает В. Дюшен историю создания городка в 1918 г. из коллектора, в который помещались первоначально

дети, подлежащие размещению в дет. дома и другие учреждения социального воспитания.

Коллектор не был стационарным учреждением, это был своего рода «фильтр» для отбора здорового элемента детей от нездорового. Здесь дети только изучались по методам, из которых сейчас не все признаются уж новейшими, — и направлялись в дет. дома.

Однако в 1922 г. дет. дома как Наркомпроса, так и МОНО оказались переполнены, и открытие новых остановилось. Это и явилось основанием для превращения коллектора в стационарное учреждение, поставившее своей целью осуществление принципов социального воспитания детей до 12 лет. Исследовательская работа, однако, не прекратилась, и дети, выходившие из коллектора в дет. дома, сохраняли с ним связь, как с хозяйственным центром и как с руководителем исследовательской работы. Дальнейшее развитие детского городка до его современной формы пережило ряд организационных стадий и опытов различных группировок детей, пока все дет. дома, связанные с бывшим коллектором, не превратились в отдельные части единого организма, в состав которого кроме дет. домов вошли 9-летняя школа, дом для трудно-воспитываемых детей и школа-коммуна из подростков. К 1924 г. городок приобрел еще сельско-хозяйственную колонию на ст. Сходня, оборудованную и приведенную в порядок самими ребятами.

В постепенном развитии городка отчетливо выступает тот факт, что самодеятельность детей, — не в порядке пресловутого самообслуживания, а в порядке посильного участия во всем росте городка, — непрерывно растет и углубляется. Общественно-политическое воспитание проводится не как «уроки обществоведения», а непосредственно в самой жизни, в детских организациях, собраниях, участии в коллективной работе и устройстве праздников. Педагоги из роли наставников постепенно переходят на роль инструкторов, помощников, экспертов, и вся дисциплина сознательно поддерживается самими ребятами.

Старшие развертывают уже работу вне городка, на фабриках и заводах, среди деревенского населения. Появляется комсомол, быстро и энергично организуются пионерские отряды и отряды майчат (так называют в городке организации ребят до-пионерского возраста). В процессе роста детской самодеятельности и самостоятельности, радуясь их успехам, педагоги-руководители допустили некоторую ошибку, — о которой откровенно и подробно рассказывает В. Дюшен. Старшие ребята, увлекшись самостоятельностью, оторвались от райкома и создали как бы свое райбюро. Многие «закомиссарились». Авторитет педагогов упал, и дело дошло до прямого конфликта между педагогами и ячейкой, за которой дисциплинированно последовали все ребята.

Понадобилось вмешательство райкома, чтоб уладить конфликт; в результате обе стороны сознали свои ошибки и пересмотрели к общему благополучию свои взаимоотношения.

Трудно передать вкратце живо, подчас документально изложенное содержание сборника. Нужно читать эти выработанные самостоятельно ребятами «Устав детского самоуправления», составленную ими историю ячейки с 1920 года, чтоб понять, насколько глубоко и широко заложены в них основы общественно-политического воспитания, насколько серьезно ставят и разрешают они сложные вопросы своей жизни.

Свежее, яркое впечатление производит статья М. К. Свентицкой о руководимом ей разновозрастном дет. доме, где собрано 40 детей: 10 дошкольников, 20 школьников и 10 подростков, и где, тем не менее, вопреки мнению многих, удалось создать удивительно дружную коллективную жизнь с посильным разделением труда, с помощью старшин младших, с уменьем организовать коллективную работу всех возрастов. Трудно считать этот опыт разрешающим спор о единовозрастных или разновозрастных дет. домах, но, как опыт, он поучителен и интересен.

Трудные и тяжелые моменты были в работе школы городка, 9-летки с общественно-политическим уклоном. Здесь и холод, и временное закрытие, и слабое

оборудование, и текучесть персонала, но тем не менее результаты ее работы несомненно положительны.

Остальной материал сборника, посвященный коммуне подростков, рисует ту же картину: трудности, напряженная работа, рост самосознания и самодеятельности детей и несомненные достижения в области осуществления социального воспитания.

Следовало бы еще остановиться на очень интересном очерке Л. В. Раевской: «Трехлетний опыт работы с трудными детьми», где рисуется прямо геройская работа с так называемыми «дефективными», которая дает ценный материал для современной постановки этой работы.

Далеко не усыпан розами был и путь 5-го детского дома, открывшегося в феврале 1920 г. под названием «Дом Искусств».

Он тоже пережил ряд изменений, вплоть до изменения названия и перестройки самых функций, но в области изучения и проведения эстетического воспитания его опыт очень интересен и содержателен.

В общем, сборник нужно рекомендовать всем по-настоящему интересующимся проблемами социального воспитания, непосредственный же работник его прочтет его с увлечением, как роман, и почерпнет из него много ценного методического материала.

Тираж в 4.000 экз., несомненно, мал, и в следующем издании желательно было бы более подробное и разностороннее освещение работы дома для трудных детей: это один из очень острых вопросов современности.

Б. Д. Плюснин.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ В ГЕРМАНИИ. Сборник статей. Вып. I—III. Госиздат. М. 1924 г. 267 стр.

Заглавие книжки обещает несколько более, чем дает ее содержание. Читатель ожидает от нее освещения новых, свежих педагогических течений в той трудовой школе, какую мы хотим иметь у нас, или хотя бы в скромном приближении к ней, и находит довольно старый материал педагога Пабста, давно известного русским педагогам по своим педагогическим воззрениям. Статьи педагогов: Ресгера, Ланггута, Штюблера, Беца, Кестнера, Миттага и Шефера примыкают к Пабсту. Читатель рассчитывает найти идеологическое обоснование *трудовой школы* в Германии, как на ней отразились современные социальные сдвиги во время войны и во время революции, и не находит. Но книга все-таки представляет большой интерес для русского педагога.

Пабст принадлежит к группе педагогов, сливающих трудовую школу с понятием школы ручного труда, при чем ручной труд в школе является не столько элементом принципиального обоснования введения в школу производительного труда, сколько методом работы детей и педагогов. Говоря о корнях, из которых выросло направление этой школы, можно присоединиться и к установке ее, как школы буржуазного типа, в отличие хотя бы от школы Зейделя и др., тоже вводящих ручной труд в школу, но дающих этому элементу школьной работы социалистическое обоснование.

Пабст выдвигает принцип Песталоцци о «воспитании посредством работы», но почти вовсе не касается его социологического освещения, ограничиваясь краткой ссылкой на историю культуры в ее усовершенствовании орудий труда. Его интересуют более психологические мотивы идеи трудовой школы: мозг и рука, работа рук и формирование воли, работа рук и речь — вот вопросы, которые его всего более привлекают. Он приближается к Лаю с его школой действия. Для него ценен не объем знаний ученика и занятий в школе, а приемы и методы работы ребенка. «Только тот поистине учитель, который учит *овладеть* тайной труда, *искусством* отнять у природы ее скипетр». Работа школы связывается с действительной жизнью и из нее берет свой материал. Понятно, почему для Пабста мастерская при школе — только «вспомогательное средство для всех видов преподавания».

Под этим углом зрения трактуются все вопросы преподавания по отдельным дисциплинам. Корелляции их, не говоря уже о комплексе между ними, нет. «Нераздельность преподавания» возмож-

на лишь при начальном обучении детей от 6 до 10 лет. Автор статьи Ресгер дает прекрасные образцы «предварительного исследования развития детей». Приспособляясь к уровню развития ребенка, исходя из интересов его к окружающей жизни, автор вплетает в игру серьезную работу детей в природе и жизни, «учит их работать», давая попутно элементы чтения, письма и счета.

Статьи по отдельным дисциплинам все построены на идее живого действия и самодеятельности школьника, связывая материал занятий с жизненными переживаниями. Статей о трудовом процессе в школе, даже о ручном труде, нет. Занятия по арифметике мыслятся, как «совместная работа всех внешних чувств, живая деятельность ребенка». Эта статья, как и остальные, ценна обилием практических примеров. Особое место занимает «счет в применении к обыденной жизни».

«Учение о пространстве» (геометрия) следует принципу «самостоятельного упражнения», творчества и конкретности. Оно связано с непосредственным измерением, вырезыванием и пластическим изображением.

Землеведение связано с наглядным обучением и изучением местного материала («локальный оттенок и окраска времени»), дает «умение» и вызывает «самостоятельные искания».

Природоведение построено на «биологическом приеме преподавания», на ограниченном материале, который дети «могут увидеть глазами и взять в руки». Дети должны «работать в природе». Громадное значение отводится экскурсиям.

Физик ставит своей задачей в широком объеме использование руки, открывающее широкие двери для осязательного и мускульного чувства при помощи моторных ощущений, «в школьной мастерской». Только строя аппараты и производя опыты, ребенок впитывает реальное содержание в знакомые слова.

Вся химия и минералогия тоже строятся на опытах и отвечают потребностям практической жизни.

Мысли, развиваемые в книге, не новые, но для практического применения их в нашей трудовой школе педагог найдет в ней не мало нового и интересного.

Н. Иорданский.

ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ.

1. ПОЛОВОЙ ВОПРОС В ШКОЛЕ И В ЖИЗНИ. Под ред. И. С. Симонова. *Н. Семашко.*

ПОЛОВОЙ ВОПРОС В ШКОЛЕ И В ЖИЗНИ. Под редакцией И. С. Симонова. Ленинград. Издат-во Брокгауз-Ефрон. 1925 год.

Достоинства и недостатки этой [книги заключаются в том, что она написана фрейдистами.

Учение Фрейда, особенно в интерпретации его русскими учениками, имеет в себе безусловно нечто материалистическое. В объяснении Фрейдом психических явлений нельзя не видеть материалистического начала. Оно еще более усилено его русскими учениками.

Но то универсальное значение, которое придает Фрейд половому инстинкту, несомненно, преувеличено; эта часть учения его (а половой инстинкт он сделал стержнем своей гипотезы) натянута, не доказана и не научна.

Вот в чем, в самых общих чертах, сильная и слабая сторона учения Фрейда. В этом же достоинство и недостаток реферируемой книги.

В ней имеется много очень ценного. Можно сказать, что это — одна из немногих хороших книг, изданных по половому вопросу.

В двух статьях М. М. Рубинштейна дается ряд очень интересных принципиальных положений и практических советов (особ. в статье «Задачи, пути и

средства полового воспитания»). Очень недурна статья А. Троицкой «Половое воспитание в раннем детстве»; педагог и врач найдут в ней много ценных сведений и указаний. А. Троицкая совершенно правильно устанавливает:

1. Необходимость преобладания в жизни детей положительных эмоций над отрицательными: радость, интерес, любовь и доверие к воспитателям — в противовес страху, стыду, скуке, отчужденности или враждебности к окружающим.

2. Соблюдение основных гигиенических требований в отношении пищи, одежды, режима детей.

3. Правильное распределение занятий и отдыха (не допускать периодов длительного безделья). Для дошкольников на первом месте — игры, прогулки, ручной труд и т. д.

Естественная усталость в результате физических упражнений не повредит ребенку, наоборот, обеспечит ему здоровый спокойный сон, без всяких сексуальных ощущений.

Постепенно, с возрастом, в зависимости от индивидуальности детей, необходимо присоединить:

4. Психическое воздействие: беседы, убеждения, выработка в самом ребенке активности в борьбе с вредными или антисоциальными наклонностями. При условии поддержки его в борьбе путем ободрения и укрепления веры в свои силы (несмотря на временные падения).

Соблюдение этих основных условий, несомненно, направит в надлежащее русло половое воспитание в дошкольном возрасте. В этом периоде у ребенка не успели еще выработаться стойкие патологические рефлексы, они сравнительно легче поддаются устранению, поэтому именно здесь необходимо заложить здоровый фундамент последующего развития.

Значительно более спорна по своим утверждениям (и смеем сказать: неверна во многих положениях) статья Г. Н. Сорохтина: «Половое воспитание детей в плане марксистской педагогики». Она представляет собою обычный abusus (злоупотребление) марксизмом (хорошо хоть, что не треплется ленинизм — бывает и это!). Эта статья представляет собою худшее использование учения Фрейда: «ребенок с первого появления на свет (!!) уже сексуален»; «надо», «по компасу марксизма» (пощадите Маркса!) «сразу (!), активно (!!) вмешаться в воспитание грудного младенца...», «объяснить все до конца (!) и сдвинуть ширму с процесса внутреннего оплодотворения (coitus)...», «ребята получают реальное (еще бы реальнее! *Н. С.*) удовлетворение своему обостренному интересу и успокаиваются» (едва ли! *Н. С.*). Вот он «фрейдизм обратным концом»! Правда, редакция оговаривает эту статью как дискуссионную. Но она, рисковашностью и неверностью фрейдистских утверждений, недалеко ушла от статьи Рубинштейна: «Голод и половой голод, связанные с ними потребности и их удовлетворение — это коренные проблемы в жизни и в вырастании человека» (вспомним, как автор «монистического взгляда на историю» в свое время оттрепал за это Н. К. Михайловского); «угасающий или угасший интерес к полу, это угасающий или угасший интерес к жизни...», «сильные и действенные эпохи сильны и половым образом» (это уже вопиющая историческая фальшь: вспомним моменты эротизма и общественного упадка во время реакции 1907—1908 г.г.). «В наше время мы можем спокойно выбросить за борт сказки об аистах и капустных листках и с первого лепета детей (вот как! *Н.С.*) говорить им правду».

Это уже цитаты из редакционной статьи М. М. Рубинштейна, а не из «дискуссионной» статьи Г. Н. Сорохтина.

Полезная книга, но нужно осторожно относиться к проникающим ее крайностям фрейдизма.

Н. Семашко.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

1. Я. ФРЕНКЕЛЬ. Строение материи. Ч. II. Сочленение материи, вып. I и II. *Э. Шпольского.* — 2. Н. С. ДРЕНТЕЛЬН. Физика для всех. *А. Тимирязева.* — 3. ПРОФ. Д. ТРЕТЬЯКОВ. Биология и биологи. *М. Завадовского.* — 4. В. ФРИДМАН. Лекции по естествознанию. *М. Волова.* — 5. С. В. ПОКРОВСКИЙ. Мпацу — мать термитов. *С. Соболя.* — 6. I. CHARLES SONNTAG. The Morphology and Evolution of the Apes and Man. II. WOOD JONES. Arboreal Man. *М. Гремяцкого.* — 7. ГЕОРГИЙ ЛАВРОВ. Мир кристаллов. *Л. Пустовалова.* — 8. Г. ГАНДОВСКИЙ. Основные понятия коллоидной химии и ее применение в биологии и медицине. *И. Кана.*

Я. И. ФРЕНКЕЛЬ. Строение материи. Часть II. Сочленение материи, вып. I, стр. 167, вып. II, стр. 212. Книгоизд-во «Сеятель» Е. В. Высоцкого. Петроград 1924 г.

Вторая—и наиболее интересная—часть книги Френкеля, в сущности, представляет собою совершенно самостоятельное целое. Следуя своей (несколько искусственной) схеме, автор посвящает эту вторую часть современным попыткам построения атомов молекул и, наконец, материальных тел из тех основных структурных элементов-электронов и положительных ядер, к которым привел анализ материи (см. первую часть: Расчленение материи). Фундамент этого синтеза составляет так называемая *теория квантов*. Созданная двадцать пять лет назад *Планком* при разрешении одной социальной проблемы теории излучения, гипотеза квантов, несмотря на свое противоречие классической теоретической физике, оказалась не только жизнеспособной, но и необычайно плодотворной. Особенное значение приобрела эта гипотеза с тех пор, как гениальный датский физик *Нильс Бор* (в 1913 г.) применил ее к модели атома *Резерфорда*. С этого момента теория квантов становится прочным фундаментом теории материи, и это взаимное переплетение двух теорий принесло блестящие результаты для обеих. И хотя многое в теории квантов еще неясно, многое — произвольно, почва для будущего *Ньютона* атомной динамики, несомненно, подготовлена.

В соответствии со сказанным, из пяти глав книги Френкеля три посвящены квантовой теории материи: гл. III — Экспериментальные основания квантовой динамики, гл. IV — Принцип соответствия и квантовая динамика атомов, гл. V—Динамика материальных тел. Гл. I (Природа света) и гл. II (Рентгенографический анализ) играют подсобную роль вводных глав

По характеру изложения рецензируемая вторая часть книги Френкеля несколько отличается от первой. Если в первой части можно обнаружить некоторую неравномерность изложения, то вся вторая часть написана для читателя совершенно определенного и притом достаточно высокого уровня. Правда, математический аппарат, к которому прибегает автор, несложен, так как, за очень редкими исключениями, все изложение ведется без высшей математики. Тем не менее, обилие и новизна фактов, сложность и глубина многих соображений требуют от читателя напряженного внимания и известной подготовки. Зато мы можем с уверенностью сказать, что труд, затраченный на изучение этой книги, вознаградится с избытком, ибо на русском языке не существует книги, где современное положение проблемы строения материи было бы представлено с большей полнотой, нежели в книге Френкеля. Автор нигде не ограничивается изложением одних только результатов, но всюду знакомит читателя с тем, как эти результаты получены. Он не только приводит обширный экспериментальный материал, но и показывает методы его теоретической обработки.

Изучение книги Френкеля может быть настоятельно рекомендовано всем, кто,

не ограничиваясь поверхностным ознакомлением, желает глубже разобраться в наиболее важных и интересных идеях современной физики.

Э. Шпольский.

Н. С. ДРЕНТЕЛЬН. Физика для всех. Под редакцией П. А. Знаменского. Ленгиз. 1924. 487 стр.

Книга была написана автором в период 1917—1918 г.г. и появляется в печати после смерти автора (ум. в 1919 г.) под редакцией П. А. Знаменского. Даже при беглом знакомстве с этим руководством сразу бросается в глаза громадный педагогический опыт автора. Читая отдельные главы, видишь, сколько раз, повидимому, каждый подход к объяснению того или другого физического явления был испытан и усовершенствован в процессе самой работы, в процессе обучения.

Книга особенно ценна мельчайшими деталями и необыкновенной ясностью изложения. Очень разнообразны и хорошо подобраны примеры, иллюстрирующие физические явления в повседневной жизни и производственных процессах. Относительно слабее последняя глава о строении материи. При описании спинтарископа недостаточно подчеркивается, что каждая вспышка, видимая в этом приборе, производится отдельным заряженным атомом гелия и что этот опыт на-ряду с целым рядом подобных ему переводит атомную теорию из области гипотезы на прочную почву доказанных фактов.

Совершенно также напрасно после разъяснения волнообразной природы света делается оговорка, что, может быть, того, что является носителем этих волн, не существует: «Волны мирового эфира — вот что должно было, согласно этому представлению, распространяться от светящегося предмета. Теперь это представление почти оставлено (где и кто отрицает существование волн света и радиотелеграфа? *А. Т.*), и что представляет из себя эта загадочная «мировая пустота» остается неизвестным» (стр. 297). Такое догматическое утверждение «почти оставлено», во-первых, фактически неверно и, во-вторых, читателя элементарного руководства собьет с толку, не дав ему ровно ничего. Но, конечно, это маленькое увлечение «модой» не уменьшает большой ценности книги покойного Н. С. Дрентельна. В нашей педагогической литературе, где главное внимание в последнее время обращено на перестановку отдельных глав той или другой науки в целях приспособления ее к различным абстрактным методическим схемам, и где самое содержание сплошь и рядом не выходит за рамки старых шаблонных руководств, книга Н. С. Дрентельна выгодно отличается свежестью и новизной самого изложения. Вообще в нашей педагогической литературе немного найдется таких глубоко продуманных руководств.

Проф. А. Тимирязев.

ПРОФ. Д. ТРЕТЬЯКОВ. Биология и биологи. Госиздат Украины. 1924. Стр. 184.

Проф. Третьяков делает попытку нарисовать картину развития основных проблем биологии в книге небольшого объема. Попутно в немногих штрихах он характеризует наиболее выдающихся биологов прошлого, отчасти настоящего времени. Книга написана, очевидно, главным образом, на студенчество и рабфаковца.

Поставленная автором задача возбуждает безусловный интерес. Литература по истории биологии на русском языке исчисляется одной — двумя книгами, и всякая попытка заполнить заметный пробел в этой области привлекает внимание.

Однако нам кажется, что автору не удалось преодолеть все трудности поставленной себе задачи.

Как *элементарное введение* в биологию, книга Третьякова, конечно, будет не бесполезна, хотя она и страдает рядом недочетов при более строгой оценке.

Делая же попытку *всесторонней характеристики* биологии (ботаника, зоология, генетика, учение об эволюции, антропология), автор забывает о ряде биологических глав очень крупного

масштаба, которые даже в небольшой по объему книге заслуживают если не изложения, то упоминания.

Я имею в виду: механику развития, учение о химической корреляции в организме, учение о витаминах, учение о передаче по наследству приобретенных признаков, учение об изменчивости и чистых линиях, жизнь тканей вне организма, учение о поле, искусственный партеногенез, значение солей для организма и методы физической химии в применении к биологии и пр.

При отсутствии многих из этих глав, книга по праву заслуживает упрека в значительном сужении перспективы и незаконченности. Ведь нельзя же давать читателю представление, что биология существовала лишь в XIX веке и ее не было в первой четверти XX века. Прошедшие 24 года XX века — срок не малый и достаточно богатый содержанием.

Можно поставить в упрек автору местами неясное и излишне догматичное изложение таких глав, как, напр., учение Павлова об условных рефлексах (стр 73 и 74). Вызывает сомнение формулировка экспериментальной биологии, как науки о судьбе живого существа в искусственных условиях. Определение это не лишено остроумия, но поскольку оно ярко, постольку и неточно.

Тенденцию автора на фоне развития идей дать образы исследователей, творцов науки следует очень приветствовать. Подобные сведения из биографии оживляют изложение, но нужно было бы дать больше яркости и смелости.

М. Завадовский.

В. Г. ФРИДМАН. Лекции по естествознанию. Основы естествознания на базе железнодорожного дела, изложенные по производственному методу. 3-е дополн. издание. Стр. 356+II.

Лекции по естествознанию В. Г. Фридмана вызвали большой интерес среди работников просвещения вообще и среди преподавателей-естественников — в особенности. Каждый вдумчивый преподаватель естествознания не мог не видеть, что его работа по-старинке с прежним учебным материалом, со старыми методами преподавания принимает уродливые формы. Естествознание, могущественный фактор в деле выработки общего миросозерцания, в области технического прогресса, оказалось мертвым багажом. Провозглашение трудового принципа в области просвещения должно было заставить учителя увидеть коренной недуг преподавания естествознания в его полнейшей изолированности от жизни, в лоскутности, разорванности его на части, не объединенные ни общей идеей, ни общею целью. Воздух, вода, земля, растения, животные и человек — вот обычное искусственное деление природы. Все это изучалось неизвестно для чего, из чувства отвлеченного интереса к природе.

Лекции В. Г. Фридмана являются попыткой в доступной форме представить жизнь и природу как единое неразрывное целое, как комплекс тесно переплетающихся явлений, среди которых человек и его деятельность занимают определенное место. Самое малое и самое близкое связано многими нитями с великим и отдаленным; жизнь и природа находятся в бесконечном, но стройном движении. Отсюда понятны необходимость комплексного изучения предлагаемого материала и производственный подход, как исходный пункт для такого изучения. Еще бо́льшую ценность придает лекциям тот фундамент, на котором утверждается картина мироздания, — это прочный материалистический базис, который не должен оставить места никаким колебаниям и сомнениям в возможности вмешательства в жизнь каких-либо иных сил, кроме физико-химических. Повторяю, основные идеи, на которых построены лекции В. Г. Фридмана, должны оказать большую услугу преподавателю естествознания в его просветительной работе.

Тем не менее нельзя не указать на существенные недочеты, от которых лекции не свободны.

Книга состоит из 11 лекций. Слушателями предполагаются рабочие, у которых нет элементарных сведений по естествознанию, но у которых, правда, имеется богатый практический опыт. Возьмите любую из этих 11 лекций, и вас

поразит в каждой из них чрезвычайное обилие материала, так что получается впечатление какой-то калейдоскопичности. Стараясь охватить как можно больше материала, дать своим слушателям побольше сведений, зачастую очень интересных, автор быстро перескакивает с предмета на предмет; отсюда получается поверхностность и необоснованность изложения. Для примера возьмем план 4-й лекции: продукты разложения при горении органич. веществ, постоянство состава воздуха, основные части растений, корень и его работа, лист и его функции, симбиоз животных и растений, круговорот углерода, углекислый газ, как продукт дыхания и гниения, строение и назначение цветка, способы опыления и оплодотворения. Роль морей и морских животных в процессе круговорота углерода; закон сохранения вещества. Выделение азота воздуха (опыт) и его значение. Клеточный организм. Азот как составная часть органических соединений, их непрочность. Круговорот азота. Бобовые растения. Аммиачные соединения в почве. Круговорот воды, перегонка воды. Дождь и подземная вода. — И остальные лекции страдают не меньшим изобилием материала. Другим недостатком лекций является недостаточно обоснованное применение комплексного метода и искусственность во многих случаях производственного подхода. «Комплекс — это группа подлежащих научно-педагогич. исследованию объектов, объединенных внутренней связью и примыкающих к центральной идее, являющейся стержнем, вокруг которого органически и гармонически перераспределяется весь изучаемый материал» (Ф. Н. Красиков). Вот этой органической внутренней связи частей и не видим (напр., стр. 92—93), или связь во многих случаях надуманная, искусственная (напр., на стр. 22. Переход от молекулярной теории к массе, которая является основой быта, строительства). Целые лекции с производством совершенно не связаны, а в других местах производство искусственно подогнано.

Недостатком лекций является то обстоятельство, что в целях популяризации отвлеченных истин автор своеобразно излагает целый ряд научно-установленных положений, терминов.

Напр., обмен веществ в организме рассматривается как обмен молекулами между организмом и внешней средой; химическое соединение веществ происходит в виде перераспределения молекул, а не атомов, упоминания о которых автор избегает; рискованное утверждение о питании форминифер углекислым газом.

В краткой заметке невозможно дать место всем имеющимся недочетам; но думается, что автор не должен считать свою работу законченной и при дальнейшем ее издании должен подвергнуть тщательной проработке в методическом отношении, строго учтя и силы и время мало подготовленного слушателя.

На настоящую книгу нельзя смотреть, как на учебник, она может служить весьма интересной книгой для чтения; многие места изложены живо, понятно, доступно; она может вызвать большой интерес у читателя и побудить его к дальнейшей работе, чем книга, несомненно, приносит и принесет большую пользу.

М. Волов.

С. В. ПОКРОВСКИЙ. Мпацу — мать термитов. Серия «Среди природы». Государственн. Издат. Москва. Стр. 62. Цена 30 коп

О книжечках С. В. Покровского у всех, интересующихся вопросами популярно-научной литературы, сложилось определенное и вполне благоприятное мнение. Без сомнения, попытка в беллетристической форме преподнести читателю научные факты требует от автора совершенно своеобразных данных, — литературного таланта, солидных знаний и умения удачно выбрать и использовать тему. С. В. Покровский не художник, но у него живая фантазия, простой, хороший язык повествователя, уменье создать и интересно развить простенькую, но правдивую интригу. Вместе с тем его книжки вполне научны, он не подменивает научных данных и выводов пустой фразой, ему не свойственны ошибки, и, пожалуй, единственное в чем его можно было бы

упрекнуть, это некоторое упрощение науки, если бы последнее следовало вообще считать недостатком в популярной книжке для детей, в чем, конечно, сильно приходится сомневаться.

«Мпацу — мать термитов» обладает всеми этими достоинствами. Автор нашел очень удачную литературную рамку для своего рассказа об удивительных инстинктах и нравах термитов. Беллетристическая часть рассказа и сама по себе получает хорошее воспитательное значение, в достаточной мере выпукло обрисовывая перед юным читателем хищнические «инстинкты и нравы» бельгийских купцов в Африке. Правда, его термиты выступают в конце рассказа в качестве «мстителей» за ограбленных и разоренных негров, но общий тон рассказа взят настолько правильно, что, надо надеяться, в головах детей не возникнет неправильных по этому поводу представлений.

С. Соболь.

CHARLES SONNTAG. The Morphology Evolution of the Apes and Man. London 1924. P. XII+356.

ЗОНТАГ. Строение и эволюция обезьян и человека.

WOOD JONES. Arboreal Man. London 1920. P. 230.

ВУД-ДЖОНС. Лазящий человек.

Обе эти книги ставят перед собою однородные цели: проследить на основании накопившегося фактического материала ход эволюции обезьян (точнее говоря, приматов) и человека. Для русского читателя они особенно интересны потому, что огромное большинство циркулирующей у нас литературы по происхождению человека черпает свое фактическое (и идейное) содержание из немецких источников и не знакомит читателя с очень оригинальными воззрениями на этот предмет английских и американских исследователей. Но характер изложения обеих книг очень различен, что зависит от того круга читателей, на который каждая из них рассчитана.

Книга Зонтага представляет очень сжатое, местами конспективное изложение анатомии различных групп приматов, начиная с типичных полуобезьян и восходя через изумительного «долгопята» (Tarsius) и павианов к человекообразным обезьянам, которым и уделяется здесь главное внимание. Строение последних все время сравнивается с особенностями человека, что придает изложению особенную выпуклость. Но оценить по достоинству все значение обилия сконцентрированных морфологических фактов может лишь достаточно подготовленный читатель, уделивший немало времени специальному изучению анатомии высших животных. Книга, видимо, предназначается прежде всего для английских студентов, специализировавшихся на антропологии, но она окажется в высшей степени полезной вдумчивому медику, который пожелает не только знать факты человеческой анатомии, но понимать их, т.-е. ясно представлять их происхождение. Благодаря этому пониманию медик может усвоить взгляд на человеческий организм не как на нечто неподвижное, застывшее в определенных «нормальных» формах, но как на продукт длительного процесса развития, продолжающегося и поныне. Совершенно ясно, что эта принципиально новая и плодотворная точка зрения может быть выработана лишь на основе детального сравнительного изучения организации высших приматов, для чего книга Зонтага может служить незаменимым и почти единственным руководством (с ней можно сопоставить только книгу *Duckworth*'а «Morphology and Anthropology». Cambridge 1914).

Бо́льшая часть работы Зонтага (стр. 65—317) занята описанием строения тела и биологии человекообразных обезьян, при чем описание это ведется по системам органов, облегчая, таким образом, сопоставление фактов. Последняя глава книги знакомит с ископаемыми приматами и подводит итог всему предшествующему изложению, рисуя наиболее вероятный ход эволюции высших приматов. Согласно представлению Зонтага, древнейшие предки современных приматов обособились в качестве самостоятельной группы на границе мелового и третичного периодов. Эта первоначальная группа вскоре разбилась на два

основных ствола. Один из них развился в современных полуобезьян. Развитие же другого было много сложнее. В начале третичного периода от него отделилось четыре ветви: первая дала начало тарзиевым, вторая привела к возникновению американских широконосых обезьян, третья развилась в мартышек и павианов, четвертая же эволюционировала, распавшись на ряд веточек: раньше всего от нее отделяются гиббоны — эти наиболее примитивные человекообразные формы, позднее обособляется линия орангутангов и, наконец, в середине третичного времени путь эволюционного развития расходится по двум направлениям: одно ведет к шимпанзе и горилле, другое — к человеку. Таким образом мы являемся теснее всего связанными с африканскими человекообразными обезьянами, «гориллоидными» в известной степени формами. Впрочем, специальному обоснованию этого мнения Зонтаг не уделяет места и об ископаемом человеке почти не упоминает.

К книге приложен большой список литературы, составленный, видимо, с некоторым пристрастием. Так, ни одна работа Кляча не упомянута.

Нельзя не выразить сожаления, что автор, базирующийся, главным образом, на немецкой и французской литературе, счел нужным давать все размеры в английских футах и дюймах, что очень затрудняет пользование его книгой. Приходится приводимые им цифры переводить на общепринятый язык метрических мер, с которого, вероятно, он сам переводил на английские. Кстати сказать, многие современные английские ученые пользуются метрической системой, не нанося этим заметного ущерба английской науке.

Книга Вуд-Джонса имеет иной характер. Она выросла из популярных лекций автора (крупного исследователя) и рассчитана на широкую аудиторию. От бесчисленных популяризаций на тему о «происхождении человека» она резко отличается оригинальностью и глубиной основных идей. Автор совершенно не стремится дать упрощенное изложение ходячих мнений. Он продолжает быть исследователем, мысль которого тщательно взвешивает факты и который привлекает читателя к совместной работе. При таком характере изложения факты не перегружают памяти и внимания читателя, а теоретическое истолкование их является плодом усилий его собственной мысли. Если к этому прибавить живой, местами образный язык, то нетрудно понять, почему книга с анатомическим по преимуществу содержанием так легко читается.

Исследуя организацию человека и других позвоночных, Вуд-Джонс с значительным успехом пытается воссоздать образ жизни наших далеких предков. Его интересуют именно не ближайшие прародители человека, а те древние существа, которые приспособились к лазанию по деревьям и усовершенствовали хватательные способности своих конечностей. Для объяснения тех или иных анатомических черт автор постоянно прибегает к изучению живых животных, стараясь понять, как действует данное приспособление в естественных условиях жизни организма и каким влияниям среды оно подвержено. Такой метод изложения постоянно переносит мысль читателя из анатомического театра в живую природу и делает для него близкими и понятными анатомические подробности. Не имея возможности изложить оригинальное содержание книги, мы ограничимся настойчивым пожеланием, чтобы она была переведена на русский язык и помогла нашей молодежи упрочить основы материалистического мировоззрения.

М. Гремяцкий.

Г. ЛАВРОВ. Мир кристаллов. Москва. Государственное Издательство. 1925 г. Стр. 78.

Кристаллография и минералогия относятся к числу тех немногих наук, которым уделено мало внимания в русской популярной литературе. К числу брошюр, цель которых — заполнить этот пробел, — принадлежит книжечка Г. Лаврова «Мир кристаллов». Кратко знакомя с внешностью кристаллов, их распределением по системам и с элементами симметрии, автор довольно подробно (насколько это позволяет размер брошюры) останавливается на разъясне-

нии внутренних свойств и структуры кристаллического тела и этим самым в доступной и живой форме знакомит читателя с основными положениями *современной* кристаллографии, как большой, своеобразной главы физики.

В своем изложении автор не ограничивается одними теоретическими заключениями, а сейчас же приводит конкретные примеры, что весьма облегчает чтение брошюры.

На последних страницах книги изложены указания по искусственному выращиванию кристаллов, что дает возможность каждому читателю без всяких затруднений проделать интересные кристаллографические опыты у себя на дому.

Брошюра Г. Лаврова может служить не только целям самообразования, но также и пособием при организации доступных лекций в народных аудиториях, для чего автор в конце каждой главы (их всего шесть) приводит список необходимых пособий для публичного чтения.

Можно смело сказать, что каждый рабфаковец и учащийся старших групп школ II ступени с удовольствием прочтет «Мир кристаллов».

Книга имеет приятную внешность и содержит 40 рисунков, большинство которых оригинальные.

Л. Пустовэлов.

Г. ГАНДОВСКИЙ. Основные понятия коллоидной химии и ее применение в биологии и медицине. Перевод с немецкого М. Я. Серейского и В. А. Энгельгардт. Государственное Военное Издательство. Москва 1925. Стр. 107.

За последние годы коллоидная химия настолько глубоко внедрилась в основные проблемы биологии и медицины, что знакомство с нею, хотя бы первоначальное, стало необходимым для рядового студента и врача.

Между тем, в русской литературе, и без того крайне бедной руководствами по коллоидной химии, до последнего времени совершенно отсутствовала хотя бы популярная книжка, которая дала бы возможность врачу или биологу ориентироваться в основных понятиях коллоидной химии и помогла подойти с коллоидно-химической точки зрения к биологическим проблемам.

Объясняется это трудностью составления такой книги вследствие молодости самой науки, неустановленности многих ее основных положений, не позволяющей формулировать их в доступной и ясной форме.

С этой точки зрения надо приветствовать появление в печати на русском языке небольшой книги Гандовского. Автор появившегося в Германии в 1922 г. «Руководства по коллоидной химии для биологов и медиков» не удовлетворился последним и счел необходимым выпустить новую более доступную книжку, задачей которой является дать лишь первые понятия о предмете. И надо признать, что это в значительной мере автору удалось. При всей своей сжатости книга содержит большое количество материала, удачно и во многом оригинально расположенного и преподносимого в легко усваиваемой форме. С первых строк читатель знакомится с различными видами дисперсных систем и положением среди них систем коллоидных. Далее рассматриваются способы образования коллоидов, условия их устойчивости (главы о поверхностном натяжении, гидратации, электрическом заряде) и реакции, характеризующие коллоидное состояние. Затем следует глава, посвященная анализу важнейшего для биолога и своеобразного по ряду свойств коллоида—белка. Последующие главы посвящены применению коллоидной химии в биологии, начиная с методов исследования коллоидно-химических изменений живых тканей и кончая связью между коллоидным состоянием клетки и совокупностью ее жизненных функций (проблемы проницаемости и специфичности).

Разумеется, объем книги дал возможность охватить все эти вопросы лишь поверхностно.

Большая насыщенность содержанием требует внимательного чтения, которое, впрочем, дается читателю без труда.

Переведена книжка хорошо.

Цену в 65 к. надо признать невысокой.

И. Кан.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. В. ПОЛЯНСКИЙ (П. И. Лебедев). Н. А. Некрасов. *П. Когана.* — 2. И. КУБИКОВ. В. Г. Белинский. *П. Когана.* — 3. ALESSANDRO N. OSTROVSKY. La foresta. *Н. Кашина.* — 4. Н. АШУКИН. А. А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах. *Л. Войтоловского.* — 5. І. Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Анна Петровна Керн. II. А. ГЛАДКИЙ. Новое о Пушкине. III. Б. ТОМАШЕВСКИЙ и В. МАКСИМОВ-ЕВГЕНЬЕВ. Памятка о Пушкине. *Г. Винокура.* — 6. БОРИС СОКОЛОВ. Сказители. *А. Смирнова-Кутачесного.* — 7. НЕВЕРОВУ. *Н. Фатова.*

ВАЛЕРЬЯН ПОЛЯНСКИЙ. Н. А. Некрасов. Критико-биографический очерк. Издание 2-е. Государственное Издательство. Москва 1925.

Популярная книжка т. Полянского заслуживает полного сочувствия по тому методу, которым пользуется автор. Перед нами в живом изложении проходят картины быта, литературной жизни, образы современных Некрасову деятелей, дается сжатая, но четкая характеристика экономического положения отдельных классов, собраны интересные сведения о «кающихся дворянах», буржуазии и разночинцах. Словом, характеристике Некрасова предшествует полное и яркое изображение социальной и психологической среды, в которой возникла его поэзия. Быть может, наиболее полезной представляется пятая глава, в которой детально рассмотрено место, отведенное в поэзии Некрасова отдельным общественным группам, крестьянству, бурлакам, рабочим, городской бедноте, заводчикам, акционерам, чиновникам, попам, интеллигенции, женщинам. Автор не ограничивается только идейным содержанием наследия, оставленного певцом «Коробейников». Он приводит новейшие данные о технике и характере некрасовского мастерства и довольно подробно останавливается на вопросе о Некрасове-поэте, который, как известно, имеет длинную и поучительную для всякого словесника историю. Можно было бы сказать, что все проблемы, связанные в современной науке с именем Некрасова, нашли в этой книжке полное и умелое истолкование. Но в этом отношении можно было бы отметить один пробел. Мы не сторонники изучения «тайн» Некрасова на манер блаженной памяти Мережковского. Однако история душевных переживаний Некрасова, трагических конфликтов, происходивших в его внутреннем мире, — явление интересное не только для психолога, но и для социолога. Для понимания настроений тогдашней интеллигенции эта внутренняя история знаменитого поэта, быть может, поучительнее, чем «Рыцарь на час». Внимание к личности писателя нередко дает богатый материал для общественных выводов, если эта личность типична, если, благодаря тонкости своей организации и душевной чуткости, она является ярким выражением своей среды. Личность Некрасова была именно такова. В нем отразились и его, быть может, сожгли те бури и те душевные муки, которые сотрясали внутренний мир наиболее совестливой части тогдашней интеллигенции. Книжка т. Полянского, несомненно, выиграла бы, если бы и эту сторону некрасовской проблемы он осветил так же тщательно, как сделал это по отношению к другим вопросам.

П. С. Коган.

И. КУБИКОВ. В. Г. Белинский. Жизнь и литературная деятельность. Государственное Издательство. Москва 1925.

Автор этой небольшой книги о великом критике принадлежит к немногочисленным у нас писателям-марксистам. Было бы, однако, тщетно искать в этой книге попытки четко определить классовую позицию Белинского. И. Кубиков ограничивается характеристикой

экономического положения России в периоды, соответствующие наиболее важным моментам в истории умственного развития Белинского. Книга ориентируется, главным образом, на биографическую сторону. В этом отношении она представляется, несомненно, хорошим дополнением среди имеющейся у нас уже популярной литературы об авторе «Литературных мечтаний». С большой добросовестностью и знанием дела И. Кубиков в доступном литературном изложении приводит все наиболее интересные факты из жизни Белинского, наиболее важные места его сочинений, характеризующие его воззрения. Но автор слишком осторожен. В книге почти обойдены те вопросы, которые представляются наиболее острыми и волнующими по отношению к великому родоначальнику русского общественно-литературного сознания. Так, например, вместо того, чтобы объяснить эволюцию воззрений Белинского, его знаменитый «перелом», И. Кубиков ограничивается простым изложением некоторых данных, относящихся к этому вопросу. Почти обойдена в высшей степени важная в истории нашей общественности проблема Белинского-социалиста. А между тем именно в такой книге, рассчитанной на широкого массового читателя, хотелось бы, чтобы этому вопросу была уделена более значительная доля внимания. Общественная чуткость Белинского, его беспрерывное горение больными вопросами своего времени привели к тому, что в его страдальческой истории, как в фокусе, отразился самый значительный конфликт новейшего времени, именно — борьба идеализма и материализма и решительный поединок между коллективизмом и духом ложного индивидуализма. Объективные условия действительности не позволили Белинскому дойти до полного торжества в его сознании тех начал, которые движут передовыми классами Европы и лежат в основе и нашей Октябрьской революции. Но, пламенный искатель истины, Белинский представляет в своем лице единственный в истории мысли пример интуитивного проникновения в исторический смысл своей эпохи. В этом отношении его жизнь является для нас не только уроком и примером, но и предостережением. Понять правильно Белинского, это значит запастись иммунитетом против рецидивов идеализма, от которых не избавлены временами некоторые даже стойкие материалисты.

Конечно, в небольшой популярной книжке трудно глубоко исчерпать более сложные проблемы, связанные с именем Белинского. Для общего ознакомления с его жизнью и идеями работа И. Кубикова дает достаточный материал. С присущим ему литературным дарованием и критическим чутьем, автор этой работы представил живой образ великого критика, и книжку его следует рекомендовать для широкого читателя в качестве полезного пособия.

П. С. Коган.

Publicazioni dell'Instituto per l'Europa Orientale in Roma. Prima Serie: Litteratura. Arte. Filosofia. IV. ALESSANDRO N. OSTROVSKIJ. La foresta. Commedia in cinque atti. Traduzione di Ettore Lo Gatto. Napoli. Ricardo Ricciardi Editore. 1923. 8°. P. VIII+135.

Издания Института по изучению Восточной Европы в Риме. Первая серия: Литература. Искусство. Философия. IV. АЛЕКСАНДР Н. ОСТРОВСКИЙ. Лес. Комедия в пяти действиях. Перевод Этторе Ло Гатто. Неаполь. Изд. Рикардо Риччьярди. 1923 г. in 8°. Стр. VIII+135.

Приятная новинка! Первый перевод Островского на итальянский язык, сделанный непосредственно с русского. Частями этот перевод (первые три акта) был опубликован еще в 1921 г. в издававшемся под редакцией переводчика трехмесячном обозрении «Россия», потом прекратившемся, благодаря чему печатание перевода осталось незаконченным. Свое намерение отдельно издать сделанный им перевод очаровательной (deliziosa), по его словам, комедии Островского Ло Гатто осуществил только в 1923 г., что совпало со столетним юбилеем драматурга. К этому юбилею переводчик, по причине нездоровья, не мог окончить своего этюда о театре Островского, над которым он в разное

время работал, и, таким образом, только один перевод комедии «Лес» явился выражением его уважения к памяти великого русского драматурга. «Я не буду говорить,— замечает он,— с какою любовью обрабатывал я этот мой труд, какого мучения мне стоило отказаться от мысли передать удивительное богатство и красоту текста, абсолютно не поддающегося переводу».

Последнее замечание совершенно справедливо. Не в осуждение переводчика отметим, что, напр., буквальный перевод слов Буланова: «Бить сорок ворон за чужим двором» (д. I, явл. 2), при чем слова «сорок» и «ворон» соединены союзом «и», совершенно не передает оригинала. Точно так же в реплике Карпа: «Живем в лесу, молимся пенью, да и то с ленью» (д. III, явл. 4), слово «пенью» совсем исчезло, не говоря уже о том, что в переводе совершенно пропал характер пословицы. Равным образом многое пропало в сочной речи Восьмибратова, особенно трудной для перевода. Но тут уже не вина переводчика.

Иногда он, правда, не всегда удачно пытается заменить один образ другим. Так, например, в речи Милонова: «...когда были счастливы люди. Под кущами» (д. I, явл. 4) последние слова переданы: «Nell'età della pietra», т.-е. «в каменном веке». Иногда эти новые образы не вполне передают авторские. Так «все промотает» в реплике Бодаева (д. V, явл. 8) переведено: «manderà tutto in rovina»; о мотовстве в переводе нет и речи.

Иногда переводчик как будто не понимал оригинала. «Я, Геннадий Демьяныч, обдержался-с» (д. II, явл. 2) переведено: «Io, Ghennadij Demianič, sono proprio in bolletta», т.-е. «Я, Геннадий Демьяныч, собственно в затруднительном положении». В другом месте часть реплики Несчастливцева: «А вот я тебе покажу, что можно. Что мне за дело до документов. Я не подьячий» (д. III, сц. 9) переведена так: «Ed io ti farò vedere, che si può. Sono un cancelliere», т.-е. «А я тебе покажу, что можно. Я — подьячий».

Местами встречаются у нашего переводчика пропуски, правда, незначительные, но во всяком случае нежелательные. Так, в начале 4-го явления первого действия пропущено:

«*Гурмыжская.* Может быть!

Милонов. Раиса Павловна, поверьте мне, все высокое и прекрасное...»

Во 2 явлении II действия пропущена реплика Счастливцева: «И у меня тоже вышел-с».

Отмечу еще один пропуск подобного рода, особенно повредивший переводу. В 9 явлении V действия на вопрос Несчастливцева: «Тетушка, вы счастливы, вы безмерно счастливы?» Гурмыжская отвечает: «Да, мой друг, я счастлива». Этого ответа в переводе нет, предшествующее вопросительное предложение превратилось в утвердительное. Удивительнее еще то, что следующая реплика Несчастливцева: «В счастии человек делается добрее, благороднее. Не так ли я говорю? Правда, господа?» в переводе оказывается принадлежащей Счастливцеву. Это уже совсем нелепость. Кстати сказать, фамилии Несчастливцева и Счастливцева почему-то, быть может, по трудности произношения, заменены итальянскими Sfortunato и Fortunato. На мой взгляд, этого делать не следовало, нужно было оставить русские и только в примечании объяснить их смысл и значение. Наконец, в реплике Несчастливцева (д. V, явл. 9): «Что тут за газеты! Давай выпьем брудершафт!» последнее слово осталось без перевода, что, конечно, исказило смысл реплики.

Название усадьбы Гурмыжской «Пеньки» переведено дословно «Ceppi». Я думаю, что опять-таки следовало бы оставить русское название и только в примечании дать толкование этого слова. Имя «Аркашка» передается или «Arkascia» или «Arkaška». Такая двойственность перевода, не оправдываемая оригиналом, где стоит «Аркашка», вряд ли может быть допущена. Конечно, в разных местах это имя произносится по интонации различно, но это применимо, я думаю, и к итальянскому языку.

Несмотря на указанные мною промахи, порою мелкие, но тем более нежелательные, перевод в общем является очень хорошим, и остается только пожелать, чтобы Ло Гатто дал переводы и других пьес Островского, докончил

и издал свой вышеупомянутый этюд о театре нашего великого драматурга.

В предисловии Ло Гатто отмечает еще итальянский перевод «Грозы», принадлежащий Sonzogno и опубликованный в «Универсальной библиотеке». Этот перевод, сделанный, по словам Ло Гатто, не непосредственно с русского, мне, к сожалению, неизвестен.

Н. Кашин.

А. А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах. Составил Н. АШУКИН. Изд. т-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых». М. 1924. Стр. 79.

Первое слово этих воспоминаний — Блок мистик, второе — о любви авторов к Блоку. Но любовь эта понимается крайне ложно и показывает Блока в свете, желательном каждому из авторов. А так как авторами являются А. Белый, П. Перцов, Г. Чулков, В. Зоргенфрей, К. Чуковский, то в результате получается какой-то обкуренный ладаном попик из деревенской церкви в мистическом ореоле Владимира Соловьева. А. Белый излагает свои умствования о Блоке в тоне курьезной торжественности, пересыпая каждую фразу непонятными рубриками и категориями, обликами и ликами, «нутряною проплавленностью» и «озаренной транспарантностью»: «Он был весь геология. Ничего метеорологического, воздушного в нем не было. Слышалась влажная земля и нутряной проплавляющий огонь откуда-то из глубины... Отсутствие озаренной транспарантности, просвеченности и создавало то странное впечатление, которое вызывало вопрос: «чем же светится этот человек? как он светится?». И дальше следует такой же набор слов о радиоактивности головы, о всплесках большой рыбины в сердце и т. п. Больше всего внимания уделяется Белым запахам дворянской старины в усадьбе Блока, где не было «ничего от разночинца». С любовной старательностью выписывает и П. Перцов старую барскую усадьбу в Луге и много толкует о неясной мудрости Блока и его пленительной внешности.

Г. Чулков больше рассказывает о той роли, которую он, Чулков, играл при постановке «Балаганчика». У В. Зоргенфрея те же разговоры о пленительной внешности Блока, о прекрасном, бледном лице, о костюме от первоклассных портных, о покоряющем голосе и бездонно-глубоких чувствах, о выразительном чтении и пышном, черном банте вместо галстука. И все это, как в паутину, запутано в мистические полунамеки: «над книгами, почти во мраке, фантастическая с длинным клювом птица», «в углу образ Спасителя—тот, что и до конца дней всегда был с Блоком» и т. д. Целью этих таинственных намеков, сближений и «транспарантностей» является желание возложить на голову Блока ореол богоодержимости и подчеркнуть, как было ему тесно в нашем злокозненном материалистическом мире. Чуковский, заглянувший одним глазком в мистический подлинник Белого и Зоргенфрея, откровенно высказывает в своих комментариях их тайные мысли. «Написав «Двенадцать» в три дня, Блок три с половиной года старался уяснить себе, что же у него написалось... Его лирика была мудрей его... Он всегда говорил в своих стихах так, словно в них сказалась чья-то посторонняя воля, которой он не мог не подчиниться, словно это были не просто стихи, но откровение свыше. Часто он находил в них пророчества» (стр. 41). Все это придает этим воспоминаниям однообразно-скучный характер. Более реальное и многоцветное освещение Блоку дается в воспоминаниях С. Городецкого. Последний показывает нам Блока, покоренного могуществом 1905 года, Блока, брызжущего чистой, светлой радостью жизни, охваченного гневом, страстью и состраданием; и совершенно правильно Городецкий замечает по адресу кадящих Блоку друзей: «Если Блок пришел к «Двенадцати», то в этом его личный подвиг, в этом его величайшая победа над мещанской средой, засасывавшей тогда его первоцвет так же, как теперь засасывается его память» (стр. 26). Несколько характерных черточек, совершенно идущих вразрез с тем образом, который пытаются создать кадильные авторы, превратив-

шие свои воспоминаняи о Блоке в культ церковно-мистического Блока, находим мы в небольших заметках А. Толстого и В. Лебедева-Полянского.

К более ценным материалам этой книжки относятся письма Блока, довольно сильно ударяющие по сомнительному усердию кадильников. Письмо о «Балаганчике», адресованное В. Мейерхольду и заключающее в себе ряд интересных комментариев и пояснений, с одной стороны, опровергает заявления Чулкова, приписывающего себе роль истолкователя «Балаганчика», а, с другой, показывает, до какой степени он был хозяином своего вдохновения и превосходно знал, «что̀ написалось». И многое в том же роде.

Л. Войтоловский.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Анна Петровна Керн («Друзья Пушкина», под общей редакцией М. О. Гершензона, I). Изд. М. и С. Сабашниковых. Ленинград 1924. Стр. 141. Тираж 2.000.

А. К. ГЛАДКИЙ. Новое о Пушкине (К 125-летнему юбилею со дня рождения А. С. Пушкина и 100-летию со дня ссылки поэта в с. Михайловское Псковской губернии). Издание Учсовсода 2 С.-З. ж. д. 1924. Стр. 48. Тираж 1.000.

Б. ТОМАШЕВСКИЙ и В. МАКСИМОВ-ЕВГЕНЬЕВ. Памятка о Пушкине. Изд. книжного сектора Губоно. Ленинград 1924. Стр. 88. Тираж 3.000.

В былые времена пушкинские юбилейные даты порождали целые потоки литературы. Наше время скромнее в этом отношении, и вряд ли приходится об этом сожалеть. Ни для кого, конечно, не секрет, что юбилейная литература по большей части есть литература плохая. Хороший писатель не станет искать поводов для написания своих трудов. За то для посредственного с юбилеем только и настает подлинное раздолье. В иное время мы бы, может быть, и слушать его не стали, но юбилейная дата способна закрыть рот самому придирчивому критику: не любо — не слушай, а... мы будем делать наше дело.

Нам приятно поэтому отметить, что последний юбилей Пушкина не дал повода к этому массовому производству в области «науки о Пушкине» и что «поневоле», по обязанности рецензента, читать приходится не многое. Прекрасно, на наш взгляд, поступил, напр., Б. Л. Модзалевский, который вместо обычных работ *ad hoc* решил переиздать с дополнениями и исправлениями, в виде отдельной книжки, свою старую статью об Анне Петровне Керн (см. соч. Пушкина, ред. Венгерова, III, 585—606). Как и другие работы Модзалевского, посвященные друзьям и знакомым Пушкина, очерк о Керн составлен весьма тщательно, с исчерпывающим использованием источников и с тем действительно любовным отношением к своему делу, которое всегда так приятно в биографических и библиографических изысканиях нашего автора. По сравнению с текстом работы о Керн в первоначальном ее виде, в новое издание ее внесено много дополнений и коррективов, значительно повышающих положительные качества очерка. Гораздо подробнее использован дневник Керн 1820 года, характерный не для одной только Керн, но и вообще для эпохи. Более подробно и правдиво изложены отношения между Керн и А. Н. Вульфом, в соответствии с данными дневника последнего, появившегося в свет в промежуток между обоими изданиями работы Модзалевского. Использованы также появившиеся с тех пор в печати воспоминания А. И. Дельвига, даны отсутствовавшие первоначально извлечения из дневника Никитенки, дополнительные данные приведены об отношениях к семейству Керн, М. И. Глинки и т. п. С другой стороны, к числу тех же новых положительных достоинств книжки Модзалевского следует отнести и установившееся у автора скептическое отношение к «мемуарам» Павлищева, который, на правах родственника поэта, счел себя в праве выдать свой авантюрный роман за исторические воспоминания. Наконец, автор изменил свое отношение к известному письму Пушкина к Соболевскому, с циинической фразой о Керн, которому ранее отказывался придавать цену реального факта пушкинской биографии. Су-

дя по примечанию на стр. 127, этим изменением своей точки зрения автор обязан П. Губеру и его книге: «Донжуанский список Пушкина». Мы не слишком высокого мнения о книге Губера, но Модзалевский, во всяком случае, хорошо сделал, что не последовал на этот раз за тривиальным казенным обычаем все этически для нас неприятное и шокирующее в Пушкине непременно «объяснять» с помощью всякого рода «извинительных» домыслов. К сожалению, от греха этого Модзалевский освободился не до конца. Так, по-прежнему извинительными оговорочками обставляет он свой комментарий к письму Пушкина, где поэт писал своей жене о «дуре Керн», желающей заниматься литературой. Вместо эрото-психологических глубинных соображений Лернера, на которого ссылается здесь Модзалевский, в подтверждение мнения, что поэт этой фразой хотел «предупредить ревность» своей супруги, не проще ли предположить, что Пушкину действительно неприятно было это сочетание Керн и литературы: к последней, как-никак, поэт относился во всяком случае серьезно. И вообще, поскольку следует говорить о недостатках работы Модзалевского, понимать эти недостатки нужно не как персональные или индивидуальные недочеты Модзалевского и его книжки, а как традиционные особенности всех наших биографий, проистекающие из обычной манеры наших биографов подкрашивать, морально «оправдывать» предмет своего изображения.

Но вот книжка чисто «юбилейного» стиля, своеобразное литературное произведение, написанное А. К. Гладким — «сотрудником - корреспондентом Пушкинского Дома Российской Академии Наук по Псковской губернии». Собственно только это последнее обстоятельство — ученое звание автора — и смущает нас главным образом: нам казалось, что у Пушкинского Дома могли быть сотрудники более грамотные. Заглавие книжечки — «Новое о Пушкине» — не должно вводить читателей в заблуждение: под «новым» понимается здесь всего-на-всего лишь то, что является новым для автора, т.-е. вычитанное им в последних изданиях по Пушкину и излагаемое им — с целями не совсем ясными — на рецензируемых 48 страничках. В предисловии автор величает свой труд «критико-библиографическим» очерком, но как библиография это очень несовершенно и скудно, что же до критичности, то о ней автор, по правде сказать, и не помышлял: на самом деле, он лишь очень доверчиво и весьма упрощенным способом рассказывает то, что прочел. И это бы, конечно, не беда: популяризация—вещь нужная и ее иной раз не избежишь. Но порою автор перестает просто рассказывать, и тогда становится до крайности неприятно. Как ни велик Пушкин, а все же, оказывается, и Гладкий имеет к нему некоторые претензии. «Единственно, казалось бы,— пишет он, — за что можно бросить упрек и обвинение Пушкину,— это за его классовое происхождение (sic!) и за то, что поэт, в качестве общественного мыслителя, стоял на уровне своего века...» (стр. 7). Ниже Гладкий, так и быть, соглашается, что поэт «искупил вину (sic!) перед народом», но все же нельзя не воздать должное Гладкому за ту поистине мужественную, полную сознания своей правоты смелость, с какой ставится им на вид Пушкину его неблаговидное поведение. Жаль, конечно, что Пушкину не довелось побывать в том самом Учсовсоде 2 С.-З. ж. д., который издал книжечку Гладкого: там бы ему живо объяснили, что стоять на уровне своего века — вещь в наше смелое время недопустимая, и что родителей выбирать нужно тоже с оглядкой — не дворян-помещиков, а уж по крайней мере членов профсоюза... Впрочем, нельзя отказать автору и в некоторой дозе скромности. «Выражаясь словами древнего мудреца Сенеки», автор «желает только: пусть тебе, читатель, понравится хоть одно: что то, что я высказал, я чувствовал, и не только чувствовал, но и любил». Как ни грустно огорчать нам автора, именно в последнем мы не можем не усумниться: «любовь» эта, увы, пахнет откровеннейшей корыстью. Не говорим уже об удручающем стиле книжечки, образцы коего даны выше. Но вот еще один. «Эти пророческие слова, сказанные о Пушкине русским поэтом-певцом природы (Тют-

чев) сбываются и являются ручательством *за то»* и т. д. Так, по нашим скромным сведениям, не говорят даже в Псковской губернии.

Значит ли это, что нельзя составить грамотной популярной книжки о Пушкине без этого никчемного квази-революционерства и без неуместного щеголяния терминологией вульгарного марксизма? Лучшим опровержением этого является «Памятка о Пушкине», может быть, и не без недостатков, но просто и без фокусов составленная Томашевским и Максимовым - Евгеньевым. Первому из этих авторов принадлежит биографический очерк, которому предпослана краткая хронологическая канва жизни и творчества Пушкина. Очерк этот очень, конечно, краткий и суммарный, выгодно все же отличается от обычных популярных биографий тем, что в него введен материал историко-литературного качества. Статья Максимова Евгеньева — «Пушкин и правительственная власть», так же, в общих чертах, правдиво и без особых преувеличений изображает отношения обоих царей к поэту. Вслед за статьями следует ряд приложений чисто-практического свойства, содержащих указания об организации пушкинских вечеров и т. п. культурно-просветительного и школьного типа. Все это, конечно, не бог весть что, но свою пользу принесет. Укажем лишь на одну странность этих приложений. Здесь даны всего три стихотворения Пушкина: «Чаадаеву», «Деревня» и «Послание декабристам». Нам понятен нынешний особый интерес к политической музе Пушкина. Но ведь и этих стихов у Пушкина гораздо больше, а, кроме того, даже в такой «Памятке» следовало бы дать хоть несколько наиболее совершённых стихотворений Пушкина не-политического содержания, более, конечно, характерных для его искусства. Отметим, наконец, что к книжке приложены также краткие библиографические данные. «Памятка о Пушкине», таким образом, как бы кладет началу новому у нас типу юбилейных изданий. И нужно сказать, что это куда лучше, чем тысяча первое восклицание о величии и бессмертии поэта, которому, все же, от времени до времени, делают выговор, что он не штудировал учебника политграмоты.

Г. Винокур.

Б. СОКОЛОВ. Сказители. Москва. Государственное Издательство. Стр. 122. С двумя портретами.

Профессор Б. М. Соколов, и как ученый исследователь былин (см. *Б. Соколов* «Былины»), и как собиратель народного творчества (см. *Соколовы, Б. и Ю.* «Сказки и предания Белозерского края»), является надежным руководителем в вопросах былевой поэзии. Не только знание дела, но и печать личного одушевления лежит на его книжке о сказителях. «Неизгладимое впечатление оставляет пение былин,— пишет он,— на тех, кто любит родную песню, кого способны волновать звуки родной старины...» (54 стр.). «Русский север — вот та обетованная страна, где до сих пор суждено сохраниться драгоценным песням старого времени» (16 стр.). «Эта же природа, которая дала жизненный закал и настойчивость в труде, развила в северянине сдержанное спокойствие и незлобность, бросающиеся в глаза каждому приезжающему на север...» (26 стр.). Книжка — популярный очерк о хранителях и исполнителях былевой поэзии и рассчитана на массового читателя. Ее цель — пробудить интерес к былевому творчеству, показать поэтическое богатство нашего глухого севера, где еще до сих пор веет духом былинной поэзии (30 стр.). Автор — представитель исторической школы; для него былина — «старина стародавняя»... Хотя эта теория сейчас подвержена критике (см. *А. Скафтымов* «Поэтика и генезис былин»), но для рядового читателя она доступнее. Проф. Соколов рассказывает, как былевая традиция идет из далекой старины и составляет часто родовое наследие, как ее сохранила, а под час и породила привольная, не знавшая крепостной кабалы жизнь отдаленного севера, как сказалось здесь влияние вольного Новгорода (жаль, что эта мысль лишь случайно брошена автором), как питала ее предприимчивая, закалявшая характер,

промысловая жизнь на Онеге, Ладоге и на «Окиян-море», как «старинщик», желанный участник для каждой рыбацкой артели, с которым так легко коротать длинные зимние вечера, и на каждом собрании почетный гость. На этой бытовой основе северного края проф. Соколов дает характеристику сказителей, их манеру сказывания, говорит о их необычайной памяти (старина Рябинина про бой Добрыни со змеем в 1023 стиха), о их личном творчестве. Особые главы он посвящает двум сказителям— Рябининым, отцу и сыну, и М. Д. Кривополеновой. Еще у многих жива память об этой «лесной старушке». Она знала много былин, духовных стихов, свадебных песен и заговоров. «Приятно было видеть, — замечает Соколов, — эту простую деревенскую старушку, обладающую большим поэтическим даром, среди избранной публики. Она чувством своим сознавала, что она владеет таким художественным даром, который одинаково близок и дорог всякому истинному поэту и артисту» (110 стр.). Тема о сказителях — интересная современная тема по исследованию фольклора. Она ставит проблему народного творчества, считавшегося безличным, в уровень индивидуального творчества поэта-писателя. И надо отдать справедливость, несмотря на популярность очерка, она освещена разносторонне и ярко.

Книжка разбита на ряд изящных глав-заголовок, написана просто, читается легко; от обложки, шрифта, формата до портретов сказителей Рябинина и Кривополеновой, — все выполнено старательно, со вкусом.

Д. М. Смирнов-Кутаческий.

«НЕВЕРОВУ» — «Алый венок». Сборник коллектива рабоче-крестьянских писателей. «Красная Новь». Государственное Издательство. Москва 1924. Стр. 212. Тираж 10.000.

Прошел уже год со дня смерти А. С. Неверова, а сборник его памяти, составленный друзьями писателя в первые дни после его смерти, появился в свет только теперь. В этом основной недостаток «Алого венка». К годовщине смерти Неверова хотелось бы видеть в печати обстоятельную его биографию и серьезный анализ его творчества как социологический, так и формальный. Перед нами же — наспех набросанные воспоминания П. Ярового, да небольшая статейка т. Дорогойченка, написанная еще до смерти Неверова. Остальная часть сборника — беллетристическая, в огромном большинстве заполнена вещами ранее написанными и прямого отношения к Неверову не имеющими.

Тем не менее, пройти мимо этого сборника нельзя. Воспоминания П. Ярового, который был другом Неверова в течение 22 лет, дают немало ценного материала, хотя, к сожалению, значительно меньше того, что т. Яровой мог бы дать. К тому же многое из того, что само по себе интересно в его статье, уже не является новинкой; о некоторых же фактах из жизни Неверова он почему-то считает нужным умалчивать. Неприятно действует и крайне небрежный язык, которым написаны воспоминания. Попадаются, напр., такие выражения: «Фактом был местный поэт Денисов», «отсюда росли мы», «мой отец... прошедший часть лет крепостного права», «с большим уклоном к тенденции новой женщины», «цепью обстоятельств вталкивается», «Октябрьскую революцию колеблется, затем арестовывается колчаковцами», «оформляющий свои отношения к себе» и т. д.,— все стилем газетно-передовического жаргона. Это тем досаднее, что П. Яровой недурно владеет прекрасной русской речью, как это видно хотя бы из входящего в сборник симпатичного рассказа «Грусть», написанного явно в неверовских тонах. Список книг Неверова, приложенный к статье П. Ярового, далеко не полон.

Небольшой критический этюд о творчестве Неверова тов. А. Дорогойченка сам по себе очень ценен. Несмотря на небольшие размеры, автору удалось схватить самую суть Неверова как писателя и дать ему вполне правильную квалификацию. Весьма характерно и сообщение автора о том, что статья его была «написана месяца за четыре до внезапной смерти А. С. Неверова для

журнала «Прожектор», где она пролежала все время». При жизни Неверова «слишком похвальный о нем отзыв не мог увидать света — такова та атмосфера недоверия, которой обычно окружается у нас всякий талант первой величины.

В беллетристической части сборника, кроме уже упомянутого рассказа П. Ярового, остановили бы на себе внимание страницы самого Неверова — 2-я часть романа «Гуси-лебеди», если бы роман этот уже давно не появился в свет и не был по достоинству оценен, как одна из самых ярких, глубоко правдивых попыток взглянуть на гражданскую войну «глазами мужика», которого события чехо-словацкой эпопеи сделали «большевиком».

Из остальных вещей можно отметить еще живо набросанную Н. Степным сценку из времен голода «Лександр Лексеич» и рассказ Ст. Барсукова «Черное золото» из времен деникинщины. Слабее рассказы Н. Жукова «Курнуха дедушки Семена» и особенно Минны Днепровского «Козырек» с неудачными попытками передать детскую речь — учиться изображать детей надо теперь у Неверова.

В отделе стихотворений — стихи т.т. Дорогойченка, Александровского и Ширяевца. Александр Ширяевец — талантливый поэт-волжанин, ныне—увы!— тоже умерший. В его стихах всегда чувствуется свое, «ширяевское», лицо. Особо хороши «Времена года» — миниатюры по четыре строчки типа частушек.

Издан сборник недурно, но сброшюрован чисто «по-русски» — все листы распадаются.

Проф. Н. Н. Фатов.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

а) Русская.

1. ПЕРЕВАЛ. Сб. № 2. *А. Лежнева.* — 2. А. НЕВЕРОВ. I. Бабы II. Захарова смерть. III. А. НЕВЕРОВ. Пропавшая страна. IV. А. НЕВЕРОВ. Повесть о бабах и др. рассказы. V. А. НЕВЕРОВ. Рассказы. *Д. Горбова.* — 3. А. БИБИК. Рассказы. *Л. Березина.* — 4. А. УЛЬЯНСКИЙ. В плену (1915 — 1918). *С. Алякринского.* — 5. Н. ВЛАСОВ-ОКСКИЙ. Синева. *А. Лежнева.* — 6. Сост. Д. БЛАГОЙ и А. ЛАВРЕЦКИЙ. Труд и борьба. Профессиональное движение в художеств. литературе. *В. Яроцкого.* — 7. ЛЕНИН В ПОЭЗИИ. Сб. под ред. Ильи Садофьева. *Г. Лелевича.* — 8. С. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ. Расея. *Федорова-Давыдова.* — 9. МАРИЯ ШКАПСКАЯ. Земные ремесла. *Л. Березина.* — 10. Б. РОМАШОВ. Федька-есаул. *В. Вольненштейна.*

ПЕРЕВАЛ. Сборник № 2. Государственное Издательство. Москва. Стр. 306.

Во втором номере «Перевала» повторяется тот же недостаток, что и в первом: слишком много стихов. Их тут целых 36, и занимают они до трех печатных листов текста. Это объясняется сильным преобладанием в группе поэтов над прозаиками — общая болезнь молодых объединений. Помимо засилья стихов есть в сборнике и другой недостаток: отсутствует центральная вещь. Такой вещью являлась в первом номере повесть Ветрова «Кедровый дух». Во втором же номере есть несколько довольно хороших повестей — «Эпизод» Кравкова, «Броневые отвалы» Платонова, «Деревенька» Дмитриева, но они ни в каком отношении не выдаются. «Броневые отвалы» написаны не скучно, с «душой», они обещают хорошего, темпераментного рассказчика. Из всех названных авторов Платонов представляется нам наиболее талантливым. Но ему надо еще много над собой работать. «Броневые отвалы» — больше обещание, чем достижение (отметим мимоходом яв-

ственное влияние Арт. Веселого). «Деревенька» Дмитриева — вещь некрупного охвата действительности, не более, как картинка из жизни современной деревни, хотя и характерная. Но написана она с привлекательной простотой, естественностью, свободой, без претензий. «Эпизод» Кравкова имеет довольно занимательный и сложный сюжет из гражданской войны. Читается повесть легко. Образы действующих лиц обрисованы четко, но несколько поверхностно. В целом вещь не производит впечатления свежести: такого рода повести пишутся теперь часто.

Интересны деревенские очерки Путешественника «Берестяной свиток», интересны своим материалом, острой наблюдательностью, живостью передачи, остроумием. Но они испорчены манерной изысканностью стиля. У автора почти имажинистское пристрастие к образу. Иногда этот образ удачен — «широкие полотнища песни», «узорный бубен зимней вьюги», «вещая птица святочных сумерок», —но часто он банален и лубочно аляповат, вместо того, чтобы быть красочным: «жуткое зеленое пламя гадюки» (о сибирской язве), «пушистая змейка молнии», «голубая белка» и «рубиновый венец огня», «черное солнце глаз», «белая дрожь сердечка», песня как «белый нежный голубь», день как «прекрасный голубой гость прекрасной земли», «огненные врата заката» и т. д.

Значительно проще, хотя и серее, путевые наброски А. Костерина «По Чечне»

Из стихов, отличающихся довольно высоким средним уровнем, надо отметить хорошие, крепкие, выразительные вещи Эркина, романтическое «На станции» Макарова и проникнутые мягким юмором «Гнедые стихи» В. Наседкина. Насыщенные и яркие по образам вещи Кауричева отдают Буниным с его холодной красочностью. Крепкая звуковая ткань в стихах Д. Петровского «Походная кавалерийская» и «Казачья девичья песня».

Р. Акульшин дал, помимо своих колоритных деревенских картинок, еще интересную историю возникновения нового «советского» заговора (от болезней) «заклятие Лениным и Троцким», историю, в которой видно, как иногда странно, причудливо переплетаются в деревне элементы нового с остатками темнейшей старины, с суеверием и т. д.

Д. Лежнев.

АЛЕКСАНДР НЕВЕРОВ. Пропащая страна. Рассказы. Изд. «Земля и Фабрика». Москва — Ленинград 1924 г. Стр. 239.

ЕГО ЖЕ. Рассказы. То же издательство. М. — Л. 1924. Стр. 78.

ЕГО ЖЕ. Повесть о бабах и др. рассказы. То же издательство. 1924. Стр. 97.

ЕГО ЖЕ. Захарова смерть. Пьеса в 4 д. «Уралкнига», Свердловск 1924. Стр. 47.

ЕГО ЖЕ. Бабы. Пьеса в 4 д. То же издательство. 1924 г. Стр. 52.

Даже собранные в этих книжках рассказы и драмы Неверова, — в сущности для этого автора второстепенные — еще раз напоминают читателю, какую крупную художественную силу мы потеряли в его лице. Стиль Неверова, определяемый великой простотой отношения этого художника к миру, прозрачен и позволяет видеть эту творческую индивидуальность беспрепятственно — до самых ее социальных корней. В лице Неверова по-октябрьская литература имела художника-крестьянина, по крестьянина, втянутого в советский оборот; того самого, который перешагнул Октябрьский рубеж и прошел годы гражданской войны, шагая как художник вслед за рабочим классом. Оттого-то каждая строка, вылившаяся из-под его пера со всей непритязательной яркостью низового, подлинно-народного искусства, нужна и убедительна.

Сила Неверовской прозы в том же, в чем сила Кольцовской поэзии. Эти два явления однородны, хотя отнюдь не однозначны по своему социальному весу: гениальному мещанину-самоучке, выросшему в царско-дворянской России, не сравняться с писателем-крестьянином наших дней ни в охвате творчества, ни в глубине тех социальных пластов, в

которые оно уходит корнями. Оттого-то наивный, как Кольцов, широко-раскрытыми голубыми глазами глядящий на мир Неверов сумел подметить в этом мире великое разнообразие, услышать гром общественных потрясений и стук строительных молотков — громадное биение классовой воли, упрямо утверждающей жизнь в самых разрывах социальной борьбы, — все то, что осталось совершенно незнакомым для его предшественника.

В судьбе Неверова как художника выразился весь внутренний рост передового крестьянства, которым оно обязано Октябрю. Этим обстоятельством определяется ценность второстепенных выражений Неверовского творчества, собранных в рецензируемых книжках.

«Пропавшая страна» — сборник ранних рассказов Неверова, написанных им в 1910—1917 г.г. Технически писатель здесь вполне зрел. В таких очерках, как «Пропавшая страна», «Преступники», «Дома» и др., Неверов, как мастер, дан уже целиком. Но еще не прошло над этими страницами дыхание Октября, и писатель в них как бы сгорблен придавившей его тяжестью крестьянского быта, который, «как длинная грубая холстина, соткан из несчастий».

Вот как размышляет здесь крестьянин об участи, ожидающей его детей (в том случае, если не исполнится его искреннее, с мукой в сердце выношенное желание их скорейшей смерти): «На какую дорогу поставишь? Ха. В ресторан? Кати в ресторан. Дуй его в ресторан! В самый лучший, в самый господский, чай разносить. По своей дороге? Пускай по своей дороге. В кучу его, в навоз его глубже, на самое дно его, вот так! Петишку? Ха. Куда же Петишку? В кучера? Дуй его в кучера, к барину его, к Ивану Михайлычу. Малиновые вожжи, ременный кнут. Н-но, пошел! Дин-динь-динь! Черти — не кони, так и гнутся, так и выгибаются. А Тарася? А Ольку? А Польку? Их в какое место?» (расск. «Егорка родился»).

Безысходностью отмечены все без исключения рассказы этого сборника, объединяющего до-октябрьские рассказы Неверова. Крестьянство явно не знает здесь, на что ему опереться в своей глухой потребности в борьбе: город олицетворен для него барином, а не рабочим. И здесь — водораздел между до-октябрьскими вещами писателя и его «Ташкентом», «Андроном Непутевым», но также и остальными рецензируемыми сборниками, где собраны его мелкие по-октябрьские работы.

Интеллигента Г. Успенского «выпрямила» когда-то Луврская Венера,— прекрасное произведение искусства, внушающее веру в человека, сильного и способного к жизни и борьбе. Неверов был выпрямлен пролетарской революцией. После Октября все вопросы, мучившие его в крестьянском быту, встали перед его художническим взглядом в новом, жизнеутверждающем и, что особенно важно, революционно волевом освещении. Доля крестьянки (рассказы «Повесть о бабах», «Головка», «Тревога», драма «Бабы»), также, как и значение женщины других классов («Нина», «Из моей жизни»); деревенская молодежь (драма «Захарова смерть», повесть «Шкрабы»); борьба старого и нового быта в деревне («Захарова смерть», «Головка» и мн. др.),—все это разработано в ярких, радостных, порою даже дерзких тонах (последнее неведомо до-октябрьскому Неверову). Новая деревня властно двинулась в поле зрения Неверова и встречена им радостным откликом. По-мужичьи зорко и добродушно изображен им быт деревенской интеллигенции (рассказ «Шкрабы») и резко-насмешливо—действия иного зарвавшегося партийца (рассказы «Единогласно», «Милостивый государь», «Чванство»). Неверов, как чуткий представитель крестьянства, понимает все классовое значение гражданской войны, и она получает в его мелких вещах яркое выражение (драма «Захарова смерть», посмертный рассказ «Из моей жизни»). Как раз в последнем своем посмертном рассказе «Из моей жизни» им окончательно сформулирован тот жизненный принцип, который утвержден пролетариатом в боях и полит рабочей и крестьянской кровью. «Мы сильны только в единении»,—повторяет Неверов устами героини рассказа завет, данный ей погибшим в стычке с казаками рабочим-коммунистом Тархановым, начальником красного отряда.

Для всякого, ищущего в художественном слове воплощения нашей многогранной общественности, мелкие произведения покойного Неверова поучительны своим огромным социальным смыслом, который раскрыт автором со всей непосредственностью этого литератора-крестьянина.

Д. Горбов.

А. БИБИК. Рассказы. Государственное Издательство. Москва. Стр. 95.

Рассказы Бибика дают ряд картин из рабочей жизни до-революционного периода. Жизнь эта изображается с ее будничной, серой стороны. Не моменты борьбы, а то, что случается изо дня в день, ткань повседневности, «мелочи», оставляющие горький осадок. Рабочий возвращается с работы. Он устал. Ему хочется отдохнуть, поразвлечься. У него есть деньги, получка. Но всюду его попытки отвести душу, рассеяться, почувствовать себя равноправным человеком наталкиваются на презрительное противодействие окружающих. Словно не заработал он свои деньги, а украл. С горя он отправляется в притон («Заработал»). Два приятеля, кузнец и токарь, отправляются в заветное путешествие, к южному морю, в Крым. Но и южное море не так доступно, как они думали. Пляж, на котором они собрались-было выкупаться, оказывается частной собственностью. Их оттуда гонят. Но они уже не робкие, покорные люди, какими были их отцы, у них есть классовая, пролетарская гордость и независимость, уменье постоять за себя. Они это доказывают на деле и дают своим «гопителям» прекрасный урок («К морю»).

Таких классовых столкновений в «мелочах» у Бибика мы встретим много. Можно даже сказать, что его излюбленный прием заключается в том, чтобы показать всю резкость классовой противоположности или классового гнета на сравнительно мелком примере, на каком-нибудь ординарнейшем факте. В рецензируемой книге есть только одна вещь, которая как будто выходит за рамки бытовой картины (хотя подчеркиваем — бытовые картины у Бибика никогда не бывают просто фотографическими снимками, неизбежно плоскими, но, напротив того, раскрывают в мелком факте большую идею). Это — «Приятели», история рабочего-подростка, становящегося революционером. Но внутренний ход развития Леньки не показан, — и читатель не видит, почему и как Ленька стал революционером. Или, вернее, видит, но недостаточно.

Написаны рассказы Бибика в старой знаньевской манере (это и не удивительно, автор их писал в 1905—1912 г.г.), со срывами на лирических и описательных местах. Но они искренни и правдивы и могут быть и сейчас прочтены с интересом.

Л. Березин.

А. УЛЬЯНСКИЙ. В плену (1915—1918). Ленгиз. 1925. Стр. 167.

Скромная, правдивая книжка очерков, скорее мемуарной, чем художественной складки, из жизни наших военнопленных в Австро-Венгрии.

Полутюремный, будничный быт людей, помимо воли очутившихся за кулисами мировой трагедии! после первого же акта. Наблюдательный автор не претендует на глубину психологических обобщений и на исчерпывающую полноту событий и характеристик. Ровный, примиренный тон повествования о недавнем еще прошлом, но уже заглушенном неугомонным вращением жерновов истории. Лучшее в книжке — рассказ «Пленный Снель» — читается, как увлекавшие когда-то гамсуновские повествования о мечтателях-бродягах и о миловидных «фру», этих рабочих пчелах, умеющих и больно жалить любовью попадающего в их сытно-сотовые рамки быта фантазера-трутня. Вот Снель мечтательно уставился на синеющие горы, за которыми видит свою свободу, забывая вовремя подать свой сноп на молотилку. Он постоянно взвешивает мысли — «в праве» бежать или «не в праве» этого делать.

Причины нерешительности — в миловидной Анне, дочери фермера, которому он сдан на работу. Она же и наедине со Снелем думает лишь, как бы эта «доба-

вочная» рабочая сила не выскользнула из ее рук, обязанных охранять ее лишь для нужд хозяйства, в которой все должно быть «ordentlich», несмотря на дезорганизующие силы войны. Поэтому Анна держит Снеля «у себя на глазах», предусмотрительно сняв с него куртку и сапоги. Гамсуновская же манера иронии сквозит в абрисах фигуры подпрапорщика кайзеровой службы, «сеющего цветы добра», вышитые лозунги над его кроватью, но прорастающие цветами зла на головах пленных. Четко зарисованы сами пленные на фоне вынужденного сожительства и безделья в бараках.

Все они остры на язык, их балагурство — противоядие убийственным будням плена.

Таковы: жуликоватый Мазура с повадками Хлестакова; лежебока Кунак — Обломов в миниатюре; франтоватый Тоня, бывший камердинер при «недосягаемых образцах изящества»; Мефодий, напевающий по-смердяковски «вполголоса для собственного удовольствия»: «Стритца, бритца тоже надо», или романсы, где вместо «она» фигурируют «шельма» и «стерва»; переводчик Арнольд, форсивший мадьяризацией родного языка и предъявляющий венгерской революции, лежа на кровати, свои требования «от и до». Жизнь в плену, сведенная к минимуму потребностей, одинакова для всех, выравнивает психику заключенных в нем. И все же внимательный автор подметил, как прежние навыки в жизни постепенно начинают дифференцировать людей.

Одни «залегали на нарах», а другие «выстукивали из пфеннигов колечки» «с сердцем погрудастей и стрелой позаноистей», делали обувь из обрезков и потом сбывали, а то и просто спекулировали краденым углем и солдатским барахлом.

Но автор почему-то не рассказал о каторжных работах и наказаниях, которые применялись к нашим пленным (в отличие от пленных других национальностей), как к самой неквалифицированной рабочей силе, свидетелями чему — густые шеренги их могил на кладбищах Австро-Венгрии. Годы плена, тянувшиеся скупо изо дня в день и почти полная безнадежность побегов, показанная автором в «Истории с бочкой», повергали в апатию даже самые порывистые натуры и калечили их на всю жизнь. К тому же большинство, так или иначе свыкшееся с обстановкой, часто само негодовало на «бегунов» за то, что они ухудшают только общий режим.

Жаль, что и здесь автор умолчал о тех острых конфликтах, возникавших нередко на почве засилия апатии большинства. Апогея же это убийственное равнодушие друг к другу достигло, когда пленные всей массой хлынули домой. Поступали так: «если человек ослабел, то его можно выложить на рельсы и снять сапоги с него, даже не дожидаясь пока он умрет»,— с горькой иронией и сдержанно говорит автор.

Нельзя не указать на стилистические недочеты. На стр. 54 вытянулось в 12 строк плохо-промешанное тесто мысли автора, где одно восприятие нанизывается на другое в такой последовательности: «видел», «чувствовал», «понимал», «не догадывался», «забыл» и все это втиснуто в одно предложение, в котором вязнет всякое соображение читателя. Не объяснены: «паляч», «каслики», «лушпайки», «шоки», «маруда» и другие слова жаргона, выработанного сближением германского и славянского наречий. Но автор умеет передать и тонкость ощущений: «от печки пахнет железной дорогой», имеет и свои обороты и словечки: «без малого проклявшему его отцу», «шикарные псалмы», «набрякший от алкоголя нос».

С. Дякринский.

Н. ВЛАСОВ-ОКСКИЙ. Синева. Стихи. Книгоиздательство «Неоклассики». Москва 1924. Стр. 45.

Из 22 стихотворений —21 пейзажное. Описываются: облака, закаты, восходы, звезды, солнце, месяц, лес и ручей. Употребительнейший прием—анимистическая метафора в духе народных сказок: солнце — олень (оно же баран, осетр, царевич, светолей, девочка), месяц — гусь (он же голубь, мальчик). Облака безуспешно ловят оленя и гуся, сестра ищет

брата и т. д.,—словом, история захватывающая и потрясающе - новая. Ни одного намека на современность. Да где уж там! Ни одного живого слова. Уныло, пустынно, мертво. Об оригинальности выполнения, о свежести формы можно судить по многочисленным «синим дымкам», «загрустившим полям», «звездным ризам», «сладким чарам», да по излюбленным эпитетам, вроде: безмятежный, нежный, жемчужный. Единственная вылазка автора в общественность носит наполовину комический характер:

Быт их был безобразен,
Русью владычил кнут.
Ну, и явился Разин,—
Барам настал капут.

Останавливает внимание обложка. Не из-за своей художественности, а потому, что там напечатано—черным по белому—следующее:

Книги стихов Н. Власова-Окского.
Песни Свободы. 2-е изд. Тверь (распр.).
Рубиновое завтра. Тверь (распр.).
Тишина. Тверь (Распр.).

О, Тверь! Родная сестра Чите! Есть же, оказывается, два таких города, где Чужака считают великим теоретиком, а Власова-Окского — великим поэтом.

Д. Лежнев.

Труд и борьба. Профессиональное движение в художественной литературе. Составили Д. БЛАГОЙ и А. ЛАВРЕЦКИЙ. Изд. ВЦСПС. Москва 1924. Стр. 366.

Можно сомневаться в целесообразности издания сборника выдержек из художественных произведений, в которых трактуются те или иные стороны борьбы рабочего класса — как можно сомневаться вообще в ценности сборников хрестоматийного характера. Бесспорна та истина, что каждое художественное произведение является монолитом, что ценность его в художественном отношении именно и вытекает из того факта, что оно — цельное. И как бы талантлив ни был составитель хрестоматии — он неизбежно *ослабляет* художественное впечатление, беря из такого цельного, единого произведения всего только небольшую выдержку.

Можно равным образом сомневаться в своевременности издания сборника художественных отрывков, целиком посвященных вопросам борьбы рабочего класса. Ведь не секрет, что мировая литература крайне бедна произведениями, в которых центральным эпизодом является эта борьба. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что *масса, класс* еще не стали героями художественной литературы. В еще большей мере это справедливо по отношению к профессиональному движению: вообще слабо охваченное мыслью, вообще недостаточно проработанное даже в разрезе *изучения*, оно находит отражение в изящной литературе лишь как исключение. Правда, именно за последние годы мы переживаем в этом отношении резкий поворот в западно-европейской, а еще более — в русской литературе. Растет число художественных произведений, в которых эпизоды классовых стычек и в том числе эпизоды профессионального движения находят все чаще и чаще отзвук и отображение. Все же *охват* литературой этих эпизодов чрезвычайно слаб...

Но первого рода сомнения несколько смягчаются тем соображением, что *хрестоматия* часто является единственным средством ознакомить читателя с общим характером литературы. Это в особенности относится к читателю, который лишь *начинает* самостоятельно ориентироваться в литературе и нуждается в известной помощи как в смысле подбора материала для чтения, так и в смысле пробуждения в нем интереса к чтению. Это в исключительно большой мере справедливо по отношению к литературе, у которой нет *специальных* приманок для читателя, нет ничего, что бы возбуждало *повышенный* интерес (занятность фабулы, в частности — отсюда несколько преувеличенное стремление наших издательств дать читателю «советский пинкертон»). Второе же сомнение находит противовес в том, что, как ни слабо отразились до сих пор быт и борьба рабочего в художественной литературе — такое отображение имеет место. И в мировой литературе можно

подобрать достаточно много моментов, которые с успехом будут включены в хрестоматию указанного типа...

Поэтому — несмотря на известные недоуменные вопросы, которые порождаются видом сборника, дающего отражение «профессионального движения в художественной литературе» — к изданному ВЦСПС сборнику «Труд и борьба» необходимо подойти не с точки зрения целесообразности самого издания, а в разрезе *удачности* выполнения такого замысла.

Что хотели дать составители своему читателю? Повидимому — представление о характере отражения профессионального движения в художественной литературе — не больше. Ибо они наметили не картину развития профессионального движения в художественном изображении. Для этого им необходимо было бы разбить весь сборник по периодам истории движения — для чего материал уже имеется (напр., в английской литературе мы находим пьесу «Цена шахтера» (The Pitman's Pay), относящуюся к профессиональному движению 30-х годов XIX в., «Уолтон Локк» роман Кингали, романы Дизраэли — для того же периода, «Люди, боровшиеся за нас» Кларка — для 40-х годов, для более позднего времени — пьесы Гелсворти «Серебряная коробка» и «Борьба», романы Трессола (рабочий маляр) «Оборванные филантропы», Уэлша (рабочий-углекоп) «Подземный мир» и т. д. Составители предпочли *дать* образцы художественного отображения эпизодов профессионального движения и борьбы *по странам*... Таким образом картины развития движения в сборнике нет. Нет и полноты отражения в художественной литературе каждой страны освещаемых сторон жизни. Америка представлена тремя выдержками из Синклера («Король уголь», «Джунгли» и «Христос в Вестерн Сити» — нет «Джимми Хиггинса» и «100%»), одной — из романа В. Либкнехта «Рыцари Труда» и одной — из Дж. Лондона («По ту сторону „Щели“». Скандинавские страны представляет одна выдержка из Бьернстерне-Бьернсона; забыт Андерсен Нексе и ряд других авторов, у которых можно найти не мало страниц, посвященных борьбе и не менее красочных, чем хотя бы приведенная в сборнике выдержка из Локка («Демагог и леди Файр»). Полнее всего представлен СССР, ибо в разделе «Россия» мы находим выдержки из 16 авторов...

Очевидно таким образам, что авторы руководствовались стремлением просто познакомить со всем тем, что они считали наиболее значительным в области художественного отображения профессионального движения и борьбы.

Но именно в этом отношении с ними можно и должно поспорить. Нельзя художественную Англию ограничивать только Гелсворти и Локком, когда налицо имеются романы Уэлша, когда ряд рабочих начинает писать рассказы. Если к моменту составления сборника некоторые из произведений английских авторов не были переведены на русский язык — следовало бы соответствующие выдержки перевести специально для сборника. Германия представлена Голеком, Аделаидой Попп (не беллетристическим произведением) и Герминией Мюллен. Забыты, однако, «Ткачи» (как, впрочем, забыты и «Дурные пастыри» Мирбо или «Труд» Зола для Франции)... Эти пробелы чувствуются весьма и весьма, и их следовало бы выправить в последующих изданиях этого хрестоматийного сборника.

Но, принимая во внимание, что в намерения составителей не входило, очевидно, дать *полный* сборник, как не входило и строить его хронологически — нужно признать это первое начинание, при всех промахах, удачным. В сборнике даны выдержки достаточно яркие, чтобы заинтересовать читателя, направить его внимание к художественной литературе, трактующей вопросы борьбы рабочих. А это, повидимому, все, что и можно требовать от хрестоматии. Издан сборник прилично и, учитывая его размеры, дешево.

В. Яроцкий.

Ленин в поэзии (1924—21/I—1925). Сборник под редакцией ИЛЬИ САДОФЬЕВА. Ленгиз. Ленинград 1925. Стр. 68. Тираж 20.000.

За последнее время появилось не мало стихотворных сборников, посвященных Владимиру Ильичу. Значительная их

часть совпадает друг с другом по подбору произведений. Рецензируемая книжка заключает в себе материал, в подавляющей своей части вошедший хотя бы в сборник Бориса Гусмана «Ленин в европейской поэзии». И в ряд других сборничков.

Т. Садофьев в предисловии так формулирует поставленные им перед собой задачи: «В настоящем сборнике мы помещаем лишь наиболее яркие страницы многотомной (?) Ленинской эпопеи, лишь отдельные, наиболее талантливые художественно и идеологически выдержанные стихи, распределяя их по смысловому, тематическому движению, преследуя две цели: дать наиболее крепкий и выразительный материал для чтения с эстрады и расположить материал так, чтобы книжка отдельных стихов и различных авторов читалась как одно целое сюжетное произведение». Тематическое единство составителем достигнуто.

Требовать полноты от книжки при такой формулировке ее задач не приходится. Нельзя не указать, однако, на досадный пробел. Озаглавив сборничек «Ленин в поэзии», нельзя исключать из него стихи, написанные до смерти вождя, а Садофьев исключил их. В результате отсутствуют прекрасные стихи Н. Тихонова, Демьяна Бедного, В. Казина, В. Полищука.

Сборничек цепен, между прочим, тем, что в нем полнее, чем в других книжках, представлены *ленинградские* пролетарские поэты (И. Садофьев, П. Арский, И. Ионов, В. Князев, И. Логинов и др.).

Внешность книжки невзрачная.

Г. Лелевич.

С. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ. Расея. Иллюстрации в тексте А. А. Радакова. Изд. ВВРС. Москва. Стр. 142.

Автор книги — сатирик-революционер, печатавшийся еще в 1906 году в подпольных изданиях. Иллюстратор — один из талантливейших старых русских карикатуристов плеяды «Сатирикона» и самый острый и умный среди них. Книжка представляет собою сатирическую историю России от «призвания варягов» до наших дней, написанную стихами в духе лубка. По идее своей она не нова — вспомним хотя бы соответствующее произведение А. Толстого, — но написанная человеком другой эпохи и мировоззрения, она нова как по своему идейному содержанию, так и по читателю, на которого она рассчитана. Вместо прежнего либерального фрондерства, идеологически немигуемо неустойчивого, она полна настоящей революционности, цельности отрицания и умело понятой агитационной задачи. В шуточной форме она стремится дать своему читателю не только внешнюю историю «Расеи», но и ее классовую и экономическую подоплеку. «Освобождение от татарского ига» рисуется в таком виде:

Царь и стань им поперек:
Взял да ханский весь оброк
Поволок
В свой куток.

Михаила Романова выбирали «середняки-дворяне, да торгаши-горожане», реформы Петра были выгодны для купечества, Екатерина II — дворянская царица и т. д.

Разумеется, в изложении фактов прошлого автор не всегда верен в исторической истине, но не настолько, чтобы, принимая во внимание читателя книжки, ставить это в серьезный ему упрек. Он зато, пожалуй, слишком много внимания уделяет сатире на личности, которые благодаря этому приобретают такое историческое значение, которое должно отрицать мировоззрение автора.

Книга делится на три части: первая от «призвания варягов» до избрания Михаила на царство, вторая — до воцарения Николая II, третья — царствование последнего и революции 1905 г., 1917 г. и Октябрьская. Последняя часть, совершенно естественно, разработана наиболее подробно. Здесь особенно хорошо обрисованы отношения к войне 1917 года различных социальных групп и настроения предреволюционных дней. Например:

У хлебных лавок народ
В «хвостах» часами ждет.
— «А! дошли до шпенту,—
В Расеи хлеба нету»

— «А все немцы»...
— «Глупый,
Ты у себя пощупай».
— «Полегче, — вон фараон».
— «Такого-б на фронт».

Сатира написана острым, образным и метким языком. Автор прекрасно владеет метром и постоянно его меняет, зачастую в середине строфы, что придает особую остроту его языку. Он использует самые различные метры и поэтические приемы, а в том числе былинные, прибауточные, частушечные.

Иллюстрации А. А. Радакова, в первых трех частях дополняя текст, хорошо с ним гармонируют. Художник здесь конгениален с автором, что бывает довольно редко. Слабее иллюстрации последней части, особенно относящиеся к нашей революции. Так, например, совсем слабы рисунки, изображающие Ленина, сбрасывающего меньшевиков и эсеров с корабля — России и борьбу Красной армии с белыми. Это вполне понятно, поскольку и тематика и художественные приемы иллюстраций к первым трем частям в достаточной мере лежат в плане прежнего творчества Радакова. Здесь его талант, графический и сатирический, блещет как когда-то прежде. Жирная и сочная его линия в таких рисунках как крещение в Днепре или пародия на памятник Петру Фальконета обладает изумительной гибкостью в передаче форм и силой характеристики. Пародия на картину Новосильцева «Избрание Михаила на царство», рисунки «Иван Грозный» и «Александр I набрасывает петлю на Павла» полны тонкого юмора и умелой стилистики. Общий стилистический характер этих рисунков специфически-«радаковский», близкий к «бартрамовскому» русскому стилю, несколько ныне устаревшему, но чрезвычайно «книжному» и обнаруживающему здесь, что его сатирические возможности еще не иссякли. Их лаконичность и простота делают их юмор доступным к восприятию самого широкого круга читателей.

В настоящее время, когда вопрос об издании литературы для деревни поставлен в порядок дня, переиздание этой понятной, богатой и полной революционного пафоса книги, является в высшей степени желательным.

Федоров-Давыдов.

МАРИЯ ШКАПСКАЯ. Земные ремесла. ВСП. Москва 1925. Стр. 30.

Эта маленькая и своеобразно-талантливо написанная книжка имеет одну тему, «органическую, биологическую, гинекологическую», женскую тему:

«Ах, дети, маленькие дети, как много вас могла б иметь я, вот между этих сильных ног — осуществленного бессмертья почти единственный залог».

Вся жизнь рассматривается ею с этой специфической точки зрения. «Вечно женское» (именно не женственное, а женское) выжжено клеймом в ее творчестве:

«С детских лет и до седых волос сопутствует нам этот душный запах кровавых женских лоз, цветущих на земном пороге».

Во всем мире поэт, собирающий, как пчела, «мед отстоенной печали», отметил две скорби, две муки:

У нищей девочки, стоящей на ветру,
Два пальца в варежке—спухающих и синих.
У старой девушки, озябшей поутру,
Кровати узенькой холодные простыни.

Всего сильнее Шкапская тогда, когда «гинекологическое» начало ее поэзии проявляется особенно открыто, обнаженно, когда в ее голосе слышится крик подавленного плодородия, протест против калечения матери-производительницы!

Чисто расчислен бюджет,
Детям в нем места нет.
Дети, как цветы, нежны,
Цветы бойцам не нужны.

Завтрашний день будет светел и ал,
Человек за него детей отдал.
И за это завтра, за святую ложь,
Ложится жена под нож.
В теплую плоть входит ланцет,—
Крик... взмах... больше нет.

Еще раз повторяем: стихи Шкапской талантливы. Их торжественное однообразие искупается их ясностью, определенностью, выразительной краткостью. Но слишком силен их специфический «душный запах». Вся талантливость поэтессы не может покрыть ограниченности, бедности, узости ее тем, ее мотивов.

Л. Березин.

Б. РОМАШОВ. Федька-Есаул. Драма в 3 действиях. Государственное Издательство. Москва 1924. Стр. 54.

Федька-есаул, казак-белогвардеец, уходит сражаться с большевиками; через два года возвращается на Кавказ, в станицу, на родину. Во время его отсутствия его жена, Анна, сошлась с бедным казаком-красноармейцем, Матвеем Глобой, и родила ребенка. Федька убивает ребенка, а затем, с помощью кулаков, подстерегает Матвея — и вешает его. Казаки - красноармейцы спешат на выручку, во время схватки Анна убивает Федьку — но Матвея к жизни уже не вернуть.

Пьеса эскизна: ряд мелодраматических столкновений, эпизод гражданской войны. «Федька-есаул» — название неточное: роль Федьки в пьесе не центральная; в смысле драматического напряжения, роль Анны, пожалуй, наиболее яркая. Художественная ценность «Федьки-есаула» — не в развитии драматической динамики, но в отдельных сценах, дающих живое впечатление гражданской войны. Впрочем, весьма целен и крепок первый акт: возвращение Федьки к Анне и убийство ребенка. Живописна в III акте сцена, изображающая разложение белогвардейщины: картеж, драка, убийство офицера во время перебранки и т. п. — Язык пьесы несколько искусственно подчеркнут, но выразителен, сценичен. «Федька-есаул», несмотря на свою эскизность, — один из наиболее удачных опытов на пути создания народного революционного театра. — Пьеса не требует сложной постановки.

В. Волькенштейн.

Иностранная.

1. PIERRE RAMUS. Friedenskrieger des Hinterlandes (Der Schicksalsroman eines Anarchisten im Weltkriege.). *Г. Сандомирского.* — 2. ПЬЕР АМП. Больная промышленность. *И. Гливенко.* — 3. А. БАРБЮС. Речи борца. *Л. Войтоловского.* — 4. РОМЭН РОЛЛАН. Предшественники. *В. Фриче.* — 5. ФРАНСИС де МИОМАНДР. Золотой телец. *М. Эйхенгольца.* — 6. I. ГЕОРГ ГЕРВЕГ. Стихи живого человека. II. ГЕНРИХ ГЕЙНЕ. Избранные стихотворения. *И. Гливенко.* — 7. БЛАСКО ИБАНЬЕС. Закат. *И. Гливенко.* — 8. ОСКАР-МАРИА ГРАФ. Пережитое. *И. Кубикова.* — 9. ПАУЛЬ ЦЕХ. Черный Ваал. *А. Луначарской.*

PIERRE RAMUS. Friedenskrieger des Hinterlandes. (Der Schicksalsroman eines Anarchisten im Weltkriege), — bei H. Müllecker Mannheim 1924. Seiten IV+400.

ПЬЕР РАМУС. Борец за мир (Приключения одного анархиста во время мировой войны). Изд. Г. Мюллекера. Маннгейм 1924. Стр. IV+400.

Автор книги — вождь анархистского движения в Австрии, где, благодаря его личному влиянию в рабочей среде, оно приобрело толстовско-пацифистский характер.

В цитируемой книге Рамус несколько раз заявляет, что он рассматривает анархизм как учение, противоположное «терроризму». Это, конечно, и парадоксально, и слабо. Терроризм никогда и ни для кого не был учением, а был только тактическим методом борьбы революционеров различных социальных окрасок. Да вряд ли какие-нибудь анархисты, кроме толстовцев, согласятся с таким определением.

Но не в этих рассуждениях — ценность книги Рамуса. Это — один из глубочайших по своему содержанию «человеческих документов», какие прихо-

дилось встречать за последние годы. В ней причудливо переплетаются личные переживания Рамуса, его жены и многих других антимилитаристов, поплатившихся тюрьмой за свое отрицательное отношение к империалистской войне, с любопытными документальными данными, свидетельствующими о том произволе, который царил во время войны в Австрии. Несмотря на то, что дипломатия центральных держав была теснейшим образом связана между собой, самый фон разлагающейся Австро-Венгрии, на котором разыгрываются события, описываемые Рамусом, так значительно разнится от германского, что в этом одном обстоятельстве можно найти причину повышенного интереса, с которым эта книга читается. Если в Германии — и в правительственных сферах, и в различных классах общества — царило сознание превосходства над врагом, то Австрия представляла собой, напротив, олицетворенную растерянность. Своеобразный характер событиям в Австро-Венгрии придавала еще разноплеменность ее населения, создававшая сложный узел взаимоотношений между отдельными народами. *Национального* патриотизма, подобного германскому, в Австрии не было. Все события — мобилизация, выселение жителей городов и местечек с насиженных мест, скорострельное правосудие, расправа с противниками войны, прекрасно описанные в книге Рамус, — все это производилось в Австрии под лозунгом *государственного патриотизма*, пытавшегося ценою народной крови спасти расшатанное здание лоскутной монархии. Как анархист, с большим уклоном к индивидуализму и толстовству, Рамус видит в войне порождение *исключительно государства*. Но хочет или не хочет этого Рамус, — он дает в своей книге глубокий анализ *классовой* сущности империалистской войны. Для австрийского правительства, находившегося в состоянии перманентной растерянности, объявление войны явилось предлогом к немедленной расправе со всеми врагами. В первую голову были арестованы анархисты, антимилитаристы и т. д. Книга Рамуса, кстати сказать, является одним из многочисленных обвинительных документов против социал-демократии, заклеймившей себя и в Австрии позорным поведением во время войны. Во всех тех гражданских и военных тюрьмах, через которые пришлось пройти Рамусу и его товарищам, они не встретили за все время войны *ни одного социал-демократа*. ЦК австрийских с.-д. призывал своих товарищей по партии «воздерживаться от каких бы то ни было незаконных актов, которые могли бы повредить партии». Все более или менее видные революционеры были тщательно выловлены австрийской полицией и брошены в военные тюрьмы; многие — «в ускоренном порядке» были расстреляны. Но, наряду с этими сознательными борцами, в жестокие лапы явной и тайной полиции попадали и люди, ровно ни в чем не повинные. «Подозрение в шпионстве» — так гласило в подобных случаях грозное обвинение. На арестованного возлагалась властями задача — доказать, что он не шпион. Рамус дает целый ряд превосходно очерченных типов из разноязычной среды арестованных по такому подозрению. Само собой ясно, что эти люди в тюрьме из верноподданных превращались в сознательных врагов правительства. Несколько случаев «разложения» подобных патриотов описаны мастерски. Интереснее всех заключенных — некто Блеховиц, арестованный без всякого основания по подозрению в шпионстве. Этот Блеховиц ненавидел войну всем своим нутром, но он никогда не был революционером, действующим активно. До того момента, как вспыхнула война, Блеховиц занимался какими-то мелкими торговыми делами, но был внезапно арестован «по подозрению». Блеховиц и его злосчастные приключения описаны Рамусом с исключительным мастерством. Этого Блеховица предписано было из военной тюрьмы в Вене доставить в Перемышль. Когда он узнал об этом, Б. сейчас же заявил всем сокамерникам, что такое предписание равносильно смертному приговору. В Перемышле, где начальство было одержимо постоянным страхом перед наступавшими русскими, царил неслыханный произвол. Никаких гарантий даже скорострельного суда для арестованных не было. Доставка в Перемышль была

равносильна расстрелу. Когда за Блеховицем пришла стража, все сокамерники оплакивали его и провожали, как человека обреченного. В сопровождении бездушного адъютанта и двух забитых солдат Б. едет в Перемышль навстречу своей верной гибели. Мучительно тянется дорога. Адъютант все время держит в своих руках блестящий револьвер, давая этим Блеховицу понять, что при попытке к побегу ему не миновать смерти. Солдаты,--бессловесные орудия в руках офицера,—видимо, сочувствуют арестованному, но сделать, конечно, ничего не могут. Никакие мольбы,- обращенные Б. к офицеру-машине, не помогают... Время от времени, зевая от скуки, адъютант вступает с Б. в разговор на жгучую тему — о войне. И когда пленному кажется, что он своими логическими доводами пробудил человеческие чувства в офицере, он начинает умолять адъютанта оставить его где-нибудь по пути, в пересыльной тюрьме. Он уверен, что всюду, кроме Перемышля, его выслушают и оправдают, но офицер неумолим.

Между тем, путь на Перемышль становится все затруднительнее. На одной из промежуточных станций офицер узнает, что русские успешно продвигаются вперед и, может быть, уже заняли Перемышль, Блеховиц с удвоенным жаром начинает просить офицера изменить маршрут. Но легче убедить неодушевленный предмет, чем его. И только когда в пути окончательно выясняется невозможность благополучного прибытия в Перемышль, адъютант, под явным давлением двух солдат, соглашается, наконец, отпустить Б. на все четыре стороны, а сам со своими солдатами сдается в плен русским.

Есть несколько прекрасных страниц (быть может, самых лучших в увлекательной книге Рамуса), заслуживающих быть отмеченными особо в описании кошмарного путешествия Б. Поезд мучительно медленно тащится где-то за Одербергом. Впрочем, арестанту не приходится очень сожалеть об этом. Ведь каждая минута приближала его к Перемышлю, т.-е. к верной смерти. Уныло разглядывает он и сопровождающие его солдаты мимо бегущий ландшафт. Вдруг из лесу, мимо которого проходит поезд, показываются двое всадников-охотников, преследующих какую-то дичь. К окну подходит адъютант и вместе с остальными следит за картиной охоты.

— Вот видите, — обращается он к Б., точно желая закончить прерванный спор. — Охота — вернейшая эмблема нашей жизни. Сильные и ловкие охотятся за слабыми. Человек — за зверем. Крупные звери — за мелкой добычей и т. д.

Никакие указания Б. на то, что у животных внутри одного и того же вида не наблюдается взаимных преследований, как у людей, не могли, конечно, убедить офицера. Они говорили на разных языках. Б. — об идеальном состоянии общества; грубый адъютант брал жизнь так, как она есть.

Для буржуазного строя, породившего войны, охота, действительно, является лучшей эмблемой. Сильные, ловкие хищники не только живут за счет обездоленных, но и считают это своим неотъемлемым и неоспоримым правом. Для сомневающихся в этом уготованы крепкие военные тюрьмы и эшафоты. За это сомнение в праве буржуазии вести правильную охоту на пролетариат в капиталистических странах пострадал и сам автор. Для знавших царские застенки австрийские тюрьмы в описании Рамуса не покажутся Дантовым адом, но все же в них страшно было обезличивающее, мертвящее начало, лежащее в основе всей буржуазной «культуры» Запада.

Книга Рамуса — не только прекрасно написанный человеческий документ, но и сильный удар по этой подлой системе милитаризма, соединенного с отвратительными пережитками средневековья, воскресающего перед каждой войной.

Г. Сандомирский.

ПЬЕР АМП. Больная промышленность. Перев. с французского А. Альтовского. Предисловия Б. Суварина. Государственное Издательство. Москва. Стр. 342 + 8.

Пьер Амп — один из наиболее интересных и серьезных современных французских писателей и в то же время один из наименее известных у нас. А между тем,

несмотря на исключительные трудности, которые представляет для перевода язык этого писателя, следовало бы поискать соответствующих переводчиков, чтобы дать широким кругам русских читателей действительно хорошую французскую книгу вместо многого другого, что ему преподносят под видом «жизненной правды» В. Маргерита и т. п.

Рецензируемая книга с неудачно переведенным заглавием (французское заглавие «Les métiers blessés) представляет собой в смысле литературном явление очень оригинальное: это не беллетристика, но в то же время это не есть и публицистика. Это какое-то своеобразное и очень талантливое соединение того и другого. Это ряд статей, объединенных под одним общим заглавием и трактующих о труде, или, вернее сказать, о трудящихся. Заработная плата, рабочий день, женский труд, технические изобретения, жилища рабочих, текстильное производство, устройство рынков в Париже, беспризорные дети, Рескин и Тэйлор, уменьшение населения и т. д. и т. д.,—одним словом, самые разнообразные вопросы, связанные с той или иной отраслью человеческой работы, с захватывающим для читателя интересом рассматриваются и иллюстрируются автором с необычайной экспрессией, которой он достигает ему одному свойственными приемами. Нельзя не согласиться с Б. Сувариным, который в следующих словах оценивает дарование Ампа: «...для его изложения характерно употребление профессионального словаря, языка «человека ремесла». Технические термины, странно звучащие для непосвященных, сухие планы процессов производства, чисто материальные данные, числа, математические, механические, физические и химические формулы — таковы средства писателя, воспевающего «Непобедимый Труд». Он добивается эстетических эффектов часто силы непреодолимой. Он сообщает своей теме величие, решительно отказываясь от всякой риторики, заменяя абстракции лапидарным красноречием, основанным на точности, цифрах, аккуратности, подробных описаниях, на мере, весе, расстоянии, измерении напряжения, исчислении силы и скорости».

Исключительные по силе впечатления страницы посвящает автор французской женщине-работнице, высоко оценивая ее способности ко всякому физическому труду и в то же время требуя, во имя спасения детей, освобождения женщины от работ на заводах и фабриках. «Страна, которая истощает своих женщин из-за временных промышленных выгод, губит сама себя». То, что еврейское пророчество назначило человеческой семье в виде наказания,—женщине быть у домашнего очага и в болезнях рождать детей, а мужчине обрабатывать землю,—ныне является еще недостигнутым идеалом. «Вся поэтическая ярость священного писания,—говорит Амп,—не назначила женщине худшего наказания, чем ее современное социальное положение».

Жуткие картины дает нам автор в главе «Трущобные жилища». Некоторые строки полны негодования, едкого сарказма: дав великолепное изображение улицы Роапель в г. Сент-Этьене, ужасающей по своим жилищным условиям, в которых ютится беднота, Амп пишет: «Украшение города С.-Этьена, предпринятое муниципалитетом, отнюдь не предполагало уничтожения этого квартала. Более срочной считалась постановка статуй на площадях: бронзовая лань и статуя свободы, освещающая мир». «Известно, что французы — народ артистический». Глубокой лирической грустью насыщена глава «Умерщвленная земля», рисующая картины разрушений, вызванных войной.

Трудно в журнальной рецензии передать все разнообразие содержания этой книги, включающей в себя огромное богатство сведений о разнообразных сторонах человеческого труда. Автор поражает читателя своим всесторонним знанием всевозможных отраслей труда, изнуряющего человечество. Отсутствие какого бы то ни было сентиментализма, мастерское изложение, подавляющее читателя фактами, глубокое чувство автора, которое скрывается за этими цифрами и документами, придают всему произведению неопровержимую убедительность и ценность более, чем эстетическую.

Вот почему эту книгу полезно прочесть как можно большему числу самых разнообразных читателей.

И. Гливенко.

АНРИ БАРБЮС. Речи борца. Перевод В. Ещина. Госуд. Издат. М. 1924 г. Стр. 219.

Это—одна из тех книг, в которых нуждается современность. И дело тут не столько в драматической страстности языка и даже не в верности и основательности излагаемых мыслей, сколько в гармоническом сочетании пера и натуры. Талант журналиста и темперамент бойца, отточенная искренность фразы и неподкупная честность гражданина соединились здесь вместе, чтобы превратить эту книгу в красноречивую исповедь революционера наших дней; или, точнее, чтобы исповедь революционера превратилась в книгу, которая обнаруживает всю бурную и бьющую через край красоту и повелительное могущество революции. Речь за речью, статья за статьей на наших глазах перевооружается и перестраивается весь внутренний мир Барбюса. К началу войны Барбюс — типичный мечтательный интеллигент, полный благонамеренного патриотизма, воинственного рвения и социалистических фраз. Свободный от воинской повинности, А. Барбюс добровольцем уезжает на фронт и в течение 23 месяцев остается в качестве простого пехотного солдата на передовых позициях. Здесь его оборонческая мысль, такая красноречивая и решительная в первые дни («ты борешься за справедливость и освобождение человечества и только за это», стр. 9), подвергается окопной переработке. Война раскрыла свой лик, расшифровала свое замаскированное имя: потоки крови, грабежи, разорение, гнусная, бессмысленная резня и груды развалин. И уже через два месяца после начала войны Барбюс пишет в статье «Писатели и утопия»: «Если в настоящее время требуется еще подбодрять достойное изумления подвижничество наших солдат, число которых тает с каждой минутой, то как можно себе позволить поддерживать в них этот жертвенный пыл, если это делается не ради единственно верной, реальной и осязательной цели настоящей войны: ради прекращения войн!» (стр. 33). А месяцем позже, еще решительнее и тверже: «Только в день, когда все эти темные народные массы, это пушечное мясо, эти люди, которых истребляют целыми пачками, как скот, на огромном протяжении откроют глаза и вооружатся сознанием; только в день, когда они возьмут в свои руки власть... ударит час прекращения войны на земле» (стр. 39). Тонкий художник и чуткий журналист, Анри Барбюс чувствует приближение этого часа, этот революционный трепет низов, явственно ощущает грозовые толчки, идущие из глубины солдатских сердец, и горячо устремляется таким же отважным добровольцем на эту битву за человеческое возрождение.

С неукротимой яростью говорит он в каждой статье, в каждой речи о темной власти ханжей, лицемеров и насильников. Сам переживший всю глубину окопного драматизма, он с гневом и ужасом твердит о реках солдатской крови. Он призывает интеллигенцию итти навстречу живым народным массам. Революционная мощь Барбюса достигает особого напряжения в речах, носящих изобличительный характер, как, напр., «Мы обвиняем!» (стр. 137), «Русская революция и долг трудящихся» (стр. 143), «Молчание мертвых» (стр. 92), «Габриэлю д'Аннунцио» (стр. 80). Перевод слабоватый. Фраза построена тяжело, местами напыщенно. Чувствуется, что книге нехватает окрыленной сжатости подлинника.

Л. Войтоловский.

РОМЭН РОЛЛАН. Предшественники. Перевод Н. Г. Михайловой, под редакцией А. Горлина. Ленгиз. Ленинград. Стр. 208.

Эта книга Р. Роллана — публицистический pendant к его роману «Клерамбо». Мужественно подняв свой одинокий голос против империалистической бойни, наносившей смертельный удар его идеалу мирного и братского сотрудничества народов на ниве единой общей духовной культуры, Р. Роллан ждал

с страстным нетерпением, не раздадутся ли во Франции или в других странах родственные голоса, и когда они постепенно стали раздаваться, когда началась перекличка затерявшихся среди милитаристического грохота единомышленников, он поспешил заложить основание некоему интернационалу противников войны... Среди его «предшественников» мы тщетно будем искать представителей левого революционного крыла социал-демократии, хотя они — циммервальдцы и кинтальцы — собирались в той самой Швейцарии, где жил Р. Роллан. Тем восторженнее зафиксированы антивоенные выступления интеллигенции, писателей, как Барбюс или Ляцко, ученых, как Николаи, и т. д. И совершенно естественно, что все эти выступления как самого автора «Жана Кристофа», так и регистрируемых им деятелей пера кульминируют в манифесте, обращенном к международной «внеклассовой» интеллигенции, которая чтит только «истину», не считаясь «с границами стран и предрассудками каст и наций», к интеллигенции, которая работает для «всего человечества», идущего среди страданий и падений к идеалу братского союза народов во имя торжества культуры, ибо только эта передовая «внеклассовая» международная интеллигенция является для автора «Жана Кристофа» носительницей прогресса и вершительницей истории. Свидетельствуя о личном мужестве и честности Р. Роллана, эта книга вместе с тем вскрывает всю безнадежную утопичность его интеллигентского мировоззрения. И в этом преимущественно ее поучительность для нас. Может быть, следовало бы присоединить к статьям Р. Роллана против войны его письма, которыми он обменивался с поэтом-«толстовцем» Жув, автором «Vous êtes des hommes», они опубликованы Жувом в его книге: «R. Rolland pendant la guerre».

Статьям Р. Роллана предпослано дельное предисловие, подписанное инициалами С. В.

В. Фриче.

ФРАНСИС ДЕ МИОМАНДР. Золотой телец. Перевод Ады Оношкович-Яцына. Редакция М. Лозинского. Всемирная литература. Государственное Издательство. Москва—Ленинград 1924. Стр. 248.

Миомандр неизвестен русскому читателю. Звезда этого писателя из Прованса как бы случайно взошла на литературном небе Парижа, когда молодой писатель (род. в 1880 г.) в 1908 г. получил без личной инициативы Гонкуровскую премию за свой роман «Écrit sur de l'eau». С той поры начинается художественная деятельность Миомандра в Париже — от продавца картин у Бернгейма до постановщика в своем театре марионеток, прославившемся постановкой «Золотой головы» П. Клоделя. Лучший роман Миомандра «Приключение Терезы Бошам». Им написаны: «Хижина любви», «Прерванный дневник», критические статьи о литературе — «Образы вчерашнего и сегодняшнего дня» и другое.

Можно сказать, Миомандр — писатель областной: его творчество определяется родным югом, излюбленное место действия его романов — Грасс, Экс, Марсель и Восток, воспринятый в воображении. Характерно в этом отношении его «Путешествие домоседа». В своих романах Миомандр защищает «священные права неправдоподобного»; они преимущественно авантюрны, что позволяет ему быть «непропорциональным». «Вот модель непропорционального жанра»,—говорит он об одном своем произведении. Его вступительные слова к другому: «Если тебе знакомы чары досуга и уклонов, ты оценишь мою книгу».

Указанными свойствами обладает и «Золотой телец», точнее «Золотой телец и фараонова корова» («Le veau d'or et la vache enragée»). При этом «Золотой телец» — некоторая социальная сатира, умеряемая эстетическим скептицизмом, свойственным Миомандру, увлекательному рассказчику. Главный персонаж романа — Симон де Торвиль, незлобивый «добрый малый», бедный деньгами, богатый воображением. Ненасытимое воображение (Фараонова корова), устремленное на чаемое богатство (Золотой

телец) — вот смысл романа. Замысел громадных предприятий в международном масштабе, объект которых смехотворен. Это пародируется бюстом энергичного Наполеона в жалком кабинете С. де Торвиля. Неунывающая энергия воображения, направленная на ничто. Действие в Марселе; о Востоке лишь говорят, преимущественно в письмах. Никаких статических описаний, все в динамике происшествия; острый психологический анализ необычайных положений, психологические ребусы.

Симон де Торвиль — разорившийся буржуа, прислушивавшийся к пению «промышленных сирен», его прихлебателей, живет в более чем скромной квартире, где в одной из комнат пышная серия каминов, образчиков поддельного мрамора, изобретателем которого является этот учредитель «Акционерного общества французского искусственного мрамора». Его предприятия — сатира на капиталистическое прожектерство, неизобличая, потому что тут преступления в воображении, без потерпевших, кроме самого С. де Торвиля. Это — покупка залежей фосфата, наличность которых не установлена, но об условиях продажи и эксплоатации которого говорится со ссылками на приемы «Французского банка»; это — организация с обычными методами рекламы «Акционерного общества охотников» для эксплоатации богатейшей живности в глубине Африки— на озере Фатима, оказавшемся вымыслом. Это — организация «Общества Торвиль», мирового предприятия — «Молочной мертвого моря», устройство образцовой фермы в строющемся и затем разрушенном Зорском монастыре в Палестине, фермы для выделки масла из верблюжьего молока, которым предполагается снабжать всю Азию; это — поддержка «Великого короля» Нестора Аякса (бывшего актера в действительности), претендующего на арауканский престол в Южной Америке, живущего, при обычном королевском антураже — раздаче титулов и орденов, подношениями, вернее, подачками своих верноподданных, в сущности, богатой родственницы С. де Торвиль, Батильды Брусваль. И, наконец, это — проект организации общества по добыче мела, которым предполагается снабдить все французские школы и биллиарды... но на этом книга заканчивается.

Участниками всех этих предприятий являются лица, сатирический облик которых очерчен с большой талантливостью: 1) Батильда Брусваль, поклонница королевской власти и монархических реставраций, содержащая питомник для искусственного выхаживания недоносков человеческой и куриной породы, во имя науки и своих антисоциальных инстинктов — стремления воспитать преступников; 2) мать Сент-Ансельм, родственница С. де Торвиля, в благочестивом рвении занятая постройкой на пустынном берегу Мертвого моря монастыря с сирийским борцом в качестве капеллана и деньгами от ростовщиков; 3) Константен Зомпс, «профессор», грек темного происхождения, показывающий за 4 су на бульваре в палатке «Дворец Сирены» сирену— нечто похожее на помесь тюленя с собакой, пойманную им в одно из его опасных путешествий между Сциллой и Харибдой, Калипсо, если назвать эту сирену именем, которое она носила, когда играла среди пены Циклад. Этот Зомпс становится другом С. де Торвиля, лакеем - управителем «Большого кафе трех наций», организованного женой С. де Торвиля; 4) аббат Журдин — владелец бара, превращенного в указанное кафе, который маскирует божественным провидением свои попытки нажиться за чужой счет; 5) жена С. де Торвиля, живущая в спальне, имеющей вид часовни и неизвестно чего ждущая от жизни; 6) Фюмад—бедняк, случайный продавец старых скрипок, сделавшийся учителем музыки сына Торвилей и затем управителем озера Фатимы; 7) пустая мадам Вусюр, жертва Зомпса, вследствие своей неопытности в коммерческих делах и любовного увлечения; 8) Сербек—владелец воображаемых или несуществующих залежей фосфата, озера Фатимы, которые у него покупают почти обманом. Все персонажи делятся на добродетельных и порочных, но добродетельные — не герои, а порочные — не злодеи, потому что действие развивается в атмосфере бессмыслицы. За всеми перипетиями, как deus ex machina,

мелькает брат С. де Торвиля, Паскаль, архитектор и путешественник, невольный источник почти всех «предприятий» и экзотического, восточного в романе.

Компановка глав романа Миомандра указывает, что он построен, как авантюрный жанр. Есть заглавия-рекламы: чувствительного типа, как у Шекспира в «Ромео и Юлии», чувствительно-морализующего, как у Ричардсона, типа сатирического, как у Раблэ, авантюрного, как у Эренбурга. Установка заглавий у Миомандра сатирико-авантюрная; вот главы, в которой говорится о великом короле и о великом путешественнике... в которой разрабатывается величайший проект нашего времени... в которой, наконец, видно, что можно извлечь из верблюжьего молока... в которой три листка бумаги являются очень важными действующими лицами... Роман Миомандра прежде всего занимателен.

Переведен роман хорошо, хотя есть стилистические недочеты: Алексис удрученным видом созерцал эти камины... мы потерпели серьезное разочарование в отношении жары... носил в своих глазах загнанного пса явный знак...

М. Эйхенгольц.

Революционная поэзия Запада. ГЕОРГ ГЕРВЕГ. Стихи живого человека. Пер. с нем. Б. Пастернака. Вступ. статья Г. Лелевича. Государственное Издательство. Стр. 56. Москва 1925. Тираж 4.000.

То же. ГЕНРИХ ГЕЙНЕ. Избранные стихотворения. Пер. с нем. Г. Шенгели. Вступ. статья Г. Лелевича. Государственное Издательство. Стр. 68. Тираж 4.000.

Характер сборников «Революционной поэзии Запада» не дает возможности с достаточной ясностью определить, какую группу читателей имела в виду редакция при их составлении. Если эти сборники предназначаются для читателей рабочих, то необходимо снабдить стихотворения хорошим комментарием, дать объяснение как исторических лиц и фактов, так и отдельных слов (напр., в сборнике Гейне: Мария Антуанетта, Карл I, Луи Капет, Ж.-Ж. Руссо, или таких слов, как: *Леве, суперкарго, мингер* и т. п.). В сборнике Г. Гервега такие примечания есть, но их недостаточно. Предисловия должны быть составлены тоже более популярно, без таких малопонятных слов, как король—сумасбродный *романтик*, или Беранже—певец французского *предпролетариата*. Но еще лучше было бы вместо сборников стихов отдельных поэтов дать один хороший сборник, составленный из стихотворений *разных* поэтов, куда вошли бы самые яркие и острые произведения действительно революционной поэзии.

Если эти книжки предназначаются для учащейся молодежи, то соответственно должен измениться и характер предисловий и примечаний. Но и для этой группы читателей сборник из произведений разных писателей был бы также целесообразнее.

Нельзя сказать, что рецензируемые сборники плохи, отнюдь нет: и переводы Шенгели и Пастернака, и предисловия Лелевича вполне удовлетворительны, если иметь в виду читателя-интеллигента. Но сколько таких читателей купят книжек из издания, выпущенного в 4.000 экземпляров, и стоило ли только для них создавать эту серию?

И. Гливенко.

БЛАСКО ИБАНЬЕС. Закат. Рассказы. Авторизованн. перев. с испанского М. Ватсон. Издат. «Время». Ленинград 1924. Стр. 132.

Три рассказа, один из которых называется «Закат». Но по существу тут три заката: закат русского эмигранта («Человек с Английской набережной») в Ницце, закат провинциального актера в Буэнос-Айресе («Актер Фонсека») и закат американского сверхмиллиардера на Ривьере. Все рассказы довольно пресны, чтобы не сказать скучны, так далеки от нашей жизни, особенно, когда читаешь наивно-сантиментальные философствования миллиардера о тщете и бесцельности богатства, что жаль и потерянного времени, потраченного на чтение, и потерянной бумаги, истраченной на

печатание этой книжки. То, что перевод является «авторизованным», к сожалению, интереса рассказов не увеличивает.

И. Гливенко.

ОСКАР-МАРИА ГРАФ. Пережитое. Пер. с немецкого. Изд. «Земля и Фабрика». 1925. Стр. 122.

Книга эта носит заманчивый подзаголовок «Из пекарни в писатели». Вот почему, беря ее в руки, представляешь себе историю пролетария, сознавшего свое место в жизни — рабочего в процессе его духовного роста. Но ничего подобного в книге нет. Перед читателем проходит совсем неинтересная жизнь мещанина-обывателя, который, правда, прошел отчасти через работу в пекарне.

Выходец из мелко-буржуазной семьи, Оскар-Мариа Граф в своей автобиографии выглядит обывателем, не связанным с рабочей массой, до конца страниц своей книги. Пекарь он был в мастерской, принадлежавшей всему их семейству. Следовательно, это даже не мастерская с антагонизмом интересов хозяина и рабочих. Но это, впрочем, не избавило его от тяжелых дней: глава мастерской, его старший брат Макс, своими побоями заставил его бежать из дома. Далее, целый ряд эпизодов, когда Оскар стремится сделаться литератором и строчит две драмы в месяц, место которым в корзине. Затем он знакомится с анархистами через своего соседа по комнате — переплетчика. Если верить автору книги, то анархисты в Германии— забавный народ, Так, напр., анархист-переплетчик приглашает Оскара Графа на тайное собрание, а он спрашивает на улице полицейского, где собрание анархистов, и попадает в полицию. Когда же он вошел в кружок анархистов, то, по настоянию сестры своей, осведомился, сколько он будет получать жалованья за участие в организации... После этого «весь зал смеялся, и все иронически на меня смотрели». Самое удивительное в этой истории — легкомыслие, с каким анархисты берут в свое конспиративное общество совершенно наивного парня, предварительно не обтесав его. Этому можно бы не поверить, но в предисловии автор уверяет: «в этих листках нет ничего вымышленного, прикрашенного или написанного с какой-либо тенденцией».

Впрочем, никаких особых подвигов он с этими анархистами и не совершает, а просто ведет пьяную канитель. Если же и есть подвиги, то вроде описанного на стр. 65, где рассказывается, как они с анархистом Шримфом задолжали трем бедным старухам за квартиру и удрали, «пока девы ушли к вечерне». Что касается пьяного обывательского существования, то об этом просто надоедает читать.

Вот пример из жизни этого представителя деклассированной богемы. Вместе со своим приятелем Юнгом они продавали букинисту книги, а «потом начиналось шатание из одного кабачка в другой, и деньги пропивались. Если было много денег, заказывали коньяк; если мало—пили пиво. К вечеру мы перебирались в артистическое кафе, занимали у знакомых. Так я познакомился со всякими литераторами, художниками и прочими завсегдатаями кафе. Здесь много философствовали, спорили или занимались психоанализом» (стр. 54). Переверните два десятка страниц — и перед вами милое препровождение времени с анархистом Шримфом: «После отчаянной попойки в ресторанчике, мы отправились ночью к дому Енке, философа пищеварения, и стали орать пьяные песни» (стр. 77). Еще несколько страниц и опять: «Постепенно я привык и начал снова заниматься литературной работой, напечатал несколько стихотворений в журналах и стал постоянно пьянствовать с Юнгом».

Правда, есть страницы, где Оскар Граф говорит о тяжести труда, который выпадал на его долю в период острой нужды. Но это его совсем не толкнуло на путь общерабочих идеалов. Он остался мещанином по своей психологии, заявляя: «Мой принцип был — работать, копить и опять к чорту». Одно время он вновь делается пекарем, но это его нисколько не приближает к общерабочим интересам. Об этом времени он только и может написать: «Я купил себе синий костюм, пару жел-

тых перчаток и рубашки. Мое имущество меня радовало. Оно было с трудом скоплено ценой отказа от самого необходимого». Можно ничего не иметь против того, что рабочий стремится прилично одеться, если это без претензий на роскошь, но когда человек из своего прошлого рабочего бытия только и может вспомнить пару желтых перчаток —это характерно.

Последние страницы посвящены пребыванию автора в солдатах во время мировой войны. Ничего значительного и здесь нет. Ярких обрисовок окружавших автора людей или живого описания событий в книге также не имеется.

В общем, скучная, серая, ни в какой мере не интересная книга представителя городского мещанства и обывательщины. И совершенно непонятно, зачем ее понадобилось переводить и издавать!

И. Кубиков.

ПАУЛЬ ЦЕХ. Черный Ваал. Ленинград 1924. Книгоиздательство «Сеятель». Стр. 140.

Пауль Цех в рассказах «Черный Ваал» развертывает перед нами жизнь шахтеров в разных ее видах. Несмотря на то, что он обладает сильным художественным талантом, с ненавистью относится к буржуазному строю и не жалеет красок для изображения тяжкой жизни шахтеров, книжка его производит отрицательное впечатление. Слишком чувствуется подход к миру интиллигента-упадочника. Его истерически-взвинченное отношение даже массу превращает в одинокое изолированное существо с ярко выраженной психологией анархизирующего интеллигента. Не силой, а отчаянием веет от всех фигур его героев, обреченных автором на гибель уже во чреве матери.

Рассказы написаны пером исступления и злого отчаяния. Всюду кровь, изуродованные члены, тупая ярость. И жизнь катится под гору с головокружительной быстротой в раскрытую жадную бездну. Его насыщенное кровью перо подхватывает несчастного и на протяжении многих страниц пытает его и без того развинченную психику самыми необыкновенными и искусными пытками из области «жестокостей» жизни для того, чтобы отбросить потом, не подарив ни лучом надежды, с каким-то жестоким отвращением под пресс машины или внезапно разверзшейся горячей массы земли.

Машины властвуют безраздельно. Шахтеры ненавидят и боятся их. Как это похоже на рабочую массу, хотя бы даже и самую бессознательную, но в существе своем всегда тяготеющую к организации, как результату коллективной власти над машинами. И разве мыслимо, чтобы эта подавленная, жадная к крови толпа имела шансы стать спасителем всего человечества? Мрачный Цех мстительно одолжил рабочим свои духовные одежды и цинически кокетничает ими.

Чрезвычайно характерен для личности самого автора последний в этом томе рассказ «Анархист».

Инженер Эрвин Валлотти, очевидно, сам Цех. Поступив на завод, он ходит среди рабочих, как бы постоянно опьяненный тем, что бродит в них. А бродит в них вот что: «Когда они оставались одни, они ударяли в породу с диким проклятием. Как будто каждый удар раздроблял череп одного из акционеров. Едкий пот вытирали со лба, точно брызги крови и куски мозга, на откршившиеся осколки породы наступали ногой так, как будто под гвоздями башмаков хрустели внутренности».

Вот что, оказывается, должны чувствовать рабочие. «А между тем масса остается равнодушной, непроницаемой стеной». Не удивительно. Лучше как можно глубже упрятать подобную кровожадность. Но анархист Валлотти, который все прекрасно видит и понимает в этой массе, не может допустить тайны и пускаскается в истерику. Он требует откровенности. «Разве вы думаете, я не чувствую вашего существования? Вы хотите, чтобы мягкость ваших чувств (хорошенькая мягкость, нечего сказать) заставила меня увидеть в вас нечто такое, чем вы не являетесь, и чего вы никогда не достигнете при помощи этого рабского копирования, если не углубитесь в себя и не выкачаете старую, ленивую кровь. Вы справедливо сознаете

мое превосходство (по правде сказать, из предыдущего этого не видать). Но не забывайте. Я выше вас только в круговороте этой работы. Я знаю, что вы называете меня убийцей, кровопийцей и могильщиком ваших стремлений. Быть может, это верно. Я открыто признаю перед вами: я тот, распять которого вы никогда не откажетесь. Но, если вы уже решились поступить так: распните меня скорее. Сегодня же. Но изгладьте с ваших лиц банальность приличия. Стряхните дремоту и восстаньте с закаленными яростью лицами, но не загрязняйте моего прозрачного спокойствия сенсационной шумихой о каком-то горизонте, который еще не имеет под собой почвы. Я ненавижу вас, на вашей коже синяки от моих ударов. Я люблю вас, как дитя, как брат, безмерно. Я падаю поперек улицы, чтобы ваши каблуки топтали меня. Плюйте на меня. Рвите и грызите меня. Забрасывайте меня в большие котельные топки,— но сорвите лживую кожу с ваших лиц. Покажите обнаженную, твердую, лоснящуюся, мускулистую жестокость. Все, что истинно в вас» (почему именно жестокость должна быть в них истинна?).

Вот она истинная природа анархиста-индивидуалиста. Полный паралич спокойного отношения к миру. Его воспаленный мозг создает самые противоестественные, самые кошмарные представления о рабочей массе. Разве они могут чувствовать иначе, чем он? А он— выброшенный из практической борьбы классов, страдающий гипертрофией чувствительности, занятый до бесконечности анализом отношения к нему мира, в конечном счете недовольный и бессильный — он именно так ощущает несправедливость к нему общества. И бедный анархист страдальчески мечется среди непролазного леса воображаемой жизни и совершает с безответственным пафосом непоправимые глупости. Мания величия, вообще легко овладевающая интеллигентом - одиночкой, разрастается у него до пределов, когда «ему становится страшно своего собственного спокойствия, глупость и отвращение, и приниженность, и половинчатость явно разрастались у его ног. Его шаги раздвигали эти ростки, чтобы он мог с бесстрастным сердцем итти вперед и возвыситься до своего назначения, своей миссии, которая была не от мира сего».

В подходящий момент он бросает крылатое слово, попавшее в тон настроению рабочей массы, и развязывает забастовку, несмотря на то, что агитатор из города находит ее по основательным причинам несвоевременной. Это называется у него: «Выйди из себя, лев. Покажи лапы, когти. Сейчас я видел только язык, и за ним не видно было даже зубов».

С мучительным напряжением он следит за нарастанием забастовочной волны и ее быстрым падением. Целый роман. Разочарования... Сомнения... Но инженер Валлотти живет полной жизнью. Стачка грозит полным поражением рабочих. Но тут наш герой решает показать собственные когти и зубы. Он устремляется по последнему пути. Если люди слабы — сильны машины. «Он вышел из здания, расправив плечи. Одна маска за другой спадала с его лица».

Он решил взорвать завод без долгих разговоров и неизвестно зачем, с полным сознанием, однако, что это приведет к нищете тысяч рабочих и их семей.

Безответственно играя с массами, с историей, он вообразил себя воистину сверхчеловеком, последняя грань разума была нарушена, для него не было ничего недоступного.

«Раскат грома пронесся над улицей. Опрокинул все на землю. Над лесом заводских зданий медленно клубился раскаленный дым. Машинное здание было сметено до основания. Крыши снесены с домом. А масса — стачечники, о которых инженер Валлотти рассуждал так: «Масса достаточно хитра для того, чтобы сберечь свою глупость, этот незаменимый источник энергии, веры и самонадеянности», с «детской верой и готовностью явилась спасать штрейкбрехеров, которые были отрезаны от мира и должны были утонуть теперь, когда насосы перестали работать». Что же делает заваривший всю эту кашу инженер Эрвин Валлотти?

«Но я ухожу. Ибо поистине мой мир — не ваш мир. Но вам должно сознать, что я был честен в самом преступлении».

Перевод в некоторых местах неудачен. Например: «Его дыхание вырывалось со свистом, как писк мыши, попавшей в ловушку». «Бархатные ворота». «Фредерик еще не ворочался неистово на розовом лоне ее чрева». «Слова его падали с клокотанием, точно капель из водосточной трубы». «В деревянных креплениях щелкало, как будто их точили тысячи червей».

А. Луначарская.

ИСКУССТВА.

1. «ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА В МАРКСИСТСКОМ ОСВЕЩЕНИИ». Сб. статей и отрывков. Сост. Столпнер и Юшкевич. *Федорова-Давыдова.* — **2. А. П. МЮЛЛЕР. Иностранные живописцы и скульптура в России.** *М. А. Гречa.* — **3. Б. ТЕРНОВЕЦ. Русские скульпторы.** *Л. Розенталя.* — **4. В. БЛОХ. П. А. Федотов.** *Г. Жиднова.* — **5. М. МАКАРЕНКО. Музей Мистецтв.** *С. Г. Гилярова* — **6. ПРОФ. Б. КАЗАНСКИЙ. Метод театра.** *В. Волькенштейна.* — **7. МУЗЫКАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА. Серия книг по музыке.** *С. Бугославского.* — **8. WALTER DAHMS. Die Offenbarung der Musik. Eine Apotheose Friedrich Nietzches.** *Евг. Браудо.* — **9. УРБАН ГАД. Кино.** *И. Лебедева.*

«Искусство и литература в марксистском освещении». Сборник статей и отрывков из произведений К. Маркса, Г. Плеханова, А. Луначарского, А. Воронского, Л. Ортодокс, Н. Бухарина, В. Фриче, Фр. Меринга, В. Гаузенштейна, Б. Арватова, Н. Чужака, Циммера и др. Ч. I. «Общие проблемы». Составили Б. Г. Столпнер и П. С. Юшкевич, Изд. т-ва «Мир». М. 19-4. Стр. 462, in 8°.

Настоятельная потребность в таком сборнике давно уже назрела, и выход его в свет порадует не одного преподавателя соответствующего вуза и его слушателей. Сборнику этому не суждено, конечно, стать учебником: для этого он и недостаточно систематичен, и недостаточно полон, а — главное — составляющие его отрывки и не для этой цели были предназначены. Но как учебное пособие, как материал для всякого рода самостоятельных работ студентов и рабфаковцев он в достаточной мере удобен. Но именно эта-то его роль — думали ли о ней или не думали его составители — и заставляет отнестись к нему сугубо серьезно и внимательно. И радует, что даже при известном придирчивом отношении нашем, обусловленном ответственностью взятой на себя его составителями задачи, общее впечатление от сборника после его рассмотрения остается в общем удовлетворительное. Несмотря на целый ряд недостатков, которые мы отметим ниже и которые в достаточной мере обусловлены новизною задачи, сборник в общем составлен удачно, со вниманием и не заключает в себе ничего такого, что заставило бы отнестись к нему отрицательно. Классификация материала отрывков по четырем главным частям: I. «Общие вопросы теории искусства», II. «Проблемы происхождения искусства», III. «О направлениях в современном искусстве» и IV. «Будущее искусства» удачна в своей четкости и включает в себя почти все важнейшие проблемы марксистского искусствопонимания. Излишним, пожалуй, можно считать лишь «Приложение», заключающее в себе отрывок из «Заметок по эстетике» Фр. Меринга. Оно разбивает четкость деления, да и вообще едва ли нужно в этом сборнике. Даваемая в нем критика идеалистической (главным образом Кантовской) эстетики содержится в достаточной для целей сборника мере в других отрывках, в нем помещенных, да и, кроме того, своим, требующим многих комментариев для неспециалиста, изложением только запутает читателя сборника. Зато уже приходится пожалеть, что составители сборника не включили в круг своих вопросов историографии, социологии искусства.

Сюда можно было бы включить соответствующий отрывок из книги J. Coulin «Die socialistischen Weltschaung in der französischen Malerei», о которой составители забыли, и не совсем удачно помещенный в § 16 отрывок из критической статьи Луначарского о Гаузенштейне. Бросается в глаза и отсутствие отрывков, посвященных вопросам о положении художников в буржуазном и будущем обществе и о вырастающей из этого положения их профессиональной психологии. А материал для этого есть, например, в специально посвященной этому книге W. Herzfelde: «Gesellschaft, Künstler und Communismus». Досадным пробелом является также отсутствие библиографии марксистской литературы по искусству. Ее необходимо было дать в конце книги.

Из более частных недостатков подбора и расположения материала отметим следующее. По вопросу «О тенденциозности в искусстве» вместо отрывка и без того, пожалуй, чрезмерно использованной статьи Бельтова (Плеханова) «Эстетическая теория Чернышевского» лучше было бы поместить очень небольшую по размерам заметку Луначарского «Агитация и искусство» (сборник «Искусство и Революция»). № 19—«Эстетический кодекс должен покоиться на широкой исторической основе»—следовало бы поставить рядом с № 3 — «Об объективных законах вкуса», поскольку в этом последнем вопрос ставится Луначарским в разрезе не биолого-физиологическом (как это дано в его же «Основах позитивной эстетики»), а социолого-историческом. Сюда же, быть может, следовало добавить и отрывок из статьи Луначарского «Об оценке» (в сборн. «Этюды»). При спорности многоразличных интерпретаций отрывка Маркса об искусстве (из «Введения в критику политической экономии») кажется несколько рискованным с педагогической точки зрения помещение непосредственно за ним Арватовской его интерпретации (№ 22), кстати сказать, озаглавленной весьма странно: «Искусство надо воспринимать не с потребительской точки зрения, а с точки зрения социально-производственной». Это, конечно, и неверно, и однобоко, как неверны и однобоки и выводы Арватова из положений Маркса. В вопросе о связи экономики и искусства совершенно недопустимо пропущена классическая пятичленная концепция Плеханова («Основные вопросы марксизма»), знать которую совершенно необходимо каждому, кто хочет понять марксистский анализ искусства, и которая дала бы значительно больше, нежели отрывок из «Литературных взглядов Белинского» (№ 24), наличие которого тоже, впрочем, небесполезно, поскольку в нем есть высказывания о роли географического «фактора».

В своем предисловии составители сборника пишут: «При отсутствии общепризнанного марксистского «эстетического кодекса» естественно, что в сборнике, претендующем отразить по возможности всесторонне марксистскую литературу по вопросам искусства, должны быть представлены по спорным пунктам различные точки зрения» (стр. IV). Положение это очень спорно, поскольку сборник этот будет, в конце концов, обслуживать не лиц, специально посвятивших себя разработке марксистского искусствопонимания, которым необходимо знать все его современные «течения» (они с ними будут знакомиться не по отдельным, зачастую случайным, отрывкам), а, главным образом, учащуюся молодежь, которой методически гораздо более полезна единая ортодоксальная точка зрения марксистского научного мышления, поскольку она все же до некоторой степени у нас в области искусства имеется. Правда, сопоставление «левых» и «ортодоксов» важно как материал для семинарских дискуссий, но даже и в этом смысле включение Чужака или Третьякова на равных началах с Плехановым вряд ли удачно. Да и потом, если это может быть полезным в вопросах «о направлениях в современном искусстве» или «будущее искусства», где отсутствие единомыслия всем известно и где выводы и оценки неминуемо гипотетичны, то уже в области теории и истории искусства оно определенно только вредно. Это слишком ответственные области, и здесь лучше уже поменьше, но зато только серьезно проработанное и твердо установленное.

Иначе читателю преподносят уже вовсе не спорное, а совершенно бесспорно-неверное утверждение, что «История формы искусства, это — история формы, а не содержания» (отрывок из Гаузенштейна «Искусство и общество»), и дело вовсе не спасено, если рядом помещена критика Гаузенштейна Луначарским.

Если составителям сборника так уже хотелось для полноты дать точку зрения Гаузенштейна на задачи социологии искусства, им следовало выбрать отрывок не из «Искусства и общества», а из его же «Опыта социологии изобразительного искусства», где Гаузенштейн ставит этот вопрос уже с гораздо меньшим формализмом и более приемлемо для марксизма. Вообще, очень жаль, что составители не использовали этой брошюры Гаузенштейна, столь удобной по своей сконденсированности и афористичности для их целей. Из нее следовало бы извлечь и весьма любопытную теорию эволюции «вещности» в эстетическом отношении людей к окружающей их действительности, но, разумеется, лишь в тех местах, где автор не привлекает к разрешению вопроса своей одиозной «религиозности».

В заключение — мелочи. «Этюды» Роланд-Гольст существуют и в русском переводе (изд. Дауге. М. 1907). В предисловии искусствознание почему-то названо «наукой о прекрасном», а искусство превращено в «самую «земную» в смысле особой отчетливости, уловимости связи искусства с материальной подпочвой».

Издана книга по внешности не слишком хорошо, на разной бумаге и с безобразной обложкой, но зато без серьезных опечаток и с неплохой печатью.

Федоров-Давыдов.

А. П. МЮЛЛЕР. Иностранные живописцы и скульпторы в России. Серия «Искусство». Редакция П. П. Муратова. Государственное Издательство. М. 1925. Стр. 96+11 иллюстраций in 8°. Тираж 3.000.

Странное впечатление производит этот выпуск среди «муратовских» книжек по искусству. Странное и по содержанию, о чем мы скажем ниже, странное и по своей внешности, как-то сразу бросающейся в глаза, создающей впечатление, что книжка А. П. Мюллер явилась каким-то «парием» среди более «знатных» и «нарядных» детищ Госиздата. Особенно показательна она по сравнению с книжкой о Врубеле. Там не пожалели материала для иллюстраций, гладкой бумаги для текста, обильного числа воспроизведений, не побоялись возвысить и продажную цену — все, кстати сказать, о художнике далеко не современном и достаточно хорошо обрисованном литературой.

Рассматриваемый же нами выпуск, захватывающий не одну сотню имен — давно необходимый *справочник* — издан необычайно скупо: не только неудовлетворительны иллюстрации-перепечатки, плоха бумага и небрежен набор, но, что гораздо важнее, книжка совершенно обесценена отсутствием какого бы то ни было указателя, исключенного редакцией или издателями, повидимому, в видах грошевой экономии.

Последнее обстоятельство свидетельствует о двойном невнимании как по отношению к автору, так и по отношению к читателю. Вероятно, спешкой или невнимательностью объясняется путаница в надписях под иллюстрациями; так, портрет работы Людерса приписан Христинеку, под изображением Полуэктова находим одно только имя художника — «Дау» без указания на изображенное лицо.

Про самую работу А. П. Мюллер мы можем сказать, что она написана вне плана «муратовской серии», будучи далеко не популярной книжкой, а весьма ценным указателем. Автором даются краткие сведения о целом ряде мастеров-иностранцев, работавших в России и какой-то стороной своего творчества повлиявших на наших художников, заслуживающих, поэтому, внимательного изучения.

Отделив фактическую часть от выводов и оценок, мы не можем не отдать должного эрудиции, знанию материала и литературы, проявленным автором. Совершенно естественны здесь некоторые поправки и замечания, которые мы можем сделать к добросовестному и старательному труду А. П. Мюллер.

О художнике Ведекинде мы можем сообщить, что нам известно одно произведение его — портрет кап. Лилиенфельда (в Остафьевском музее), подписанное на обороте и не особенно замечательное по качеству. В указанной же подмосковной находятся две миниатюры (портреты А. И. и Е. И. Вяземских), повидимому, являющиеся работами Ксавье де Местра, чей автопортрет нам пришлось видеть в собр. Н. И. Тютчева. Говоря о Делапьере, автору следовало бы упомянуть о «кусковских» вещах его (70-х годов) и о несомненном влиянии, оказанном им на Ив. Аргунова. Некоторые сведения можно было бы найти и о Шатобуре, де Куртейле и других художниках, работавших, преимущественно, на ту или иную «семью» заказчиков.

В список иностранных художников, побывавших в России, можно включить еще немца Дица, приехавшего в Петербург в 1838 г., итальянца Барбиере, жившего у Волконских и расписавшего комнаты в Суханове, его соотечественника, акварелиста Луиджи Марта, состоявшего при Е. П. Самойловой, и ряд других менее значительных имен. Исправим здесь также одну неточность: Ф. Берже пробыл в России не до 1834, а до 1839 года, когда он уехал на родину, как мы это узнаем из «СПБ Ведомостей» (№ 179 за 1839 г.).

Повторяем, что все сделанные нами указания, приведенные лишь для полноты, нисколько не умаляют значения рассматриваемой работы.

Что касается до «идеологической стороны», то она менее удалась автору. Странно звучит сейчас эпиграф из Достоевского «у русских две родины: одна— Русь, другая — Европа». Мало убедительно также утверждение: «из дюссельдорфской школы вышло наше передвижничество» (стр. 95) — точно одним только иноземным влиянием можно объяснить возникновение этого своеобразного, на русской почве возникшего, течения в живописи. Не вполне удаются автору и общие оценки, характеристики художников: «Рослена обычно мало интересует лицо и его психология» (стр. 53) (портреты Долгорукова, старухи Чернышевой явно противоречат этому). Наоборот, про Токке мы никогда не решились бы сказать, что он был «тонкий психолог» (стр. 29).

Едва ли можно утверждать также, что мелочный и механический Беннер, «ученик Изабе, довольно хорошо усвоил себе приемы его свободного, широкого, изящного письма» (стр. 73). Для нас этот миниатюрист остается все же очень сухим, кропотливым, совершенно не «свободным» мастером.

Впрочем, не оценки и характеристики были целью автора: свою задачу *справочника* он выполнил вполне хорошо и добросовестно, положив не мало труда и терпения.

А. Грач.

Б. Н. ТЕРНОВЕЦ. Русские скульпторы. Выпуск 3. Серия «Искусство». Под ред. П. П. Муратова. Государственное Издательство. Москва 1924. Стр. 48+15 илл. на отдельных листах. Тираж 3.000.

Для исследователей какую-то особую привлекательность имеют области искусства, почему-либо мало изученные и несправедливо забытые. К таковым принадлежит русская скульптура. Среди ее памятников найдется немало первоклассных произведений, но на них почти не обращают внимания при посещении наших национальных музеев. Отдельные бюсты и статуи кажутся лишь случайно сюда попавшими и лишними, мешающими движению публики. К тому же и знаем мы о русской скульптуре очень немногое. Первое и пока единственное исследование о ней Врангеля (V том «Истории русского искусства» под ред. Грабаря), хотя и написано с редкой любовностью и на основании большой предварительной работы, все же не лишено ошибок и недочетов (о них говорится и в рецензируемой книжке на стр. 6).

Впрочем, не случайно это обидное невнимание к русской скульптуре. Ведь ее развитие за последние два века не представляет собой какой-либо органической эволюции и состоит скорее из ряда отдельных эпизодов. Не было недостатка в великих мастерах, но их творчество не находилось в крепкой и сколько-нибудь постоянной связи

с культурой всей страны или господствовавших классов. Поэтому весьма благоразумно Терновец ограничивает свою задачу характеристикой отдельных художников, а не всего искусства в целом.

Небольшая, содержательная, сжато и деловито написанная книжка рассчитана на широкий круг читателей. В ней четыре главы; в трех первых из них автор сознательно следует за Врангелем. Но, в отличие от своего предшественника, Терновец избегает механического определения направления творчества того или другого мастера и с бо́льшим вниманием относится к самой пластической форме отдельных произведений. Характеристики скульпторов (особенно Растрелли, Шубина, Козловского, Мартоса, Витали), несмотря на свою вынужденную краткость, достаточно выразительны. Четко выделено основное; второстепенное не заслоняет главного. Пожалуй, упрека заслуживает лишь относительно слишком подробное описание памятника Минину и Пожарскому. Но подобное пристрастие к этой скульптуре Мартоса извинительно для москвича. Зато совершенно непростительно умолчание о замечательном анималисте Обере (1843—1917).

Четвертая глава брошюры посвящена современности. Здесь автор становится самостоятельным исследователем, так как существующая литература исчерпывается несколькими статьями Ростиславова, Волошина, Левинсона, Глаголя об отдельных художниках. Как тезис выдвинуто утверждение о первенстве Москвы в развитии русской скульптуры XX в. Довольно много, но не совсем убедительно, говорится о влиянии «импрессионизма» Родэна, занесенного в Россию впервые Паоло Трубецким. Подробнее охарактеризованы Андреев, Домагацкий, Голубкина, Матвеев, Стеллецкий, Рауш фон Траубенберг, Меркуров, Коненков. Последнему уделено очень много внимания, при чем особенно выделен его «Стенька Разин», относительно значительности которого возможны еще споры. Почему-то совсем не упомянуты Шервуд и Судьбинин. Не следовало бы забывать также о майоликах Врубеля. Случайным нам кажется сравнение Голубкиной с Достоевским; здесь сходство скорее «сюжетов», чем методов творчества.

С особым вниманием Терновец останавливается на монументальной пластике, что придает его книжке известное актуальное значение. Брошюра несомненно выполняет свое назначение: вызвать интерес к русским скульпторам.

Л. Розенталь.

В. БЛОХ. П. А. Федотов. Вып. XVIII. Серия «Искусство». Под ред. П. П. Муратова. Государственное Издательство. М. 1925. Стр. 32+8 воспроизвед. на отдельных листах. Разм. in 16°. Тираж 2.000.

Книжечка В. Блоха, просто и культурно написанная, вполне может считаться удачным опытом *популярного* очерка об интереснейшем мастере. Достаточно известна бедность литературы по русскому искусству XIX века, и среди героев этого столетия Федотов принадлежит к числу немногих, к изучению творчества которых все же подходили, за последнее время, с навыками современного научного искусствоведения: здесь должны быть упомянуты ценные работы проф. Н. И. Романова и очень важная монографическая статья Вс. Дмитриева. В. Блох и отправляется в своих точках зрения от этих исследовательских опытов [1]), давая в очень сжатой форме их выводы. Не прибавляя ничего принципиально нового к установленному в упомянутых изысканиях, он, однако, находит для отдельных произведений художника достаточно меткие и убедительные характеристики, свидетельствующие о вдумчивом отношении автора брошюры к разрабатываемой им теме. Начинающийся небольшим введением, очерк распадается на следующие главы: «Жизнь Федотова» (стр. 6—14), «Искусство Федотова» (стр. 14—27) и «Значение Федотова» (стр. 27—29). Мы вполне присоединяемся к делаемому в последней главе выводу, утверждающему органическую принадлежность

[1]) Специального указания на это не имеется, что, вероятно, вызвано популярным характером издания.

первой половине XIX в. Федотова, но, вместе с тем, думаем, что «...протягивать от него нити во вторую половину века...» (стр. 28)—не будет совсем уж «тщетным» занятием именно потому, что как бы ни безусловны эти связи оказались, все равно мы уже не признаем Федотова «родоначальником» передвижнического движения. В. Дмитриеву необходимо было все эти тут намечавшиеся нити перерезать для того, чтобы окончательно показать неосновательность точки зрения, принимавшей Федотова стоящим во главе новых исканий. Нам теперь, просто в интересах исторической истины, некоторые из порванных нитей связать нужно вновь. Не следует искать у Федотова провозвестий Крамского, В. Маковского, тем более — Репина. Но внимательное отношение с «федотовской» точки зрения к иным вещам Перова, Пукирева, Петрова и некоторых других мастеров может открыть в них много интересного, позволяющего говорить о каком-то наследии Федотова, да и не только его одного, а, вообще, художества первой половины XIX в. в передвижническом искусстве.

В заключение заметим, что иллюстрации книжки очень плохи, много уступают воспроизведениям в других выпусках той же серии. Порядочно опечаток, включительно до такого курьеза, какой имеет место на стр. 24: «...не *котирующие* перед зрителем...» вместо «не позирующие».

Г. Жидков.

М. МАКАРЕНКО. Музей Мистецтв б. ім Б. І. та В. М. Ханенко. Української Академії Наук Провідник. Вид. «Червоний Шлях». Київ 1924. Стр. 142.

Бывшее собрание Ханенко, ныне Музей Искусств Украинской Академии Наук, несмотря на исполнившееся уже пятилетие своего существования в качестве государственного музея, строго говоря, по-прежнему остается скорее любительской коллекцией. Системы в распределении экспонатов нет никакой, нумерация вещей и даже инвентарная нумерация отсутствует, подлинность их и правильность аттрибуций школ компетентно не проверены. Но собрание открыто для публики, широко посещается, и директор Музея, автор достойно в свое время отмеченного критикой «Путеводителя по Эрмитажу», счел нужным повторить свой петербургский эксперимент, — выпустил выше названный «Провідник».

«Провідник» составлен по топографическому принципу: при упомянутом отсутствии нумерации, место каждой вещи определяется относительно других, и эти определения занимают значительную часть текста книжки: «Дойдя до следующего поворота лестницы, в углу налево...», «...против входа у стены направо...», «...первый ряд картин направо в верхнем ряду...», «...ниже...», «...еще ниже...» и т. д... Ясно, что всякая перемена в размещении экспонатов, нарушив существующую топографию музея, должна сделать «Провідник» негодным для пользования. Но, очевидно, игнорируя основные требования музейной дисциплины, Н. Е. Макаренко считает настоящее положение собрания нормальным и надолго впредь не подлежащим изменению, так как «Провідник» напечатан в 2.000 экземплярах и издан весьма тщательно.

Тщательность и изящество — единственные достоинства книжки. В остальном «Провідник» совершенно неудовлетворителен. Он изобилует ошибками, неточностями, порой почти невероятными и для директора академического музея непростительными.

Погрешности в датировках вещей на 100 — 200 лет встречаются сплошь и рядом, достигая иногда до полутора тысячелетия и даже больше. Так, мраморный бюст школы Донателло выдается «Провідником» за римскую работу II в. до Р. Х. (стр. 51), к той же эпохе относится и итальянский рельеф XVI в. (стр. 20), типичный для кватроченто портрет дожа Д. Моренаго датируется концем XVI — началом XVII в., копия Мадонны della Cesta определяется, как произведение «школы Корреджо XVII в.», творчество Праксителя относится к пятому веку и т. д., и т. д. Определения некоторых анонимных вещей иногда совершенно произвольны и безосновательны (доска от Кассоне, приписываемая «Провідником» Делло Делли; гобелены

с сюжетами из Дон Кихота, исполненные будто бы по рисункам Натуара). При наличии в собрании произведений одноименных мастеров, «Провідник» всякий почти раз, как нарочно, приписывает данную вещь не действительному автору, а его соименнику (картина Питера Брейгеля младшего определяется именем Яна Брейгеля, картина Е. Г. Изабе-сына выдается за работу Ж. Б. Изабе-отца; Гильберта Ромбутса — за Теодора Ромбутса, Фр. Франкена — за Н. Франкена и т. д.).

Сюжетное содержание картин истолковывается неправильно: испанский король Карл II на портрете Кореньо назван небывалым в истории Испании именем короля Генриха II; картина Фр. Франкена «Крез показывает свои сокровища Солону» названа почему-то «Торжественное шествие»; картина Колинка, отчетливо иллюстрирующая эпизод из мифа о Фаэтоне, называется «Людские бедствия» и т. п.

Характеристики, даваемые «Провідником» отдельным художникам, по большей части ограничиваются краткими, но выразительными замечаниями: «малоизвестный мастер», «малоизвестный итальянский мастер», «малоизвестный голландский художник-жанрист», «малоизвестный перспективист» и проч. Менее краткие отнюдь не более содержательны: напр. «Себ. Франк — один из фламандского семейства художников, изображает сцены сельской жизни и городской со всеми присущими деталями и особенностями» и т. д., и т. д. Описывая порой подробно какую-нибудь мелочь, вроде серебряной табакерки русской работы XVII в. или кожаного футляра с узором, «Провідник» пропускает целые простенки с картинами таких мастеров, как Рубенс, Д. Тенирс, М. Гоббема, С. Роза и т. п. и, позабыв отметить, напр., прекрасную мраморную статую нимфы античной работы, стоящую на лестнице вестибюля музея, упоминает такие вещи, которых в музее вовсе и нет, напр., «Бронзовую статуэтку Аполлона Савроктона Праксителя»... Странно, что такая книжка вышла под фирмой «Украинской Академии Наук».

Проф. С. Гиляров.

Проф. Б. В. КАЗАНСКИЙ. Метод театра. Анализ системы Н. Н. Евреинова. Стр. 172. Academia. Ленинград 1925.

Книга проф. Казанского подлежит двойной критике: как попытка создать творческий образ Евреинова и как апология евреиновской «системы».

«...правильнее истолковывать не творчество художника из его идеологии, а, наоборот, его идеологию — из его искусства, т.-е. в его учении искать те же живые линии его тенденций, которыми живет и его искусство», — пишет проф. Казанский. Однако, вопреки своему психологически и методологически-верному утверждению, проф. Казанский в своем изложении пользуется обратным методом: анализ евреиновских пьес в книге вовсе отсутствует, а режиссерскому творчеству Евреинова посвящены немногие страницы в конце книги, при чем описание спектаклей, поставленных Евреиновым, дано в самых общих чертах и не отличается убедительной изобразительностью. Не давая наглядной реконструкции этих постановок и, нужно добавить, весьма нечетко связывая их с теоретическими рассуждениями Евреинова, автор очень живо развивает идеи Евреинова, остроумно их систематизируя и тонко проводя границу между пресловутой евреиновской «театральностью» и «мирискусническим эстетизмом». Таким образом, книга проф. Казанского — «логический портрет» Евреинова — является преимущественно историко-теоретическим рассуждением, трактатом о Евреинове-теоретике, и с этой стороны живое изложение автора можно всячески приветствовать.

Однако, если анализ системы Евреинова — или, точнее, систематизация его идей — в общем автору и удается, нельзя согласиться с преувеличенной, восторженной оценкой этих идей. Некоторое историческое значение этих некогда столь парадоксально прозвучавших утверждений и лозунгов бесспорно, но не все они равноценны и не все имели в истории русского театра равное значение. Так, несомненное влияние на судьбы русского театра имела пресловутая идея «театральности», развивае-

мая Евреиновым остроумно и самостоятельно.

Не будем преувеличивать ее философское значение: как некая универсальная «категория» жизни, она сводится к идее актуальности, к идее «творчества, как первичной, имманентной личности, функции», творчества в широком смысле, творчества, противопоставляемого творчеству художественному, — и в этом своем значении, несмотря на свое претенциозное словесное обозначение, не содержит ничего нового. Что же касается евреиновских попыток свое учение о «театральности» конкретизировать, дать «примеры театральности чистой формы», то примеры эти, обычно, обнаруживают «пристрастие к вычурному, странному, извращенному (испанская инквизиция... Франция XVIII века... Сатана, Каин, Иуда... и т. п.). Как совершенно справедливо отмечает проф. Казанский, эпоха и среда, в которой Евреинов процветал, придают его «системе» нежелательный оттенок холодного эстетизма и извращенности, суживающий смысл его учения и заглушающий здоровую проповедь творчества, Евреинову свойственную.

Евреиновская «театрализация жизни» была эффектной фразой, не более; зато это дразнящее учение имело влияние на «театрализацию» нашего театра, на создание условного русского театра, наиболее рельефным и наиболее многообразным выразителем которого явился Мейерхольд. Как ни отгораживал себя Евреинов от обычных театральных новаторов, как ни подчеркивал в себе проповедника «театрократии», он оказался, прежде всего, режиссером в ряду других режиссеров, борющихся с плоским театральным натурализмом во имя свободной творческой фантазии.

К сожалению, его режиссерская работа несколько дискредитирована его учением о «монодраме» (Евреинов рационализировал каждый свой шаг: темперамент теоретика!). Это учение, на наш взгляд, ни в какой связи с учением о «театральности», а также в практически-художественной плоскости с лучшими постановками Евреинова не находится, оно покоится на совершенно неверных психологических предпосылках, и апология этого учения — наименее убедительная часть книги проф. Казанского.

Евреинов требует «сопереживания» зрителя и героя драмы и делает отсюда ряд неожиданных и неверных выводов. Зритель, по Евреинову, должен «сопереживать» только одному действующему лицу; спектакль внешний должен являться выражением спектакля внутреннего и так как «в нашем сознании падает под порог сознания все предстоящее, на что мы сейчас не обращаем внимания» (слова Ф. Соллогуба), в спектакле меняющимся освещением должны быть выделены те предметы, которые в данный момент находятся в поле духовного зрения героя, все же остальное должно быть затемнено. Характеристики действующих лиц должны быть даны в меняющемся восприятии героя, сквозь призму его симпатий и антипатий, его состояния и настроения. Евреинов хотел противопоставить наивному реализму импрессионистическую зыбкость наших впечатлений. Театр монодрамы не осуществился — и не мог осуществиться — вследствие своей беспочвенной надуманности. Сознание здорового человека несравненно шире и сосредоточеннее, крепче, нежели евреиновская монодрама; в поле нашего сознания может весьма долго и неотступно господствовать предмет нашего внимания — особенно в моменты сильных эффектов, — при чем окружающие предметы воспринимаются чами в то же время так же беспрерывно, хоть и полусознательно; они *не исчезают*, как это утверждали Евреинов и другие сторонники монодрамы. Полные провалы сознания присущи людям в состоянии бредовом, и неудивительно, что Евреинова более всего удовлетворяли такие пьесы, как «Ганнеле» или «Черные маски» Андреева: солипсизм и импрессионизм весьма болезненного характера. И незачем, в чрезмерной заботе о зрителе, убирать со сцены путем затемнения отдельные персонажи и предметы: зритель сам будет искать сопереживания с тем действующим лицом, которое в данный момент ведет действие, уделяя остальным различной степени сознательное или полусознательное внимание. Таким образом, не говоря уже

о невозможном абсолютном сопереживании, которого искал Евреинов, самый способ достигнуть этого сопереживания более чем сомнителен. Утрированное разложение цельного потока нашего сознания на отдельные моменты разрозненных восприятий не могло дать художественных результатов; оно имело разве только некоторое лабораторное значение (подобно опытам разложения форм в живописи, характерных для раннего футуро-кубизма) и отдалило Евреинова от большой сцены. И уже ничего общего не имела с монодрамой, вопреки утверждению проф. Казанского, постановка «Орлеанской Девы» в духе народной легенды; повторяем, режиссерское творчество Евреинова с его идеями у проф. Казанского связано неотчетливо.

Современный театр развивается на пути монументального спектакля, доступного широкой массе, зрителю, неискушенному в снобической извращенности. Такому зрителю неинтересно утонченное проникновение в душу героев «мелодрамы». Здоровому зрителю современности нужны широкие картины с большим историческим, общественным захватом. Евреиновский театр отжил — да и всегда он был достоянием немногих. Но если апология Евреинова проф. Казанскому далеко не всегда удается, его книга дает ценный материал из истории русской театральной мысли, и в этом ее значение.

В. Волькенштейн.

МУЗЫКАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА. Серия книг по музыке. Изд. «Художественная печать». М. 1924 г. 6 брошюр in 16°. Тираж по 3.000.

Шесть небольших (в 1—1½ листа) брошюр, изданных под редакцией проф. В. М. Беляева, обнимают собой три типа тем: справочники для учащихся музыкальных школ, характеристики творческой деятельности отдельных композиторов, путеводители для слушателей и исполнителей оперы — исторические экскурсы с тематическим анализом.

К первому типу относятся «Учебные планы музыкально-учебных заведений РСФСР» (официальный текст) и «Таблицы по всеобщей истории музыки. 1. Древний период» М. Иванова-Борецкого. Материал, систему, да и самую историческую концепцию таблиц можно оспаривать. Разнохарактерный, часто случайный по значимости материал таблиц, разорванный перечень фактов, событий, чаще всего из области музыкальной цивилизации, не только не даст учащемуся «возможность усвоить в общих чертах все этапы эволюции музыкального искусства», как то желает составитель (предисловие), но и удаляет его от представления об эволюционном процессе, чрезмерно перегружая память, в ущерб наблюдениям над целостным процессом. Система таблиц состоит из двух синхронистических разделов: 1) «Данные из всеобщей истории» (преимущественно, истории культуры); 2) «История музыки». В каждом из этих разделов постоянно нарушается логическое правило единого основания деления. В первом смешаны условные периоды, имена, политические и военные события, факты истории пластических искусств, факты культурного развития; во втором — эстетические, теоретические идеи, история музыкальной цивилизации, музыкальных инструментов, и в то же время совсем нет эволюции форм музыкального языка и стиля; нет даже речи о развитии различных национально-музыкальных форм. Нет главного — этапов процесса и раскрытия его связности и эволюции.

В отношении исторической концепции недостает не только марксистского, но и иного какого-нибудь взгляда на историю. Смело можно было бы треть фактов выбросить, добавить элементарные сведения по истории музыкальных стилей и распределить материал хотя бы по таким рубрикам: 1) этапы по истории труда, экономики, как базис; 2) политические этапы (самые существенные); 3) этапы развития искусств и эстетической идеологии, 4) история музыкального языка у разных народов, история музыкальных стилей и форм.

Из серии об отдельных композиторах изданы — «С. В. Рахманинов» В. Беляева и «Морис Равель» Л. Сабанеева. Эти работы, особенно первая, далеко не порвали с отживающей в исторических науках «биографической» тради-

цией, которая заставляет автора блуждать между разнородными объектами его исследования: то психический тип художника, то его творческий процесс, то переживания», то анализ его произведений, обычно не отрываемых от творца и его созидательской работы. И необходимые «три периода» деятельности налицо в книге Беляева, давшего на-ряду с общебиографическими местами ценные анализы отдельных произведений. Книга Л. Сабанеева, хотя и лишена единства объекта и отчасти исторической перспективы (вместо нее много аналогий, из них три взяты, чтобы умалить значение нелюбимого автором Рахманинова), все же ближе к типу наблюдений над музыкой, ее существенными признаками; написана к тому же тонким, талантливым наблюдателем.

Оба путеводителя по операм — «Кармен» М. Иванова-Борецкого и «Евгений Онегин» В. Яковлева — прекрасно использовали давно привившийся на Западе метод исторического и тематического анализа оперы, известный и у нас (см. анализы опер Римского-Корсакова, В. Пятницкого). Сжатость изложения и вместе с тем полнота материала и прекрасный тематический анализ — большие достоинства путеводителя М. Иванова-Борецкого. Путеводитель В. Яковлева несколько перегружен архивным материалом.

Сергей Бугославский.

WALTER DAHMS. Die Offenbarung der Musik. Eine Apotheose Friedrich Nietzches. Musarion Verlag. München. S. 272.

ВАЛЬТЕР ДАМС. Откровение музыки. Апофеоз Фридриха Ницше. Мюнхен. Изд. Музарион. Стр. 272.

Изучение Ницше за последнее десятилетие по преимуществу обратилось к эстетическим проблемам его философии. Подробное обследование его художественного мировоззрения не может, конечно, обойтись без тщательного рассмотрения музыкальной эстетики Ницше. В этом отношении сделано еще сравнительно немного. Когда автору этих строк в 1921 году пришлось работать над данным вопросом (результатом чего явилась его небольшая брошюра «Ницше—философ-музыкант», Ленинград 1922), он не располагал ни одной крупной работой, объединяющей наши знания о Ницше как мыслителе звуков. Между тем, сам Ницше на всем протяжении своего пути ощущал свою чрезвычайную близость к музыке, и только случайные причины помешали ему избрать музыку своей профессией. Если Гете считал, что его настоящее призвание есть живопись, то Ницше, в том же смысле, может быть назван музыкантом.

Книга Дамса, небезызвестного в Германии исследователя музыкального романтизма, носит не систематический, а дифирамбический характер. Автор старается приблизиться к огненному письму самого Ницше, и вся работа проникнута каким-то исступленным пафосом. Это, конечно, очень вредит впечатлению от первой большой немецкой работы о Ницше-музыканте. Нет точной постановки проблемы, совершенно не прослежена эволюция взглядов Ницше на музыку от юношеских лет, когда им сделан был набросок новой музыкальной эстетики, до последнего этапа, когда музыка сделалась осью вращения его философской работы. Взят романтик-Ницше, Дамс мало восприимчив к острому скептицизму мыслителя. Но многое в книге подмечено верно, хорошо схвачено отношение Ницше к романтике звуков. Однако едва ли можно согласиться с автором в том, что «музыка тесно связана с религиозной догмой». Против такого утверждения всем своим существом восстал бы сам Ницше.

Евг. Браудо.

УРБАН ГАД. Кино. Перевод с немецк. С. И. Родовского. Под ред. К. М. Миклашевского и с предисловием А. И. Пиотровского. С. 30 рисунками в тексте. Российский Институт Истории Искусств. Ленинград 1924. Стр. 106. Тираж 5.000.

Датский режиссер Урбан Гад — один из первых пионеров художественной ки нематографии. Еще в начале десятых го-

дов текущего века он вместе с Астой Нильсен уходит из копенгагенской королевской драмы и целиком отдается постановочной работе в переживавшем тогда свой младенческий возраст искусстве кино. Работая сначала в датской, потом в германской кинематографии, он за период 1910—1920 г.г. поставил несколько десятков различных картин, имевших в свое время значительный успех и создавших Урбану Гаду известность одного из наиболее культурных работников среднеевропейского кино.

За последние 4—5 лет популярность Гада по сравнению с популярностью новых выдвинувшихся за послевоенное время немецких режиссеров (Э. Любич, Ф. Ланг, К. Грюне, Мурнау, Бергер, Л. Пик и др.) значительно поблекла. Но в истории кинематографии его имя безусловно останется, но не столько в качестве режиссера, сколько в качестве автора первой книги, пытающейся систематизировать кино-режиссерский опыт.

Книга эта написана около 1919 — 1920 г.г. и тогда же была издана на немецком языке в Берлине под заглавием *Urban Gad.* Der Film. Seine Mittel — seine Ziele. S. 283. Verlag Schuster und Loeffler in Berlin. Книга разбита на ряд глав, последовательно разбирающих все вопросы кино-постановочной работы. 1. Сценарий, 2. Кино-фабрика, 3. Приготовления к постановке, 4. Кино-актер, 5. Репетиции и съемки, 6. Съемки на натуре и кино-экспедиции, 7. Окончательная обработка фильмы и ее проктирование.

В связи с значительными новыми техническими и формальными успехами, которые одержала мировая кинематография за последние 4—5 лет, книга Гада в настоящее время кажется несколько устаревшей, и часть режиссерских и актерских рецептов звучит наивно. Тем не менее, насколько нам известно, до сих пор в европейской кино-литературе нет более удачного труда, систематически и в то же время популярно излагающего ход кино-производства, и посему инициативу издания его на русском языке необходимо приветствовать. Для учащихся кино-школ и всех интересующихся вопросами кино-производства такая книга могла бы быть весьма полезной. Но, к сожалению, само издание, как его выпустил Ленинградский Институт Истории Искусств, нельзя назвать удачным.

Во-первых, в переводе работа Гада значительно сокращена, почти вдвое, превратившись, таким образом, из крупной книги в весьма легонькую брошюру.

Во-вторых, несмотря на наличие трех «обработчиков» (переводчик, «редактор» и отменно безграмотный по части кино «автор предисловия»), книжка совершенно не советизирована. При разнице социальных установок — нашей и автора ее — это отсутствие дельных комментариев очень неблагоприятно сказалось на достоинствах книги.

В-третьих, брошюра нелепо иллюстрирована никакого отношению к делу не имеющими портретами «кино-звезд», начиная от действительно талантливой Мэри Пикфорд, кончая бездарнейшими Ферн Андрой, Лиа Марой и др. Эти портреты усугубили ее и без того легкомысленный вид.

И издательству Российского Института Истории Искусств, именуемому «Academia», следовал бы относиться к изданию книжек несколько серьезней.

Николай Лебедев.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» от 8 апреля с. г. был напечатан отчет о литературной дискуссии в клубе им. Сталина о разногласиях в литературной политике. К сожалению, отчет этот, выражаясь мягко, «искривил» мысли моего содоклада. С целью снять с себя ответственность за утверждения, приписанные мне автором отчета, я послал в редакцию письмо в 7 строк. Оно было напечатано в газете, увы, также в «искривленном» виде. Редакция газеты сочла возможным пройтись карандашем по моему письму, не спросив моего согласия. *Вяч. Полонский.*

Нариман Нариманов.

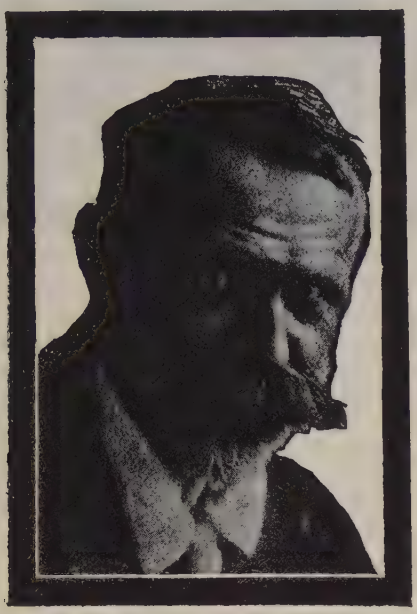
Н. Нариманов родился в Тифлисе в 1870 году; он происходил из беднейшей тюркской семьи. В 12-летнем возрасте тов. *Нариманов* поступил в Горийскую учительскую семинарию, по окончании которой он начал учительскую деятельность в селе Гизиль-Аджал Тифлисской губернии, где он впервые близко соприкоснулся с крестьянской жизнью. Год проработал тов. Нариманов в сельской школе. Затем, переехав в Баку и продолжая там преподавательскую работу, тов. *Нариманов* создает первую в мусульманском мире народную общедоступную библиотеку-читальню. В скором времени библиотека эта становится культурным центром для всего Закавказья. Первой литературной работой *Нариманова* явилась пьеса «*Невежество*», начатая еще во время обучения в учительской семинарии. По окончании семинарии тов. *Нариманов* перевел на тюркский язык «*Ревизора*» Гоголя.

Последующими литературными произведениями *Нариманова* являются «*Надир-Шах*» и «*Бегадир и Сона*». Первая пьеса была запрещена цензурой к постановке. Цензура увидела в ней пропаганду цареубийства.

В 30-летнем возрасте тов. *Нариманов*, желая теснее сблизиться с широкими народными массами, приступает к изучению медицины — и в 1902 году поступает на медицинский факультет Новороссийского университета (в Одессе). В 1905—1907 г.г. он становится одним из руководителей студенческих забастовок. По возвращении в Баку, он играет выдающуюся роль в качестве второго председателя съезда тюркских учителей Закавказья. Деятельность *Нариманова* не ограничивается Кавказом и простирается далеко за его пределы. Как литератор он корреспондирует во многие мусульманские газеты — турецкие, индийские и др.; как политический деятель он основывает первую социал-демократическую партию «*Ичмаюн-Амеюн*». За свою деятельность тов. *Нариманов* подвергается ряду репрессий со стороны царского правительства, арестовывается, заключается в Метехский замок и высылается на 5 лет в Астрахань. В это время он пишет свою знаменитую повесть «*Пир*». До 1917 года тов. *Нариманов* работает в подполье в организации «*Гуммет*», которая в 1918 году сливается с коммунистической партией.

С первого же дня Октябрьской революции тов. *Нариманов* занимает место в первых рядах борцов за Советскую власть в Закавказьи. В период временного торжества в Азербайджане соглашательских элементов, тов. *Нариманов* пишет два своих знаменитых письма председателю Азербайджанской республики *Усубекову* и духовному вождю Дагестана *Нажмуддин-Годзинскому*, в которых он указывает, что единственное средство улучшения положения мусульманских масс это—переход на сторону Советской власти. Эти письма в сотнях тысяч экземпляров распространялись по всему Кавказу. В 1920 году тов. *Нариманов* назначается председателем *Азербайджанского* ревкома, а потом избирается председателем Совнаркома Азербайджанской республики. С 1924 года тов. *Нариманов* являлся председателем ЦИК СССР [1]).

[1]) Источником для настоящих заметок послужили статьи, опубликованные в газете «Правда».



Юлиан Мархлевский.

22 марта в *Нерви* (Италия) скончался один из виднейших и старейших деятелей польского рабочего движения, старый коммунист тов. *Ю. Мархлевский*. Он был вместе с *Розой Люксембург* и *Тышко* основателем польского большевизма, С.-Д. Польши и Литвы.

В конце 80-х годов (1886 или 1887) по окончании Варшавского реального училища, тов. *Мархлевский* поступает рабочим на прядильную фабрику в Варшаве и становится красильщиком. В ноябре 1891 года *Мархлевский* за агитацию среди рабочих был арестован в Лодзи и переведен в пресловутый 10-й павильон Варшавской цитадели. В 1892 году он был выслан из пределов Российской империи, как иностранец. В 1895 году он окончил Цюрихский ун-т. После переезда в Дрезден, он редактировал вместе с *Парвусом* «Саксонскую Рабочую Газету», орган левого крыла германской социал-демократии. Еще в университетские годы, *Мархлевский* посвящал свои силы польской партийной агитации, писал в выходившем в Париже с 1893 по 1896 г. «Рабочем Деле», первом органе польской социал-демократии, затем в польском «Красном Знамени», в «Рабочем Обозрении», в «Социал-Демократическом Обозрении», писал для агитационных нужд польской партии воззвания, листовки, брошюры. В конце 1898 года саксонское правительство выселило Мархлевского из пределов Саксонии, и Мархлевский переезжает в Мюнхен. Оттуда он продолжает сотрудничать в «Саксонской Рабочей Газете» и одновременно состоит сотрудником берлинского «Форвертс» и «Неуе-Цейт». Начиная со следующего года, он сотрудничает в «Лейпцигской Народной Газете».

В 1903 году он написал обширный труд об общественно-экономическом положении прусской Польши. В 1904 г. он написал по-польски популярную (изданную потом на русском языке в России) книжку «Что такое политическая экономия»; в 1910 г. по-немецки «Ди Брандштетцунг дес дейчен Фолькс»,—агитационную брошюру против податных тягот милитаризма; в том же году по-польски популярную брошюру о том, что такое «доход»; в 1908 г. на польском языке—работу о положении еврейских масс в Польше.

В декабре 1905 года *Мархлевский* переезжает из Германии в Варшаву и сейчас же, как член главного правления партии, принимает самое энергичное участие в революционной работе до конца 1906 года, когда его опять арестовали. По освобождении весной 1907 года тов. *Мархлевский* принимает участие в ряде партийных заседаний и съездов. Во время империалистической войны он принимает живое участие в редакции революционного издания «Die Internationale», в котором пишет под псевдонимом *Кемпфера*. В 1916 году попадает в тюрьму—а оттуда в лагерь военнопленных, откуда в 1918 году, по требованию советского правительства, он был освобожден и вместе с другими пленниками отправлен в РСФСР. В 1919 году возвращается для работы в Германию, переезжает в Польшу и оттуда обратно в Советскую Россию. В Москве *Мархлевский* был представителем коммунистической партии Польши в Коминтерне, ректором и профессором коммунистического университета Запада, председателем ЦК МОПР. В 1920 г., во время похода Красной армии, *Мархлевский* был назначен председателем ревкома в Польше.

ХРОНИКА

СССР.

Московская Ассоциация пролетарских писателей.

▫ В настоящее время Ассоциация объединяет ряд литературных групп, районных рабочих и рабфаковских кружков, имеет отделения в подмосковных городах и ведет работу, также через свои секции, среди национальных меньшинств. В Ассоциацию входят; «Октябрь», «Молодая Гвардия», «Рабочая Весна», «Кузница» и «Твори». До 15-ти рабочих кружков Ассоциации рассеяны по районам Москвы.

▫ Ассоциация стремится согласовать работы не только литературных, но и др. художественных объединений пролетарских художников. Так заключено соглашение с Всероссийской ассоциацией пролетарских музыкантов с целью совместно сотрудничать в журналах, общими силами устраивать литературно-музыкальные вечера, радио-концерты и т. д. Такие соглашения, заключаемые Ассоциацией, преследуют также цели идеологического, организационного и профессионального объединения.

▫ В течение последних трех месяцев членами Ассоциации был осуществлен ряд выступлений: диспутов, вечеров, литературных чтений. Ассоциация выступала в ряде партийных, художественных и образовательных организаций и учреждений. В рабочих клубах при фабриках «Богатырь», «Гознак», б. Циндель и др., во Дворце Труда, в Пролеткульте, Доме Печати и «Центральном Доме Работников Просвещения», Академии Художественных Наук и мн. других.

▫ В день годовщины смерти Ленина Ассоциацией был организован специальный литературный вечер, на котором читались произведения, посвященные памяти Ильича. Этот вечер был затем повторен в «Красном зале» Московского Комитета партии. Был посвящен также вечер Ассоциации памяти скончавшегося тов. Нариман Нариманова.

▫ В конце марта под председательством Демьяна Бедного в Колонном зале Дома Союзов состоялся большой вечер пролетарской литературы. Вступительное слово сказал А. В. Луначарский. В вечере принимали участие не только члены Литературной Ассоциации, но и члены Всероссийской Ассоциации пролетарских музыкантов и Московский «Театр Чтеца».

▫ Среди докладов на теоретические и критические темы, прочитанных членами Ассоциаций, отмечаем следующие: тов. *Г. Лелевича:* «О пролетарской лирике», «Об основных моментах пролетарской критики» (Высш. Лит.-Худ. Институт им. Брюсова), «О пролетарских писателях и попутчиках» (Акад. Худ. Наук). Тов. *Либединского:* на тему «О пролетарской музыке» и *Гербстмана* — «О творчестве В. Казина». Среди намеченных докладов отмечаем тов. *В. Плетнева* — «Рефлексология и марксистское литературоведение» и тов. *Хмара* — «Народничество в современной художественной литературе».

▫ Из книг, выпущенных московскими и провинциальными издательствами, принадлежащих перу участников ассоциации, отмечаем следующие издания: сборник «Вагранка», — подготовленный участниками литературного кружка и изданный «Московским Рабочим». Тем же издательством выпущен сборник группы «Рабочая Весна»; Харьковским издательством «Пролетарий» издан сборник

стихотворений *А. Безыменского* и *А. Жарова* «Наш день». Государственным издательством издана антология современных пролетарских писателей, составленная *С. Родовым*.

▫ Вышли следующие книги стихов: *Г. Санникова* «Лениниада», *Г. Якубовского* «Песня крови», *В. Александровского* «Шаги». Проза пролетарских писателей представлена повестями *Ляшко*, изданными Мосполиграфом; «Комсомольскими рассказами» *Шубина*, изданными «Молодой Гвардией», переизданием книги *Серафимовича* «Железный поток» и изданиями «Земли и Фабрики»: *Рахилло* «Сын улицы» и *Ряховского* «Липовый дух». В издании Гиза вышел новым изданием «Чапаев» *Димитрия Фурманова* и его же книги «Мятеж», «Красный Десант».

«Кузница».

(Группа пролетарских писателей).

▫ В настоящее время в группе 43 действительных члена и 26 кандидатов. В правление входят т.т. *Ф. Гладков, Г Якубовский, В. Бахметьев, С. Обрадович, Н. Ляшко, Т. Дмитриев, Н. Полетаев, Д. Крутиков, Б. Леонтьев.*

▫ В секциях прозы и поэзии за последние месяцы проработаны роман, ряд повестей и рассказов (около 15), прочитаны поэмы и стихи. Авторы: *С. Обрадович, А. Соколов, С. Беляев, Д. Крутиков, Т. Петрова, Каманин, Н. Полетаев, В. Горный, И. Лукашин, И. Устинов, С. Фомин, П. Фролов и др.*

▫ *«Рабочий Журнал»* — двухмесячный орган «Кузницы», составляемый и редактируемый группой, вступил во 2-й год существования. На основе опыта минувшего года группа расширяет отделы «Р. Ж.»: науки, библиографии, а главным образом — «Рабочий быт и производство». Подготовительные работы к превращению «Р. Ж.» в ежемесячник закончены.

▫ Из заканчиваемых, неопубликованных и подготовленных к печати работ отдельных членов группы отмечаем.

— Сборник литературных статей *Г. Якубовского* «Литературные портреты». Рассказы и повести: *Н. Полетаева* — «Любови тов. Чубуковой»; *А. Новикова-Прибой* — «Большой рейс»; его же «За городом»; *Т. Петровой* — «Так надо»; *М. Волкова* — «Шиворот на выворот»; *Н. Ляшко* — «Доменная печь»; его же — сборник очерков — «Рабочий. Детство, юность, труд, любовь, поражения и победы»; *В. Бахметьева* — «Машинист»; *М. Овражина* «Водоворот»; *Баркаша* — «В заулках борьбы»; *Т. Дмитриева* — «На заводе»; *А. Макарова* — «На рельсах», *А. Бибика* — «Братишки», «День причастия», «Жестокая учоба» и др. Роман *Ф. Г. Гладкова* «Цемент» печатается в журнале «Красная Новь». Закончена поэма «Явь» *С. Обрадовича*.

«Твори».

(Группа пролетарских писателей).

▫ В группе 20 действительных членов и 8 кандидатов. Идеологически группа разделяет положения «Кузницы» и работает в контакте с последней. С января 1925 г. группой заслушано и разобрано 10 рассказов, отрывок из романа и ряд поэтических произведений. Из публичных выступлений группы наиболее характерны выступления в «Литературном Звене» и в «Петровской библиотеке». Члены группы являются сотрудниками «Рабочего Журнала».

Группа не-периодически выпускает сборники произведений своих членов,— 4-й сборник—«Клик» выйдет в издании «Прибой» в конце лета т. г. В мае месяце ряд членов группы уезжает на предприятия для изучения рабочего быта, производств и кооперации.

▫ Из неопубликованных и дорабатываемых членами группы произведений отметим следующие: *Н. Афрамеев* — «Слободка» — сборник рассказов; *Н. Молодцов* — «Нераскованные будни» — роман; его же — «Волчий брод»—рассказ; *В. Горный*—«Резьба по дереву»—рассказ; *Д. Крутиков*—«Переплет», «Баба», «Человек в седле—рассказы; *Кожевников*—«Волчья яма» — рассказ; *Богданов*—Стихи и *Кожевников*—«Рабочий Урал»—очерки.

В Высшем Литературно-Художественном Институте им. Вал. Брюсова.

▫ Из состоявшихся докладов отмечаем *Н. К. Пиксанова*—«Социологические моменты Пушкиноведения», в обсуждении которого приняли участие М. А. Цяв-

ловский, М. Д. Эйхенгольц, Г. Рачинский, Н. Л. Бродский и мн. др.

▫ В середине марта, в Российской Академии Художественных Наук состоялся публичный отчетный вечер *1-го выпуска Института*. На вечере были представлены все мастерские ВЛХИ. Присутствовали представители многих литературных организаций, журналов, органов печати и т. д. Доклад о 4-летней работе Института делал ректор Института В. П. Полонский. С приветствиями выступали А. В. Луначарский, П. С. Коган, П. Н. Сакулин и мн. др.

О критике и библиографии.

▫ По вопросам критики и библиографии Центральный Комитет Р.К.П. (б) принял постановление о необходимости всем периодическим изданиям поставить отделы критики и библиографии, как постоянные и политически важные отделы, в содержании которых должны быть учтены интересы и уровень развития того круга читателей, который данное издание призвано обслуживать.

ЦК считает, что особое внимание должно быть обращено на отделы критики и библиографии в изданиях, предназначенных для массового читателя. Рецензирование общественно-политической и массовой литературы по возможности должно носить форму последовательного и систематического руководства чтением и самообразованием.

Ввиду того. что художественная литература захватывает наиболее широкие круги читателей и является чрезвычайно важным средством идеологически-художественного воздействия на читателя, ЦК находит необходимым, чтобы в массовых периодических изданиях рецензированию беллетристики уделялось должное внимание и место.

Наконец в органах, обслуживающих крестьянского читателя, ЦК указывает на необходимость усиления руководства библиографией в области литературы по прикладным знаниям, прежде всего в области с. х.

Далее постановление ЦК дает ряд указаний, как поставить и улучшить отделы критики и библиографии в существующих центральных журналах и газетах, и поручает Отделу печати принять меры к улучшению отделов критики и библиографии в провинциальной печати.

▫ При Отделе печати ЦК РКП (б) организовалось Библиографическое Бюро, имеющее своей целью способствовать улучшению качества отзывов и рецензий и содействовать в постановке в периодических изданиях отделов критики и библиографии. Бюро охватывает все области литературы, имея в своем составе следующие секции: литературно-художественную, естественных наук, крестьянской литературы, по ленинизму и партстроительству, учебно-педагогической и советской и, наконец, профессиональной литературы.

Лекции, доклады, литературные вечера.

▫ Среди множества дискуссий и диспутов, состоявшихся в последнее время, отмечаем следующие: дискуссию о судьбах русской интеллигенции, в которой приняли участие Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский, М. Рейснер, П. Н. Сакулин, Ключников. Дискуссия происходила под председательством В. П. Полонского в большом зале консерватории и собрала многочисленную публику. В Колонном зале состоялась дискуссия о формальном методе в искусстве. Докладчиком выступал Н. И. Бухарин, говоривший на тему: «Формальный метод и марксизм». В споре приняли участие Б. Эйхенбаум, Викт. Шкловский, Г. Лелевич, В. П. Полонский и др.

▫ В Коммунистическом ун-те им. Свердлова, в Акад. Коммун. воспитания им. Н. К. Крупской, в Межевом Институте, в клубе им. Сталина при Ц.К. Р.К.П. состоялись дискуссии о литературе, в которой принял участие ряд литературных критиков, политических работников, писателей, журналистов и др.

▫ Среди состоявшихся в последнее время в «Доме Печати» литературных вечеров и докладов отмечаем следующие: «Вечер памяти ленских событий», на котором театром Пролеткульта была прочтена пьеса В. Плетнева «Лена»; вечер памяти Парижской Коммуны, дискуссии «Искусство в клубе» (вступ. слово тов. Жемчужный), «О сатире и юморе» (вступительное слово тов. Я. Шафир); вечер, посвященный Между-

народному Дню работницы; собеседования об Институте журналистики; доклады на темы: «Марксизм и дарвинизм», «Крестьянские революции на Западе» — к четырехсотлетию крестьянских войн в Германии, прочитанный Дживелеговым; доклад тов. Виленского-Сибирякова: Сун-Ят-Сен и пролетарская революция; доклад А. Цынговатова—Герцен и социальная революция, вечер группы поэтов «Кузница», вечер рассказов Закушняка и др. Отмечаем кроме того дискуссию «О фрейдизме и марксизме», занявшую два заседания и привлекшую к участию ряд научных работников, в том числе проф. Ермакова, проф. М. Рейснера, А. Залкинда, А. Корнилова, Ал. Лурия, Юринца и др.

▫ Состоялся доклад Ю. Верховского и С. Соловьева о Боратынском (литературная секция Академии Художественных Наук).

▫ В Комиссии по изучении Достоевского состоялся доклад В. Ф. Переверзева и А. Глаголева „Идеология журналов «Время» и «Эпоха»“ (РАХН).

▫ В физико-психологическом отделении состоялся доклад Челпанова «Роль подсознательного процесса в творчестве» (РАХН).

▫ При недавно состоявшемся съезде архивных деятелей была организована выставка изданий Центрархива, книг по архивному делу, а также материалов по технике архивного дела. Историко-революционным архивом устроена выставка материалов по истории организации III отделения, департамента полиции, охранных отделений, материалов по работе розыскных органов царского правительства. На выставке имеется также отделение революционного подполья, материал, иллюстрирующий жизнь политических на каторге и в ссылке и др.

▫ Ленинградский Русский Музей организует в ближайшее время выставку картин и рисунков художника Репина. На выставке впервые будут показаны произведения Репина, долгое время находившиеся в частных коллекциях, в том числе, напр., вариант «Запорожцев». Всего будет выставлено до 150 картин и рисунков.

Общество историков-марксистов.

▫ В начале марта в Москве организовалось общество историков-марксистов. На учредительном собрании общества, происходившем под председательством М. Н. Покровского, был избран совет общества, в состав которого вошли т.т.: *М. Н. Покровский, Н. Лукин, В. П. Волгин, С. Канатчиков, В. Полонский, А. Мартынов, Черномордик, Ц. Фридлянд, Горин, Рудаш, Панкратова, В. Максаков, М. Павлович, С. Мицкевич.* Председателем общества избран М. Н. Покровский, в секретариат избраны т.т. Шестаков, Горин и Панкратова.

Общество организуется в целях объединения и сплочения марксистских сил как Москвы, так и провинции. На собрании особенно отмечалась тяга к объединению, существующая в кругах историков и потребность в организации, которая, распространившись по Союзу, могла бы содействовать разрешению и согласованию многих проблем педагогической, научно-исследовательской и др. работ марксистов-историков. Общество предполагает организовать журнал. Устав общества разрабатывается в настоящее время и после окончательного утверждения будет опубликован.

В Ассоциации научно-исследовательских институтов.

▫ Благодаря ассигнованию комиссией А. И. Рыкова 200.000 рублей на нужды научных изданий и выделению Главнаукой около 20.000 рублей из этой суммы для издания работ членов и сотрудников научно-исследовательских институтов, входящих в состав Всероссийской Ассоциации, целый ряд научных работ сможет появиться в печати. Институтами подготовлены к печати и смогут быть изданными в течение 1925 года следующие работы:

По Институту истории.

▫ Сборник трудов Института, посвященный памяти А. Н. Савина, известного исследователя английской истории. Сборник включает следующие работы: Д. М. Петрушевского —«Памяти

А. Н. Савина», Б. М. Лавровского:—«Биографический очерк жизни А. Н. Савина»; С. Д. Сказкина—«А. Н. Савин, как учитель»; Е. А. Косьминского — «Труды Савина по истории Англии».

▫ Сборник авто-рефератов научных трудов, полностью не могущих быть изданными за недостатком средств. В этот сборник должны войти и доклады, прочитанные в Институте. Предполагаемое содержание сборника включает следующие работы: Е. А. Косьминского—«Английская деревня в XVII веке»; его же «Английская деревня по данным сотенных списков 1278—1279 г.г.»; В. М. Лавровского—«Обзор теории по вопросу об исчезновении крестьянства в Англии»; Н. П. Грацианского—«Традиции Каролингской эпохи в освещении Допша»; С. Д. Сказкина—«Отражение феодальной реакции в наказе Шампани»; Н. П. Лесникова—«Этюды о Великой Хартии Вольностей». В этот же сборник должны войти работы Г. М. Пригоровского—«Финансовая организация Египта в эллинистический период»; «Очерк истории возникновения утопий Евгимера»; работа Мароховец: «Крестьянское движение в Поволжьи в 39-м году» и Н. М. Дружинина—«Журнал землевладельцев в 1858—1860 г.г.».

▫ Институтом истории кроме того предполагается издание двух исследований: С. Б. Веселовского—«Исследование о происхождении поместного строя и крепостного права Московской Руси; П. Ф. Преображенского — «Тертуллиан и Рим» (Взаимоотношения Африканской и Средиземно-морской культур).

По Институту экономики.

▫ Второй том коллективной работы «О влиянии неурожаев на народное хозяйство России», осуществляемой под руководством В. Громана. В сборник должны войти работы Гернета, Зайцева, Минца, Никитского, Обухова и Череванина.

▫ Сборник докладов, прочитанных в Институте, включающий: П. Маслова—«О влиянии на производительность труда в сельском хозяйстве естественно-исторических и социально-экономических условий»; П. А. Вихляева—«Дифференциация земледельческих предприятий в условиях мирового хозяйства»; С. А. Первушина—«Материалы по хозяйственной конъюнктуре России за последние 50 лет»; Н. Д. Кондратьева—«К вопросу о понятии экономической динамики и конъюнктуры; С. А. Фалькнера—«Понятие экономической конъюнктуры».

По Институту археологии и искусствознания.

▫ Институтом предполагается опубликование работы В. А. Городцова — «Панфиловская стоянка III тысячелетия до нашей эры»; сборника статей научных сотрудников Института, в который войдут работы В. Е. Гиацинтова и проф. А. И. Некрасова и публикации памятников: Т. Н. Бороздиной-Козьминой, проф. А. И. Анисимова, М. И. Фабриканта, А. Н. Греча, проф. А. А. Сидорова, Г. В. Жидкова, проф. Б. М. Деникe, Н. А. Щербакова и В. В. Згура.

По Институту научной философии.

▫ Институтом предполагается опубликовать следующие работы: Кубицкого—«Материализм в системе Спинозы»; Сережникова—«К вопросу о философии Канта»; Л. И. Аксельрод (Ортодокс)—«Гносеология и философия истории Риккерта»; А. Варьяша—«Система Гуссерля и ее критика»; А. М. Деборина — «А. Риль».

По Институту языкознания и истории литературы.

▫ Институт предполагает в ближайшее время опубликовать первый том коллективной работы русской и романо-германской секций: «Изыскания в области истории и социологии реалистического стиля». В первый том войдут работы П. Н. Сакулина—«Определение стиля», В. М. Фриче—«Проблема стиля с марксистской точки зрения», В. Ф. Переверзева—«Два стиля в русской литературе XIX века», И. И. Гливенко—«Проблема реалистического изображения», М. М. Покровского и Н. Ф. Дератани—«Реализм в античной литературе».

▫ Кроме того Институтом готовится первый выпуск коллективной работы лингвистической секции — «Язык Ленина». В первом выпуске вслед за вводной статьей А. М. Селищева будут напечатаны работы: М. Н. Петерсона и Р. О. Шор — «Порядок слов в языке Ленина»; Д. Н. Ушакова — «Элементы разговорной речи в языке Ленина»; А. М. Селищева — «Архаизм в языке Ленина»; М. В. Сергиевского — «Неологизм в языке Ленина».

В Коммунистической Академии.

▫ Секцией права на 1925 год намечена к изданию серия переводных работ, которой предполагается дать общее заглавие «Буржуазное государство и право» (история и теория). В апреле будет сдан, в этой серии, приготовленный к печати том *Саньяка* «Гражданское законодательство Французской революции». Книга Саньяка является единственным трудом, охватывающим историю революционного законодательства Франции, начиная с 1789 года до Наполеоновского Кодекса.

▫ К началу лета заканчивается перевод и подготовка к печати тома Ориу: «Принципы публичного права»; автор— откровенный и последовательный сторонник буржуазного индивидуализма. Для современного читателя Ориу интересен как открытый противник, неприкрывающийся никакими высокими словами, делающий логические выводы из своих положений и потому обнажающий самую сущность буржуазного и капиталистического государства.

▫ В той же серии готовится работа Гумпловича—«История государственных учений». Автор ее яркий представитель теории насилия; он рассматривает историю государственных учений в связи с борьбой материальных интересов и вскрывает классовое содержание в идеологических построениях философов права и государствоведов.

▫ Наконец, в эту же серию войдет работа Острогорского—«Демократия и организация политических партий», рассматривающая историю демократии и политических партий в Англии и Америке.

▫ Секцией методологии Академии сдан в печать сборник работ членов секции «О статистическом методе»

▫ Кабинет международной политики приготовил к печати ежегодник, охватывающий проблемы мировой политики в 1924 году.

▫ В числе выпускаемых в ближайшее время Издательством Коммунистической Академии книг отмечаем следующие работы: В. Милютина—«Против ревизии Варги», Н. Осинского—«Мировые хозяйственные кризисы», Д. Кузовкова—«Распад и восстановление денежной системы» и Игнатова—«Очерки по истории Московского Совета».

▫ В Коммунистической Академии состоялось объединенное заседание К. А., Института Красной Профессуры и университета им. Свердлова, посвященное памяти Ю. Ю. Мархлевского.

▫ К апрелю 1925 г. Библиотека Коммунистической Академии насчитывает свыше 550.000 книжн. единиц. Периодическая печать представлена 2.262 названиями на 22 языках и 600 названиями газет.

▫ Первоначальный состав книжного материала отличался значительной пестротой и неопределенностью, особенно после выделения из состава библиотеки важных фондов, вошедших в библиотеку Института Маркса и Энгельса. С помощью созданного особого отдела комплектования работа по систематическому подбору изданий ведется с таким расчетом, чтобы, давая информацию по всем главным отраслям знания, библиотека могла сделаться и хранилищем исчерпывающей литературы по ряду специальных отраслей и вопросов. Главное внимание было обращено на собирание всех изданий официальных ведомственных и партийных учреждений за период революции. В результате этой работы, библиотека располагает в настоящее время богатейшим в Москве собранием изданий центральных советских и партийных учреждений, начиная с 1917 года.

▫ В связи с образованием в составе Академии новых научных институтов, ведется усиленное комплектование некоторых специальных отделов естествознания и начата работа по собиранию

исчерпывающей литературы о мировом хозяйстве.

▫ В 1925 году при библиотеке был организован библиографический отдел, который ведет теперь всю библиографическую работу Академии. Этим отделом начато библиографическое описание *материалов о 1905* годе имеющихся в б-ке. Отдел приступил к составлению *картотеки псевдонимов и авторов анонимных статей* нелегальных изданий революционных партий, и предполагается библиографическое описание этих изданий.

▫ Отдел, кроме того, составляет предметную библиографию статей периодич. изданий русских и иностранных, полученных б-кой в 1925 г.

▫ В текущем году приступлено к составлению *предметного каталога*. Представляя в России явление почти новое и в широком масштабе еще не применявшееся, этот каталог имеет задачей сгруппировать литературу по четко-сформулированным и научно-разработанным рубрикам в алфавитном порядке. Такой каталог сможет помочь и массовому читателю и специалисту в быстрейшей, точнейшей и тончайшей ориентировке в имеющемся книжном материале. Потребность в этом существует не только в рамках библиотеки Ком. Академии, — она обща ей с другими академическими библиотеками Москвы, получающими, подобно Ком. Академии, обязательные бесплатные экземпляры. Ввиду этого, каталогизационная обработка книг, общих 5 московским библиотекам, ведется в настоящее время в библиотеке Ком. Академии сразу для всех этих библиотек.

Институт К. Маркса и Фр. Энгельса.

▫ II том Архива К. Маркса и Фр. Энгельса на-днях выходит из печати. Весь том занят работой Фр. Энгельса «Диалектика в природе», текст которой в Архиве воспроизводится параллельно на немецком и русском языках.

▫ В середине лета выйдет III том Архива, в который войдет большая работа К. Маркса—«Философия права Гегеля» (около 12—14 п. л.). В этом же томе будет опубликована переведенная и приготовленная уже к печати рукопись Фр. Энгельса — «Изложение „Капитала“». Изложение охватывает, главным образом 1-ю часть I-го тома и занимает около 3—4 п. л.

▫ Среди научных работ Института, предположенных к опубликованию в III томе Архива отмечаем новую работу Д. Б. Рязанова по теории государства Ленина, продолжение работы А. М. Деборина по истории диалектики; составленную т.т. Э. Цобелем и П. Гайду, библиографию марксизма на иностранных языках за 1914—1924 г.г.

▫ Готовятся к печати следующие томы сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса: III, в который войдут кроме крупных работ «Святое Семейство», «Положение рабочего класса в Англии», целый ряд впервые публикуемых рукописей статей и др., в том числе совершенно неизвестные статьи К. Маркса из парижского «Vorwärts» от 1844 г., относящиеся к тому же году первые философские и экономические опыты Маркса — о феноменологии Гегеля, о Фейербахе и др.

▫ IV и V томы собрания сочинений включают в себя громадной научной ценности рукопись К. Маркса и Ф. Энгельса—«Немецкая идеология».

▫ В серии классиков социализма выходят в ближайшее время—XVIII том сочинений Плеханова, включающий работы «От идеализма к материализму»; «Основные вопросы марксизма» и др. и трехтомная работа Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли», издание значительно переработано и тщательно просмотрено.

▫ Из работ философского кабинета в печати находится II том сочинений Фейербаха, включающий в себя «Сущность христианства» и «Сущность религии». Сдана в печать «Философия права» Гегеля, появление которой приобретает особое значение в связи с публикацией в ближайшее время на русском языке рукописи Маркса об этой работе Гегеля.

▫ В портфеле философского кабинета имеются в приготовленном для печати виде: «Философия истории» Гегеля; том произведений Толанда, заключающий «Письма к Серене» и «Пантеистикон»,

2 тома сочинений Дидро и том произведений Гоббса.

▫ Институтом предпринимается издание маленькой научно-популярной библиотечки по теории, истории и практике марксизма, в которую войдут классические работы основателей марксизма и их учеников. Каждый томик б-ки в 5—7 п. л. будет заключать какую-нибудь из этих работ. Подготовляются первые 5 выпусков, среди которых в первую очередь будет опубликована, впервые в полном виде на русском языке, работа—Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». В этой же серии выйдет работа Энгельса о немецкой крестьянской войне. Библиотечка выходит под ред. Д. Б. Рязанова.

▫ Из работ Кабинета Социализма отмечаем приготовленную к печати Н. Преферансовым библиографию сен-симонизма, оуэнизма; Е. Д. Зайцевой приготовлена к печати Библиография утопий XVIII века, охватывающая эпоху до Бабёфа; составлен именной и предметный указатель к важнейшим немецким радикальным и социалистическим журналам 40-х годов.

▫ В ближайшее время Институт К. Маркса и Ф. Энгельса получает ряд фото-копий (фотографических снимков с оригиналов рукописей) из архива немецкой социал-демократии. Научная обработка фото-копий составляет в настоящее время целую, все более расширяющуюся, отрасль архивной работы Института.

▫ Д. Б. Рязановым сделаны в Лондоне летом 1924 года многочисленные (свыше 2.000) фотографические снимки с книг и газет, приобретение которых представлялось невозможным, но которые, благодаря фотографированию, сделаются легко доступными для изучения. Среди сфотографированных 703 брошюр имеются редчайшие произведения из эпохи английской революции, промышленной революции, а также сочинения, характеризующие влияние Французской революции на Англию. Имеются также произведения крупных экономистов. Сфотографирование газет («Diplomatic Review», 1868, «Volunteer Journal» 1862, «People's Paper», «The Free Press» 1856, «New-York Daily Tribune» 1851—1862) дает возможность с точностью изучить статьи Маркса и Энгельса, которые помещались в них.

▫ Институтом Маркса и Энгельса подготовлено и предпринимается издание собрания сочинений К. Маркса и Энгельса на немецком языке. С этой целью в Франкфурте на Майне организовано Институтом совместно с О-вом Исследования социальных проблем, издательское общество — Marx - Engels Archiv-Verlagsgesellschaft m. b. H.,— которому поручается все техническое выполнение всех публикаций Архива и собрания сочинений К. Маркса и Фр. Энгельса. Издание предполагает включить не только известные работы, но также и рукописи, незаконченные сочинения, неопубликованные статьи и отрывки. В издание включается и переписка Маркса и Энгельса. Общий объем издания 42 тома, из которых в 1925—26 году должны выйти из печати около 10 томов. I том включает произведения Маркса, написанные до сентября 1844 года. II том — сочинения Энгельса той же эпохи. III том включает сочинения Маркса и Энгельса, написанные в период между сентябрем 1844 и маем 1845 г. IV и V том заключают известную неизданную рукопись Маркса и Энгельса «Немецкая идеология». Наконец, XV том заключает работы Энгельса «Переворот в науке, произведенный господином Дюрингом», «Природа и диалектика» («Диалектика в природе») и др. Тома XXX—XXXIV, также выходящие в 1925—26 году, заключают впервые точно и полно воспроизводимую переписку между Марксом и Энгельсом.

▫ Следует отметить ряд ценных пополнений кабинетов библиотеки Ин-та, сделанных за последний год, особенно после поездки в 1924 году Д. Б. Рязанова за границу. Особенно обогатился кабинет Англии—почти вдвое—и в настоящее время история Англии представлена в Институте лучше, чем в какой-либо другой библиотеке СССР, а в некоторых своих частях, особенно по истории чартизма и по эпохе революции XVII века, библиотека английского кабинета может выдержать сравнение с лучшими собраниями Запада.

▫ Значительно пополнился кабинет политической экономии, особенно произведениями экономистов XVII, XVIII и начала XIX в.в., как например—коллекцией книг (82 тома) принадлежавших *Мак-Ляуду*, рядом работ *Масси*. Кабинет социализма обогатился рядом изданий — редких — социалистов-утопистов, особенно *Томаса Мора* и *Оуэна*.

▫ В кабинет философии помимо ряда произведений по естественным наукам, цитируемых Энгельсом в его «Диалектика в природе» — *Томсона*, *Гельмгольца*, *Фарадея*—поступил ряд книг, принадлежавших философу *Сиджвику*. Интересна также коллекция произведений немецкого спинозиста XVIII века Эдельмана, изучение которого делается возможным только благодаря этому собранию.

▫ Для кабинета Франции, помимо ценных источников по истории Великой Французской революции, приобретена исключительная по богатству коллекция брошюр и плакатов за период 1848—1917 г.г.—Кабинет Германии особенно пополнился литературой по Рейнской области, а также крупными сочинениями по аграрной истории Германии.—Кабинет права получил ряд произведений философов права начала XIX века (Ганс, А. Фейербах, Бентам, Грольман) и гегельянцев-криминалистов (Гельшнер, Абеб), а в кабинете социологии, благодаря приобретениям этого года, имеются почти полностью сочинения таких авторов, как Фробениус, Фрезер и т. д.

▫ Ряд справочных изданий, серий и журналов поступил не в отдельные кабинеты, а в общее пользование Института, в читальный зал. В музейном отношении следует отметить приобретение в Лондоне библиотеки «Коммунистического рабочего общества», основанного еще в 1840 году.

▫ В настоящее время библиотека располагает около 160 тысяч томов на $^{9}/_{10}$ каталогизированных, систематизированных и распределенных по кабинетам. Поступления 1924 и 1925 г.г. выражаются в количестве 30 тысяч томов.

▫ Библиотека в настоящее время располагает не только отдельными, редкими и ценными книгами, но целыми коллекциями, тщательно подобранными. В составе библиотеки имеются коллекции сочинений, характеризующих какую-нибудь эпоху, как например: чартизм, революцию 1848 года в Германии, Парижскую Коммуну; подборы сочинений какого-либо выдающегося в истории общественной мысли писателя—как, напр., Оуэн, Сен-Симон, Марат, Фихте и т. д.

Институт В. И. Ленина.

▫ В конце 1924 года Центральным Комитетом утвержден Совет Института, в состав которого вошли т.т.: Л. Б. Каменев, И. Сталин, Г. Зиновьев, Н. И. Бухарин, Томский, А. И. Рыков, М. Калинин, Угланов, Сокольников, В. Молотов, Н. К. Крупская, М. И. Ульянова, М. Лядов, М. Ольминский, С. Канатчиков, А. Бубнов, Ворошилов, Енукидзе, В. Куйбышев и Е. Ярославский. Во главе совета—Л. Б. Каменев—директор Института. Помощниками директора утверждены т.т.: И. П. Товстуха и Вл. Сорин.

▫ Среди ряда работ Института центральное место занимает подготовка улучшенного, дополненного и исправленного второго издания собрания сочинений В. И. Ленина, для которого производится ряд архивных, исследовательских, библиографических изысканий. Институт недавно обратился в печати ко всем работникам, ко всем читателям сочинений В. И., в особенности имеющим опыт пропагандистской работы, сообщить Институту все свои замечания и пожелания о необходимых изменениях в издании собрания сочинений. К участию в работах по этому изданию привлечены т.т.: И. П. Товстуха, Вл. Сорин, В. И. Невский, Крамольников, В. Слепков, А. Троицкий, Ст. Кривцов, С. Пионтковский, Н. Овсянников, К. Новицкий. Издание предполагается осуществить в течение 1925 г.

▫ Институтом начата подготовка *академического* издания собрания сочинений В. И. Ленина. К работе привлечен ряд специалистов.

▫ Среди других выпускаемых Институтом Ленина изданий отмечаем: воспроизведение неопубликованной до сих пор рукописи Вл. Ильича: «Товарищи рабочие! Идем в последний и решительный бой», относящейся к августу 1918 г.;

воспроизведение рукописи «О диктатуре пролетариата»; издание книги Алексеева и Швера «Семья Ульяновых в Симбирске».

▫ В ближайшее время предстоит публикация документов и материалов из архива Института В. И. Ленина, по вопросам гражданской войны. Просмотр архива для подбора материалов поручен т.т. А. Бубнову и С. Гусеву.

▫ За «Ленинскими Сборниками» сохраняется научно-исследовательский характер. Параллельно с публикациями «Ленинских Сборников» материал, помещаемый в них, будет издаваться отдельными тематическими выпусками, по возможности по периодам.

▫ К 30-летней годовщине «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», во главе которого стоял Вл. И., совет Института признал необходимым выпустить в 1925 г. от имени Института Ленина и Истпарта полный сборник прокламаций «Союза» и других материалов, относящихся к нему.

▫ В ознаменование 20-летней годовщины основания «Искры» предположено переиздание Истпартом старой «Искры», издание Истпартом и Институтом Ленина — всей переписки «Искры» с Россией; переиздание всех уже опубликованных материалов, относящихся к периоду «Искры» («Как чуть не потухла „Искра“» и др.).

▫ Институтом принят ряд организационных мер по упорядочению и расширению своей работы. Музей В. И. Ленина переведен в помещение «Музея Революции», разрабатывается план постройки особого здания для Института; привлекается ряд новых работников и др.

▫ Институтом готовится к печати библиография литературы о Ленине и ленинизме за 1924 г. под ред. И. В. Владиславлева; библиография иностранной литературы о Ленине и ленинизме под ред. Як. Черняка.

▫ В читальном зале библиотеки Института с 26 марта по 10 апреля была открыта выставка иностранной литературы о Ленине и ленинизме. На выставке была представлена литература на 47 языках; западно-европейских, дальне- и ближне-восточных и т. д. Всего было выставлено около 825 названий, в том числе 540 книг, и свыше 270 периодических изданий—журналов и газет, представленных теми №№, в которых имелись статьи, иллюстрации, посвященные В. И., переводы статей В. И. и т. п. Выставку посетил ряд партийных работников, участников пленума Исполкома Коминтерна и т. д. В организации ее принял участие ряд книгохранилищ и библиотек Москвы — библиотека Коммунистической Академии, библиотека НКИД и др.

▫ В настоящее время в библиотеке Института имеется до 40.000 томов литературы, из которых 10.000 исключительно ленинской, 15.000 подпольной и легальной,—в редких изданиях—революционной литературы. Среди последней имеются почти все первые издания произведений Ленина и комплекты старых большевистских газет и журналов.

▫ Библиотека состоит сейчас из 5 отделов: ленинской литературы, русской и иностранной; подпольной и редкой революционной литературы; текущей литературы по всем вопросам политики, экономики и проч.; периодической литературы и газетных вырезок; иностранной литературы.

▫ Библиотекой заканчивается составление алфавитно-библиографического каталога на подпольную, революционную литературу и предметного каталога на ленинскую литературу и на издания 1925 года. Последний составляется в библиотеке Коммунистической Академии.

▫ Библиотека обслуживает научно-исследовательскую работу Института по изучению Ленина и ленинизма; соответственно этому при комплектовании ее подбирается, во-первых: вся ленинская литература — книги, статьи, вырезки, плакаты, графика и т. д. и т. д. Подбор имеет целью сконцентрировать весь печатный материал, посвященный Ленину. Затем подбирается литература, освещающая эпоху, в которую жил Ленин, литература, которой пользовался Ленин, на которую он ссылается в своих литературных трудах, литература по истории партии и истории революционного движения в России и др. странах, наконец, подбирается литература по всем

вопросам, которым Ленин придавал огромное значение в деле социалистического строительства: электрификации, кооперации, научной организации труда, усовершенствованию Советского аппарата и т. п.

НА ЗАПАДЕ.

Общество культурного сближения между Англией и СССР.

▫ В конце 1924 года в Лондоне организовалось Общество культурного сближения между Англией и СССР. Президентом Общества был избран проф. Лондонского ун-та *Л. Т. Хобхаус*, председательницей комитета *Льювелин Девис*, товарищем председателя *Руфь Фрей*, членами от англичан: *Ашлей Дюкс*, *Л. С. Вульф*, *А. Роттштейн*, от русских: *В. Н. Половцева*, *Л. Ф. Герус* и *З. Венгерова*. Почетным казначеем Генри Мей и почетным секретарем Е. Рабинович.

▫ В течение декабря 1924 года Обществом были организованы три выступления: первый митинг общества собрал сотни представителей лучшей английской интеллигенции. Профессора, писатели, общественные деятели своим присутствием как бы желали подчеркнуть желание отмежеваться от черносотенной клики в Англии, ведущей бешеную травлю первой рабоче-крестьянской республики. На митинге было заслушано письменное приветствие *Л. Т. Хобхауза*, выступления *Сюзан Лоренс*, скульпторши *Клэр Шеридан*, журналиста *Харри Стивенса*, проведших некоторое время в Советской России и знакомых с разными сторонами жизни Союза. Параллельно с митингом была организована небольшая выставка художественных изданий Государственного Издательства и др., иллюстрировавшая печать Союза.

▫ В середине декабря Общество устроило публичную лекцию известного театрального критика Хенли Картера, автора недавно вышедшего труда «Новый театр и кинематограф в Советской России». Собрание происходило под председательством известного английского драматурга Ашлей Дюкса; в числе выступавших в обмене мнений были деятель рабочей партии Малон и писатель Харрисон. Лекция, сопровождавшаяся сотнями иллюстраций диапозитивов, вызвала живой интерес собрания.

▫ В начале 1925 года на собрании Общества д-р *В. Н. Половцева* сделала сообщение о своей поездке в Советскую Россию и дала яркую картину культурной деятельности в России во всех отраслях жизни. В числе выступавших были д-р *Дангтан*, бывший в Советской России летом 1924 года, ориенталист Ральф Фокс и член независимой рабочей партии Малон.

▫ Деятельность Общества выражается также в организации постоянной связи между различными английскими обществами, интересующимися жизнью Советской России, распространение правильной информации о Новой России в английской печати. К Обществу обращаются различные ассоциации, конгрессы с просьбой о присылке докладчиков по вопросам жизни Советской России. Так, недавно «Клуб 1917 года», основанный в честь русской революции, посвятил три вечера Советской России при активном участии общества. Первый доклад сделал Хенли Картер о «Новом Русском театре». Второй вечер был посвящен членам делегации тред-юнионов, недавно вернувшимся из Советской России. Джон Бромлей в докладе «Правда о Советской России» дал живую картину жизни рабочих клубов в СССР и всего уклада трудящихся масс нашей Республики; Джордж Юнг, переводчик при делегации тред-юнионистов, сообщил о посещении Грузинской Советской Республики. Третье выступление в клубе было посвящено вопросам просвещения в СССР. Докладчиками выступали Харри Стивенс и почетный секретарь о-ва Е. Рабинович. На собрании был дан отчет о январском Всесоюзном учительском съезде, на основании стенограмм его заседаний и его резолюций.

Обществом организуется также связь между СССР и Всемирным Союзом Про-

светительных Ассоциаций, подготовляющим Международный Конгресс в июле месяце 1925 года в Эдинбурге. Союз обратился с предложением организовать прочную связь с Советской Россией и передал через Общество свои приглашения Наркомпросу участвовать в Конгрессе.

▫ Общество в процессе работы разделилось на секции: литературную, научную, педагогическую, экономическую, театральную и художественную. Каждая секция разрабатывает самостоятельно получаемый материал и связана с бюро Общества через своих секретарей, английского и русского.

▫ Передовое английское литературное общество «The Poetry Book chop» пригласило Общество устроить чтение революционных русских поэтов в английском переводе. Собрание со вступительным словом З. Венгеровой состоялось 19 марта и прошло с большим успехом. Были зачитаны переводы Маяковского, Есенина и др. Подобное же литературное выступление намечено и на ближайшее время. Работы литературной секции идут под руководством З. Венгеровой.

▫ Научная секция под председательством Ричарда Грегори, известного редактора-издателя научного еженедельника «Nature», предполагает издавать периодический бюллетень, в котором будут помещаться авто-рефераты крупных русских ученых с целью осведомить английских ученых о жизни русской науки и подвинуть дело перевода выдающихся трудов на английский язык. В деле обмена научными изданиями с Советской Россией Обществу помогает *Хедикар* — библиотекарь Лондонского у-та; почетный секретарь секции д-р Парсон выехал в СССР с целью организовать дело обмена.

▫ В мае Общество организует выставку русского революционного плаката, книг, периодических изданий и стенных газет с целью выявить развитие социальной и культурной жизни рабочих и крестьян. Помещение для выставки предоставляется Советом Социологического Общества и председателем его видным ученым Виктором Брандфорт в «Леплей-Хауз». «Леплей-Хауз» является объединяющим центром для различных научных ассоциаций, как напр.: Английского Социологического Общества, Общества краеведения, Экскурсионных комиссий, Комитета социальных изысканий, Комитета по планировке городов-садов и мн. др.

▫ В середине января состоялась лекция члена Общества д-ра Стор-Бест по радио перед десятимиллионной, невидимой аудиторией. 25 марта состоялась вторая его лекция по радио-телефону. 27 марта был организован большой митинг общества, под председательством Анри Мей, на котором выступит Джон Бромлей с докладом о Советской России.

СПИСОК КНИГ, ПОЛУЧЕННЫХ РЕДАКЦИЕЙ ДЛЯ ОТЗЫВА.

Государственное Издательство. Москва — Ленинград.

В. Алексеев и А. Швер. — Семья Ульяновых в Симбирске. (1869—1887). Под ред. и с примечаниями А. И. Ульяновой (Елизаровой).

В. Невский. — Ленин как материалист в своих первых работах.

В. Маяковский. — В. И. Ленин.

В. Игнатьев. — Что такое Союз Советских Социалистических Республик. Беседы для рабочих и крестьян.

М. Покровский. — Марксизм в школе.

Б. Сверчков. — Гапоновщина и 9-е января 1905 года.

К. Радек. — Эра демократического пацифизма. Доклад при открытии курсов генерального штаба, прочитанный 31 сентября 1924 г.

Ю. Фролов. — Мозг и труд.

Е. Соломин. — Мастерская школьника.

Программа для школ взрослых повышенного типа. Вып. 1-й. Математика и графическая грамота. Вып. II. Страноведение и экономическая география.

Проф. С. Яковлев. — Учебник геологии для школ II ступени, техникумов и для самообразования.

Ч. Истмен (Охиджеза). — Старинные индейские рассказы.

М. Гремяцкий. — Первые люди на земле.

И. Ходоровский. — Народное образование в Советской Республике.

В. Маляренко. — Подсолнечник.

Агр. И. Колесников. — Бахчеводство.

Проф. В. Виппер. — Заповеди белорусского земледельца.

К. Ренард. — Лен на волокно (лендолгунец).

А. Дмитриев. — Луга и их пользование.

С. Кулжинский. — Кормовые травы на Украине.

М. Гремяцкий. — Гром, молния и электричество.

Альманах «Наши дни» № 5.

И. Степанов. — О душе, о загробной жизни, о боге и о бессмертии. Изд. 3-е. Из истории современных религиозных верований.

Г. Дохман-Гармиза. — Чарльз Дарвин среди молодежи.

И. Степанов. — Очерк развития религиозных верований.

Б. Лавровский. — Английский капитализм во второй половине XIX века.

А. Саймонс. — Социальные силы в американской истории. Приложение—И. Амтер: Революционное движение Сев.-Амер. Соед. Штатов.

В. Яковенко. — Записки партизана.

Ф. Пилли. — Проблемы оплодотворения.

А. Савин. — Наша внешняя политика.

А. Новиков-Прибой. — Во власти моря. (Рассказ.)

А. Серафимович. — На воле (Рассказ для детей).

И. Кузнецов.—Ленин и крестьянство.

В. Попков. — Семья Чуриловых.

Н. Степной. — Тернистый путь.

В. Инбер. — Цель и путь. Стихи. 1922—1924 гг.

С. Покровский. — Календарь природы.

К. Зеленина. — Старые русские граверы и литографы. Под ред. П. Муратова.

Франц Меринг. — Мировая литература и пролетариат. Сб. статей.

М. Вольфсон. — Очерки обществоведения в самом сжатом изложении С. Цитовича.

И. Степанов. — Происхождение нашего бога по Г. Кунову. Изд. 3-е.

В. Евгеньев-Максимов. — Очерки истории новейшей русской литературы. Этюды и характеристики.

В. И. Ленин. — Две тактики социал-демократии в демократической революции.

Н. Ленин (В. Ульянов). — Социалистическая революция и задачи просвещения. Изд. 3-е.

Е. Ярославский. — Жизнь и работа В. И. Ленина. 23-е апреля 1870—21 января 1924. Изд. 4-е.

А. И. Герцен. — Полное собр. соч. и писем. Под ред. Л. К. Лемке. Т. XXII.

Проф. В. Белоусов. — Организация труда в производстве (Биологические основы.)

К. Кекчеев. — Физиология труда.

Давайте работать! Практическое руководство по ручному труду. Сост. С. Порецкий под ред. А. Калачева.

А. Винтереальтер. — Практический курс природоведения. Ч. 1-я. Книга для ученика.

А. Немилов. — Что такое смерть.

А. Баранов. — Школьно-астрономический городок.

М. Евангулов. — Слесарное дело.

В. Карпов. — Основы электротехники.

Г. Граф. — От библии к Дарвину.

Н. Петров. — Английский капитализм на заре своего развития.

Н. Борисоглебский. — Святая пыль. Повесть.

Там Малакка. — Индонезия и ее место на пробуждающемся Востоке. Перев. с голландской рукописи Ф. Займовского.

А. Пассек. — Постройка одного тунеля. Рассказ.

А. Барбюс. — Рассказы. Пер. с франц. О. Мандельштама.

В. Маяковский. — Только новое.

Труды Ленинградского Общества естествоиспытателей. Т. LIV. Вып. 1-й. Протоколы заседаний, научные статьи и сообщения под ред. Д. И. Дейнека.

Ф. Кон. — Процесс Окладского.

Н. Ленин. — Карл Маркс. — Краткий биограф. очерк с изложением марксизма.

С. Гайстер. — Как поднять производительность труда.

Ликвидация безграмотности и малограмотности среди молодежи. Сб. статей и материалов.

С. Мстиславский. Очерки мирового рабочего движения.

И. Сталин. — Октябрьская революция и тактика русских коммунистов.

И. Волковичер. — Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше. Ч. I.

Е. Ярославский. — Учебник политграмоты для деревни. Ч. II.

Ф. Самойлов. — Воспоминания. Ч. III Иваново - Вознесенск, Петроград, Берн 1911—1914 гг.

Н. Грацианский. — Западная Европа в Средние века. (Источники социально-экономической истории.)

А. Дживелегов. — Начало итальянского Возрождения.

В. Казанский.—Электрический ток.

С. Григорьев. — Холод в природе и в технике.

Д. Горбов. — Жизнь и творчество Беранже.

М. Завадовский. — Этапы биологии.

Б. Великовский. — Жилищная нужда и кооперация. С предисл. Н. Мещерякова.

А. Брюханенко. — Новости русского и иностранного пчеловодства.

С. Медведева-Тер-Петросян. Герой революции (товарищ Камо). С предисл. П. Лепешинского.

Э. Миккельсен. — Во льдах Гренландии. Путешествие.

«Вперед» и «Пролетарий». Вып. 4-й. Первые большевистские газеты 1905 года. Со вступ. статьей Л. Ольминского.

Ф. Роттштейн.—Англичане в Египте.

К. Радек. — От Бебеля к Бармату. Как германская социал-демократия стала партией взяточников и спекулянтов.

И. Амтер. — Мировое освободительное движение негров.

З. Тетенборн. — Советское социальное страхование.

Пути Германии. Экономические факторы и социальные силы 1913—1924 гг. в фактах и цифрах. Сост. *Л. Полонская.*

А. Султан-Заде. — Персия.

В. Фесенков. — Лаплас.

Ламеттри.—Избранные сочинения. Перевод А. Деборина.

В. Сережников. — Ламеттри.

Е. Адамов. — Испания и Португалия.

Ц. Фридлянд. — Революция 1848 года и Парижская Коммуна 1871 года. (Тезисы для пропагандистов.)

Карл Маркс. — Капитал. В общедоступной обработке Ю. Борхардта.

С. Гусев. — Гражданская война и Красная армия. Сб. военных теоретических и военно-политических статей 1918—1924 гг.

Я. Шафир. — Очерки грузинской жиронды. Предисл. Л. Троцкого.

Н. Бухарин. — Империализм и накопление капитала. (Теоретический этюд.)

В. Молотов. — Ленин и партия за время революции.

Л. Войтоловский. — Очерки коллективной психологии и общественных движений.

А. Гамбаров. — Парижская Коммуна. Хрестоматия.

Проф. И. Огнев. — Микроскоп и первые работы с ним.

М. Нексэ. — На рассвете. Очерки Советской России. Пер. с датского Н. Кристенсен.

Ян Страуян. — Лесные братья.

Н. Каринцев. — Путешествие к южному полюсу. Путешествия Скотта, Шекльтона, Амундсена и др. великих исследователей.

В. Виленский-Сибиряков. — У-Пей-Фу. Китайский милитаризм.

К. Беркова. — Жизнь, ее проявления, происхождение и развитие.

А. Промптов и *А. Сунгуров.* — Очерки из жизни певчих птиц. Наблюдения и воспоминания.

П. Яльцев. — В дни Парижской Коммуны. Пьеса.

С. Заяицкий. — Стрелок Телль. Пьеса.

Э. Розенов. Против попов. Вып. 8-й. Ч. 3-я.

А. Гагарин. — Хозяйство, жизнь и настроение деревни.

Е. Ярославский. — Библия для верующих и неверующих. Ч. 1-я.— Сотворение мира. Ч. 2-я.—Книга Бытия. Ч. 3-я. — 2-я книга Моисеева — Исход.

Аграрное движение в капиталистических странах. Обзор под ред. и с введением Е. Варга.

Сун-Ят-Сен. — Капиталистическое развитие Китая. Под ред. и с предисл. В. Виленского-Сибирякова.

Город в произведениях художественной литературы. Пособие для школьной и политпросветительной работы. Сост. И. Владиславлев, О. Лейтнеккер и Б. Лукьяновский.

Д. Галанин. — Размеры изучаемого нами мира.

А. Дживелегов. — Возрождение. Собр. текстов итальянских, немецких и английских писателей XIV—XVI вв.

С. Атнагулов. — Башкирия.

Я. Захер. — Робеспьер.

Д. Фурманов. — Мятеж.

Группа «Освобождение Труда». — Из архивов Г. Плеханова, В. Засулич и Л. Дейча. Сб. № 3.

Пролетарские писатели.—Антология пролетарской литературы. Сост. Семен Родов, под ред. П. Когана.

В. Никольский. — Художественное оружие.

Е. Медынский. — Энциклопедия внешкольного образования. Т. I. Общая теория внешкольного образования.

В. Образцов и *В. Журавлев.* — Графическая грамотность. Черчение.

Проф. Ф. Меркель. — Анатомия человека с указаниями для практических врачей. Ч. 1-я. Введение. Общее учение о тканях, основы учения о развитии.

Проф. В. Гиляровский. — Введение в анатомическое изучение психозов.

Проф. Н. Кабанов. — Учебник анатомии человека в физиологическом освещении.

В. Федяевская. — Через преграды. Приключение молодого ученого в стране Далай-Ламы.

Проф. В. Михайлов. — Сап. Как с ним бороться и как от него уберечься.

Агр. П. Грацианов. — Растения-паразиты.

Проф. А. А. Сидоров. — Уголки Москвы. Миниатюры в гравюрах на дереве И. Павлова.

И. Евдокимов. — Провинция. Гравюры на дереве И. Павлова.

И. Н. Павлов. — Московские дворики. Гравюра. Вступ. статья В. Я. Адарюкова.

С. Вайсман. — Права трудящейся женщины по советским законам.

Е. Данько. — Настоящий пионер.

Е. Шварц. — Рассказ старой балалайки.

Е. Красин. — Зачем нам внешние займы.

Проф П. Штейнберг. — Разведение яблонь и груш. Изд. 2-е.

Е. Дроздовский. — Что должен знать рабочий и крестьянин о лесах СССР и их доходности.

Агр. В. Никольский. — Деревья — лучшая защита сел и деревень от пожаров.

Проф. В. Кочетков.—Что надо знать для удобрения земли порошками.

Проф. П. Бурдин. — Основы полевой культуры.

Центрархив. — Архивное дело. Вып. 2-й.

Крестьянки, укрепляйте советскую власть. Сб. к международн. женскому дню. Под ред. Лилиной.

А. Бажин. — Разметка. Редакция проф. И. Холмогорова.

Н. Наумов. — В дни Октября. Изд. 2-ое. Очерк.

А. Молок. — Парижская Коммуна и крестьянство. Проблема смычки города и деревни в революции 1871 года.

П. А. Лавров. — Парижская Коммуна 18 марта 1871 года. Изд. 4-е.

В. Сорокин. — О Парижской Коммуне 1871 г. (Беседа с пионерами.)

День Парижской Коммуны. Сб. материалов для клубов, под ред. Я. Нетупской.

Международный день работниц. Сб. материалов для клубов.

В. Ленин. — О международном рабочем движении. Сб. статей. Т. I.

Первая русская революция в Петербурге 1905 г. Сб. I. Ред. Ц. Зеликсон-Бобровского.

Психо-физиология труда. Сб. статей под ред. д-ра К. Кекчеева и В. Рабиновича.

Лариса Рейснер. — Уголь, железо и живые люди.

Падение самодержавия. — 27-е февраля (12-е марта) 1917 г. Сб. материалов для клубов. Под ред. Я. Нетупской.

С. Семковский. — Марксистская хрестоматия для юношества.

М. Вольф и *Г. Мебус.* — Статистический справочник по экономической географии СССР и др. государств. Под. ред. В. Дена.

Г. Зиновьев. — 6 дней. Рисунки Сварога и Симакова.

Вопросы искусства в свете марксизма. Сб. статей по ред. Д. Рязанова.

С. Конобеевский. — Электрическая лампочка.

А. Боули. — Очерки социальной статистики.

В. Милютин. — Новый период мировой экономики.

Э. Гежель. — Натуралист под тропиками. (Извлечение из «Indische Reisenbriefe.) Под ред. К. Тимирязева.

М. Гремяцкий. — Техника первобытного человека.

А. Родин.—Коперник.—Бруно.—Галилей. День борцов за науку в клубах молодежи.

А. Ставровский. — Закавказье после Октября.

Д. Заславский. — А. И. Желябов.

Станислав Ланцуцкий. — ППС. Польская социалистическая партия.

Демьян Бедный. — Сбор. сочинений. Редакция, вступ. статья и примеч. Л. Сосновского.

Барраль-Монферра. — От Монро до Рузвельта (1823—1905 гг.).

А. Шляпников. — Семнадцатый год. 2-я кн. Март.

А. Луначарский. — Театр и революция.

Ф. М. Достоевский. — Записки из Мертвого Дома. В сокращении И. В. Е.

Войнич. — Овод. Роман из итальянской жизни.

Очередные задачи работы в деревне. Постановления ЦК РКП (б).

Б. Вакс. — Испорченное представление, или старший лакей короля аглицкого. Театрально-экранное зрелище.

П. Замойской. — В деревне. Рассказ для детей.

Зикс. — Песня и труд.

С. Есенин. — Песнь о великом походе.

Е. Гуревич. — Чудеса человеческие.

Новиков-Прибой. Порченый. Рассказ.

А. Семенов. — Беседы о газах.

С. Подъячев. — Семейный разлад. Рассказы.

Г. Санников. — Лениниада. Фрагменты поэмы.

Назаров. — Как Настя без попа венчалась. (Рассказ.)

«Ткачи». — Пересказ по Гауптману А. В. Щегловой.

В. Дмитриева. — Ванька Беспризорный (Иван Кравец).

В. Явицкий. — Черное золото. О каменном угле.

Л. Иозефович. — Яровая пшеница.

Б. Гинзбург. — Заразные болезни и как с ними бороться.

Проф. В. Михайлов. — Заразные болезни рогатого скота.

Государственное Издательство Украины.

П. Пинскер. — Горное дело.

Я. Рятпо. — Реформа высшей школы на Украине в годы революции (1920—1924 гг.).

К. Лебединцев. — Введение в современную методику математики.

С. Канарский. — За что и как карает уголовный кодекс.

Н. Семковская. — Роза Люксембург.

П. Козакевич. — Металлы в орудиях войны и мира.

Г. Петровский. — 5 лет советской власти на Украине.

И. Сухоплюев. — Октябрины.

А. Сорокин. — Под орлом. Поэма.

С. Радугин. — Под красной звездой.

Библиографический указатель для школ рабочей молодежи. Под ред. Зарецкого.

Сборник *Профессору Н. П. Тринклеру.* Под ред. д-ра мед. В. Когана, проф. Кудинцева, проф. Ржевальского.

Сборник *Данилевскому.* — Под ред. д-ра В. М. Когана, проф. А. Палладина, проф. Я. Постоева.

Издательство «Московский Рабочий».

В. Куйбышев. — Ленин и кооперация.

С. Сотников. — Мотор — волшебник. Двигатель внутреннего сгорания.

К. Маркс. — Отрывки из произведений и писем. Собрано Францем Дидерих.

Татьяна Глебова. — Что сделал Ленин для раскрепощения женщины.

Е. Кантор-Давыдов.—У них и у нас.

Д-р. *Штильман.* — Крестьянская революция в Китае (1850—1864 гг).
Программа и устав Российской КП (б).

Издательство МГСПС «Труд и Книга». Москва.

Д-р *А. Штейнберг.* — Женщина и социальное страхование.

Издательство Кооперативного товарищества «Мир». Москва.

Проф. Э. Кирпатрик.— Основы педологии. Под ред. проф. Н. Виноградова.
Методы коллективного труда. Статьи А. Рубинштейна и А. Шингарева. Вып. 3-й.
Основные методы дошкольного воспитания. Статьи А. Вебер, М. Свентицкой и В. Федяевской. Вып. 4-й.
Методы работы в школах крестьянской молодежи и фабзавуча. Статьи Н. Иорданского, А. Козакова, В. Голубкова. Вып. 5-й.
Металлист. (История, быт, борьба.) Сост. Н. Бродский, С. Дзюбинский, Н. Мирский, В. Цветаев.
Транспортник. (История, быт, борьба.) Рабочий и крестьянин в социально-экономических очерках, художественных произведениях, мемуарах, диаграммах и картах. Сост. Н. Бродский, С. Дзюбинский, Н. Мирский, В. Цветаев.
На путях к педагогическому самообразованию. Под ред. М. Рубинштейна.

Издательство «Новая Москва». Москва.

И. Сапир. — Высшая нервная деятельность человека.
Дж. Флеминг. — Электроны, электрические волны и радиотелефон.
С. Вавилов. — Солнечный свет и жизнь земли.
Руководство по санитарной грамоте.

Изд-ство «Научная ассоциация востоковедения при ЦИК». Москва.

Д. Соколов, Н. Тихонович. — Сахалин. (Природа, население, богатства.)
Н. Нариманов. — Пир. Священный очаг. Повесть.
» Надир Шах. (Историческая драма.)
А. Ходоров. — М. Павлович. Китай в борьбе за независимость.

Кооп. издательство писателей «Никитинские субботники». Москва.

Пантелеймон Романов. — Рассказы.
А. Яковлев. — В родных местах. Рассказы.

Издательство «Недра». Москва.

Мартин Андерсен Нексэ. — Пелле победитель. Роман.
А. Яковлев. — Повольники. Рассказы.

Изд-ство «Новые Вехи». Москва.

Луи Деллюк. — Фотогения. —Кино. С предисл. Ю. Потехина.

Издательство Госплана СССР. Москва.

Д. Бухарцев. — План Дауэса. (Попул. очерк.)
С. Кукель. — Мировая электрификация.
Д. Бухарцев. — Семь лет нашей внешней политики.
Н. Лапинский. — Новая фаза империализма и ее экономические источники.
А. Костяков. — Перспективы мелиорации в СССР (Европейская часть).
С. Бобров. — Индексы Госплана.
Проф. *В. Варзар.* — Новый способ в построении показательных диаграмм.
Новая волость — район. — Материалы по районированию центр. промышленной области. Ч. 1-я.
Производительные силы центрально-промышленной области, под ред. К. Егорова.

Издательство «Земля и Фабрика». Москва.

Н. Рубакин. — Вещество и его тайны. Как построена вселенная из разных веществ.
Инж. *А. Кардаков.* — Из чего и как производится бумага.
А. Цветков-Просвещенский.—Июльские дни 1917 года.
Адольф Гейльборн. — История развития человека.
Чарльз Роберте. — Звериные малыши.
Курт Матул. — Том Хэнсом. Летчик.
Панаито Истрати. — Кира Киралина.
Джозеф Конрад. — (Собр. соч.). На взгляд Запада. Роман.
Джек Лондон. — (Собр. соч.) (1876—1916). Любовь к жизни.
А. Алтаев. — Стенькина вольница. Ист. роман.
И. Лупченков. — За чужие грехи.
Дети Борьбы. Сб. историч. рассказов. Сост. А. Алтаев.
Последний народный трибун. По роману Э. Бульвера.
Н. Варламов и А. Рудников. — Мюонг-Баа. (Пробуждение колоний.)
Рол. — Сб. IV.
А. Чеглок. — Киви. Рассказы.
» Вегетарианец по недоразумению.
» Два разбойника.
» Райские птицы.
» Морской бродяга.
» Поэ.
» Проигранное пари.
» По Австралии.

«Кооперативное Издательство». Москва.

Д-р *Л. Васильевский.* — Бойтесь знахарей и бабок.
Д-р *С. Регменский.* — Холера.
Д-р *А. Тогунова.* — Сыпной тиф и возвратный тиф.
Д-р *В. Любарский.* — Чахотка (туберкулез) взрослых и детей.
Д-р. *И. Сажин.* — Как действуют спиртные напитки на здоровье и трудоспособность.
Д-р *Е. Трапезонцева.* — Глазные болезни.
Е. Глотова. — Болезни, которыми человек заражается от домашн. животных.
П. Полозов. — Промысловый налог, патентный и уравнительный сборы. Под ред. А. Иогансена.
М. Дудников. — Какая польза от артельного хозяйства.
Л. Панов. — Женщина и кооперация.
Проф. *А. Бауер, А. Иогансен, В. Хижняков, Н. Хмелев.* — Коллективное земледелие. Справочн. книжка для земледельческих коммун, артелей и товариществ.
А. Бауер, С. Анисимов, В. Хижняков. — Справочная книжка сельского хозяина.
А. Земляк. — Где взять денег на хозяйство.
Проф. *А. Попов.* — Сыроварение.
Г. Вульф и А. Смирнов.— Счетоводство лесных артелей.
И. Конюхов.—Трудовые земледельческие артели и коммуны.
Список кооперативных союзов СССР на 1-е февраля 1925 г.
Адресно-справочная книжка кооператора и хозяйственника.
Календарь — записная книжка сельского хозяина на 1925 г. Сост. Г. Сушкин.

Издательство «Коммун. Университета им. Я. Свердлова». Москва.

А. Слуцкий. — Парижская Коммуна 1871 г.

Издательство «Прометей». Москва.

Г. Ландауэр. — Письма о французской революции. С предисл. проф. И. Бороздина. Т. I.

Издательство «Профинтерна». Москва.

Хоакин Маурин. — Анархо-синдикализм в Испании. С предисл. А. Нина.

Издательство «Рабочей Газеты». Москва.

Б. Келлерман. — Туннель. Роман.

Издательство «Сабашниковых». Москва.

Проф. *А. Дояренко.* — Крестьянские беседы. Практическое руководство на опытном поле.
Т. Кузминская. — Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. 1846—1862 гг.
Труды психиатрической клиники. Директор П. Ганнушкин. Вып. 1-й.

Издательство «Современные Проблемы». Москва.

Джон Пэрис. — Кимоно. Роман.
Н. Крашенинников. — Целомудрие. История подлинной жизни. Роман.
Сергей Клычков. — Сахарный немец. Роман.

Издательство «Книга». Москва.

Дионис Михали. — Электрическое дальновидение и телегор.
А. Александров и С. Балухатый. — Политпросветработа. Систематический указатель литературы с отделом по ленинизму.
Де Монзи. — В Россию и обратно. (От Кремля до Люксембургского дворца.)

Проф. *С. Лозинский.* — Классовая борьба в средневековом городе.
К. Гениш. — Фердинанд Лассаль. Человек и политик.
Проф. *Н. Вигдорчик.* — Очерки по профессиональной гигиене.
Проф. *Н. Вигдорчик.* — Общедоступные беседы по медицине.
А. Бенкен. — Как наглядно объяснить метрическую систему.
Н. Андреев. — К вопросу о понимании закономерностей в истории.
Луччано Цуккели. — Киф Тебби. (Африканский роман.)
Эдгар Уоллес. — Чик.
Ф. Юнг. — Джек Лондон как поэт рабочего класса.
Julius Löwy. — Профессиональные болезни. Вып. 1-й.

Издательство «Френкель». Москва — Ленинград.

С. Бройде. — В сумасшедшем доме.
Деревня XVIII — XX вв. в русской художественной литературе. Т. II. Редакция и прим. Н. Бродского и Н. Сидорова.

Издательство «Брокгауз и Ефрон». Ленинград.

Д. Егоров. — Записки солдата Берналя Диаза: 1. В погоне за золотом. 2. Золото и смерть.
Н. Кареев. — Томас Карлейль.
Д. Кончаловский. — Аннибал.
С. Платонов. — Иван Грозный.
Д. Егоров. — Генрих Шлиман.
С. Тхоржевский. — Стенька Разин.
А. Хоментовская. — Кастильоне, друг Рафаэля.
В. Никольский. — Б. Суриков.
В. Бузескул. — Перикл.
М. Приселков. — Нестор летописец.
Проф. *А. Пресняков.*—Александр I.
Г. Федотов. — Абеляр.
И. Мюллер. — Пять минут в день.
А. Гудван. — Очерки по истории движения служащих в России. Ч. 1-я — до революции 1905 г.
Проф. *А. Скворцов.* — Основы экономики земледелия. I. Факторы земледельческого хозяйства.

Издательство «Время». Ленинград.

Теодор Кениг. — Рекламы и плакат как орудие пропаганды.

Издательство «Колос». Ленинград.

В. Н. Фигнер. — После Шлиссельбурга.
П. Лавров. — Народники - пропагандисты 1873—1878 гг.

Издательство «Кооперация». Ленинград.

Б. Папаригопуло. — Американские боги. Пьеса в 4 д.
А. Пиотровский. — Смерть командарма. Драма в 3 д.

Издательство «Мысль». Ленинград.

Дети и театр. — Сб. статей под ред. Н. Шер.
Достоевский. — Статьи и материалы, под ред. А. Долинина. Сб. 2.
Современная литература. Сб. статей.
А. Лондр. — Каторга.
Р. Киплинг. — Строители мостов.
Джек Лондон. — Спарк.

Издательство «Новый Век». Ленинград.

Сергей Буданцев. — Мятеж. Роман.

Издательство «Прибой». Ленинград.

Два года работы по заветам Ленина. Сб. статей и материалов.
С. Пионтковский. — Февральские дни 1917 года. Попул. очерк.
Г. Зиновьев. — Рабочий класс и крестьянство.
Г. Зиновьев. — Работницам и крестьянкам.
П. Рымкевич. — Гиганты техники.
М. Рафаил. — 100.000 рабкоров.
С. Аскназий. — Народное хозяйство Сов. Республики за 1917—1924 гг.
В. Быстрянский. — Ленин как материалист-диалектик.
М. Вильом. — В дни Коммуны. Под ред. А. Молок.
К. Талес. — Парижская Коммуна 1871 г.
К. Шелавин. — Парижская Коммуна 1871 г.
А. Александров. — Библиография юношеского движения.
Хозе Ингеньеросс. — Введение в психологию. Принципы биологической психологии.
П. Лепешинский. — На повороте.
А. И. Герцен. — Былое и думы. В сокращенной обработке для рабочей молодежи Л. Щегло.
С. Терпигорев (С. Атава). — Крепостники и крепостные.
В. Каспарова. — Женщина Востока. Обзор.
М. Ракоши. — Итальянский фашизм.
Макс Бэр. — Англия сегодня.
Проф. *Н. Ермилов.* — Кинематограф. Его история, устройство и тайны.
М. Чесс. Елоп. Страницы из жизни Старова.
Е. Бломквист, В. Ибах, Л. Пескова. — Первобытный человек. Материальная культура и религия. Ред. и предисл. Н. Андреева.

Издательство «Путь к знанию». Ленинград.

Предмет и метод. — Сост. проф. С. Солнцев.
Теория ценности. Сост. И. Плотников.
А. Коленкин. — Русский город и его роль в прошлом и настоящем.
В. Федоров. — Поганкины Палаты во Пскове на фоне классовой борьбы в XVII в.
Акад. *С. Платонов.* — Социальный кризис смутного времени.
А. Введенский. — Торговый дом XVI—XVII вв.
Проф. *К. Пажитнов.* — Промышленный труд в крепостную эпоху.
Проф. *Б. Греков.* — Монастырское хозяйство XVI—XVII вв.
К. Пажитнов. — Положение рабочего класса в России. Т. I. Период крепостного труда.
К. Пажитнов. — Положение рабочего в России. Т. II. Период свободного договора в условиях самодержавного режима (с 1861 по 1905 г.).
К. Пажитнов. — Положение рабочего в России. Т. III. Революционный период 1905 по 1923 г.
Вернер Зомбарт. — Современный капитализм. Т. I. Введение. — Доканиталистическое хозяйство. — Исторические основы современного капитализма.
Карл Бюхер. — Восстания рабов 143—129 гг. до Р. Х.
Карл Бюхер. — Очерки экономической истории Греции.
Л. Брентано. — Народное хозяйство Византии.
Генри Осборн. — Человек древнего каменного века. Жизнь, среда, искусство.
В. Обручев. — Плутония. Необычайное путешествие в недра земли.
Ж. А. Рони-Старший. — Удивительное путешествие Гертона Айронкестля.
М. Зеленцов. — Ленинград как выход на морские пути мирового значения.
Эхо. — Иллюстрированные альманахи иностранной литературы.

Изд-ство «Буревестник». Краснодар.

Ф. Михалевский. — Закон трудовой стоимости.
Ф. Дингельштедт. — Причинность и целесообразность.
И. Струев. — Теория перманентной революции тов. Троцкого. Под ред. и с пред. И. Вардина.
Д. Плеханов. — Экономическая теория Родбертуса. С предисл. Л. Дейча.
В. Мотылев. — Прибавочная стоимость и социалистическое накопление в СССР.
Экономическое развитие России со второй половины XIX века до Февральской революции 1917 года. Сост. Н. Ванаг и С. Томсинский.

Издательство «Красная Книга». Орел.

А. Трифонов. Яровая вика.
А. Трифонов. — От трехполья к многополью.
И. Кисенко. — Уход за плодовым садом.
И. Платон. — Коза как молочное животное.
А. Харузин. — Земля и вода в огородничестве.
П. Горшин. — Огород крестьянина.
П. Лисицын.—Средне-русский клевер.
Посадка деревьев в средней полосе России.
Н. Рыбников. — Русская педологическая литература. Систематический указатель.
В. Беляев. — Вредители сада и огорода и борьба с ними.
Проф. *В. Хитрово.* — Начальная школа и краеведение.
А. Дернова-Ярмоленко. — Педологические основы воспитания.
П. Казьмин. — Активность в современной школе.
С. Горовой. — Справочник по новому правописанию.
Л. Семенов. — Неорганическая химия.
Проф. *В. Штефко.* — Влияние голодания на детский организм.
М. Францев. — Сенька с рудника.
И. Чикин. — Как Ванька пионером стал.

А. Герман. — Слушали — постановили. Рассказ для детей.

Методы изучения ребенка. Сб. статей. Н. Рыбникова, А. Шуберт, В. Артемова, М. Бернштейна. Под ред. Н. Рыбникова.

А. Колодная. — Психографическая схема для разработки географического материала.

Проф. *Н. Белов.* — Физиология типов. Под ред. акад. В. Бехтерева.

Проф. *Е. Малютин.* — Экспериментальная фонетика и научные основы постановки голоса.

М. Францев. — Рассказ о старом рояле.

Программа летней трудшколы Орловского губоно на 1924 год. Ч. 2-я.

Издательство «Основа». Иваново-Вознесенск.

А. Воронский. — Искусство как познание жизни и современность.

Издательство «Уралкнига». Свердловск.

А. Поликашин. — Почему была разбита первая русская революция в 1905 году.

Н. Ленин. — О религии.

Н. Ленин. — О кооперации.

Н. Ленин. — О концессиях.

Г. Зиновьев. — Коминтерн молодежи и его задачи.

С. Бессонов. — Современная Англия.

Н. Райвид. — Современный Китай Политико-экономический очерк.

5-й год. Сборник к 20-й годовщине революции 1905 года. Сост. Ф. Розенгауз.

Революционные годовщины в детских учреждениях. Красный календарь. Вып. 2-й. Сост. Р. Харитонов, В. Витте, Н. Березов.

Парижская Коммуна 1871 г. Сборник.

DATE DUE

GAYLORD			PRINTED IN U.S.A.